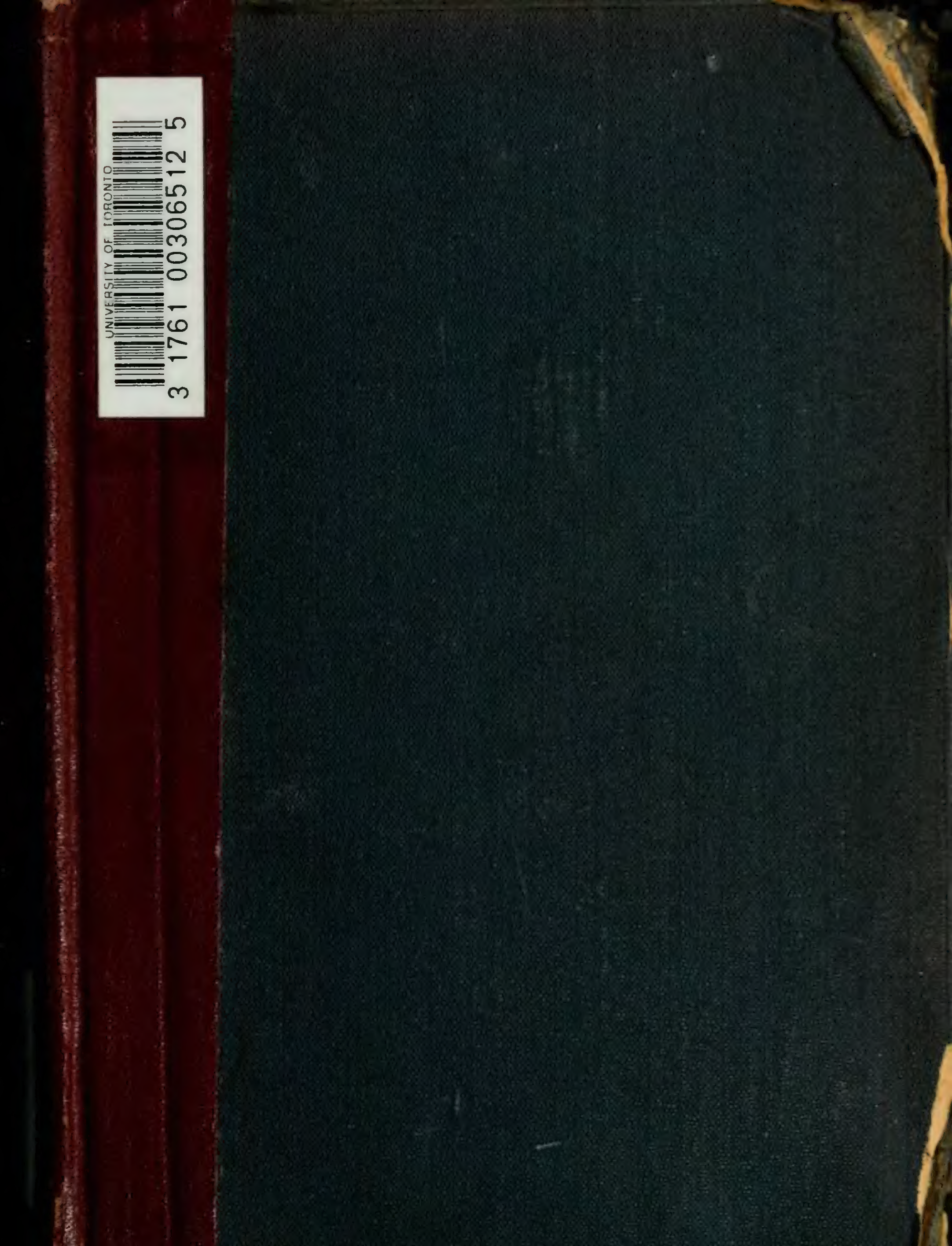

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00306512 5

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

Polnoe sobranie

СОЧИНЕНІЙ

Sochineny

П. И. МЕЛЬНИКОВА

[АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО].

2. izd.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Съ критико-біографическимъ очеркомъ А. А. Измайлова и съ приложеніемъ портрета П. И. Мельникова-Печерскаго.

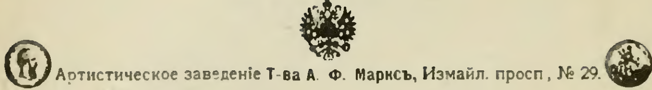
v. 3

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1909 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1909.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ВЪ ЛѢСАХЪ.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава первая.

Весеннія гулянки по селамъ и деревнямъ зачинаются съ качелей Святой недѣли и съ радуницкихъ хороводовъ. Онѣ тянутся вплоть до Петрова разговѣнья. На тѣхъ гулянкахъ водятъ хороводы обрядные, поютъ пѣсни завѣтныя — то остатки старинныхъ праздниковъ, что̀ справляли наши предки во славу своихъ развеселыхъ боговъ.

По чистому всполью, по зеленымъ рощамъ, по берегамъ рѣчекъ, всю весну молодежь празднуетъ веселому Яръ-Хмелю, богу сердечныхъ утѣхъ и любовной сласти... То-то веселья, то-то забавъ!.. Милованью да затѣйнымъ играмъ конца нѣтъ...

До солнечнаго всхода раздаются звонкія пѣсни и топотъ удалыхъ плясокъ на тѣхъ праздникахъ... Кромѣ дней обрядныхъ, лишь только выдастся ясный, тихій вечеръ, молодежь, забывъ у̀сталь дневной работы, не помышляя о завтрашнемъ трудѣ, рѣзво бѣжитъ веселой гурьбой на урочное мѣсто и до̀ свѣту водитъ тамъ хороводы, громко припѣвая, какъ «вокругъ города Царева ходилъ-гулялъ царевъ сынъ королевъ», какъ «въ Арзамасѣ на украсѣ собиралися молодушки въ единъ кругъ», какъ «ѣхалъ панъ отъ князя пьянъ», и какъ «селезень по рѣченькѣ сплавливалъ, свои сизыя крылышки складывалъ»... Слышатся въ тѣхъ пѣсняхъ помины про Дунай рѣку, про тихій Донъ, про глубокіе омуты днѣпровскіе, про широкое раздолье Волги матушки, про московскую рѣку Смородину... Лебеди бѣлые, со̀колы ясные, вольная птица жу-

ринька, кусты ракитовые, мурава зеленая, цвѣты лазоревые, духи малиновые, мосты калиновые — одни за другими вспоминаются въ тѣхъ величавыхъ, саповитыхъ пѣсняхъ, что̀ могли вылиться только изъ души русскаго человѣка на его безграничныхъ, раздольныхъ, о̀тъ моря до̀ моря раскинувшихся равнинахъ.

Не успѣли оглянуться послѣ Радуницы, какъ рѣки въ берега вошли и наступило пролѣтье... Еще день-два миновало, и прикатилъ теплый Микула съ кормомъ *). Гдѣ хлѣба довольно въ закрома̀хъ уцѣлѣло, тамъ Микулину дню брагу варятъ, меда̀ ставятъ, братчину-микульщину справляютъ, но такихъ мѣстъ немного. Вешнему Микулѣ за чарой вина больше празднуютъ.

Въ лѣсахъ на сѣверѣ въ тотъ день первый оратай русской земли вспоминается, любимый сынъ Матери Сырой Земли, богатырь, крестьянствомъ излюбленный, Микула Селяниновичъ, съ его сошкой дорога̀ чёрна дерева, съ его гужиками шелко̀выми, съ омешикомъ **) серебрянымъ, съ присо̀шками кра̀сна золота.

Микулу больше всего смердъ ***) чествовалъ... Ему, поильцу, ему, милостивому кормильцу, и честнѣе и чаще справлялъ онъ праздники... Ему въ почесть бывали пиры-столованья на братчинахъ-микульщинахъ ****).

Въ день Микулы съ кормомъ, послѣ пировъ-столованій у богатыхъ мужиковъ, заволжски ребята съ лошадьми всю ночь въ полѣ празднуютъ... Тогда-то въ ночной тишинѣ раздаются громкія микульскія пѣсни... Ими привѣтствуютъ наступающій день именинъ Матери Сырой Земли.

Микула-свѣтъ, съ милостью
Приходи къ намъ, съ радостью,
Съ великою благостью!
Держимся за сошку,
За кривую ножку...
Мать Сыра Земля добра,
Уроди намъ хлѣба,
Лошадушкамъ овсеца,
Коровушкамъ травки!..

Минулъ праздникъ Микулы, мину̀ли именины Матери Сырой Земли, съ первымъ сборомъ цѣлебныхъ зелій и съ Зи-

*) 9-го мая, когда поля совсѣмъ покрываются травой — кормомъ для скота.

**) Омѐжъ — сошникъ, лѐмехъ — часть сохи. Присо̀шекъ то же, что̀ полица — желѣзная лопаточка у сохи, служащая для отвалу земли.

***) Крестьянинъ, земледѣлецъ.

***) Какъ почитанье Грома Гремучаго при введеніи христіанства перенесли у насъ на почитанье Ильи-Громовника, а почитанье Воло̀са, скотьяго

лотовыми хороводами *). Глядь, честной Семикъ на дворѣ — завиванье вѣнковъ, задушныя поминки. Въ тотъ день подъ вечеръ, однѣ, безъ молодцевъ, сбираются дѣвушки. Надѣвъ зеленые вѣнки на головы, уходятъ онѣ съ пѣснями на всполье и тамъ подъ ракитовымъ кустомъ стряпаютъ «сборну яичницу», припѣвая семицкія пѣсни. Завивъ вѣнки, цѣлуются черезъ нихъ и «кумятся», при звонкихъ веселыхъ пѣсняхъ:

Покумимся, кума, покумимся,
Мы семицкою березкой покумимся.
Ой Дидъ Ладо! честному Семику,
Ой Дидъ Ладо! березкѣ моей,
Еще кумушкѣ да голубушкѣ!
Покумимся,
Покумимся,
Не сваряся, не бранясь.
Ой Дидъ Ладо! березка моя!

Тутъ же и «кукушку крестятъ». Для того, нагнувъ двѣ молодыя березки, связываютъ верхушки ихъ платками, полотенцами или лентами и вѣшаютъ на нихъ два креста-тѣльника **). Подъ березками разстилаютъ платки, кладутъ на нихъ сдѣланную изъ кукушкиныхъ слезокъ ***) птичку и, надѣвъ на нее крестъ, попарно дѣвушка съ дѣвушкой ходятъ другъ другу навстрѣчу вокругъ березокъ, припѣвая:

Ты кукушка ряба,
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушка,
Покумимся, голубушка,
Чтобы жить намъ, не браниться,
Чтобъ другъ съ дружкой не свариться.

Съ тѣхъ поръ семицкія кумушки живутъ душа въ душу цѣлыхъ три дня, вплоть до Троицы. Случается однако, что долгій язычокъ и до этого короткаго срока остужаетъ семицкое кумовство... Недаромъ говорится пословица: «Кукушку кстили, да языка не прикусили».

бога — на святого Власія, такъ и чествованье оратая Микулы Селяниныча перевели на христіанскаго святого — Николая Чудотворца. Оттого-то на Руси всего больше Николѣ Милостивому и празднуютъ. Весенній праздникъ Николаю Чудотворцу, котораго нѣтъ у грековъ, заимствованъ былъ русскими у латинъ, чтобъ пріурочить его къ празднику Матери Сырой Земли, что любитъ «Микулу и родъ его». Празднество Микулѣ совпадало съ именинами Матери Земли. И до сихъ поръ два народныхъ праздника рядомъ сходятся: первый день «Микулы съ кормомъ» (9-го мая), другой день (10-го мая) «именины Матери Сырой Земли».

*) Зилотовы хороводы справляются въ день, когда Земля именинница, 10-го мая. Въ тотъ день церковь празднуетъ апостолу Симону Зилоту. Оттого хороводы и зовутся Зилотовыми.

**) Тѣльникъ — крестъ, носимый на шеѣ.

***) Растеніе Orchis maculata.

А черезъ день отъ честнаго Семика — «клечальна суббота»... Въ тотъ день рубятъ березки, въ домахъ и по улицамъ ихъ разставляютъ ради Троицы, а вечеромъ послѣ всенощной молодежь ходитъ къ рѣкамъ и озерамъ русалокъ гонять. Всю семицку недѣлю, что слыветъ въ народѣ «зелеными святками», шаловливыя водяницы рыщутъ по полямъ, катаются по зеленой ржи, качаются на деревьяхъ, залучая неосторожныхъ путниковъ, чтобъ защекотать ихъ до смерти и увлечь за собой въ подводное царство дѣдушки Водяного. Всю троицкую ночь, съ березками въ рукахъ, молодые парни и дѣвушки рѣзво и весело, съ громкимъ смѣхомъ, съ радостными кликами бѣгаютъ по полямъ, гоняя русалокъ, а на солнечномъ всходѣ всѣ вмѣстѣ купаются въ водахъ, уже безопасныхъ отъ ухищреній лукавыхъ водяницъ... На Троицу у молодежи хороводы, на Троицу развиванье семицкихъ вѣнковъ, пусканье ихъ на воду и гаданье на нихъ... А у степенныхъ женщинъ и старушекъ на тотъ день свои заботы — идутъ онѣ на кладбища и цвѣтными пучками, что держали въ рукахъ за вечерней, прочищаютъ онѣ глазыньки родителямъ *).

И такъ день за день, недѣля за недѣлей, вплоть до Петрова дня... Что ни день, то веселье, что ни вечеръ, то «гулянка» съ пѣснями, съ играми, съ хороводами и гаданьями... Развеселое время!..

Въ скитахъ гулянкамъ мѣста нѣтъ... То бѣсовскія коби, твердятъ старицы бѣлицамъ, отъ Бога онѣ отводятъ, къ бѣсомъ же на пагубу приводятъ. То сатанино замышленье, врагъ Божій тѣмъ позорамъ людей научилъ, да погубитъ ихъ въ вѣчной мукѣ, въ гееннѣ огненной... Имѣли скиты вліяніе на окрестныя деревни — и тамъ водятъ хороводы не такъ часто, не такъ обрядно и не такъ весело, какъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Молоды ребята больше играютъ въ городки **), а дѣвушки съ молодицами сидятъ передъ ними на завалинахъ домовъ и рѣдко-рѣдко сберутся вмѣстѣ за околицу пѣсенокъ попѣть да походить въ хороводахъ вялой, неспѣшной поступью... Зато другія за Волгой забавы есть: катанья въ ботникахъ ***) по вешнимъ разливамъ съ пѣснями, а часто и съ ружейной пальбой, веселыя гулянки по лѣсамъ и вечернія посидки на берегахъ рѣчекъ... Опричь того есть еще особый

---

*) Пучками цвѣтовъ или березками обметаютъ онѣ могилы. Это и называется «прочищать глаза у родителей».

**) Городки, иначе чушки, рюхи — игра. Ставятъ рядъ чурокъ и сбиваютъ ихъ издали палками.

***) Маленькая лодка, выдолбленная изъ одного дерева.

родъ сходбищъ молодежи, только заволжскимъ лѣсамъ и свойственный.

Въ лѣсахъ Керженскихъ, Чернораменскихъ скиты стоятъ издавна, почти съ самаго начала церковнаго русскаго раскола. Одни еще по смерти своихъ основателей обезлюдѣли; другіе уничтожены во время «Питиримова разоренья» *). На мѣстахъ запустѣлыхъ скитовъ остались гробницы старцевъ и старицъ. Нѣкоторые изъ нихъ почитаются святыми. Къ этимъ-то гробницамъ и сходятся лѣтомъ въ извѣстные дни на поклоненье. Матери-келейницы служатъ тамъ «каноны за единоумершаго» и поставляютъ прихожимъ богомольцамъ привезенную съ собой трапезу. Оттого охотниковъ до богомолій на гробницахъ всегда бываетъ довольно. Подъ полами приносятъ они и штофы съ виномъ, и балалайки, и гудки, и гармоники. Только-что кончится трапеза, вблизи гробницы на какой-нибудь полянѣ иль въ перелѣскѣ гульба зачинается, и при этой гульбѣ какъ ни бьются, какъ ни хлопочутъ матери-келейницы, а какая-нибудь полногрудая бѣлица ужъ непремѣнно сбѣжитъ къ деревенскимъ парнямъ на звуки тульской гармоники.

Такія сборища бываютъ на могилѣ старца Арсенія, пришедшаго изъ Соловковъ вслѣдъ за шедшей по облакамъ Шарпанской иконой Богородицы; на могилѣ старца Ефрема изъ роду смоленскихъ дворянъ Потемкиныхъ; на пеплѣ Варлаама, огнемъ сожженнаго; на гробницахъ многоучительной матушки Голиндухи, матери Маргариты Одинцовской, отца Никандрія, пустынника Иліи, добрымъ подвигомъ подвизавшейся матери Фотиніи, прозорливой старицы Ѳеклы; а также на урочищѣ «Смольянахъ», гдѣ лежитъ двѣнадцать гранитныхъ необдѣланныхъ камней надъ двѣнадцатью попами, не восхотѣвшими Никоновыхъ новинъ пріяти **). Но самое главное, самое многолюдное сборище бываетъ въ Духовъ день на могилѣ извѣст-

*) Питиримъ — архіепископъ нижегородскій (1719—1738), извѣстный своими дѣйствіями противъ раскола въ заволжскихъ лѣсахъ.

**) Гробница Арсенія находится въ лѣсу, недалеко отъ уничтоженнаго въ 1853 году Шарпанскаго скита, близъ деревни Ларіонова. Могила Ефрема Потемкина въ тѣхъ же мѣстахъ, близъ деревни Зименокъ. Мѣсто, гдѣ сгорѣлъ Варлаамъ, показываютъ въ Поломскомъ лѣсу, вблизи скитовъ Улангера и Фундрикова. Могилу Голиндухи, современницы Софонтія и противницы Онуфрія (въ послѣднихъ годахъ XVII и XVIII столѣтій), указываютъ въ лѣсу между скитами Комаровымъ и Улангеромъ. Мать Маргарита Одинцовская схоронена близъ бывшаго скита Одинцовскаго въ лѣсу, недалеко отъ деревни Астафьевой; отецъ Никандрій неподалеку отъ села Пафнутова и деревни Песочной. Пустынникъ Илія и мать Ѳекла въ лѣсу, близъ Фундрикова скита; мать Фотинія въ лѣсу, неподалеку отъ гробницы Голиндухиной. «Смольяны» — мѣсто скита, основаннаго дворянами, выходцами изъ Смоленска, Потемкиными, изъ Москвы Салтыковымъ, изъ

наго въ исторіи раскола старца Софонтія. Его гробница въ лѣсу неподалеку отъ деревни Деянова.

Мать Манеѳа была очень довольна троицкой службой, отправленной въ ея часовнѣ. Отъ согласнаго пѣнія обученныхъ Васильемъ Борисычемъ пѣвицъ пришла она въ такое умиленіе, что не знала, какъ и благодарить московскаго посла. Осталась довольна и убранствомъ часовни, въ чемъ Василій Борисычъ также принималъ участіе. Онъ разставлялъ вкругъ аналогія цвѣты, присланные отъ Марьи Гавриловны, онъ украшалъ иконы, онъ густыми рядами разставлялъ березки вдоль часовенныхъ стѣнъ... Какъ было удержаться московскому пѣвуну отъ такихъ хлопотъ, когда тутъ были всѣ пригожія бѣлицы, весь правый клиросъ Марьюшкинъ, а въ томъ числѣ и полногрудая, румяная смуглянка Устинья Московка?..

— Ужъ какъ же я вами благодарна, Василій Борисычъ *), — говорила Манеѳа, сидя послѣ службы съ московскимъ посланникомъ за чайнымъ столомъ. — Истинно утѣшилъ, другъ... Точно будто я на Иргизѣ стояла!.. Ангелоподобное пѣніе!.. Изрядное осмогласіе!.. Дай тебѣ, Господи, добраго здоровья и души спасенія, что обучилъ ты дѣвицъ моихъ столь красному пѣнію... Ужъ такъ я много довольна тобой, Василій Борисычъ, ужъ такъ много довольна, что разсказать тебѣ не умѣю.

— Такихъ пѣвицъ, какія у васъ, матушка, подобраны — обучать дѣло не мудрое, — съ скромнымъ и ласкающимъ выраженьемъ въ лицѣ отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Хороши пѣвицы въ Оленевѣ, а до вашихъ далеко имъ...

— Вы это только одни пріятныя для насъ слова говорить хотите, а сами вовсе не то думаете, — съ лукавой усмѣшкой вступилась Фленушка. — Куда нашимъ дѣвицамъ до Анны Сергѣевны либо до Олимпіады, али до Груни келарной въ Аѳонасиной обители!

— И тѣ пѣвицы хорошія — охаить нельзя, — молвилъ Василій Борисычъ, обращаясь къ Манеѳѣ. — Зато въ пѣвчей стаѣ Аѳонасиныхъ нѣтъ такой согласности, какъ у васъ, матушка!

— Кланяйся, Марьюшка, благодари учителя, — засмѣялась Фленушка вошедшей на ту пору головщицѣ. — Тебѣ честь приписываютъ, твоему клиросу.

Пошехонья Токмачевымъ и другими, находятся въ лѣсу близъ Шарпана и деревни Малаго Зиновьева. Всѣ эти мѣста въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи.

*) Въ лѣсахъ за Волгой говорятъ: «благодаренъ вами», вмѣсто «благодарю васъ» и т. п.

Марья головщица быстро взглянула на Василья Борисыча, едва замѣтно пересмѣхнулась съ Фленушкой и потупила глаза, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Да, надо благодарить учителя, безпремѣнно надо, — говорила Манеѳа. — Ты бы вотъ, Фленушка, бисерну лѣстовку вынизала Василью-то Борисычу, а ты бы, Марьюшка, подручникъ ему шерстями да синелью вышила, а тебѣ бы, Устинья, поясокъ ему выткать хорошенькій.

— Охъ!.. Искушеніе!.. Напрасно это вы, матушка, — молвилъ Василій Борисычъ.

— За труды, другъ, за труды, — сказала Манеѳа. — Безъ того нельзя. У насъ въ лѣсахъ не водится, чтобъ добрыхъ людей оставлять безъ благодарности. Ужъ это какъ ты себѣ хочешь, а поминокъ отъ учницъ — прими, не побрезгуй ихъ малымъ приношеніемъ... Эхъ, какъ бы ты у меня, Василій Борисычъ, всѣхъ бы дѣвицъ перепробовалъ, да которы изъ нихъ будутъ способны, ту бы хорошенько и обучилъ. Вотъ ужъ истинно благодѣяніе ты бы нашей обители сдѣлалъ!.. Ну, да спасибо и за то, что надъ этими потрудился. Узримъ плоды трудовъ твоихъ, нàвѣкъ останемся благодарны.

— Какіе-жъ труды мои, матушка? — съ смиренной улыбкой говорилъ на то Василій Борисычъ. — Никакихъ мнѣ трудовъ тутъ не было. Самому пріятно было... Нè за что мнѣ подарковъ приносить.

— Со своимъ уставомъ въ чужой монастырь, Василій Борисычъ, не ходятъ, — отвѣчала Манеѳа. — Со вторника за работу, дѣвицы!

— Искушеніе! — проговорилъ Василій Борисычъ и молча допилъ простывшую передъ нимъ чашку чая.

— А ты ужъ, Василій Борисычъ, хоть сердись на меня, хоть не сердись, а я тебя изъ обители скоро не выпущу, — послѣ недолгаго молчанья сказала Манеѳа. — По тому дѣлу, по которому посланъ ты, обсылалась я съ матерями, и по той обсылкѣ на Петровъ день будетъ у насъ собраніе. Окромѣ здѣшнихъ матерей, Оленевски ко мнѣ пріѣдутъ, изъ Улàнгера тоже, изъ Шàрпана, изъ другихъ скитовъ кое-кто. Изъ Городца обѣщали быть и съ Горъ *)... Мы missing

— Право, не знаю, матушка, что̀ сказать вамъ на̀ это, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Больно бы пора ужъ мнѣ въ Москву-то. Тамъ тоже на Петровъ день собраніе думали дѣ-

*) То-есть съ праваго берега Волги.

лать... Поди, чать, заждались меня... Шутка ли! Больше десяти недѣль, какъ изъ дому выѣхалъ.

— Да что у тебя дома-то?.. Малы дѣти, что ли, плачутъ?.. Отчего не погостить?.. Не попусту живешь... Поживи, потрудись, умиренія ради покоя христіанскаго, — сказала Манеѳа.

— Охъ, искушеніе! — со вздохомъ проговорилъ Василій Борисычъ. — Боюсь, матушка, гнѣва бы на себя не навести... И то на Вознесенье отъ Петра Спиридоныча письмо получилъ — выговариваетъ и много журитъ, что долго замѣшкался... Въ Москвѣ, отписываетъ, много дѣла есть... Сами посудите, — могу ли я?

— Завтра же напишу Петру Спиридонычу, — перебила Манеѳа. — И къ Гусевымъ напишу, и къ матушкѣ Пульхеріи. Ихняго гнѣва бояться тебѣ нечего — весь на себя сниму.

— Искушеніе!..— со вздохомъ молвилъ Василій Борисычъ.— Опасаюсь, матушка, вотъ какъ передъ истиннымъ Христомъ опасаюсь.

— Инъ вотъ что сдѣлаемъ, — сказала Манеѳа: — отпишу я Петру Спиридонычу, оставилъ бы онъ тебя въ скитахъ до конца собраній и отвѣтилъ бы мнѣ безпремѣнно съ первой же почтой... Каковъ отвѣтъ получимъ, таково и сотворимъ. Велитъ ѣхать — часу не задержу, остаться велитъ — оставайся... Ладно ли такъ-то будетъ?

— Нечего дѣлать, — пожавъ плечами, отвѣтилъ Василій Борисычъ и будто случайно кинулъ задорный взоръ на Устинью Московку. А у той во время разговора московскаго посла съ игуменьей лицо не разъ багрецомъ подергивало. Чтобы скрыть смущенье, то и дѣло наклонялась она надъ скамьей, поставленной у перегородки, и мѣшкотно поправляла съѣхавшіе съ мѣста полавошники.

— А тѣмъ временемъ мы работы для подаренья Василью Борисычу кончимъ, — молвила Фленушка.

— А вы на то не надѣйтесь, работайте безъ лѣни да безъ волокиты, — молвила Манеѳа. — Недолго спите, недолго лежите, вставайте поранѣ, ложитесь попозже, дѣло и станетъ спориться. На ваши работы долгаго времени не требуется, недѣли въ полторы можете все исправить, коли лѣниться не станете... Переходи ты, Устинья въ келью ко мнѣ, у Фленушки въ горницахъ будете вмѣстѣ работать, а спать тебѣ въ свѣтелкѣ надъ стряпущей... Чать, не забоишься одна?.. Не то Минодорѣ велю ложиться съ тобой.

Радостью глазки у Василья Борисыча сверкнули. Та свѣтелка рядомъ была съ задней кельей, куда его помѣстили. Чуть-чуть-было онъ вслухъ не брякнулъ своего: «искушенье!»...

А Устинья застѣнчиво поднесла къ губамъ конецъ передника и тихо промолвила:

— Чего-жъ, матушка, бояться во святой обители?

— Скажи матери Ларисѣ — указала я быть тебѣ при мнѣ, — сказала Манеѳа. — Сегодня же перебирайся.

До земли поклонилась Устинья Московка игуменьѣ. Честь великая, всякой бѣлицѣ завидная — у игуменьи подъ крылышкомъ жить.

— А я бы, матушка, если благословите, сегодня же подъ вечерокъ въ путь бы снарядился! — молвилъ Василій Борисычъ.

— Куда Богъ несетъ?—спросила Манеѳа.

— Имѣю усердіе отцу Софонтію поклониться, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Завтра, сказываютъ, на его гробницѣ поминовеніе будетъ, такъ мнѣ бы очень желательно тамъ побывать.

— Доброе дѣло, Василій Борисычъ, доброе дѣло. — одобряла московскаго посланника Манеѳа. — Побывай на гробницѣ, помяни отца Софонтія, помолись у честныхъ мощей его... Великій былъ радѣтель древляго благочестія!.. Отъ усть его богоданная благодать, яко свѣтолучная заря на Кѐрженцѣ и по всему христіанству возсіяла, изъ рода въ родъ славнà память его!.. Читывалъ ли ты житіе-то отца Софонтія?

— Не приводилось, матушка, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Очень оно рѣдкостно... Сколько книгъ ни прочелъ, сколько «Сборниковъ» да «Цвѣтниковъ» на вѣку своемъ ни видалъ, ни въ одномъ Софонтіева житія не попадалось.

— «Сказаніе о житіи и жизни преподобнаго отца нашего Софонтія и отчасти чудесъ его» точно что рѣдкостно; мало гдѣ найдется его, — молвила Манеѳа. — Ты послушай-ка, вотъ я разскажу тебѣ про нашего Кѐрженскаго угодника, про скитскаго молитвенника, преподобнаго и богоноснаго отца нашего Софонтія... Былъ священноинокомъ въ Соловецкой киновіи, крещеніе имѣлъ старое, до патріарха Никона, хиротонію же новую, отъ новгородскаго Питирима... Пришелъ отецъ Софонтій въ здѣшнія страны и поставилъ невеликій скитокъ неподалёку отъ Деянова починка, въ лѣсу. Первый онъ былъ въ здѣшнихъ лѣсахъ священникъ новой хиротоніи... Съ него и зачалось «бѣгствующее» отъ великороссійской церкви священство... А до пришествія Софонтіева на Кѐрженецъ, на Смольянахъ у бояръ Потемкинымъ да у Салтыкова жилъ черный попъ Діонисій Шуйскій, пребывая въ великомъ подвизѣ, да Трифилій іерей, пришедый изъ Вологды, да черный попъ Сергій изъ Ярославля... И тѣ отцы стараго рукоположенья

соборнѣ пріяли отца Софонтія... И жилъ отецъ Софонтій въ здѣшнихъ лѣсахъ немалое время, право правяще слово истины... Церковные обычаи утвердилъ, смущенія и бури на церковь Божію отъ Онуфрія воздвигнутыя утишилъ, увѣщающе возмутителей и приводяще имъ во свидѣтельство соборныя правила... Подвиги же его духовные и труды тѣлесніи кто исповѣсть?.. И по множѣхъ подвизѣхъ теченіе свершии — ко Господу отыде... И честныя мощи его нетлѣнны и цѣлокупны во благоуханіи святыни почиваютъ... Великія исцѣленія подаютъ съ вѣрою къ нимъ притекающимъ... И въ томъ всѣ христіане въ нашихъ лѣсахъ увѣрены довольно.

— Сказывали, матушка, про отца Софонтія, что людей онъ жигалъ. Правда ли это? — спросилъ Василій Борисычъ.

Нахмурилась Манеѳа, взглянувъ на совопросника.

— Не намъ судить о томъ, — строго сказала она. — Намъ ли испытывать дѣла отецъ преподобныхъ?.. Это съ того больше взяли, что Софонтій священноинока Варлаама съ братіею благословилъ въ келіи сгорѣти... А смутьяны Онуфріева скита въ вину ему то поставили, на Вѣтку жалобны грамоты о томъ писали, а съ Вѣтки отца Софонтія корили, обличить же не обличили... А хотя бы и вправду людей онъ жигалъ?.. Блаженъ изволъ о Господѣ!.. Это нынѣшнимъ слабымъ людямъ, прелестію міра смущеннымъ, стало на удивленье, а прежнимъ ревнителямъ древляго благочестія было за всеобдержный обычай... Оттого-то теперешни люди не токмо дивуются, но хулятъ даже сожженіе грѣшныя плоти небеснаго ради царствія... Крѣпости прежней не стало, по Бозѣ ревности нѣтъ — оттого и хулятъ... Не читалъ развѣ, что огненное страданіе угашаетъ силу огня геенскаго?..

— Читать-то читалъ, матушка, — потупясь, отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Какъ не читать?.. А что-жъ это вы про отца Варлаама помянули? — спросилъ онъ Манеѳу, видимо желая отклонить разговоръ на другое. — Про него я что-то не слыхивалъ.

— Изъ здѣшнихъ же отцовъ былъ, изъ керженскихъ, — сказала Манеѳа. — Жилъ въ пустынной кельѣ съ тремя учениками... Въ Поломскомъ лѣсу недалеко отъ Улангера, на рѣчкѣ на Кѐзленцѣ, келья у него была. До сихъ поръ благочестивые люди туда сходятся поклониться святому пеплу Христа ради сожженныхъ... Пришелъ Варлаамъ въ здѣшніе лѣса изъ Соли-Галицкой, а въ Соли-Галицкой былъ онъ до того приходскимъ попомъ въ никоніанской церкви... Познавъ же истину, покинулъ тамошній градъ и паству свою, хотя пустыню лобызати и въ преданіи святоотеческомъ пребыть...

Принятъ же былъ отъ отца Софонтія вторымъ чиномъ, постриженія иноческаго отъ руки его сподобился и, живя безысходно въ келіи, всѣ священныя дѣйства надъ приходящими совершалъ. Много душевнымъ гладомъ томимыхъ, много спасенія жаждущихъ въ пустыню къ нему притекло, онъ же, исправляя *) ихъ, причащалъ старымъ запасомъ **), что отъ лѣтъ патріарха Іосифа былъ сохраненъ. Книгъ же имѣя довольно, отовсюду собираше правовѣрныхъ на книгоученіе, утверждая ихъ въ древлемъ благовѣріи. Увѣдали о томъ мірскіе галицкіе начальники и послали ратныхъ людей со всеоружіемъ и огненнымъ боемъ изыскать отца Варлаама и учениковъ его... И болѣ шести недѣль ходили ратные люди по лѣсамъ и болотамъ, ищучи жительства преподобнаго. Онъ же божественнымъ покровомъ прикровенъ избѣжа рукъ мучителевыхъ... Тогда изыде Варлаамъ изъ пустыни и пріиде къ отцу Софонтію совѣта ради, что сотворити при таковомъ тѣсномъ обстояніи... И много бесѣдоваху преподобные отцы отъ святого писанія и всю нощь пребыли въ молитвахъ и псалмопѣніяхъ. И благословилъ пречестный отецъ Софонтій того пустынножителя Варлаама огненною смертію животъ свой скончати, аще пріидутъ къ нему ратные люди, лести же ихъ отнюдь не послушати... Тако поучалъ Варлаама блаженный Софонтій златоструйныма своима усты: «Не бойся, отче Варламе, сего временнаго огня, помышляй же о томъ, како бы вѣчнаго избѣжати... Малое время въ земномъ пламени потерпѣти, вѣчнаго же царствія достигнути!.. Недолго страдати — аки окомъ мигнуть, такъ душа изъ тѣла выступитъ... Егда же вступишь во огонь, самого Христа узришь и ангельскія силы съ Нимъ. Емлютъ они, ангелы, души изъ тѣлесъ горящихъ и приносятъ ихъ къ самому Христу Царю Небесному, а Онъ, Свѣтъ, ихъ благословляетъ и силу имъ божественную подаетъ... Чего бояться огня?.. Грядi съ мучениками во блаженный чинъ, со апостолы въ полкъ, со святители въ ликъ!..» И тако довольно поучи Варлаама и благослови его идти въ пустынную келію на сожженіе... На утріе же ратные люди обрѣтоша келію и восхотѣша яти отца Варлаама со ученики его... Они же, замкнувъ келію, зажглися... И ужаснулись ратные, видя такое дерзновеніе... Лестію пытали самовольныхъ Христовыхъ мучениковъ изъ запаленной келіи вызвать, обѣщая учинить ихъ во всемъ свободны... Они же не смутяшася... Аки отроцы вавилонстіи въ пещи горящей, тако и они въ

---

*) Исповѣдуя.
**) Запасные дары.

келіи зажженной стояли и среди пламени и жупела псаломъ воспѣвали: «Изведи изъ темницы душу мою, — мене ждутъ праведницы!..» И тако сгорѣли тѣлесами... Души же блаженныхъ страстотерпцевъ, аки злато въ горнилѣ очищенное, ангелы Божіи взяху и въ небеса ко Христу Царю понесли... Господь же благослови жертву сію чисту и непорочну...

— Невдалекѣ отъ Улангера то мѣсто, говорите вы, матушка? — погодя немного спросилъ Василій Борисычъ.

— Лѣсной тропой врядъ ли пять верстъ наберется, — отвѣтила Манеѳа. — Въ томъ же лѣсу учительной матери Голиндухи гробница. И къ ней богомольцевъ много приходитъ.

— Знать то мѣсто, гдѣ сожглися? — спросилъ Василій Борисычъ.

— Признаку теперь не осталось, вѣдь больше полутораста годовъ послѣ того прошло! — отвѣтила Манеѳа. — Малая полянка въ лѣсу, старый голубецъ *) на ней стоитъ, а возлѣ четыре высокихъ креста... Вотъ и все... Отъ жилья удалено, мѣсто пусто, чему тамъ быть?.. Лѣтъ восемьдесятъ али больше тому еще находили угольки отъ сожженной Варлаамовой кельи. А нынѣ и того нѣтъ — все разобрано правовѣрными... По обителямъ тѣ Варлаамовы угли сохраняются... И у насъ въ обители есть таковые угольки... Воду съ нихъ болящимъ даемъ, и по вѣрѣ піющихъ цѣленія бываютъ.

— Дивныя у васъ, матушка, мѣста по лѣсамъ, — съ умиленьемъ молвилъ Василій Борисычъ. — Ваши пустыни, яко книги, проповѣдуютъ силу Божію, явленную во святыхъ Его угодникахъ.

— Дивенъ Богъ во святыхъ Его!.. — набожно сказала Манеѳа, опуская очи. — Люди мы, Василій Борисычъ, простые, живемъ не ради славы, а того только испытуемъ, како бы вѣчное спасеніе восхитити. Потому бумагѣ и черниламъ повѣсти о нашихъ преподобныхъ не предаемъ... Токмо въ памяти, яко въ книгѣ, златомъ начертанной, хранимъ добропобѣдные подвиги ихъ... Поживи съ нами, испытай пустынныя наши мѣста — возвѣстятъ они тебѣ славу Божію, въ преподобныхъ отцахъ явленную... Много святопочитаемыхъ мѣстъ по лѣсамъ Керженскимъ и Чернораменскимъ... Яко кринъ процвѣтала пустыня наша, много въ ней благодати было явлено... А теперь всему приходитъ конецъ!.. — съ тяжелымъ вздохомъ прибавила Манеѳа и поникла головой.

Всѣ молчали.

*) Могильный памятникъ, состоящій изъ деревяннаго сруба съ кровлей на два ската и съ крестомъ на ея срединѣ. Прежде въ лѣсныхъ сторонахъ ставили ихъ и на кладбищахъ, теперь они запрещены.

— Благословите же, матушка, — прервалъ молчанье Василій Борисычъ. — Послѣ бы трапезы отправился я къ отцу Софонтію — утреню тамъ вѣдь съ солнечнымъ всходомъ зачинаютъ... Надо поспѣть...

— Поспѣешь, другъ, поспѣешь, — сказала Манеѳа. — Нешто я тебя пѣша пущу?.. Обвечерѣетъ, велю подводу сготовить, къ свѣту-то доѣдешь — ночи теперь свѣтлыя!.. На Ларіоново поѣзжай, прямикомъ... Дорога блага, зато недалеко... Пятнадцать верстъ, больше не наберется.

— Изъ вашего послушанія, матушка, выйти не могу, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Можетъ, изъ обительскихъ кто поѣдетъ? — спросилъ онъ.

— Какъ не поѣхать?.. Поѣдутъ! — молвила Манеѳа. — Завтра увидишь, какъ у насъ память отца Софонтія справляютъ: сначала утреню соборнѣ поемъ, потомъ часы правимъ и канонъ за единоумершаго... А послѣ соборнаго канона особные зачнутъ пѣть по очереди отъ каждой обители, изъ которой пріѣдутъ старицы... Прежде сама я каждый годъ къ отцу Софонтію ѣзжала, нонѣ не могу, опять боюсь слечь... Аркадію пошлю, уставщицу, у нея же сродственники въ Деяновѣ есть, оно и кстати. И тебѣ съ нею будетъ гдѣ пристать... Успокоишься тамъ послѣ службы-то... Служба будетъ долгая и ранняя.

— И насъ бы, матушка, съ Марьюшкой да съ Устиньей пустила, — молвила Фленушка, обращаясь къ Манеѳѣ.

— Безъ себя не пущу... Бѣдъ натворите, — строго отвѣтила Манеѳа.

— Никакихъ бѣдъ не натворимъ, — подхватила Фленушка. — Какъ только отпоемъ канонъ, прямо въ Деяново.

— И не поминай, — сказала Манеѳа. — Тутъ, Василій Борисычъ, немало грѣха и суеты бываетъ, — прибавила она, обращаясь къ московскому гостю. — Съ ранняго утра на гробницу деревенскихъ много найдетъ, изъ городу тоже наѣдутъ, всего вѣдь только пять верстъ до̀ городу-то... Игрища пойдутъ, пѣсни, сопѣли, гудки... Изъ ружей стрѣльбу зачнутъ... А что̀ подъ вечеръ творится — о томъ не лѣть и глаголати.

— Да вѣдь мы бы съ матушкой Аркадіей... — завела-было опять Фленушка.

— Углядѣть ей за вами!.. Какъ же!.. — возразила Манеѳа. — Устиньюшка!

Изъ-за перегородки выглянула Устинья Московка.

— Молви Дементью, подводы бы готовилъ къ отцу Софонтію ѣхать, — стала приказывать Манеѳа. — Гнѣдка съ солововенькой въ мою кибитку, самъ бы Дементій везъ — Василій

Борисычъ въ той кибиткѣ съ Аркадіей поѣдетъ. А сивую съ буланой въ Никанорину повозку заложить... Править Меркулу — а кому въ той повозкѣ сидѣть, послѣ скажу... Аркадіи накажи, передъ солнечнымъ заходомъ зашла ко мнѣ бы... Виринеюшкѣ молви, канунъ бы сготовила да путную трапезу человѣкъ на десятокъ... Матери Таифѣ скажи — поминокъ сготовила бы деяновскому сроднику Аркадіи, обночуютъ, можетъ статься, у него. Мучки пшеничной полмѣшка припасла бы, овса четверть, да соленой рыбы сколько придется, пряниковъ да орѣховъ ребятишкамъ, хозяйкѣ новину... Да чтобъ Аркадія ладану взять не забыла да свѣчъ. А кацѣю брала бы изъ стареньких, нову-то не поломать бы дорогой... Бутыль взяла бы побольше на воду изъ кладезя, а того бы лучше боченокъ недержанный — бутыль-то разбиться можетъ дорогой... Прикажи, чтобъ должнымъ порядкомъ все было... Ступай.

Сотворивъ передъ игуменьей метанія, вышла Устинья Московка.

— А воротишься отъ Софонтія, — молвила Манееа Василью Борисычу: — на пепелъ отца Варлаама съѣзди да заодно ужъ и къ матери Голиндухѣ. Сборища тамъ бываютъ невеликія, соблазновъ отъ мірскихъ человѣкъ не увидишь — мѣсто прикровенное.

Въ это время отворилась дверь, и вошла въ келью казначея Таифа. Положивъ уставной семипоклонный началъ и сотворивъ метанія, подала она игуменьѣ письмо и сказала:

— Кононъ Елфимовскій привезъ. Въ городъ ѣздилъ, тамъ ему Осмушниковъ Семенъ Иванычъ отдалъ.

Молча распечатала Манееа письмо, посмотрѣла въ него и молвила:

— Отъ Дрябиныхъ изъ Питера.

— Отъ Дрябиныхъ? — спросилъ Василій Борисычъ. — Вы съ ними тоже въ знакомствѣ, матушка?

— Благодѣтели, — отвѣтила Манееа. — Дрябины давно нашей обители знаемы, еще ихни родители съ покойницей матушкой Екатериной знакомство водили. Когда нашимъ старицамъ въ Питерѣ случается бывать, завсегда пристаютъ у Никиты Васильича.

— Вѣдь они съ Громовыми были первыми затѣйщиками австрійства, — сказалъ Василій Борисычъ.

— Знаю, — отвѣтила Манееа. — Они же вѣдь и въ сродствѣ межъ собой. Дочка Никиты Васильича, Акулина Никитична, за Громова выдана.

— Такъ точно, — подтвердилъ Василій Борисычъ.

— По родству у нихъ и дѣла заедино, — сказала Манеѳа. — Намъ не то дорого, что Громовы съ Дрябиными да съ вашими москвичами епископство устрояли, а то, что къ знатнымъ вельможамъ вхожи, и какія бы по старообрядству дѣла ни были, — все до капельки знаютъ... Самимъ Громовымъ писать про тѣ дѣла невозможно, опаску держатъ, такъ они все черезъ Дрябиныхъ... Поди, и тутъ о чемъ-нибудь извѣщаютъ... Читай-ка, Фленушка.

Манеѳа подала ей письмо, и та начала:

«Пречестной матушкѣ Манеѳѣ о еже во Христѣ съ сестрами землекасательное поклоненіе. При семъ просимъ покорнѣйше вашу святыню не оставить насъ своими молитвами ко Господу, да еже управити путь нашъ ко спасенію, и некосно поминати о здравіи Никиты, Анны, Иліи, Георгія, Александры и Акилины и сродниковъ ихъ, а родителей нашихъ по имѣющемуся у васъ помяннику безпереводно. Гостила у насъ на Святой Пасхѣ старица Милитина изъ вашихъ мѣстовъ, изъ Фундрикова скита, а сама родомъ она валдайская. И сказывала намъ матушка Милитина, что вамъ, пречестная матушка Манеѳа, тяжкая болѣзнь приключилася, но Господу помогающу исцѣленіе получили. И мы со всѣми нашими домашними и знаемыми много тому порадовались и благодарили Господа, оздравѣвшаго столь пресвѣтло сіяющую во благочестіи нашу матушку, крѣпкую молитвенницу о душахъ нашихъ. При семъ, матушка, съ превеликимъ прискорбіемъ возвѣщаемъ вамъ, что извѣстный вамъ человѣкъ въ прошедшій вторникъ находился во единомъ мѣстѣ и доподлинно узналъ о буряхъ и напастяхъ, хотящихъ на всѣ ваши жительства возстати. И та опасность немалая, а отвратить ее ничѣмъ не предвидится. Велѣно по самой скорости шо шле лтикы пославть, чтобъ ихъ ониласи и шелъ намоцъ разобрать и которы но мешифіи не приписаны, тѣхъ бы шопъ шылсакъ...» *).

— Подай, — перервала Манеѳа. — Сама разберу... О, Господи, Владыка многомилостивый! — промолвила она съ глу-

---

*) Это такъ-называемая «тарабарская грамота», бывшая въ употребленіи еще въ XVII вѣкѣ и ранѣе. Нѣкогда она служила дипломатическою шифровкой, теперь употребляется только старообрядцами въ ихъ тайной перепискѣ. Пишутъ согласныя буквы русской азбуки въ такомъ порядкѣ:

б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н,
щ, ш, ч, ц, х, ф, т, с, р, п

и употребляютъ *б* вмѣсто *щ*, *щ* вмѣсто *б* и т. д. По этой тайнописи въ письмѣ къ Манеѳѣ было написано: «Велѣно по самой скорости во всѣ скиты послать, чтобъ ихъ описать и весь народъ разобрать, и которы по ревизіи не приписаны, тѣхъ бы вонъ выслать». Кромѣ этой самой употребительной тайнописи, у старообрядцевъ есть еще нѣсколько другихъ.

бокимъ вздохомъ, поднимая глаза на иконы. — Разумѣешь, другъ, тайнописаніе? — обратилась она къ Василью Борисычу.

— Маленько разумѣю, матушка, — отвѣтилъ онъ.

— Понялъ? — спросила Манеѳа.

— Понялъ.

— Чѣмъ бы вотъ съ Софронами-то возжаться — тутъ бы руку-то помощи Москва подала, — съ жаромъ сказала Манеѳа. — Да куда ей? — промолвила она съ горькой усмѣшкой. — Исполнились надъ вашей Москвой словеса пророческія: «Уты, утолстѣ, ушире и забы Бога создавшаго»... Соберешься къ Софонтію — зайди ко мнѣ, Василій Борисычъ.

Встала Манеѳа, и матери и бѣлицы всѣ одна по другой въ глубокомъ молчаньи вышли изъ кельи. Осталась съ игуменьей Фленушка.

Послѣднею вышла Устинья. За ней пѣтушкомъ Василій Борисычъ. Настигъ онъ румяную красотку на заворотѣ у чулановъ и щипнулъ ее сзади.

— Охъ!.. чтобъ тебя!.. — чуть не вскрикнула Устинья.

Въ ту самую пору вышла изъ боковой кельи Марьюшка.

Вздохнувъ, Василій Борисычъ промолвилъ вполголоса:

— Искушеніе!..

Затѣмъ пріосанился и тихо догматикъ запѣлъ:

„Всеми-и-и-рную славу, отъ человѣкъ прозябшую...“

Проводя московскаго посланника, Манеѳа принялась за переводъ тарабарскаго письма Дрябиныхъ. Грозны были петербургскія вѣсти.

Извѣщалъ Дрябинъ, что въ комитетѣ министровъ рѣшено дѣло о взятой на Дону сборной оленевской книжкѣ. Велѣно переписать всѣ обители Оленевскаго скита и узнать, давно ли стоятъ онѣ, не построены ли послѣ воспрещенья заводить новые скиты, и тѣ, что окажутся недозволенными, уничтожить... Писалъ Дрябинъ, что дошло до Петербурга о Шарпанской иконѣ и о томъ, что тамошни старицы многихъ церковниковъ въ старую вѣру обратили... Навели справку въ прежнихъ дѣлахъ, нашли, что Шарпанскій скитъ лѣтъ пятнадцать передъ тѣмъ сгорѣлъ до тла, а это было послѣ воспрещенія заводить новые скиты. Потому и хотятъ послать изъ Петербурга довѣренныхъ лицъ, разузнать о томъ доподлинно, и если Шарпанъ ставленъ безъ дозволенья, запечатать его, а икону, оглашаемую чудотворной, взять... Уповательно, прибавлялъ Дрябинъ, что и по всѣмъ другимъ скитамъ Керженскимъ и Чернораменскимъ такая же переборка пойдетъ; дошло-

де до петербургскихъ властей, что много у васъ живетъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ... Громовы, — писалъ въ заключеніе Дрябинъ.— неотступно просили кого нужно хоть на время отвести невзгоду отъ Керженца... Два обѣда ради того дѣлали. за каждымъ обѣдомъ человѣкъ по двадцати генераловъ кормили, да на дачѣ у себя Громовы великій праздникъ для нихъ дѣлали. Всѣмъ честили, всѣмъ ублажали, однакожъ ни въ чемъ успѣть не могли — потому что вышелъ сильный приказъ впредь старовѣрамъ потачки не давать и держать ихъ въ строгости... О красноярскомъ дѣлѣ ни слова — не дошли еще. видно, вѣсти о немъ до Питера.

Призадумалась Манеѳа. Сбывались ея предчувствія... Засуча рукава и закинувъ руки за спину, молча ходила она ровными, но быстрыми шагами взадъ и впередъ по кельѣ... Въ глубокомъ молчаньи сидѣла у окна Фленушка и глазъ не сводила съ игуменьи.

— Почтову бумагу достань, — сказала Манеѳа. — Со словъ писать будешь... Здѣсь садись... Устинья!

Фленушка вышла за бумагой, Устинья явилась въ дверяхъ.

— Никого ко мнѣ не пускать ни по коему дѣлу. Недосужно, молъ, — сказала ей Манеѳа.

Низко поклонясь, Устинья спряталась въ свою боковушу.

Черезъ минуту она опять выглянула и спросила:

— Обѣдать не собрать ли?.. Въ келарнѣ давно ужъ трапезуютъ.

— Не до ѣды, — рѣзко отвѣтила ей Манеѳа. — Ступай въ свое мѣсто, не докучай...

Минуты черезъ двѣ Фленушка сидѣла ужъ за письмами. Ходя по кельѣ, Манеѳа сказывала ей, что писать.

Первое письмо писали въ городъ къ тамошнему купцу Стрѣшинскому, повѣренному по дѣламъ Манеѳы.

«Ради Господа, благодѣтель Полуехтъ Семенычъ, — писала Фленушка: — похлопочи купчія бы крѣпости на дома свершить какъ возможно скорѣе. Крайній домъ къ солянымъ анбарамъ купи на мое имя, рядомъ съ нимъ — на Фленушку: остальные три дома на Аркадію, на Таифу да на Виринею. Хоть и дорожиться зачнутъ Кожевниковы, давай, что запросятъ. денегъ не жалѣй — остались бы только за нами мѣста. За строеньемъ тоже не гонись — захотятъ свозить на иное мѣсто, пущай ихъ свозятъ. Отпиши сколь можно скорѣе, сколько денегъ потребуется — съ кѣмъ-нибудь изъ матерей пришлю. Покучься въ судѣ Алексѣю Семенычу, дѣло бы поскорѣе обдѣлалъ, дай ему четвертную да еще посули. а я крупчатки ему опричь того мѣшка два пошлю. да икру мнѣ хорошую по-

Хвалыни прислали, такъ и ей подѣлюсь, только бы по скорости дѣло обладилъ. Да нѣтъ ли еще по близости отъ Кожевниковыхъ продажнаго мѣстечка, али дома большого для Марьи Гавриловны. Хочетъ по вашему городу въ купечество приписаться и торги заводить...»

Кончивъ письмо къ Стронскому, Манеѳа другое стала сказывать — къ Патапу Максимычу. Извѣщала брата о грозящихъ скитамъ напастяхъ и о томъ, что на всякій случай она въ городѣ мѣсто подъ келью покупаетъ... умоляла брата поскорѣе съѣздить въ «губернію» и тамъ хорошенько да повѣрнѣе узнать, не пришли ли насчетъ скитовъ изъ Петербурга указы и не ждутъ ли оттуда большихъ чиновниковъ по скитскимъ дѣламъ. «А хоша,— прибавляла Манеѳа:— и не совсѣмъ еще я отъ болѣзни оправилась, однакожъ, хоть черезъ великую силу, а на сорочины по Настенькѣ пріѣду и тогда обо всемъ прочемъ съ тобой посовѣтую».

Въ Москву писаны были письма къ Петру Спиридонычу, къ Гусевымъ и на Рогожское къ матери Пульхеріи. Извѣщая обо всемъ, что писали Дрябины, и о томъ, какое дѣло вышло въ Красноярскомъ скиту, Манеѳа просила ихъ въ случаѣ неблагополучія принять на нѣкое время обительскую святыню, чтобъ во время переборки ея не лишиться. «Посылаю я къ вамъ въ Москву и до Питера казначею нашу матушку Таифу, а съ нею расположилась отправить къ вамъ на похраненіе четыре иконы высокихъ строгоновскихъ писемъ, да икону Одигитріи Богородицы царскихъ изуграфовъ, да три креста съ мощами, да книгъ харатейныхъ и старопечатныхъ десятка три либо четыре. А увидясь съ матушкой Августой, шарпанской игуменьей, посовѣтую ей и Казанскую Богородицу къ вамъ же на Москву отправить, доколь не утишится воздвигаемая на наше убожество презѣльная буря озлобленій и напастей. А то, оборони Господи, лишиться можемъ столь безцѣннаго сокровища, преизобильно вѣрующимъ подающаго исцѣленія». Насчетъ епископа Софронія писала, что, удостовѣрясь въ его стяжаніяхъ и иныхъ недоступныхъ поступкахъ, совершенно его отчуждилась и поповъ его ставленья отнюдь не принимаетъ, а о владимірскомъ архіепископѣ будетъ на Петровъ день собраніе, и со всѣхъ скитовъ съѣдутся къ ней. Что на томъ собраньи уложатъ, о томъ не преминетъ она тотчасъ же въ Москву отписать. Увѣдомляла и о Васильѣ Борисычѣ, благодарила за присылку столь дорогого человѣка и просила не прогнѣваться, если задержитъ его на Керженцѣ до окончанія совѣщаній о новомъ архіепископѣ и о грозящихъ скитамъ обстоятельствахъ.

За письмомъ къ Дрябину долго просидѣла Фленушка... Все сплошь было писано тарабарской грамотой. Благодаря за неоставленіе, Манеѳа умоляла Дрябиныхъ и Громовыхъ постараться отвратить находящую на ихъ пустынное жительство грозную бурю, увѣдомляла о красноярскомъ дѣлѣ и о скоромъ собраніи старицъ изо всѣхъ обителей на совѣщаніе о владимірскомъ архіепископѣ и о томъ, что дѣлать, если придутъ строгіе о скитахъ указы.

Кромѣ того были писаны письма во всѣ скиты къ игуменьямъ главныхъ обителей, чтобъ на Петровъ день непремѣнно въ Комаровъ къ Манеѳѣ съѣзжались. Будетъ, дескать, объявленіе о дѣлѣ гораздо поважнѣй владимірскаго архіепископства.

День къ вечеру склонялся, измучилась Фленушка писавши, а Манеѳа, не чувствуя устали, бодро ходила взадъ и впередъ по кельѣ, сказывая, что писать. Твердая, неутомимая сила воли виднѣлась и въ сверкающихъ глазахъ ея, и въ разгорѣвшихся ланитахъ, и въ крѣпко сжатыхъ губахъ. Глядя на нее, трудно было повѣрить, чтобъ эта старица не дольше шести недѣль назадъ лежала въ тяжкой смёртной болѣзни и одной ногой во гробу стояла.

Когда Фленушка кончила письма, Манеѳа внимательно ихъ перечитала и въ концѣ каждаго сдѣлала своей рукой приписку. Потомъ запечатала всѣ и тогда только, когда Фленушка надписала на каждомъ, къ кому и куда письмо посылается, заговорила съ ней Манеѳа, садясь у стола на скамейкѣ:

— Потрудились мы съ тобой, Фленушка, ради праздника. Заморила я тебя... Кому Троицынъ день, а намъ съ тобой сочельникъ... Подь-ка, голубка, потрапезуй да скажи Устиньѣ, кликнула бы скорѣе Таифу.

— Я было-хотѣла просить тебя, матушка, — молвила Фленушка, не трогаясь съ мѣста.

— Что тебѣ надо, моя ластушка? — мягкимъ голосомъ, ласково спросила ее Манеѳа.

— Отпусти къ Софонтію,—умильно взглянувъ на нее, молвила Фленушка.

— Сказано: «не пущу», значитъ, не о чемъ и толковать,— нахмурясь, сказала Манеѳа.

— Каждый годъ ѣзжали...—потупясь, вполголоса проговорила Фленушка.

— Со мной,—перебила Манеѳа.—Такъ и я, бывало, жду не дождусь, кончилась бы служба, да скорѣй бы съ поляны долой... Всѣ глаза, бывало, прогляжу за вами... А матери Аркадіи какъ усмотрѣть?

Ни словечка не отвѣтила Фленушка. Подошла къ столу, отобрала письма къ матерямъ и спросила:

— Съ Аркадіей пошлешь?.. Къ Софонтію со всѣхъ обителей матери съѣдутся... Заразъ бы всѣмъ можно было раздать... А съ работниками посылать—когда развезутъ?

— Правда твоя,—молвила Манеѳа.—Такъ будетъ лучше... Не хотѣлось бы только съ Аркадіей отправлять. Въ разговорахъ лишняго много отъ своего ума наплететъ.

— А надо еще и на словахъ съ матерями говорить? — спросила Фленушка.

— Безъ того нельзя,—отвѣтила Манеѳа.

— А про то, что Дрябины пишутъ, не всѣмъ же, чай, матерямъ сполна сказывать? — продолжала Фленушка.

— До поры до времени можно-ль всѣмъ про то говорить?— молвила Манеѳа.—Попробуй-ка Евникеѣ Прудовской сказать, въ тотъ же день всему свѣту разблаговѣститъ... Хлопотъ послѣ не оберешься.

— А матушкѣ Августѣ Шарпанской, думаю, надо сказать,— продолжала Фленушка. — Изъ Оленева матушкѣ Маргаритѣ тоже, я думаю, надо; матушкѣ Фелицатѣ тоже... А еще кому?

— Да больше-то, пожалуй, и некому,—молвила Манеѳа.— До Петрова дня все дѣло безпремѣнно надо втайнѣ держать, чтобъ успѣть въ городу мѣста подешевле купить. А то, пожалуй, при совершеніи-то купчей сдѣлаютъ препятствіе либо задержку какую. Да и Кожевниковы, какъ узнаютъ, что готовится намъ изъ обителей выгонка, такую цѣну заломятъ, что только ахнешь... Не сумѣть этого Аркадіи, не сумѣть... Очень ужъ она невоздержна на языкъ... Опять же у Евникеи въ Прудахъ Аркадьины сродницы живутъ — хоть наказывай ей, хоть не наказывай, не утерпитъ — до капельки все разскажетъ имъ, а тѣ Евникеѣ. А Евникеѣ сказать все едино, что на базарѣ съ барабаномъ въ народъ объявить...

— Развѣ матушку Таифу пошлешь? — сказала Фленушка.

— То-то и есть, что нельзя, — молвила Манеѳа. — Въ Москву Таифѣ надо ѣхать да въ Питеръ... Завтра же ей отправляться.

— Кого же, коли не Таифу?

— Ума не приложу, — отвѣтила Манеѳа. — Вотъ вертись тутъ одна, какъ знаешь: обитель большая, а доведется нужное дѣло, опричь Таифы и послать некого.

— Пошли меня, матушка... Все управлю, — подхватила Фленушка.

— Съ ума сошла?.. По тебѣ-ль такое дѣло? — поднявъ голову и пристально взглянувъ на Фленушку, молвила Манеѳа.

— Попробуй — увидишь, — сказала Фленушка, глядя въ упоръ на Манеѳу.

— Полно пустяки городить, — проговорила Манеѳа. — Статочно ли дѣло тебя посылать?

- Вольно тебѣ, матушка, думать, что до сихъ поръ я только одними пустяками занимаюсь,—сдержанно и степенно заговорила Фленушка. — Вѣдь мнѣ ужъ двадцать пятый въ доходѣ. Изъ молодыхъ вышла, мало ли много ли своего ума накопила... А кому твои дѣла больше меня извѣстны?.. Таифа и та меньше знаетъ... Иное дѣло сама отъ Таифы таишь, а мнѣ сказываешь... А бывало-ль, чтобъ я проговорилась когда, чтобъ изъ-за моего болтанья непріятность какая вышла тебѣ?

— Да къ чему ты это все говоришь мнѣ? — спрашивала Манеѳа.

— А къ тому говорю, чтобъ къ Софонтію меня ты послала. Аркадія свое дѣло будетъ управлять, а я съ матерями, что̀ надо, переговорю, — рѣшительнымъ голосомъ сказала Фленушка.

— Набаламутишь, — молвила Манеѳа.

— Да что̀ я за баламутница въ самомъ дѣлѣ? — рѣзко отвѣтила Фленушка.—Что въ своей обители иной разъ посмѣюсь, иной разъ пѣсню мірскую спою?.. Такъ это, матушка, дома дѣлается, при своихъ, не у чужихъ людей на глазахъ... Вспомнить бы тебѣ про себя, какъ въ самой-то тебѣ молодая кровь еще бродила.

— Замолчи!..—остановила Манеѳа Фленушку.—Съ чего ты взяла такія рѣчи мнѣ говорить?.. А?..

— Стары матери мнѣ сказывали, что была ты у отца съ матерью дитя любимое, балованное, что до иночества была ты развеселая — что на умѣ у тебя только пѣсни да игры бывали... Видно, и я въ тебя, матушка, — усмѣхнувшись, сказала Фленушка.

— Какія матери тебѣ сказывали?.. Которыя?.. — взволнованнымъ голосомъ спросила Манеѳа.

— Покойница Платонида говаривала,—отвѣтила Фленушка.

— Нешто помнишь ее? — съ испугомъ спросила Манеѳа и тяжело перевела дыханіе.

— Какъ же не помнить?.. Какъ теперь на нее гляжу, — отвѣчала Фленушка.—Вѣдь я ужъ семилѣткой была, какъ она побывшилась.

— Что-жъ Платонида тебѣ сказывала?.. Что̀?.. Говори... все, все говори,—дрожащимъ отъ волненія голосомъ говорила Манеѳа, опуская на глаза камилавку и закрывая все лицо креповой наметкой.

— Мало ли что̀... Всего не упомнишь, — отвѣтила Фленушка.—Добрые совѣты давала: «Почитай, говорила, матушку Манеѳу, какъ родную мать свою».

— Что̀-о-о?..—вскрикнула Манеѳа, но тотчасъ же сдержала порывъ встревоженнаго сердца. Обдернувъ наметку, она склонила голову.

— «Почитай, говорила, ее, какъ мать родную»,—повторила Фленушка.—«Тебѣ, говорила она, во всемъ свѣтѣ никого нѣтъ ближе матушки Манеѳы»... Вотъ что̀ говорила мнѣ Платонида.

— А еще? — глухо прошептала Манеѳа.

— Не помню, — отвѣтила Фленушка.

Смолкла Манеѳа, а Фленушка все еще стояла передъ ней и молча общипывала листья со стоявшей въ углу троицкой березки. Минутъ съ пять длилось молчанье.

— Обѣдать ступай, — сказала Манеѳа.

— Не хочется, — обиженнымъ голосомъ отвѣтила Фленушка, продолжая ощипывать березку.

Взглянула на Фленушку Манеѳа; а у ней слезы по щекамъ бѣгутъ.

— Устинья! — крикнула игуменья.

Устинья вошла и стала передъ нею.

— Кликни Таифу, — молвила ей Манеѳа, а когда Устинья вышла, обратилась къ Фленушкѣ и сказала:

— Собирайся къ Софонтію.

Фленушка промолчала. Нескорой поступью подошла къ столу, взяла письма и спросила:

— Раздать?

— Раздай, — отвѣчала Манеѳа.

— Марьѣ съ Устиньей сбираться?

— Хорошо, — молвила Манеѳа и съ нетерпѣньемъ махнула рукой.

Тихими шагами пошла Фленушка въ боковушу. Тамъ у окна сидѣла грустная, угрюмая Марьюшка. Съ тоски да со скуки щелкала она каленые орѣхи.

— Турись, турись, Марюха!.. На̀ спѣхъ сряжайся!.. Къ Софонтію... — попрыгивая передъ ней, кричала Фленушка.

— Взбѣсилась, что ли?.. Аль совсѣмъ съ ума своротила?— привередливо отвѣтила головщица и съ досадой отвернулась отъ подруги.

— Попадья взбѣсилась — не я, — захохотала Фленушка, и хоть голодна была для праздника, а пустилась въ плясъ передъ Марьюшкой, прищелкивая пальцами и припѣвая:

Какъ у нашего попа
Старовѣрскаго

Взбѣсилася попадья,
Вовсе стюшилася!..
Старовѣрскій попъ
Былъ до дѣвокъ добръ —
Нѣту денегъ ни гроша,
Зато ряса хороша.
Онъ и рясу скидаетъ,
Краснымъ дѣвкамъ отдаетъ.

— Да отвяжешься ли ты?.. Господи, какъ надоѣла!..—плаксиво всклкнула головщица, оттолкнувъ Фленушку, въ порывѣ причудъ вздумавшую ерошить ей голову...

— Не верещи!.. Толкомъ говорю... Къ Софонтію ѣдемъ, — топнувъ ногой, крикнула Фленушка. — Вотъ письма къ матерямъ... Со мной посылаетъ.

Пересмотрѣла Марьюшка письма и увѣрилась, что въ самомъ дѣлѣ велѣно Фленушкѣ ѣхать къ Софонтію.

— Съ кѣмъ поѣдешь? — спросила она.

— Съ тобой да съ Устиньей, — отвѣтила Фленушка.— Аркадія поѣдетъ, Васеньку прихватимъ, онъ намъ пѣсенку дорóгой споетъ.

— За Васенькой давеча я кое-что примѣтила, — молвила Марьюшка,

— Чего ты примѣтила? — спросила Фленушка.

— Съ Устиньей заигрываетъ, — сказала головщица.

— А тебѣ завидно?

— Ну его къ бѣсу, чернорылаго! — всклнкнула Марьюшка.— Нужно мнѣ этакого!.. Захочу, въ тысячу разъ лучше твоего Васьки найду.

— А ты, дѣвка, больно-то не зарывайся, — молвила Фленушка. — Чѣмъ тебѣ Василій Борисычъ неказистъ?.. Совсѣмъ какъ есть молодчикъ, — ростомъ не вышелъ, зато голосомъ взялъ.

— Лёгко ли дѣло! — перебила головщица. — Ножки какъ лутошки, ходитъ — присѣдаетъ, ровно рѣдьку сажаетъ.

— Съ тобой говорить надо поѣвши, а у меня сегодня кромѣ чаю маковой росинки во рту не бывало,—сказала Фленушка.— Принеси-ка чего-нибудь, а я межъ тѣмъ въ дорогу стану собираться.

Неподалеку отъ деревни Деянова, въ сторонѣ отъ большой дороги, стоятъ два деревянныхъ креста, каждый сажени по полторы вышиной. Отъ этихъ крестовъ въ глубь лѣса идетъ узенькая тропинка. Коннаго ѣзду тутъ нѣтъ.

Пройдя безъ малаго версту по этой тропѣ, встрѣтится поляна, поросшая лѣсными трáвами. Середи ея ветхій, полу-

сгнившій голубецъ съ тесовой крышей на два ската. Скатъ, обращенный къ сѣверу, отъ старости почти сплошь поросъ сѣро-зеленымъ ягелемъ *). Подъ нижнимъ вѣнцомъ голубца много ямъ, нарытыхъ руками богомольцевъ, бравшихъ песокъ ради цѣленія отъ недуговъ. Рядомъ съ голубцомъ возвышаются саженные старые деревянные кресты, а межъ ними вросла въ землю невысокая часовенка, въ ней на полкѣ нѣсколько облинявшихъ образовъ. Въ сторонѣ неглубокій колодецъ. Вода его тоже слыветъ въ народѣ цѣлебной. Больше нѣтъ ничего на полянѣ. Лишь крапива напоминаетъ, что когда-то тутъ было жилье.

Это гробница Софонтія.

Пусто теперь мѣсто, гдѣ, укрываясь подъ сѣнью дремучаго лѣса, когда-то стояла невеликая, но по всему Кѐрженцу, по всему старообрядству славная обитель соловецкаго выходца Софонтія... Зимой всю поляну снѣгомъ заноситъ; изъ сугробовъ не видать ни гробницы ни часовенки, только верхушки крестовъ немного замѣтны... Лѣтомъ ходятъ сюда на поклоненіе отцу Софонтію, но рѣдко... Большія сборища бываютъ только на Духовъ день... Разоренная Питиримомъ часовня Софонтьева скита ставлена была во имя этого праздника, и по скитскому обычаю ежегодно на этотъ праздникъ сбирались къ Софонтію прихожіе богомольцы, для нихъ поставлялись у него столы съ великими кормами и чинились великія учрежденія **). Въ память того праздника и тѣхъ кормовъ до сихъ поръ ежегодно на Духовъ день сбирается сюда окрестный и дальній народъ.

Запустѣло мѣсто, гдѣ жилъ отецъ Софонтій, куда сходились на сборы не только отцы съ Кѐрженца и со всего Чернораменья, но даже изъ дальнихъ мѣстъ, изъ самой зарубежной Вѣтки. Запустѣло мѣсто, откуда выходили рьяные проповѣдники «древляго благочестія», въ Прикамскіе лѣса, на Уральскіе бугры и въ дальнюю Сибирь... «Кержаками» донынѣ въ тѣхъ мѣстахъ старообрядцевъ зовутъ, въ память того, что зашли они туда съ Кѐрженца, изъ скитовъ Софонтьева согласія.

Запустѣло мѣсто, гдѣ Софонтій боролся съ сосѣдними онуфріанами, чтившими за свято богоборныя письма Аввакума о Пресвятой Троицѣ. Запустѣло мѣсто, гдѣ Софонтій отстоялъ самостоятельность Кѐрженца, не покоряясь зарубежной Вѣткѣ... Процвѣла во дни Софонтія пустыня, имъ насажденная, и не дожилъ онъ до грознаго дня, когда, по повелѣнію Питирима,

*) Ягель—лишаи, растеніе, близкое ко мхамъ. Lichen pulmonaris.
**) Угощеніе.

капитанъ Ржевскій послалъ изъ Нижняго разсыльщиковъ по бревнамъ разнести и часовни и кельи обительскія...

Тогда-то совершилось «паденіе Керженца». Семьдесятъ семь скитовъ было разорено разсыльщиками. Голова Александра дьякона скатилась подъ топоромъ палача въ Нижнемъ Новгородѣ, нѣсколько старцевъ сожжено на кострахъ возлѣ села Пафнутова. И сорокъ тысячъ старообрядцевъ, не считая женщинъ, бѣжало изъ Керженскихъ лѣсовъ за литовскій рубежъ, въ подданство короля польскаго.

Все то было и былью поросло.

Еще утренняя заря не разгоралась, еще солнышко изъ-за края небосклона не выглядывало, какъ на большой дорогѣ у Софонтьевыхъ крестовъ одна за другою зачали становиться широкія уёмистыя скитскія повозки, запряженныя раскормленными до-нельзя лошадьми и нагруженныя пудовыми пуховиками и толстыми матерями.

Это былъ первый лѣтній сборъ келейницъ на одномъ мѣстѣ... Чинны и степенны были ихъ встрѣчи. По заученному клали онѣ другъ передъ другомъ низкіе поклоны, медленно ликовались и невозмутимо спрашивали одна другую «о спасеніи». Разговоры велись недолгіе, всѣ спѣшили пѣшкомъ къ гробницѣ Софонтія.

Тамъ по всѣмъ полкамъ часовенки наѣхавшія матери разставили ярко горѣвшія золоченыя иконы, украшенныя жемчугами и самоцвѣтными камнями, понавѣшали подъ ними бархатныя, парчевыя и атласныя пелены, разставили подсвѣчники и зажгли въ нихъ не одну сотню свѣчъ. Гробницу также покрыли пеленами. Клубы дыма отъ роснаго ладана наполняли часовню и голубыми струями вились изъ нея по свѣжему утреннему воздуху... Началась служба... Громкое пѣніе нѣсколькихъ десятковъ съѣхавшихся изо всѣхъ обителей пѣвицъ оглашало пустынное мѣсто... Уже совсѣмъ обутрѣло, и отправляемая на гробницѣ служба подходила къ концу, когда толпы народа въ праздничныхъ нарядахъ стали мало-по-малу сходиться на поляну. Ситцевыя и кумачныя рубахи деревенскихъ парней и разноцвѣтные сарафаны молодицъ и дѣвушекъ смѣшались съ черными рясами келейницъ... Пестрая толпа вскорѣ сдѣлалась еще разнообразнѣй. Пришли горожане. Всѣ приходившіе молились у гробницы, брали песочку, иные отламывали кусочки гнилушекъ отъ голубца, а потомъ шли умываться къ цѣлительному кладезю, по преданью ископанному руками самого Софонтія.

Скитскія матери только-что кончили службу, загасили въ

часовенкѣ свѣчи, сняли образа̀ и пелены и все отнесли къ повозкамъ... Когда пришла на поляну праздничная толпа, и часовня и гробница имѣли уже обычный свой видъ. На полянѣ скоро стало тѣсно. Народъ разбрелся по̀ лѣсу.

Сжавшись въ кучку, матери держались въ сторонкѣ. Разсѣвшись въ тѣни межъ деревьевъ, поминали онѣ преподобнаго отца Софонтія привезенными изъ обителей яствами и приглашали знакомыхъ раздѣлить съ ними тра̀пезу. Отказовъ не было, и вскорѣ больше полутораста человѣкъ, раздѣлясь на отдѣльныя кучки, въ строгомъ молчаньи ѣли и пили во славу Божію и на поминъ души отца Софонтія... Деревенскіе парни и горожане обступали келейницъ и, взглядывая на молодыхъ старочекъ и на пригоженькихъ бѣлицъ, отпускали имъ разныя шуточки.

А вотъ, въ сторонѣ отъ гробницы, городской торгашъ раскинулъ крытый парусиннымъ шатромъ подвижной столъ съ орѣхами, пряниками, рожками и другими «гостинцами»... Съ другой стороны Софонтьевой поляны появился такой же столъ и такой же парусинный шатеръ съ вареной печенкой, со студенью и другими закусками, съ расписными жбанами ядрёнаго квасу и съ мягкими, съ обоихъ концовъ востроносыми сайками, печенными на соломѣ... Рядомъ юркій цѣловальникъ изъ елатомцевъ, въ красной александрійской рубахѣ и плисовыхъ штанахъ, поскрипывая новыми сапогами, разставлялъ на своемъ прилавкѣ полштофы и косушки, бутылки съ пивомъ и медомъ... Веселый говоръ смѣнилъ только-что стихшіе заупокойные стихеры. Гдѣ-то въ лѣсу послышалась гармоника, забренчала балалайка. Кто-то залился громкой залихватской пѣснью, къ нему пристали десятки мужскихъ и женскихъ голосовъ. Раздался выстрѣлъ изъ мушкатона, другой, третій... Матери по-добру по-здорову долой съ Софонтьевой поляны, гдѣ народное гульбище стало разыгрываться нараспашку.

Вплоть до поздняго вечера продолжался широкій разгулъ поклонниковъ Софонтія. Хороводовъ не было, зато пѣсни не умолкали, а выстрѣлы изъ ружей и мушкатоновъ становились чаще и чаще... По̀ лѣсу забродили парочки... То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ слышались и шелестъ раздвигаемыхъ вѣтвей, и хрустъ валежника, и дѣвичьи вскрикиванія, и звонкій веселый хохотъ... Такъ кончились Софонтьевы помины.

Выйдя изъ лѣсу на большую дорогу, разложили келейницы свой скарбъ по повозкамъ и одна за другою пошли пѣшкомъ въ Деяново. Тутъ недалеко, всего версты полторы. У каждой матери были въ той деревнѣ свои знакомыя, съ ранняго утра

ожидавшія Софонтьевыхъ поклонницъ. Въ каждомъ домѣ хозяйки, рукъ не покладаючи, варили рыбныя похлебки, пекли пироги и алады, стряпали яичницы, пшённики да лапшённики, пшённицы да лапшённицы, кисели черничные, кисели малиновые, кисели брусничные и другія яства праздничнаго крестьянскаго обѣда... За эти трапезы келейницы щедро расплачивались разными припасами, а иногда и деньгами.

Вотъ однѣ за другими идутъ матери, окруженныя бѣлицами... Идутъ, а сами то и дѣло по сторонамъ оглядываются, не ульнула ли которая бѣлица въ лѣсную опушку грибы сбирать, не подвернулся ли къ которой деревенскій парень, не завелъ ли съ ней грѣховодныхъ разговоровъ. Еще на Софонтьевой полянѣ, только-что покончили службу, старицы покрыли свое «иночество» *) широкими черными платками... Но, несмотря на такое «скрытіе иночества» подъ шерстянымъ платкомъ, всякій узнавалъ скитницу по ея поступи и по всему наружному виду.

Вотъ впереди другихъ идетъ сухопарая, невысокаго роста старушка съ умнымъ лицомъ и добродушнымъ взоромъ живыхъ голубыхъ глазъ. Опираясь на посохъ, идетъ она не скоро, но споро, твердой, легкой поступью, и оставляетъ за собой ряды дородныхъ скитницъ. Бодрую старицу сопровождаютъ четыре инокини, такія-жъ, какъ и она, постныя, такія-жъ степенныя. Молодыхъ съ ними не было, да очень молодыхъ въ ихъ скиту и не держали... То была шарпанская игуменья мать Августа съ сестрами. Обогнавъ ряды келейницъ, подошла къ ней Фленушка.

— Тамъ на многолюдствѣ, въ большомъ собраніи не посмѣла я доложить вамъ, матушка Августа, про одно дѣльцо, — сказала она. — Матушка Манеѳа нарочито послала меня сюда поговорить съ вами.

— Говори, что̀ наказано, — молвила Августа строго, но съ кроткой на устахъ улыбкой.

— Пройдемтесь сторонкой, — сказала Фленушка.

— Аль по тайности что̀? — равнодушно спросила мать Августа.

— По тайности, — отвѣтила Фленушка.

И обѣ перешли на другую сторону широкой столбовой дороги.

— Эку жару Господь посылаетъ, — молвила Августа, переходя дорогу. — До полдёнъ еще далеко̀, а гляди-ка на солнышкѣ-то какъ припекаетъ... По старымъ примѣтамъ, яровымъ бы

---

*) Такъ называется весь головной уборъ старообрядскихъ инокинь: камилавка, наметка и апостольникъ.

надо хорошо уродиться... Дай-ка, Господи, благое совершеніе!.. Ну что же, красавица, какія у тебя до меня тайности?—спросила она Фленушку, когда остались онѣ одаль отъ другихъ келейницъ.

— Письмецо матушка Манефа до васъ прислала и на рѣчахъ кой-о-чемъ приказала,—молвила Фленушка, отдавая письмо.

— Не матушкина рука,—взглянувъ на письмо, сказала Августа и спрятала его подъ апостольникъ.

— Не совсѣмъ еще оправилась она послѣ болѣзни-то,—отвѣтила Фленушка.—Самой писать еще невмоготу. Я съ ея словъ написала.

— Ты писала?—кротко спросила мать Августа, вскинувъ глазами на Фленушку.

— Съ матушкиныхъ словъ,—отвѣтила Фленушка.—На концѣ и ея руки приписка есть. Поглядите.

— Погляжу,—молвила Августа.—Какія-жъ тайности ты мнѣ скажешь?

— Да насчетъ того, что тутъ писано... Матушка велѣла вамъ на словахъ объяснить...

— Что-жъ такое?—спросила Августа.

— Зоветъ къ себѣ на Петровъ день,—сказала Фленушка.—Собранье будетъ у насъ въ обители. Изо всѣхъ скитовъ съѣдутся матери.

— По какому это дѣлу?

— Изъ Москвы насчетъ епископа прислали посланника...

— Не пріемлемъ,—отрѣзала Августа.—Изъ-за этого не стоитъ стары кости трясти... Не буду.

— Софронію отвержену быть,—продолжала Фленушка.

— Не наше дѣло,—сказала Августа.

— Новаго архіепископа думаютъ поставить—владимірскаго,—продолжала-таки свое Фленушка.

— Не пріемлемъ,—еще разъ отрѣзала Августа и хотѣла идти черезъ дорогу къ своимъ старицамъ.

— Да еще про скитъ вашъ писано, матушка, и мнѣ больше про это поговорить наказано,—молвила Фленушка.

— Что-жъ такое?—безстрастно спросила Августа.

— Изъ Питера письма получены,—сказала Фленушка.—Казанскую у васъ хотятъ отобрать... Насчетъ вашего скита велѣно разузнать: не послѣ ли пожара онъ ставленъ...

— Слышала,—равнодушно отозвалась мать Августа.

— На этотъ счетъ и велѣно мнѣ съ вами переговорить,—молвила Фленушка.—Дѣло общее, всѣмъ бы надо вмѣстѣ обсудить его, какъ и что дѣлать.

— Судить-то нечего, — молвила Августа.

— Какъ бѣду отвести, гдѣ искать помощи, заступниковъ... — говорила Фленушка.

— Есть у насъ и помощь и заступа. — сказала мать Августа. — Другихъ искать не станемъ.

— Гдѣ же ваша заступа? — спросила Фленушка.

— У Царицы Небесной, — твердо отвѣтила Августа. — Покамѣстъ Она Матушка убогаго дома нашего не оставила, какую еще намъ искать заступницу?.. Не на помощь человѣческую, на Нее надежду возлагаемъ.. Скажи, красавица, матушкѣ Манееѣ: не погнѣвалась бы, не посердитовала на насъ убогихъ, а не поѣду я къ ней на собраніе.

— Посовѣтовались бы, матушка. — молвила Фленушка.

— Нечего мнѣ совѣтоваться, не объ чемъ, — перервала ее Августа. — Одна у меня совѣтница, одна и защитница — Царица Небесная, Казанска Богородица... Отринуть Ее да пойти на совѣтъ человѣческій — какъ же я возмогу?.. Она Матушка — стѣна наша необоримая, Она крѣпкая наша заступница и во всѣхъ бѣдахъ скорая помощница... Нѣтъ, красавица. не поѣду я на ваше собраніе.

— А какъ отнимутъ у васъ икону-то? Тогда что̀ заговорите? — рѣзко сказала Фленушка. сбрасывая напущенную на себя скромность.

— Не попуститъ Владычица. — молвила Августа и. низко поклонясь Фленушкѣ, пошла къ своимъ старицамъ.

— Матушка, — сказала, догоняя ее, Фленушка. — Попомните, что на Петровъ день у насъ праздникъ въ часовнѣ. Въ прежни годы, бывало, вы къ намъ на Петровъ день, мы къ вамъ на Казанскую.

— Благодаримъ покорно, — съ поклономъ отвѣтила мать Августа. — Коли жива да здорова буду, не премину побывать, а ужъ насчетъ собранія не погнѣвалась бы матушка Манееа. Наше дѣла сторона.

И пошла къ своимъ.

Фленушка подошла къ Оленевскимъ. Высокая, смуглая старица со строгимъ и умнымъ выраженьемъ въ лицѣ шла рядомъ съ малорослою, толстою инокиней, на каждомъ шагу задыхавшейся отъ жары и непривычной прогулки пѣшкомъ. То были Оленевскія игуменьи: Маргарита и Фелицата, во всемъ съ Манееой единомысленныя. Фленушка передала имъ письма еще на Софонтьевой полянѣ и тамъ обо всемъ нужномъ переговорила.

— Ну, что̀ сказала мать Августа? — спросила Маргарита у Фленушки, когда та подошла къ ней.

— На праздникѣ быть обѣщалась, а на собранье не хочетъ идти, — отвѣтила Фленушка.

— Ея дѣло, какъ знаетъ, — съ досадой молвила Фелицата.— Объ епископѣ, конечно, совѣтоваться ей нечего.

— Не пріемлетъ, такъ и разговору нѣтъ. — А насчетъ скита ихняго что̀ сказала? — спросила Маргарита у Фленушки.

— Надѣюсь, говоритъ, на Владычицу... Она у меня, говоритъ, и совѣтница и заступница, другихъ не желаю, — отвѣтила Фленушка.

— Экая гордыня-то, экая гордыня!.. — вскрикнула Фелицата. — Чѣмъ бы сообща дѣло обсудить да потомъ Владычицу въ Москву свезти аль въ другое надежное мѣсто припрятать, она — поди-ка что̀ — умнѣе всѣхъ хочетъ быть.

— Ну, Господь съ ней, какъ знаетъ, такъ пущай и распоряжается. Не наше дѣло, Фелицатушка, — успокаивала Маргарита пріятельницу.

— Какъ не наше дѣло? — горячилась Фелицата. — Какъ не наше дѣло? Сама знаешь, что̀ будетъ, коли отберутъ изъ Ша̀рпана Владычицу. Тутъ всѣхъ скитовъ дѣло касается, не одного Ша̀рпана... Нѣтъ, этого нельзя!.. На собраньи надо эту горячку подъ власть подтянуть, чтобы общаго совѣта слушалась... Такъ нельзя!.

— А чѣмъ ты ее подъ власть-то подтянешь? — спросила Маргарита. — Не захочетъ слушать — чѣмъ приневолишь?

— Какъ по общему согласью рѣшимъ, такъ должна будетъ послушать, — сказала Фелицата.

— А плевать ей на общее-то наше согласіе, — съ усмѣшкой молвила Маргарита. — Кому пойдешь на нее жалобиться?

— Въ Москву напишемъ, — сказала Фелицата.

— А что̀ ей Москва-то? — продолжала Маргарита. — Ша̀рпански и безъ того ее знать не хотятъ. Не намъ съ тобой онѣ чета, Фелицатушка: за сборами не ѣздятъ, канонницъ по домамъ не разсылаютъ, никому не угождаютъ, а всѣхъ богаче живутъ.

Въ это время скитницы подошли къ деревнѣ и стали расходиться по знакомымъ. Тутъ Фленушка успѣла раздать всѣ привезенныя письма.

Оленевскія съ Манеѳиными въ одномъ дому пристали. Обѣдъ, предложенный радушнымъ хозяиномъ, продолжался долго. Конца не было пшѐнникамъ да лапшѐнникамъ, пшѐнницамъ да лапшѐнницамъ.

Совсѣмъ смерклось, когда старицы велѣли работникамъ лошадей запрягать. Оленевскія игумены уѣхали, а мать

Аркадія долго еще оставалась у гостепріимнаго сродника... Искали Василья Борисыча... Кто его знаетъ — куда запропастился... Устинью тоже не вдругъ сыскать могли. Сказывала, къ улангерскимъ матерямъ повидаться ходила.

Всю дорогу ворчала на нее мать Аркадія. Устинья хохотала, а Василій Борисычъ то и дѣло восклицалъ:

— Охъ, искушеніе!..

Глава вторая.

И весна и лѣто выдались въ томъ году хорошія. Каждый день съ утра до вечера яркое солнце горячо нагрѣвало землю, но засухи не было... А не было засухи оттого, что ночи по три на недѣлѣ передъ утренней зарей небо тучками обкладывалось и частымъ, крупнымъ, обильнымъ дождемъ кропило засѣянныя поля. Такая была благодать, что старые люди, помнившіе Пугача и чуму московскую, не знавали такого добраго года. Двумя недѣлями раньше обыкновеннаго шли полевыя работы: яровой сѣвъ кончили до Егорья, льны посѣяли и огурцы посадили дня черезъ два послѣ Николы. Про холодные сиверы, про медвяныя росы и градобои слуховъ даже не было.

Не нарадуются православные, любуясь на пышные всходы сочной озими, на яркую зелень поднимавшейся яри. О томъ только и молятъ, о томъ только и просятъ Господа — даровалъ бы Онъ хлѣбу совершеніе, засухой бы не пожегъ, дождями бы не залилъ, градомъ бы не побилъ надежду крестьянскую.

Каждому радостно, каждому весело на зеленыя поля глядѣть, но всѣхъ радостнѣй, всѣхъ отраднѣе любоваться на нихъ крестьянину деревни Поромовой, Трифону Михайлычу Лохматому. Тридцати недѣль не прошло съ той поры, какъ злые люди его обездолили, четырехъ мѣсяцевъ не минуло, какъ, разоренный пожаромъ и покражами, скрѣпя сердце благословлялъ онъ сыновей идти изъ теплаго гнѣзда родительскаго на трудовой хлѣбъ подъ чужими кровлями... И вотъ, благодаря Создателя, во всемъ хозяйствѣ успѣлъ онъ справиться. И новую токарню сладилъ, лучше прежней, и лошадокъ купилъ, и хорошей одёжой обзавелся, и покраденное дочернее приданое сталъ помаленьку замѣнять новокупленнымъ.

«Ужъ спасибо-жь тебѣ, Алексѣюшка! — думаетъ самъ про себя Трифонъ Лохматый, любуясь всходами на надѣльной полосѣ своей. — Разумомъ и досужествомъ сумѣлъ ты полюбиться богатому тысячнику и по скорости поставилъ на ноги хозяйство наше разоренное... Благослови тебя Господи бла-

гостнымъ благословеніемъ!.. Дай тебѣ Господи отъ сыновъ своихъ вдвое видѣть утѣшенія супротивъ того, сколь ты утѣшилъ меня на старости лѣтъ!»

Только и думы у Трифона, только и рѣчей съ женой, что про большаго сына Алексѣюшку. Ѳеклѣ Абрамовнѣ иную пору за обиду даже становилось, отчего не часто поминаетъ отецъ про ея любимчика Саввушку, что пошелъ ложкарить въ Хвостиково. «Чего еще взять-то съ него?—съ горькимъ вздохомъ говоритъ сама съ собой Ѳекла Абрамовна: — паренекъ не совсѣмъ на возрастѣ, а къ Святой недѣлѣ тоже десять цѣлковыхъ въ домъ принесъ».

Раскидываетъ Трифонъ Лохматый умомъ-разумомъ: «отчего это Алексѣй до такой мѣры сталъ угоденъ спесивому, своеобычному Чапурину?». До сей поры у Трифона никакихъ дѣлъ съ Патапомъ Максимычемъ не бывало, и видалъ-то его разъ-другой мелькомъ только издали, но отъ людей зналъ по наслуху, что хоть онъ и справедливъ, до рабочихъ людей хоть и милостивъ, однакожъ никого изъ нихъ до близости съ собой не допущаетъ... «Да какъ и допускать? — продолжаетъ Трифонъ Михайлычъ: — водится онъ съ купцами первостатейными, съ людьми чиновными, къ самому губернатору вхожъ— въ вѣрсту-ль ему мелкую сошку къ себѣ приближать? Пущай у сына руки золотыя, пущай всѣмъ знаемо, что другого такого токаря за Волгой нѣтъ и не бывало, — да вѣдь потомъ и руками у бѣлорукаго богача въ честь не войдешь. Изъ себя пригляденъ — такъ не дѣвка Патапъ-отъ Максимычъ, не стать ему зариться на красоту молодецкую».

Другое еще темяшится въ головѣ Трифона Лохматаго. Четыре мѣсяца пожилъ Алексѣй въ Осиповкѣ, а совсѣмъ сталъ другой — узнать нельзя. Бывало, въ праздничный день на деревнѣ только и слышно его, пѣсню ли спѣть, въ хороводы ли съ дѣвками, въ городки ли съ ребятами, Алексѣй вездѣ изъ первыхъ... А теперь, придя о Пасхѣ къ отцу на побывку, ровно иночество на себя наложилъ: отъ игры, отъ веселья сторонится, хмурый ходитъ да думчивый. Попытать бы сына, разспросить, отчего стало ему невесело, — да не отцовское то дѣло, не родителю сыну поминать про качели да хороводы и про всякую мірскую суету. Какъ-то къ слову пришлось — женѣ Трифонъ наказалъ, будто мимоходомъ, шутки ради, съ сыномъ рѣчь повести, зачѣмъ-де отъ потѣхъ сторонится, отчего съ дѣвками на прежнюю стать не заигрываетъ. И Ѳекла не добилась толку отъ Алексѣя. Сестры отъ себя принимались у него кой-что вывѣдывать, про чапуринскихъ дѣвицъ пытались рѣчь заводить — только цыкнулъ на нихъ Алексѣй. Саввушка,

по материну наказу, тоже рѣчь начиналъ — ни слова ему братъ не отвѣтилъ.

Чужимъ глядѣлъ Алексѣй въ дому родительскомъ. Какъ малое дитя радовалась Ѳекла Абрамовна, что и куличъ-то ея стряпни удался къ Свѣтлому празднику, и пасха-то вышла сладкая да разсыпчатая, и яйца-то на славу окрасились. Всѣ домашніе раздѣляли радость хозяйкину; одинъ Алексѣй не взглянулъ на стряпню матери и, сидя за обѣдомъ, не похвалилъ ни жирныхъ щей со свѣжиной, ни студени съ хрѣномъ, ни жаренаго поросенка съ бѣлымъ, какъ молоко, мясомъ и съ поджаристой кожицей. Горько показалось это старушкѣ, слезы у ней на глазахъ даже выступили... Для великаго-то дня, для праздника-то, которому по божественной пѣснѣ всякая тварь радуется!.. Но сдержала слезы Абрамовна, пересилила горе обидное, не нарушила радости праздника. «Что-жъ! — тихонько поворчала сама съ собой: — привыкъ къ сладкой ѣдѣ купеческой, навадился сидѣть за столами богатыми — невкусна ему кажется хлѣбъ-соль родительская». Но вечеромъ въ задней горницѣ, гдѣ ставлена была у Лохматаго небольшая моленная, справивъ уставные поклоны и прочитавъ положенныя молитвы, долго и тоскливо смотрѣла огорченная мать на ликъ Пречистой Богородицы. Раздумывая о сынѣ, не слыхала она, не чуяла, какъ слезы ручьемъ потекли по впалымъ щекамъ ея.

«Отрѣзанный ломоть!»—вспало на умъ Абрамовнѣ. И, постоявъ малое время передъ иконами, стала она класть поклонъ за поклономъ о здравіи и спасеніи раба Божія Алексѣя.

И самъ Алексѣй сознавалъ, что онъ отрѣзанный ломоть отъ родной семьи. Еще съ той поры, какъ только сталъ входить въ возрастъ, любилъ онъ тѣшить себя игрой мыслей, по цѣлымъ, бывало, часамъ задумывался надъ вещами несбыточными, надъ дѣлами несодѣянными. Бывало, стоя за токарнымъ станкомъ либо крася олифой горянщину, представляетъ онъ себя то сильнымъ могучимъ богатыремъ, то царемъ небывалаго царства, а чаще всего богачомъ: у него полны сусѣки серебра да золота, у него бочки жемчуговъ и камней многоцѣнныхъ въ кладовой стоятъ. Расходятся, бывало, мысли, разгуляются, какъ вода вешняя, не зная удержу, и не одинъ часъ проработаетъ Алексѣй, не помня себя, времени не замѣчая, чужихъ рѣчей не слыша... Но неясны и несвязны были тогда его думы о богатомъ житьѣ-бытьѣ. Не бывалъ онъ еще нигдѣ кромѣ своего Поромова да окольныхъ деревушекъ, не видалъ, какъ люди въ довольствѣ да въ богатствѣ живутъ, какъ достатками великими красятъ жизнь свою привольную... Попалъ въ домъ тысячника, увидѣлъ, какъ люди въ чести да въ

холѣ живутъ, узналъ, какъ богачи деньгами ворочаютъ... Тогда смутныя думы стали яснѣй и понятнѣе...

И сотворилъ Алексѣй въ душѣ своей кумира... И поклонился онъ тельцу златому... Только теперь у него и думы, только и гаданья — какимъ бы ни на есть способомъ разбогатѣть поскорѣе и всю жизнь до гробовой доски проводить въ весельѣ, въ изобиліи и въ людскомъ почетѣ.

И тѣсна и грязна показалась ему изба родительская, мелка денноночная забота отца съ матерью о скромномъ хозяйствѣ, глупы рѣчи неотесанныхъ деревенскихъ товарищей, неприглядны лица красныхъ дѣвушекъ... Отрѣзанный ломоть!..

Когда Патапъ Максимычъ объявилъ Алексѣю, что не станетъ дольше держать его, крѣпко парень призадумался. Все случилось такъ быстро, такъ для него неожиданно. Рѣшенье огорченнаго Чапурина застало Алексѣя врасплохъ... Куда дѣваться?.. Домой идти — силы нѣтъ... Не ужиться ему подъ одной кровлей со стариками, — воли, простору, богатой жизни ищетъ душа молодецкая... Трудомъ богатство нажить?.. А сколько годовъ на это надобно?.. Марья Гавриловна?.. Но Алексѣю хоть и думалось, а какъ-то все еще не вѣрилось, чтобъ она за крестьянскаго сына пошла.

Недѣли полторы послѣ Настиныхъ похоронъ пріѣхалъ къ Патапу Максимычу изъ Городца удѣльный крестьянинъ Григорій Филипповъ. Запершись въ задней горницѣ добрый часъ, толковалъ съ нимъ горемычный тысячникъ. Кончивъ разговоры, повелъ онъ пріѣзжаго по токарнямъ, по красильнямъ, по всему своему заведенію.

Затѣмъ наказалъ Пантелею, скликнулъ бы онъ рабочихъ.

— Алексѣя Трифонова доводится мнѣ въ Красну Рамень послать, — объявилъ Патапъ Максимычъ стоявшей безъ шапокъ толпѣ работниковъ. — Оттоль ему надо еще кой-куда съѣздить. Потому съ нонѣшняго дня за работами будетъ смотрѣть Григорій Филиппычъ... Слушаться его!.. Почитать во всемъ... У него на рукахъ и расчеты заработковъ.

— Слушаемъ, батюшка Патапъ Максимычъ! — въ голосъ отозвались токари и красильщики, искоса поглядывая на новаго приказчика.

Понуривъ голову, неспѣшными шагами пошелъ Патапъ Максимычъ домой. Мимоходомъ велѣлъ Пантелею Алексѣя къ нему позвать да пару саврасыхъ вятокъ въ телѣжку на желѣзныхъ осяхъ заложить. А сидѣнье въ телѣжкѣ наказалъ покрыть персидскимъ ковромъ, на которомъ самъ выѣзжалъ въ дальню дорогу.

Вошелъ Алексѣй въ хозяйскую боковушу, положилъ Богу уставные поклоны, низко поклонился стоявшему у окна хозяину.

— Новый приказчикъ поряжонъ, — сухо, не глядя на Алексѣя, сказалъ Патапъ Максимычъ.

Молчалъ Алексѣй, склонивъ голову.

— Пора тебѣ. Ступай съ Богомъ, — молвилъ угрюмо Чапуринъ.

— Слушаю, — едва слышно отвѣтилъ Алексѣй.

— Для видимости... спервоначалу ѣхать тебѣ въ Красну Рамень — на мельницы, — сказалъ Патапъ Максимычъ, глядя въ окошко. — Оттоль въ городъ... Дѣла тамъ нѣтъ тебѣ никакого... Для видимости, значитъ, только тамъ побывай... Для одного отводу... А изъ городу путь тебѣ чистый на всѣ четыре стороны... Всѣмъ, кого встрѣтишь, одно говори — нашелъ, дескать, мѣсто невпримѣръ лучше чапуринскаго... Такъ всѣмъ и сказывай... Слышишь?

— Патапъ Максимычъ... — началъ-было Алексѣй.

— А ты молчи да слушай, что̀ люди старѣй тебя говорятъ, — перебилъ Патапъ Максимычъ. — Перво-на̀перво обѣщанье держи, единымъ словомъ не смѣй никому заикнуться... Слышишь?

— Слушаю, Патапъ Максимычъ, — полушопотомъ сказалъ Алексѣй.

— Смалчивать будешь — не вспо̀каешься... По гробъ жизни тебя не оставлю, — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Не то что дѣвичьей глупостью гдѣ похвалиться, болтнешь чуть что̀ ненарокомъ — не уйдешь отъ меня. Помни это, заруби себѣ на носу...

— Буду помнить, Патапъ Максимычъ, — отозвался Алексѣй глухимъ, едва слышнымъ голосомъ.

— То-то. Не мели того, что̀ осталось на памяти, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — А родителю скажи: деньгами онъ мнѣ ни копейки не долженъ... Что̀ ни забрано, все тобой заслужено... Богъ дастъ, выпадетъ случай — самъ повидаюсь, то же скажу... На праздникѣ-то гостивши, не сказалъ ли чего отцу съ матерью?

— Никому ничего я не говаривалъ, — упалымъ голосомъ отвѣчалъ Алексѣй.

— И не говори!.. Оборони тебя Господи, если кому проговориться смѣешь, — строго сказалъ Патапъ Максимычъ, оборотясь лицомъ къ Алексѣю. — Это тебѣ на разживу, — прибавилъ онъ, подавая пачку ассигнацій, завернутую въ розовую чайную бумагу. — Не зломъ провожаю... Господь велѣлъ добромъ за зло платить... Получай!

— Патапъ Максимычъ! — воскликнулъ-было Алексѣй, не принимая подарка.

— Чего еще? — грозно закричалъ на него Чапуринъ, сверкнувъ глазами.

— Тяжелы ваши милости! — едва переводи духъ, проговорилъ Алексѣй.

— Молчать! — громче прежняго крикнулъ Патапъ Максимычъ. — Смѣетъ еще разговаривать... Бери!

Не протянулъ руки Алексѣй.

— Да бери же, босоплясъ ты этакій!.. Бери, коли даютъ, — топнувъ ногой, крикнулъ на него Патапъ Максимычъ. — Ломаться, что ли, передо мной вздумалъ?.. Чваниться?.. Такъ я тѣ задамъ!.. Бери, нѐпуть *) этакій!

Дрожмя дрожали руки у Алексѣя, когда принималъ онъ подарокъ отъ Патапа Максимыча. Хоть корыстенъ былъ, а эти деньги ровно калено желѣзо ожгли его.

Ни слова не говоря, до земли поклонился онъ Патапу Максимычу.

— Для че валяешься? — строго молвилъ ему Патапъ Максимычъ, оборачиваясь къ окну. — Только Богу да родителямъ въ ноги слѣдуетъ кланяться — больше никому.

Всталъ Алексѣй и замолчалъ, потупя очи.

— Нужда придетъ—письмо пиши: помогу, — говорилъ Патапъ Максимычъ, глядя въ окно. — А самъ глазъ не смѣй показывать... Есть ли мѣсто на примѣтѣ?

— Никакого нѣтъ, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Въ Комаровѣ побывай. Марья Гавриловна Масляникова, что̀ живетъ у сестры въ обители, вздумала торги заводить, пароходъ покупаетъ. Толкнись къ ней — баба добрая... Безъ приказчика ей нельзя... Скажи: отъ Патапа, молъ, Максимыча присланъ.

Вздрогнулъ Алексѣй отъ рѣчей Чапурина. И слышится, да не вѣрится.

«Какъ же это такъ? — думаетъ онъ. — Отчего же она сама не сказала мнѣ?»

— Ну, съ Богомъ... — послѣ долгаго молчанья сказалъ Патапъ Максимычъ, продолжая глядѣть въ окно. — Отправляйся.

— Патапъ Максимычъ!.. — упалымъ голосомъ началъ-было Алексѣй.

— Нечего тутъ!.. Коли сказано: «съ Богомъ», такъ берись за скобку да шасть за косякъ... — угрюмо сказалъ Патапъ

---

*) Непутный человѣкъ, иногда бѣсъ.

Максимычъ, не отворачиваясь отъ окна.—Пару саврасыхъ съ тележкой дарю... На нихъ поѣзжай...

— Прости ты меня, ради Господа...—зарыдалъ Алексѣй, падая къ ногамъ Патапа Максимыча.

— Въ шею, что ли, толкать?—закричалъ тотъ.—Убирайся, покуда цѣлъ!

Грустно поднялся Алексѣй и неспѣшными шагами вышелъ изъ горницы. И тутъ не обернулся Патапъ Максимычъ.

Но долго по уходѣ Алексѣя глядѣлъ онъ въ окно. Очей не сводя, мрачно смотрѣлъ, какъ тотъ сряжался въ дорогу, какъ прощался съ Пантелеемъ и работниками, какъ, помолившись Богу на три стороны, низко поклонился покидаемому дому, а выѣхавъ за околицу, сдержалъ саврасокъ, вылѣзъ изъ тележки, еще разъ помолился, еще разъ поклонился деревнѣ... Вотъ тихо рысцой запылилъ онъ по излучистой дорожкѣ, что̀ пролегала межъ ярко-зеленыхъ полосъ озими. Вотъ и скрылся въ темномъ перелѣскѣ... Улеглась и пыль, взбитая звонкими копытами дареныхъ лошадокъ, а Патапъ Максимычъ все стоитъ у окна, все глядитъ на перелѣсокъ.

Пусто и безлюдно показалось ему въ домѣ, когда воротился онъ съ погоста, похоронивъ Настю... еще пустѣй, еще безлюднѣй показалось ему теперь, по отъѣздѣ Алексѣя... Широкими шагами ходитъ Патапъ Максимычъ взадъ и впередъ по горницѣ. Громко стучатъ каблуки его по крашеному полу, дрожитъ и звенитъ въ шкапахъ серебряная и фарфоровая посуда... Тяжкія думы объяли Чапурина... Не выходитъ изъ мыслей дочь-покойница, не сходитъ и обидчикъ съ ума... Радъ бы радешенекъ изъ мыслей вонъ его, да крѣпко засѣлъ въ головѣ—ничѣмъ оттуда его не выбьешь, не выживешь... Все гребтится Патапу Максимычу: куда-то онъ дѣнется, каково-то будетъ ему въ чужихъ людяхъ жить.

«Эхъ, грому на тя нѣтъ!..—бранится самъ про себя Патапъ Максимычъ.—Малаго времени пождать не могъ!.. Что̀ теперь надѣлалъ, пустая голова?.. И себѣ навредилъ, и ее погубилъ, и меня обездолилъ... Ежа бы тѣ за пазуху!»

Опустилось солнышко за черную полосу темнаго лѣса; воротились мужики домой съ полевой работы, торопились они засвѣтло отужинать—послѣ Николина дня грѣшно въ избахъ огонь вздувать. Трифонъ Лохматый, сидя на лавкѣ возлѣ двери, разболокался *), Ѳекла съ дочерьми ставила на столъ ужину... Вдругъ къ воротамъ подкатила пара саврасокъ.

*) Раздѣвался.

Выглянула Өекла въ окно, всплеснула руками. Бросивъ столешникъ, что̀ держала въ рукахъ, накрывая столъ для ужины, кинулась вонъ изъ избы съ радостнымъ крикомъ:

— Алексѣюшка!

— Кони-то знатные какіе, надо-быть, хозяйскіе, — нараспѣвъ проговорила Параня, высунувшись до половины изъ середняго подъемнаго окна.

— Опять по дѣламъ, видно, посланъ, — проворчалъ разувавшійся Трифонъ.

Скрипнули ворота. Алексѣй въѣхалъ на дворъ и, не заходя въ избу, хотѣлъ распрягать своихъ вятокъ, но мать была уже возлѣ него. Горячо обнимаетъ его, а сама заливается-плачетъ. Вся семья высыпала на крыльцо встрѣчать дорогого нежданнаго гостя.

— Куда Богъ несетъ? — спросилъ Трифонъ у сына, когда тотъ перездоровался со всѣми.

— Да по разнымъ мѣстамъ, батюшка, — отвѣчалъ Алексѣй.— Теперь покуда въ Красну Рамень на мельницы... оттоль и самъ не знаю куда.

— Какъ такъ? — удивился Трифонъ. — Ѣдешь въ путь, а куда тотъ путь, самъ не вѣдаешь.

— На мельницахъ отъ хозяина приказъ получу... А тамъ, можетъ, и на все лѣто уѣду... На Низъ, можетъ, сплыву, — отвѣчалъ Алексѣй, привязывая саврасокъ ὄбротями къ заду телѣжки.

Өекла всхлипнула.

— Приводится тебѣ, дитятко, спознавать чужу дальню сторону, — на̀ голосъ причитанья завела-было она, но Трифонъ унялъ жену.

— Заверещала, ничего нѐ видя! — крикнулъ онъ. — Не въ саванъ кутаютъ, не въ гробъ кладутъ... Дѣло хорошее, — дальня сторона уму-разуму учитъ... Опять же Алехѣ отъ хозяйскихъ посыловъ отрекаться не стать... На край свѣта пошлютъ, и туда поѣзжай.

— Чужбина-то вѣдь больно непотачлива, — горько молвила, утирая слезы, Абрамовна.

Не отвѣтилъ Трифонъ старухѣ.

— Есть ли овесъ-отъ въ запасѣ? — обратился онъ къ сыну: — не то возьми изъ клѣти, задай лошадкамъ, да пойдемъ ужинать... Знатные коники! — примолвилъ старикъ, поглаживая саврасокъ. — Небось, дорого плачены.

Не сказалъ Алексѣй, что дорогія лошадки подарены ему Патапомъ Максимычемъ.

Хоть заботная Өекла и яичницу-глазунью ради сынка со-

стряпала, хоть и кринку цѣльнаго молока на столъ поставила. будничная трапеза родительская не по вкусу пришлась Алексѣю. Ѣлъ не въ охоту и тѣмъ опять прикручинилъ родную мать. Еще разъ вздохнула Ѳекла Абрамовна, вспомнивъ, что сердечный ея Алешенька сталъ совсѣмъ отрѣзаннымъ отъ семьи ломтемъ.

Ужинъ въ молчаніи прошелъ. По старому завѣту за трапезой говорить не водится... Грѣхъ... И когда встали изъ-за стола и Богу кресты положили, когда Ѳекла съ дочерьми со стола принялись сбирать, обратился Трифонъ Лохматый къ сыну съ разспросами.

— Долго-ль у насъ погостишь? — спросилъ онъ.

— Дѣло у меня, батюшка, спѣшное, — несмѣло и тихо отвѣтилъ Алексѣй. — Заутрѣ выѣхать надо.

Сроду впервые сказалъ передъ отцомъ онъ неправду. Отъ того и голосъ дрогнулъ немножко.

— Коли дѣло на̀ спѣхъ, засиживаться нечего. Съ Богомъ, — отозвался Трифонъ.

— Одну только ноченьку и проночуешь, — плаксиво обратилась Ѳекла Абрамовна къ сыну. — И наглядѣться-то не дашь на себя!

Не отвѣтилъ Алексѣй матери.

— Что̀ у васъ тамъ въ Осиповкѣ-то приключилось? — перебилъ Трифонъ Абрамовну, садясь на лавку и обращаясь къ сыну. — Бѣда, говорятъ, стряслась надъ Чапуриными? Дочку схоронили?

— Схоронили, — глухо отвѣтилъ Алексѣй.

— Дѣвица, сказываютъ, была хорошая, — вступилась Ѳекла. — Изъ себя такая, слышь, приглядная, и разумомъ, говорятъ, вышла. Мало, слышь, такихъ дѣвицъ на свѣтѣ бываетъ.

Ни полслова на то Алексѣй. Сидитъ молча супротивъ отца, опустивъ на̀ грудь голову...

— Тоскуетъ, поди, Патапъ-отъ Максимычъ? — спросилъ старикъ.

— Тоскуетъ, — сквозь зубы промолвилъ Алексѣй, не поднимая головы.

— Какъ не тосковать? Какъ не тосковать? — вздыхая, подхватила Ѳекла Абрамовна. — До всякаго доведись!.. Что̀ коровѣ теля, что̀ свиньѣ порося, что̀ отцу съ матерью рожоно дитя — все едино... Мать-то, поди, какъ убивается.

— Тоскуетъ и мать, — подтвердилъ Алексѣй.

— Что̀ же такое случилось съ ней? — спросила Ѳекла Абрамовна. — Много всякаго здѣсь плетутъ. Всѣхъ вѣстей не переслушаешь.

— Доподлинно не знаю, — отвѣтилъ Алексѣй.—Дома меня въ ту пору не было, на Ветлугу посыланъ былъ. Воротился въ самы похороны.

— Силòмъ, слышь, замужъ сердечную выдать хотѣли... За купца за какого-то за пріѣзжаго, — продолжала Ѳекла Абрамовна. — А она, слышь, съ горя-то да съ печали зельемъ себя опоила, не къ ночи будь сказано.

— Ничего такого не было, — отвѣтилъ Алексѣй, подпявъ голову. — Ни за кого выдавать ее не думали, а чтобъ сама надъ собой чтò сдѣлала — такъ это одно пустое вранье.

— Мало-ль чего наплетутъ ваши бабьи языки, — строго промолвилъ женѣ Трифонъ Лохматый. — Не слыша слышатъ, не видя видятъ, а вѣстей напустятъ, смòтницы, что ни конному ни пѣшему ихъ не нагнать, ни царскимъ указомъ ихъ не поворотить... Пуговицы вамъ на губы-то пришить... Нечего тутъ!.. Спать ступайте, не мѣшайте намъ про дѣло толковать.

Поворчавъ немного пòдъ носъ, Ѳекла вышла изъ избы съ дочерями. Остался Трифонъ съ сыномъ съ глазу нà глазъ.

— Зачѣмъ на Ветлугу-то посылали? — спросилъ Трифонъ.— Аль и тамъ дѣла у Чапурина?

— И тамъ были дѣла, — неохотно сквозь зубы процѣдилъ Алексѣй.

— По мочалу аль по лубу?

— И по мочалу и по лубу, — молвилъ Алексѣй, смущаясь отъ новой лжи, отцу сказанной. Никогда ему даже на умъ не вспадало говорить отцу неправду или чтò скрывать отъ родителей... А теперь вотъ дошло до чего — чтò ни слово, то ложь!.. Жутко стало Алексѣю.

— Аль притомился? — спросилъ у сына Трифонъ. — Ишь глаза-то у тебя какъ слипаются.

— И то пріусталъ, — молвилъ Алексѣй. — Цѣлу ноченьку глазъ не смыкалъ.

— Чтò такъ?

— Да съ вечеру счетà съ хозяиномъ сводили, — отвѣчалъ Алексѣй. — А тамъ кой-чѣмъ распорядиться надобность была. Всталъ съ солнышкомъ — новому приказчику заведенье сдавать.

— Какъ новому приказчику? — быстро спросилъ удивленный Трифонъ.

— Замѣсто меня другого взялъ Патапъ Максимычъ... Григорья Филиппова не слыхалъ ли?.. Удѣльный изъ-подъ Городца откуда-то.

— А тебя какъ же? — тревожно спросилъ отецъ.

— Меня-то, кажись, по посылкамъ больше хочетъ, — смутясь пуще прежняго, сказалъ Алексѣй.

— По посылкамъ! — медленно проговорилъ Трифонъ и задумался. — Что же, какъ рядились вы съ нимъ? Погодно, аль по каждой посылкѣ особь?

— Патапъ Максимычъ не обидитъ, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Знаю, что не обидитъ, — замѣтилъ Трифонъ: — а все бы лучше договориться. Знаешь пословицу: «уговоръ крѣпче денегъ»... Однакожъ прежнюю-то ряду сполна за тобой оставилъ, аль по-новому какъ?

— Больше положилъ, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Сколько?

— Два ста на серебро выдалъ впередъ до осени, до Покрова, значитъ. Это на одни харчи... А коль на Низъ поплыву, еще выслать обѣщалъ, — продолжалъ Алексѣй. — По осени полный расчетъ будетъ, когда, значитъ, возворочусь... Опять же у меня деньги его на рукахъ.

— Гдѣ ляжешь? На повѣти? Али въ чуланѣ? — спросилъ Трифонъ.

— Да я бы въ телѣжкѣ, возлѣ лошадокъ соснулъ. На волѣ-то по теперешнему времени легче, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Въ телѣжкѣ такъ въ телѣжкѣ... Какъ знаешь, — согласился Трифонъ. — А деньги мнѣ подай... На ночь-то схороню, не то всяко можетъ случиться.

Алексѣй подалъ пачку, что на прощаньи подарилъ ему Патапъ Максимычъ.

Старикъ молча пересчиталъ деньги.

— Тысяча! Хозяйскихъ, значитъ, тугъ восемьсотъ. Такъ-ли? — сказалъ онъ сыну.

— Такъ точно, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Хозяйски деньги завсегда надо особь держать, — молвилъ Трифонъ. — Никогда своихъ денегъ съ чужими не мѣшай — съ толку можешь сбиться. Вотъ такъ, — прибавилъ онъ, отсчитавъ восемьсотъ рублей и завернувъ ихъ въ особую бумажку. — Деньги немалыя — по нашему деревенскому счету, по старинѣ то-есть, двѣ тысячи восемьсотъ... Да... Ну, а это твои? — спросилъ онъ, указывая на восемь четвертныхъ.

— Мои, батюшка, — проговорилъ Алексѣй.

И зажгло, защемило въ то время у Алексѣя сердце. Пришло ему на умъ, что ровно бы крадетъ онъ у отца восемьсотъ рублей.

— Много-ль въ домъ-отъ оставишь? — спросилъ Трифонъ.

— Сколько велишь, батюшка, столько и оставлю. Я твой и вся власть надо мною твоя. Въ угоду будетъ, и всѣ возьми, противиться не могу, — покорно отвѣчалъ Алексѣй.

— Безъ тебя знаю, что всѣ могу взять, — сухо отвѣтилъ

Трифонъ. — Про то говорю: много-ль тебѣ на прожитокъ до новой получки потребуется... Сколько потребуется, столько и бери, остальныя въ домъ...

— Да съ меня, батюшка, было бы за глаза и пятидесяти цѣлковыхъ, — отвѣчалъ Алексѣй, чувствуя сильное волненье на сердцѣ.

— Ладно, — молвилъ Трифонъ. — Пятьдесятъ такъ пятьдесятъ... Полтораста цѣлковыхъ, значитъ, въ домъ?

— Такъ точно, батюшка, — подтвердилъ Алексѣй.—Да вотъ еще что̀ наказывалъ Патапъ Максимычъ тебѣ объявить... Скажи, говоритъ, родителю, что деньгами онъ мнѣ ни копейки не долженъ. Что̀, говоритъ, ни было впередъ забрано — все, говоритъ, съ костей долой.

— Полно ты? — съ радостнымъ удивленьемъ вскакивая съ лавки, всклпкнулъ Трифонъ.

— Право слово, батюшка... Такъ и сказалъ — ни единой копейки родитель твой мнѣ не долженъ.

Трифонъ обратился къ божницѣ и положилъ иконамъ три земныхъ поклона. Потомъ, сѣвъ на прежнее мѣсто, сказалъ Алексѣю.

— За такія великія милости долже̂нъ ты, Алексъюшка, Патапа Максимыча словно отца родного всю жизнь твою почитать. Весь вѣкъ по гробъ жизни твоей моли за него Творца Небеснаго... Экія милости!.. Экія щедроты неслыханныя!.. И чѣмъ, я дивлюсь, Алексѣюшка, заслужилъ ты у него?.. Весь свѣтъ обойди—про такія милости нигдѣ не услышишь... Подумай: шутка ли — двѣсти рублевъ на Пасху подарилъ, теперь больше семисотъ долгу простилъ, вѣдь это почитай цѣла тысяча... Дай ему Господи добраго здоровья и души спасенія!.. Экій человѣкъ-отъ!.. Экій человѣкъ!.. Почитай же его, Алексѣюшка, почитай своего благодѣтеля. За добро добромъ платить надобно. Служи ему честно, вѣрой и правдой... Пошли ему Господи всякаго добра... Утѣшь, успокой его Царица Небесная во нонѣшни слезовые дни родительской печали его!..

И, поднявшись съ лавки, опять обратился Трифонъ къ святому углу, опять положилъ три земныхъ поклона за благодѣтеля своего Патапа Максимыча.

— Такъ изъ этихъ денегъ ужъ брать ли мнѣ теперь? — съ довольной улыбкой сказалъ Трифонъ, показывая на лежавшія особо восемь двадцатипятирублевыхъ бумажекъ.

— Вся воля твоя, батюшка, — отозвался Алексѣй. — Я ужъ сказалъ тебѣ: хочешь, такъ всѣ возьми.

— Чепухи не мели, когда отецъ про дѣло съ тобой разсуждаетъ, — строго сказалъ ему Трифонъ Михайлычъ. — Не

обидѣть желаю, долгъ родительскій справляю... Потому пустыхъ словъ не долженъ ты говорить... Постой, самъ я смекну, сколько денегъ тебѣ надобно... До Покрова семнадцать недѣль— десять недѣль — семьдесятъ дёнъ, да въ семи недѣляхъ безъ одного пятьдесятъ. Значитъ, всего на все сто двадцать дёнъ безъ одного. По цѣлковому въ день на харчи и на все тебѣ съ залишкомъ хватитъ... Значитъ, восемьдесятъ цѣлковыхъ въ домъ. До Покрова считаю, не до новой получки... Понялъ?

И, отложивъ восемьдесятъ рублей, Трифонъ спряталъ всѣ деньги въ скрыню и заперъ ее въ сундукѣ.

— Ну, Алексѣюшка, — радостно сказалъ старикъ. — На эти восемьдесятъ цѣлковыхъ дѣвкамъ приданое справимъ, тогда и въ дому все попрежнему станетъ, ровно бы злодѣи насъ и не забижали. А все, парень, твоимъ трудомъ да разумомъ... Спасибо, родной, что помогъ отцу поправиться... Богъ и добрые люди тебя за то не оставятъ, а отъ меня, старика, вотъ какая тебѣ рѣчь пойдетъ. За то, что тебя я выростилъ, за то, что вспоилъ-вскормилъ тебя, на ноги поставилъ тебя, ты мнѣ сполна заплатилъ... Въ расчетѣ, значитъ, съ тобой, — прибавилъ старикъ, улыбаясь и глядя рукой сыновніе кудри.

— Вѣдь я твой, батюшка, и все твое, — завелъ-было прежнюю пѣсню Алексѣй, но отецъ перебилъ его.

— А ты молчи да слушай, что отецъ говоритъ. На родителя больше ты не работникъ, копейки съ тебя въ домъ не надо. Свою деньгу наживай, на свой домокъ копи, Алексѣюшка... Таковы твои годы пришли, что пора и законъ принять... Прежде было-думалъ я изъ нашей деревни дѣвку взять за тебя. И на примѣтѣ, признаться, была, да вижу теперь, что здѣшнія дѣвки не пара тебѣ... Ищи судьбы на сторонѣ, а мое родительское благословенье завсегда съ тобой.

— Батюшка, на другое хочу я твоего благословенья просить, — послѣ долгаго молчанья робко повелъ новую рѣчь Алексѣй. — Живучи у Патапа Максимыча, торговое дѣло вызналъ я, слава Богу, до точности. Счеты-ль вести, другое ли что—не хуже другого могу...

— Такъ что же? — спросилъ Трифонъ.

— Поѣду теперича я на Волгу, а тамъ на Низъ, можетъ статься, сплыву, — продолжалъ Алексѣй. — Можетъ подходящее мѣстечко выпасть повыгоднѣе, чѣмъ у Патапа Максимыча... Благослови, батюшка, на такое мѣсто идти, коли найдется.

Нахмурился Трифонъ.

— Неладно, сынокъ, затѣваешь, — строго сказалъ онъ. — Нѣтъ тебѣ на это моего благословенья. Какія ты милости отъ Патапа Максимыча видѣлъ?.. Сколь онъ добръ до тебя и ми-

лостивъ!.. А чѣмъ ты ему заплатить вздумалъ?.. Покинуть его, иного мѣста тайкомъ искать?.. И думать не моги!.. Кто добра не помнитъ, Богъ того забудетъ.

— Не сталь бы я, батюшка, говорить о томъ, когда-бъ самъ Патапъ Максимычъ не совѣтовалъ мнѣ на сторонѣ хорошаго мѣста искать.

— Что-жъ это такое! Развѣ ему ты не угоденъ сталъ?.. Не надобенъ?.. Говори прямо, прогналъ, что ли? — рѣзко спросилъ Трифонъ у сына.

— Когда бы прогналъ, денегъ бы не далъ, долговъ не скостилъ бы *), — въ сильномъ смущеньи отвѣчалъ отцу Алексѣй. — Самъ видѣлъ, батюшка, какую сумму препоручилъ онъ мнѣ.

«Ума не приложу», — раздумывалъ старикъ Лохматый.

— А если, говорилъ Патапъ Максимычъ, свое дѣло вздумаешь зачинать, — продолжалъ Алексѣй: — отъ себя, значитъ, торговлю заведешь, письмо ко мнѣ, говоритъ, пиши, на почннъ ссужу деньгами, сколько ни потребуется.

— Въ разумъ не возьму, что̀ за человѣкъ этотъ Патапъ Максимычъ, — молвилъ Трифонъ. — Ровно ты, парень, корнями обвелъ его... Не родня ты ему, не сватъ, не братъ... За что же онъ такъ радѣетъ о тебѣ... Что̀ тутъ за притча такая?

Промолчалъ Алексѣй.

— Коли такъ, Богъ тебя благослови, — помолчавши немалое время, сказалъ Трифонъ. — Ищи хорошаго мѣста. По какой же части ты думаешь?

— Пароходы хвалятъ теперь, батюшка, — отвѣтилъ Алексѣй. — На пароходы думаю поступить... Если-бъ теперича мнѣ приказчикомъ пароходнымъ опредѣлиться, — жалованье дадутъ хорошее, опять же награды каждый годъ большія... По времени можно и свой пароходишко сколотить...

— Широко, братъ, шагаешь — штановъ не разорви, — молвилъ старый Трифонъ. — Пароходъ-отъ завести — не одинъ, поди, десятокъ тысячъ надо имѣть про запасъ. Больно ужъ высоко̀ ты задумалъ!..

— Патапъ Максимычъ не оставитъ, — молвилъ Алексѣй.

— Нѣтъ, это ужъ больно жирно будетъ. Это ужъ совсѣмъ дѣло несбыточное, — сказалъ Трифонъ. — Какъ возможно, чтобы хоть и Патапъ Максимычъ такими великими деньгами ссудилъ тебя!.. Не золотыя же горы у него?.. Стать ли швырять ему тысячами?.. Этакъ какъ разъ прошвыряешься...

---

*) *Скостилъ* — сложилъ съ костей долой (на счетахъ), то же, что похѣрилъ, уничтожилъ, сквиталъ.

А ты вздоровъ-то да пустыхъ мыслей въ голову не забирай, несодѣянными думами ума не разблажай, веди дѣло толкомъ... На пароходы такъ на пароходы рядись, а всего бы лучше, когда-бъ Патапъ Максимычъ по своему великодушію небольшимъ капитальцемъ тебя не оставилъ, да ты бы въ городу торговлишку какую ни на есть завелъ... Такое дѣло невпримѣръ бы надежнѣе было.

— По времени и за торговлю можно будетъ приняться... не вдругъ. Оглядѣться надо напередъ, — молвилъ Алексѣй.

— Вѣстимо дѣло, надо оглядѣться, — согласился Трифонъ. — Твое дѣло еще темное, свѣту только-что въ деревнѣ и видѣлъ... на чужой сторонѣ поищи разума, поучись вкругъ добрыхъ людей, а тамъ что̀ Богъ велитъ. Когда рожь, тогда и мѣра.

— Такъ искать, батюшка, на пароходѣ мѣстечка-то?.. Патапъ Максимычъ на пароходы больше совѣтуютъ, — сказалъ Алексѣй отцу, выходя съ отцомъ вонъ изъ избы.

— Ищи, коли Патапъ Максимычъ совѣтуетъ. Худу не научитъ, — рѣшилъ Трифонъ

Цѣлу ночь напролетъ сомкнуть глазъ не могъ Алексѣй. Сказанная отцу неправда паче мѣры возмутила еще не заглохшую совѣсть его. Но какъ же было правду говорить?.. Какъ нарушить данное Патапу Максимычу обѣщанье?.. Вѣдь онъ прямо наказывалъ: «Не смѣй говорить отцу съ матерью». Во всемъ признаться — отъ Патапа погибель принять...

Путаются у Алексѣя мысли, ровно въ огневицѣ лежитъ... И Настина внезапная смерть, и предсмертныя мольбы ея о своемъ погубителѣ, и милости оскорбленнаго Патапа Максимыча, и коварство лукавой Марьи Гавриловны, что̀ не хотѣла ему про мѣсто сказать, и повѣрившій обманнымъ рѣчамъ отецъ, и темная неизвѣстность будущаго — все это вереницей одно за другимъ проносится въ распаленной головѣ Алексѣя и нестерпимыми му̀ками, какъ тяжелыми камнями, гнететъ встревоженную душу его...

На другой день, пообѣдавши, въ путь снарядился. Простины были черствыя... Только Ѳекла Абрамовна прослезилась, благословляя сына на разлуку. Сестры были непривѣтны; старикъ сдержанъ, суровъ даже нѣсколько.

Рѣшили, если выйдетъ Алексѣю хорошее мѣсто въ дальней сторонѣ, пріѣзжалъ бы домой проститься да кстати и паспортъ года на два выправилъ.

Недолго, кажется, прогостилъ Алексѣй въ дому родительскомъ — сутокъ не минуло, а непривѣтно что-то стало послѣ отъѣзда его. Старикъ Трифонъ и въ токарню не пошелъ, хоть была у него срочная работа. Спозаранокъ завалился въ

чуланѣ, и долго слышны были порывистые, тяжкіе вздохи его... Ѳекла Абрамовна въ моленной заперлась... Параня съ сестрой въ огородъ ушли гряды полоть, и тамъ межъ ними ни обычнаго смѣху, ни звонкихъ пѣсенъ, ни деревенскихъ пересудовъ... Ровно замерло все въ домѣ Трифона Лохматаго.

Глава третья.

Справивши дѣла Патапа Максимыча въ Красной Рамени, поѣхалъ Алексѣй въ губернскій городъ. Съ малолѣтства живучи въ родныхъ лѣсахъ безвыѣздно, не видавши ничего, кромѣ болотъ да малыхъ деревушекъ своего околотка, диву дался онъ, когда передъ глазами его вдругъ раскинулись и высокія крутыя горы, и красавецъ-городъ, и синее широкое раздолье матушки Волги.

Стояло ясное утро, когда онъ, приближаясь къ городу, погонялъ пріуставшихъ саврасокъ. День былъ воскресный и базарный, оттого народу въ праздничныхъ одеждахъ и шло и ѣхало въ городъ видимо-невидимо... Кто спѣшилъ поторговать, кто шелъ погулять, а кто и оба дѣла заразъ сдѣлать. Слыхалъ Алексѣй, что перевозъ черезъ Волгу подъ городомъ не совсѣмъ исправенъ, что паромовъ иной разъ не хватаетъ, оттого и обгонялъ онъ вереницу возовъ, тяжело нагруженныхъ разною крестьянской кладью и медленно подвигавшихся по песчаной дорогѣ, проложенной середь широкой зеленой поймы. На счастье подъѣхалъ онъ къ берегу какъ разъ въ то время, какъ вернувшіеся съ нагорной стороны перевозчики стали принимать на паромъ «свѣжихъ людей»... Зачѣмъ такъ суетился, зачѣмъ хлопоталъ Алексѣй, зачѣмъ перебранивался съ перевозчиками и давалъ имъ лишнюю полтину, лишь бы скорѣй переѣхать, самъ того не вѣдалъ. Ровно въ чаду какомъ былъ. Ровно толкало его вонь изъ родного затишья заволжскихъ лѣсовъ, ровно тянулъ его къ себѣ невидимыми руками этотъ шумный и многолюдный городъ-красавецъ, величаво раскинувшійся по высокому нагорному берегу Волги.

Городъ блисталъ рѣдкой красотой. Его видъ поразилъ бы и не такого лѣсника-домосѣда, какъ токарь Алексѣй. На ту пору въ воздухѣ стояла тишь невозмутимая, и могучая рѣка зеркаломъ лежала въ широкомъ лонѣ своемъ. Мѣстами солнечные лучи огненно-золотистой рябью подергивали синія струи и круги, расходившіеся оттуда, гдѣ бѣлоперый мартынъ успѣвалъ подхватить себѣ на завтракъ серебристую плотвицу *).

*) *Мартыномъ* или *мартышкой* на средней Волгѣ зовутъ птицу-рыболова, чайку. Плотвица — небольшая рыбка *Cyprinus idus*.

И надъ этой широкой водной равниной великанами встаютъ и торжественно сіяютъ высокія горы, крытыя густолиственными садами, ярко зеленымъ дерномъ выровненныхъ откосовъ и бѣлокаменными стѣнами древняго Кремля, что смѣлыми уступами слетаетъ съ кручи до самаго рѣчного берега. Слегка тронутыя солнцемъ громады домовъ, церкви и башни гордо смотрятъ съ высоты на тысячи разнообразныхъ судовъ отъ крохотнаго ботника до полуверстныхъ коноводокъ у баржъ, густо столпившихся у городскихъ пристаней и по всему плесу *).

Огнемъ горятъ золоченыя церковныя главы, кресты, зеркальныя стекла дворца и длиннаго ряда высокихъ домовъ, что струной вытянулись по вѣнцу горы. Подъ ними изъ темной листвы набережныхъ садовъ сверкаютъ красноватыя, битыя дорожки, прихотливо сбѣгающія внизъ по утесамъ. И надъ всей этой красотой высокò въ глубокой лазури, царемъ поднимается утреннее солнце.

Ударили въ соборный колоколъ — густой, малиновый **) гулъ его разлился по необъятному пространству... Еще ударъ... Еще — и разомъ на всѣ лады и стрòи зазвонили съ пятидесяти городскихъ колоколенъ. Въ окольныхъ селахъ нагорныхъ и заволжскихъ дружно подхватили соборный благовѣстъ, и зычный гулъ понесся по высокимъ горамъ, по крутымъ откосамъ, по съѣздамъ, по широкой водной равнинѣ, по неоглядной поймѣ лугового берега. На набережной, вплотную усѣянной народомъ, на лодкахъ и баржахъ всѣ сняли шапки и крестились широкимъ крестомъ, взирая на вѣнчавшую чудныя горы соборную церковь.

Паромъ причалилъ. Тутъ въ конецъ отуманило Алексѣя. Сроду не вспадало ему въ голову, чтобъ могло быть гдѣ-нибудь такое многолюдство, чтобы могъ кипѣть такой несмолкаемый шумъ, такая толкотня и безтолочь. Оглушающій говоръ рабочаго люда, толпами сновавшаго по набережной и сбиравшагося мѣстами въ огромныя кучи, крики ломовыхъ извозчиковъ, сбитенщиковъ, пирожниковъ и бабъ-перекупокъ, рѣзкіе звуки перевозимаго и разгружаемаго желѣза, уханье крючниковъ, вытаскивавшихъ изъ баржъ разную кладь, пѣсни загулявшихъ бурлаковъ, рѣзкіе свистки пароходовъ, весь этотъ содомъ втупикъ поставилъ небывалаго во многолюдныхъ городахъ парня. Оглядѣвшись, сталъ онъ разспрашивать

*) *Плесъ* или *плесо* — колѣно рѣки между двухъ изгибовъ, также часть ея отъ одного изгиба до другого, видимая съ одного мѣста часть рѣки.

**) *Малиновымъ* зовутъ пріятный стройный звонъ колоколовъ или колокольчиковъ.

встрѣчнаго и поперечнаго, какъ бы проѣхать ему на постоялый дворъ. Но, замѣтя въ Алексѣѣ новичка, одни несли ему всякій вздоръ, какой только лѣзъ въ ихъ похмельную голову, другіе звали въ кабакъ поздравить съ пріѣздомъ, третьи ни съ того ни съ сего до упаду хохотали надъ неловкимъ деревенскимъ парнемъ, угощая его доморощенными шутками, не всегда безобидными, которыми подъ веселый часъ да на̀ людяхъ любитъ русскій человѣкъ угостить новичка. У бабъ спросилъ Алексѣй про постоялый дворъ — а тѣ хватаютъ его за кафтанъ и норовятъ всучить ему студени съ хрѣномъ, либо вареныхъ рубцовъ, либо отслужившіе срокъ солдатскіе штаны и затасканную кацавейцу; другія, что̀ помоложе, улыбаются масляной улыбкой и, подмигивая, зовутъ въ харчевню, для праздника повеселиться. Подвернулись и лошадиные барышники, одинъ цыганъ, другой забубенный баринъ въ военномъ сюртукѣ съ сиплымъ голосомъ, должно-быть, спившійся съ кругу поручикъ, и двое мѣщанъ-кулаковъ въ красныхъ рубахахъ и синихъ поддевкахъ. Не слушая Алексѣя, что кони его не продажные, они смотрятъ имъ въ зубы, гладятъ, подхлыстываютъ, мнутъ бока, оглядываютъ копыта и зовутъ парня въ трактиръ покончить дѣло, котораго тотъ и начинать не думалъ. То и дѣло ощупывая тайникъ *) и оглядывая своихъ вятокъ, насилу отдѣлался Алексѣй отъ незванныхъ покупщиковъ, и то лишь съ помощью пригрозившаго имъ городового. Пуще отца родного возрадовался Алексѣй знакомому мужичку, что̀ Великимъ постомъ ряжёнъ былъ Пataномъ Максимычемъ по послѣднему пути свезти остатокъ горянщины на Городецкую пристань.

— Дядя Елистратъ!.. Землякъ!.. — крикнулъ онъ ему, не выпуская изъ рукъ повода коренной савраски. — Яви божескую милость — подь сюда.

Медленнымъ шагомъ подошелъ къ нему дядя Елистратъ и спервоначалу не призналъ Алексѣя.

— Меня, что-ль, кликалъ, мо̀лодецъ? — спросилъ онъ.

— Аль не узналъ меня, дядя Елистратъ? — заискивающимъ голосомъ заговорилъ Алексѣй. — Вѣдь ты постомъ посуду возилъ изъ Осиповки?.. Чапуринскую, Патапа Максимыча?

— Мы-ста возили. Да ты кто-жъ такой будешь? — спросилъ Елистратъ.

— А приказчикъ-отъ ихній, Алексѣй-отъ Трифоновъ. Помнишь?.. Аль запамятовалъ?

— И впрямь дѣло, ты! — молвилъ Елистратъ. — Ну, паря,

*) *Тайникъ* — бумажникъ съ деньгами.

подобрѣлъ же ты и прикраснѣлъ. Въ жизнь бы не узнать... какъ есть купецъ-молодецъ.

— Какой купецъ! — отозвался Алексѣй. — Далеко еще до купцовъ-то.

— Всякіе, молодецъ, бываютъ купцы, — засмѣялся дядя Елистратъ. — По здѣшнимъ мѣстамъ есть таки купцы, что продаютъ одни рубцы, да сѣно съ хрѣномъ, да еще суконны пироги съ навозомъ... Ты не изъ таковскихъ... Первостатейнымъ глядишь.

Стоявшіе кругомъ громко захохотали. Дядя Елистратъ какъ собака на нихъ накинулся. Человѣкъ бывалый и къ тому-жъ не робкаго десятка.

— Чего галдѣть-то, дуй васъ горой!.. Коему лѣшему возрадовались? — задорно крикнулъ онъ, засучивая на всякій случай правый рукавъ. — Земляки сошлись промежъ себя покалякать, а вы — лопнуть бы вамъ — въ чужое дѣло поганое свое рыло суёте!.. О!.. Рябую-бъ собаку вамъ на дуванъ... *) Провалиться бы вамъ, чертямъ этакимъ!.. Подступись только кто — рыло на сторону!..

Смекнули шутники, что дядя Елистратъ человѣкъ опытный... По-добру по-здорову одинъ за другимъ въ сторонку.

— Научи ты меня Христа ради, землякъ, какъ мнѣ отселева до постоялаго двора добраться? Въ городу отродясь не бывалъ, ничего-то не знаю, никого-то знакомыхъ нѣтъ — очутился ровно въ лѣсу незнаемомъ, — умолялъ Алексѣй дядю Елистрата.

— На постоялый тебѣ? — сказалъ дядя Елистратъ, ухватясь рукою за край Алексѣевой телѣжки. — А ты вотъ бери отселева прямо... Все прямо, вдоль по набережной... Переулокъ тамъ увидишь налѣво, налѣв и ступай. Тамъ улица будетъ, на улицѣ базаръ; ты ее мимо... Слышь?.. Мимо базара подъ самую, значитъ, гору, тутъ тебѣ всякій мальчишка постоялый дворъ укажетъ. А не то поѣдемъ заодно, я тѣ и путь укажу и все, что тебѣ надобно, мигомъ устрою.

И, не дождавшись отвѣта, взобрался дядя Елистратъ на телѣжку и развалился на персидскомъ коврѣ, покрывавшемъ сидѣнье.

— Пошелъ! — крикнулъ онъ присѣвшему сбоку облучка Алексѣю. — Прямо пошелъ!.. Эй, вы, калина съ малиной, красна смородина!

Запрыгала телѣжка по булыжной мостовой, вдоль и вкось изрытой промоинами и рытвинами, и вскорѣ земляки добрались

*) *Дуванъ* — дѣлежъ добычи.

4*

до постоялаго двора. Не могъ отвязаться Алексѣй отъ докучнаго дяди Елистрата, не радъ былъ, что и связался съ нимъ. Хоть ни на пристани ни на базарѣ ничего онъ не покупалъ, ничего и не продалъ, однако дядя Елистратъ счелъ нужнымъ сорвать съ Алексѣя могорычъ, спрыснуть, значитъ, счастливый пріѣздъ его въ городъ. Дѣлать нечего, долженъ былъ Алексѣй угощать земляка, указавшаго путь-дорогу къ постоялому двору. Чутьемъ ли пронюхалъ, по другому-ль чему смекнулъ дядя Елистратъ, что чапуринскій приказчикъ при деньгахъ, и повелъ онъ его не въ кабакъ, не въ бѣлу харчевню, а въ стоявшую по близости богатую гостиницу, куда его въ смуромъ кафтанѣ едва-едва пропустили.

Въ глазахъ зарябило у Алексѣя, робость какая-то на него напала, когда, взобравшись по широкой лѣстницѣ, вошелъ онъ съ дядей Елистратомъ въ просторныя свѣтлыя комнаты гостиницы, по случаю праздника и базарнаго дня переполненныя торговымъ людомъ. Горницы Патапа Максимыча, бывшія до тѣхъ подъ Алексѣю за диковину, въ сравненьи съ этими показались темными клевухами. Покои двухсаженной вышины, оклеенные пестрыми, хоть и сильно загрязненными обоями, бронзовыя люстры съ подвѣсными хрусталями, зеркала хоть и тускловатыя, но возвышавшіяся чуть не до потолка, триповыя, хотя и закопченныя занавѣси на окнахъ, золоченые карнизы, расписной потолокъ, — все это непривычному Алексѣю казалось такою роскошью, такимъ богатствомъ, что въ его головѣ тотчасъ же сверкнула мысль: «Эхъ, поладить бы мнѣ тогда съ покойницей Настей, повести бы дѣло не какъ у насъ съ нею сталось, въ такихъ бы точно хоромахъ я жилъ...» Все дивомъ казалось Алексѣю: и огромный буфетный шкапъ у входа, со множествомъ полокъ, уставленныхъ бутылками и хрустальными графинами съ разноцвѣтными водками, и блестящіе мѣдные тазы по сажени въ поперечникѣ, наполненные кусками льду и трепетавшими еще стерлядями, и множество столиковъ, покрытыхъ грязноватыми и вѣчно мокрыми салфетками, вкругъ которыхъ чинно возсѣдали за чаемъ степенные «гости», одѣтые наполовину въ сюртуки, наполовину въ разные сибирки, кафтанчики, чапаны и поддевки. Дивуется небывалый новичокъ низкимъ поклонамъ, что̀ ему, человѣку заѣзжему, незнакомому, отвѣшивають стоящіе за буфетомъ дородные приказчики и самъ сановитый хозяинъ съ дорогими перстнями на пальцахъ и съ золотой медалью на застегнутой наглухо бархатной жилеткѣ. Дивится пестрой толпѣ бойкихъ разбитныхъ половыхъ, что̀ въ бѣлыхъ миткалёвыхъ рубахахъ кучкой стоятъ у боль-

наго стола середь комнаты и, зорко оглядывая «гостей», расправляютъ свои бороды или помахиваютъ концами перекинутыхъ черезъ плеча полотенецъ. При входѣ Алексѣя съ дядей Елистратомъ они засуетились, и одинъ, ровно оторвавшись отъ кучки товарищей, немилосердно передергивая плечами и размахивая руками, подвелъ «новыхъ гостей» къ порожнему столику, разостлалъ передъ ними чистую салфетку и, подпершись о̂ бокъ локоткомъ, шепеляво спросилъ, наклоняя русую голову:

— Чѣмъ потчевать прикажете?

— Перво-на̀перво сбери ты намъ, молодѐцъ, четыре пары чаю, да смотри у меня, чтобы чай былъ самолучшій — цвѣточный... Графинчикъ поставь, — примолвилъ дядя Елистратъ.

— Какой въ угодность вашей милости будетъ? Рябиновой? Листовки? Померанцевой? Аль, можетъ-быть, всероссійскаго произведенія желаете?

Дядя Елистратъ пожелалъ всероссійскаго произведенія, и минуты черезъ три ловкій любимовецъ *), ровно съ цѣпи сорвавшись, летѣлъ ужъ къ своимъ гостямъ. Одной рукой поднявъ выше головы подносъ съ чашками и двумя чайниками, въ другой несъ онъ маленькій подносикъ съ графинчикомъ очищенной и двумя объемистыми рюмками. Ловко бросивъ подносы одинъ за другимъ на столикъ, отошелъ онъ къ середнему столу и тамъ, подбоченясь фертомъ, сталъ пристально разглядывать Алексѣя съ Елистратомъ.

Алексѣй въ гостиницу пошелъ неохотно. Если бы дядя Елистратъ чуть не силкомъ затащилъ его, ни за что бы на свѣтѣ не переступилъ онъ порога ея. Съ ранняго дѣтства наслушался онъ отъ отца съ матерью и отъ степенныхъ мужиковъ своей деревни, что всѣ эти трактиры и харчевни заведены молодымъ людямъ на пагубу, что тамъ съ утра до̀ ночи идетъ безобразное пьянство и буйный разгулъ, что тамъ всякаго, кто ни войдетъ туда, то̀тчасъ обокрадутъ и обопьютъ, а иной разъ и отколотятъ ни за̀ что ни про̀ что, а такъ, здорово живешь. Старухи-келейницы, жившія въ домѣ у его родителей для обученья ребятишекъ грамотѣ, называли трактиры корчемницами, по дѣйству дьяволю поставленными отъ слугъ антихриста ради уловленія душъ христіанскихъ. Вообще посѣщеніе такихъ заведеній Алексѣй почиталъ дѣломъ позорнымъ, и неспокойно было у него на̀ сердцѣ, когда усѣлся онъ съ дядей Елистратомъ за отведенный услужливымъ по-

*) Въ трактирахъ приволжскихъ городовъ и въ обѣихъ столицахъ половыми служатъ преимущественно уроженцы Любимовскаго уѣзда Ярославской губерніи.

ловымъ столикъ. Но вотъ окидываетъ онъ глазами — сидятъ все люди почтенные, ведутъ рѣчи степенныя, гнилого слова не сходитъ съ ихъ языка: о торговыхъ дѣлахъ говорятъ, о цѣнахъ на перевозку кладей, о волжскихъ меляхъ и перекатахъ. Неподалеку двое, сидя за селянкой, ладятъ дѣло о поставкѣ пшена изъ Сызрани до Рыбной; одинъ собесѣдникъ богатый судохозяинъ, другой кладчикъ десятковъ тысячъ четвертей зерноваго хлѣба. Съ другого бока сидитъ за чаемъ старикъ съ двумя помоложе, разговоръ идетъ у нихъ объ отправкѣ къ Калужской пристани только-что купленной имъ на пермскихъ ладьяхъ соли. Тамъ идетъ рѣчь о Телячьемъ Бродѣ и Харчевинскомъ перекатѣ *), тамъ о цѣнахъ на харчи въ верховыхъ городахъ, тамъ о починкѣ поломанной встрѣчнымъ пароходомъ коноводки, а тамъ еще подальше разспрашиваютъ какого-то армянина, много-ль въ Астрахани чихирю заготовлено для отправки къ Макарью. Разговоры все дѣловые, путные. Прислушиваясь къ нимъ, Алексѣй смотритъ бодрѣе, на душѣ у него становится спокойнѣй, пожалуй, хоть и спасибо сказать дядѣ Елистрату, что привелъ его въ такое мѣсто, гдѣ умные люди бываютъ, гдѣ многому хорошему можно научиться.

Покончили лѣсовики съ чаемъ, графинчикъ всероссійскаго цѣликомъ остался за дядей Елистратомъ. Здоровъ былъ на питье — какимъ сѣлъ, такимъ и всталъ; хоть въ одномъ бы глазѣ.

— А что, землякъ, не перекусить ли намъ чего не малости? — спросилъ онъ Алексѣя, вздумавъ сладко поѣсть да хорошенько выпить на даровщинку.

— По мнѣ пожалуй, — согласился Алексѣй. — Теперь же время обѣдать.

Дядя Елистратъ постучалъ ложечкой о полоскательную чашку, и, оторвавшись отъ середняго стола, лётомъ подбѣжалъ половой.

— Сбери-ка. молодецъ, къ сторонкѣ посуду-то, — сказалъ ему дядя Елистратъ: — да вели обрядить намъ московскую селянку, да чтобъ было поперчистѣй да покислѣй. Капусты-то не жалѣли бы.

— Съ какой рыбкой селяночку вашей милости потребуется? — съ умильной улыбкой, шепеляво, тоненькимъ голоскомъ спросилъ любимовецъ.

— Извѣстно съ какой!.. — съ важностью отвѣтилъ дядя Елистратъ. — Со стерлядью да со свѣжей осетриной... Да

---

*) Большія мели на Волгѣ.

чтобъ стерлядь-то живая была, не снулая — слышишь?.. А для вѣрности подь-ка сюда, землякъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ Алексѣю: — выберемъ сами стерлядку-то да помѣтимъ ее, чтобъ эти собачьи дѣти надуть насъ не вздумали.

И, подойдя къ мѣдному тазу съ рыбой, выбралъ добрую стерлядь вершковъ одиннадцати и помѣтилъ рыбу, ударивъ ее раза два ножомъ по головѣ, да кстати пырнулъ и въ бокъ острееиъ.

— Такъ-то вѣрнѣе будетъ, примолвилъ дядя Елистратъ. — Теперь не могутъ подмѣнить — разомъ могу подлогъ примѣтить. Здѣсь вѣдь народецъ-отъ ой-ой! — прибавилъ онъ, наклоняясь къ Алексѣю. — Небывалаго, вотъ хоть тебя къ примѣру взять, оплетутъ, какъ пить дадутъ — мигнуть не успѣешь. Имъ вѣдь только лясы точить да людей морочить. Любого возьми — изъ плута скроѣнъ, мошенникомъ подбитъ!.. Народъ отпѣтый!..

— Напрасно, ваше степенство, обижать такъ изволите, — ловко помахивая салфеткой и лукаво усмѣхаясь, вступился любимовецъ. — Мы не изъ таковскихъ. Опять же хозяинъ этого оченно не любитъ, требуетъ, чтобы все было съ настоящей, значитъ, вѣрностью... За всякое время во всемъ готовы гостя уважить со всякимъ нашимъ почтеніемъ. На томъ стоимъ-съ!..

— Знаемъ мы вашего брата, знаемъ!..—отшучивался дядя Елистратъ.—Изъ Любима города самъ-отъ будешь?

— Такъ точно-съ, любимовскіе,—задорно тряхнувъ кудрями, съ лукавой ужимкой отвѣтилъ половой.

— Значитъ, «не учи козу, сама стянетъ съ возу, а рука пречиста все причиститъ» *)... Такъ, что ли, молодецъ?—продолжалъ свои шутки дядя Елистратъ.

— А сами-то изъ какихъ мѣстовъ будете?—развязно и съ презрительной отчасти усмѣшкой спросилъ половой.

— Мы, братъ, изъ хорошей стороны — изъ-за Волги, — отвѣтилъ дядя Елистратъ.

— Значитъ—«заволжска кокура, бурлацкая ложка, теплый валеный товаръ»... Еще чтò вашей милости потребуется? — ввернулъ въ отвѣтъ любимовецъ, подбоченясь и еще задорнѣй тряхнувъ свѣтло-русыми, настоящими ярославскими кудрями.

— Ахъ, ты, бабій сынъ, рѣчистый какой пострѣлъ!—весело молвилъ дядя Елистратъ, хлопнувъ по плечу любимовца. — Щей подай, другъ ты мой сердечный, да смотри въ оба, чтобы щи-то были изъ самолучшей говядины... Подовые пироги ко

---

*) Шуточная поговорка про любимовцевъ.

щамъ—съ лучкомъ, съ мачкомъ, съ перечкомъ... Понимаешь?.. Сами бы въ ротъ лѣзли... Слышишь?.. У нихъ знатныя щи варятъ — языкъ проглотишь, — продолжалъ дядя Елистратъ, обращаясь къ Алексѣю. — Еще-то чего пожуемъ, землякъ?

— По мнѣ все едино, заказывай, коли началъ, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Гуся развѣ съ капустой?.. А коль охота, такъ и жаренаго поросенка съ кашей мигомъ спроворятъ. Здѣсь, братъ, окромя птичьяго молока, все есть, что̀ душѣ твоей ни захочется... Такъ али нѣтъ говорю, молодѐцъ? — прибавилъ онъ половому, снова хлопнувъ его по плечу дружески, изо всей мочи.

— Все будетъ въ самой скорой готовности, что̀ вашей милости ни потребуется, — бойко подхватилъ любимовецъ, отстороняясь однако отъ назойливыхъ ласкъ наянливаго дяди Елистрата.

— Развѣ еще селянку заказать? Изъ почекъ? — спросилъ Алексѣя знакомый съ трактирными кушаньями дядя Елистратъ.

— Пожалуй, — равнодушно отвѣтилъ Алексѣй.

— Валяй! — крикнулъ Елистратъ половому. — Да чтобъ у меня все живой рукой поспѣло — то̀тчасъ!.. Стрижена дѣвка косы-бъ не успѣла заплесть!.. Вотъ какъ!..

— Значитъ: щей, да селяночку московскую, да селяночку изъ почекъ, да пироговъ подовыхъ, да гуся съ капустой, да поросенка жаренаго,—скороговоркой перебиралъ половой, считая по пальцамъ.—Изъ сладкаго чего вашей милости потребуется?

— Дѣвки что-ль къ тебѣ ѣсть-то пришли?.. — захохоталъ дядя Елистратъ. — Сладкимъ вздумалъ потчевать!.. Эхъ, ты, голова съ мозгомъ!.. А еще любимовецъ-невыдавецъ!.. Замѣсто дѣвичья-то кушанья мадерцы намъ бутылочку поставь, а рюмки-то подай «хозяйскія»: пошире да поглубже. Проворь же, а ты, разлюбезный мо̀лодецъ, проворь поскорѣе.

Алексѣю обѣдъ понравился, пришлась по вкусу и мадера ярославскаго произведенія изо всякой всячины знаменитыхъ винодѣловъ, братьевъ Соболевыхъ *). Но, какъ ни голоденъ, какъ ни охочъ былъ дядя Елистратъ до чужихъ обѣдовъ, всего заказаннаго одолѣть не смогъ. Гусь остался почти нетронутымъ. Дядя Елистротъ по горло сытъ, но глаза еще го-

*) Въ разныхъ городахъ изъ русскаго чихиря дѣлаютъ *иностранныя* вина въ огромномъ количествѣ. Особенно замѣчательны были такія производства братьевъ Соболевыхъ въ Ярославлѣ, Зазыкина и Терликова въ городѣ Кашинѣ.

лоцны, и потому, ни мало сумняся, вынулъ изъ-за пазухи синій бумажный платокъ и, завязавъ въ него гуся, сунулъ въ карманъ — полакомиться сладкимъ кусомъ на сонъ грядущій.

Половые пересмѣхнулись.

— Кармашки-то не извольте засалить,— сказалъ одинъ изъ нихъ, повидимому на́большій, опираясь на середній столъ закинутыми назадъ руками.

— Не крадено беру, пла̀ченное... Что̀ зубы-то скалишь?.. Аль самому захотѣлось?—огрызнулся на него дядя Елистратъ, запуская въ карманъ и остатки поросенка.

— Мы не собачьей породы — объѣдками нашего брата не удивишь, — презрительно отозвался на̀большій и ровнымъ медленнымъ шагомъ отошелъ въ сторону.

— Ерихоны, дуй васъ горой!.. Перекосило-бъ васъ съ угла на̀ уголъ,—бранился дядя Елистратъ, кладя въ карманы оставшіеся куски бѣлаго и пеклеваннаго хлѣба и пару соленыхъ огурцовъ. — Ну, землякъ,—обратился онъ къ Алексѣю, потягиваясь и распуская опояску: — за̀ хлѣбъ за̀ соль, за щи спляшемъ, за пироги пѣсенку споемъ!.. Пора, значитъ, всхрапнуть маленько... Стало брюхо, что̀ гора, дай Богъ добресть до двора.

Алексѣй не отвѣчалъ. Въ самую ту минуту изъ сосѣдней комнаты разлились стройные звуки орга̀на, только-что привезеннаго изъ Москвы и что-то очень дорого стоившаго... Орга̀нъ былъ на рѣдкость... Чтобы послушать его, нерѣдко въ ту гостинницу ѣзжали даже такого сорта люди, что̀ высидѣть часъ-другой середь чернаго народу считаютъ за Богъ вѣсть какое безчестье. Сама губернаторша, какъ дошли до нея слухи о «дивномъ оркестріонѣ», возгорѣла желаніемъ насладиться его звуками и по этому случаю пригласила къ себѣ на вечеръ чуть-чуть не полгорода. Оказалось однако, что, несмотря на всѣ старанія полицеймейстера и городского головы, музыкальное диво въ губернаторскій домъ перевезти было невозможно. Тогда отдано было приказанье хозяину въ такой-то день въ гостинницу никого не пускать, комнаты накурить парижскими духами, прибрать подальше со столовъ мокрыя салфетки, сготовить уху изъ аршинныхъ стерледей, разварить трехпудоваго осетра, припасти икры бѣлужьей, икры стерляжьей, икры прямо изъ осетра, самыхъ лучшихъ донскихъ балыковъ, пригласить клубнаго повара для приготовленія самыхъ тонкихъ блюдъ изъ хозяйскихъ, разумѣется, припасовъ и заморозить дюжины четыре не кашинскаго и не архіерейскаго *), а на-

*) *Архіерейскимъ* называли въ прежнее время шипучее вино, пригото-

стоящаго шампанскаго. Насчетъ плодовъ не велѣно безпокоиться: губернскій предводитель изъ своихъ подгородныхъ теплицъ обѣщался пожертвовать и персики, и сливы, и абрикосы, и что-то еще въ этомъ родѣ. Хозяинъ гостиницы, разумѣется, остался въ накладѣ, зато удостоился чести принимать у себя «самолучшую публику», что̀ ея ни было въ городѣ, и съ сердечнымъ умиленьемъ, ровно ко святымъ мощамъ, благоговѣйно приложиться толстыми губами къ мяконькой, крошечной, благоуханной ручкѣ ея превосходительства. Хоть не разъ послѣ такого счастья чесалъ онъ тамъ, гдѣ въ часы невзгоды любитъ чесать себя русскій человѣкъ, однако былъ услажденъ не только цѣлованьемъ ручки у губернаторши, но и размашистыми ласками полицеймейстера. Полковникъ, похлопавъ купчину по плечу, съ шутливой рѣчью и юркой развязностью гвардейскаго штабъ-офицера ткнулъ его пальцемъ въ объемистый животъ и обѣщался на-дняхъ же заѣхать къ нему на домъ поиграть въ трынку и посовѣтоваться насчетъ предстоящаго выбора въ городскіе головы. Въ заключеніе полицеймейстеръ объявилъ, что добровольнаго пожертвованія на дѣтскій пріютъ съ хозяина гостиницы въ нынѣшнемъ году не потребуется и не пришлютъ ему отъ губернаторши толстой пачки билетовъ на концертъ въ пользу дамскаго благотворительнаго общества. Обрадованный купецъ, кланяясь въ поясъ, благодарилъ за такія великія милости... Угощеніе бояръ и закрытіе на цѣлый день гостиницы сполна окупались обѣщанными льготами, избавляя отъ пожертвованій, ежегодно дѣлаемыхъ россійскимъ купечествомъ добровольно, то-есть наступя на горло.

Ровными, согласными волнами льются величавые звуки «Жизни за Царя». Непривычному, неразвитому слуху непонятна вся прелесть художественной музыки, недоступно наслажденіе потрясающими чувства и возвышающими духъ созвучіями, но вѣчно юная, вѣчно прекрасная музыка Глинки обаятельно дѣйствуетъ на русскаго человѣка, стой онъ на высотѣ развитія или живи полудикаремъ въ какомъ-нибудь безвѣстномъ захолустьѣ. Будь онъ самый грубый, животный человѣкъ, но если въ душѣ его не замерло народное чувство, если въ немъ не перестало биться русское сердце, звуки Глинки навѣютъ на него тихій восторгъ и на думныя очи вызовутъ даже невольную сладкую слезу, и эту слезу, какъ завѣтное сокровище, не покажетъ онъ ни другу-пріятелю ни отцу съ матерью, а

вляемое на подобіе шампанскаго изъ астраханскаго и кизлярскаго чихиря въ нанимаемыхъ виноторговцами Макарьевской ярмарки погребахъ архіерейскаго дома въ Нижнемъ-Новгородѣ.

развѣ той одной, къ кому стремятся добрые помыслы любящей души... Въ этихъ звукахъ такъ много завѣтнаго, такъ много святого сокрыто для русскаго человѣка. Слышится въ нихъ и глухой, перекатный шумъ родныхъ лѣсовъ, и тихій всплескъ родныхъ волнъ, и веселые звуки весеннихъ хороводовъ, и послѣдній замирающій лепетъ родителя, дающаго дѣтямъ предсмертное благословенье, и сладкій шопотъ впервые любимой дѣвушки, и нѣжный голосъ матери, когда, бывало, погруженная въ думу о судьбѣ своего младенца, заведетъ она тихую, унылую пѣсенку надъ безмятежной его колыбелью... И тутъ же, рядомъ съ заунывною, вѣками выстраданною пѣсней, вдругъ грянетъ громогласное, торжественное, къ самому небу парящее величанье русской хлѣбъ-соли и Бѣлаго Царя православнаго.

Не алая заря по̀ небу разгорается, не тихая роса на сыру землю опущается — горитъ, пылаетъ лицо бѣлое, молодецкое, сверкаетъ на очахъ слеза незваная.

И взгрустнулось отъ той музыки Алексѣю... Настеньку вспомянулъ, красоту ея неописанную, рѣчи ея тихія, любовныя, ласки ея нѣжныя, судьбу ея воспомнилъ горькую... Хоть бы въ Волгу головой, такъ въ ту же пору.

Облокотясь на столъ, закрылъ онъ глаза ладонью, а дядя Елистратъ, постукивая пальцами по столу, исподтишка взглядывалъ на земляка и лукаво усмѣхался.

— Захмелѣлъ, —молвилъ онъ.—Пойдемъ-ка, Алексѣй Трифонычъ... Пора на боковую... Такъ-то невпримѣръ лучше — теперича это будетъ тебѣ пользительно.

На этихъ словахъ кончилась музыка. Алексѣй ровно ото сна очнулся... Размашисто тряхнулъ онъ кудрями и, ни словомъ ни взглядомъ не отвѣтивъ дядѣ Елистрату, спѣшной походкой направился къ буфету, бросилъ хозяину гостиницы бумажку и, не считая сдачи, побѣжалъ вонъ изъ гостиницы.

Дёнъ черезъ пять оглядѣлся Алексѣй въ городѣ и маленько привыкъ къ тамошней жизни. До смерти надоѣлъ ему охочій до чужихъ обѣдовъ дядя Елистратъ, но Алексѣй скоро отдѣлался отъ его наянливости. Сказалъ земляку, что ѣдетъ домой, а самъ съ постоялаго двора перебра̀лся въ самую ту гостиницу, гдѣ обѣдалъ въ день пріѣзда и гдѣ впервые отъ роду услыхалъ чудные звуки орга̀на, вызвавшіе слезовую память о Настѣ и беззавѣтной любви ея, — звуки, заставившіе его помимо воли заглянуть въ глубину души своей и устыдиться черноты ея и грязи.

Но такое доброе настроеніе скоро миновало. Куда ни пойдетъ Алексѣй, гдѣ ни вздумаетъ прислушаться къ людскимъ

толкамъ, вездѣ однѣ и тѣ же рѣчи: деньги, барыши, выгодныя сдѣлки. Всякъ хвалится прибылью, пуще смертнаго грѣха боится убыли, а неправедной наживы ни одинъ человѣкъ въ грѣхъ не ставитъ.

Вотъ сидитъ Алексѣй за чаемъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ намедни обѣдалъ съ дядей Елистратомъ. Органъ играетъ попрежнему, но звуки его летятъ мимо ушей Алексѣевыхъ, досаждаютъ даже ему, мѣшая прислушиваться къ чужимъ разговорамъ. А разговоры заманчивые, толкуютъ про пользы да выгоды, про то разсказываютъ, какъ люди въ немногіе годы наживаются. Про откупа говорятъ, про золотые промыслы, про казенные подряды, про займы и ловкія банкротства, даже про разбои и переводъ поддѣльныхъ бумажекъ. И никто изъ собесѣдниковъ не порицаетъ людей, разжившихся грѣхомъ да неправдой, всякъ дивится ловкости ихъ, находчивости, умѣнью деньгу сколотить да концы схоронить...

Слышитъ одинъ день такіе разговоры, слышитъ другой—и пуще прежняго забродили у него въ головѣ думы о богатствѣ, привольной жизни и людскомъ почетѣ со всѣхъ сторонъ... Но какъ достичь такого богатства?.. Какъ добыть его скоро, сейчасъ же?.. Откупа, золотые пріиски, казенны подряды не съ руки Алексѣю: ими начинать, надо большія деньги имѣть въ рукахъ. Отчего бы, пожалуй и банкротомъ не объявиться, нахватавши побольше займовъ, да какой же дуракъ незнакомому человѣку повѣритъ хоть самыя малыя деньги?.. Насчетъ разбоевъ и «красноярокъ» *) страшно. Былъ еще Алексѣй малымъ ребенкомъ, какъ однажды двое пьянчугъ-мужиковъ изъ ихъ деревни вздумали при безденежьѣ ради выпивки насчетъ проѣзжавшей съ ярмарки дьяконицы поживиться... И черезъ годъ съ небольшимъ привезли подъ карауломъ въ Поромово обоихъ воровъ да плечистаго, краснолицаго мужика, въ красной рубахѣ, съ звѣрскимъ лицомъ. И какъ же крошилъ онъ мясо на спинахъ пьянчугъ... Поминать даже страшно... Не забылъ Алексѣй и лязга кандаловъ на Стуколовѣ и на всей честной красноярской братіи... Нѣтъ, страшно!.. Мимо!.. Мимо!..

Но что̀ же дѣлать, за что̀ приняться?.. Не жить же въ городѣ безъ толку, тратя деньги по-пустому?..

Опять и опять вспоминаетъ Алексѣй слова Патапа Максимыча про Марью Гавриловну... «Вздумала торги заводить, вздумала пароходы покупать—приказчика ищетъ». Тогда смутили его эти слова, не выходили они и теперь изъ памяти.

---

*) Фальшивые кредитные билеты.

Отчего-жъ Марья Гавриловна сама не сказала про то, когда встрѣтилась съ нимъ въ свѣтлицѣ Настиной?.. Брату въ Казань писать обѣщалась, не найдется ли у него подходящаго мѣста, а про свои намѣренья хоть бы заикнулась. Значитъ, другой есть у нея на примѣтѣ... Отчего же такъ испугалась она, когда Алексѣй вошелъ въ свѣтлицу, отчего зардѣлась и глаза опустила, а потомъ такъ порывисто вздыхала, такъ умильно улыбалась, такъ любовно на него глядѣла?.. Видно, это только баловство одно было — дай, молъ, потѣшусь надъ парнемъ, пущай забираетъ себѣ невѣсть чего въ голову.

Такъ порѣшилъ Алексѣй: въ Комаровъ не ѣздить, Марью Гавриловну изъ мыслей вонъ... Ну ее! Пропадай она со всѣмъ лукавствомъ своимъ.

Каждый вечеръ до пóлночи бродилъ Алексѣй взадъ и впередъ по своему «номеру». Объ одномъ думы раскидываетъ — какъ бы разбогатѣть поскорѣй, достичь житья-бытья привольнаго. «Эхъ, какъ бы эта гора была да золотая, — думалъ онъ самъ про себя, глядя на кручу *), поднимавшуюся передъ его окнами: — раскопалъ бы ее своими руками, вынулъ бы изъ земли несмѣтное богатство, зажилъ бы всѣмъ на славу и удивленье!.. Поклонился-бъ мнѣ тогда народъ православный, а я бы житіемъ своимъ утѣшался, построилъ бы каменны палаты, съ утра дò ночи у меня пиры бы пировали, честь мою и богатство прославляли!..» Эхъ! мало ли чего ни придумаетъ бѣдный человѣкъ, жаждущій довольства и привольной жизни!..

И на пристани, и въ гостиницѣ, и на хлѣбной биржѣ прислушивается Алексѣй, не зайдетъ ли рѣчь про какое мѣстечко. Кой у кого выспрашивалъ, но все понапрасну. Сказывали про мѣста, да не такія, какого хотѣлось ему. Да и на тѣ съ вѣтру людей не брали, больше все по знакомству, либо за извѣстной порукой. А его ни едина душа во всемъ городỳ не знаетъ, ровно за тридевять земель отъ родной стороны онъ заѣхалъ. Нѣтъ доброхотовъ — всякъ за себя, и не то что чужанина, земляка—и того всякъ норовитъ подъ свой ноготь гнуть.

Не съ кѣмъ словомъ перекинуться, не съ кѣмъ по душѣ побесѣдовать—народъ все черствый, недобрый, непривѣтный. У каждаго только и думы, что своя выгода... Тяжело приходилось горемычному Алексѣю.

И воспомнилъ онъ разсказы келейницъ, учившихъ его грамотѣ, про этотъ городъ, про эти каменныя стѣны и про заклятье, святымъ мужемъ на нихъ наложòнное. Еще въ тỳ пору, какъ Русская земля была подъ татарами, ради народ-

*) Отвѣсная, стоймя стоящая гора.

наго умиренья проходилъ въ орду басурманскую святитель Христовъ Алексій, митрополитъ московскій. Проходилъ чудотворецъ свой путь не во славѣ, не въ почести, не въ своемъ святительскомъ величіи, а въ смиренномъ образѣ бѣднаго страннаго человѣка... Подошелъ святитель къ городу, перевозчики его не приняли, перевезти черезъ рѣку не восхотѣли, видя, что съ такого убогаго человѣка взять имъ нечего, и невидимо мірскимъ очамъ на рѣчныя струи быстрыя распростеръ чудотворецъ свею мантію. И на той мантіи переплылъ на другую сторону. А тамъ на берегу бабы бѣлье моютъ; попросилъ у нихъ святъ мужъ милостинки, онѣ его вальками избили дò крови... Подошелъ святъ мужъ къ горѣ набережной, въ небеси громъ возгремѣлъ, и пала на ту гору молонья палючая, и изъ той горы водный источникъ струю пустилъ свѣтлую. У того родника чудотворнаго укрухомъ черстваго хлѣба святитель потрапезовалъ, богоданною водицей увлажилъ пересохшія уста свои. И прозвалась та гора «Гремячею», и тотъ источникъ до сего дня изъ нея течетъ... Хоть и видѣли злые люди Божье знаменіе, но и тутъ свя̀та мужа не могли познать, не честью согнали его со источника и много надъ нимъ въ безуміи своемъ глумилися. Искалъ святитель ночлега, ночь ночевать, ходилъ òтъ дому дò дому — нигдѣ его не приняли. И тогда возмутилась святая душа, — воззрѣвъ на каменныя стѣны кремлевскія, таково заклятье изрекъ: «Городъ каменный — люди желѣзные!».

«И до сихъ поръ, видно, здѣсь люди желѣзные,—бродило въ умѣ Алексѣевомъ. — Дивно-ль, что мнѣ, человѣку страннему, захожему, не видать отъ нихъ ни привѣта ни милости, не услышать слова ласковаго, когда Христова святителя встрѣтили они злобой и безчестіемъ?» И взгруснулось ему по роднымъ лѣсамъ, встосковалась душа по тихой жизни за Волгою. Унылъ и пустъ показался ему шумный, многолюдный городъ.

— Какими это судьбами? Давно-ль въ нашихъ палестинахъ?—широкò разводя руками, вскрикнулъ Сергѣй Андреичъ Колышкинъ, завидя Алексѣя на набережной.

— Друга̀ недѣля пошла, — снимая картузъ, отвѣтилъ ему Алексѣй.

— Что-жъ ты, парень, до сей поры ко мнѣ не заглянешь?.. Ахъ, ты, лоботрясъ этакій!.. Ну, чтò крестный?.. Здоровъ ли?.. Перестастъ ли тосковать помаленьку?.. Аль все попрежнему?

— Давно ужъ не видалъ я его, — отвѣтилъ Алексѣй. — Четверта недѣля, какъ выѣхалъ я изъ Осиповки.

— Гдѣ-жъ побывалъ?

— Да въ Красну Рамень хозяинъ посылалъ на мельницы, оттоль вотъ сюда пріѣхалъ.

— Изъ Красной-то Рамени крупчатку, что-ль, куда ставите?—спросилъ Колышкинъ.

— Ништо̀,—подтвердилъ Алексѣй.

— По-моему, не надо бы торопиться—выждать бы хорошей цѣны, — замѣтилъ Сергѣй Андреичъ. —Теперь на муку цѣны шибко пошли по̀дъ гору, ставятъ чуть не въ убытокъ... Въ Казани, слышь, черезчуръ много намололи. Тамъ, братъ, паровыя мельницы заводить теперь стали... Вотъ бы Патапу-то Максимычу въ Красной Рамени паровую поставить. Невпримѣръ бы спорѣй дѣло-то у него пошло. Полтиной бы на рубль больше въ карманъ приходилось.

— Извѣстно, — согласился Алексѣй.

— Говорилъ я ему намедни, — продолжалъ Колышкинъ: — да въ печаляхъ мои слова мимо ушей онъ пустилъ.

Промолчалъ Алексѣй.

— Однако покамѣстъ прощай,—молвилъ Сергѣй Андреичъ, хлопнувъ по плечу Алексѣя.—У меня сегодня пароходъ отваливаетъ... Некогда... Заходи ко мнѣ—покалякаемъ. Домъ-отъ мой знаешь?

— Нѣтъ, не знаю, — отвѣчалъ Алексѣй.

— А у Ильи Пророка. Вонъ въ полугорѣ-то церковь видишь: золочена глава,—говорилъ Сергѣй Андреичъ, указывая рукой на старинную одноглавую церковь. — Поднимись въ гору-то, спроси домъ Колышкина — всякій укажетъ. На правой сторонѣ, каменный двухъэтажный... На углу.

— Слушаю, Сергѣй Андреичъ, безпремѣнно побываю, — отвѣчалъ Алексѣй, кланяясь Колышкину.

Сергѣй Андреичъ пошелъ-было дальше по набережной, но шагахъ въ пятнадцати отъ Алексѣя встрѣтилъ плотнаго, краснолицаго, нестараго еще человѣка, пышущаго здоровьемъ и довольствомъ. Одѣтъ онъ былъ въ свѣжій, какъ съ иголочки, лѣтній нарядъ изъ желтоватой бумажной ткани, на головѣ у него была широкополая соломенная шляпа, на шеѣ бѣлоснѣжная косынка. Борода тщательно выбрита, зато отпущены длинные русые шелковистые бакенбарды. Встрѣтя его, Колышкинъ остановился.

Слушаетъ Алексѣй разговоръ ихъ... Ни слова не можетъ понять. Говорили по-англійски.

«Надо-быть, не русскій, — подумалъ Алексѣй. — Вотъ подумаешь, совсѣмъ чужой человѣкъ къ намъ заѣхалъ, а матушка Русска земля до усовъ его кормитъ... А кровному своему ни мѣста ни дѣла!.. Ишь каково спесиво на людей онъ посмат-

ривает... Ишь как перед нехристем народ шапки-то ломит!.. Эх, ты, Русь православная! Заморянину — родная мать, своим детушкам — злая мачеха!..»

И в досаде, тихими стопами, опустя голову, побрел он в гостиницу.

Глава четвертая.

На другой день, только-что отпѣли вечерню, пошел Алексѣй искать дом Сергѣя Андреича. Отыскать его было не трудно. Только-что поднялся он к Ильинской церкви и у перваго встрѣчнаго спросил про дом Колышкина, ему тотчас его указали. Дом большой, каменный, в два яруса, с зеркальными стеклами в окнах, густо уставленных цвѣтами, с рѣзными дубовыми дверями подъѣзда. Сквозь высокую чугунную рѣшетку, замѣнявшую забор, виднѣлся широкій чистый двор с ярко-зеленым дерном, убитыми толченым кирпичом дорожками и небольшим водометом. Середи двора важно расхаживала красивая птица, распустив широкій хвост, блестѣвшій на солнцѣ золотыми и зелеными переливчатыми перьями. Сроду не видавшій павлинов, как чуду дивился, глядя на него, Алексѣй. Дивуется, а сам на хоромы Сергѣя Андреича взглядывает да завѣтную думу свою думает: «Разжиться бы вволю, точь в точь такія палаты построил бы!».

Несмѣлыми шагами, озираясь нà стороны, взошел Алексѣй на крыльцо колышкинскаго дома, взялся за дверную ручку — хвать, ан дверь на запорѣ... Как быть?.. Спросить некого — на дворѣ, кромѣ павлина, ни единой души. Заглянул зà угол дома, а там такое же крыльцо, такая же дверь, и тоже запертая. В окошко бы по-деревенскому стукнуть — высокò, не достанешь... «Крѣпко же в городỳ живут, — подумал Алексѣй: — видно, здѣсь людям не вѣрь да запирай покрѣпче дверь, не то мигом обчистят». И, долго не думавши, по лѣсному обычаю стал он изо всей силы дубасить в дверь кулаками, крича в источный голос:

— Эй, вы, крещеные!.. Отомкните хоромы-то!

Дверь отворилась, в ней показался здоровенный человѣк, бритый, в нѣмецком платьѣ, у картуза околыш обшит золотым галуном... Сробѣл Алексѣй. «Должно-быть, чиновный, — подумал он: — пожалуй, больше становаго. Ишь ты — шапка-то какая!.. Золотом обшита!.. Большого, надо-быть, чину!..»

— Взбѣсился, что ли, ты? — накинулся здоровяк на Але-

ксѣя. — Чего въ дверь-то колотишь!.. Не видишь развѣ колокольчика?

Понять не можетъ Алексѣй, про какой колокольчикъ онъ толкуетъ ему.

— Не взыщите, Христа ради, ваше благородіе, — испуганнымъ голосомъ сказалъ Алексѣй, снимая шапку и отвѣшивая низкіе поклоны. — Наше дѣло деревенское. Мнѣ и теперь не въ примѣту, гдѣ тутъ колокольчикъ виситъ...

— Вотъ колокольчикъ, въ него звонить слѣдуетъ, — внушительно указывая на ручку, сказалъ человѣкъ съ галуномъ.

Все-таки не можетъ понять его словъ Алексѣй. «Какой же это колокольчикъ?» — думаетъ онъ, глядя на повѣшенную у двери бронзовую ручку.

— Кого тебѣ? — спросилъ его здоровякъ.

— Да вечоръ Сергѣй Андреичъ къ себѣ наказывалъ побывать... Колышкинъ Сергѣй Андреичъ, — отвѣчалъ Алексѣй. — Домомъ-то не опознался ли я, ваше благородіе? — прибавилъ онъ, униженно кланяясь. — А постучался, вотъ тѣ Христосъ, безо всякаго умыслу, единственно по своей крестьянской простотѣ... Люди мы, значитъ, не бывалые, городскихъ порядковъ не знаемъ...

— Здѣсь Сергѣй Андреичъ живетъ, — помягче прежняго отвѣтилъ картузъ съ галуномъ. — Какъ про тебя доложить?

— Алексѣй, молъ, Трифоновъ зашелъ... Изъ-за Волги, дескать... Что у Чапурина у Патапа Максимыча въ приказчикахъ жилъ, — все еще несмѣлымъ голосомъ, стоя безъ шапки и переминаясь съ ноги на ногу, отвѣчалъ Алексѣй.

— Пойдемте, — еще мягче молвилъ тотъ и повелъ Алексѣя въ хоромы.

Глазамъ не вѣрилъ Алексѣй, проходя черезъ комнаты Колышкина... Во снѣ никогда не видывалъ онъ такого убранства. Бѣломраморныя стѣны ровно зеркала стоятъ, — глядись въ нихъ да охорашивайся... Полъ — тоже зеркало, ступить страшно, какъ на льду поскользнешься, того гляди... Цвѣты цвѣтутъ, какихъ и вздумать нельзя... Въ коврахъ ноги ровно въ сыпучемъ пескѣ грузнутъ... Такъ прекрасно, такъ хорошо, что хоть въ царствѣ небесномъ такъ въ ту же бы пору.

Вошелъ Алексѣй въ комнату, гдѣ хозяинъ сидѣлъ съ тѣмъ самымъ англичаниномъ, что встрѣтился ему наканунѣ на пристани. Сидятъ развалясь на широкомъ диванѣ, сами сигары курятъ.

— Здорово, Алексѣй Трофимычъ... Али Трифонычъ?.. Какъ бишь тебя? — ласково протягивая Лохматому жилистую руку, радушно встрѣтилъ его Сергѣй Андреичъ. — Садись, — гость

будешь. Да ты къ намъ прилаживайся... Сюда на диванъ... Мѣста хватитъ... Авось не подеремся!..

Не смѣлъ Алексѣй сѣсть на диванъ, крытый бархатомъ, но съ привѣтливой улыбкой взялъ Колышкинъ его за руку и, подтащивъ къ дивану, чуть не силкомъ посадилъ его промежъ себя и англичанина.

— Такъ какъ же тебя звать-позывать?.. Трифонычъ аль Трофимычъ будешь? — спрашивалъ Колышкинъ все еще торопѣвшаго Алексѣя.

— Трифоновъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Познакомьтесь, — молвилъ Сергѣй Андреичъ англичанину. — Помните друга моего благодѣтеля, Патапа Максимыча Чапурина изъ-за Волги?

Англичанинъ молча кивнулъ головой, не выпуская изо рта сигары.

— Это его приказчикъ Алексѣй Трифонычъ, — продолжалъ Колышкинъ. — А это, — сказалъ онъ, обращаясь къ Алексѣю:— господинъ Кнопъ, директоръ, то-есть, по-вашему говоря, нàбольшій по здѣшнему пароходному обществу. Восемь пароходовъ у него подъ началомъ бѣгаетъ... Андрей Иванычемъ по-русски зовемъ его.

— Радъ вашему знакомству, — привставъ съ мѣста и подавая Алексѣю руку, отчетливо и довольно чисто по-русски сказалъ Андрей Иванычъ.

— Чѣмъ же дорогого гостя мнѣ потчевать? Вѣдь этимъ треклятымъ зельемъ поганиться съ нами не станешь? — молвилъ Сергѣй Андреичъ, показывая на ящикъ съ сигарами.— Чайкомъ развѣ побàловаться?.. Недаромъ же насъ нижегородовъ водохлебами зовутъ... Эй! — крикнулъ онъ, хлопнувъ три раза въ ладоши.

Дверь неслышно растворилась, и вошелъ тотъ самый человѣкъ, чтò показался Алексѣю чиномъ больше станового.

— Чаю вели подать, — приказалъ ему Колышкинъ и, обращаясь къ Кнопу, сказалъ:

— Вотъ намедни вы спрашивали меня, Андрей Иванычъ, про «старую вѣру». Хоть я самъ старовѣромъ родился, да изъ отцовскаго дома еще малымъ ребенкомъ взятъ... Оттого и не знаю ничего, ничего почти и не помню. Есть охота, такъ вотъ Алексѣя Трифоныча спросите, человѣкъ онъ книжный, коренной старовѣръ, къ тому-жъ изъ-за Волги, изъ тѣхъ самыхъ лѣсовъ Керженскихъ, гдѣ теперь старая вѣра вотъ ужъ двѣсти лѣтъ крѣпче, чѣмъ по другимъ мѣстамъ, держится.

— А! — обрадовался Андрей Иванычъ. — Очень буду обя-

заю̀ вамъ, господинъ Трифонычъ, если вы преподадите мнѣ о русской старой вѣрѣ.

— Ты, голубчикъ Алексѣй Трифонычъ, Андрея Иваныча не опасайся, — внушительно сказалъ Колышкинъ. — Не къ допросу тебя приводитъ. Сору изъ избы онъ не вынесетъ. Это онъ такъ изъ одного любопытства. Охотникъ, видишь ты, до всего этакого: любитъ разспрашивать, какъ у насъ на Руси народъ живетъ... Если онъ и въ книжку съ твоихъ словъ записывать станетъ, не сумнѣвайся... Это онъ для себя только, изъ одного, значитъ, любопытства... Сказывай ему, что̀ знаешь, будь съ Андрей Иванычемъ душа нараспашку, сердце на ладонкѣ...

— Мнѣ что̀-же-съ? — смѣшался-было Алексѣй. — Отчего-жъ не сказать, что̀ знаю. Кажись, худого въ томъ ничего не предвидится. Не знаю только, что̀ будетъ угодно спрашивать ихней милости. Хоть я и грамотей, да не начетчикъ какой, отъ божественнаго писанія говорить не могу.

— Будете столь до̀бры, го̀сподинъ Трифонычъ, преподать мнѣ, какая заключается разность вашей старой вѣры отъ государственной церкви?

И русскими словами говоритъ Андрей Иванычъ, а не понять Алексѣю. Съ недоумѣньемъ взглянулъ онъ на Колышкина.

— Андрею Иванычу хочется узнать, въ чемъ состоитъ старая вѣра, чѣмъ она рознится отъ нашей, отъ никоніанства, говоря по-вашему? — пояснялъ Сергѣй Андреичъ. — Чѣмъ она, значитъ, отлична отъ нашей?

— Да, то-есть какія существуютъ правила вашей русской старой вѣры? Изъ чего состоятъ сіи правила? — подтвердилъ Андрей Иванычъ.

— Значитъ, то-есть, на чемъ наша вѣра держится, въ чемъ, то-есть, она состоитъ... — догадался наконецъ Алексѣй. — Извѣстно въ чемъ: перво-на̀перво въ два пёрста молиться, второе дѣло — въ церкву не ходить, третье — табаку не курить и не нюхать... Чего бишь еще?.. Да... бороды, значитъ, не скоблить, усовъ не подстригать... Въ нѣмецкомъ платьѣ тоже ходить не годится... Ну, да насчетъ этого по нынѣшнему времени много изъ нашего сословія ба̀ловаться зачали, особливо женскій полъ.

— О! любезный мой господинъ Трифонычъ, — съ едва замѣтнымъ нетерпѣньемъ перебилъ его англичанинъ. — Вы мнѣ сказываете обряды, но я желаю знать правила вашей русской старой вѣры... Правила... Понимаете?

— Правила! какъ не понимать!.. Это понимать завсегда можемъ!.. — невпопадъ догадался Алексѣй. — У мірскихъ пра-

вила не полагаются... Это у старцевъ только да у старицъ... У монаховъ, чтобы понятнѣе вамъ доложить, да у монахинь. Такъ и зовется у нихъ: «келейно правило». Нашему брату его, пожалуй, и не снесть... Великимъ постомъ земныхъ поклоновъ сотъ по восьми на день этого правила закатываютъ, а на Марьино стоянье *) — такъ безъ малаго цѣлу тысячу. У насъ вѣдь по старой-то вѣрѣ келейницы — ой-ой! какъ здо̀ровы на молитву-то... Ина сотъ пять поклоновъ отломаетъ по лѣстовкѣ и глазомъ даже не поморщится.

— Это вы, господинъ Трифонычъ, также сказываете обряды старой вѣры, — толковалъ свое англичанинъ: — а я желаю знать правила вѣры, то-есть, ея ка̀ноны.

— А! Значитъ, насчетъ «правильныхъ кано̀новъ», — бойко подхватилъ Алексѣй. — Накану̀нѣ большихъ праздниковъ да накануне воскресеньевъ послѣ вечеренъ они бываютъ. Только и правильныхъ кано̀новъ въ міру не полагается — по кельямъ читаютъ ихъ да въ Городецкой часовнѣ.

— Ка̀ноны, я вамъ говорю, господинъ Трифонычъ, ка̀ноны, — съ невозмутимымъ спокойствіемъ добивался отъ Алексѣя толковаго отвѣта любознательный британецъ. — Какіе суть ка̀ноны русской старой вѣры, я желаю отъ васъ узнать... Ка̀ноны... Понимаете вы меня?

— Кано̀ны!.. Какъ не понимать!.. — отвѣтилъ Алексѣй. — Мало ли ихъ у насъ кано̀новъ-то?.. Сразу-то всѣхъ и келейница не всякая вспомнитъ... На каждый праздникъ свой кано̀нъ полагается, на Рождество ли Христово, на Троицу ли, на Успенье ли — всякому празднику свой... А то есть еще кано̀нъ за единоумершаго, кано̀нъ за творящихъ милостыню... Да мало ли ихъ... Всѣ-то кано̀ны развѣ одна матушка Манеоа по нашимъ мѣстамъ знаетъ, и то наврядъ... Куда такую пропасть на памяти держать!.. По книгамъ ихъ читаютъ...

Тутъ ужъ ровно ничего не понялъ Андрей Иванычъ. Глядитъ на Алексѣя во всѣ глаза, а самъ не знаетъ, что̀ и спрашивать... Колышкинъ молчитъ, покуривая сигару, и слегка улыбается.

— Въ русской старой вѣрѣ многія секты есть? — еще разъ попробовалъ спросить у Алексѣя Андрей Иванычъ, видя, что о правилахъ и кано̀нахъ толку отъ него не добиться.

— Это такъ точно, — отвѣчалъ Алексѣй: — много ихъ всякихъ сектъ, значитъ... Вотъ хоть бы наши мѣста взять: пер-

*) *Марьино стоянье* или *стоянье Маріи Египетской* бываетъ вечеромъ въ четвергъ на пятой недѣлѣ Великаго поста. Тогда читается *великій канонъ* св. Андрея Критскаго, и во время его у старообрядцевъ и единовѣрцевъ полагается 952 земныхъ поклона.

вая у насъ вѣра по бѣглому священству, значитъ, по Городецкой часовнѣ, покрещеванцы тоже бываютъ, есть по Спасову согласію, поморскіе... Да мало ли всѣхъ!.. Не сосчитаешь... Вѣдь и пословица есть такая: «Чтò мужикъ — то вѣра, чтò баба — то уставъ».

— Какая заключается разница сихъ вѣръ? — настойчиво спрашивалъ Андрей Иванычъ.

— А такая и разница, что не ѣдятъ вмѣстѣ да не молятся... Значитъ, не сообщаются ни въ ястіи ни въ питіи, и на молитву вмѣстѣ не сходятся, молятся, значитъ, каждый со своими. Въ томъ вся и разница, — сказалъ Алексѣй.

— Между вашими вѣрами споры бываютъ? — продолжалъ разспрашивать англичанинъ.

— Для че спорить? — отозвался Алексѣй. — Чего намъ дѣлить-то? Споры да ссоры — не ладное дѣло. Въ миру да въ ладу невпримѣръ согласнѣе жить... Зачѣмъ споры? Значитъ, кто въ чемъ родился, тотъ того и держись. Вотъ и вся недолга. Да и спорить-то не изъ чего! Языкъ только чесать, толку вѣдь никакого изъ того не выйдетъ — баловство одно, а больше ничего. Для че спорить?

— Для того, чтобъ убѣдить противника, чтобъ онъ свою вѣру оставилъ и къ вамъ превратился, — внушительно сказалъ Андрей Иванычъ.

— Есть изъ чего хлопотать! — съ усмѣшкой отозвался Алексѣй. — Да это, по нашему разумѣнью, самое нестòящее дѣло... Одно слово — плюнуть. Каждый человѣкъ долженъ родительску вѣру по гробъ жизни сдержать. Въ чемъ, значитъ, родился, того и держись. Какъ родители, значитъ, жили, такъ и насъ благословили... Потому и надо жить по родительскому благословенію. Вѣра-то вѣдь не штаны. Штаны износятся, такъ на новы смѣнишь, а вѣру какъ мѣнять?.. Нельзя!

Едва замѣтно Андрей Иванычъ улыбнулся.

— Ой! Алексѣй Трифонычъ! — захохоталъ между тѣмъ Колышкинъ, откидываясь взадъ на диванѣ. — Уморишь ты меня, пострѣлъ этакій, со смѣху!.. Ишь къ чему вѣру-то примѣнилъ!.. Ну, парень, заноза же ты, какъ я посмотрю!.. Услыхали-бъ тебя келейныя матери — ухъ! задали бы трезвону!.. Право!.. Ахъ, озорникъ ты этакій!.. Ха-ха-ха!.. Вѣра не штаны!.. Ха-ха-ха!..

Колышкинъ такъ и катался со смѣху... Громкій хохотъ его гудѣлъ по высокимъ хоромамъ. Андрей Иванычъ съ едва замѣтнымъ удивленьемъ посматривалъ на Сергѣя Андреича.

— Не правду развѣ говорю? — быстро вскинувъ глазами на Сергѣя Андреича, молвилъ Алексѣй. — Если-бъ я таперича,

напримѣръ, своему Богу не вѣренъ былъ, развѣ бы кто могъ повѣрить мнѣ хоть на одинъ грошъ?.. Сами бы вы, Сергѣй Андреичъ, изъ первыхъ не повѣрили...

— Слѣдовательно изъ русской старой вѣры никто никогда въ другія секты не переходитъ? — спросилъ еще Алексѣя Андрей Иванычъ.

— Всякаго народа на свѣтѣ есть, — отвѣтилъ Алексѣй. — Можетъ статься, иной и переходитъ. Такъ вѣдь что-жъ это и за народъ?.. Самый, значитъ, послѣдній... Вся цѣна тому человѣку пятакъ, да и тотъ ломаный.

— Удивительный народъ! — обратился британецъ къ Сергѣю Андреичу, вставая съ дивана и взявъ соломенную свою шляпу.

Такъ ничего насчетъ старой вѣры и не добился онъ отъ Алексѣя. Поговоривъ еще немного съ Сергѣемъ Андреичемъ насчетъ какихъ-то кладей, Андрей Иванычъ ушелъ, ласково простясь съ «господиномъ Трифонычемъ» и высказавъ сожалѣніе, что онъ не совсѣмъ правильно изъясняется по-русски, отчего, вѣроятно, и понять вопросы его Алексѣю было затруднительно.

— Ну, что-жъ ты подѣлываешь, Алексѣй Трифонычъ? — спросилъ Колышкинъ, садясь возлѣ Алексѣя по уходѣ Андрея Иваныча.

— Да какъ вамъ сказать, Сергѣй Андреичъ, — потупляясь, отвѣтилъ Алексѣй. — Безъ дѣла, можно сказать, безо всякаго...019Сиднемъ сижу... И концовъ тому сидѣнью не вижу.

— Какъ это такъ?

— Заѣхалъ я сюда, Сергѣй Андреичъ, по своему дѣлу. Счастья попытать хочется... Мѣстечка по приказчичьей части ищу, — сказалъ Алексѣй.

— Отошелъ развѣ отъ Патапа-то Максимыча? — сухо спросилъ его Колышкинъ.

— Отошелъ-съ, — вскинувъ бровями, отвѣтилъ Алексѣй.

Слегка нахмурился Сергѣй Андреичъ и съ видомъ досады быстро взглянулъ на Алексѣя. Тотъ сразу догадался, что нехорошее про него подумалъ Колышкинъ, и продолжалъ:

— Не то, чтобы по какому неудовольствію али противности отошелъ я, Сергѣй Андреичъ, а единствнно, можно сказать, по той причинѣ, что самому Патапу Максимычу такъ вздумалось. «Ты, говоритъ, человѣкъ молодой, нечего, говоритъ, тебѣ киснуть въ нашихъ лѣсахъ, выплывай, говоритъ, на большую воду, ищи себѣ мѣста лучше... А я, говоритъ, тебя ни въ чемъ не оставлю. Если, говоритъ, торговлю какую вздумаешь завести, пиши — я, говоритъ, тебѣ всякое вспоможеніе капиталомъ, значитъ, сдѣлаю...»

— Не врешь ли?—пристально взглянувъ прямо въ глаза Алексѣю, молвилъ Колышкинъ.—Ты, парень, сказывай мнѣ, какъ попу на духу, ни въ чемъ не таись... Можетъ статься, пригожусь... Самъ бы, пожалуй, къ хорошему мѣсту тотчасъ же тебя я пристроилъ, потому что, вижу, голова ты съ мозгомъ, никакое дѣло изъ рукъ у тебя не валится, это я отъ самого Патапа Максимыча не одинъ разъ слыхалъ, — только самъ посуди, умная голова, могу ли я для тебя это сдѣлать, коли у васъ что-нибудь вышло съ Патапомъ Максимычемъ? Крестному остуды сдѣлать не захочу... Ни за что на свѣтѣ.

— Ничего промежъ насъ не выходило, Сергѣй Андреичъ, никакого то-есть художества по моей повѣренности не было. Хоть самого Патапа Максимыча извольте спросить — и онъ то же скажетъ, — отвѣчалъ на тѣ рѣчи Алексѣй, избѣгая зорко смотрѣвшихъ на него испытующихъ глазъ Сергѣя Андреича.

— Признаться сказать, понять не могу, какъ это вздумалось Патапу Максимычу отпустить тебя, когда онъ столько дорожилъ тобой,— ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, говорилъ Сергѣй Андреичъ. — Великимъ постомъ заѣзжалъ онъ ко мнѣ не на долгое время, — помнишь, какъ онъ на Ветлугу съ тѣми плутами ѣздилъ. Въ ту пору онъ тобой нахвалиться не могъ... Такъ говорилъ: «Съ этимъ человѣкомъ по гробъ жизни своей не разстанусь». Какъ же у васъ послѣ того на вонъ-тараты пошло?.. Скажи по правдѣ, не накуролесилъ ли ты чего?

Смутился немножко Алексѣй и промолчалъ. Опять нахмурилъ брови Сергѣй Андреичъ.

— Если тамъ у васъ какая бѣдушка стряслась, напередъ тебѣ сказываю — не помощникъ я тебѣ и не заступникъ, — продолжалъ онъ. — Супротивъ Патапа Максимыча ни въ какомъ разѣ я не пойду... А мѣсто есть... Хорошее мѣсто. И жалованья достаточно и всего прочаго, да не въ томъ главное дѣло, а вотъ въ чемъ: прослужишь ты на этомъ мѣстѣ годъ, и если по твоему усердію и умѣнью въ томъ году довольно прибыли будетъ, опричь жалованья тебѣ пай дадутъ... Еще больше прибыли — другой пай... А кромѣ того кредитъ открытъ, если-бъ свое дѣло задумалъ. Только напередъ говорю — не списавшись съ Патапомъ Максимычемъ, того мѣста я тебѣ не предоставлю. Какъ онъ присовѣтуетъ, такъ и дѣлу быть... Хочешь, сегодня же нарочнаго пошлю въ Осиповку?

— Сдѣлайте такое ваше одолженіе, Сергѣй Андреичъ, — отвѣтилъ Алексѣй, низко кланяясь. — А гдѣ, осмѣлюсь спросить, такое мѣстечко находится?

— Не больно далече отсюда, — сказалъ Сергѣй Андреичъ. - У меня на пароходахъ. Возьму тебя, Алексѣй Трифонычъ,

со всякимъ моимъ удовольствіемъ, если только Патапъ Максимычъ отпишетъ, что разстался съ тобой добрымъ порядкомъ. А безъ его рѣшенья принять тебя на службу мнѣ нельзя... Самъ знаешь, онъ вѣдь мнѣ замѣсто отца... Вотъ и попрошу я по этому дѣлу его родительскаго благословенья, навѣки нерушимаго, — добродушно подсмѣялся Колышкинъ.

Стали говорить объ условіяхъ. Видитъ Алексѣй, что мѣсто въ самомъ дѣлѣ хорошо. Разбогатѣть сразу нельзя, а въ люди выйти можно. Особенно паи его соблазняли. До тѣхъ поръ, что̀ значатъ паи, онъ не слыхивалъ.

— Ты гдѣ присталъ? — прощаясь съ Алексѣемъ, спросилъ Колышкинъ.

— У Бубнова въ номерахъ, въ гостиницѣ, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Знаю, — молвилъ Сергѣй Андреичъ. — Такъ мы вотъ какъ сдѣлаемъ, Алексѣй Трифонычъ: воротится нарочный, и по письму Патапа Максимыча взять тебя будетъ можно, спосылаю я за тобой. А если что̀ не такъ, пришлю сказать, что мѣста у меня нѣтъ. Понялъ?

— Понимаю, Сергѣй Андреичъ, — отозвался Алексѣй и отправился въ гостиницу.

———

На другой день пошелъ Алексѣй по набережной. Надобности не было никакой, но до того залегла у него тоска на̀ сердце, до того завладѣла имъ тревога душевная, полная боязни, опасенья и горестныхъ вспоминаній, что не сидѣлось ему въ одиночествѣ, а поминутно тянуло на многолюдство... Къ полудню время близилось, на пристани кипѣло сильное движенье: одни пароходы приставали, другіе въ путь снаряжались. Рѣзкій, раздирающій уши свистъ паровиковъ, звяканье якорныхъ цѣпей и громкіе, разноголосные и разноязычные крики людей на мигъ не умолкали. И рѣка и набережная полны были оглушающаго гула разнородныхъ звуковъ, ясныхъ и несвязныхъ. Облокотясь на перила, стоялъ Алексѣй, безучастно гля̀дя на рѣку и заворачивавшіе по ней пароходы, на незнакомыя лица пріѣзжавшихъ и отъѣзжавшихъ, на груды товаровъ, загромождавшихъ палубы, на суету рабочихъ, опускавшихъ якорья и захлестывавшихъ причальные концы *) за столбики, поставленные на дощатыхъ мосткахъ, устроенныхъ для подхода къ судамъ. Рядомъ съ нимъ, облокотясь на на̀долбы и навалившись широкой грудью на по̀ручни перилъ и отъ-нечего-дѣлать поплевывая въ воду, стояло нѣ-

*) Тонкій канатъ, которымъ причаливаютъ суда къ пристани.

сколько незнакомыхъ ему людей, судя по одёждѣ, торговцевъ средней руки. Лѣниво перекидывались они отрывистыми словами и дѣлали замѣчанія, большей частью ругательныя, насчетъ того или другого парохода. Слушалъ Алексѣй рѣчи ихъ, но не внималъ имъ.

Пароходы межъ тѣмъ одинъ за другимъ причаливали. Другихъ на это утро не ждали... Но вотъ вдали за широкой песчаной отмелью, изъ-за угла выдавшейся въ рѣку и стоящей красно-бурой стѣною горы, задымился еще пароходъ. Алексѣевы сосѣди тотчасъ на него взърились.

— Еще бѣжитъ, — молвилъ молодой парень, приглядываясь вдаль и защищая ладонью глаза отъ солнечнаго свѣта.

— И впрямь еще пароходъ, — отозвался стоявшій плечо о плечо съ Алексѣемъ пожилой человѣкъ въ широкомъ синемъ сюртукѣ и въ мягкой валеной шляпѣ. — Чтò запоздалъ? Аль закусывалъ на Телячьемъ Бродỳ *)?

— Закусилъ пескомъ на Телячьемъ, да, видно, еще отдохнуть вздумалъ въ Собачьей Дырѣ **), — подхватилъ со стороны какой-то чернорабочій въ пропитанной дегтемъ и саломъ рубахѣ, съ разстегнутымъ воротомъ и съ коричневой отъ загара грудью.

— Чьему бы это быть? — молвилъ пожилой человѣкъ въ валеной шляпѣ, пристально глядя на вышедшій въ середину плёса буксирный пароходъ, тянувшій огромную баржу, заваленную чуть не до самой райны ***) высокими бѣлыми бунтами какой-то, надо-быть, легковѣсной клади.

— Молявинскій, — подхватилъ молодой парень. — Бѣла труба съ краснымъ перехватомъ ****). Надо-быть, «Воевода».

— «Воевода» вечоръ пробѣжалъ, — замѣтилъ стоявшій ȯдаль торговецъ.

— Такъ «Соболю» надо быть, — сказалъ пожилой купецъ въ синемъ сюртукѣ. — Такъ и есть — «Соболь», — прибавилъ онъ, вглядываясь въ приближавшійся пароходъ. — Бунты большіе — хлопокъ, значитъ. Изъ Самары бѣжитъ.

— Скоренько же выбѣжалъ, — замѣтилъ молодой парень. — Мы изъ Самары отваливали, онъ только-что грузиться зачиналъ.

---

*) Мель, извѣстная подъ названьемъ Телячьяго Брода.

**) *Собачья Дыра* мѣстность на Волгѣ, находящаяся неподалеку отъ Телячьяго Брода — тоже неблагопріятная для судоходства.

***) *Райна*, иначе *рѣя* — поперечное дерево на мачтѣ, къ нему привязывается нижній край паруса.

****) На Волгѣ у пароходовъ одного хозяина или одной компаніи дымогарныя трубы окрашиваются условными красками. Оттого издали можно узнать, кому принадлежитъ пароходъ.

— Ходкій пароходъ. Изо всѣхъ молявинскихъ первый ходокъ, — сказалъ пожилой купецъ, стоявшій рядомъ съ Алексѣемъ.

— Чтой-то вздумалось Молявинымъ продать такое сокровище? — вставилъ стоявшій ѳдаль широкоплечій торговецъ въ широкомъ пальто оливковаго цвѣта, съ толстой суковатой можжевеловой палкой козьмодемьянкой *).

— Развѣ продали? — спросилъ у него Алексѣевъ сосѣдъ.

— Продали... Какъ же?.. На прошлой недѣлѣ за пятьдесятъ тысячъ продали. И денежки чистоганомъ получили, безъ разсрочекъ, — отвѣтилъ тотъ. — Теперь «Соболь» послѣдній разъ отъ Молявиныхъ бѣжитъ... Какъ разгрузится — къ новой хозяйкѣ поступитъ... Сдавать его здѣсь будутъ.

— Кому проданъ-то? — спросилъ Алексѣевъ сосѣдъ, снимая валеную шляпу и пестрымъ бумажнымъ платкомъ отирая потъ, обильно выступившій на лысой, лоснящейся головѣ его.

— Въ Казани продавали, — отвѣтилъ торговецъ съ можжевеловой палкой, подходя ближе къ Алексѣеву сосѣду. — Про Залетова Антипа Гаврилыча не слыхали-ль?

— Знаемъ маленько Антипа Гаврилыча, — сказалъ Алексѣевъ сосѣдъ. — Съ покойными родителями хлѣбъ-соль важивали.

— Сестра ихняя «Соболь»-отъ купила. Масляникова Марья Гавриловна, — молвилъ торговецъ съ палкой.

Ровно оттолкнуло отъ перилъ Алексѣя. Изумленно взглянулъ онъ на торговца. Тотъ былъ немолодыхъ лѣтъ и степенной наружности, съ здоровымъ румянцемъ въ лицѣ и полусѣдыми кудрявыми волосами.

— Вправду Марья Гавриловна «Соболя» купила? — спросилъ его Алексѣй.

— Врать, что ли, я тебѣ стану? — сурово отозвался румяный торговецъ, едва взглянувъ на Алексѣя. — Коли говорю: «купила» — значитъ, купила. Пустыхъ рѣчей болтать не люблю... — И, обратясь къ Алексѣеву сосѣду, сказалъ: — На той недѣлѣ въ четвергъ Молявинъ Василій Игнатьичъ въ Казани находился. При мнѣ у маклера съ Залетовымъ былъ... При мнѣ и условіе писано. Антипъ-отъ Гаврилычъ, значитъ, по сестриной довѣренности.

— Та-а-къ, — протянулъ купецъ въ валеной шляпѣ. — Та-а-къ-съ. И деньги, значитъ, чистоганомъ?

— Двадцать тысячъ тутъ же вручилъ, не говоря худого

*) Лучшія можжевеловыя палки дѣлаются около города Козьмодемьянска и зовутся «козьмодемьянками».

слова, — отвѣтилъ торговецъ. — Задатку, значитъ. Достальные здѣсь послѣ сдачи договорился получить чистоганомъ въ разъ... Такъ и условіе писано — на семидневный срокъ.

— Кто-жъ принимать-то здѣсь будетъ? Не самой же Масляниковой... Ея дѣло бабье, ничего въ этомъ разѣ понимать она не можетъ, — замѣтила валеная шляпа.

— Ужъ этого я доложить не могу, — отвѣтилъ румяный торговецъ. — Поминалъ въ ту пору Антипъ Гаврилычъ Молявину: сестра-де хотѣла приказчика выслать, а другое дѣло: не знаю, какъ они распорядятся. Да вѣдь и то надо сказать — принять пароходъ по описи не больно хитрое дѣло. Опять же Молявины съ Залетовыми никакъ сродни приходятся — свояки, что ли...

— Свояки, на родныхъ сестрахъ женились, — подтвердилъ кто-то изъ толпы.

— Такъ «Соболь»-отъ теперича значитъ масляниковскій. Вотъ оно что! — промолвилъ купецъ въ валеной шляпѣ. — Знатный пароходъ!.. Знатный!.. Такихъ по Волгѣ немного. Давно ли плаваетъ?

— Всего три воды *), четверта пошла.

Межъ тѣмъ «Соболь» величаво выбѣжалъ къ пристани. Медленно описавъ широкій кругъ передъ набережной, поворотилъ онъ корму противъ теченія и бросилъ якорья. Бывшіе на пароходѣ пассажиры торопливо стали сходить на берегъ и разсыпались по набережной. Палуба немного очистилась, и Алексѣй, взойдя на нее, спросилъ одного изъ рабочихъ, гдѣ ихній капитанъ. Тотъ указалъ ему на молодого человѣка, повидимому, изъ татинцовскихъ лоцмановъ **), въ широкомъ коричневомъ пальто, изъ-подъ котораго выглядывали вздѣтая на выпускъ рубашка красной александрійки и смазанные конопляныиъ масломъ кимряцкіе личные сапоги по колѣна ***).

— Почтенный! Чьихъ хозяевъ вашъ пароходъ? — обратился къ нему Алексѣй.

— Братьевъ Молявиныхъ, — отрывисто отвѣтилъ капитанъ.

— Продали, слышь, его Молявины-то?

— Ну, продали такъ продали... Тебѣ до того какое дѣло? — съ недовольной ужимкой сказалъ капитанъ.

---

*) То-есть три года.

**) Татинецъ—село на Волгѣ близъ устья Керженца. Лучшіе волжскіе лоцмана большею частью изъ крестьянъ этого села.

***) Такъ-называемые личные сапоги, употребляемые преимущественно простонародьемъ, шьются большей частью въ селѣ Кимрахъ, находящемся на Волгѣ въ Тверской губерніи. Личные сапоги шьются мездрою внутрь, а той стороной, гдѣ была шерсть — вверхъ. Они смазываются масломъ или дегтемъ.

— Кому продали-то? — спросилъ еще Алексѣй.

— Масляниковой купчихѣ. Разгрузимся, сдавать станемъ, — отходя отъ Алексѣя, отозвался капитанъ.

— Самой сдавать-то?

— Куда ей самой! Не бабье дѣло, — съ самодовольной улыбкой отвѣтилъ капитанъ. — Приказчикъ должо̀нъ отъ нея пріѣхать. Семь дёнъ будемъ ждать его, недѣлю, значитъ, а потомъ неустойка пойдетъ... Да тебѣ что̀?

— Нѣтъ, я такъ... — проговорилъ Алексѣй, снялъ картузъ, поклонился капитану и спѣшнымъ шагомъ сошелъ на̀ берегъ.

«Теперь все дѣло какъ на ладони, — думалъ онъ, крупными шагами идя вдоль набережной. — Тѣшилась, значитъ, вѣдьма треклятая, одурачить меня думала... Коли-бъ въ самомъ дѣлѣ на мысляхъ у нея втѣпоры про меня было, не стала бы у брата мѣста сулить, сказала бы, что задумала сама пароходъ покупать... А я-то, дуракъ, ровно ошалѣлъ тогда!.. Вся теперь надежда на Сергѣя Андреича».

И закипѣла злость въ душѣ Алексѣевой. Злость на Марью Гавриловну, такъ недавно еще царившую надъ его думами, надъ его помыслами. Но, злобясь на коварную вдову, только вспомнитъ про очи ея соколиныя, про брови ея соболиныя, про высокую грудь лебединую, про станъ высокій да стройный, что̀ твоя сосенка, такъ и осыплетъ его мурашками, трепетно забьется горячее сердце, замретъ — и незванныя слезы на глаза запросятся.

Перестала Алексѣй съ того часу слоняться по набережной. Глаза бы его не глядѣли на проклятаго «Соболя». Не видать бы ему парохода Марьи Гавриловны!..

Черезъ три дня воротился нарочный, посланный Колышкинымъ. Сергѣй Андреичъ послалъ за Алексѣемъ. Тотъ не замедлилъ.

Теперь ужъ зналъ онъ, какъ звонятъ въ колокольчикъ. Человѣкъ съ галуномъ на картузѣ встрѣтилъ его не попрежнему. Заискивалъ онъ въ Алексѣѣ, старался угодить ему, говорилъ почтительно. Добрымъ знакомъ счелъ Алексѣй такое обращенье колышкинской прислуги. Должно-быть, добрый отвѣтъ полученъ отъ Натана Максимыча.

— Здравствуй, Алексѣй Трифоньичъ! Все-ль по добру по здорову? — весело и радушно встрѣтилъ его Сергѣй Андреичъ. — Ну, братъ, — продолжалъ онъ, садясь къ письменному столу рядомъ съ Алексѣемъ: — ума приложить не могу, что̀ такое крестный творитъ. Полезнаго человѣка прочь отъ себя, а намѣсто его принимаетъ въ домъ самопервѣйшую по здѣшнимъ мѣстамъ бестію!.. Знаю я Григорья Филиппова! Въ Сибири-бъ

ему мѣсто, а не въ честномъ дому. Не рехнулся ли съ печали-то Натапъ Максимычъ? Вѣдь этотъ Гришка трехъ хозяевъ на своемъ вѣку обворовалъ, къ четвертому теперь подъѣзжаетъ... Непремѣнно надо писать крестному — остерегся бы, поопасился... И какой плутъ всучилъ ему такое сокровище!.. Досада даже беретъ!.. Завтра же буду писать.

— На мой-отъ счетъ, Сергѣй Андреичъ, какой отвѣтъ полученъ? — спросилъ Алексѣй.

— На твой счетъ? — съ доброй улыбкой отозвался Колышкинъ. — На твой счетъ, Алексѣй Трифонычъ, крестный такой отвѣтъ написалъ, что не всякій отецъ про сына родного такой напишетъ. Да вотъ письмо. Читай самъ, а я сейчасъ ворочусь, надо приказанье въ конторѣ отдать.

И, подавъ Алексѣю письмо, вышелъ изъ комнаты.

Читаетъ Алексѣй знакомыя, крупныя, полууставныя почти буквы. Натапъ Максимычъ ровно передъ нимъ стоитъ... Какъ наяву видитъ онъ его душевными очами.

«... А что пишешь ты насчетъ Алексѣя Лохматаго, что просится къ тебѣ на мѣсто, и ты его прими безо всякаго сумлѣнья. Недолго у меня жилъ, а много себя показалъ, и я бы, кажись, во вѣки вѣковъ съ нимъ не разстался. Теперь на его мѣстѣ Григорій Филиппычъ, что у Зарубиныхъ въ приказчикахъ жилъ. Человѣкъ бывалый, знающій, а дня не проходитъ, чтобъ не поминалъ я Алексѣюшку. Яви божескую милость, Сергѣй Андреичъ, устрой парня какъ можно въ наилучшемъ видѣ — самъ послѣ спасибо мнѣ скажешь. Христомъ Богомъ прошу тебя, любезный мой крестничекъ, держи ты его въ приближеніи, не какъ другихъ служащихъ. А я отвѣчаю тебѣ за Алексѣя Лохматаго всѣмъ моимъ капиталомъ. Сколько мнѣ довѣряешь, столь и ему повѣрь. Христомъ Богомъ прошу, полюби Алексѣюшку и всячески жалуй его — повѣрь Богу, онъ тебѣ заслужитъ. Прежде было-думалъ я предоставить ему мѣсто у Марьи Гавриловны Масляниковой, котору ты у меня въ Осиповкѣ видѣлъ. Она у Молявиныхъ пароходъ купила, «Соболь» прозывается, восемьдесятъ силъ, буксирный, плавалъ всего только три воды, строенъ въ Сормовѣ у Бенардаки *). Окромя того думаетъ Марья Гавриловна и другіе торги заводить. Капиталъ у нея значительный послѣ мужа достался. Нарочно спрашивалъ я письмомъ Марью Гавриловну, не пожелаетъ ли къ тому дѣлу приставить извѣстнаго мнѣ надежнаго человѣка, да такого, что я бы ручаться готовъ со всякимъ моимъ удовольствіемъ, да тутъ вы-

---

*) Пароходный заводъ близъ Нижняго, на Волгѣ, возлѣ дер. Сормовой.

шла неудача. Отвѣтила Марья Гавриловна, что такой человѣкъ у нея готовъ... Послѣ того полагалъ я въ Самару писать да въ Хвалынь къ пріятелямъ, — слышалъ, что у нихъ на пароходахъ есть мѣста̀, а вышло, что у тебя къ тому времени очистилось мѣсто. Сдѣлай милость, любезный другъ мой Сергѣй Андреичъ, успокой ты меня старика, устрой Алексѣя сколь можно лучше. Какую милость къ нему явишь, тѣ милости твои я къ себѣ причту. Положи ты ему жалованье хорошее, и харчи и содержаніе хорошее дай, не какъ другимъ прочимъ, яви такую милость. А буде случится Алексѣю какая надобность, дай ему, пожалуйста, денегъ, сколько ему нужно, и то̀тчасъ ко мнѣ отпиши, заплачу̀ немедля со всякимъ моимъ удовольствіемъ...»

Инда руки опустились у Алексѣя, какъ дочиталъ онъ письмо Патапа Максимыча. «Что̀ за человѣкъ, что̀ за милостивецъ!..— думаетъ онъ.—И впрямь не всякій отецъ объ сынѣ такъ печется, какъ онъ обо мнѣ... И это послѣ того... послѣ такой обиды!..»

И вдругъ онъ дрогнулъ. Попрежнему невѣдомый тайный голосъ шепталъ ему: «Отъ сего человѣка погибель твоя!».

Въ то время воротился изъ конторы Сергѣй Андреичъ.

— Прочиталъ? — спросилъ онъ Алексѣя.

— Прочиталъ, — въ смущеньи отвѣтилъ Алексѣй, отдавая письмо.

— Какъ полюбилъ-то онъ тебя, просто на удивленье! — сказалъ Колышкинъ. — Ужъ мнѣ то̀ вспало на умъ, не прочитъ ли за тебя онъ дочку.

Зардѣлся Алексѣй, едва могъ проговорить:

— Помилуйте, Сергѣй Андреичъ! Да развѣ это возможно?

— У него все возможно... Таковъ ужъ норовъ у крестнаго, — сказалъ Сергѣй Андреичъ. — Что̀ въ голову залѣзло, клиномъ не выбьешь... Конечно, по достаткамъ его, особенно же теперь, какъ одна дочь осталась, любой первостатейный готовъ за сына ее посватать, да крестному это все наплевать. Забрело на мысли — шабашъ. Право, не въ зятья ли онъ тебя прочитъ? — прибавилъ Колышкинъ съ радушнымъ смѣхомъ, хлопнувъ рукой по плечу Алексѣя.

— Какъ это возможно? — говорилъ тотъ.

— Смотри, чтобы не вышло по-моему, — усмѣхнувшись, продолжалъ Сергѣй Андреичъ. — Не то какъ же это разсудить? Самъ въ человѣкѣ души не частъ, дорожитъ имъ, хлопочетъ ровно о сынѣ, а отъ себя на сторону пускаетъ... Вотъ, дескать, я его на годокъ изъ дому-то спущу, сплетенъ бы ка-

кихъ насчетъ дѣвки не вышло, а тамъ и оженю... Право, не такъ ли?.. Да ты самъ просился отъ него?

— Самъ, — глухо промолвилъ Алексѣй.

— Что-жъ тебѣ вздумалось? — спросилъ Сергѣй Андреичъ. — Вѣдь тебѣ не житье было — масленица. Чѣмъ не понравилось?

— Что-жъ, Сергѣй Андреичъ, — смущеннымъ голосомъ промолвилъ Алексѣй. — Извѣстное дѣло: рыба ищетъ, гдѣ глубже, человѣкъ, гдѣ лучше.

Пристально посмотрѣлъ на него Колышкинъ, сморщилъ немного брови и прошелся раза два-три по комнатѣ.

— Ну, такъ должность твоя вотъ какая будетъ, — началъ онъ, продолжая ходить по комнатѣ и отъ времени до времени взглядывая на Алексѣя.

Подробно объяснилъ онъ, въ чемъ будутъ состоять Алексѣевы обязанности. Жалованья положилъ столько же, сколько получалъ онъ у Патапа Максимыча. На харчи особо, на квартиру, на разъѣзды тоже особую плату назначилъ. Всякій новичокъ въ торговомъ дѣлѣ отъ такихъ выгодныхъ условій запрыгалъ бы съ радости; Алексѣй поблагодарилъ, какъ водится, но въ душѣ остался недоволенъ... Не того хотѣлось ему... Богатства скорѣй да людского почета!.. Богатства!.. Сейчасъ же!.. Вынь да положь — хоть по щучьему велѣнью, какъ въ сказкѣ сказываютъ...

Кончили тѣмъ, что черезъ недѣлю, когда придетъ изъ Астрахани колышкинскій пароходъ «Успѣхъ», разгрузится и возьметъ свѣжую кладь до Рыбинска, Алексѣй поѣдетъ на немъ при клади и тѣмъ временемъ ознакомится съ пароходнымъ дѣломъ. Затѣмъ было обѣщано ему мѣсто капитана на другомъ пароходѣ Колышкина.

Сергѣй Андреичъ спросилъ у него паспортъ, Алексѣй вынулъ изъ кармана и подалъ.

— Ну, братъ, этотъ паспортъ намъ не съ руки, — взглянувъ на него, сказалъ Колышкинъ. — Трехмѣсячный, и сроку только двѣ недѣли остается. Тебѣ надо годовой хоть выправить, а еще того лучше года на три.

— Слушаю, Сергѣй Андреичъ, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Медлить некогда, сегодня-жъ отправляйся домой и торопись съ паспортомъ. Годовой надо будетъ въ казначействѣ брать, въ уѣздный городъ, значитъ, ѣхать, въ удѣльномъ-то приказѣ, пожалуй, не выдадутъ. Похлопочи, чтобъ скорѣй... Денегъ не жалѣй; гдѣ придется колеса подмазать — подмажь, только поскорѣй ворочайся. Черезъ десять дёнъ надо тебѣ безпремѣнно здѣсь быть — пароходъ не ждетъ... Денегъ на дорогу не надо-ль?

— Нѣтъ,—отозвался Алексѣй.—Благодарю покорно, деньги найдутся... Такъ я сегодня же отправлюсь.

— Съ Богомъ. Увидишь Патапа Максимыча, поклонись ему, да молви про Гришку Филиппова — не больно бы ему довѣрялся. Сергѣй Андреичъ, молъ, говоритъ, что это плутъ преестественный...

Подъ вечеръ, переправясь черезъ Волгу, поскакалъ Алексѣй на своихъ саврасках въ Поромово.

Глава пятая.

Съ поля на поле отъ деревни Поромовой, возлѣ самаго болота Долгаго, на маленькомъ пригоркѣ стоитъ село Песочное. Опричь поповскихъ домовъ, въ томъ селѣ всего семь дворовъ, да одаль отъ нихъ большой домъ городской постройки. Обшитъ онъ тесомъ, выкрашенъ желтой охрой; крыша на четыре ската, окна растворчатыя, крыльцо на самой середкѣ. Саженяхъ въ пятнадцати отъ того дома другой такой же, только поменьше. Заборы рѣшетчатые; дворы не крытые. Тотчасъ видно, что строенье казенное: почтовая станція, либо волостное правленье, а не то пересыльный этапъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ большомъ домѣ помѣщался удѣльный приказъ, а въ томъ, что поменьше—училище, небогатое, впрочемъ, учениками.

Въ головахъ Песоченскаго приказа сидѣлъ Михайла Васильичъ Скорняковъ, тотъ самый, что на имянинахъ Аксиньи Захаровны втянулся-было въ затѣянное Стуколовымъ ветлужское дѣло. Жилъ онъ верстахъ въ десяти отъ Песочнаго, въ приказъ пріѣзжалъ только по самымъ важнымъ дѣламъ. Всѣмъ заправлялъ писарь, молодой парень изъ удѣльныхъ же крестьянъ. Обыкновенно должность писаря въ удѣльныхъ приказахъ справлялась мелкими чиновниками; крестьяне рѣдко на нее попадали. Однимъ изъ такихъ былъ Карпъ Алексѣичъ Морковкинъ, писарь Песоченскаго удѣльнаго приказа.

Родомъ онъ былъ изъ-за Волги, но какого села, какой деревни, одинъ Господь вѣдаетъ.

Повыше Балахны, па высокихъ глинистыхъ горахъ Кириловыхъ да на горѣ Оползнѣ, вытянувшись вдоль лѣваго берега Волги, стоитъ село Городецъ. Кругомъ его много слободъ и деревушекъ. Онѣ съ Городцомъ воедино слились. Изстари тамъ ребятишекъ много подкидываютъ. Изъ подкидышей цѣлой губерніи половина на долю Городца приходится. Хоть поется въ бурлацкой пѣснѣ:

> Въ Городцѣ на горѣ
> По три дѣвки на дворѣ,

но нельзя думать, чтобы всѣхъ этихъ подкидышей приносили городецкія красавицы. Мудрено и то подумать, чтобъ келейницамъ кèрженскимъ, чернораменскимъ обязанъ былъ Городецъ такимъ множествомъ найденышей. Иная тому причина: издавна повелось, верстъ изъ-за сотни и больше, свозить въ то село незаконныхъ дѣтей. Случалось, что бѣдные крѣпостные законныхъ дѣтей въ Городцѣ подкидывали, чтобы вольными они выросли.

Найденыша обыкновенно несли въ удѣльный приказъ, а тамъ сдавали на воспитанье желающему принять ребенка. Очередь даже велась межъ крестьянами; воспитанье подкидышей стало у нихъ чѣмъ-то въ родѣ повинности. Чужихъ дѣтей принимали крестьяне съ великою радостью, изъ-за нихъ даже свары и ссоры бывали — и тому взять хочется, и другому охота. Такую страсть до чужихъ дѣтей надо тѣмъ объяснить, что по возрастѣ они взамѣнъ родныхъ дѣтей въ рекруты сдавались. Въ лѣсахъ за Волгой такихъ пріемышей зовутъ «захребетниками» *).

Въ одинъ лѣтній день нашли подкидыша не въ урочномъ мѣстѣ — въ оврагѣ. Благо, что у игравшихъ въ лапту ребятишекъ мячъ туда залетѣлъ. Спустившись въ оврагъ, нашли они тамъ маленькаго захребетника... Пришли десятскіе изъ приказа, ребенка взяли, окрестили, и какъ найденъ былъ онъ 26-го мая, то и нарекли его Карпомъ, по имени святого того дня. Во рту раба Божія Карпа соску съ жеваной морковью нашли — оттого прозвали его Морковкинымъ.

Время стояло глухое. Больше половины городецкихъ въ Верхъ на расшивахъ ушло либо уплыло на сплавъ съ горянщиной. Къ тому-жъ незадолго передъ тѣмъ полъ-Городца выгорѣло, и не нашлось въ самомъ селѣ Карпушкѣ пріемныхъ родителей. Подвернулся староста съ десятскими изъ деревни Поромовой. Малымъ дѣломъ потолковали они межъ себя и выпросили у городчанъ Карпушку себѣ въ «захребетники». Вспало на умъ поромовскимъ: рекрутовъ по теперешнимъ временамъ требуютъ часто — вспоимъ, вскормимъ цѣлымъ міромъ найденыша; какъ выраститъ онъ, да загудитъ надъ землей царскій колоколъ **), тотчасъ сдадимъ его въ рекруты. Съ такимъ добрымъ намѣреньемъ и свезъ староста Карпа Морковкина въ деревню Поромову. Того старосту звали Алексѣемъ, оттого поромовскому мірскому захребетнику вышло полное прозвище: Карпъ Алексѣевъ Морковкинъ.

*) Захребетниками въ былое время звали еще людей, купленныхъ крестьянами на имя своего помѣщика. Они исправляли за своихъ хозяевъ барщину и работали на нихъ.

**) То-есть объявленъ будетъ рекрутскій наборъ.

Семибатькинъ сынъ, семиматерное дѣтище росло себѣ да росло въ деревнѣ Поромовой... Годы шли; оглянуться не успѣли, мальчишка ужъ въ разумъ началъ входить... Въ сиротствѣ жить—только слезы лить... Будь Карпушка одного хозяина захребетникомъ, не плохое бы житье было ему: поили-бъ, кормили его, какъ сына родного, привязались бы къ нему названные отецъ съ матерью, какъ къ дѣтищу рожоному. Зачастую въ русскомъ простонародьѣ бываетъ, что пріемышъ заурядъ съ роднымъ сыномъ идетъ, наслѣдство даже съ нимъ равное по смерти богоданныхъ родителей получаетъ. Но Карпушка былъ захребетникомъ цѣлой деревни, оттого и выпало ему на долю горькое горе — слезовая доля.

— Христосъ съ нимъ — пущай растетъ, — говаривали мужики поромовскіе: — въ годы войдетъ, въ солдаты пойдетъ — плакать по немъ будетъ некому.

И крѣпко-накрѣпко наказывали бабамъ поберегать парнишку, приглядѣть иной разъ, чтобъ грѣхомъ не окривѣлъ аль зубовъ переднихъ ему не вышибли... Тогда бѣда непоправимая — задаромъ пропадутъ хлѣбъ-соль и мірское о сиротѣ попеченіе — нельзя будетъ въ рекруты сдать.

И быть бы Карпушкѣ солдатушкой, шагать бы по бѣлу свѣту съ ранцемъ за плечами, безъ алтына въ карманѣ, всю бы жизнь чиститься не вычиститься, учиться не выучиться, но на сиротскую долю иная судьба выпала... Сбылось на мірскомъ захребетникѣ вѣковѣчное слово: «Сирый да вдовый плачутъ, а за сирымъ да вдовымъ самъ Богъ стоитъ».

Выходилъ отъ начальства строгій-престрогій указъ: отдавать съ каждой волости по стольку-то человѣкъ въ «грамоту». Сельскихъ школъ тогда еще не было, оттого и велѣно было ребятишекъ въ губернскій городъ везти. Тамъ заводилось первое въ ту пору удѣльное училище.

По сёламъ бабы воютъ, по деревнямъ голосятъ; по всѣмъ по дворамъ ребятишки ревутъ, ровно во всякомъ дому по покойнику. Каждой матери боязно, не отняли-бъ у нея сынишка любимаго въ ученье заглазное. Замучатъ тамъ болѣзнаго, заморятъ на чужой сторонѣ, всего-то натерпится, со всякимъ-то горемъ спознается!.. Не ученье страшно — страшна чужедальняя сторона непотачливая, житье-бытье подъ казенной кровлей, кусокъ хлѣба, не матерью печеный, щи, не въ родительской печи свареныя.

Въ Поромовѣ бабы не выли, мужики не задумывались — у нихъ мірской захребетникъ росъ. Чего еще ждать Карпушкина возраста? Кто еще знаетъ его, можетъ искалѣчиться, либо съ голоду повадится по чужимъ клѣтямъ ходить да подъ

судъ угодитъ... Тогда міру изъянъ, въ солдаты такихъ не бреютъ... Лучше до грѣха теперь же за міръ въ ученье его отдать: живъ останется, и ученый нашихъ рукъ не минуетъ... Міръ въ барышахъ еще будетъ: безъ хлопотъ тогда примутъ Карпушку въ рекруты, потому что начальство грамотнымъ невпримѣръ пріятнѣе лбы забриваетъ... И то еще льстило мужикамъ поромовскимъ, что, отдавши Карпушку въ училище, справятъ они повинность за цѣлую волость Песоченскую... И тутъ барыши: коль не деньгами, такъ подводами другія деревни Карпушкину сдачу заверстаютъ... Хлѣбъ-соль, на мірского захребетника потраченный, такимъ побытомъ въ деревню воротится, еще прибытокъ кой-какой міру при расчетѣ окажется... Такъ судили-рядили мужики деревни Поромовой, и всѣ двѣнадцать дворовъ въ одинъ голосъ рѣшили сдать Карпушку въ училище — пусть его учится да мучится, а родные ребятки на печкѣ лежатъ.

И свезли въ губернскій городъ мірского захребетника и сдали его, куда слѣдовало. Сталъ Карпушка учиться — грамота парнишкѣ далась, ученье на ладъ пошло. Да такъ оно на ладъ пошло, что черезъ годъ какой-нибудь сталъ Морковкинъ что̀ ни на есть первымъ ученикомъ: безъ запинки читаетъ по-церковному и по-гражданскому, пишетъ, ровно бисеръ нижетъ, на счетахъ кладетъ и на бумагѣ всякія числа высчитываетъ — одно слово, сталъ съ неба звѣзды хватать. Пали про то вѣсти въ деревню Поромову, и бабы рѣшили, что Карпушкѣ надо быть роду боярскаго, оттого и даются ему науки боярскія — значитъ, такъ ужъ это у него отъ рожденія, кровь, значитъ, такая въ немъ. И провѣдывали и навѣдывались, отъ кого бы Карпушкѣ на свѣтъ Божій родиться — мекали на дворянскаго засѣдателя, на виннаго пристава, не обошли и протопопа, но дѣла рѣшить не могли. Двѣ кумы навѣкъ изъ-за Карпушки тогда перессорились: одна крестилась и божилась, что онъ боярскаго отродья, а другая образъ со стѣны тащила, что ихній захребетникъ непремѣнно роду поповскаго. Спорили бабы, спорили, да на̀ людяхъ другъ про дружку и ну подноготную всю выкладывать. А затѣмъ ужъ извѣстно — повойники долой, да въ косы.

Годы идутъ, Карпушка учится да учится. Однажды песоченскій удѣльный голова (не Михайла Васильевичъ, а другой, что̀ до него въ головахъ сидѣлъ), воротясь изъ города, такъ говорилъ на волостномъ сходѣ, при всемъ честно̀мъ народѣ:

— Будучи въ городу̀, по приказу господина управляющаго, сидѣлъ я въ училищѣ; пытали тамъ ребятъ, кто чему обучался. Такое собранье тутъ было, что ни вздумать ни взгадать: архі-

срей съ архимандритомъ, губернаторъ съ высокими чинами, барыни разряженныя, — посмотрѣть, такъ дорого дашь!.. И читали тамъ вычитывали, каково каждый паренекъ обучается, а которы ребята отучились, тѣмъ аттестаты раздавали на большой бумагѣ за красной печатью, за подписомъ самого господина управляющаго. И нашъ Карпъ Алексѣевъ Морковкинъ, мірской захребетникъ деревни Поромовой, такой же аттестатъ принялъ изъ рукъ самого господина губернатора. А выданъ Морковкину тотъ похвальный аттестатъ за то, что во всѣхъ тамошнихъ наукахъ онъ произошелъ да, окромѣ того, малевать, собачій сынъ, навострился. Господинъ управляющій малеванье его мнѣ показывалъ: «Вотъ, говоритъ, это вашего песоченскаго!»... Голу дѣвку съ самострѣломъ да съ собакой намалевалъ *): стоитъ ровно вживѣ — глядѣть даже зазорно. И ту дѣвку въ Питеръ послали — въ департаментъ, потому, значитъ, что оченно хорошо потрафилъ. А послѣ того, какъ я на дому у господина управляющаго былъ, изволилъ его высокородіе такой приказъ мнѣ сказать: Карпа Морковкина на родину отпущаемъ — было-бъ ему отъ васъ всякое устроенье. А какъ родныхъ у него нѣтъ — въ зятья не пожелаетъ ли кто?.. А покамѣстъ, говоритъ, пущай его въ приказѣ живетъ — писарю помогаетъ. Такъ вотъ, православные, не пожелаетъ ли кто Карпа Морковкина въ зятья къ себѣ? Парню двадцать съ годомъ, отъ начальства взысканъ, наукамъ обученъ, по маломъ времени сюда его вышлютъ. Такъ не пожелаетъ ли кто?

Никто не пожелалъ принять въ зятья захребетника. То еще на умѣ у всѣхъ было: живучи столько лѣтъ въ казенномъ училищѣ, Карпушка совсѣмъ обмірщился, своротилъ, значитъ, въ церковники, попалъ въ великороссійскую. Какъ же взять такого въ семью, неуклонно въ древнемъ благочестіи пребывающую?.. Пришлось Морковкину проживать при удѣльномъ приказѣ.

Наукѣ обучился, а отъ крестьянства отсталъ. Казенный грамотей — не пахарь, соха съ приказнымъ перомъ въ ладу не живутъ, борона Карпушкѣ не къ рукѣ, пахать тоже умѣнья нѣтъ, мастерства никакого не знаетъ... Выйдя разъ на жнитво за дѣвками погоняться, пожать-было вздумалъ, такъ мизинецъ чуть не прочь отхватилъ. На что сѣнокосъ — по работѣ само послѣднее дѣло — и тутъ Карпушка не годится. Гадаютъ мужики: «Хоть и грамотенъ, а опричь что въ солдаты никуда не годится, — такая ужъ, видно, судьба ему». — «И въ самомъ

*) Діана.

дѣлѣ, православные, — рѣшилъ голова: — не голыхъ же дѣвокъ ему малевать, сдадимъ за міръ въ рекруты — пущай служитъ Богу и великому государю: ученые люди царю надобны — пожертвуемъ царскому величеству своимъ мірскимъ захребетникомъ...»

Новый управляющій на ту пору въ удѣльну контору поступилъ. А былъ онъ не такого сорта, какъ прежній. Прежній-отъ подъ старость подходилъ, а все вѣтрогономъ жилъ, все бы ему въ городу съ барынями, а по деревнямъ съ дѣвками возжаться. Тѣмъ барынямъ, что изъ себя попригляднѣе были, изъ удѣльныхъ магазиновъ весь хлѣбъ роздалъ, а друзей-пріятелей деньгами изъ мірскихъ суммъ снабжалъ. Мужиковъ подначальныхъ не зналъ да и знать не хотѣлъ. Былъ начальникъ задорный — мужики и на су́дьбище къ нему не ходили, потому что одно пустое дѣло изъ того выходило. «Ты ему *резонтъ* *), а онъ тя въ рыло», — говаривали мужики.

Новый управляющій не изъ таковскихъ былъ: понималъ мужика вдоль и поперекъ, всяко крестьянско дѣло и деревенскіе обычаи вѣдалъ, ровно самъ въ крестьянской избѣ родился. Объѣзжая приказы, увидалъ онъ въ Песочномъ Морковкина, поговорилъ съ нимъ, заставилъ вѣдомость какую-то составить, бумагу написать, и похвалилъ. Видя, что Морковкинъ бобыль, и слыша, что мужики норовятъ его въ солдаты отдать, управляющій велѣлъ ему въ контору явиться. Тамъ Карпушка пробылъ года съ четыре, въ приказныхъ дѣлахъ наторѣлъ, и все ему стало съ руки: просьбу-ль написать, дѣло-ль въ котору надо сторону своротить, — на всякое художество собаку съѣлъ. Открылось въ Песоченскомъ приказѣ мѣсто писаря. Карпушка туда.

И сталъ Карпушка не Карпушка, а Карпъ Алексѣичъ. Удѣльнаго голову въ руки забралъ, старшинъ за̀ бороды сталъ потряхивать. У него вся волость: ходи какъ линь по дну, а воды замутить не моги.

Разжился Карпъ Алексѣичъ, ровно купецъ городской: разъ по пяти на дню чай пивалъ, простымъ виномъ брезговалъ, давай ему кизлярки да на закуску зернистой икры съ калачомъ. Не то что становой, самъ исправникъ у Карпа Алексѣича гащивалъ, но изъ крестьянъ хорошіе люди знать его не хотѣли. Голова Михайла Васильевичъ поневолѣ въ добрыхъ ладахъ съ Морковкинымъ жилъ, но крѣпко тяготился, когда писарь наѣзжалъ къ нему въ домъ погостить-побесѣдовать.

---

*) Французское *raison*, попавшее изъ помѣщичьихъ хоромъ въ крестьянскія избы.

Натанъ Максимычъ къ каждому празднику посылалъ ему барашка въ бумажкѣ: нельзя — самъ удѣльный, но дружбы съ Морковкинымъ не заводилъ и къ себѣ въ домъ ногой его не пускалъ. И рядовому крестьянству и тысячникамъ, всѣмъ равно насолилъ Карпъ Алексѣичъ...

Не дай Богъ свиньѣ рога, а мужику барство. Нелегко крестьянамъ начальство бритое, невпримѣръ тяжелѣй — бородатое. То больше обидно стало Песоченскому обществу, что не наѣзжій писарь аль не чиновникъ какой надъ ними властвуетъ, а свое отродье, тотъ самый Карпушка, что̀ недавно въ Поромовой съ поросятами въ грязи валялся.

А каково было старикамъ поромовскимъ, вскормившимъ Карпушку въ мірскихъ захребетникахъ?.. Каково было имъ безъ шапокъ на морозѣ стоять передъ Карпомъ Алексѣичемъ, кланяться ему до сырой земли, просить да молить, чтобъ надъ ними помилосердствовалъ?

«Знать бы да вѣдать, — межъ собой говорили они: — не сдавать бы въ науку овражнаго найденыша!.. Кормить бы, поить его, окаяннаго, что свинью на убой, до самыхъ тѣхъ поръ, какъ пришлось бы сдавать его въ рекруты. Не ломался-бъ надъ нами теперь, не несъ бы высо̀ко поганой головы своей. Отогрѣли змѣю за пазухой! А все бабы! Онѣ въ ту пору завыли невѣсть съ чего...»

И доставались бабамъ колотухи здоровенныя... Доставались и тѣмъ, что̀ втѣпоры, какъ сдавали Карпушку въ ученье, и бабами еще не были. Не разбирать же стать, когда мужичьему кулаку расходиться вздумается... Пущай бабье межъ собой разбираются: котора изъ нихъ правая, котора виноватая.

Наѣхавши писаремъ, не замедлилъ Карпъ Алексѣичъ побывать въ деревнѣ Поромовой. Поромовскіе извѣстно: и «голубчикъ ты нашъ!», и «родной-то ты воскормленникъ нашъ!», и «вотъ какого Богъ привелъ выкормить!». Тотъ ему дядей, другой сватомъ называется. Въ прежнее время Карпушку хворостиной со двора, а теперь — «желанный ты нашъ, разлюбезненькій». Сватьевъ не оберется, свояковъ не огребется, а женскаго кумовства до Москвы не перевѣшаешь. Но, невзирая на ласки поромовцевъ, не по-родственному обошелся Морковкинъ со своими поильцами-кормильцами.

Помнилъ онъ ребячество, помнилъ, какъ изо дня въ день держали его впроголодь, а водили въ обноскахъ, что̀ отъ ветхости съ плечъ родныхъ дѣтей сваливались. Помнилъ онъ щипки, рывки и потасовки ребятишекъ. Бывало, Боже сохрани отвѣтить тѣмъ же — драчуны разревутся, нажалуются, и мірского захребетника за ушко да на солнышко, да выпорютъ

еще вдобавокъ безъ милосердія. Не было въ Поромовѣ мужика, который бы хоть разъ въ недѣлю не нарвалъ вихровъ захребетнику. А пуще всего бабы памятны были Карпу Алексѣичу: то и дѣло колотили онѣ парнишку и за дѣло и безъ дѣла. Да все зря, чѣмъ ни попало: скалкой такъ скалкой, ухватомъ такъ ухватомъ, а не то и полѣномъ, коли подъ руку угодило.

Попилъ, поѣлъ, погостилъ у поромовскихъ Карпъ Алексѣичъ, да вмѣсто спасиба за хлѣбъ за соль, на завтра велѣлъ мужикамъ съ поклономъ въ приказъ приходить.

— По гривнѣ съ души, — сказалъ онъ. — По инымъ деревнямъ у меня пятакъ положонъ, а вы люди свои: съ васъ и гривна не обидна. Надо бы побольше, да ужъ такъ и быть, хлѣбъ-соль вашу поминаючи, больше гривны на первый разъ не приму.

Дѣлать нечего—писарь великъ человѣкъ, все у него въ рукахъ, а руки на то и привѣшены, чтобы посулы да подносы отъ людей принимать. Поклонились гривной съ души воскормленнику... Что дѣлать? Поневолѣ къ полю, коли лѣсу нѣтъ... Взялъ деньги Морковкинъ, не поморщился, да, издѣваясь, примолвилъ старостѣ:

— Не даю потачки своимъ, чтобъ страху задать чужимъ.

Гривной съ души поромовскіе отъ бѣдъ и обидъ не избыли. Къ мужикамъ по другимъ деревнямъ Карпъ Алексѣичъ невпримѣръ былъ милостивѣй: огласки тоже передъ начальствомъ побаивался. оттого и бралъ съ нихъ, какъ слѣдуетъ. А «своимъ» спуску не давалъ: въ Поромовой у него бывало всяко лыко въ строку.

Жаловаться въ конторѣ пробовали — вышло хуже.

А жаловаться по мірскому рѣшенью ходилъ Трифонъ Михайлычъ Лохматый. Правду сказать, онъ не то чтобъ настоящимъ ходокомъ отъ міру былъ, чтобъ нарочно въ городъ посылали его съ жалобой, на это онъ ни за что бы въ свѣтѣ не пошелъ. Было у него на ту пору свое дѣло въ городѣ, такъ ужъ кстати было и просьбу снести. Управляющій жалобу выслушалъ, очень на писаря прогнѣвался и послалъ довѣреннаго чиновника по всѣмъ деревнямъ Песоченской волости развѣдать, вправду-ль на него Лохматый жаловался. Чиновникъ тотъ человѣкъ былъ ловкій, слылъ добросовѣстнымъ и безкорыстнымъ, а исподтишка любилъ лапку въ чужой карманъ запустить... До мужиковъ неповаденъ былъ и злобенъ, даромъ что Доброхотовымъ прозывался. Коли знаетъ, бывало. что начальство про дѣла его свѣдать можетъ, — за правду горой и мужика въ обиду не дастъ; а коль можно втихомолку

попользоваться — на руку охулки не положить. А пуще всего бралъ языкомъ. Кто по другимъ вѣдомствамъ служитъ, всѣ у него воры да мошенники, одинъ онъ святъ человѣкъ. Ловко начальство надувалъ и вѣру къ себѣ получилъ отъ него большую. Что̀ ни скажетъ, бывало, Доброхотовъ управляющему, такъ тому дѣлу и быть. Съ Морковкинымъ спознался, когда тотъ еще въ конторѣ служилъ. Пріѣхавъ въ Песочное, три дня и три ночи угощался онъ у писаря: день самъ-другъ чайничаютъ, ночь въ двѣ пары съ солдатками бражничаютъ. Послѣ трехъ денъ гульбы сталъ Доброхотовъ мужиковъ созывать да про писаря Морковкина разспрашивать. Всѣхъ деревень крестьяне сказали, что очення имъ довольны, никакихъ обидъ отъ него не видывали. Недовольныхъ только и нашлось, что двѣнадцать хозяевъ деревни Поромовой. А какъ имъ повѣрить, коли тысячи другихъ въ полной мѣрѣ одобряютъ писаря? Управляющій добрый нагоняй задалъ поромовскимъ. Больше всѣхъ досталось Лохматому. Тѣмъ дѣло и покончилось.

Карпъ Алексѣичъ узналъ отъ пріятеля, кто на него челобитчикомъ былъ. Только-что уѣхалъ Доброхотовъ, злобно закусилъ онъ губу и, не таясь стоявшихъ по близости людей, громко вымолвилъ:

— Помни ты это, Трифонъ Лохматый, а я про тебя не забуду.

Но Трифонъ Лохматый по правдѣ жилъ да по истинѣ, придраться къ нему было мудрено. Какъ ни хитрилъ, какія ямы писарь подъ нимъ ни подкапывалъ, подцѣпить никакъ не могъ. Еще пуще отъ того зло разобрало Морковкина.

— Ладно же, говоритъ ладно, не отвертишься ты у меня, Трифонъ Лохматый... Дойму не мытьемъ, такъ катаньемъ!..

И съ того часа положилъ на него вражду и лютую злобу.

Хоть великъ человѣкъ былъ Карпъ Алексѣичъ, хоть велики стали достатки его, но не хватало ему по деревенскому свычаю-обычаю настоящей силы-важности, потому что человѣкъ былъ молодой да къ тому-жъ не женатый. Извѣстно, что семейному всегда отъ всѣхъ больше почету, особенно если ему надъ другими начальство дано...

Пора бы и Морковкину семьей заводиться, да жениться-то по окольности не на комъ: крестьянскую дѣвку взять не хочется, купеческая дочь не пойдетъ за мірского захребетника, на солдаткѣ жениться зазорно, на мѣщанкѣ накладно, на поповнѣ спаси Господи и помилуй!.. А недобро жить одному: одна головня и въ полѣ гаснетъ, а двѣ головни — закурятся. Нельзя Карпу Алексѣичу вѣкъ свой холостымъ переколачи-

ваться, безпремѣнно надо ему помощницу: вѣдь холостому помогай Боже, а женатому хозяйка поможетъ... Да и что̀ за жизнь неженатому?.. Одному и у каши нѐспоро, одному и топиться скучно идти. Во своемъ одиночествѣ завелся Морковкинъ кумушками, и было ихъ у него вдоволь, но что̀ ни толкуй, дѣло то грѣховное, зазорное... невпримѣръ лучше совершить законъ по Божьей заповѣди.

Стосковался безродный, безженный Карпъ Алексѣевъ сынъ. Теплы въ приказѣ хоромы казенныя, дровъ на нихъ не жалѣютъ, топятъ на деньги мірскія. Ѣсть-пить Морковкину слава Тѣ Господи, инымъ дворянамъ только по великимъ праздникамъ поѣсть та̀къ приходится: рому, кизлярки, всякихъ водокъ отъ челобитныхъ приносовъ хоть полы подмывай, чаю-сахару хоть конямъ замѣсто овса засыпай, другихъ всякихъ запасовъ ни счету ни мѣры нѣтъ... Да съ кѣмъ надъ сладкимъ кусомъ порадоваться, съ кѣмъ распивать даровые напитки приносные?.. «Эхъ,—чаще да чаще сталъ подумывать самъ съ собой Карпъ Алексѣичъ: — кого бы одѣть въ шелки-бархаты, кого-бъ изукрасить дорогими нарядами, кого бы въ люди показать: глядите, молъ, православные, какова красавица за меня выдана, каково краснò она у меня изукрашена!.. Сторонись, сиволапые!.. Зарься, гляди честнòй народъ, каково убранство на моей на хозяюшкѣ!»

Какъ у стараго дò смерти душа не вынута, такъ у мòлода до свадьбы сердце не запечатано, оттого повсюду Морковкинъ искалъ-поискивалъ отвѣтнаго сердца дѣвичья. Весной ли бывало, какъ дѣвки за околицей зачнутъ хороводы водить да пѣсни играть, по осени-ль, какъ на супрядкахъ онѣ собираются, о Пасхѣ ли на качеляхъ, о Святкахъ ли на игрищахъ, о масленой на ледяныхъ горахъ, что̀ ставились ребятами по крутымъ спускамъ, прямо надъ прорубями, — Карпъ Алексѣичъ тутъ какъ тутъ... Но сиротство-одиночество на роду ему было писано. Съ парнями дѣвки заигрываютъ: кого въ затылокъ кулакомъ, кого ладонью вдоль спины изо всей мочи, кому жбанъ квасу на̀ голову, коли вздумаетъ дѣвичьи разговоры подъ окнами подслушивать. Карпу Алексѣичу ни привѣта ни отвѣта: молча поклонятся писарю дѣвки низкимъ поклономъ, сами не улыбнутся и то̀тчасъ и въ сторону. Ка̀къ съ великимъ человѣкомъ шутки шутить! Пожалуй, прогнѣвается... И на супрядкахъ мѣсто ему не у го̀лбца, гдѣ деревенски ребята стоятъ, а мѣсто поповское — въ переднемъ, почетномъ углу подъ иконами. И рѣчи ведутъ къ нему не шутливыя, говорятъ слова все покорныя, потчуютъ Карпа Алексѣича на дѣвичьихъ су̀прядкахъ ровно попа на поминахъ

родительскихъ. Къ хороводу подойдетъ, парни прочь идутъ, а дѣвкамъ безъ нихъ скучно, и ругаютъ онѣ писаря ругательски, но сторожась, втихомолку: «Принесъ-де лѣшій Карпушку-захребетника!». Прозвище горькаго дѣтства осталось за нимъ; при немъ никто бы не посмѣлъ того слова вымолвить, но заглазно всѣ величали его мірскимъ захребетникомъ да овражнымъ найденышемъ. Какъ ни старался онъ угождать дѣвкамъ въ хороводахъ и на сýпрядкахъ, какого ни приносилъ имъ угощенія—не помогали гостинцы: не льнули дѣвки къ писарю, зáдаромъ только харчился онъ... На что поповичи, и тѣмъ дѣвки были доступнѣе, чѣмъ безталанному Карпу Алексѣичу.

Бѣда, горе великое нà людяхъ жить одинокому, но та бѣда еще полбѣды. Вотъ горе неизбывное, вотъ бѣда непоправимая, какъ откинешься отъ добрыхъ людей да, отчаливши отъ берега, къ другому не причалишь! Хуже каторги такая жизнь!.. Такова довелась она Карпу Алексѣичу.

А межъ тѣмъ старики да молодые люди женатые, глядя на писаря въ бесѣдахъ дѣвичьихъ, то и дѣло надъ нимъ издѣваются. «Вишь какого, судятъ промежъ себя, даровали намъ начальника: ему бы возлѣ подола сидѣть, а не земски дѣла вершать. И дѣвки-то плохи у насъ, непутныя: подпалили бы когда на сýпрядкахъ захребетнику бороду, осрамили-бъ его окаяннаго... Да и парни-то не лучше дѣвчонокъ: намяли-бъ ему хорошенько бока-то, какъ идетъ темной ночью домой съ дѣвичьихъ сýпрядокъ. Право слово, такъ».

Одна дѣвка посмѣлѣй была. То Параньба пороховская, бóльшая дочь Трифона Михайлыча. Не таковская уродилась, чтобы трусить кого, дѣвка бывалая, самому исправнику не дуетъ въ усъ. Такая съ начальствомъ была смѣлая, такая бойкая, что по всему околотку звали ее «губернаторшей». Стала Паранька ради смѣху съ Карпушкой заигрывать, не то чтобъ любовно, а лишь бы на смѣхъ поднять его. Подруги корить да стыдить дѣвку зачали:

— Срамница ты этакая!.. Съ кѣмъ заигрывать вздумала!.. Отъ парней рыло воротишь, а къ міроѣду на шею мечешься... Эхъ, ты!.. А еще губернаторша!

— Да вѣдь я такъ, дѣвы, ради одного смѣху,—оправдывалась Паранька Лохматая.

— То-то для смѣху!...—бранили ее дѣвки.—Намедни захребетникъ зачалъ съ тобой говорить, а у тебя и глаза запрыгали, и въ горлѣ перехватило, и голосъ сталъ ровно надтреснутый... Смотри, Паранька, не осрамись... То попомни, что коль у васъ съ писаремъ до грѣха дойдетъ, тебѣ одна дорога—въ кельи идти... Тò разумѣй, что дѣвку, мірскимъ за-

хребетникомъ обцѣлованную, не то что хорошій парень, послѣдній кабацкій пропойца за себя не возьметъ... Да и отъ насъ подальше убирайся тогда... Не водиться дѣвицамъ съ Карпушкиной полюбовницей... Помни это, Паранька, помни, не забывай...

— Ну васъ ту-то! Стану я взаправду думать о писарѣ!..— крикнетъ да захохочетъ, бывало, дѣвкамъ въ отвѣтъ Параньк Лохматая. — Да по мнѣ Карпушка хоть на ножѣ торчи... Ишь чѣмъ попрекать меня вздумали!

То-то, губернаторша, смотри! — говорили дѣвки, вѣря словамъ ея. Въ голову никому придти не могло, чтобъ опричь солдатокъ вздумалъ кто гулять съ мірскимъ захребетникомъ.

А Паранька межъ тѣмъ съ писаремъ заигрывала да заигрывала... И стало ей приходить въ голову: «А вѣдь не плохое дѣло въ писарихи попасть. Пила-бъ я тогда чай до отвалу, самоваровъ по семи на день! Ѣла бы пряники да коврижки городецкіе, сколь душа приметъ. Ежедень бы ходила въ ситцевыхъ сарафанахъ, а по праздникамъ въ шелки бы наряжалась!.. Рубашки-то были бы у меня миткалевыя, а передники, какихъ и на скитскихъ бѣлицахъ нѣтъ».

Зачалъ и Карпъ Алексѣичъ на Параньку глаза распущать, одинокому человѣку ласковое дѣвичье слово всегда душу воротитъ вверхъ дномъ. Но жениться на Паранькѣ и на мысли ему не вспадало... То на умѣ Карпъ Алексѣичъ держалъ: «Сплету лапоть безъ кочедыка, возьму дѣвку безъ попа, въ жены не годится — въ кумушки бредетъ». И повелъ свое дѣло...

Стали дѣвки замѣчать, что дѣло не на̀ смѣхъ у нихъ становится. Говорятъ Паранькѣ:

— Что̀ ты, дура отятая?.. Куда ты съ бѣшеной головой своей лѣзешь?.. Надуетъ тебя захребетникъ, какъ пить дастъ!.. Даромъ только ославишься!..

А «губернаторша» какъ цыкнетъ имъ на отвѣтъ да одной подругѣ еще примолвила:

— Не тебя стригутъ, такъ ты и молчи.

Дошли слухи до родителей. Не вѣрилъ отецъ, чтобъ писарь съ Паранькой вѣнцомъ порѣшилъ, но повѣрила тому Ѳекла Абрамовна.

Провѣдавъ про дочкины проказы, старый Трифонъ указалъ ей на плеть, а писарю при случаѣ обѣщался виски поправить.

— Да я, говоритъ, скорѣй дѣтище свое въ куль да въ воду, чѣмъ за мірского захребетника замужъ отдамъ!.. Въ нашемъ роду безчестныхъ людей не бывало, намъ съ Карпушкой родниться не стать.

Заглянулъ однова Трифонъ въ овинъ, — писарь съ Парань-

кой обнимаются. Схватилъ старикъ цѣпъ, да и ну молотить.

Послѣ того у писаря три дня и три ночи голова болѣла, а на правую ногу три недѣли прихрамывалъ... Паранька въ люди не казалась: подъ глазами синяки, а что на спинѣ, то рубашкой крыто — не видать... Не сказалъ Трифонъ Ѳеклѣ Абрамовнѣ, отчего у дочери синяки на лицѣ появились, не повѣдала и Параныка матери, отчего у ней спинушку всю разломило... Ничего-то не знала, не вѣдала добродушная Ѳекла Абрамовна.

«Постой же ты у меня,—кряхтя и охая, думалъ Карпъ Алексѣичъ.—Все припомню, все: и жалобы твои и побои!.. Узнаешь меня, косматая борода!.. Дай только на ноги подняться!..»

Да, справившись, выбралъ ночку потемнѣе и пошелъ самъ одинъ въ деревню Поромову, прямо къ лохматовской токарнѣ. Стояла она на рѣчкѣ, въ полѣ, отъ деревни одаль. Осень была сухая. Подобрался захребетникъ къ токарнѣ, запалилъ охапку сушеной лучины да и сунулъ ее со склянкой скипидара черезъ окно въ груду стружекъ. Разомъ занялась токарня... Не переводя духу, во всѣ лопатки пустился бѣжать Карпъ Алексѣичъ домой, черезъ поля, черезъ кочки, черезъ болота... А было то дѣло наканунѣ постнаго праздника Воздвиженья Креста Господня.

На Покровъ у Лохматаго лошадей угнали, на Казанскую въ клѣти все до нитки обворовали. Тутъ Карпъ Алексѣичъ былъ неповиненъ. Въ томъ развѣ вина его состояла, что передъ тѣмъ незадолго двухъ воровъ въ приказъ приводили, и писарь, какъ водится, обругавъ ихъ, примолвилъ десятскому:

— Вотъ дураки-то!.. Къ кому забрались!.. Какъ куры во щи и попали... Это не Трифонъ Лохматый, у того и кони не въ призорѣ, да и въ клѣть хоть на тройкѣ въѣзжай.

Воры были удѣльные, обокрали удѣльнаго. Удѣльный приказъ, не доводя дѣла до суда, распорядился по-домашнему: воровъ выпоролъ и отпустилъ... И вспомянули воры слово писарево и очистили догола старика Лохматаго.

Спаливъ токарню, самъ же писарь, какъ ни въ чемъ не бывало, подговаривалъ Трифона подать становому объявленіе. «Какъ зачнется слѣдствіе,—думалъ онъ:—запутаю Лохматаго бумагами, такъ оплету, что овина да жалобъ и на томъ свѣтѣ не забудетъ». Спозналъ Морковкинъ, что Трифонъ не хочетъ судиться, что ему мужики спасибо за то говорятъ.

«Деньгами спутать!..»—подумалъ онъ и шепнулъ своей сударушкѣ:

— Молви, лебедка, матери: пущай, молъ, тятька-то на нову

токарню денегъ у меня перехватить. Для тебя, моя разлапушка, радъ я радехонекъ жизнью рѣшиться, не то чтобы деньгами твоему родителю помочь... Деньги что?.. плевое дѣло; а мнѣ какъ вамъ не пособить?.. Поговори матери-то, Паранюшка... И самъ бы снесъ я, сколько надо, Трифону Михайлычу, да знаешь, что меня онъ не жалуетъ... Молви а ты, молви матери-то, она у васъ добрая, а я отъ всего своего усердія.

Поговорю, Карпушенька, безпремѣнно поговорю...—отвѣчала на тѣ рѣчи Паранька. — И спасибо-жъ тебѣ, соколикъ мой!.. А и что̀ это у насъ за тятенька! Не родитель дѣтямъ, а злой лиходѣй... Ровно я ему не родная дочь, ровно я ему наемная работница!.. Не жалѣетъ онъ меня ни на̀ сколько! И за что это онъ не взлюбилъ тебя?

— Не кручинься, моя ягодка, не горюй, яблочко наливчатое,—отвѣчалъ Морковкинъ, обнимая свою разлапушку.—Богъ милостивъ: будетъ праздникъ и на нашей улицѣ... А Трифона Михайлыча, нужды нѣтъ, что меня не жалуетъ, уважить я завсегда готовъ... Что̀ ни есть нажитаго, все до послѣдней копейки радъ ему отдать... Такъ и скажи Ѳеклѣ Абрамовнѣ.

— Скажу, соколикъ мой, безпремѣнно скажу, — страстно отвѣчала Паранька, ласкаясь къ писарю. — Только ужъ не знаю, какъ тятька-то...

— А что̀?

— Загубилъ онъ мою молодость!..—утирая рукавомъ слезы, зарыдала Паранька. — Не дастъ воли сердечушку, не велитъ любиться съ желаннымъ моимъ!..

— Да вѣдь любимся же, Паранюшка, — утѣшалъ ее захребетникъ. — Не гнѣви Бога, не кори отца.

— Любиться-то мы любимся, голубчикъ мой, — сказала Паранька: — да все-жъ подъ страхомъ, подъ боязнью. А мнѣ вольной любви хочется! Передо всѣми бы людьми добрыми не зазорно было обнять тебя, не украдкой бы говорить съ тобой рѣчи любовныя, не краснѣть да не зариться со стыда передъ подругами...

— Богъ милостивъ, Паранюшка, придетъ часъ воли Божіей, — говорилъ Карпъ Алексѣичъ. — А матери ты поговори, про что я наказывалъ.

— Охъ, ты, добрый мой!.. Охъ, ты, радошный! — полными бѣлыми руками обвивая шею писаря и жарко цѣлуя его, говорила Параня. — Тятька зло тебѣ мыслитъ, а ты ему добромъ хочешь платить... Какой же ты славный, Карпушенька!

И жарко цѣловала Параня полюбовника и сладко миловала его, и крупныя слезинки, что̀ жемчужинки, выкатались изъ ясныхъ очей ея.

А подъ вечеръ все разсказала матери: про гульбу свою съ Морковкинымъ; про надежду писарихой быть, жить-поживать въ холѣ, въ почетѣ, въ великомъ богачествѣ... И про то разсказала Ѳеклѣ Абрамовнѣ, что въ овинѣ приключилось по осени, и про то молвила, что сулитъ Морковкинъ денегъ на токарню дать и на все на прочее, сколько понадобится... Ѳекла Абрамовна разревѣлась-расплакалась, не нашла словъ на похвалу Карпу Алексѣичу и долго и строптиво ворчала на своего стараго... Потому-то и пыталась она подъѣхать къ сожителю со словами совѣтными, попросилъ бы онъ денегъ у писаря, но не принялъ Трифонъ совѣтовъ жениныхъ, не восхотѣлъ поклониться мірскому захребетнику: послалъ Алексѣя къ Патапу Максимычу, Саввушку ложкарить въ Хвостиково.

За великую досаду стало это Морковкину.—«Ужь какъ ты тамъ себѣ ни вывертывай,—говорилъ онъ самъ про себя:—а доѣду я тебя, Трифонъ Михайлычъ, попомню овинъ да жалобы!» А сударушкѣ иное расписывалъ:

— Бога не боится родитель твой — въ чужи люди сыновей послалъ! Саввушку-то жалко мнѣ оченно, паренекъ-отъ еще не выровнялся, пожалуй, и силенки у него не хватитъ на работу подряженную. Много, пожалуй, придется и побой принять, коль попадется къ хозяину немилостивому. Чѣмъ сыновей-то въ кабалу отдавать, у меня бы денегъ позаймовалъ. Не потерпитъ ему Господь за обиды роднымъ сыновьямъ.

Паранька плакала, передавала писаревы слова матери и чуть не каждый Божій день приводила ее въ слезы разговорами о тяжелой работѣ въ чужихъ людяхъ Алексѣя да Саввушки.

— Не говори ты, Паранюшка, не надрывай моего сердечушка!—тосковала и рыдала Ѳекла Абрамовна, слушая рѣчи дочернія. — Сама знаю я, дѣвонька, какова чужедальня сторонушка: горемъ она сѣяна, слезами поливана, тоскою покрывана, печалью горожена,—причитала она, сидя на лавкѣ и качаясь станомъ взадъ и впередъ.

Когда пали слухи, что Алексѣй у Патапа Максимыча хорошо пристроился, что осиповскій тысячникъ премного его жалуетъ, сдѣлалъ даже своимъ приказчикомъ, мірской захребетникъ задумался. Слышитъ отъ людей, что Трифонъ Лохматый нову токарню выстроилъ, лошадей купилъ и всѣмъ прочимъ по хозяйству справляется. Раза по два на недѣлѣ бѣгаетъ къ нему Паранька, говоритъ, что деньги на расходы Алексѣй приносилъ... Разобрало зло писаря пуще прежняго.

Говоритъ удѣльному головѣ Михайлѣ Васильичу:

— Давно мнѣ хотѣлось сказать вамъ насчетъ Алексѣя Лохматаго, что̀ живетъ у Чапурина въ Осиповкѣ.

— Что-жъ такое? — спросилъ у него Михайла Васильичъ.

— У отца у его токарню по осени спалили, а потомъ обокрали бѣднягу.

— Знаю, — отвѣчалъ голова. — Кругомъ разорили. А хозяинъ исправный былъ!

— Теперича, Михайла Васильичъ, — продолжалъ Морковкинъ: — Трифонъ Лохматый нову токарню ставитъ, невпримѣръ лучше прежней, и пару коней купилъ — лошади доброѣзжія, немалыхъ денегъ сто̀ятъ, опять же изъ пожитковъ, что̀ было покрадено, живой рукой справляетъ.

— Что̀ же? Слава Богу, что пособляетъ доброму человѣку справляться, — молвилъ на тѣ рѣчи Михайла Васильичъ.

— Все это на плохой конецъ четырехсотъ цѣлковыхъ сто̀итъ, — сказалъ Морковкинъ.

— Сто̀итъ. Какъ по нынѣшнимъ цѣнамъ не стоить! — подтвердилъ голова.

— А у Лохматаго большихъ денегъ никогда не важивалось, — продолжалъ писарь. — Которы и были, тѣ покрадены. Откуда-жъ взялись онѣ? Не съ неба-жъ свалились, не кладъ же дался ему.

— Извѣстно, — поддакнулъ Михайла Васильичъ.

— Я доподлинно отъ самыхъ вѣрныхъ людей узналъ, — продолжалъ Карпъ Алексѣичъ: — что деньги большой сынъ приноситъ изъ Осиповки... Живетъ у Чапурина безъ году недѣля, когда ему такія деньги заработать?.. Тутъ, надо-быть, другое что̀ есть.

— Что-жъ такое?

— Да не стянулъ ли онъ деньги-то? — сказалъ писарь. — Не мѣшало бы хорошенько приструнить его... Чтобы послѣ не было какихъ непріятностей.

— Не можетъ быть того, чтобъ Трифоновъ сынъ воровскими дѣлами сталъ заниматься, — молвилъ Михайла Васильичъ.—Я у Патапа Максимыча намедни на хозяйкиныхъ именинахъ гостилъ. Хорошіе люди все собрались... Тогда впервые и видѣлъ я Алексѣя Лохматаго. Съ нами обѣдалъ и ужиналъ. Въ приближеньи его Патапъ Максимычъ держитъ и довѣрье къ нему имѣетъ большое. Потому и не можетъ того быть, чтобъ Алексѣй Лохматый на такія дѣла пошелъ. А впрочемъ, повижусь на-дняхъ съ Патапомъ Максимычемъ, спрошу у него...

Не того хотѣлось Карпу Алексѣичу. Думалось ему уговорить Михайлу Васильича отписать въ удѣльну контору о сдачѣ Лохматаго въ рекруты за порочное поведеніе.

Прошло столько-то времени, — говоритъ голова Морковкину: видѣлся-де онъ съ Патапомъ Максимычемъ, и Патапъ-де Максимычъ ему сказывалъ, что онъ деньги давалъ взаймы Трифону Лохматому, а коль понадобится, говоритъ, такъ и вдвое и втрое дамъ ему, а сыномъ его Алексѣемъ такъ доволенъ Патапъ Максимычъ, какъ больше нельзя... «А вотъ это на его же Алексѣя Лохматаго счетъ», — примолвилъ Михайла Васильичъ, вынимая изъ кармана рекрутску квитанцію.

Остолбенѣлъ мірской захребетникъ,—не то ему чаялось... А межъ тѣмъ голова велѣлъ записать, гдѣ слѣдуетъ, квитанцію, что идетъ она за семью Лохматаго, и что теперь та семья отъ рекрутства свободна...

Ту квитанцію голова получилъ отъ Патапа Максимыча.

Святой подъ качелями Паранька шепнула возлюбленному, что братъ вмѣсто краснаго яичка много денегъ принесъ. Тѣми словами она любовника своего прикручинила. Чуть не задохся со злости Карпъ Алексѣичъ.

«Рано ли, поздно ли, попадешься ты мнѣ! — думалъ онъ.— Погоди, гусь лапчатый, не отморозить бы тебѣ красны ноженьки! Быть тебѣ, сорванцу, подъ красной шапкой,—такое дѣльце состряпаю, что не поможетъ тебѣ и рекрутска квитанція».

Злоба къ отцу перешла на сына. Чуть ли еще не сильнѣе была.

А Паранька, только-что наступила весна, то и дѣло въ Песочное.

Пріѣлась дѣвка Карпу Алексѣичу, иной красоты захотѣлось... Воззрился на меньшую дочь Лохматаго, Натальюшку.

Однажды, когда на горячія милованья голубки Паранюшки неохотно отвѣчалъ соколикъ Карпушенька, дѣвка навзрыдъ разрыдалась и стала укорять полюбовника, что онъ въ конецъ загубилъ жизнь ея горегорькую, объявила, что стала не праздная.

Безотвѣтно осталось сердце захребетника. «Чтобы чортъ тебя побралъ и съ отродьемъ твоимъ!..»—подумалъ онъ и хмарою тучей нахмурился.

— Хочешь не хочешь, голубчикъ Карпушенька, а надо скорѣе дѣло вѣнцомъ порѣшить, — умоляла писаря Прасковья Трифоновна.

— Знаю, — грозно отвѣчалъ захребетникъ. — Да какъ же статься тому? Старикъ-отъ согласья не дастъ.

— Уходомъ, Карпушенька, — подхватила Паранька.— Тебѣ же съ руки: великороссійская подъ бокомъ, попъ Сушило пріятель тебѣ,—свѣнчаетъ какъ разъ.

— Такъ-то оно такъ, — промычалъ подъ носъ себѣ Карпъ Алексѣичъ и крѣпко задумался.

Глава шестая.

Петра солноворота *) — конецъ весны, начало лѣту. Своротило солнышко на̀ зиму, красно лѣто на жары пошло. Останные посѣвы гречихи покончены, на самыхъ запоздалыхъ капустникахъ разсада посажена, на послѣднюю разсадину горшокъ опрокинутъ, дикарь **) навален̂ъ и бѣлый платъ разостланъ съ приговорами: «Уродись ты, капуста, гола̀ горшкомъ, туга камешкомъ, бѣла полотнянымъ платкомъ».

По утренней росѣ, въ однѣхъ рубахахъ, опоясавшись шерстяными опоясками, досужія хозяйки ходятъ, бродятъ по огородамъ. Зорко высматриваютъ онѣ, не зажелтѣлъ ли гдѣ въ приземистой огуречной травкѣ золотистый новичокъ — первенькій цвѣточекъ. И только-что завидитъ которая желаннаго гостя, то̀тчасъ красную нитку изъ опояски вонъ и съ молитвой царю Константину и матери Оленѣ наклоняется надъ грядкой и тою ниткой перевязываетъ выглянувшій на свѣтъ Божій цвѣточекъ. А сама загово̀ръ шепнетъ: «Какъ густо мой поясъ вязался — такъ бы густо вязались мои огурцы, не было-бъ межъ нихъ пустоцвѣту!..»

Въ деревняхъ, что̀ подальше въ захолустьяхъ, на Тиховы дни иное старинное дѣйство справляютъ. О ту пору сорныя травы межъ сѣянной и саженной огородины разрастаются, пора дѣвичьей работы подходитъ — гряды полоть. Но передъ тѣмъ по старому завѣту надо «гряды обѣгать». Сбираются красны дѣвицы гурьбою и въ глухую полно̀чь обѣга̀ютъ гряды веселой вереницей. А сами всѣ до единой въ чемъ мать на свѣтъ родила. Отъ того обѣга̀нья ни червь на гряды не нападетъ, ни лютыя медвяныя росы, ни солнышкомъ овощи не припечетъ, ни дождикомъ ихъ не зальетъ.

Не уставлено урочнаго дня грядному обѣга̀нью — никому не узнать, въ какую ночь станутъ дѣвицы свое дѣйство справлять. Не скажутъ онѣ ни брату, ни снохѣ, ни малымъ ребятамъ, ни родителямъ. И безъ того немало заботъ, чтобъ дѣвичье дѣйство обошлось безъ помѣхи, чтобъ не было ему какого ни на есть порушенья. Но, въ какомъ тайномъ совѣтѣ дѣло свое дѣвицы ни держатъ, парни, лукавый ихъ знаетъ какъ, безпремѣнно узна̀ютъ — и ночью, какъ дѣйство зачнется,

---

*) Іюня 12-го.

**) Гранитный камень. Въ лѣсахъ за Волгой немало такихъ гранитныхъ валуновъ.

они тутъ какъ тутъ. Еще съ вечера въ ко̀пани по загоро̀дью пострѣлы запрячутся, либо залягутъ въ крапиву — жги-пали, окаянная, только-бъ глазкомъ взглянуть на красоту дѣвичью, какъ ее Господь Богъ безъ покрова создалъ... Хоть дѣйство бываетъ и по̀лночью, да на Тиховы дни заря съ зарей сходятся, какой горячій молодецкій взоръ въ тѣ бѣлыя ночи не разглядитъ голенькихъ красоточекъ?.. А потомъ, какъ сойдутся на вспольѣ хороводы водить либо пѣсни играть, иной бахвалъ захохочетъ да еще зазорную рѣчь поведетъ: «У тебя, скажетъ, Степанида Марковна, возлѣ спины-то сбоку родинка»... И сгоритъ со стыда Степанида Марковна, обзоветъ недобрымъ словомъ безстыжаго, а тому что̀ съ гуся вода: стоитъ, ухмыляется, да при всемъ честномъ народѣ еще брякнетъ, пожалуй, во все горло: «Самъ своими глазами видѣлъ — хошь образъ со стѣны!.. Вотъ и Егорку спроси, да и Ванька съ Петряйкой солгать не дадутъ — и они тоже видѣли...» Батюшки свѣты!.. Снялъ долой съ плечъ головушку!.. Совсѣмъ осрамилъ!.. А что̀ съ нахальникомъ сдѣлаешь?

Стали замолкать соловьи, стали стихать и другія голосистыя пташки. Не слыхать больше звонкаго, переливистаго ихъ щебетанья. Иные пѣвуны съ иными пѣснями смѣнили ихъ: только-что закатится солнышко, въ озимяхъ перепела затюкаютъ, въ дымящемся бѣлымъ туманомъ болотѣ дергачъ *) закричитъ, да на разные лады заведутъ любовныя пѣсни лягушки... Полетѣла пчела — Божья угодница — на расцвѣтшіе луга и поляны, за о̀бножью **). Отколь ни возьмись комариная сила, и напалъ на скотину оводъ; по лугамъ и перелѣскамъ во всѣ стороны заметалась скотина, забѣгала, задравъ хвосты, ровно бѣшеная. Межипарье ***) приспѣло, вывезли мужики на паровыя поля сколько у кого накопилось навозу, двойчатыми желѣзными вилами бабы по всей полосѣ раскидали его, чтобъ лежалъ ровненько — уродилъ хлѣбъ полненько... Конецъ первой страдѣ ****). Не за горами и вторая; а вторая страда горше первой. Извѣстно дѣло: на перву страду выльешь поту жбанъ, на втору полный чанъ.

Травы налились, зацвѣли, раздушились... Недалеко̀ косо-

---

*) Болотная птица *Rallus crex*, иначе коростель.

**) Обножь, иначе взято̀къ, коло̀шки, поно̀ска, поно̀съ — добыча, которую пчела собираетъ за одинъ вылетъ.

***) Межипарье — пора между весенними и лѣтними полевыми работами, отъ конца посѣвовъ до начала сѣнокоса.

****) Страда — рабочее время въ поляхъ. Первая или малая страда бываетъ весною (пахота и сѣвъ яроваго поля). Она гораздо легче второй, или большой страды, бывающей въ іюлѣ и августѣ. Тутъ и сѣнокосъ, и жнитво, и пахота, и засѣвъ озимыхъ полей.

вица — зеленый покосъ, не за горами и жнитво, озимая пахота, сѣвъ. Выволакиваютъ мужики заброшенныя по задворкамъ послѣ яровой пахоты сохи и косули, вынимаютъ изъ клѣтей серпы да косы. Тутъ не безъ хлопотъ; косы надо наклепать, серпы назубрить, брусницы *) варомъ облить да пескомъ усыпать. Брусницу сладить — дѣло неважное, и подростокъ сможетъ, но клепка косъ и зубренье серповъ не всякому зипуну къ рукаву подойдетъ. Тутъ нужны сметка въ головѣ да проворъ въ рукѣ, безъ умѣнья колоти молоткомъ по заклепкамъ, сколько хочешь, одна пустая маята выйдетъ, пожалуй, еще порча...

Но вотъ стукъ-брякъ по улицѣ косами да серпами. Съ конца деревни до другого веселые крики несутся...

— А!.. Старый знакомый!.. Масляно рыло!.. Краснобайный языкъ!.. Добро пожаловать, милости просимъ!

Это булыня **). Вотъ идетъ онъ возлѣ подводы, а самъ подпрыгиваетъ, косами да серпами побрякиваетъ, затѣйными прибаутками народъ смѣшитъ. У него на возу и косы-литовки, и косы-горбуши ***), и серпы нѣмецкіе, а захочешь, такъ найдутся и топоры изъ самаго Пучежа... Брякнетъ булыня косой ȯ косу, звякнетъ серпо̀мъ о серпъ — не успѣешь Богородицу прочитать, цѣла деревня отъ мала до велика кругомъ воза стоитъ. Краснобай отъ клёпки косъ, отъ зубренья серповъ мужиковъ отговариваетъ — берите, молъ, новые, невпримѣръ дешевле обойдутся. И денегъ добрый человѣкъ не беретъ — по осени, говоритъ, пріѣду, бабы льномъ заплатятъ, хошь мыканымъ, хошь немыканымъ, хошь изгрёбнымъ ****), какъ имъ въ ту̀ пору будетъ сподручнѣе. Мнѣ вѣдь, говоритъ, все едино,

---

*) Брусница или брусовецъ—дощечка, въ видѣ маленькой лопаты, облитая варомъ (сосновая, еловая, пихтовая и всякаго другого хвойнаго дерева смола, очищенная и сгущенная варкой, а потомъ посыпанная пескомъ, который крѣпко пристаетъ къ вару). Брусница употребляется для точенья косъ и горбушъ.

**) Бродячій по деревнямъ скупщикъ, преимущественно—льну, всегда большой руки плутъ и балясникъ. Оттого ему и прозвище—масляно рыло, краснобайный языкъ. Ленъ скупаетъ булыня по осени и зимой, а лѣтомъ торгуетъ косами и серпами. Онъ большей частью отдаетъ ихъ въ долгъ, что̀ крестьянамъ на̀ руку, оттого, что лѣто у нихъ пора не денежная. Осенью, забирая ленъ, булыня охулки на руку не кладетъ—процентовъ двѣсти придется ему за отдачу въ долгъ серповъ и косъ.

***) Литовка—русская большая коса съ прямымъ косьемъ (рукояткой). Горбуша — малая коса съ короткимъ и кривымъ косьемъ.

****) Изгребной ленъ или просто изгребь — грубыя льняныя волокна, остающіяся отъ вычески отмятаго и отрепаннаго щеткою льна. Изъ него дѣлаютъ рядно — самый грубый холстъ, идущій на мѣшки, на покрышки возовъ и т. п.

что̀ сланѐцъ, что̀ моченѐцъ, что̀ плаунъ, что̀ долгунѐцъ *) — всякій Демидъ въ мой кошель угодитъ.

И въ тотъ же день во всякомъ дому появляются новые серпы и новыя косы. Лѣтошнихъ нѣтъ, на придачу булынѣ пошли. А по осени «масляно рыло» возьметъ свое. Деньгами гроша не получитъ, зато льномъ да пряжей туго-на̀туго нагрузитъ воза, да еще въ каждой деревнѣ его отцомъ-благодѣтелемъ назовутъ, да не то что хлѣбъ-соль — пшенники, лапшенники, пшенницы, лапшенницы на столъ ему поставятъ... Появятся и оладьи, и пряженцы, и курочка съ насѣсти, и косушка вина ради почести булыни и знакомства съ нимъ напредки̇.

А лѣтъ черезъ десять, глядишь, тотъ булыня въ купцы выписался, фабрику завелъ, каменный домъ себѣ склалъ. А лѣснымъ бабамъ завòлжанкамъ того и невдомекъ, что булынинъ-отъ домъ изъ ихняго льна строенъ, ихней новиной **) покрытъ, ихними тальками ***) огороженъ.

Межинарье — развеселая пора деревенской молодежи, — веселѣй той поры во все лѣто нѣтъ. Работы мало, что̀ ни вечеръ, то на вспольѣ хороводы, либо пѣсни, либо лясы, балясы да смѣхи на улицѣ у завалинъ... А тутъ, глядишь, и земляника въ муравѣ заалѣла, и черника вызрѣла, и тройчатая костяника, — пошелъ и сизый гонобобель ****). Вслѣдъ за ягодами изъ земли грибы полѣзли, ровно претъ ихъ оттуда чѣмъ-нибудь. Первымъ явился щеголекъ масляникъ, на низенькомъ корешкѣ въ широкой бурой шляпкѣ съ желтоватымъ подбоемъ *****), а за нимъ изъ лѣтошной полусгнившей листвы полѣзли долгоногіе березовики и сине-алыя сыроѣжки, однимъ крайкомъ стали высовываться и бѣлые грибы. Радуются дѣвки

---

*) Ленъ сланѐцъ — первый сборъ волокна, моченѐцъ — второй, плаунъ — волокно короткое, мягкое и тонкое, долгунѐцъ — длинныя, но жесткія волокна.

**) Кусокъ холста въ тридцать аршинъ.

***) Талька — мотокъ нитокъ, состоящій изъ 20 пасмъ, а пасма изъ 15 чисменокъ, въ чисменкѣ четыре нитки (кругомъ), каждая по четыре аршина. Такимъ образомъ въ талькѣ 4.800 аршинъ пряжи. Такой счетъ ведется въ Нижегородскомъ и Костромскомъ Заволжьѣ, въ Вятской губерніи и вообще на Сѣверѣ. По другимъ мѣстамъ другой счетъ пряжи ведутъ; около Москвы, напримѣръ, въ Калужской и въ Тульской губерніяхъ въ талькѣ считаютъ 20 пасмъ, каждая изъ 10 чисменокъ въ четыре нитки, то-есть 3.200 аршинъ въ талькѣ.

****) Костяника или каменика — *Rubus saxatilis*, у нея всегда по три ягодки вмѣстѣ. Гонобобель по другимъ мѣстамъ голубица, пьяница, дурила ягода, *Vaccinium uliginosum*.

*****) Масляникъ — *Boletus luteus*, самый ранній грибъ кромѣ сморчковъ (*Morchella*), которые крестьянами за грибы не считаются и въ пищу не употребляются.

грибкамъ - первачкамъ, промежъ себя уговоръ держатъ, какъ бы цѣлой деревней по грибы идти, какъ бы нажарить ихъ въ темномъ перелѣскѣ, самимъ досыта наѣсться и парней накормить, коли придутъ на грибовныя дѣвичьи гулянки. Придти бы только долговязымъ!.. Вволю бы дѣвки надъ ними натѣшились, до̀ крови нарвали бы уши пострѣламъ на нову новинку *). Для того больше грибовны дѣвичьи гулянки и затѣваются... Масломъ надо да сметаной раздобыться, благо Пасха была поздняя — грибы напередъ Всѣхъ Святыхъ уродились **), значитъ, не грѣшно первачковъ на новинку и скоромныхъ поѣсть. По матери ворчливы, не то что масла, кислаго молока у нихъ не выпросишь; дрожатъ хозяйки надъ всякимъ молочнымъ скопомъ въ лѣтнюю пору. Ну, да ради грибовныхъ гулянокъ авось и попъ во грѣхъ не поставитъ, если та аль другая красотка съ погреба у матери кое - что и спроворитъ. Уговорились дѣвки; съ ранняго утра въ каждой избѣ хлопотливо снуютъ онѣ вкругъ матерей у печей, помогая стряпать на̀ спѣхъ — скорѣй бы отобѣдать да въ лѣсъ съ кузовками... Разсыпались дѣвки по лѣсу, хрустятъ подъ ихъ ногами сухіе прутья, хлещутъ древесные сучья и вѣтви, раздвигаемые руками деревенскихъ красавицъ. Клики не смолкаютъ, ауканьямъ конца нѣтъ, стономъ стоятъ по̀ лѣсу звонкіе голоса̀. Пришли и парни. Они безъ плетюхъ, безъ туесо̀въ — ихъ дѣло не грибы сбирать, а краснымъ дѣвкамъ помогать. Только-что въ лѣсъ — хохотъ, взвизги. Вѣрны дѣвки старому завѣту: съ кѣмъ зимой на супрядкахъ, съ тѣмъ лѣтомъ на грибкахъ да на ягодкахъ. А все парочками. Понабравши грибовъ, парни огни развели, дѣвки въ глиняныхъ плошкахъ принялись грибы жарить. Ложекъ парни не захватили, дѣвки кормятъ каждая своего со своей ложки. А кормя норовятъ, чтобы парень, ошпаривъ языкъ, глаза выпучилъ и слова не могъ бы промолвить. А тутъ ложкой его по лбу да за уши драть, не забылъ бы новой новинки... Что̀ смѣху тутъ, что̀ веселья!.. А по̀дъ вечеръ каждый съ зазнобушкой въ кустики... И тутъ чуткому уху доводится слышать, какъ звонко да смачно деревенская молодежь цѣлуется... Охъ, грибы-грибочки! темные лѣсочки!.. Кто васъ позабудетъ, кто про васъ не вспомнитъ?

Жила-была въ лѣсахъ бабушка Маланья, древняя старуха. Сколько отъ роду годовъ, люди не знали, сама позабыла... Языкомъ чуть ворочаетъ, а попу каждый годъ кается, что

---

*) Извѣстный старинный обычай - драть за уши всякаго, кто въ первый разъ въ томъ году ѣстъ новинку: первыя ягоды, первые грибы, овощи и пр.

**) Съ воскресенья Всѣхъ Святыхъ начинается Петровъ постъ.

давнымъ-давненько, во дни младые, въ годы золотые, когда щеки были алы, а очи звѣздисты, пошла она въ лѣсъ по грибочки, да нашла дѣвичью бѣду непоправную...— «Бабушка,— говоритъ ей попъ: — много разъ ты въ этомъ каялася: прощена ты Господомъ отъ вѣку до вѣку». — «Батюшка, — отвѣчаетъ старушка: — какъ же мнѣ, грѣшницѣ, хоть еще разокъ не покаяться? Сладкое вѣдь сладко и вспомнить».

Эхъ, грибы-грибочки, темные лѣсочки!.. Кто васъ смолоду не забывалъ, кто на старости не вспоминалъ?.. Человѣкъ человѣчьимъ живетъ, пока душа изъ тѣла не вынута.

Лишь за три часа до полуночи спряталось солнышко въ черной полосѣ темнаго лѣса. Вплоть до полуночи и за полночь свѣтлынь на небѣ стояла — то бѣлою ночью заря съ зарей сходились. Трифонъ Лохматый съ Ѳеклой Абрамовной чѣмъ Богъ послалъ потрапезовали, но только вдвоемъ, ровно новобрачные: — сыновья въ людяхъ, дочери по грибы ушли, съ полденъ въ лѣсу застряли.

Поворчалъ на дѣвокъ Трифонъ, но не больно серчалъ... Нечего думой про дѣвокъ раскидывать, не медвѣдь ихъ заѣлъ, не волкъ зарѣзалъ — придутъ, воротятся. Одно гребтѣло Лохматому: такъ ли не такъ ли, а Карпушкѣ быть въ лѣсу. «Ужъ коли дѣло на то пошло,—думаетъ онъ про Параньку:—такъ пусть бы съ кѣмъ хотѣла, только-бъ не съ міроѣдомъ...» Подумалъ такъ Трифонъ Михайлычъ, махнулъ рукой и спать собрался.

Брякнули бубенчики на улицѣ, заржали кони у воротъ Лохматаго. Подкатила ко двору пара лихихъ саврасокъ Алексѣевыхъ.

— Алексѣюшка! — радостно вскрикнула Ѳекла Абрамовна и, сѣменя старыми ногами, бросилась отворять дорогому гостю ворота.

— Гдѣ былъ-побывалъ? Откудова Богъ несетъ? — спрашивалъ Трифонъ Лохматый, здороваясь съ сыномъ.

— Въ городу былъ, батюшка, мѣста искалъ, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Что же? — спросилъ отецъ.

— Доброе мѣстечко мнѣ выпало, — сказалъ Алексѣй: — пріѣхалъ твое благословенье принять.

— Что-жъ за мѣсто такое? — съ любопытствомъ спрашивалъ у сына Трифонъ.

— Хорошее мѣстечко, батюшка, — отвѣчалъ Алексѣй. — Только надо трехгодовой пачпортъ выправить.

— Для че долгій такой?

— Въ дальни мѣста приведется отъѣхать, — молвилъ Алексѣй. — На долгое время...

— Въ дальную сторонушку!.. На три-то годика!.. — всплеснувъ руками, зарыдала Ѳекла Абрамовна и, поникши головой, тяжело опустилась на скамейку. — Покидаешь ты насъ, дитятко!.. Покидаешь отца съ матерью!.. Покидаешь родиму сторонушку!..

— Завыла! — сурово молвилъ Трифонъ Михайлычъ. — Убирайся, не мѣшай про дѣла разговаривать.

Утирая рукавомъ слезы и едва сдерживая рыданья, побрела Абрамовна въ заднюю горницу вылить материнскую скорбь передъ святыми иконами. Отецъ съ сыномъ остались одинъ на одинъ.

— Какое-жъ то мѣсто? — спросилъ Алексѣя Трифонъ Лохматый.

— У Колышкина мѣсто, батюшка, у Сергѣя Андреича, — отвѣтилъ Алексѣй. — Пріятель Патапу Максимычу будетъ... Пароходы у него по Волгѣ бѣгаютъ... На одномъ пароходѣ мнѣ мѣсто сулитъ — всѣмъ заправлять, чтобъ, значитъ, все было на моемъ отчетѣ.

— По силамъ ли будетъ тебѣ такое дѣло? — молвилъ Трифонъ.

— Сладимъ, батюшка, — молодецки тряхнувъ кудрями, отвѣтилъ отцу Алексѣй. — Хитрость не великая, приглядывался я на пристани довольно.

— Мелей на Волгѣ много, перекатовъ, а ты человѣкъ небывалый. — Долго-ль тутъ до грѣха?.. — замѣтилъ отецъ.

— То лоцманово дѣло, батюшка, — сказалъ Алексѣй. — Ему знать мели-перекаты, мое дѣло за порядкомъ смотрѣть да все оберегать, кладь ли, людей ли... Опять же хозяйскія деньги на рукахъ, за нагрузкой смотрѣть, за выгрузкой.

— То-то, смотри! Коимъ грѣхомъ не оплошай, — молвилъ Трифонъ.

— Богъ милостивъ, батюшка, управимся, — съ увѣренностью сказалъ Алексѣй.

— На три года, говоришь, пачпортъ? — спросилъ Трифонъ Михайлычъ.

— Такъ точно, батюшка.

— А скоро-ль надобно?

— Да черезъ недѣлю безпремѣнно надо на пароходъ поспѣть. Къ тому времени съ Низу онъ выбѣжитъ: приму кладь да тѣмъ же часомъ въ Рыбную.

— Ой, Алексѣюшка, въ недѣлю съ пачпортомъ тебѣ не управиться. Задержки не вышло бы какой, — сказалъ Трифонъ Михайлычъ.

— Какая же задержка? — спросилъ Алексѣй. — Подати уплачены, на очереди не состою, ни въ чемъ худомъ не замѣченъ... Чего еще?

— Не подати, не очередь, не худое что̀, другое можетъ задержать тебя, — сказалъ Трифонъ. — Аль забылъ, кто дѣламито въ приказѣ ворочаетъ?

— Какъ забыть? — усмѣхнувшись, отвѣтилъ Алексѣй.

— То-то и есть, — молвилъ Трифонъ. — Изо всей волости нашу деревню пуще всѣхъ онъ не жалуетъ. А изъ поромовскихъ болѣ всего злобы у него на меня...

— Да что-жъ онъ сдѣлаетъ? — горячо заговорилъ Алексѣй. — Развѣ можетъ онъ не дать пачпорта?.. Не объ двухъ головахъ!.. И надъ нимъ тоже начальство есть!

— Эхъ, молодо-зелено! — сказалъ сыну Трифонъ Лохматый. — Не разумѣешь развѣ, что можетъ онъ проволочить недѣли три-четыре?.. Вотъ про что говорю.

— Такъ я въ городъ, — подхватилъ Алексѣй. — Въ казначействѣ выправлю.

— Такъ тебѣ и выдали!.. Держи карманъ!.. Казначей безъ удѣльнаго приказа не дастъ! — сказалъ Трифонъ Лохматый. — Нѣтъ, парень, безъ Карпушки тебѣ не обойтись... Въ его рукахъ!..

Озадачили Алексѣя отцовы рѣчи. Руки опустилъ и носъ повѣсилъ.

— Какъ же быть-то? — спросилъ онъ отца упалымъ голосомъ.

— А вотъ какъ, — сказалъ Трифонъ. — Утрѣ пораньше поѣзжай ты къ Патапу Максимычу, покланяйся ему хорошенько, чтобъ удѣльному головѣ словечко закинулъ, чтобъ голова безпремѣнно велѣлъ Карпушкѣ бумагу для казначея тебѣ выдать. А въ приказѣ пачпорта не бери... Карпушка такую статью, пожалуй, влѣпитъ, что въ первомъ же городу въ острогъ угодишь... На такія дѣла его взять!

Къ Патапу Максимычу!.. Въ Осиповку!.. Легко молвить, мудрено сдѣлать... Заказанъ путь, не велѣно на глаза показываться. Сказать про то родителю нельзя, смолчать тоже нельзя... Что̀ же дѣлать?.. Опять, видно, грѣхъ на грѣхъ накладывать, опять обманныя рѣчи отцу говорить... Что̀ же?.. Теперь ужъ не такъ боязно — попривыкъ.

— Ладно, — кроборможалъ Алексѣй: — съѣзжу. А все-таки напередъ къ Морковкину попытаюсь, — прибавилъ онъ.

— Попытайся, пожалуй, — молвилъ Трифонъ. — Только помяни мое слово, безъ Патапа Максимыча тебѣ не обойтись.

— Увидимъ, — сказалъ Алексѣй, рѣшаясь въ случаѣ не-

удачи ѣхать не въ Осиповку, а прямо къ головѣ. Благо по ветлужскому дѣлу человѣкъ знакомый.

— Смотри только, Алексѣюшка, съ Карпушкой то не больно зарывайся! — молвилъ Трифонъ. — У него вѣдь всяко лыко въ строку. Чуть обмолвишься, разомъ къ отвѣту... А вѣдь онъ радъ-радехонекъ всѣхъ насъ въ ложкѣ воды утопить... Памятливъ, собака!

— Что̀ Паранька-то? — послѣ недолгаго молчанья спросилъ Алексѣй.

— Гуляетъ, — насупивъ брови, сквозь зубы процѣдилъ Трифонъ, а самъ, поднявшись съ лавки и отодвинувъ оконницу, высунулъ на волю сѣдую свою голову.

— Ни слуху, ни гулу, ни шороху, — молвилъ, отходя отъ окошка. — Кочета̀мъ полно̀чь пора опѣвать, а ихъ нѣтъ да нѣтъ... И песъ ихъ знаетъ, куда до сихъ поръ занесло непутныхъ!..

— Гулянки что-ль какія? — спросилъ Алексѣй.

— По грибы пошли, — молвилъ Трифонъ. — Какъ только отобѣдали, со всей деревни дѣвки взбузыкались. А нашимъ какъ отстать?.. Умчались, подымя хвосты... А Карпушка безпремѣнно ужъ тамъ... Караулитъ, лѣшій его задери...

— Не посмѣетъ, — слегка тряхнувъ кудрями, молвилъ Алексѣй. — Не дадутъ ребята спуску, коли сунется на игрище.

— Да онъ игрища̀-то и въ глаза не увидитъ, — сказалъ Трифонъ Михайлычъ. — Лѣсъ-отъ великъ, мѣста найдется... Да что̀ лѣсъ!.. На что имъ лѣсъ!.. Параныка въ Песочно повадилась бѣгать... Совсѣмъ дѣвка съ пахвей сбилась... Ославилась хуже послѣдней солдатки!.. На честно̀й родительскій домъ позоръ накинула — воро̀та вѣдь дегтемъ мазали, Алексѣюшка!.. Послѣ этого ка̀къ Паранькѣ замужъ идти?.. Ни честью ни уходомъ никто не возьметъ. И Натальѣ-то по милости ея терпѣть приходится... Ужъ чего ни приняла отъ меня Параныка, ужъ какъ ни училъ ея!.. Печки одной на ней не бывало!.. А ей и горюшка нѣтъ, отлежится, отдышится, да опять за свои дѣла. Потеряла дѣвка совѣсть, забыла, какой у человѣка стыдъ бываетъ!.. Охъ-охо̀-хохо̀!..

И жжетъ и рветъ у Алексѣя сердце. Злоба его разбираетъ, не на Карпушку, на сестру. Не жаль ему сестры, самого себя жаль... «Богъ дастъ, въ люди выйду, — думаетъ онъ: — вздумаю жену изъ хорошаго дома брать, а тутъ скажутъ — сестра у него гулящая!.. Срамъ, позоръ!.. Сбыть бы куда ее, запереть бы въ четырехъ стѣнахъ!..»

— Въ кельи ее, батюшка! — молвилъ онъ. — Черна ряса все покрываетъ.

— И то думаю, — отвѣтилъ Трифонъ Михайлычъ. — Только вѣдь нонѣ и по келейницамъ эта слабость пошла. Въ такой бы скитъ ее, гдѣ бы накрѣпко хвостъ-отъ пришили... А гдѣ такого взять?

— Въ Шарпанѣ, сказываютъ, строго келейницъ-то держатъ, — замѣтилъ Алексѣй.

— Въ Шарпанѣ точно будетъ построже. И черной работы больше, дурить-то некогда... Да приметъ ли еще мать Августа наше чадушко? Вотъ что... — сказалъ Трифонъ.

— Попытай... — молвилъ Алексѣй.

— И то надо будетъ, — отозвался Трифонъ. — То маленько обидно, что работницей въ дому меньше станетъ: много еще Параныка родительскаго хлѣба не отработала. Хоть бы годокъ-другой еще пожила. Мать-то хилѣть зачала, недомогаетъ... Твое дѣло отдѣленное, Савелью до хозяйки долга пѣсня, а безъ бабы какое хозяйство въ дому!.. На старости лѣтъ останешься, пожалуй, одинъ, какъ перстъ — безъ уходу, безъ обиходу.

— Богъ милостивъ, батюшка, Наталья останется, — утѣшалъ отца Алексѣй.

— И на нее плоха, парень, надежда, — вздохнулъ Трифонъ. — Глядя на сестру, туда же смотритъ.

— Въ Шарпанъ Параньку, въ Шарпанъ, батюшка... — настаивалъ Алексѣй.

— Эка память-то у меня стала! — хватился Трифонъ. — Про скиты заговорили, только тутъ вспомянулъ... Изъ Комарова была присылка къ тебѣ... Купчиха тамъ московская проживаетъ...

Алой зарницей вспыхнуло лицо Алексѣя, огнемъ сверкнули черныя очи... Духу перевести не можетъ.

— Въ пятницу отъ Манеиныхъ работникъ на субботній базаръ въ Городецъ проѣзжалъ, съ нимъ Масляникова купчиха, что въ Комаровѣ живетъ, наказывала тебѣ побывать у нея — мѣсто-де какое-то вышло, — продолжалъ Трифонъ, не замѣчая смущенія сына.

Вдругъ послышались на улицѣ веселый шумъ и звонкій смѣхъ... Затренькала балалайка, задребезжала гармоника, бойко затянулъ «запѣвала», вторя ему, пристали «голоса»: одинъ заливался, другой на концахъ выносилъ... Имъ подхватили «подголоски», и звучной, плавной волной полилась растянная пѣсня возвращавшейся съ «грибовной гулянки» молодежи *):

---

*) Русская пѣсня начинается запѣвалой, самымъ голосистымъ пѣсенникомъ изо всѣхъ. Онъ, какъ говорится, «затягиваетъ» и ведетъ пѣсню, то-есть держитъ голосъ, ладъ и мѣру. Запѣвала — обыкновенно высокій те-

Веселая голова,
Не ходи мимо сада,
Дороженьки не тори,
Худой славы не клади.

Пробудились на печахъ отъ уличной пѣсни старыя старухи, торопливо крестились спросонокъ и творили молитву. Ворчали отцы, кипятились матери. Одна за другой отодвигались въ избахъ оконницы, и высовывались изъ нихъ заспанныя головы хозяекъ въ однихъ повойникахъ. Голосистыя матери рѣзкою бранью осыпали далеко за полночь загулявшихся дочерей. Парни хохотали и громче прежняго пѣли:

Милъ дорожку проторилъ,
Худу славу наложилъ,
Отцу съ матерью безчестье,
Роду-племени покоръ.

Не сразу угомонилась и разбрелась по дворамъ молодежь. Долго бренчала балалайка, долго на одинъ нескончаемый ладъ наигрывала пѣсню гармоника. По избамъ слышались брань матерей и визгливые крики дѣвокъ, смиряемыхъ родителями. Наконецъ все стихло, и сонное царство настало въ деревнѣ Поромовой.

Параиька одна воротилась. Кошкой крадучись, неслышными стопами пробиралась она по мосту *) къ чулану, гдѣ у нея съ сестрой постель стояла. Какъ на грѣхъ скрипнула половица. Трифонъ услыхалъ и крикнулъ дочь.

Ни жива ни мертва переступила порогъ Параня.

— Наталья гдѣ? — грозно спросилъ ее отецъ.

— Дома, надо-быть... — дрожа со страху, отвѣтила она.

Кликни ее сюда, — молвилъ Трифонъ.

Параня ни съ мѣста.

— Да я не знаю... Она, видно, отстала...

И, еще ничего не видя, заревѣла.

— Я тѣ задамъ: «отстала»! — зарычалъ старикъ и, схвативъ съ полицы плеть, сталъ учить дочку уму-разуму.

Выскочила Ѳекла Абрамовна... Плачъ, крики, вопли!.. Опершись о столъ рукою, молча, недвижно стоялъ Алексѣй... Ничего онъ не видѣлъ, ничего не слышалъ — одно на умѣ: «Марья Гавриловна зоветъ».

поръ; къ нему пристаютъ два «голоса»; одинъ теноръ, другой басъ, первый «заливается», другой «выноситъ», то-есть заканчиваетъ каждый стихъ пѣсни въ одиночку. Подголосками называются остальные пѣсенники. Разстанная пѣсня (по инымъ мѣстамъ разводная) — та, что поютъ передъ расходомъ по домамъ. Такихъ пѣсенъ много, всѣ веселыя.

*) Мостомъ называютъ большія холодныя сѣни между переднею и заднею избами, въ иныхъ мѣстахъ только полъ въ этихъ сѣняхъ.

Глава седьмая.

Поднявшись съ постели только ко второму уповодку *), Карпъ Алексѣичъ Морковкинъ, въ бухарскомъ стеганомъ и густо засаленномъ халатѣ, докапчивалъ въ своей горницѣ другой самоваръ, нимало не заботясь, что въ приказѣ съ ранняго утра ждетъ его до десятка крестьянъ. Покончивъ съ чаемъ, принялся писарь за штофикъ кизлярки да за печеныя яйца съ тертымъ калачомъ на отрубяхъ, извѣстнымъ подъ названьемъ «муромскаго». И калачъ, и яйца, и кизлярка, разумѣется, были не покупные: за стыдъ считалъ мірской захребетникъ покупать что-нибудь изъ съѣстного... По его разсужденью, какъ попъ отъ алтаря, такъ писарь отъ приказа долженъ быть сытъ.

Позавтракалъ Карпъ Алексѣичъ и лѣниво поднялся съ мѣста, хотѣлъ идти принимать отъ мужиковъ приносы и краемъ уха слушать ихнія просьбы... Вдругъ съ шумомъ и бряканьемъ бубенчиковъ подкатила къ крыльцу телѣжка. Выглянулъ писарь въ окно, увидалъ Алексѣя.

Сталъ середь горницы Карпъ Алексѣичъ. «Алешку Лохматаго дьяволъ принесъ, — подумалъ онъ. — Наташка не проболталась ли?.. Ишь какимъ бариномъ!.. На чапуринскихъ!.. Ну, да вѣдь я не больно испужался, чуть что — десятскихъ, да въ темную...»

Храбрится, а у самого поджилки трясутся, мурашками спину такъ и осыпаетъ, только-что вспомнитъ про здоровенный кулакъ и непомѣрную силу Алексѣя.

«Повременю, скоро не выйду... Пущай пождетъ — прохладится... Пусть его помнитъ, что писарь — начальство».

И опять принялся за кизлярку да за муромскій калачъ съ печеными яйцами. Напусти, дескать, Господи, смѣлости!

Добрые полчаса прошли... Наконецъ мимо кланявшихся

*) Въ деревняхъ простой народъ часовъ не знаетъ, считаетъ время по «уповодкамъ». Уповодокъ — собственно время работы за одинъ пріемъ: отъ ѣды до ѣды, отъ роздыху до роздыху. Зимой во дню три уповодка, лѣтомъ четыре. Первый лѣтній уповодокъ отъ всхода солнца и перекуски (ломоть хлѣба) до завтрака (то-есть съ четырехъ или пяти часовъ до восьми часовъ утра); второй — отъ завтрака до обѣда (съ восьми часовъ утра до полудня); третій — отъ обѣда до «па́ужники» (ѣда между обѣдомъ и ужиномъ), то-есть отъ полудня до трехъ или четырехъ часовъ пополудни; четвертый — отъ па́ужники до солнечнаго заката и ужина, то-есть до восьми или девяти часовъ. За Волгой и вообще въ лѣсахъ на сѣверѣ завтракаютъ съ восходомъ солнца, обѣдаютъ въ девять часовъ утра, въ полдень полудничаютъ, въ три или четыре часа бываетъ па́ужина, на закатѣ солнца ужинъ.

чуть не до земли мужиковъ прошелъ Карпъ Алексѣичъ въ «присутствіе» и тамъ развалился на креслахъ головы.

— Пускать мужиковъ по одиночкѣ, — приказалъ онъ ставшему у двери десятскому.

Десятскій впустилъ Алексѣя.

— Чередъ соблюдать! — крикнулъ писарь. — Другіе ждутъ спозаранокъ, этотъ послѣднимъ явился.

— Да мнѣ бы всего на пару словъ, — началъ-было Алексѣй.

— Чередъ наблюдать! — пуще прежняго крикнулъ десятскому Карпъ Алексѣичъ.

Алексѣй вышелъ.

Надивиться не могутъ мужики, отчего это писарь никого не обрываетъ, каждаго нужду выслушиваетъ терпѣливо, ласково переспрашиваетъ, толкуетъ даже о дѣлахъ постороннихъ... А это все было сдѣлано ради того, чтобъ Алексѣю подольше дожидаться. Знай, дескать, что я тебѣ начальство, чувствуй это.

Наконецъ всѣ мужики были отпущены, но писарь все-таки не вдругъ допустилъ до себя Алексѣя. Больно ужъ хотѣлось ему поломаться. Взялъ какія-то бумаги, глядитъ въ нихъ, перелистываетъ, дѣло, дескать, дѣлаю, мѣшать мнѣ теперь никто не моги, а ты, другъ любезный, постой, подожди, переминайся съ ноги на ногу... И то у Морковкина на умѣ было: не вышло-бъ передряги за то, что наканунѣ сманилъ онъ къ себѣ Наталью съ грибовной гулянки... Сидитъ, ломаетъ голову — какая-бъ нужда Алешку въ приказъ привела.

Насталъ часъ воли писаря, допустили Алексѣя въ присутствіе. Передъ тѣмъ, какъ позвать его, Морковкинъ всталъ съ креселъ и, оборотясь спиной къ дверямъ, сталъ читать предписанія удѣльнаго начальства, въ рамкахъ за стекломъ по стѣнамъ развѣшенныя. Не оглядываясь на Алексѣя, писарь сердито спросилъ:

— Зачѣмъ?

— За пачпортомъ

— За какимъ?

— За трехгодовымъ. Трехгодовой пачпортъ мнѣ нуженъ, потому что, отъѣзжая, значитъ, по пароходной части въ разные города и селенія Россійской имперіи... — началъ-было Алексѣй, но писарь прервалъ его словомъ:

— Нельзя!

— А отчего бы это нельзя? — подбоченясь и выставя правую ногу впередъ, задорно спросилъ Алексѣй.

Не оглядываясь, писарь отвѣтилъ:

— Бланокъ такихъ въ приказѣ нѣтъ... Писать не на чѣмъ... Недѣль шесть подожди, — къ ярманкѣ вышлютъ.

— Могу изъ казначейства выправить. Бумагу бы только мнѣ, — твердымъ голосомъ молвилъ Алексѣй.

— Нѣтъ тебѣ бумаги.

— А почему-бъ это? — шагнувъ впередъ, спросилъ Алексѣй.

— Рекрутскій наборъ будетъ зимой, — прошипѣлъ, не оглядываясь, Морковкинъ.

— Чтò мнѣ наборъ? — молвилъ Алексѣй. — За меня квитанція есть.

— А подати?

— Заплàчены, а надо, такъ еще за три года впередъ внесу.

— Ишь тысячникъ какой! — съ злобной усмѣшкой сказалъ писарь. — За три года впередъ!.. Да откуда у тебя такія деньги?

— Это ужъ мое дѣло... Мнѣ бумагу въ казначейство надо. Вотъ чтò!.. — молвилъ Алексѣй.

— Сказано: нельзя, — возвысивъ голосъ, проговорилъ писарь. — Справки надо собрать, впрямь ли квитанція представлена, подати уплачены ли, подъ судомъ не состоишь ли, къ слѣдствію какому не прикосновенъ ли, взысканій на тебя не поступило ли, жалобъ, долговыхъ претензій... Этого сдѣлать скоро нельзя.

— А много на то времени потребуется? — спросилъ Алексѣй.

— Мѣсяца два либо три, не то и больше, — отвѣтилъ Карпъ Алексѣичъ.

Стиснувъ зубы и хмуря брови, еще шагнулъ Алексѣй. Хотѣлъ завернуть крѣпкое словцо Морковкину, но сдержалъ порывъ, опомнился и, молвивъ:

— Счастливо оставаться.

быстрыми шагами пошелъ вонъ изъ приказа.

Такъ и не видалъ лица стоявшаго спиной къ дверямъ Морковкина. А тотъ и по уходѣ Алексѣя долго еще разглядывалъ висѣвшее на стѣнѣ предписаніе.

Прямо изъ приказа покатилъ Алексѣй въ Клюкинò, къ удѣльному головѣ Скорнякову. Пріѣхалъ въ ту пору, какъ, возставъ отъ послѣобѣденнаго сна, Михайла Васильичъ съ хозяюшкой своей Ариной Васильевной и съ дѣтками засѣлъ за ведерный самоваръ чайкомъ побàловаться, душеньку распарить.

Скорняковъ былъ не изъ послѣднихъ тысячниковъ по Заволжью. Хоть далеко было ему до Патапа Максимыча, однакожъ достатки имѣлъ хорошіе и жилъ въ полномъ изобильѣ и довольствѣ. Домъ у него стоялъ большой, пятистѣнный, о

двухъ ярусахъ, съ боковушами и свѣтлицами; убранъ не такъ богато, какъ чапуринскій, однакожъ походилъ на городской купеческій домъ средней руки. Въ передней горницѣ стояла русская печь, но была отдѣлена филенчатой перегородкой, доходившей до потолка и обитой, какъ и стѣны, недорогими обоями. Лавокъ въ тѣхъ горницахъ вдоль стѣнъ не было; стояли диванъ и кресла корельской березы, обитые черной волосянкой, плетеные стулья и два ломберные стола, крытые бумажными салфетками съ вытканными изображеніями города Ярославля. Возлѣ огромной божницы краснаго дерева со стеклами, наполненной иконами въ золоченыхъ ризахъ, булавками приколоты были къ обоямъ картины московской работы. Онѣ изображали райскихъ птицъ Сирина, Алконоста и Гамаюна, бѣса, изувѣшаннаго тыквами, передъ Макаріемъ Египетскимъ, Іоанна Новгородскаго, ѣдущаго на бѣсѣ верхомъ въ Іерусалимъ къ заутренѣ, и бѣсовъ, пляшущихъ съ преподобнымъ Исакіемъ. Ни одна картина духовнаго содержанія для народа безъ дьявола у насъ не обходится — хоть маленькій бѣсенокъ, хоть въ уголкѣ гдѣ-нибудь, а непремѣнно сидитъ на каждой картинкѣ. По другимъ стѣнамъ скорняковскаго дома красовались картины мірскія —Хозревъ-Мирза, взятіе Анапы, похожденія Малекъ-Аделя. Надъ ними висѣли клѣтки съ жирными перепелами. Охотникъ былъ до перепеловъ Михайла Васильичъ, любилъ пронзительные ихъ крики и не обращалъ вниманья на ворчанье Арины Васильевны, увѣрявшей встрѣчнаго и поперечнаго, что отъ этихъ окаянныхъ пичугъ ни днемъ ни ночью покою нѣтъ. Каждый годъ, только наступятъ Петровки, Михайла Васильичъ каждый день раза по три ходитъ на поля поглядѣть, не носится-ль надъ озимью тенетникъ, не толчется ли надъ нею мошка — хорошъ ли, значитъ, будетъ уловъ перепелиный. Хоть не больно пристало къ важному, сановитому виду Михайлы Васильича, къ заиндивѣвшимъ кудрямъ его и почетной должности, но цѣлыя ночи, бывало, пролеживалъ онъ въ озимяхъ, приманивая дудочкой любимыхъ пташекъ подъ раскинутыя сѣти. Нефедовъ день *) для Скорнякова былъ самымъ большимъ праздникомъ въ году, чуть ли не больше самаго Свѣтлаго Воскресенья. Какая ни случись въ тотъ день погода, какія ни будь дѣла въ приказѣ, непремѣнно пролежитъ онъ въ полѣ съ солнечнаго заката до ранняго утра, поднимая перепеловъ на дудочки.

Радушно встрѣтилъ Михайла Васильичъ Алексѣя. Не видалъ онъ его съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ въ его боковушѣ,

---

*) Іюня 20-го, Меѳодія Патарскаго — праздникъ перепелятниковъ.

въ нижнемъ жильѣ дома Патапа Максимыча, судили-рядили они про золото на Ветлугѣ. Былъ Михайла Васильичъ въ Осиповкѣ на похоронахъ Насти, но тогда кромѣ Колышкина и Марьи Гавриловны ни съ кѣмъ изъ гостей Алексѣй не видался. Зналъ Скорняковъ и про то, что опять куда-то уѣхалъ Алексѣй изъ Осиповки, что въ дому у Патапа Максимыча больше жить онъ не будетъ, и что все это вышло не отъ какихъ-либо худыхъ дѣлъ его, а оттого, что Патапъ Максимычъ, будучи имъ очень доволенъ и радѣя о немъ какъ о сынѣ, что-то такое больно хорошее на сторонѣ для него замышляетъ... Не за много дёнъ ѣздилъ Скорняковъ въ Осиповку, и Патапъ Максимычъ Христомъ Богомъ просилъ его не оставить Алексѣя, если ему, какъ удѣльному крестьянину, до него какая ни на есть нужда доведется.

— Добро пожаловать!.. Милости просимъ!.. — радушно проговорилъ Михайла Васильичъ Алексѣю, когда тотъ, помолившись иконамъ, кланялся ему, Аринѣ Васильевнѣ и всему семейству. — Значитъ, добрый человѣкъ — прямо къ чаю!.. — промолвилъ голова. — Зла, значитъ, не мыслитъ.

— Какія-жъ у меня могутъ быть злыя мысли? Помилуйте, ваше степенство, — сказалъ Алексѣй.

— Да это я такъ. Къ слову молвится, — смѣялся Михайла Васильичъ. — Садись-ка, гостемъ будешь.

Радъ Алексѣй и ласковой встрѣчѣ и доброму привѣту. Присѣлъ къ столу, принялся за чай съ двуносыми сайками, печеными на соломѣ.

— Ну что?.. Дѣла какъ?.. Много ли золота накопалъ на Ветлугѣ? — добродушно смѣясь, спросилъ у него Михайла Васильичъ.

— Самимъ, ваше степенство, извѣстно, какое оно золото вышло, — улыбнувшись, сказалъ Алексѣй.

— Знаю, парень, знаю... Патапъ Максимычъ все до тонкости мнѣ разсказывалъ, — молвилъ Михайла Васильичъ. — А ты умно тогда сдѣлалъ, что оглобли-то поворотилъ. Неровенъ часъ, голубчикъ, попалъ бы въ скитъ, и тебѣ бы тогда, пожалуй, да и намъ съ тобой на калачи досталось... Ты смотри, про это дѣло никому не сказывай... Покамѣстъ судъ не кончился, нишкни да помалчивай.

— Помилуйте, ваше степенство, возможно-ль про такія дѣла безъ пути разговаривать? Слава Богу — не махонькій, могу понимать, — отвѣтилъ Алексѣй.

— То-то, поберегайся. Береженаго и Богъ бережетъ, — замѣтилъ Скорняковъ. — Эка, подумаешь, дѣло-то, — продолжалъ онъ. — Какимъ вѣдь преподобнымъ тотъ проходимецъ прики-

нулся... Помнишь, про Іерусалимъ-отъ какъ разсказывалъ — хоть въ книгу пиши... Какъ есть святъ мужъ — только пеленой обтереть да и въ рай пустить!.. А на повѣрку вышло, что борода-то у него апостольская, да усокъ-отъ дьявольскій... Много, сказываютъ, народу они запутали... У насъ изъ волости двоихъ въ острогъ запрятали, тотъ же Стуколовъ оговорилъ... Вотъ тѣ и преподобные!.. Вотъ тѣ и святые отцы, шутъ бы ихъ пòбралъ!.. Давно-ль Патапа Максимыча видѣлъ?

— Давненько, ваше степенство. Чуть не съ мѣсяцъ времени будетъ, — отвѣтилъ Алексѣй. — Отхожу вѣдь я отъ него.

— Сказывалъ онъ, сказывалъ, — молвилъ Михайла Васильичъ. — Возлюбилъ же онъ тебя, парень!.. Ужъ такъ возлюбилъ, что просто всѣмъ на удивленье... Ты теперь въ Осиновку, что ли?.. Послѣзавтра и я туда же всѣмъ домомъ. Сорочины по Настасьѣ Патаповнѣ будутъ...

— Не угодитъ мнѣ туда, — потупивъ глаза, отвѣчалъ Алексѣй. — Спѣшное дѣльце есть, ваше степенство. Я до вашей милости, — продолжалъ онъ, вставъ со стула и низко кланяясь.

— Чтò тебѣ?.. Какое твое дѣло?.. — чинно и немножко строго спросилъ голова.

— Да такъ какъ я таперича, значитъ, мѣсто себѣ получилъ по пароходной части, и надобно мнѣ въ дальню отлучку на долгое время, такъ мнѣ бы трехгодовый пачпортъ надо получить, — началъ Алексѣй.

— Что-жъ? Получай съ Богомъ, — перебилъ Михайла Васильичъ. — Рекрутской очереди вѣдь нѣтъ за тобой?

— Нѣтъ.

— Подати уплачены?

— Сполна уплачены, ваше степенство. А понадобится, готовъ хоть за годъ, хоть за два, хоть за три впередъ внести, — сказалъ Алексѣй.

— Такъ явись въ приказъ, — молвилъ Михайла Васильичъ.

— Былъ я въ приказѣ-то, ваше степенство, писарь не выдаетъ.

— Отчего? — быстро вскинувъ глазами, спросилъ голова.

— Какія-то находитъ препятствія. Говоритъ, «взысканій на тебя нѣтъ ли, да не подъ судомъ ли, али не подъ слѣдствіемъ ли какимъ».

— Гм! — промычалъ Михайла Васильичъ. — А взысканія-то есть?

— Никакихъ нѣтъ, ваше степенство, да никогда и не бывало, — отвѣчалъ Алексѣй. — А насчетъ того, чтобы къ суду, тоже ничего не знаю... Не провѣдалъ ли развѣ Карпъ Алексѣичъ, что я тогда по вашему приказу на Ветлугу ѣз-

дилъ?.. А какъ теперича тутъ дѣло завязалось, такъ не на этотъ ли онъ счетъ намекаетъ...

— Гм! — опять промычалъ Михайла Васильичъ и притомъ почесалъ въ затылкѣ.

— Теперь, говоритъ, въ приказѣ трехгодовыхъ бланокъ нѣтъ... — продолжалъ съ лукавой покорностью Алексѣй. — Объ удостовѣреньи кучился Карпу Алексѣичу, самъ было-думалъ въ городъ съѣздить, чтобъ пачпортъ въ казначействѣ выправить — и того не даетъ... Раньше, говоритъ, трехъ мѣсяцевъ не получишь.

— Такъ что̀ же?

— Да мнѣ долго ждать никакъ невозможно, ваше степенство, на той недѣлѣ надо безпремѣнно на пароходѣ въ Рыбинскъ бѣжать... Къ сроку не поспѣю — мѣста лишиться могу... Явите божескую милость, ваше степенство, прикажите выдать удостовѣреніе, я бы тѣмъ же часомъ въ городъ за пачпортомъ... — съ низкими поклонами просилъ Алексѣй Михайлу Васильича.

Ловко попалъ онъ, кинувъ словцо, что не на поѣздку ли къ отцу Михаилу намекалъ ему писарь... Призадумался Михайла Васильичъ... Забота о самомъ себѣ побуждала его скорѣй спровадить въ дальнія мѣста Алексѣя, чтобы онъ гдѣнибудь по близости не проболтался, не накликалъ бы бѣды на всѣхъ затѣвавшихъ тогда копать золото на Ветлугѣ. Хоть большой бѣды, пожалуй, тутъ и не вышло бы, а все же бы подъ судъ упрятали... А судъ людямъ не на радость данъ... Будь чистъ, какъ стекло, будь свѣтелъ, какъ солнце праведное, а ступилъ въ судъ ногой, полѣзай въ мошну рукой: судейскій карманъ, что̀ утиный зобъ — и корму не разбираетъ и сытости не знаетъ... Да то еще не бѣда, что на деньгу пошла; вотъ бѣда, коль судья холоднымъ вѣтеркомъ на тебя дунетъ... Онъ вѣдь что̀ плотникъ: что̀ захочетъ, то и вырубитъ, а законъ у него, что̀ дышло — куда захочетъ, туда и поворотитъ!

«Какъ ни быть, а Лохматаго въ дальни мѣста̀ надобно сбыть, — думалъ Михайла Васильичъ. — Какія-бъ заминки писарь ни дѣлалъ, пущу. Покамѣстъ дѣло идетъ, лучше, какъ подальше будетъ отъ насъ».

— Выдамъ бумагу, — сказалъ онъ Алексѣю. — По ней въ городѣ пачпортъ тотчасъ выправишь. Только, парень, надо обождать маленько.

— А много ли ждать-то, ваше степенство? — смиренно спросилъ Алексѣй.

— Да не ближе недѣли, — сказалъ голова.

— Нельзя-ль поскорѣй, ваше степенство? Этакъ мнѣ на пароходъ не попасть, мѣста лишиться могу, — просилъ Алексѣй.

— Экій ты прыткій какой! — молвилъ Михайла Васильичъ. — Тебѣ бы вынь да положь, все бы на скорую ручку — комкомъ да въ кучку... Этакъ, братъ, не водится... Самъ считай: послѣзавтра надо на сорочины, Патапъ Максимычъ раньше трехъ денъ не отпуститъ, вотъ тебѣ съ нонѣшнимъ да съ завтрашнимъ днемъ пять денъ, а тутъ воскресенье — приказъ, значитъ, на запорѣ, это шесть денъ, въ понедѣльникъ Нефедовъ день, тутъ ужъ, братъ, совсѣмъ невозможно.

— Отчего же такъ, ваше степенство, осмѣлюсь спросить? — робко спросилъ Алексѣй.

— А слышь, птички-то распѣваютъ!.. Слышь, какъ потюкиваютъ! — сказалъ Михайла Васильичъ, любуясь на оглушавшихъ Алексѣя перепеловъ. — Это, братъ, не то, что у Патапа Максимыча заморскія канарейки — отъ тѣхъ пискъ только одинъ... Это птица расейская, значитъ, наша кровная... Слышь, горло-то какъ деретъ!.. Послушать любо-дорого сердцу!.. Въ понедѣльникъ ихній праздникъ — Нефедовъ день!.. Всю ночь въ озимяхъ пролежу, днемъ завалюсь отдыхать,.. Нѣтъ, про понедѣльникъ нечего и поминать... Во вторникъ приходи... Черезъ недѣлю, значитъ.

— Завтра нельзя ли, ваше степенство? — съ низкимъ поклономъ умолялъ Алексѣй.

— Завтра, братъ, тоже никакъ невозможно, потому что завтра весь день стану отдыхать, — сказалъ Михайла Васильичъ. — Давеча передъ обѣдомъ по полю я ходилъ — тенетнику надъ озимью видимо-невидимо, и мошка толчется, — уловъ будетъ богатый... Нѣтъ, завтра нельзя... Развѣ записку снесешь къ Карпу Алексѣичу, чтобъ, значитъ, безпремѣнно выдалъ тебѣ бумагу.

— Да развѣ можетъ онъ безъ вашей подписи выдать? И казначей безъ вашей руки не повѣритъ, — молвилъ Алексѣй.

— И то правда, — согласился голова: — безъ нашей, значитъ, подписи повѣрить казначею никакъ невозможно... Тенетнику-то давеча что летало!.. — задумался онъ. — Опять же мошка!.. Такого дня во все лѣто не бывало!.. Нѣтъ ужъ, какъ ни верти, придется до той недѣли обождать, — рѣшительно сказалъ Алексѣю. — И радъ бы радехонекъ... Со всякимъ бы моимъ удовольствіемъ, да самъ видишь, какое дѣло подошло...

— Нечего дѣлать, — вздохнулъ Алексѣй. — Не судьба, видно, получить то мѣсто, надобно оставаться дома.

— Зачѣмъ, зачѣмъ? — тревожно перебилъ его Михайла Ва-

сильичъ. — Нѣтъ, Алексѣюшка, ты поѣзжай, поѣзжай, другъ любезный, безпремѣнно поѣзжай... Что̀ тебѣ дома-то киснуть?.. Чужая сторона и ума въ головѣ и денегъ въ карманѣ прибавитъ.

— Справедливы ваши рѣчи, Михайла Васильичъ, — сказалъ Алексѣй. — Самъ теперь знаю про то... Много ли, кажется, поѣздилъ — только въ городъ, да еще тогда, по вашему приказу, къ отцу Михаилу, а и тутъ можно сказать, что глаза раскрылъ.

— То-то и есть, — молвилъ Михайла Васильичъ. — Нѣтъ, какъ можно тебѣ оставаться?... Поѣзжай, безпремѣнно поѣзжай.

— На пароходъ-отъ не угожу, ваше степенство... Черезъ недѣлю ему отваливать, — сказалъ Алексѣй и, немного помолчавъ, сталъ передъ святыми иконами уставны̀е поклоны творить.

— Прощенья просимъ, ваше степенство. Счастливо оставаться, — вымолвилъ онъ и, низко поклонясь Михайлѣ Васильичу, пошелъ вонъ изъ горницы.

Пока Алексѣй справлялъ семипоклонный нача̀лъ, голова раздумывалъ: «Оставаться ему не годится... Узна̀етъ Морковкинъ про Ветлугу, разомъ его приплететъ... А этотъ на слѣдствіи покажетъ, что я посылалъ... Съѣздить, видно, завтра въ приказъ да выдать бумагу-то?.. А тенетникъ-отъ!.. А мошки-то!.. Приспичило же пострѣла въ такое нужное время!..»

— Погоди, погоди, — громко сказалъ голова Алексѣю, когда тотъ взялся за дверную скобу. — Такъ ужъ и быть, ради милаго дружка и сережка изъ ушка!.. Ради Патапа Максимыча по-твоему сдѣлаю, завтра поутру̀ побывай въ приказѣ — пріѣду, обдѣлаю... А ужъ это, я тебѣ скажу, все едино, что ты у меня отъ сердца кусокъ отрываешь... Тенетнику-то что̀, мошки-то!.. Уловъ-отъ на зарѣ какой будетъ!..

На другой день рано поутру Алексѣй былъ ужъ въ приказѣ, Михайла Васильичъ раньше его пріѣхалъ туда... Не утерпѣлъ голова, залегъ-таки въ озими и, до солнечнаго всхода накрывъ безъ одного сорокъ перепеловъ, повезъ ихъ не домой, а въ приказъ. Надивиться не могъ Карпъ Алексѣичъ, увидавъ, что вслѣдъ за начальствомъ десятскіе тащутъ въ приказъ пять большихъ корзинъ, укрытыхъ сѣтями, съ прыгавшими тамъ перепелами. Еще больше удивился онъ, когда Михайла Васильичъ настойчиво приказалъ ему писать въ казначейство бумагу о выдачѣ трехгодового паспорта Алексѣю. Долго спорилъ Морковкинъ, но голова крѣпко сталъ на своемъ. Когда же Карпъ Алексѣичъ наотрѣзъ отказался писать ту бумагу, Михайла Васильичъ позвалъ приказнаго мальчика,

велѣлъ ему написать удостовѣренье, подписалъ и своими руками казенную печать приложилъ.

Когда Алексѣй явился въ приказъ, дѣло было ужъ сдѣлано, и бумага ему тотчасъ же выдана. Ступай, значитъ, на всѣ на четыре стороны.

— Ишь раскозырялся!.. — злясь и лютуя, ворчалъ Морковкинъ, стоя на крыльцѣ, когда удѣльный голова поѣхалъ въ одну, а Лохматый въ другую сторону. — Ишь раскозырялся, посконная борода!.. Постой, погоди ты у меня!.. Я тѣ носъ-отъ утру!.. Станешь у меня своевольничать, будешь дѣлать не по-моему!.. Слетишь съ мѣста, мошенникъ ты этакій, слетишь!..

И, воротясь въ свою горницу, усердно принялся за кизлярку, раскидывая умомъ, какъ бы насолить головѣ.

И придумалъ послать въ удѣльную контору доносъ на Михайлу Васильича.

Глава восьмая.

Всѣ други-пріятели съѣхались къ Патапу Максимычу на Настины сорочины. Пріѣхалъ кумъ Иванъ Григорьичъ съ Груней и съ дѣтками, пріѣхалъ Михайла Васильичъ съ Ариной Васильевной, кое-кто изъ Городца, кое-кто изъ городу. Изъ Комарова на пяти тройкахъ жирныхъ келейныхъ лошадей матери и бѣлицы прикатили. Сама матушка Манеѳа пожаловала, очень желательно было ей помянуть племянницу — не привелъ Господь въ землю ее опустить, такъ хоть въ сорочины надъ ея могилкой поминальную службу справить. А чтобъ справить ту службу благолѣпнѣе, захватила она съ собой уставщицу мать Аркадію да соборныхъ старицъ: мать Назарету да мать Ларису, и Марьюшку головщицу со всѣмъ правымъ клиросомъ... Фленушку тоже привезла и новую келейницу свою Устинью Московку... Прихватила и гостя обительскаго Василья Борисыча. Много звалъ Патапъ Максимычъ на поминки Марью Гавриловну — не поѣхала — пуще да пуще въ ту пору ей нездоровилось.

Безъ мала за недѣлю привезли въ Осиповку Дарью Никитичну поминальны столы уряжать. Приходилось теперь знаменитой заволжской поварихѣ иное дѣло обдѣлывать, не то, что было на именинахъ, и не то, что было на похоронахъ. Не ждали къ Патапу Максимычу ни Снѣжковыхъ ни другихъ гостей, которымъ бы надо было городскіе столы уряжать, уставлять ихъ яствами затѣйными, дорогими напитками заморскими, нужно теперь Никитичнѣ учредить трапезу по старинѣ, какъ отъ дѣдовъ, отъ прадѣдовъ поминальныя тризны

справлять заповѣдано. А время такое подошло, что мірскимъ надо стряпать рыбное, а келейнымъ сухояденіе. Шли Петровки — голодный постъ... Никитична лицомъ себя въ грязь не ударила — столы на славу учредила. Ста два окрестныхъ крестьянъ на поминки сошлось, для нихъ еще съ вечера на улицѣ столы были поставлены.

И для крестьянъ и для почетныхъ гостей кутьи наварили, блиновъ напекли, киселя наготовили... Кутья на всѣхъ одна была, изъ пшена сорочинскаго съ изюмомъ да съ сахаромъ; блины въ семи печахъ пеклись, чтобы всѣмъ достались горяченькіе: въ почетны столы пекли на орѣховомъ маслѣ, въ уличные — на маковомъ, мірскимъ съ икрой да со снѣтками, скитскимъ — съ лукомъ да съ солеными груздями. Кисели готовила Никитична разные: почетнымъ гостямъ пшеничные съ миндальнымъ молокомъ, на улицу — овсяные съ медовой сытой. Стерляжья уха на красный столъ сварилась жирная, янтарная; тертые растегаи вышли диковинные... Опричь того сготовила Никитишна ботвинье борщовое съ донскимъ балыкомъ да со свѣжей осетриной, двухъаршинныя сочныя кулебяки, пироги подовые съ молоками да съ вязигой, пироги долгіе съ тѣльнымъ изо щуки, пироги вислые съ семгой да съ гречневой кашей, судаки подъ лимоны, бѣлужью тёшку съ хрѣномъ да съ огурцами, окуней въ разсолѣ, жареныхъ лещей съ карасями, оладьи съ медомъ, левашники съ малиновымъ вареньемъ... А келейницамъ похлебка была изъ тебеки *) со свѣжими грибами, борщъ съ ушками, вареники съ капустой, тертый горохъ, коровай съ груздями, пироги съ зеленымъ лукомъ, да хворосты и оладьи, дыни въ патокѣ и много другой постной яствы.

Раннимъ утромъ, еще лѣтнее солнце въ-полдерево стояло, всѣ пошли-поѣхали на кладбище. А тамъ Настина могилка свѣжимъ изумруднымъ дерномъ покрыта, и цвѣтики на ней алѣютъ. А кругомъ земля выровнена, утоптана, бѣлоснѣжнымъ рѣчнымъ пескомъ усыпана. Первыми на кладбище пришли Матренушка съ канонницей Евпраксеей, принесли онѣ кутью, кацею съ горячими углями да восковыя свѣчи.

И видѣли онѣ, что возлѣ Настиной могилки, понуривъ голову и роняя слезы, сидитъ дядя Никифоръ. То былъ ужъ не вѣчно пьяный, буйный, оборванный Микешка Волкъ, но тихій, молчаливый горюнъ, каждый Божій день молившійся и плакавшій надъ племянницыной могилой. Исхудалъ онъ, пожелтѣлъ, голову сѣдина пробивать стала, но глаза у него были

*) Тыква.

не прежніе мутные, умомъ, тоской, благодушьемъ свѣтились. Когда вкругъ могилы стали набираться званые и незваные поминальщики, тихо отошелъ онъ въ сторонку.

Чинно, стройно, благолѣпно справили службу. Положивъ семипоклонный началъ и поклонясь до земли передъ могилой, Манеѳа надѣла соборную мантію, выпрямилась во весь ростъ и, при общемъ молчаньи, величаво проговорила:

— За молитвы святыхъ отецъ нашихъ Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ.

И запѣли «канонъ за единоумершую». Далеко по свѣжему утреннему воздуху разносились стройные голоса пѣвчей стаи, налаженной Васильемъ Борисычемъ и управляемой Марьей головщицей. Тишь стояла невозмутимая: дымъ ладана прямымъ столбомъ вился кверху, пламя на свѣчахъ не колебалось. Ни говоромъ людей ни шумомъ деревьевъ не нарушалось заунывное пѣнье, лишь порой всхлипывала Аксинья Захаровна, да звонко заливались жаворонки въ сіяющемъ поднебесьѣ.

Патапъ Максимычъ все время стоялъ возлѣ Манеѳы, поникнувъ головою. Раза два лѣвымъ рукавомъ отеръ онъ слезу... Всѣ глядѣли на украшенную цвѣтами могилу, никто не взглядывалъ по сторонамъ; только Василій Борисычъ жадно и страстно впился глазами въ стоявшую возлѣ матери Парашу и, вполголоса подпѣвая: «надгробное рыданіе творяще и поюще пѣснь ангельскую» *), «Охъ, искушеніе, — думалъ самъ про себя. — Эка дѣвица-то сдобная да матёрая!.. Грудь-то, копна копной!..» Индо губы зачесались у посла московскаго, такъ бы взялъ да и расцѣловалъ въ пухъ и прахъ Прасковью Патаповну!.. Отвелъ глаза — Устинья Московка, сдвинувъ брови, палючія искры мечетъ изъ гнѣвныхъ очей.

— Искушеніе! — прошепталъ Василій Борисычъ, вздохнулъ и громко подтянулъ «аллилуію».

По отпустѣ, приникнувъ лицомъ къ дочерниной могилѣ, зарыдала Аксинья Захаровна; завела-было голосомъ и Параша, да какъ-то не вышло у ней причитанья, она и замолкла... Пріѣхавшая безо зву на поминки знаменитая плачея Устинья Клещиха съ двумя вопленницами завела поминальный плачъ, пока поминальщики ѣли кутью на могилѣ.

Ужъ ты слышишь ли, мое милое дитятко,
Моя бѣлая лебедушка?
Ужъ ты видишь ли изъ могилушки
Свою матушку рòдную?
Дождалась ты меня горегорькую —
Собралась я къ тебѣ въ гости скорешенько,

*) Такъ поется эта заупокойная пѣснь по-доникоиовскому переводу.

Не на коняхъ я къ тебѣ пріѣхала,
Прибѣжала на своихъ рѣзвыхъ ноженькахъ.
Мои скорыя ноженьки не тянутся,
Бѣлы рученьки не вздымаются,
Очи ясныя не глядятъ на бѣлый свѣтъ!..
И мнѣ нѣту ласковаго словечушка,
И мнѣ нѣту теплаго завѣтерья!
Не ясёнъ день безъ краснаго солнышка,
Не весело жить безъ милой доченьки!..
Что̀ сумнилася моя головушка,
Что̀ сумнилася-сокрушилася?
Съ кѣмъ раздумать мнѣ думу крѣпкую,
Съ кѣмъ размыкать мнѣ горе горькое,
Отъ кого услышать слово ласковое?
О томъ голова моя посумнилася,
Посумнилася, побѣдная, сокрушилася,
Что шатаюсь я на свѣтѣ, побѣдна головушка,
Середь добрыхъ людей какъ травинушка,
Какъ травинушка-сиротинушка...
Что̀ же спишь ты, моя бѣлая лебедушка,
Что̀ же спишь ты, не просыпаешься?
Сокрѣпила ты свое сердечушко
Крѣпче каменя горючаго,
И нигдѣ-то я тебя, голубушку, не увижу,
Голосочка твоего звонкаго не услышу!

Пропѣли вопленницы плачи, раздала Никитична нищей братіи «задушныя поминки» *), и стали съ кладбища расходиться. Долго стоялъ Патапъ Максимычъ надъ дочерней могилой, грустно качая головой, не слыша и не видя подходившихъ къ нему. Пошелъ домой изъ послѣднихъ. Одинъ, одаль другихъ, не надѣвая шапки и грустно поникнувъ серебристой головою, шелъ онъ тихими стопами.

Послѣднимъ на кладбищѣ остался Никифоръ. Подошелъ онъ къ Настиной могилѣ, сталъ передъ ней на колѣна, склонилъ голову на землю. Стали слышны глухія, перерывчатыя его рыданья.

— Святая душенька, молись за меня за грѣшника! — говорилъ онъ, цѣлуя могилу и орошая ее горючими слезами.

Всталъ и медленными шагами пошелъ къ рѣчкѣ, что̀ протекала возлѣ погоста. Зачерпнулъ вёдра, принесъ къ могилѣ и полилъ зеленый дернъ и любимые покойницей алые цвѣтики, пышно распустившіе теперь нѣжныя, пахучія свои головки на ея могилкѣ... Опять сходилъ на рѣчку, принесъ вёдра бѣлоснѣжнаго кремнистаго песку берего̀вого и, посыпавъ имъ кругомъ могилы, тихо побрелъ задами въ деревню.

Гдѣ твои буйные крики, гдѣ твои безстыдныя пѣсни, пья-

*) Милостыня, раздаваемая по рукамъ на кладбищѣ или у воротъ до̀ма, гдѣ справляютъ поминки.

ный задоръ и наглая ругань?.. Тише воды, ниже травы сталъ Никифоръ... Памятуя Настю, принялъ онъ смиренье, возложилъ на себя кротость и сталъ другимъ человѣкомъ.

Совсѣмъ обутрѣло, когда воротились съ кладбища въ деревню. Работники, деревенскіе мужики, бабы, дѣвки и подростки гурьбой привалили къ уличнымъ столамъ и суетливо, но безъ шума, безо всякихъ разговоровъ, заняли мѣста̀ въ ожиданьи чары зелена̀ вина, кутьи, блиновъ, киселя и иного поминальнаго брашна. Мать Аркадія, двѣ старицы и плачея Устинья Клещиха выносили четыре большія блюда и стали разносить на нихъ кутью по народу. Каждый чинно бралъ ложку, крестился и поминалъ покойницу сладкою кутьею. Искусная въ писаніи уставщица, мать Аркадія, ставъ посреди народа, громко начала поучать людей, что̀ такое кутья означаетъ:

— Кутья благовѣрная — святымъ воня благоуханная, — истово говорила она: — святіи бо не піютъ, не ѣдятъ, токмо вонею и благоуханіемъ сыти суть. Благочестно, со̀ страхомъ вкушайте сію святыню, поминая новопреставленную рабу Божію дѣвицу Анастасію. Добрѣ держитъ святая церковь въ четыредесятый день по преставленіи кутію поставляти и надъ нею память по усопшихъ творити. Того ради уставлено въ сороковой день память о мертвомъ творити, что въ сей день душа, прейдя мытарства злыхъ міродержателей, воздушныхъ мытареначальниковъ, истязателей же и обличителей земныхъ дѣлъ ея, святыми ангелами ко престолу Господню приводима бываетъ. И тогда или оправдана бываетъ и освободится отъ сонмовъ нечистыхъ ду̀ховъ, или же осуждена и заключена въ оковы, и во̀зьмется демонами, да не узритъ славы Божіей. Сіе есть первый судъ, предвареніе страшнаго суда Христова. Помолитесь же, православные, о душѣ новопреставленной дѣвицы Анастасіи, да упразднится прегрѣшеній ея рукописаніе, да простятся грѣхи ея вольные и невольные, и да внидетъ она въ радость Господа своего. Аминь.

Съ умиленіемъ слушалъ народъ красноглаголивую келейницу. Старушки всхлипывали, другіе только вздыхали, всѣ стояли безмолвно. Только безпокойный народъ — ребятишки, держась ручонками за матерніе подолы, пересмѣивались межъ собой во время проповѣди, иные даже перебранивались, но вскорѣ унимались подъ невидимыми міру родительскими кулаками.

Виномъ обносить стали. Обносили старикъ Пантелей да новый приказчикъ Григорій Филиппычъ. Они-жъ непьющихъ бабъ и дѣвокъ ренскимъ потчевали. Вынесли постные блины со снѣтками. Принялся за нихъ народъ со крестомъ да съ

молитвой, съ пожеланьемъ покойницѣ небеснаго царства. Подали щи съ головизной, на вторую перемѣну ставили свекольникъ съ коренной рыбой, а на третью — пироги съ гречневой кашей и соминой да смачную ячную кашу съ маковымъ масломъ, въ концѣ стола овсяный кисель съ сытой медовой. А виномъ, какъ всегда водилось у Патапа Максимыча, обносили по трижды, а пиво и сыченая брага въ деревянныхъ жбанахъ на столахъ стояли — сколько кто хочетъ, столько и пей.

Крестясь и поминаючи покойницу, низкими поклонами поблагодаривъ хозяевъ, тихо народъ разошелся. Чапуринскія стряпухи убрали посуду, работники столы и скамьи на дворъ унесли; улица опустѣла... По сѣнямъ, по клѣтямъ да по сѣнницамъ улеглись мужики и бабы деревни Осиповки поспать-отдохнуть послѣ сытнаго обѣда. Дѣвки съ ребятишками — въ лѣсъ по грибы да по ягоды. Пришлые поминальщики, направляясь къ своимъ деревнямъ, разбрелись по разнымъ дорогамъ.

А хозяева и гости, воротясь съ кладбища въ домъ Патапа Максимыча, отправились прямо въ моленную. Тамъ передо всѣми иконами горѣли пудовыя ослопныя *) свѣчи, а въ срединѣ стоялъ крытый чернымъ бархатомъ съ серебряными галунами аналогій, на немъ фарфоровое блюдо съ узорочно разукрашенною цукатами кутьею. Облачась въ соборную мантію, Манеөа стала передъ нею и замолитвовала. Пропѣли литію. Игуменья отвѣдала кутьи, поминая покойницу, и, взявъ блюдо на руки, обратилась къ предстоящимъ. Одинъ за другимъ подходили къ ней и вкушали кутью...

Напившись чаю, за столы садились. Въ бывшей Настиной свѣтлицѣ сѣла Манеөа съ соборными старицами, плачея Устинья Клещиха съ вопленницами, да еще кое-кто изъ пѣвчихъ дѣвицъ, въ томъ числѣ, по приказу игуменьи, новая ея наперсница Устинья Московка. Мірскіе гости разсѣлись за столы, разставленные по переднимъ горницамъ. Тамъ рыбными яствами угощалъ ихъ Патапъ Максимычъ, а въ Настиной свѣтлицѣ сѣла съ постниками Аксинья Захаровна и угощала ихъ уставнымъ сухояденьемъ.

И кляла же тотъ обѣдъ Устинья Московка. Первое дѣло: свѣжей рыбки хотѣлось покушать ей, а главное, Василій Борисычъ тамъ сѣлъ, да тамъ же и Прасковья Патаповна. Подмѣтивъ на кладбищѣ, какъ поглядывалъ на нее Василій Борисычъ, дала Устинья волю пылкому, ревнивому сердцу...

*) Старинное слово — свѣча, величаемая въ *ослопъ*. А ослопъ въ лѣсахъ на Сѣверѣ и доселѣ означаетъ дубину, стягъ.

Если-бь можно было, взяла бы да и съѣла дѣвичьяго подлипалу... Горячая дѣвка была!..

За поминальными обѣдами бесѣды не ведутся: пьютъ, ѣдятъ во славу Божію въ строгомъ молчаньи. Лишь изрѣдка удѣльный голова вполголоса перекидывался огрывистыми словами съ Иваномъ Григорьичемъ, да Фленушка шептала что-то на ухо Парашѣ, лукаво поглядывая на Василья Борисыча. Коечто и она подмѣтила на кладбищѣ, и еще ранѣ того, въ Комаровѣ, во время дорожныхъ сборовъ, кой-что про Парашу московскому послу разсказала.

Въ концѣ обѣда, послѣ поминальнаго киселя, встали гости изъ-за трапѐзы и опять пошли въ моленную. Тамъ вмѣсто аналогія стоялъ большой столъ, крытый браной камчатной скатертью, а на немъ ставлена была фарфоровая миса съ «тризной» и пустые стаканы по числу гостей. Надѣвъ соборную мантію, Манееа замолитвовала, а дѣвицы заупокойную стихиру шестаго гласа запѣли: «Создателю и Творче, Зиждителю и Избавителю, ослаби, отпусти, Христе Боже». А пѣли демествомъ. Василій Борисычъ нарочно дѣвицъ той стихирѣ обучилъ, собираясь ѣхать въ Осиповку на сорочины. Про эту стихиру на Кѐрженцѣ въ лѣсахъ до тѣхъ поръ не слыхивали *). Всѣмъ она очень понравилась, и всѣ много благодарили Василья Борисыча, что такую хорошую стихиру вывезъ изъ Москвы на Кѐрженецъ... А во время пѣнія той стихиры Никитична серебрянымъ ковшомъ тризну по стаканамъ разливала... И пили во славу Божію, крестясь и поминая за упокой рабу Божію дѣвицу Анастасію.

Тѣмъ сорочины и кончились.

Изъ моленной послѣ трапѐзы отдохнуть разошлись. Фленушка да Марьюшка вмѣстѣ съ Парашей заперлись въ ея свѣтлицѣ. Порывалась туда Устинья Московка, но мать Манееа ея не пустила. Ревностью пылая и въ досадѣ на неудачи, больше получа̀са растирала канонница ноги хворой игуменьи, сильно пріуставшей послѣ длинныхъ службъ и длиннаго обѣда.

Успокоивъ, сколь могла, матушку и укрывъ ее на постели

*) Полной заупокойной стихиры «Создателю и Творче» ни въ одной старопечатной книгѣ нѣтъ. Только въ «Уставѣ» сказано: «По семъ возставъ отъ трапезы поемъ: «Создателю и Творче», но дальше ни одного слова текста стихиры не напечатано. Это нѣкоторыхъ ревнителей на Кѐрженцѣ вводило въ немалое сомнѣнье, пока не былъ привезенъ изъ Москвы полный текстъ поминальной стихиры. Онъ находится только въ рукописныхъ крюковыхъ пѣвчихъ книгахъ XVII столѣтія, довольно рѣдкихъ.

одѣяломъ, пошла-было гнѣвная Устинья въ Парашину свѣтлицу, но, проходя сѣнями, взглянула на окошко и увидѣла, что на бревнахъ въ огородѣ сидитъ Василій Борисычъ... Закипѣло ретивое... Себя не помня, мигомъ слетѣла она съ крутой лѣстницы и, забывъ, что скитской дѣвицѣ не слѣдъ середь бѣла дня, да еще въ мірскомъ домѣ, видѣться одинъ на одинъ съ молодымъ человѣкомъ, стрѣлой промчалась дворомъ и вихремъ налетѣла на Василья Борисыча.

— Ты что?.. Ты что это вздумалъ?.. — задыхаясь и едва переводя духъ, визгливо кричала она на него. — Куда, песъ этакій, на кого безстыжіе глаза свои запускалъ?.. А?..

Озадаченный внезапнымъ появленіемъ Устиньи, какъ полотно поблѣднѣлъ Василій Борисычъ и, поднявшись съ мѣста, дрожавшимъ отъ страха голосомъ едва могъ промолвить:

— Охъ, искушеніе!

— Куда ты, стоя на кладбищѣ, подлыя зенки свои пялилъ? — неистово лютуя, кричала Устинья. — На кого глядѣлъ?.. А?

— Да что ты?.. Что ты кричишь?.. Въ умѣ ли? — вполголоса сталъ-было уговаривать ревнивую канонницу Василій Борисычъ. — Опомнись!.. Могутъ услышать...

— Пущай ихъ слышать!.. — пуще прежняго лютовала Устинья. — Наплевать мнѣ!.. Хоть всѣ сюда сходись! Себя погублю, зато ужъ и тебя осрамлю, безпутнаго, осрамлю, осрамлю!.. Будешь меня помнить!.. Вытолкають по шеямъ!.. Всѣмъ скажу, что къ хозяйской дочери примазаться хочешь!.. Чапуринъ не свой братъ — на эти дѣла хуже чорта... Свернетъ тебѣ голову, какъ куренку!.. Воротишься въ Москву съ поротой спиной!.. Я тѣ докажу!.. Думалъ, на дуру напалъ?.. Нѣтъ, братъ, шалишь, мамонишь!.. Снялъ съ меня голову, такъ и я съ тебя сниму!.. Измѣнщикъ ты мерзкій!.. Я-ль тебя не любила?.. Я ли тебя...

И грянулась оземь въ рыданьяхъ.

Василій Борисычъ въ конецъ растерялся, стоитъ какъ вкопаный, придумать не можетъ, что дѣлать ему... Убѣжать — содому окаянная на весь домъ, на всю деревню надѣлаетъ, перебудитъ всѣхъ... Остаться — придетъ кто-нибудь, изъ окошка увидитъ.

— Охъ, искушеніе!.. Насталъ часъ испытаній! — схвативъ себя за виски, говорилъ онъ и снова принялся уговаривать то рыдавшую, то надрывавшуюся отъ хохота Устинью...

— Образумься!.. Устиньюшка!.. Опомнись!.. — говорилъ онъ, боясь наклониться къ ней, боясь и прочь отойти. — Съ ума, что ли, сошла?.. Стыдъ отъ гдѣ у тебя?.. Совѣсть-та гдѣ?..

Устинья продолжала рыдать и наконецъ завопила въ источный голосъ:

— Погубитель ты мой!.. Злодѣй ты этакій!.. Забыла твоя совѣсть, чѣмъ обѣщался ты мнѣ?.. Охъ, погубила я съ тобой свою головоньку!..

— Искушеніе! — теребя въ отчаяньи виски, потихоньку восклицалъ Василій Борисычъ. — Да уймись же, окаянная, уймись, Устиньюшка, пожалуйста, уймись, говорю тебѣ, моя миленькая!.. Слушай... а ты слушай же!.. — обрадовавшись блеснувшей въ умѣ его мысли, сказалъ онъ, наклоняясь къ Устиньѣ и боязливо поглядывая на окошки. — Видишь, лѣсокъ — близенько... Пойдемъ туда — тамъ обо всемъ потолкуемъ... Охъ, Ты, Господи, Господи!.. Вотъ искушеніе-то!.. Охъ, дуй тя горой! Ну, пойдемъ же, моя ягодка, мое яблочко наливчатое, пойдемъ, — тутъ недалече!

Медленно поднялась Устинья, глянула на всполье, на ближній перелѣсокъ и, отирая наплаканные глаза миткалевымъ рукавомъ, плаксиво сказала:

— Пойдемъ.

— Вмѣстѣ идти не годится. Народу много — увидятъ, — посвободнѣе вздохнувъ, молвилъ Василій Борисычъ. — Ступай ты впередъ, Устиньюшка, я за тобой.

— Врешь, меня, голубчикъ, не надуешь! — перебила Устинья. — Спровадить хочешь, самому бы къ своей кралѣ лытнуть...

— Ну, инъ я впередъ, — сказалъ Василій Борисычъ.

— А ты въ лѣсу-то схоронишься, да обходомъ къ ней, еретицѣ, — возразила Устинья. — Нѣтъ, любезный, меня на бобахъ не проведешь... Вмѣстѣ пойдемъ.

— Вотъ положеніе!.. — осторожно воскликнулъ Василій Борисычъ. — Охъ, искушеніе!

И сталъ онъ клясться и божиться Устиньѣ всѣми клятвами, что не уйдетъ, не укроется, станетъ у ней на виду дожидаться ея въ опушкѣ перелѣска.

Согласилась Устинья, и, весь дрожа отъ страха, Василій Борисычъ спѣшилъ въ притруску къ перелѣску. Ходо̀къ былъ плохой, на̀ ноги слабый — одышка бѣднягу беретъ, а нечего дѣлать, прибавляетъ да прибавляетъ шагу — поскорѣй бы укрыться отъ людскихъ взоровъ... Труси̇тъ, идетъ побѣжкой, а самъ горькую думу раздумываетъ: «Попуталъ же меня бѣсъ окаянный!.. Связало-жъ меня съ безумной баламотницей!.. Ишь, чертовка, какъ привязалась!.. Вотъ они послѣдствія-то какія!.. Не придумаешь, какъ по-добру по-здорову отдѣлаться отъ окаянной! Охъ, искушеніе!.. А вѣдь глазъ-отъ какой зоркій у шельмы!.. Словно прочла на умѣ!.. Нагрянула бѣда, что ни

дай ни вынеси!.. Ну какъ въ Москву донесется!.. Гусевы, Мартыновы, Досужевы, матушка Пульхерья... Уставщикъ-отъ, молъ, нашъ, книжникъ-отъ, дѣвственникъ-отъ, постникъ!.. Охъ, искушеніе!..»

А Устинья слѣдомъ за нимъ. Мѣрными шагами, ходко спѣшитъ она къ перелѣску, огнемъ пышетъ лицо, искрами брызжутъ глаза, губы отъ гнѣва и ревности такъ и подергиваетъ. — «Коль не мнѣ, никому за тобой не быть!.. Крови твоей напьюсь, а другой не отдамъ!.. А эту разлучницу, эту змѣю подколодную!.. Корнями ее обвести, зельемъ опоить, ножомъ зарѣзать!..»

Глава девятая.

Часа черезъ два по возвращеньи Василья Борисыча изъ лѣсу съ Устиньей, въ переднихъ горницахъ Патапа Максимыча гости за чаемъ сидѣли. Ни матери Манефы, ни соборныхъ старицъ, ни Аксиньи Захаровны, на шагъ не отходившей отъ золовки-игуменьи, не было тутъ. Какъ ни старалась Устинья-Московка попасть въ переднія горницы, гдѣ возлюбленный ея чего добраго опять, пожалуй, на хозяйскую дочь глаза пялить начнетъ — никакъ не могла: Манефа приказала ей быть при себѣ неотлучно... Куда какъ досадно, куда какъ горько было это ревнивой канонницѣ.

Гости изъ Городца и городскіе гости уѣхали — за пуншами только четверо сидѣло: самъ хозяинъ, кумъ Иванъ Григорьичъ, удѣльный голова да Василій Борисычъ. Рядомъ въ боковушѣ, за чайнымъ столомъ, заправляемымъ Никитичной, сидѣли Параша, Груня, Фленушка да Марьюшка. У мужчинъ повелась бесѣда говорливая; въ женской горницѣ въ молчанки играли: Никитична хлопотала за самоваромъ, Груня къ мужскимъ разговорамъ молча прислушивалась, Параша дремала, Марьюшка съ Фленушкой межъ собой перешептывались да тихонько посмѣивались.

— Такъ какъ же ты, гость дорогой, въ Нѣметчину-то ѣздилъ?.. Много, чай, поди было съ тобой всякихъ приключеньевъ? — говорилъ Патапъ Максимычъ Василью Борисычу.

А тотъ сидѣлъ во образѣ смиренія, учащалъ воздыханія, имѣлъ голову наклонну, сердце покорно, очи долу обращенны.

— Много было всякихъ приключеніевъ, — отвѣчалъ онъ тихимъ, сладенькимъ голоскомъ своимъ.

— Много трудовъ пріялъ?

— Всего было достаточно, — глубоко вздохнувъ, отвѣтилъ

Василій Борисычъ.—Особенно прискорбно было, какъ ночью кордонъ мы проходили.

— Городъ, что ли, какой?—спросилъ кумъ Иванъ Григорьичъ.

— Какое городъ!—возразилъ смиренно Василій Борисычъ.—По-нашему сказать—граница, рубежъ, а по тамошнимъ мѣстамъ кордономъ зовутъ.

— Что-жъ такое тутъ приключилось?—спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Пропуски тамъ крѣпки, за нашими смотрятъ строго, у насъ же и заграничныхъ пачпортовъ не было, поѣхали на Божію волю... И набрались же мы тогда страха іудейска,—отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Разскажи, сдѣлай милость. Очень любопытно узнать ваши похожденья,—сказалъ Патапъ Максимычъ.

И началъ Василій Борисычъ свой «проскинитарій» *).

— Прибыли мы къ кордону на самый канунъ Лазарева воскресенья. Пасха въ томъ году была ранняя, а по тѣмъ мѣстамъ еще на середокрестной рѣки прошли, на пятой травка по полямъ зеленѣла. Изъ Москвы поѣхали—морозъ былъ прежестокій, мятель, вьюга, а недѣли черезъ полторы, какъ добрались до кордона, весна тамъ давно началась...

— Мудреное дѣло!—удивился Иванъ Григорьичъ.

— Такія ужъ теплыя земли Господь Своею премудростью создалъ,—наставительно молвилъ Василій Борисычъ и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ проскинитарій.—Пріѣхали мы въ одну деревню, Грѣзенцы прозывается, версты три отъ кордона-то будетъ. Тамъ христолюбецъ нѣкій проживаетъ, по нашему состоитъ согласу. То у него и ремесло, что бѣглыхъ, безпаспортныхъ да нашего брата паломника тайкомъ за кордонъ переправлять, а оттуда разны товары мимо таможенъ возить—безъ пошлины, значитъ. И въ томъ первые пособники ему жиды... Переправляютъ нашего брата не кучей, а въ одиночку, и завсегда въ ночное время, чтобы, значитъ, таможенный объѣздъ кого не примѣтилъ. Если-жъ увидятъ, дѣло плохое—тотчасъ музыку тебѣ на ноги **) да по образу пѣшаго хожденія назадъ въ Россію... Въ одну ночь товарища, съ которымъ я за границу поѣхалъ, перевели благополучно, на другую ночь за мною пришли... Охъ, искушеніе!.. Перерядили меня, раба Божія, хохломъ и повезли въ другу деревню, а отъ той деревни четверти версты до кордона не

*) Отъ греческаго προσκυνέω — поклоняюсь... Описаніе путешествія ради поклоненія святымъ мѣстамъ.

**) Кандалы.

будетъ... Въ самую полно́чь меня повели... Идемъ по задворкамъ, крадучись тихими стопами, яко тати... Искушеніе да и только!.. И страхъ же напалъ на меня!.. Не приведи Господи никому такого страху принять!.. Дрожу, ровно въ лихоманкѣ, самъ въ шубѣ, а по всѣмъ суставамъ морозъ такъ и бѣгаетъ, на̀ сердце ровно камень навалило — такъ и замираетъ. Пошелъ-было, какъ обычно хожу, а проводникъ въ самое ухо мнѣ шепчетъ: «Тише на̀ землю ступай, услышатъ»... Господи, Боже мой, и по землѣ-то надо съ опаской ходить!.. Огонекъ вижу, близехонько свѣтится, двухсотъ шаговъ, кажись, не будетъ... — «Деревня, что ли?..» — спрашиваю.— «Молчи,— шепчетъ проводникъ: — это кордонъ и есть, тутъ караульня объѣздчиковъ, сторо̀жка...» Оглянулся въ другу сторону, и тамъ огонекъ!.. — «Ложись, — говоритъ проводникъ: — ползи за мной на четверенькахъ...» Поползъ я ни живъ ни мертвъ, самъ молитву творю, а духъ у меня такъ и занимаетъ... А лютые псы и съ той и съ другой караулки лаютъ, перекликаются окаянные межъ собою. Думаю себѣ: «бросятся треклятые, тутъ мнѣ и конецъ...» Поползли мы къ канавѣ... Сажень ширины, полнехонька воды... — «Это что̀?»—спрашиваю.— «Молчи, — шепчетъ проводникъ: — это самый кордонъ и есть, здѣсь вотъ Россія, за канавой Нѣметчина... Полѣзай за мной да воду-то не больно бултыхай — услышатъ»... Охъ, искушеніе!.. Вотъ, думаю, смерть-то моя пришла!.. Вода-то студеная, канава-то глубокая, чуть не по самое горло... Говорю: — «Простудиться боюсь — не полѣзу въ канаву...» А проводникъ изругалъ меня ругательски, да все шопоткомъ на самое ухо: — «Лодку, говоритъ, что-ль для тебя лѣшаго припасти?.. Аль мостъ наводить?.. Ишь нѣженка!.. Лѣзь, — не сахарный, не растаешь...» А собаки-то шибче да шибче... Господи, думаю, не насъ ли почуяли?.. Ну, тутъ, слава Тебѣ, Господи!.. потерпѣлъ Создатель грѣхамъ, не предалъ меня явной погибели... Кладочка тоненька проводнику по̀дъ ноги попалась. положилъ онъ ее черезъ канаву, и съ шестомъ въ рукѣ, что̀ въ деревнѣ мнѣ дали, сухъ перешелъ на нѣмецкую сторону... Перейдя кордонъ, опять на четвереньки, опять ползкомъ... Съ полверсты такъ ползли... А потомъ стало посмѣлѣе: пошли на ногахъ, а пройдя съ версту, видимъ, пара лошадей съ телѣгой стоитъ — насъ дожидаются... Тутъ ужъ мы поѣхали безо всякой опаски и добрались до мѣста живы, здоровы, ничѣмъ невредимы...

— Да, нечего сказать, приключенія! — замѣтилъ Патапъ Максимычъ. — И вотъ подумаешь, — охота пуще неволи, — лѣзетъ же человѣкъ на такія страсти... И не боится.

— Во хмелю больше переходятъ, — отозвался Василій Борисычъ. — Товарищъ мой Жигаревъ, рогожскій уставщикъ, какъ его переправляли, на ногахъ не стоялъ. Ровно куль по землѣ его волочили... А въ канавѣ чуть не утопили... И меня передъ выходомъ изъ деревни водкой потчевали. «Лучше, говорятъ, какъ память-то у тебя отшибетъ — по крайности будетъ не страшно»... Ну, да я повоздержался.

— А на мѣстѣ-то свободно проживали? — спросилъ удѣльный голова.

— Нельзя сказать, чтобъ совсѣмъ свободно. И тамъ пришлось въ передѣлѣ быть, — сказалъ Василій Борисычъ.

— Въ какомъ же это передѣлѣ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— И тамъ полиція есть, — отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Отъ нея, отъ этой самой нѣмецкой полиціи, мы едва не пострадали.

— Какъ же это случилось? Разскажи, пожалуйста: очень занятно про твои нѣмецкія похожденія слушать... — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— А вотъ какъ дѣло было, — началъ Василій Борисычъ. — Дня черезъ три послѣ того, какъ приняли насъ въ монастырѣ, сидимъ мы въ келарнѣ, бесѣдуемъ съ тамошними отцами. Вдругъ входитъ отецъ Павелъ, что̀ митрополита сыскалъ, лица на немъ нѣтъ... «Бѣда, говоритъ, ищутъ васъ, мандаторъ гайдуковъ прислалъ, стоятъ у крыльца, ни на шагъ не отходятъ». А мандаторъ по-ихнему какъ бы у насъ становой, а гайдуки какъ бы сотскіе, только страшнѣе... Я такъ и присѣлъ: ну, думаю, приспѣлъ часъ воли Божіей — сейчасъ музыку на̀ ноги да въ Москву... Жигаревъ посмѣлѣй меня былъ да и пьянъ же къ тому, даромъ что Страстная, по̀лы въ зубы да, не говоря худого слова, махъ въ окошко... Только крякнулъ спрыгнувши да, поднявшись, не больно чтобъ шибко въ монастырскій садъ пошелъ... А садъ у нихъ большущій да густой — нескоро въ томъ саду человѣка отыщешь... А у меня смѣлости нѣтъ, съ мѣста не могу сдвинуться, ноги какъ плети, какъ есть совсѣмъ ихъ подкосило... Поглядѣлъ въ окно — отъ земли высоко̀ — убьешься... Прыгнуть, какъ Жигаревъ, пьяному только можно, потому что Господь, по Своему милосердію, ко всякому пьяному, если только онъ благочестно въ святой вѣрѣ пребываетъ, ангела для сохранности и обереганья приставляетъ... Вотъ и стою я ровно къ смерти приговоренъ: въ ушахъ шумитъ, въ глазахъ зелень, пальцемъ не могу двинуть — вотъ что̀ страхъ-отъ значитъ... Не приведи Господи!.. «Что̀, говорю, дѣлать-то я буду?» А самъ пла̀чу, слово-то на-

силу вымолвить могъ... Отецъ Павелъ ублажаетъ:—«Поколь гайдуки, говоритъ, не взошли, надѣвай клобукъ да камилавку, подумаютъ, здѣшній инокъ, не узнàютъ...»—«А послѣ-то какъ же? — спрашиваю я отца Павла, дрожа со страху: — вѣдь иночество-то, говорю, не снимаютъ; послѣ этого надо вѣдь будетъ постричься...» — «Что-жъ?—отвѣчаетъ отецъ Павелъ: — за этимъ дѣло не станетъ, завтра-жъ облечемъ тебя въ ангельскій образъ...» Чтò тутъ дѣлать?.. А у меня никогда и на мысляхъ не было, чтобъ въ иночествѣ жизнь провождать... А дѣлать нечего, одно выбирай: музыку нà ноги, либо клобукъ нà голову... А гайдуки ужъ въ сѣняхъ. Шумятъ тамъ, отцы уговариваютъ ихъ, а они силой въ келарню-то рвутся... Рѣшился... Ну, думаю: «буди, Господи, воля Твоя»... И ужъ за камилавку совсѣмъ-было взялся, да вспомнилось отцу келарю — дай Богъ ему добраго здоровья и душу спасти — вспомнилось ему, что изъ келарнаго чулана сдѣлана у нихъ лазейка въ садъ... Меня туда; а лазеечка-то узенькая, хоть изъ себя я и сухощавъ, а насилу меня пропихали, весь кафтанецъ ободрали, и рукамъ досталось и лицу... Только-что они, Господь ихъ спаси, меня пропихали, гайдуки, слышу, въ келарнѣ обыскиваютъ... Я въ садъ. Забьюсь, думаю, куда подальше, въ самую чащу... Пошелъ, хочу въ кусты схорониться, анъ кусты-то терновникъ—руки-то въ кровь... Куда идти — думаю да по сторонамъ озираюсь... Глядь, а тутъ развалющій анбаришко стоитъ, и оттуда кто-то осторожнымъ, тихимъ голосомъ меня призываетъ, по имени кличетъ... Смотрю, анъ это Жигаревъ, мой товарищъ: и хмель у него соскочилъ... Забрàлся и я къ нему...—«Вотъ, братъ,—говорю ему:—какія послѣдствія-то, а еще въ Москвѣ толковали, что здѣсь свобода...»—«Да, да,—говоритъ Жигаревъ:—надо по-добру поздорову отсюда поскорѣй во-свояси, а главная причина, больно я зашибся, окно-то, дуй его горой, высокое, а подъ окномъ дьяволъ ихъ угораздилъ кирпичей навалить»... Съ часъ времени просидѣли мы въ анбаришкѣ, глядимъ, кто-то черезъ заборъ лѣзетъ... Батюшки-свѣты!.. Гайдуки, должно-быть, садъ обыскивать... Притаились мы — ни гугу, а я ни живъ ни мертвъ... А это былъ отъ отца Павла паренекъ по насъ посланъ. Отвелъ онъ насъ версты за двѣ отъ монастыря... Совсѣмъ ужъ стемнѣло, какъ иноки за нами пришли, «уѣхали, говорятъ, гайдуки». Ну, а потомъ все было спокойно.

— Какъ же такъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Извѣстно, какъ, — отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Червончики да карбованцы и въ Нѣметчинѣ свое дѣло дѣлаютъ. Вы думаете, въ чужихъ-то краяхъ взятокъ не берутъ?.. По-

чище нашихъ лупятъ... Да... Только слава одна, что нѣмцы честный народъ, а по правдѣ сказать—хуже нашихъ становыхъ... Право слово... Передъ Богомъ — не лгу.

— Всѣ, видно, подъ однимъ солнышкомъ ходимъ—по всѣмъ, видно, странамъ кривда правду передѣлила, — замѣтилъ кумъ Иванъ Григорьичъ.

— Именно такъ, — со вздохомъ подтвердилъ Василій Борисычъ.

— Такъ за этимъ страхомъ ты, гость дорогой, совсѣмъ-было въ преподобные угодилъ, — смѣялся Патапъ Максимычъ.—Вотъ дѣла такъ дѣла!.. А не хотѣлось? — примолвилъ онъ, подмигнувъ Василью Борисычу и прищурясь на лѣвый глазъ.

— Призванія свыше на то не имѣю, — смиренно склонивъ голову, съ покорностью отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— И хорошо по-моему, что не имѣешь того призванія, — сказалъ Патапъ Максимычъ.—Что̀ это за иночество, что̀ это за келейное наше старчество?.. Одно пустое дѣло... Послушай только, чего ни плетутъ у насъ на Кѣрженцѣ старцы да келейницы... Въ Оленевскомъ скиту старица была, не то Минодора, не то Нимфодора, — шутъ ее знаетъ, — та все проповѣдывала, что Господь всякаго человѣка монашескаго ради житія создалъ... И многіе ея вранье слушали да сдуру-то еще похваливали... Могла этакое слово дурица Нимфодора сказать, когда самъ Господь повелѣлъ людямъ плодиться и множиться... Такъ ли?.. Вѣдь повелѣлъ?

— Это точно... Сказано въ писаніи, — отвѣтилъ Василій Борисычъ: — однако въ томъ же писаніи и житіе иноческое похваляется, ангельскій бо чинъ есть... Земные ангелы, небесные человѣки!.. Только извѣстно: не всякому дано — могій вмѣстити да вмѣститъ.

— Да... Вотъ красноярскій игуменъ есть отецъ Михаилъ... Онъ, братъ, вмѣстилъ... Да еще какъ вмѣстилъ-то!.. Въ крѣпкій домъ на казенну квартиру попалъ, — съ усмѣшкой молвилъ московскому уставщику Патапъ Максимычъ.

— Испытаніями, горестями, озлобленіями же и лишеніями преисполнено житіе иноческое, — смиренно проговорилъ Василій Борисычъ.

— Одно пустое дѣло!..—стоялъ на своемъ Патапъ Максимычъ. — Захочешь спасаться, и въ мірѣ спасешься — живи только по добру да по правдѣ.

Не отвѣчалъ Василій Борисычъ.

— Чего вѣдь ни придумаютъ!—продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Человѣку отъ бѣды неминучей надо спастись, и для

того стбитъ ему только клобукъ да манатью на себя вздѣть... Такъ нѣтъ, не смѣй, не моги, не то въ старцахъ на всю жизнь оставайся... Въ какомъ это писаніи сказано?.. А?.. Ну-ка, покажи — въ какомъ?

— Можно и отбыть въ такомъ разѣ иночество,— уклоняясь отъ прямого отвѣта, молвилъ Василій Борисычъ.

— Какъ же такъ?—спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Повелѣно иноческую одежду сжечь на томъ человѣкѣ,— сказалъ Василій Борисычъ. — Когда на немъ сгоритъ она, тогда и онъ свободенъ отъ иночества... Такъ положено...

— Положено, положено!—слегка горячась и громчѣй прежняго заговорилъ Патапъ Максимычъ. — Гдѣ оно положено?.. Кто положилъ?..

— Святые отцы,—молвилъ Василій Борисычъ.

— Все на святыхъ отцовъ взваливаютъ!.. Чего имъ, сердечнымъ, и на умъ не вспадало, все валятъ на нихъ, — еще громче заговорилъ Патапъ Максимычъ. — Нѣтъ, коли дѣломъ говорить, покажи ты мнѣ, въ какомъ именно писаніи про это сказано?.. Не то что безъ пути-то попусту языкъ о зубы точить?

Стихнулъ Василій Борисычъ передъ вспыхнувшимъ тысячникомъ, рѣшился не говорить ни слова. Только вздыхаетъ да псаломъ на утоленіе гнѣвныхъ сердецъ про себя говоритъ: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его».

— Это, Патапъ Максимычъ, онъ правду говоритъ, — вступился удѣльный голова. — Намедни у насъ точно такое дѣло было.

— Что-о-о?.. Иночество на живомъ человѣкѣ жгли?.. — засмѣялся Патапъ Максимычъ. — Ай да голова!.. Ишь чѣмъ у нихъ въ приказѣ забавляются!.. Ха-ха-ха!.. Карпушка, что ли, поджигалъ?.. Ха-ха-ха!..

— А ты выслушай, да потомъ и гогочи... Попусту смѣяться не слѣдъ... Бѣса значитъ это тѣшить—кого хочешь спроси,— съ малой досадой на пріятеля отвѣтилъ Михайла Васильичъ.— Слушай, какъ дѣло было. Въ лѣтошнемъ году разныхъ деревень дѣвки на Китежъ Богу молиться ходили. Было на томъ богомольѣ келейныхъ матерей сколько-то и скитскихъ бѣлицъ. Съ вечера, извѣстное дѣло: читали, молились, къ утру пріустали и надъ озеромъ въ рощѣ въ повалку спать полегли... Тутъ, надо думать, котора-нибудь изъ келейныхъ съ озорства ли, со злобы ли, аль на смѣхъ, шутъ ее знаетъ, возьми да на дѣвицу на одну деревенскую, на сонную-то, иночество и возложи — манатейку, значитъ, на шею-то ей. Проснулась дѣвка да и взвыла. Она, видишь, была просватана, конца

Петровокъ дожидали свадьбу-то играть... Какъ быть? И замужъ охота, и манатейки-то скинуть нельзя!.. А келейницы ей въ одинъ голосъ: «Чудо сотворилося! Это ужъ такое тебѣ знаменіе отъ Бога!.. Ты, говорятъ, сама разсуди, на какомъ мѣстѣ это съ тобой совершилось — вѣдь у самаго невидимаго града, у самаго Великаго Китежа... Слышала, какой съ вечера «Лѣтописецъ»-отъ читали?.. Есть, видишь ты, въ томъ невидимомъ градѣ Китежѣ честные монастыри, чудные старцы и старицы... Сколь много вѣры надо имѣть, сколь много духовныхъ подвиговъ содѣлать, чтобы въ-очію узрѣть тѣхъ богоносныхъ незримыхъ отецъ и матерей? А къ тебѣ блаженные сами пришли, сами на тебя иночество надѣли. Кто какъ не они, свято-блаженные? Сама посуди! Это Божіе дѣло — Господь тебѣ призываетъ, правый путь къ вѣчному блаженству Самъ тебѣ указуетъ». Да такими словесами дѣвку съ толку и сбили: и замужъ-то ей хочется и въ праведницы охота... Кончилось тѣмъ, что дѣвка въ скиты ушла... А жениховъ отецъ межъ тѣмъ издержался, къ свадьбѣ готовясь, въ долги вошелъ, съ невѣстиныхъ родителей сталъ у насъ въ приказѣ убытки править... Такъ вотъ какое дѣло было, а ты ужъ сейчасъ: иночество на живомъ человѣкѣ жгли.

— Мошенницы! — отозвался Патапъ Максимычъ. — Спросить-было сестрицу мою родимую, — прибавилъ онъ, усмѣхаясь: — не изъ ихней ли обители бѣлицы сонную дѣвку въ ангельскій чинъ снарядили!.. Отъ нихъ станется... Дошлыя дѣвки въ Комаровѣ живутъ!.. На всякія пакости готовы!..

Какъ выскочитъ Фленушка, хотѣла за своихъ вступиться, но Патапъ Максимычъ такъ поглядѣлъ на нее, что та, ровно языкъ отморозивши, прижала хвостъ да смирнымъ дѣломъ назадъ... Зато оправившійся отъ смущенья Василій Борисычъ возревновалъ ревностью. Смиренно поникнувъ головою, тихимъ медоточнымъ гласомъ обратился онъ къ хозяину:

— Въ отеческомъ писаніи немало есть сказаній о знаменіяхъ и чудесахъ, коими Господь привлекаетъ человѣковъ отъ суетнаго міра въ тихое пристанище равноангельскаго житія. Въ патерикахъ и прологахъ много тому примѣровъ видимъ.

— Полно-ка ты, Василій Борисычъ, со своими патериками да съ прологами. Вѣдь это книги не божественныя... Такіе-жъ люди писали, какъ и мы съ тобой, грѣшные... Читывалъ я эти книги — знаю ихъ... Чего-то, чего тамъ ни напутано, — сказалъ Патапъ Максимычъ и потомъ радушно примолвилъ: — Ты вотъ лучше пуншику еще пропусти!.. Никитична! сготовь Василью Борисычу хорошенькаго!

— Не слѣдуетъ такія рѣчи говорить, Патапъ Максимычъ. Грѣхъ великій!..—замѣтилъ ему Василій Борисычъ.

— Про пуншикъ-отъ не слѣдуетъ разговаривать? Аль насчетъ нашихъ преподобныхъ, столповъ древляго благочестія?—смѣялся Патапъ Максимычъ. — Насчетъ пунша смѣяться негодится, потому пойло доброе, а надъ пустосвятами при веселой бесѣдѣ потѣшиться грѣха нѣтъ, ни великаго ни малаго... Не про книги тебѣ говорю, не надъ книгами смѣюсь, надъ старцами да надъ старицами... Пустосвяты они, дармоѣды, больше ничего!.. Слухи пошли, что начальство хочетъ скиты порѣшить... Хорошее по-моему дѣло... Грѣха меньше будетъ—надо правду говорить... Кто въ скитахъ живетъ?.. Тѣ, что ли, про которыхъ въ твоихъ патерикахъ писано?.. Постники?.. Подвижники?.. Земные ангелы?.. Держи карманъ!.. Обойди ты всѣ здѣшни скиты, да прихвати и Стародубскія слободы, Рогожское на придачу возьми, найди ты мнѣ старицу меньше девяти пудовъ вѣсу, меньше десяти вершковъ въ отрубѣ... Десятка не наберешь!.. Вотъ каковы у нихъ постъ да воздержаніе!..

— Охъ, искушеніе!—глубоко вздохнувъ, вполголоса сказалъ Василій Борисычъ.

— Сызмалѣтства середь скитовъ живу, — продолжалъ Патапъ Максимычъ:—сколько на своемъ вѣку перезналъ я этихъ иноковъ да инокинь, ни единой путной души не видывалъ. Нашелъ-было хорошаго старца, просто тебѣ сказать, святъ человѣкъ, — и тотъ мошенникомъ оказался. Красноярскаго игумна отца Михаила знавалъ?

— Личнаго знакомства имѣть не доводилось. — отвѣтилъ Василій Борисычъ: — а слыхать про отца Михаила слыхалъ.

— Служба у него, любезный ты мой, такая, какой у васъ и на Рогожскомъ нѣтъ... Во всемъ порядокъ, на хозяйство его монастырское любо-дорого посмотрѣть... А ужъ баня, я тебѣ скажу, братецъ, какая!.. Липовая, парятся съ мятой да съ калуферомъ!.. На каменку квасъ... А чистота, чистота!.. И духъ такой легкій да вольный!.. Вѣкъ бы парился не напарился!.. Царямъ только и мыться въ такой банѣ, сроду такой не видывалъ,—съ жаромъ продолжалъ Патапъ Максимычъ.— А самъ-отъ отецъ Михаилъ инокъ благочестивый, учительный, по всѣмъ здѣшнимъ скитамъ нѣтъ такого, да и не бывало. Просто, какъ есть святъ человѣкъ, не здѣсь, кажись, ему мѣсто, а въ блаженномъ раю возлѣ самого Авраама... Что-жъ на повѣрку вышло?.. Воровскими дѣлами занимался, фальшивы деньги работалъ... Вотъ тѣ и праведникъ!.. А баня знатная!.. Что хорошо, то хорошо, надо правду говорить!...

— И сатана свѣтоноснаго ангела образъ пріемлетъ, егда восхощетъ въ сѣти своя слабаго человѣка уловити,—молвилъ Василій Борисычъ.

— Это что-жъ ты хочешь сказать?.. Думаешь, въ отца Михаила сатана самъ усѣлся?.. Такъ, что ли?.. — захохоталъ Патапъ Максимычъ.

— Къ тому говорю, что дьявольскому искушенію ни числа ни мѣры нѣтъ, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Захотѣлось врагу соблазнить васъ, Патапъ Максимычъ, навести васъ на худыя мысли объ иноческомъ житіи, и навелъ на красноярскаго игумна.

— Самъ къ нему поѣхалъ... Что понапрасну на чорта клепать! — засмѣялся Патапъ Максимычъ. — Своя охота была... Да не про то я тебѣ говорю, а то сказываю, что иночество самое пустое дѣло. Работать лѣнь, трудомъ хлѣба добывать не охота, ну и лѣзутъ въ скиты дармоѣдничать... Вотъ оно и все твое хваленое иночество!.. Да!..

— Вражее смущеніе!..—проговорилъ Василій Борисычъ.- Это лукавый васъ на такія мысли наводитъ... Бороться съ нимъ подобаетъ, не поддаваться дьявольскому искушенію...

— Толкуй себѣ!.. Послушать тебя все едино, что нашихъ керженскихъ келейницъ: все бѣсъ творитъ, а мы, вишь, святые, блаженные, завсегда не при чемъ. Вездѣ одинъ онъ окаянный во всемъ виноватъ... Бѣдненькій!.. — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Этого я не говорилъ, Патапъ Максимычъ, — возразилъ Василій Борисычъ. — Какъ же можно сказать, что бѣсъ все дѣлаетъ?.. Добра никогда онъ творити не можетъ и правды такожде... Гдѣ зло, гдѣ неправда, тамъ ужъ, конечно, дѣло не наше, его.

— Ну, Василій Борисычъ, — засмѣялся Патапъ Максимычъ:—я бы тебя въ игумены поставилъ... Право... Вонъ у меня есть сестрица родимая: ни дать ни взять твои же рѣчи... Послушать ее — такъ что въ обителяхъ худого ни случится—во всемъ одинъ бѣсъ виноватъ. Сопьется старица— бѣсъ споилъ, загуляетъ съ кѣмъ — онъ же, проворуется — тотъ же бѣсъ въ отвѣтѣ... Благо отвѣтчикъ-отъ завсегда наготовѣ, свалить-то есть на кого... А слыхалъ ли ты, другъ любезный, какое у насъ годовъ двадцать тому назадъ въ Комаровскомъ скиту чудо содѣялось?.. Какъ одинъ пречестный инокъ бѣса въ окошко махнулъ да чуть до смерти его не зашибъ?

— Не доводилось, — отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Какъ такъ?.. Столько времени у моей сестрицы гостишь,

а про такія чудеса не слыхивалъ? — шутливо удивился Патапъ Максимычъ.—Про отца Исакія, иже въ Комаровѣ бѣса посрами, знаешь?

— Нѣтъ, не знаю...

— Ну, такъ ты, Василій Борисычъ, ничего, любезный мой, не знаешь... Ничего, какъ есть ничего,—продолжалъ Патапъ Максимычъ.—Дивиться, впрочемъ, тутъ нечему; про такія чудеса наши старицы пріѣзжимъ разсказывать не охотницы. Хочешь—разскажу тебѣ повѣсть душеполезну?.. Спасибо скажешь — можно въ тетрадь написать поученія ради.

— Разскажите, коли такое есть ваше желаніе,—безучастно отвѣтилъ Василій Борисычъ, зная напередъ, что услышитъ про такое чудо, какого ни въ одномъ патерикѣ не отыщется.

— Въ Комаровѣ,—началъ съ лукавой важностью въ первый еще разъ послѣ Настиной смерти расшутившійся Патапъ Максимычъ:—въ Комаровѣ теперь женски только обители. А прежде и мужскія были... Вкупѣ-то, знаешь, веселѣй души спасать!.. Іонина обитель была тамъ, часовня и теперь стоитъ. Спасался въ ней старецъ искусенъ, житіемъ сіяя, яко свѣтило—преподобный отецъ Исакій... Подвизался богоугодно, дара пророчества сподобился — значитъ, сталъ прозорливцемъ... Много къ нему народу ходило: охочъ вѣдь народъ-отъ будущу судьбу узнавать... Приношенія, какъ водится, бывали: тѣмъ и держалась обитель. Прославился всюду Исакій—во всю землю произыде слава его... Ну, тутъ извѣстное дѣло — бѣсъ... Позавидовалъ преподобному, приступилъ къ нему и началъ мечтаніями смущати, сонныя видѣнія представлять. Старецъ же посрамлялъ его ежечасно... Видитъ бѣсъ, что одному ему съ Исакіемъ не сладить — пошелъ въ свое мѣсто, сатану привелъ, чертенятъ наплодилъ, дьявола въ кумовья позвалъ да всѣмъ соборомъ и давай нападать на отца Исакія... Зналъ и я Исакія-то—ростомъ былъ съ коломенску версту, собой дѣтина рражій, здоровенный, лицомъ чистъ да гладокъ, языкомъ рѣчистъ да сладокъ; женскій полъ отъ него съ ума сходилъ — да не то чтобъ однѣ молодыя, старухи — и тѣ за Исакіемъ гонялись. Спроси-ка при случаѣ Аркадію либо Таифу... А былъ онъ лѣтъ сорока, не больше. Строилъ дьявольскій соборъ ему козни и навелъ на Исакія искушеніе — лѣстовка на рукѣ, а дѣвки на умѣ. Рядышкомъ съ Іонинной обителью матушки Александры обитель стоитъ — Игнатьевыхъ прозывается. Дѣвокъ множество, всѣ на подборъ — одна другой краше. Старецъ ихъ прочь не гонялъ... Жилъ такимъ образомъ преподобный года три либо четыре, намолвки не наводилъ, бѣсъ ли его покрывалъ, самъ

ли умѣлъ концы хоронить — доподлинно сказать не могу. Пріѣхала изъ Ярославля къ матери Александрѣ сродница — дѣвица молодая, купеческаго роду, хорошихъ родителей дочь, воспитана по-доброму, въ чистотѣ и страхѣ Господнѣ, изъ себя такая красавица, что на рѣдкость. Вòззрился на нее преподобный, а бѣсовскій-отъ соборъ и ну его подъ бокъ, и ну разжигать. «Хоть голову на плаху,—помышляетъ Исакій:— хоть душу во адъ, а безъ того мнѣ не быть, чтобы съ той дѣвицей покороче не познакомиться». Старая пріятельница нашлась: мать Асклепіодота помогла преподобному. Наговорила гостейкѣ турусъ на колесахъ: святой-де у насъ въ шабрахъ живетъ, благочестивый, учительный, постникъ великій, даръ прозорливости имѣетъ — всю судьбу твою какъ на ладонкѣ выложитъ... Дѣвица, извѣстно — умокъ-отъ легокъ, что весенній ледокъ,—захотѣлось судьбу провѣдать, гдѣ, дескать, мой суженый, въ каку сторону буду выдана, каково будетъ житье замужемъ. Согласилась — пошли. Тутъ-то чудо и сотворилось...

— Какое? — спросилъ Василій Борисычъ.

— А вотъ какое, — допивъ стаканъ пуншу, продолжалъ Патапъ Максимычъ.— Предста преподобному бѣсъ во образѣ жены и нача его смущати; онъ же, отвѣща ему, глаголя: «Отыди отъ меня, Сатано!». Бѣсъ же нимало не уязвися, дерзностно прельщая преподобнаго... Тогда отецъ Исакій поревнова, вземъ бѣса и изрину его изъ оконца... И товарищъ твой крякнулъ, Василій Борисычъ, какъ съ высокаго-то окна въ Бѣлой Криницѣ прыгнулъ, а дѣвичье тѣло понѣжнѣй жигаревскаго будетъ... На смерть расшиблась...

— Искушеніе!.. — шопотомъ прибавилъ Василій Борисычъ.

— До начальства дѣло дошло: скрыть нельзя... — продолжалъ Патапъ Максимычъ.— Еще умретъ, пожалуй, тогда всѣмъ бѣда. опять же родитель изъ Ярославля пріѣхалъ, всѣхъ нà ноги поднялъ... судъ да дѣло... Такъ вѣдь и въ судѣ-то преподобный на своемъ стоялъ: «Я, говоритъ, полагалъ, что это бѣсъ, онъ вѣдь всегда въ образѣ жены иноковъ смущаетъ. Я-было, говоритъ, крестнымъ знаменіемъ его — неймется, заклинаніями — не внемлетъ. Ну, тогда со дерзновеніемъ махнулъ его изъ окна... Вотъ, говоритъ, и вся моя вина...» Ты про этакія чудеса въ книгахъ-то читалъ ли?

— Искушеніе! — только и могъ отвѣтить Василій Борисычъ на слова Патапа Максимыча.

— Поплатился Исакій за искушеніе, — прибавилъ Патапъ Максимычъ. — Первымъ дѣломъ — въ острогъ, второе — чуть въ Сибирь не угодилъ, а третье горше первыхъ двухъ — со

всѣми деньгами, что за пророчества набралъ, разстался... И обитель съ той поры запустѣла.

— Искушеніе! — еще разъ вздохнулъ Василій Борисычъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что скажи, Василій Борисычъ, — продолжалъ Патапъ Максимычъ: — какое насчетъ этого чуда будетъ твое разсужденіе?.. Можетъ, къ отцу-то Исакію и на самомъ дѣлѣ бѣсъ во образѣ ярославской дѣвицы являлся!.. Можетъ такое дѣло статься, аль не можетъ?.. Какъ по-твоему?

— Конечно, можетъ, — отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Можно, значитъ, бѣса и въ окошко? — усмѣхнулся Патапъ Максимычъ.

— Можно! — отрывисто и съ сердцемъ молвилъ Василій Борисычъ.

— И ребра переломать?

— Можно.

— Значитъ, исправникъ да судъ понимали не ладно, обидѣли, значитъ, Исакія понапрасну, — засмѣялся Патапъ Максимычъ, и богатырскій хохотъ его впервые послѣ Настиной кончины громкими раскатами по горницамъ раздался. Смѣялись и кумъ Иванъ Григорьичъ съ Михайлой Васильичемъ, смѣялась и женская половина гостей. Груня одна не смѣялась да еще рьяный поборникъ древляго благочестія, Василій Борисычъ... Подъ шумокъ довольно громко онъ вскрикивалъ:

— Маловѣры!.. Слѣпотствующіе!.. Охъ, искушеніе!..

Подъ общее веселье пуще прежняго расходился Патапъ Максимычъ.

— Это новы дѣла у Іониныхъ, — сказалъ онъ: — а слыхалъ ли ты, Василій Борисычъ, про старыя?.. Не про старца Іону говорю тебѣ — тотъ жилъ давно, памятковъ про него, опричь чудотворной ели, никакихъ не осталось... А надо думать, что былъ святъ человѣкъ, потому, что богомольцы ту ель теперь до половины перегрызли... Чудодѣйствуетъ, вишь, отъ зубной скорби, лучше самого Антипія помогаетъ... Да не объ ели хочу повѣдать тебѣ, а про слезы, печали и великія сокрушенья бывшаго игумна той обители, отца — какъ бишь его? — Филоѳея никакъ... Батюшка родитель мой знавалъ этого Филоѳея, частенько, бывало, про его слезы разсказывалъ... Не знаешь про тѣ слезы?.. Слушай!.. Іонина обитель вто̀поры первою обителью по всему Керженцу была, іонинскій игуменъ былъ ровно архіерей надо всѣми скитами и мужескими и женскими... А это оттого, что отовсюду христолюбцы деньги на раздачу по скитамъ къ Іонинымъ присылали, вотъ какъ теперь къ сестрицѣ моей любезной присылаютъ... Оттого она

теперь у нихъ и за патріарха... Право!.. Спроси хоть ее самоё!.. А тогда по той же причинѣ все ихнее житіе было у іонинскаго игумна въ рукахъ. Поступилъ къ нимъ Филоѳей не то изъ Москвы, не то изъ Слободъ, одно слово — не здѣшній... Ладно, хорошо... Пріѣзжаетъ онъ во свою честную обитель... Глядять, старецъ постный, строгаго житія, какъ есть подвижникъ, отъ юности жены не позна, живучи гдѣ-то въ затворѣ... Казначей былъ у Іониныхъ-то отецъ Парѳеній... Всѣхъ прежнихъ игумновъ въ рукахъ держалъ, слабостямъ ихъ помогая. И сталъ онъ примѣчать, на какую бы удочку этого осетра изловить... Замѣчаетъ старецъ Парѳеній, какъ только про женски обители рѣчь поведется, у отца Филоѳея глаза такъ и запрыгаютъ... Казначей себѣ на усъ, говоритъ ему:—«Отче святый, въ горницахъ у тебя грязненько, не благословишь ли полы подмыть?» Тотъ благословляетъ... А Парѳеній:—«При прежнихъ, говоритъ, игумнахъ дѣвицы полы подмывали, для того и очередь межъ ними водилась. Благослови, отче святый, въ женскія обители нарядъ нарядить». Игуменъ такъ и замахалъ руками: «не хочу, значитъ, не благословляю...» А Парѳеній ему:—«Безъ того нельзя, отче святый, грязи нарастетъ паче мѣры, а полы подмывать дѣло не мужское. ни одинъ послушникъ за то не возьмется. Да къ тому-жъ бѣлицы въ мужскихъ кельяхъ полы подмываютъ споконъ вѣку, съ самаго, значитъ, Никонова гоненья. А стары обычаи преставлять негодится — ропотъ и смущеніе могутъ быть большіе, молва по людямъ пойдетъ — въ Іонинной-де обители новшества возлюбили—въ старинѣ, значитъ, не крѣпки. Подумай объ этомъ, старче Божій, ты человѣкъ новый, нашихъ обычаевъ не знаешь». Нечего дѣлать, согласился игуменъ, но только-что бѣлицы съ шайками въ келью, онъ въ боковушу да на запоръ.—«Эту комнатку, Парѳенію молвилъ, послѣ когда-нибудь...» Зачали дѣвицы полы подмывать, а игуменъ на келейну молитву сталъ... Тутъ извѣстно дѣло — бѣсъ... «Погляди да погляди. дескать, въ замочну дырочку...» Послушался бѣса отецъ Филоѳей, приникъ къ дырочкѣ, взглянулъ — да глаза оторвать и не можетъ. Бѣлицы-то все молодыя, подолы-то у всѣхъ подоткнуты. Сроду Филоѳей такихъ видовъ не видалъ... Поборолъ однако врага, отошелъ отъ двери, прямо къ иконамъ... Молится съ воздыханіями. со слезами. сердцемъ сокрушеннымъ, уничиженнымъ, даровалъ бы ему Господь силу и крѣпость противу демонскаго стрѣлянія... А бѣсъ-отъ его распаляетъ — помолится-помолится старецъ да и къ дырочкѣ... Приходитъ наутрѣ другого дня Парѳеній, говоритъ игумну:—«Ну вотъ, отче святый, теперь у

тебя въ кельяхъ-то и чистенько, а въ боковушѣ какъ есть свиной хлѣвъ, не благословишь ли и тамъ подмыть?» — «Какъ знаешь», — отвѣтилъ игуменъ, а самъ за лѣстовку да за умную молитву *). — «Боковуша невеличка, — молвилъ Парѳеній: — достаточно будетъ и одной...» Отвѣчаетъ игуменъ: — «Какъ знаешь». — «Такъ я пóдъ вечеръ наряжу, святый отче...» А игуменъ опять то же слово: — «Какъ знаешь!..» На другой день поутру опять къ нему отецъ Парѳеній приходитъ, глядитъ, а игуменъ такъ и рыдаетъ, такъ и разливается-плачетъ... Парѳеній его утѣшать: — «Что-жъ, говоритъ, отче святый, — вѣдь это не грѣхъ, а токмо паденіе, и святые отцы падали, да угодили же Богу покаяніемъ... Чего тутъ плакать-то?.. До тебя игумны бывали, и съ тѣми то же бывало... Не ты, отче, первый, не ты и послѣдній!..» А отецъ Филоѳей на отвѣтъ ему: — «Дуракъ ты, дуракъ, отецъ Парѳеній!.. О томъ развѣ плачу?.. О томъ сокрушаюсь?.. До шестого десятка я дожилъ... не зналъ...»

— Искушеніе, — опустя очи, воскликнулъ Василій Борисычъ. А самому завидно.

Долго шла межъ пріятелей веселая бесѣда... Много про керженски скиты разсказывалъ Патапъ Максимычъ, подъ конецъ такъ разговорился, что женскій полъ одна за другой вонъ да вонъ. Первая Груня, дольше всѣхъ Фленушка оставалась. Василій Борисычъ часто говорилъ привычное свое «искушенье!», но въ душѣ и на умѣ бродило у него иное, и охотно онъ слушалъ, какъ Патапъ Максимычъ на старости лѣтъ расходился.

Глава десятая.

Правду говорилъ удѣльный голова Алексѣю... Раньше трехъ дёнъ Патапъ Максимычъ гостей не пустилъ. И кумъ Иванъ Григорьичъ съ Груней, и Михайла Васильичъ съ Ариной Васильевной, и матушка Манеѳа съ келейницами, и московскій посолъ Василій Борисычъ волей-неволей гостили у него три дня и три ночи.

— Тому дѣлу нельзя быть, чтобъ раньше трехъ дёнъ гостей отпустить... Сорочины что̀ именины — до троихъ сутокъ роспуску нѣтъ, — говорилъ Патапъ Максимычъ на неотступныя просьбы тосковавшаго по перепеламъ Михайлы Васильича.

— Уѣхали-жъ городецкіе, отпустилъ ты и городскихъ го-

*) Умная молитва — мысленная, безъ словъ.

стей,—молилъ голова гостепріимнаго своевольника:—яви божескую милость, отпусти и меня съ Ариной Васильевной.

— Гость гостю рознь—иного хоть брось, а съ другимъ радъ бы вѣкъ свѣковать,—отвѣчалъ на тѣ слова Патапъ Максимычъ.—Со двора съѣхали гости дешевые, а вы мои дорогіе—ложись, помирай, а раньше трехъ дёнъ отпуска нѣтъ.

— Повѣрь же Богу, Патапъ Максимычъ,—вздумалъ продолжать удѣльный голова.—Нужныя дѣла по приказу есть, непремѣнно надо мнѣ домой поспѣшать.

— Пустыхъ рѣчей говорить тебѣ не приходится,—отрѣзалъ тысячникъ.—Не со вчерашняго дня хлѣбъ-соль водимъ. Знаешь мой обычай—задурятъ гости да вздумаютъ супротивъ хозяйскаго хотѣнья со двора долой, найдется у меня запоръ на ворота... И радъ бы полетѣлъ, да крылья подпѣшены *). Попусту разговаривать нечего: сиди да гости, а насчетъ отъѣзда изъ головы выкинь.

И должны были гости покориться волѣ Патапа Максимыча. Было-бъ напраснымъ трудомъ спорить съ нимъ. Не родился тотъ на свѣтѣ, кто бы переспорилъ его.

И томился тоской Михайла Васильичъ, поглядывая на плававшія въ воздухѣ длинныя пряди тенетника и на стоявшіе густыми столбами надъ хлѣбомъ и покосами толкунцы **). Тянуло его къ сѣтямъ да къ дудочкамъ—хоть бы разокъ полежать въ озимяхъ до Нефедова дня... Да что подѣлаешь съ своеобычнымъ пріятелемъ? Хоть волкомъ вой, а гости до трехъ дёнъ у Чапурина.

Иной выливаетъ горе слезами, другой топитъ его въ зеленомъ винѣ, Патапъ Максимычъ думалъ размыкать печаль въ веселой бесѣдѣ съ пріятелями. Не было къ нему ближе людей Ивана Григорьича съ Михайлой Васильичемъ—то были други вѣрные, пріятели извѣданные, познавъ ихъ Чапуринъ и въ горѣ и въ радостяхъ, и въ счастьѣ и въ печаляхъ. И хотѣлось ему съ ними развѣять мрачныя думы, душу свою хотѣлось ему отвести... Новый знакомецъ тоже по нраву пришелся... Но Василій Борисычъ человѣкъ молодой, къ тому-жъ за скиты и за всяко духовное дѣло стоитъ черезъ мѣру, оттого и тѣшился надъ нимъ Патапъ Максимычъ, оттого и поддразнивалъ его затѣйными разсказами про житье-бытье старцевъ и келейниковъ лѣсовъ Чернораменскихъ.

Шутитъ Чапуринъ веселыя шутки, трунитъ надъ Васильемъ

---

*) Подпѣшить—сдѣлать птицу пѣшею посредствомъ обрѣзки крыльевъ.
**) Толкунцы или толкачи—рои мошекъ.

Борисычемъ; добродушное лицо его сіяетъ сердечною радостью... Но нѣтъ-нѣтъ, а вдругъ отколь ни возьмись—налетитъ хмара темная, потускнѣетъ ясный взоръ отца горемычнаго, замлѣетъ говорливый языкъ, и смолкнетъ Патапъ Максимычъ, вспоминая красотку свою ненаглядную, покойницу Настю-голубушку, и слеза, какъ хрусталь, засверкаетъ на рѣсницахъ его... Смолкнуть и други-пріятели, глядя на хозяина, потупятъ очи рѣчистыя, зная, чѣмъ повѣяло на душу Патапа Максимыча... Но недолгомъ времени ровно ото сна воспрянетъ онъ: опять за шутки, опять за издѣвки надъ Васильемъ Борисычемъ. Про скиты рѣчь поведетъ, про Бѣлую-Криницу, зачнетъ путемъ, сведетъ на смѣховое дѣло, пойдетъ балагурить насчетъ бѣглаго священства да австрійскаго архіерейства, насчетъ келейнаго житія, уставовъ, повѣрій, скитскихъ преданій... Патапъ Максимычъ былъ истый великоруссъ: набожникъ, ревностный къ вѣрѣ отцовъ богомольникъ, но великій суесловъ: а какъ расходится да разгуляется, и отъ кощунства не прочь... Сидя въ сосѣдней боковушѣ, въ ужасъ приходила мать Аркадія, слыша, какъ потѣшался онъ надъ Васильемъ Борисычемъ... Въ душевномъ смятеньи вполголоса читала она псаломъ царя Давида: «Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ».

Василій Борисычъ въ споры... Нельзя же московскому послу оставаться безъ отвѣта, слушая такія рѣчи; нельзя не показать ревности по древлему благочестію. Но съ Патапомъ Максимычемъ спорить не то, что съ другимъ — много надо имѣть и ума и умѣнья, чтобъ свое защитить и ему понаровить. Другой словъ бы не нашелъ для разговоровъ съ Чапуринымъ, но Василій Борисычъ на обхожденье съ такими людьми былъ ловокъ, умѣлъ къ каждому подладиться и всякое дѣло обработать по-своему... Оставшись подросткомъ по смерти сначала зажиточныхъ, потомъ разорившихся родителей, круглый безродный сирота, обширной начитанностью, знаньемъ церковнаго устава и пѣнія обратилъ онъ на себя вниманье рогожскихъ поповъ, уставщиковъ и попечителей часовни... И въ самомъ дѣлѣ былъ онъ великій начетчикъ, старинныя книги какъ свои пять пальцевъ зналъ; имѣя же острую память, многое изъ нихъ цѣлыми страницами читалъ наизусть, такъ, бывало, и рѣжетъ... Но, читая старыя книги, и новыми онъ не брезговалъ, не открещивался отъ нихъ, какъ другіе старовѣры, напротивъ, любилъ ихъ читать и подчасъ хорошее слово изъ нихъ въ рѣчь свою вставить. Сильные своимъ вліяньемъ тузы московскаго старообрядства дорожили такими людьми и уважали Василья Борисыча за острый умъ и об-

ширныя позналья... Не разъ извѣдавъ ловкость его, стали посылать его въ разныя мѣста по духовнымъ дѣламъ, и, куда, бывало, ни пошлютъ, всюду онъ порученье исполнитъ на славу. Это ему, бѣдному человѣку, не только хорошій хлѣбъ давало, но даже доставило возможность купить въ Сыромятникахъ *) хорошенькій домикъ и сколотить себѣ небольшой капиталецъ. Большое богатство могъ бы скопить, да страстишка въ немъ завелась — карты возлюбилъ... Ни трынка, ни горка, ни новоявленная макао не везли Василью Борисычу... А какъ былъ онъ по пословицѣ «несчастливъ въ игрѣ да счастливъ въ любви», такъ и на это счастье деньги понадобились и, бывало, изъ кармана, какъ по вешней водѣ, уплывали... А все-таки въ довольствѣ жилъ, бѣдовать ему не доводилось... Главное— съ людьми уживаться умѣлъ... То затѣйникъ, то балагуръ, то скромникъ и строгій постникъ, то бабій прихвостень и дѣвичій угодникъ, былъ онъ себѣ на умѣ: съ кѣмъ ни повстрѣчается, ко всякому въ душу безъ оглобель въѣдетъ, съ кѣмъ бесѣду ни зачнетъ, всякаго на свою сторону поворотитъ...

Съ перваго взгляда онъ насквозь узналъ Патапа Максимыча, понялъ, что это за человѣкъ, и разомъ сумѣлъ къ нему подладиться. Замѣтивъ, что не жалуетъ онъ потаковниковъ, а любитъ съ умнымъ, знающимъ встрѣчникомъ **) поспорить, охотно пускался съ нимъ въ споры, но спорилъ такъ, чтобъ и ему угодить и себя не унизить. Послушаетъ, бывало, мать Манеѳа, либо которая изъ келейницъ, какъ ведетъ онъ рѣчи съ Патапомъ Максимычемъ, сердцемъ умилится, нарадоваться не можетъ... А Патапъ Максимычъ тоже радъ и доволенъ. Ласково поглядываетъ на Василья Борисыча, самодовольно улыбается, а самъ про себя думаетъ: «Вотъ такъ человѣкъ!.. Изъ молодыхъ да ранній—на все горазлъ: и себя огородитъ и старшему понаровитъ!.. Опять же и книженъ. Такихъ начетчиковъ мало мнѣ встрѣчать доводилось. По всему старообрядству такихъ разъ-два, обчелся».

Но не все же шутить да балагурить — надоѣстъ. Досыта натѣшившись надъ скитами и надъ старою вѣрой, на иное Патапъ Максимычъ бесѣду свелъ. Съ Иваномъ Григорьичемъ да съ удѣльнымъ головой пошли у него разговоры про торги да промыслы. Василій Борисычъ и тутъ лицомъ въ грязь себя не ударилъ. Увидѣлъ Патапъ Максимычъ, что и по торговому

*) Одна изъ отдаленныхъ частей Москвы, по близости Рогожскаго кладбища. Въ Сыромятникахъ живетъ немало старообрядцевъ рогожскаго согласія.

**) Встрѣчникъ — противникъ въ спорѣ, иногда врагъ.

дѣлу онъ былъ столько же свѣдущъ, какъ и въ книжномъ писаньи. Исходивъ много странъ, многое видѣлъ на вѣку своемъ Василій Борисычъ, все держалъ на памяти и обо всемъ могъ имѣть свое сужденье. Московскія фабрики, ржевскія прядильни, гуслицкіе ткачи, холуйскіе богомазы, офени-коробейники, ростовскіе огородники, шуйскіе шубники, вичужскіе салфетчики, сапожники-кимряки, пряничники-вязьмичи вдоль и поперекъ были ему извѣстны. Куда ни заносила Василья Борисыча непосѣдная жизнь, вездѣ дружился онъ съ зажиточными старообрядцами. А тѣ по многимъ мѣстамъ держатъ въ рукахъ и торговлю и промышленность. Оттого ему и сподручно было такъ хорошо извѣдать торговое дѣло.

Когда повелись толковые, дѣловые разговоры, Василій Борисычъ въ какой-нибудь часъ времени разсказалъ много такого, чего ни Патапу Максимычу, ни куму Ивану Григорьичу, ни удѣльному головѣ Михайлѣ Васильичу и на умъ до того не вспадало.

Про то разговорились, какъ живется-можется русскому человѣку на нашей привольной землѣ. Михайла Васильичъ, дальше губернскаго города сроду нигдѣ не бывавшій, жаловался, что въ лѣсахъ за Волгой земли холодныя, неродимыя, пашни и покосы скудные, хлѣбные недороды частые: по словамъ его выходило, что крестьянину-заволжанину житье не житье, а одна тяга; не то, чтобы деньги копить, подати исправно нечѣмъ платить.

— А промыслà, — жаловался онъ: — чтò спокон вѣка здѣшній народъ поили-кормили, рушатся одинъ за другимъ. На что ни оглянись, все пóдъ гору катится, все другими перебито. На что славна была по всѣмъ мѣстамъ наша горянщина, и ту изобидѣли: крещане *) у токарей, юрьевцы да кологривцы у ложкарей отбиваютъ работу. Въ прежніе годы изъ нашей Чищи **) валенокъ да шляпа на весь крещеный міръ шли, а теперь катальщики чуть не съ голоду мрутъ... Угораздило крещеныхъ у нѣмца картузъ перенять!.. Отъ саратовскихъ колонистовъ тотъ картузъ по Руси пошелъ и дѣдовску шляпу въ корень извелъ... Прежде въ Чищѣ для каждой стороны особую шляпу работàли: куда шпилёкъ, куда верховку, куда кàшникъ ***), а теперь почитай и валять-то разучились... Хизнула шляпа, остались сапоги съ валенками, и тѣ Кинешма съ Рѣшмой перебиваютъ, а за Кинешмой да Рѣшмой

*) Жители Крестецкаго уѣзда, Новгородской губерніи.

**) Чищею называется безлѣсная полоса вдоль лѣваго берега Волги шириною верстъ на двадцать, двадцать пять и больше.

***) Разные виды русскихъ поярковыхъ шляпъ.

калязинцы *). Красную Рамень взять: прежде на всю Россію вѣсовыя коромысла работала, теперь и этотъ промыселъ сталъ подходить... Нѣтъ, плохое житье стало по нашимъ лѣсамъ!..

— Гнѣвить Бога вамъ нечего, — возразилъ Василій Борисычъ.—Посмотрѣли бы вы, какъ по другимъ-то мѣстамъ люди живутъ, не стали-бъ хаять да хулить свою сторону...

— Сторона наша плохая, хлѣба недороды, иной годъ до Рождества своего хлѣба не хватитъ, — возражалъ удѣльный голова.

— Посмотрѣть бы вамъ, Михайла Васильичъ, каково народъ по тѣмъ мѣстамъ живетъ, гдѣ цѣлу зиму на гумнѣ стоятъ скирды немолоченные, — сказалъ на то Василій Борисычъ.— По вашимъ лѣсамъ послѣдній бѣднякъ человѣкомъ живетъ, а въ степныхъ хлѣбородныхъ мѣстахъ и достаточный хозяинъ заодно со свиньями да съ ѳвцами.

— Ужъ ты наскажешь! только послушать! — сказалъ Михайла Васильичъ.—Какъ же возможно съ овцами да со свиньями жить?.. Не во гнѣвъ твоей милости будь: того и въ посмѣшныхъ пѣсняхъ не поютъ и въ сказкахъ не сказываютъ.

— Въ сказкахъ не сказываютъ и въ пѣсняхъ не поютъ,— молвилъ Василій Борисычъ:—а на дѣлѣ оно такъ. Посмотрѣли бы вы на крестьянина въ хлѣбныхъ безлѣсныхъ губерніяхъ... Онъ домосѣдъ, знаетъ только курныя свои избенки. И если-бъ его на коврѣ-самолетѣ сюда въ ваши лѣса перенесть да поставить не у васъ, Патапъ Максимычъ, въ дому̀, а у любого рядового крестьянина, онъ бы подумалъ, что къ царю во дворецъ попалъ.

— Ну ужъ и къ царю! — самодовольно улыбнувшись, молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Истинную правду вамъ сказываю, — рѣшительно отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Посмотрѣли бы вы на тамошній народъ, посравнили-бъ его со здѣшнимъ, сами бы тоже сказали... Здѣсь любо-дорого посмотрѣть на крестьянина, у самаго послѣдняго бѣдняка изба большая, крѣпкая, просторная, на боку не лежитъ, вѣтромъ ее не продуваетъ, зимой она не промерзаетъ, крыта дранью, топится по-бѣлому, дровъ пали сколько хочешь; у каждаго хозяина чисто, опрятно, и все прибрано по-хорошему... А тамъ избенка малая, низкая, курная, углы морозомъ пробиты, несетъ изъ нихъ, а печку навозомъ либо соломой топятъ... Полъ-отъ въ избѣ земляной, стѣны да потолокъ, что̀ твой уголь. Вмѣстѣ съ людьми и овцы съ

*) Городъ и большое село на Волгѣ въ Костромской губерніи. Калязинъ — городъ Тверской губерніи, тоже на Волгѣ.

ягнятами, и свиньи съ поросятами, и всякая домашняя птица... Корову въ избѣ же доятъ и корму ей тамъ задаютъ...

— Быть того не можетъ!—воскликнулъ удѣльный голова.— Въ жизнь свою не повѣрю, чтобъ корова въ избѣ жила и всякая скотина и птица.

— Побывайте въ степяхъ, посмотрите, — молвилъ Василій Борисычъ. — Да... Вотъ что я вамъ, Михайла Васильичъ, скажу,—продолжалъ онъ, возвыся голосъ:—когда Христосъ сошелъ на землю и принялъ на Себя зракъ рабій, восхотѣлъ Онъ, Владыка, бѣдность и нищету освятить. Того ради избралъ для Своего рождества самое бѣдное мѣсто, какое было тогда на землѣ. И родился Царь Небесный въ тѣсномъ, грязномъ вертепѣ середи скотовъ безсловесныхъ... Поди теперь въ наши степи — что ни домъ, то вертепъ Виѳлеемскій.

— Отчего-жъ это такъ? — въ недоумѣньи спросилъ Михайла Васильичъ.

— Оттого, что земля тамъ родима, оттого, что хлѣба тамъ вдоволь, — съ улыбкой отвѣтилъ московскій посолъ.

— Понять не могу, — разводя врозь руками, молвилъ Михайла Васильичъ. — Хлѣбъ всему голова: есть хлѣбъ — все есть; нѣтъ — ложись, помирай.

— Не всегда и не вездѣ такъ бываетъ, — сказалъ Василій Борисычъ. — Если-жъ въ тѣхъ хлѣбородныхъ мѣстахъ три-четыре года сряду большіе урожаи случатся, тогда ужъ совсѣмъ народу бѣда.

— Какъ такъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ. Удивился и онъ рѣчамъ Василья Борисыча.

— Да очень просто,—отвѣтилъ Василій Борисычъ.—Промыслу нѣтъ никакого, одно землепашество... Хлѣба-то вволю, а мужику однимъ хлѣбомъ не изжить, и на то и на другое деньги ему надобны: и соли купить, и дегтю, и топоръ, и заступъ, и серпы, и косы, да мало-ль еще чего.. У церковниковъ попу надо дать, какъ съ праздныкъ придетъ, за исповѣдь, за свадьбы, за кстины *), за похороны; винца тоже къ празднику надо, а тамъ подати, оброки, разные сборы, и все на чистоганъ. А чистогана, опричь какъ хлѣбомъ, достать нечѣмъ. А хлѣбъ-отъ вези на базаръ, верстъ за двадцать, за тридцать... Сколько тутъ надо прохарчить, сколько времени эти поѣздки возьмутъ, а дороги-то осенью да и лѣтомъ, коли много дождей, не приведи Господи! Въ черноземѣ-то, какъ его разведетъ, телѣга по ступицу грузнетъ, лошаденка насилу тащитъ ее... Что тутъ маяты, что тутъ убытковъ!.. Хорошо, вонъ

*) Крестины.

теперь желѣзны дороги почали строить, степняку отъ нихъ житье невпримѣръ лучше прежняго будетъ, да не ко всякой вѣдь деревнѣ чугунку подведутъ... Хорошо еще, коли хлѣбъ въ цѣнѣ; тогда и приметъ мужикъ маяты, а все-таки управится, и деньги у него въ мошнѣ будутъ. А какъ большіе-то урожаи, да каждый-то годъ, да какъ цѣна-то на хлѣбъ упадетъ!.. По хлѣбнымъ мѣстамъ такая намолвка идетъ: «Перерódъ хуже недороду».

— Поди вонъ оно дѣло-то какое! — удивился Михайла Васильичъ.

— А лѣсу ни прута, — продолжалъ Василій Борисычъ. — Избы чуть не изъ лутошекъ, по мѣстамъ и битыя изъ глины въ чести, топливо — солома, бурьянъ да кизякъ *)... Здѣсь въ лѣсахъ лѣтомъ всѣ въ сапогахъ, зимой въ валенкахъ, тамъ и лѣто и зиму въ однихъ родныхъ лапоткахъ, да еще не въ лычныхъ, а въ веревочныхъ. По здѣшнимъ мѣстамъ мясное-то у мужика не переводится, да и рыбы довольно... Волга пóдъ-бокомъ, а въ хлѣбныхъ мѣстахъ свѣжину только въ Свѣтло Воскресенье ѣдятъ да развѣ еще въ храмовые праздники...

— Чудное дѣло!.. — дивился Михайла Васильичъ.

— По вашимъ мѣстамъ — щи съ навaромъ, крыты жиромъ, что ихъ не видать, а въ хлѣбныхъ мѣстахъ — щи хоть кнутомъ хлещи — пузырь не вскочитъ... — продолжалъ Василій Борисычъ. — Рыбнаго тоже нисколько, рѣчонки тамъ мелкія, маловодныя, опричь пескаря да головля ничего въ нихъ не водится. Бываетъ коренная, да везена та рыба изъ дальныхъ мѣстъ и оттого дорогà... Гдѣ ужъ крестьянину деньги на нее изводить — развѣ поѣстъ немножко на масленицѣ, чтобъ только законъ справить... Хлѣба ѣшь не хочу, брага не переводится, а хоть сыты живутъ, да всласть не ѣдятъ, не то что по вашимъ мѣстамъ. Вотъ каковы они хлѣбны-то мѣста, Михайла Васильичъ!

— Мудрены дѣла Твои, Господи! — молвилъ удѣльный голова и задумался. И, малое время помолчавъ, спросилъ онъ Василья Борисыча:

— Перепеловъ поди, чай, сколь въ хлѣбѣ-то!

— Этого добра вдоволь, — отвѣтилъ Василій Борисычъ: — тьма тьмущая!

— Голосисты? — спросилъ голова.

— Бѣда! — молвилъ Василій Борисычъ.

— Эка благодать!.. — вздохнулъ Михайла Васильичъ. — Сотнями, чать, кроютъ...

---

*) Кизякъ — сухой навозъ, odѣланный въ форму кирпича.

— Оно и выходитъ, что хлѣба много — лѣсу нѣту, лѣсу много — хлѣба нѣту, — вставилъ въ бесѣду рѣчь свою кумъ Иванъ Григорьичъ.

— Не въ лѣсѣ, Иванъ Григорьичъ, сила, а въ промыслахъ, — сказалъ ему на то Василій Борисычъ. — Будь по хлѣбнымъ мѣстамъ, какъ здѣсь, промысла̀, умирать бы не надо...

— Отчего-жъ не заводятъ? Кажись бы, нехитрое дѣло? — спросилъ Иванъ Григорьичъ.

— Оттого и не заводятъ, что хлѣбныя мѣста, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Промысла̀ отъ безхлѣбья пошли, безхлѣбье ихъ породило... Въ разныхъ странахъ доводилось мнѣ быть: чуть не всю Россію объѣхалъ, въ Сибири только не бывалъ да на Кавказѣ, въ Австрійскомъ царствѣ съ бѣлокриницкими отцами до самой Вѣны доѣзжалъ, въ Молдавѣ былъ, въ Туречинѣ. Гробу Господню поклонялся, въ Египетскую страну во славный градъ Александрію ѣздилъ... И вездѣ, гдѣ ни бывалъ, видѣлъ одно: чѣмъ лучше земля, чѣмъ больше ее благодатью Господь надѣлилъ, тѣмъ хуже народу живется. Смотришь, бывало, не надивуешься: родитъ земля всякаго овоща и хлѣба обильно: вино и маслины и разные плоды, о какихъ здѣсь и не слыхивали, а народъ бѣденъ... Отчего?.. Промыслу нѣтъ никакого... Земля-то щедра, всего родитъ вдоволь, уходъ за ней невеликій, человѣкъ-отъ и облѣнился; только-бъ ему на боку лежать, промысла̀ и на умъ ему не приходятъ. А какъ у насъ на Святой Руси холодъ да голодъ пристукнутъ, радъ бы полѣнился, да некогда... И выходитъ: гдѣ земля хуже, тамъ человѣкъ досужѣй, а отъ досужества все: и достатки и богатство...

— А вѣдь это такъ, это онъ дѣло сказываетъ, — кивнулъ Патапъ Максимычъ куму Ивану Григорьичу. — Говорится же вѣдь, что всяко добро отъ Божьяго ума да отъ человѣчья труда.

— Да, — подтвердилъ Василій Борисычъ. — Все трудомъ да пòтомъ люди отъ земли взяли... Первая заповѣдь отъ Господа дана была человѣку: «Въ потѣ лица снѣси хлѣбъ твой...» И вотъ каково благъ, каково премудръ Отецъ-отъ Небесный: во гнѣвѣ на Адама то слово сказалъ, а сколь добра отъ того гнѣвнаго слова людямъ пришло... И наказуя милуетъ родъ человѣческій!..

— Извѣстно... На то Онъ и Богъ, — молвилъ удѣльный голова.

— А скажи-ка ты мнѣ, Василій Борисычъ, какъ по твòему замѣчанью?.. Можно по хлѣбнымъ мѣстамъ промысла̀ развести, али нельзя? — спросилъ у него Патапъ Максимычъ

— Можно-то можно, люди бы только нашлись, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Самому крестьянству на промыслы сразу подняться нельзя... Зачинать ново дѣло русскій человѣкъ не охотникъ, надо ему ко всякому дѣлу допрежь приглядѣться.

— Какъ же завести - то ихъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— А вотъ какъ, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Человѣку съ достаткомъ приглядѣться къ какому ни на есть мѣсту, узнать, какое дѣло сподручнѣе тамъ завести, да, приглядѣвшись, и зачинать съ Божьей помощью. Годъ пройдетъ, два пройдутъ, можетъ статься, и больше... А какъ приглядятся мужики къ работѣ да увидятъ, что дѣло-то выгодно, тогда не учи ихъ — сами возьмутся... Всякій промыселъ такъ зачинался.

— Фабрику, значитъ, поставить, либо заводъ какой? — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Нѣтъ, — возразилъ Василій Борисычъ. — Нѣтъ, нѣтъ, оборони Боже!.. Пущай ихъ по городамъ разводятъ... Фабричный человѣкъ — урви-ухо *), гнилая душа, а мужикъ что̀ куколь: сверху сѣръ, а внутри бѣлъ... Грѣшное дѣло фабриками его на развратъ приводить... Да и то сказать, что на фабрикахъ-то крестьянскими мозолями одинъ хозяинъ сытъ... А друго дѣло то, что фабрика у насъ безъ нѣмца не стоитъ, а отъ этой саранчи крещеному человѣку надо подальше.

— Самое истинное дѣло, — согласился Патапъ Максимычъ.

— Ты ему воли на вершокъ, а онъ, глядь, и всѣмъ завладѣлъ, — вставилъ свое слово Михайла Васильичъ.

— Не фабрики, кустарей по какому ни на есть промыслу разводить — вотъ что̀ надо, — сказалъ Василій Борисычъ. — И примѣръ съ нихъ мужики скорѣе возьмутъ, и вѣры въ тотъ промыселъ будетъ побольше... Да вотъ къ примѣру хоть Вичугу **) взять, отъ здѣшнихъ лѣсовъ не больно далеко, и тамъ земля неродима... До французскаго года ***) ни одного ткача въ той сторонѣ не бывало, а теперь по тремъ уѣздамъ у мужиковъ только и дѣла, что скатерти да салфетки ткать. И фабрики большія завелись, да рѣчь не объ нихъ... По инымъ деревнямъ, что̀ ни домъ, то станъ... Заобихожій ****) круглый годъ за работой; тяглецы, какъ не въ полѣ, тоже за станомъ стоятъ... И что̀ денегъ тѣмъ мастерствомъ добываютъ!.. Какъ живутъ!.. А ка̀къ дѣло-то зачиналось?.. Выискался смышленый человѣкъ съ хорошимъ достаткомъ, нашего согласія былъ, по

*) Плутъ.

**) Кинешемскаго уѣзда, Костромской губерніи.

***) 1812 годъ.

****) Заобихожій — лишній въ домѣ.

древлему благочестію, Коноваловымъ прозывался, завелъ небольшое ткацкое заведенье, съ легкой его руки дѣло и пошло да пошло... И разбогатѣлъ народъ и живетъ теперь лучше здѣшняго... Да мало-ль такихъ мѣстовъ въ Россіи... А вездѣ доброе дѣло однимъ зачиналось!.. Побольше бы Коноваловыхъ у насъ было — хорошо бы народу жилось.

— Да, — промолвилъ Патапъ Максимычъ и крѣпко задумался.

И, когда расходились гости на сонъ грядущій. не сказалъ онъ никому ни единаго слова, но молча трижды расцѣловался съ Васильемъ Борисычемъ.

А уйдя въ боковушу, долго ходилъ взадъ и впередъ, закинувъ руки за спину.

«Слыхалъ и я про Коновалова, — думалъ онъ самъ про себя. — Добромъ поминаютъ его по всему околотку, по всѣмъ ближнимъ и дальнимъ мѣстамъ... Можно про такого человѣка сказать: «Сѣялъ добро, посыпалъ добромъ, жалъ добро, одѣлялъ добромъ, и стало его имя честно и памятно въ родъ и родъ...» Голоднаго накорми, слабому пособи, неразумнаго научи, какъ добро наживать трудомъ праведнымъ,—нѣтъ тѣхъ дѣлъ святѣе передъ Господомъ и передъ людьми... Отъ людей вѣчный поминъ, отъ Господа грѣховъ отпущенье... И въ писаніи сказано: «блаженъ...». Что̀ каменны палаты въ Петербургѣ?.. Что̀ желѣзны дороги да расчистка волжскихъ перекатовъ — коноваловское дѣло превыше всего... И капитала много меньше потребуется... Смогу!.. А смышленъ этотъ Василій Борисычъ!.. Изъ себя маленекъ, годами молоденекъ, а разумомъ и стараго за поясъ заткнетъ... Сынка бы такого разумнаго!.. Не привелъ Господь!.. Что̀ дѣлать?.. На волю Божью не подашь просьбу... А этотъ лучше того долговязаго!.. Острый разумъ!.. И угораздило-жъ его въ бабьи дѣла ввязаться!.. Кельи да старицы, уставы да архіереи!.. Все едино. что вздѣнь сарафанъ да съ дѣвками въ хороводы... Послѣднее дѣло!»

Утромъ третьяго дня сорочинъ Патапъ Максимычъ опять съ гостями бесѣдовалъ. Въ ожиданьи обѣда Никитична въ передней горницѣ закуску имъ сготовила: икры зернистой, балыка донского, сельдей переславскихъ и вяленой розпѣжской *) стерляди поставила. Хрустальные съ разноцвѣтными

*) Розпѣжье — село на лѣвомъ берегу Волги. повыше Васильсурска. Здѣсь весной во время водополья ловятъ много маломѣрныхъ стерлядей и вялятъ ихъ.

водками графины длиннымъ рядомъ стояли на столѣ за тарелками.

— Дивлюсь я тебѣ, Василій Борисычъ, — говорилъ ему Патапъ Максимычъ. — Столько у тебя на всякое дѣло умѣнья, столь много у тебя обо всемъ знанья, а вѣкъ свой коришь надъ крюковыми книгами *), надъ келейными уставами, да шатаешься по бѣлу свѣту съ рогожскими порученностями. При твоемъ остромъ разумѣ не съ келейницами возиться, а торги бы торговать, деньгу наживать и тѣмъ же временемъ бѣдному народу добромъ послужить.

— Всякому человѣку отъ Бога свое дѣло положено, — молвилъ Василій Борисычъ. — Чему обученъ, чему навыкъ, тому дѣлу и долженъ служить. Да можно-ль мнѣ въ торговлю пуститься? Ни привычки ни сноровки.

— Такъ говорить не моги, — перебилъ его Патапъ Максимычъ. — Мы, стары люди, видимъ подальше тебя, больше тебя разумѣемъ. Птичка ты невеличка, да ноготокъ у тебя востеръ. По маломъ времени въ люди бы вышелъ, тысячникомъ бы сталъ, богачомъ.

— Что̀ есть, и того довольно съ меня, — молвилъ Василій Борисычъ. — Не въ богатствѣ сила, въ довольствѣ... Я, слава Богу, доволенъ.

— Доволенъ! — усмѣхнулся Патапъ Максимычъ. — И лягушка довольна, пока болото не пересохло... А ты человѣкъ, да еще разумный. Что̀ въ писаніи-то сказано о невѣрномъ рабѣ, что̀ данный отъ Бога талантъ закопалъ? Помнишь?

— Дѣло-то опасно, — немного подумавъ, молвилъ Василій Борисычъ. — Батюшка-родитель былъ у меня тоже человѣкъ торговый, дѣла большія велъ. Былъ расчетливъ и бережливъ, опытенъ и смѣтливъ... А подошелъ черный день, смѣшались прибыль съ убылью, и пошли бѣда за бѣдой. Въ два года въ домѣ-то стало хоть шаро̀мъ покати... А мнѣ куда передъ нимъ?.. Что̀ я супротивъ его знаю?.. Нѣтъ, Патапъ Максимычъ, не съ руки мнѣ торговое дѣло.

— Напрасно такъ разсуждаешь, — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Добра тебѣ желаючи, прошу и совѣтую: развяжись ты съ этими дѣлами, наплюй на своихъ архіеревъ да на нашихъ келейницъ... Ну ихъ къ шуту!.. На такія дѣла безъ тебя много найдется... Повелъ бы торги, и себѣ добро и другимъ польза.

— Нѣтъ, Патапъ Максимычъ! — молвилъ Василій Бори-

*) Пѣвчія книги. Крюки — старинныя русскія ноты, до сихъ поръ обиходныя у старообрядцевъ.

сычъ. — Такой ужъ несмѣлый я человѣкъ — всего опасаюсь, всего боюсь, опять же привычка... А привычка не истопка*), съ ноги не сбросишь... Боюсь, Патапъ Максимычъ, оченно мнѣ боязно за непривычное дѣло приняться...

— Волка бояться — отъ бѣлки бѣжать, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Не ты первый, не ты будешь и послѣдній... Знаешь пословицу: «смѣлому горохъ хлѣбать, робкому пустыхъ щей не видать»? Бояться надо отпѣтому дураку да непостоянному человѣку, а ты не изъ таковскихъ. У тебя дѣло изъ рукъ не вывалится... Вотъ хоть бы вечоръ про Коновалова помянулъ... Чтобъ тебѣ, дѣломъ занявшись, другимъ Коноваловымъ стать?.. Сколько-бъ тысячъ народу за тебя день и ночь Бога молили!..

— Такого дѣла мнѣ не снести, — молвилъ Василій Борисычъ.

— Отчего? — спросилъ Чапуринъ.

— Не къ лицу пироги разбирать, коли хлѣба нѣтъ, — молвилъ Василій Борисычъ. — Торги да промыслы заводить, надо достатки имѣть, а у меня, — прибавилъ онъ, усмѣхаясь: — двѣ полы, обѣ голы, да и тѣ не свои — подаренныя.

— Нѣтъ капитала, въ долю бы шелъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Такого, какъ ты, всякій съ радостью приметъ.

— Въ супрядкахъ не пряжа, въ складчинѣ не торгъ, — отозвался Василій Борисычъ.

— Это такъ точно, — съ довольной улыбкой подтвердилъ Чапуринъ. — Самъ тѣхъ же мыслей держусь. Складчина послѣднее дѣло... Нѣтъ того лучше, какъ всякій Титъ за себя стоитъ!.. А эти нонѣшни акціи, да компаніи, да еще песъ ихъ знаетъ какія тамъ нѣмецкія штуки — всѣмъ имъ одна цѣна: наплевать.

— Значитъ, ты и артели порочишь, — вступился удѣльный голова.

— Кто ихъ порочитъ! — съ досадой возразилъ Патапъ Максимычъ. — Артель порочить нельзя, артель та же братчина, заведенье доброе; тамъ всѣ другъ по другѣ, голова въ голову, оттого и работа въ артели спора... Я про нынѣшни компаніи помянулъ, ихъ не хвалю. Тутъ нажива только тому, кто дѣло къ рукамъ умѣетъ прибрать... А другимъ пайщикамъ обида одна... Нѣтъ, я такъ совѣтую тебѣ, Василій Борисычъ, шелъ бы ты въ долю къ какому ни на есть богатому да хорошему человѣку: его бы деньги, твое бы умѣнье... Говорилъ ты намедни, что по разнымъ городамъ у тебя большое знакомство... Неужто не сыщется, кто бы тебѣ деньгами пособилъ?..

*) Истопки — изношенные лапти.

— Какъ не сыскаться, — молвилъ Василій Борисычъ. — Есть доброхотовъ довольно.

— Что-жъ ты?

— Просить охоты нѣтъ, — сказалъ Василій Борисычъ.

— А ты попробуй — безъ просьбы нельзя же: дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Ну-ка попробуй...

— Искушеніе! — вполголоса проговорилъ Василій Борисычъ, смиренно поникнувъ головою.

— Что сталъ?.. Пробуй! — упершись въ колѣнки руками и наклонясь къ Василью Борисычу, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Не могу я просить, Патапъ Максимычъ, языкъ не поворотится.

Плюнулъ съ досадой Чапуринъ.

— Сами, что ли, деньги-то тебѣ въ карманъ влѣзутъ? — крикнулъ онъ, выпрямясь во весь ростъ. — Сорока, что ли, тебѣ ихъ на хвостѣ принесетъ?.. Мямля ты этакій, рохля!.. Могъ бы на весь свѣтъ загремѣть, а ему по скитамъ шляться да съ дѣвками по крюкамъ пѣть!.. Бить-то тебя некому!

— Искушеніе!.. — съ глубокимъ вздохомъ, полушопотомъ промолвилъ Василій Борисычъ.

— Добро ему кажутъ, на широку дорогу хотятъ его вывести, а онъ ровно кобыла съ норовомъ, ни туда ни сюда, — шумѣлъ Патапъ Максимычъ. — Сказывай, нѐпуть этакій, много-ль денегъ требуется на разводъ промысловъ, гдѣ-нибудь по близости?.. Ну хоть на Горахъ *), что ли?

— Охъ, искушеніе! — глубже прежняго вздохнулъ Василій Борисычъ. Сроду не случалось бывать ему въ такомъ передѣлѣ...

А Патапъ Максимычъ такъ зашагалъ по горницѣ, что стоявшая на горкахъ посуда зазвенѣла... Вдругъ сталъ онъ передъ Васильемъ Борисычемъ и взялъ его за̀ плечи.

— Получай деньги, Васильюшка, — сказалъ ему: — брось, голубчикъ, своихъ чернохвостыхъ келейницъ да посконныхъ архіереевъ, наплюй имъ въ рожи-то!.. Васильюшка, любезный ты мой, удружи!.. Богомъ тебя прошу, сдѣлай по-моему!.. Утѣшь старика!.. Возлюбилъ я тебя...

— Нѣтъ, ужъ увольте, Патапъ Максимычъ, — собравшись съ духомъ, молвилъ Василій Борисычъ. — Не надо — не могу я вашихъ денегъ принять...

— Дуракъ! — крикнулъ вскипѣвшій гнѣвомъ Чапуринъ и

---

*) На Горахъ. на правомъ берегу Волги.

порывисто вышелъ изъ горницы, хлопнувъ дверью такъ, что окна зазвенѣли.

— Что-жъ ты тревожишь его? — говорилъ Василью Борисычу кумъ Иванъ Григорьичъ. — Видишь, какъ расходился!.. Для че упорствуешь?.. Не перечь... покорись, возьми деньги.

— Не къ рукамъ мнѣ его деньги, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Какой я купецъ, какой торговецъ?.. Опять же не къ тому я готовилъ себя.

— Про то не думай, — внушительно сказалъ ему удѣльный голова. — Патапъ Максимычъ лучше тебя знаетъ, годишься ты въ торговое дѣло, али нѣтъ!.. Ему виднѣе... Онъ, братъ, маху не дастъ, каждаго человѣка видитъ насквозь... И тебѣ бы, Василій Борисычъ, ему не супротивничать, отъ счастья своего не отказываться.

— Охъ, искушеніе! — руками даже всплеснулъ Василій Борисычъ. А самому бѣжать бы, такъ въ пору.

— Нѣтъ, ужъ ты не прекословь, Василій Борисычъ, — продолжалъ уговаривать его Иванъ Григорьичъ. — Потѣшь старика, пожалѣй — добра вѣдь желаетъ тебѣ.

— Да толкомъ же я говорю: не могу того сдѣлать, — чуть не со слезами отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Заводить торговое дѣло никогда у меня на умѣ не бывало, во сняхъ даже не снилось... Помилуйте!..

— Экій ты человѣкъ неуклончивый! — хлопнувъ о полы руками, воскликнулъ Иванъ Григорьичъ. — Вотъ ужъ поистинѣ: въ коробъ нейдетъ, изъ короба не лѣзетъ и короба не отдаетъ... Дивное дѣло!.. Право, дивное дѣло!..

— Стараго человѣка надо уважить, — молвилъ Михайла Васильичъ. — Изъ-за чего ты въ самомъ дѣлѣ разстроилъ его?.. Ну и впрямь, что̀ за охота тебѣ съ келейницами хороводиться?.. Какая прибыль?.. Одно пустое дѣло!..

Подъ эти слова дверь быстро распахнулась, и Патапъ Максимычъ вошелъ въ горницу. Лицо его пылало, потъ крупными каплями выступалъ на высокомъ челѣ, но самъ онъ нѣсколько стихъ противъ прежняго.

— Слушай, — сказалъ онъ, подойдя къ Василью Борисычу и положивъ ему руки на̀ плечи. — Чего торговъ боишься? Думаешь, не сладишь?.. Такъ, что ли?

— Такъ точно, — отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Ладно, хорошо... Будь по-твоему, — сказалъ Патапъ Максимычъ, не снимая рукъ съ плечъ Василья Борисыча. — Ну, слушай теперь: самъ я дѣло завожу, самъ хочу промысла̀ на Горахъ разводить — ты только знаньемъ своимъ помогай!

— Какое-жъ мое знанье, Патапъ Максимычъ? Помилуйте, Господа ради!.. — возразилъ-было Василій Борисычъ.

— Лучше тебя знаю, каково твое знанье, — перервалъ его Патапъ Максимычъ. — Помогай же мнѣ, ступай въ приказчики...

— Охъ, искушеніе! — вздохнулъ Василій Борисычъ.

— Да ну его къ шуту твое «искушеніе». Заладилъ, что сорока Якова, надоѣлъ даже... Идешь въ приказчики?

Молчитъ Василій Борисычъ, мутится взоръ его подъ горячими взглядами Патапа Максимыча.

— Житье на всемъ на готовомъ, жалованья сколько запросишь. Дѣло вести безъ учету, безъ отчету, все какъ сыну родному довѣрю... Что же?.. Чего молчишь?.. Аль языкъ-отъ отсохъ?.. Говори, отвѣчай! — сильно тряся за плечи Василья Борисыча, говорилъ Патапъ Максимычъ.

— Не знаю, что отвѣчать, — тихо промолвилъ Василій Борисычъ... А у самого на умѣ: «Спаси отъ бѣдъ раба Своего, Богородице!».

— Толкомъ спрашиваютъ, толкомъ и отвѣтъ давай! — чуть не на весь домъ крикнулъ Патапъ Максимычъ.

— Дайте сроку... — едва проговорилъ Василій Борисычъ.

— Много ли?

— Недѣль шесть... — сказалъ Василій Борисычъ.

— Долго... — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Меньше нельзя. Чужія дѣла на рукахъ, зря ихъ бросить нельзя, — отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Дѣло сказалъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — А все бы маненько убавить надо...

— Никакъ невозможно, Патапъ Максимычъ, — рѣшительно сказалъ Василій Борисычъ.

— Ну, была не была, — согласился Чапуринъ. — Шесть недѣль такъ шесть недѣль. Будь по-твоему... Только смотри же у меня, не надуй...

— Помилуйте!.. Какъ это возможно!..

А самъ на умѣ: «Только-бъ выбраться по-добру по-здорову».

— Ладно, хорошо, — сказалъ Патапъ Максимычъ. И, обнявъ Василья Борисыча, трижды поцѣловалъ его со щеки на щеку.

— Никитична! — крикнулъ онъ, маленько отворивъ сѣнную дверь.

Кума-повариха вошла въ горницу.

— Ставь-ка намъ, кумушка, смолёну головку холодненькую, — молвилъ ей повеселѣвшій Патапъ Максимычъ.

Кумушка скоро воротилась, неся на желѣзномъ тагильскомъ

подносѣ бутылку шампанскаго съ четырьмя хрустальными стаканчиками.

— Съ новымъ приказчикомъ! — поздравлялъ Чапурина удѣльный голова.

— Съ новымъ торгомъ! — подхватилъ кумъ Иванъ Григорьичъ.

И скорымъ дѣломъ бутылку покончили.

Василій Борисычъ пилъ, но крѣпко задумался.

Глава одиннадцатая.

Обѣдать сѣли. То былъ послѣдній обѣдъ сорочинъ.

Полъ-обѣда не прошло, забренчали на дворѣ бубенчики, колокольчикъ сталъ позвякивать: то Михайлѣ Васильичу стоечныхъ лошадей запрягали. Не терпѣлось ему. Изъ-за стола прямо въ тарантасъ, и во весь опоръ, какъ ѣздятъ только исправники, покатилъ онъ въ Клюкино, чтобъ съ вечера на перепеловъ въ озимя̀хъ залечь... Только сва̀литъ жаръ, сбирался ѣхать кумъ Иванъ Григорьичъ съ Груней; а съ солнечнымъ закатомъ хотѣла отправляться и Манеѳа со старицами, бѣлицами и съ Васильемъ Борисычемъ. Патапъ Максимычъ не на долгое время и Парашу въ Комаровъ отпускалъ, позволялъ даже ей съ матерями съѣздить въ лѣса на богомолье и въ ночь на Владимірскую *) невидимому граду Китежу поклониться... Денька черезъ три хотѣла выѣхать изъ Осиповки и Аксинья Захаровна. Ѣхать думала напередъ къ Грунѣ, а повременя, какъ только Манеѳа изъ Ша̀рпана съ Казанской воротится, къ ней въ обитель. Одному Патапу Максимычу не сидѣть дома, и онъ собрался въ Красную Рамень на мельницы, а оттоль въ городъ.

За обѣдомъ развеселый Патапъ Максимычъ объявилъ во услышанье, что къ первому Спасу **) будетъ у него новый приказчикъ, и что съ нимъ онъ новы торговы дѣла на Горахъ заведетъ. И, сказавъ, показалъ на Василья Борисыча. Молніей сверкнули черныя очи Манеѳы... Переглянулись бѣлицы и старицы, съ недоумѣньемъ взглянула на мужа Аксинья Захаровна, вздохнула и покорно опустила глаза... Ни съ того ни съ сего зардѣлась Прасковья Патаповна, а бойкая, разудалая Фленушка, взглянувъ на нее, а потомъ на склонившагося надъ тарелкой Василья Борисыча, улыбнулась лукавой улыбкой... На этотъ разъ Устинья Московка за тѣмъ же столомъ обѣдала, сидѣла рядомъ съ игуменьей. Ровно гро-

*) Іюля 23-го.
**) Августа 1-го.

момъ оглушили ее слова Патапа Максимыча. багрецомъ подернулись щеки, поблѣднѣли алыя губы, заблестѣли очи искрами палючими, и слезинки, что росинки, засверкали на длинныхъ рѣсницахъ ревнивой канонницы. Никто ни, слова, ни звука... И любо было Патапу Максимычу, что всѣхъ огорошилъ вѣстью нежданною. Повелъ разговоры:

— По нонѣшнимъ временамъ человѣку съ достаткомъ и стыдъ и грѣхъ на печи сложа руки сидѣть... Не по-старому жить приходится, не въ кубышку деньги копить да зарывать ее въ подпольѣ либо подъ угломъ избы... Ходъ да просторъ возлюбили нонѣ денежки... Къ тому-жъ и Господь повелѣлъ, себя помня, ближняго не забывать... Теперь по милости Божіей по околотку сотня-другая людей вкругъ меня кормится, и я возымѣлъ такое желаніе, чтобъ, нажитаго трудами капитала не умаляя, сколь можно больше народу работой кормить. довольство бы по бѣднымъ людямъ пошло и добрая жизнь... Благословилъ бы только Господь...

— Господь повелѣлъ богатому нищей братьѣ имѣнье раздать и по Немъ идти, — истово и учительно. но рѣзко сказала Манеѳа, пріосанясь и величаво взглянувъ на брата.

— Ту заповѣдь и держу въ помышленьи, — молвилъ онъ.

— «Нищія всегда имате съ собою» — рекъ Господь, — продолжала игуменья, обливая брата сдержаннымъ, но строгимъ взглядомъ. — Чѣмъ ихъ на Горахъ-то искать, вокругъ бы себя оглянулся... Посмотрѣлъ бы, по ближности нѣтъ ли кого взыскать милостями... Недалёко ходить, найдутся люди, что постомъ и молитвой низведутъ на тебя и на весь домъ твой Божіе благословеніе, умолятъ о вѣчномъ спасеніи души твоей и всѣхъ присныхъ твоихъ.

— Никакъ на своихъ чернохвостницъ мекаешь? — насмѣшливо молвилъ Патапъ Максимычъ. — Нѣтъ, матушка, шалишь-мамонишь — съ жиру взбѣситесь!.. Копейки не дамъ!

— Вольному воля! — понизивъ голосъ, отвѣтила Манеѳа. — Господь призритъ на нища и убога — проживемъ и безъ твоихъ милостей.

— Ну и живите, только другихъ не корите, — молвилъ Патапъ Максимычъ и, обратясь къ Ивану Григорьичу и удѣльному головѣ, прибавилъ: — Эка, подумаешь, бездонная кадка эти келейницы!.. Засыпь ихъ кормомъ поверхъ головы, одно вопятъ: «Мало, еще подавай!».

— Не суесловь, безумный! — возвысила голосъ Манеѳа. — Забылъ, что всяко праздно слово на послѣднемъ судѣ взыщется?

— Много-жъ тебѣ съ твоими келейницами отвѣтовъ-то придется давать тогда, — усмѣхнулся Патапъ Максимычъ. —

Вѣдь у вашей сестры, что ни слово, то вранье, либо сплетня какая.

— Безумное слово, нечестивая рѣчь!.. — вспыхнула мать Манеѳа, но тотчасъ же стихла. Не слыхать ея голоса больше.

И, не внимая усерднымъ потчеваньямъ Аксиньи Захаровны, не вкушала она отъ сладкихъ брашенъ, сготовленныхъ Никитичной. Глядя на свою матушку, и старицы съ бѣлицами воздержались отъ ястія и питія, хоть и было это имъ за великую досаду. Только Фленушка съ Марьюшкой, какъ не ихъ дѣло, кушали во славу Божію... Устинья Московка не ѣла, рвалось и кипѣло у ней сердце, мутился разумъ. Чуя недоброе, глазъ не спускала она съ Василья Борисыча и зорко стерегла, не взглянетъ ли онъ на хозяйскую дочь... Но онъ сидѣлъ, ровно къ смерти приговоренный... Молчитъ, потупя очи, и тоже ни единой яствы не касается... Собравшись съ духомъ, спросила у мужа Аксинья Захаровна, что за дѣла вздумалъ онъ на Горахъ заводить. Не отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. Не взглянулъ даже на сожительницу.

Проводили удѣльнаго голову, проводили и Груню съ Иваномъ Григорьичемъ. Манеѳа спѣшно въ путь снаряжается. Узелкамъ, коробкамъ, укладочкамъ да сундучкамъ у келейницъ ни конца ни счету: у каждой старицы, у каждой бѣлицы свой дорожный обиходъ. Опричь перинъ да подушекъ, надо весь скарбъ собрать и въ повозки покласть... А тутъ подоспѣли Парашины сборы. Въ одинъ чемоданъ всего не убрать, другой прихватили... Одного платья что брала... Платки левантиновые, двѣ шали турецкія, лентъ въ косу десятка два, передники всякіе, рукава, сарафановъ дюжины полторы: ситцевые для прохлады, шерстяные для обиходу, шелковые для наряду — въ часовню аль при гостяхъ надѣть. Нельзя же Парашѣ безъ дорогихъ нарядовъ — не простая дѣвица въ скиты ѣдетъ, — одна единственная дочка Патапа Максимыча.

Сидя въ бывшей Настиной свѣтлицѣ, молча глядѣла Манеѳа, какъ Фленушка съ Устиньей Московкой укладывали пожитки ея въ чемоданы. Вдругъ распахнулась дверь изъ сѣней, и вошелъ Патапъ Максимычъ, одѣтый по-домашнему: въ широкой рубахѣ изъ алаго канауса, опоясанной шелковымъ поясомъ, вытканнымъ въ подарокъ отцу покойницей Настей. Поглядѣлъ онъ на укладыванье, поглядѣлъ на Манеѳу, почесалъ слегка голову и молвилъ сестрѣ:

— Ну, ты, спасена душа, подь-ка ко мнѣ въ боковушу...

И медленно вышелъ вонъ изъ свѣтлицы.

Еще того медленнѣй поднялась съ мѣста Манеѳа; не про-

молвивъ ни слова, неспѣшною поступью пошла она вслѣдъ за братомъ.

— Садись и ты... Чего стоять-то?.. Не выростешь, — сказалъ вошедшей въ боковушу игуменьѣ сидѣвшій за столомъ и раскладывавшій по пачкамъ деньги Патапъ Максимычъ.

Сѣла напротивъ брата Манееа. Оба ни слова.

— Сколько здѣсь съ тобой старицъ? — спросилъ онъ.

— Уставщица мать Аркадія, да мать... — начала-было Манееа.

— Счетомъ сказывай, — перервалъ Патапъ Максимычъ.

— Три, — сказала Манееа.

— Бѣлицъ?

— Двѣнадцать. Фленушка тринадцатая.

— Чортова дюжина! — усмѣхнулся Патапъ Максимычъ, отсчитывая деньги. — Сколько теперь у тебя въ обители всего-навсего старицъ и сколько бѣлицъ?

— Тридцать четыре старицы, безъ одной пятьдесятъ бѣлицъ, — отвѣчала Манееа.

— Сколько во всемъ Комаровѣ васъ живетъ? Огуломъ сказывай, — спрашивалъ Патапъ Максимычъ, отсчитывая новую пачку.

— Лицевыхъ семьсотъ двадцать пять да двѣсти не писанныхъ*), — отвѣчала Манееа.

— Бѣглыхъ, попросту сказать. Что̀ мало? — усмѣхнулся Патапъ Максимычъ.

— Всякая съ пачпортомъ, только-что въ спискахъ не значится. У родныхъ гостятъ, — молвила матушка Манееа.

— Знаемъ, какъ онѣ у васъ — у родныхъ-то гостятъ!.. — опять усмѣхнулся Патапъ Максимычъ и, отложивъ другую пачку, спросилъ сестру: — Много-ль обителей по другимъ скитамъ?

— Въ Улангерѣ двѣнадцать, въ Оленевѣ... — начала-было Манееа.

— Чохомъ говори, — перервалъ ее братъ.

— Дай срокъ смекнуть, — молвила Манееа и, посчитавъ, сказала: — пятьдесятъ обителей.

Патапъ Максимычъ опять сталъ деньги считать. Оба молчали. Затѣмъ, подвигая къ сестрѣ пачку за пачкой, сталъ говорить:

— Старицамъ, что̀ здѣсь съ тобой, по синей, бѣлицамъ по зеленой, эту красну особе Фленушкѣ дай. Да безъ огласки смотри... Въ твою обитель по зеленой на старицу, по полу-

*) То-есть не записанныхъ въ полицейскіе списки.

тора цѣлковыхъ на бѣлицу. А эта красная на твоихъ обительскихъ трудниковъ... Вотъ тебѣ еще пятьсотъ цѣлковыхъ въ раздачу на Комаровскія обители. Слишкомъ по полтинѣ серебра на душу придется, раздавай какъ знаешь, въ кою обитель больше, въ кою меньше, тебѣ лучше знать... Это на комаровскихъ сиротъ, а это на другіе скиты, по десяти цѣлковыхъ на обитель, — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Куда больше, куда меньше, твое дѣло... Да смотри, Настасью бы поминать не лѣнились... Припасовъ кой-какихъ завтра тебѣ съ работникомъ пришлю... А вотъ сто рублей на Прасковьины гостины. Ей не говори, что далъ... А это тебѣ,—прибавилъ Патапъ Максимычъ, придвигая пять сотенныхъ къ Манееѳ.

— Благодарю покорно, — молвила игуменья, вставъ и низко поклонившись брату. — Дай-ка мнѣ бумажку да перышко, запишу, сколько куда назначилъ. Не то забуду. Послѣ болѣзни памятью что-то стала я хуже.

Не говоря ни слова, придвинулъ Чапуринъ къ сестрѣ бумагу, перо и чернилицу, а самъ зачалъ мѣрить горницу крупными шагами. Манееа медленно записывала раздачу.

Кончивъ запись, подняла она голову и молвила брату:

— Можно съ тобой путемъ потолковать, Патапушка?

— Говори, — отрѣзалъ Патапъ Максимычъ и, не взглянувъ на сестру, продолжалъ ходить взадъ и впередъ по горницѣ.

— На саму на Троицу недобрыя вѣсти дошли до насъ, — начала Манееа. — Пишутъ Дрябины изъ Питера: бѣда грозитъ.

— Рѣшать думаютъ? — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ пишутъ благодѣтели, — подтвердила Манееа. — Шлютъ, слышь, изъ Питера самыхъ набольшихъ чиновниковъ, станутъ-де они Оленевски обители переписывать, не строены-ль которы послѣ воспрещенья. И которы найдутъ новыми, тѣ тутъ же и порѣшатъ — запечатаютъ...

— А найдется такихъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ не найтись? — отвѣтила Манееа. — Воспрещенью-то теперь болѣ тридцати годовъ, а какъ полъ-Оленева выгорѣло — и пятнадцати не будетъ. Новыхъ-то, послѣ пожару ставленныхъ обителей чуть не половина... Шарпанъ тоже велѣно осмотрѣть, а онъ тоже весь новый, тоже послѣ пожара строенъ. Казанску Владычицу изъ Шарпана-то велѣно, слышь, отобрать... И по всѣмъ-де скитамъ такая же будетъ переборка, а которы не лицевыя, тѣхъ, слышь, всѣхъ по своимъ мѣстамъ, откуда пришли, разошлютъ...

— Слышалъ я про то. И мнѣ писали... Дѣло неладное... Опять же на грѣхъ подъ это самое время отецъ-отъ Михаилъ съ воромъ Стуколовымъ подвернулись.

Потупила очи Манефа и торопливо опустила на них креповую наметку.

— Видно, куда ни кинь, везде клин, — продолжал Патап Максимыч, подойдя к окну и зорко приглядываясь к чернѣвшей вдали опушкѣ лѣса. — Такія строгости, каких не бывало!.. А все сами виноваты. Жили бы смирненько, никто бы вас не тронул... А то вздумали церковников к себѣ залучать да безпаспортных, архіерея выдумали, с чужестранными царствами сноситься зачали. Вот и попали в перекрестную, что ни дохнуть ни глотнуть... С одной стороны — вы-то ужь больно пространно жить захотѣли, а с другой — начальство, ровно муха его укусила.

— Съѣздить бы тебѣ, Патапушка, к губернатору, попросить бы от него милостей... — молвила брату Манефа.

— Ничего тут губернатор не подѣлает, — отвѣтил Патап Максимыч. — Был у меня с ним насчет вас разговорец. Со всяким бы, говорит, моим удовольствіем, да не могу; власти, говорит, такой не имѣю... Извѣстно, хоть и губернатор, а тоже под начальством живет, и его по головкѣ не погладят, коль не сдѣлает того, что̀ сверху ему приказано.

— Может, потянул бы в нашу пользу, коли бы ты-то хорошенько ему покланялся, — молвила Манефа.

— Да как же ему в вашу-то пользу тянуть, когда самому за то отвѣт придется давать? — сказал Патап Максимыч. — Когда можно было — в просьбах мнѣ не отказывал.

— Ох, Владычица, Царица Небесная! — вздохнула игуменья.

— И про то пытал я у губернатора, — продолжал Патап Максимыч: — нельзя ли вам как-нибудь с тѣми чиновниками повидѣться, чтобы, знаешь, видѣли не видали, слышали не слыхали... И думать, говорит, про то нечего, не такіе люди.

— Полно, Патапушка, всѣ одного кустика вѣтки, всѣх одним дождичком мочит, одним солнышком грѣет, — сказала Манефа. — Может, и с ними льзя по-доброму да по-хорошему сладиться. Я бы, кажись, в одной свиткѣ осталась, со всѣх бы икон ризы сняла, только бы на старом мѣстѣ дали вѣк свой дожить... Другія матери тоже ничего бы не пожалѣли... Опять же и благодѣтели нашлись бы, они-б не оставили...

— Пустое городишь, — перервал ее Чапурин. — Не исправник в гости сбирается, не становой станет кельи

твои осматривать. То вспомни: куда эти питерскіе чиновники ни пріѣзжали, вездѣ послѣ нихъ часовни и скиты зорили... Иргизъ возьми, Лаврентьевъ монастырь, Стародубскія слободы... Тутъ какъ ни верти, а дошелъ, видно, чередъ и до здѣшнихъ мѣстовъ... Чтò же ты, какъ распорядилась на всякій случай?

— Да я казначею мать Таифу на другой же день въ Москву и въ Питеръ послала, — отвѣчала Манеѳа. — Дрябину Никитѣ Васильичу писала съ ней, чтобы Громовы всѣми мѣрами постарались отвести бурю, покланялись бы хорошенько высшимъ властямъ; Громовы ко всѣмъ вельможамъ вѣдь вхожи, съ министрами хлѣбъ-соль водятъ.

— Ничего тутъ и Громовы не подѣлаютъ. Не такое время, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Охъ, ужъ и Никита-то Васильичъ твои же рѣчи мнѣ отписываетъ, — горько вздохнула Манеѳа. — И онъ пишетъ, что много старанія Громовы прилагали, два раза обѣдами самыхъ набольшихъ генераловъ кормили, праздникъ особенный на дачѣ имъ дѣлали, а ни въ чемъ успѣха не получили. Все, говорятъ, для васъ рады сдѣлать, а насчетъ этого дѣла и не просите, такой, дескать, строгій о старовѣрахъ указъ вышелъ, что теперь никакой министръ не посмѣетъ ни самой малой ослабы попустить...

— Вотъ видишь, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Незачѣмъ было тебѣ и Таифу гонять... Въ Москву-то чтò съ ней наказывала?

— А послала я съ ней въ Москву главную нашу святыню: пять иконъ древнихъ, три креста съ мощами, десятка четыре книгъ, которы порѣдкостнѣй.

— Чѣмъ такую даль ѣхать, ко мнѣ бы могла свезти, и у меня-бъ сохранны были, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Думала я про то, Патапушка, думала, родной. Чего бы ближе, какъ не къ тебѣ, да вотъ чего, признаться, поустрашилась. Какъ пойдутъ, думаю, у насъ переборы да обыски, хоть и узнàютъ, что святыня въ Москву отправлена, все-таки ее не досягнуть... Москва-то велика, а кому отдана святыня, знаемъ только я да матушка Таифа, да вотъ тебѣ еще на смертный случай повѣдаю: Гусевымъ... А чтобъ къ тебѣ свезти, того поопàсилась — люди узнàютъ, совсѣмъ вѣдь скрыть этого невозможно; ну какъ, думаю, грѣхомъ питерскіе-то чиновники отъ какой-нибудь болтуньи про то свѣдаютъ, такъ чего добраго, пожалуй, и къ тебѣ нагрянутъ съ обыскомъ... Самъ посуди...

— Чтò дѣло, то дѣло. Распорядки твои хороши, — молвилъ

Патапъ Максимычъ. — А насчетъ себя какъ располагаешь, коли разгонятъ васъ?

Манеѳа не отвѣчала.

— Хоть мы съ тобой вѣкъ бранимся, а уголъ тебѣ у брата всегда готовъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Бери заднюю, и моленная въ твоей, значитъ, будетъ власти, поколь особаго дома на задахъ тебѣ не поставлю. Егозу свою привози. Фленушку-то... Еще кого знаешь, человѣкъ съ пятокъ прихвати. Авось сыты будете.

— Много благодарна за твои милости, Патапушка, — отвѣтила Манеѳа. — Только ужъ я, не поставь во гнѣвъ, на̀ этотъ счетъ маленько не такъ распорядилась. Въ Иргизѣ и по другимъ мѣстамъ, гдѣ начальство обители разоряло, всѣхъ тамъ жившихъ разсылали по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ по ревизіи они приписаны, и изъ тѣхъ мѣстъ всѣмъ имъ выѣздъ на всю останную жизнь былъ заказанъ. Какъ было тамъ, такъ, надо полагать, и у насъ будетъ. А вѣдь и я, и Фленушка, и другія кой-кто изъ обители къ нашему городку приписаны. Ходу, значитъ, намъ изъ него до̀ смерти не будетъ... Потому и пріискала я въ городу̀ мѣстечко дворовое и располагаю тамъ строиться... Кожевниковыхъ домъ, чать, знаешь, крайній къ солянымъ амбарамъ, его покупаю, да по сосѣдству еще четыре мѣстечка желательно прикупить: на имя Фленушки одно, на имя матери Таифы другое, третье Виринеюшкѣ, а четвертое матери Аркадіи.

— Значитъ, ты въ городу̀ новый скитъ расплодишь, — усмѣхнулся Патапъ Максимычъ.

— Ну, ужъ ты, батька, и скитъ!.. Чего ни скажетъ! — тоже улыбнувшись, молвила Манеѳа. — Сиротское дѣло, Патапушка, по-сиротски и будемъ жить... А ты ужъ на-ка поди: скитъ!

— Ну, заводись, заводись, стройся, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Дозволятъ, чай, скитско-то строенье въ городъ свезти?

— По другимъ мѣстамъ дозволяли, — отвѣчала Манеѳа.

— Стало-быть, только мѣсто купить да плотникамъ за работу?

— Только, — подтвердила Манеѳа.

— Что̀ за мѣста-то просятъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да за всѣ-то за пять мѣстовъ больше тысячи цѣлковыхъ.

— Счетомъ сказывай.

— Да тысячу двѣсти, — сказала Манеѳа.

— Получай, — вотъ тебѣ тысяча двѣсти, — сказалъ Патапъ Максимычъ, подвигая къ сестрѣ деньги. — За Настю только

хорошенько молитесь... Это вамъ отъ нея, голубушки. Молитесь же!.. Да скорѣй покупай; мѣста-те, знаю ихъ, хорошія мѣста, земли довольно. А строиться зачнешь — молви... Плотникамъ я же, ради Настасьи, заплачу́... Только старый уговоръ не забудь: ни единому человѣку не смѣй говорить, что деньги отъ меня получаешь.

— Помню, родной, помню... — молвила Манееа, пряча деньги въ карманъ.

— Ну, теперь дѣлу шаба́шъ, ступай укладывайся, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Да смотри у меня за Прасковьей-то въ оба, больно-то ба́ловаться ей не давай. Дѣвка тихоня, спать бы ей только, да на то полагаться нельзя — дѣвичій разумъ, что̀ храмина непокровенна, со всякой стороны вѣтру мѣсто найдется... Дѣвка молодая, кровь-то играетъ — отъ грѣха, значитъ, на вершокъ, потому за ней и гляди... Въ лѣсахъ на богомольѣ пущай побываетъ, пущай и въ Китежъ съѣздитъ, только чтобъ опричь старицъ никого съ ней не было, изъ мо̀лодцевъ то-есть.

— Василій Борисычъ со старицами въ лѣса да на Китежъ располагалъ съѣздить, — молвила Манееа.

— Этотъ ничего... — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Василій Борисычъ человѣкъ иной стати... Его опасаться нечего. Чтобы московскихъ скосырей да казанскихъ хахалей тутъ не было — вотъ про что говорю. Они къ тебѣ больно часто наѣзжаютъ...

— Благодѣтели... — молвила Манееа.

— То-то благодѣтели!.. Чтобы духу ихъ не было, пока Прасковья у тебя гоститъ, — строго сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Будь спокоенъ, Патапушка, будь спокоенъ, ухраню, уберегу, — увѣряла его Манееа. — Да вотъ еще что̀ хотѣла я у тебя спросить... Не прими только за обиду слово мое, а по моему разсужденью грѣхъ бы тебѣ отъ Господней-то церкви людей отбивать.

— Это кого? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да хоть бы того же Василья Борисыча. Служитъ онъ всему нашему обществу со многимъ усердіемъ; гдѣ какое дѣло случится, все онъ да онъ, все его да его, куда надо, посылаютъ. Сама матушка Пульхерія пишетъ, что нѣтъ у нихъ другого человѣка ни изъ старыхъ ни изъ молодыхъ... А ты его сманиваешь... Грѣхъ чинить обиду Христовой церкви, Патапушка!.. Знаешь ли, къ кому церковный-отъ насильникъ причитается?..

— Къ кому? — слегка улыбнувшись, спросилъ Патапъ Максимычъ.

— А вотъ къ кому — слушай, — молвила Манеѳа и медленно, немного нараспѣвъ прочитала: «Аще кто хитростію преобидѣти восхощетъ церкви Божіи: аще грады или села, или лугове, или озера, или торжища, или одрины, или люди купленные въ домы церковные, или виноградъ, или садове, и вся какова суть отъ церковныхъ притяжаній...»

Манеѳа пріостановилась.

— Что̀ стала? Дочитывай, — молвилъ Патапъ Максимычъ. Не впервой доходилось ему слушать читаемыя сестрой статьи изъ Устава или Стоглава.

— «Первѣе: еже Святыя Троицы милости, егда предстанемъ страшнему судищу, да не узритъ, — продолжала Манеѳа, смотря въ упоръ на Патапа Максимыча: — второе же: да отпадетъ таковой христіанскія части, яко же Іуда отъ двунадесятаго числа апостолъ; къ сему же и клятву да пріиметъ святыхъ и богоносныхъ отецъ».

— Значитъ, по-твоему Василій-отъ Борисычъ — купленный рабъ? — съ усмѣшкой молвилъ Патапъ Максимычъ. — Кто-жъ его покупалъ?

— У тебя, Патапушка, все смѣхи да шутки. Безъ издѣвокъ ты ни на часъ... Ты ему дѣло, а онъ шутки да баламутки, — сказала Манеѳа.

— А ты, спасёна душа, не отлынивай, держи отвѣтъ на то, про что спрашиваютъ. Это вѣдь ты изъ Стоглава мнѣ вычитала, знаемъ и мы тоже маненько книжно-то писанье... Тамъ про купленныхъ людей говорится... Сказывай же по ряду: кто купилъ Василья Борисыча, у кого, и какая цѣна за него была дадена? — продолжалъ шутить Патапъ Максимычъ.

— Въ Стоглавѣ не про однихъ купленныхъ въ церковны домы людей говорится... Тамо сказано: «И вся, какова суть отъ церковныхъ притяжаній», — сдержанно, но съ досадой молвила Манеѳа.

— Притяжаніе-то что̀ означаетъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ. — То же, что̀ стяжаніе, имущество, значитъ... Такъ развѣ онъ не человѣкъ, по-твоему, а имущество, вотъ какъ этотъ столъ, аль эта рубаха, аль кони да коровы, не то деньги?.. Крещеный человѣкъ можетъ развѣ притяжаніемъ быть?.. Не дѣло толкуешь, спа̀сенница.

— Съ тобой, батька, не сговоришь. У тебя ужъ нравъ такой, — молвила Манеѳа. — А что, отбивая Василья Борисыча отъ церкви, чинишь ей обиду — въ томъ сумлѣнья не имѣй. Дашь отвѣтъ предъ Господомъ!.. Увидишь!..

— Ладно, хорошо. Это ужъ мое дѣло, — сказалъ Патапъ

Максимычъ. — Авось отмолимся, васъ же найму грѣхи-то замаливать.

— Суесловъ! — недовольнымъ голосомъ сказала Манеѳа, вставая со стула. — Я ужъ пойду, надо собираться, ѣхать пора. Благодаримъ покорно. — примолвила она, низко поклонясь брату, и съ этимъ словомъ тихо вышла изъ боковуши.

Оставшись одинъ, долго взадь и впередъ ходилъ Патапъ Максимычъ. «Ишь какое слово молвила, — думалъ онъ. — Церковное притяжаніе!.. Чего только эти келейницы ни вздумаютъ!.. Человѣка къ скоту аль къ вещи какой бездушной примѣнила!.. А туба не дура — понимаетъ, каковъ онъ есть человѣкъ... Дорожитъ... Жаль отпустить... На Москвѣ-то какъ взбѣсятся!.. То-то начитаютъ мнѣ!.. И въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, къ церковнымъ татямъ причтутъ!.. Да ну ихъ совсѣмъ!.. Не дѣтей крестить... Чтò мнѣ Москва?.. Плевать!.. А съ Васильемъ такихъ дѣловъ надѣлаемъ, что всѣмъ за удивленье станетъ!.. На Горахъ новы промыслà разведемъ, Божьему народу хлѣбъ-соль дадимъ!.. Довѣку не забудутъ Патапа Чапурина!.. Какіе же бы промыслà-то завести?.. Приглядѣться надо, говоритъ, чтò будетъ сподручнѣе... Ну, да это его дѣло... Выдумывай!.. А уменъ, песъ на него лай!.. Вотъ сынокъ-отъ будетъ, такъ ужъ сынокъ!.. Не Алешкѣ чета... А что-то онъ сердечный?..»

Жаръ свалилъ. По вечерней прохладѣ двинулись келейные гости изъ Осиповки. Въ восьми повозкахъ ѣхали. Въ каждой по двѣ, въ иной и по три келейницы сидѣло: всѣхъ впереди мать Манеѳа съ Васильемъ Борисычемъ, за ними Параша съ Фленушкой, потомъ Марьюшка головщица съ уставщицей Аркадіей, потомъ другія матери и бѣлицы, сзади всѣхъ мать Лариса съ Устиньей. Неразговорчива была съ дѣвицами и къ тому же сонлива мать Лариса, а Устинья молчала со злости и досады на то, что ѣдетъ въ скитъ Прасковья Патаповна, что поѣдетъ она на богомолье съ Васильемъ Борисычемъ, и что мать Манеѳа, пожалуй, съ ними ее не отпуститъ.

Зато въ двухъ переднихъ повозкахъ разговоры велись несмолкаемые. Фленушка всю дорогу тараторила, и все больше про Василья Борисыча. Любила поспать Прасковья Патаповна, но теперь всю дорогу глазъ не свела — любы показались ей Фленушкины разговоры. И много житейскаго тутъ узнала она, много такого, чего прежде и во снѣ ей не грезилось.

Мать Манеѳа всю дорогу съ Васильемъ Борисычемъ пробесѣдовала. Говорили больше про намѣренье Патапа Максимыча взять его къ себѣ въ приказчики.

— Что-жъ, Василій Борисычъ? Неужто и въ самомъ дѣлѣ покинешь ты дѣло Божье? — спрашивала его Манефа.

— И самъ еще не знаю, матушка, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Силомъ вырвалъ онъ изъ меня слово... Допрежь того никогда и въ умъ мнѣ не прихаживало, чтобъ торговымъ дѣломъ займоваться... Такъ присталъ, такъ присталъ, что самъ не знаю, какъ согласье далъ... Ровно въ туманѣ въ ту пору я былъ.

— Онъ хоть кого отуманитъ. Его на то взять, — молвила Манефа. — Любого заговоритъ, и не хочешь — согласье дашь. Такой ужъ человѣкъ, Господь съ нимъ... Какія-жъ твои мысли на счетъ этого, Василій Борисычъ? — поправляясь на пуховикѣ, сказала Манефа.

— Не могу еще теперь ничего сказать, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Шесть недѣль — время... Успѣю обдумать.

— Конечно, шести недѣль достаточно, — сказала Манефа. — А по теперешнимъ-то твоимъ мыслямъ, куда больше склоняешься?

— Не знаю, какъ вамъ доложить, матушка, — уклончиво отозвался Василій Борисычъ. — И Патапа-то Максимыча оскорбить нежелательно, потому что человѣкъ онъ добрый, хоть и востеръ на языкъ бываетъ, да и московскихъ не хочется въ досаду ввести — Петра Спиридоныча, Гусевыхъ, Мартыновыхъ... А ужъ отъ матушки Пульхеріи что̀ достанется, такъ и вздумать нельзя!..

— Ты людей поминаешь, о Богѣ-то хоть маленько подумай, — сказала Манефа. — Передъ Богомъ-то право ли поступишь, ежели церковны дѣла покинешь?.. Вотъ о чемъ вспомяни: о душевномъ своемъ спасеніи, а Гусевы да Мартыновы что̀?.. Сила не въ нихъ.

— Очень ужъ вы меня возвышаете, матушка, паче мѣры о моихъ кой-какихъ церковныхъ послугахъ заключаете, — послѣ недолгаго молчанія отвѣтилъ Василій Борисычъ. — На эти дѣла много людей смышленѣй да поумнѣй меня найдется.

— Этого не говори. Намъ виднѣе, — сказала Манефа. — За смиренныя рѣчи хвалю, а все-таки помяну, что уничиженіе бываетъ паче гордости.

— Охъ, искушеніе! — воскликнулъ Василій Борисычъ.

— Вотъ хоть теперешнюю твою порученность взять. Напередъ говорить не стану — принимать новаго владыку аль не принимать, — въ Петровъ день на собраньи соборный отвѣтъ дадимъ тебѣ... А теперь вотъ о чемъ хочу я спросить у тебя, Василій Борисычъ: назови ты мнѣ хоть единаго человѣка, который бы лучше тебя могъ это дѣло устроить? Кто лучше

тебя можетъ церковный миръ водворить, смятенія, несогласія утишить, всякаго на истинный путь направить? Наперечетъ знаю всѣхъ рогожскихъ уставщиковъ и другихъ книжныхъ людей тоже знаю. По именамъ называть не стану, осуждать не годится, а прямо тебѣ скажу, что врядъ ли можно кому такое дѣло препоручить. Иной книженъ и начитанъ, да слабостью одержимъ — испиваетъ. Другой разуменъ и дѣло церковное, пожалуй, не хуже твоего сумѣетъ обдѣлать, да утроба несытая, за хорошія деньги не токмо церковь, самого Христа продастъ... У иного вѣтеръ въ головѣ — ради женской красоты и себя и дѣло забудетъ... А иной нравомъ не годится: либо высокоуменъ и спесивъ не въ мѣру, либо крутъ и на языкъ невоздерженъ... Правду, аль нѣтъ говорю, Василій Борисычъ?

— Охъ, искушеніе! — молвилъ онъ. — Не смущайте вы меня, матушка... Неужто и въ самомъ дѣлѣ свѣтъ клиномъ сошелся, неужто во всѣхъ нашихъ обществàхъ только и есть одинъ я пригодный человѣкъ? Найдется, матушка, много лучше меня.

— Да гдѣ они, гдѣ? — съ жаромъ возразила Манеѳа. — Укажи, назови хоть одного. Нынче, другъ мой Василій Борисычъ, ревностныхъ-то по Бозѣ людей мало — шатость по народу пошла... Не Богу, мамонѣ всякъ больше служитъ, не о душѣ, о карманѣ больше радѣютъ... Воистину, какъ древле Израиль въ Синайской пустыни — «сотвориша тельца изъ злата литаго и рекоша: сей есть богъ».

Не отвѣчалъ Василій Борисычъ на Манеѳины рѣчи. А она, помолчавъ, продолжала:

— И что̀ ты станешь дѣлать у Патапа? Промыслы на Горахъ, говоритъ онъ, хочу разводить... А какіе промысла̀, самъ не знаетъ. Нравомъ-то онъ у насъ больно упрямъ, заберетъ что̀ въ голову, дубиной не вышибешь. И что̀ ему больше перечить, то хуже. Вотъ такъ и теперь... Вздумалъ что-то несодѣянное да, не обсудивши дѣла, ну людей смущать, отъ Божьяго дѣла ихъ отвлекать... Я, Василій Борисычъ, отъ міра хоша и отреклась, но близкихъ по плоти, грѣшница, не забываю. Потому, о пользахъ брата радѣючи, всякаго успѣха ему желаю и завсегда о томъ Бога молю... А ежели онъ ради житейскихъ стяжаній вздумалъ теперь нужныхъ церкви людей къ себѣ переманивать, тутъ я ему не споспѣшница и не молитвенница... Потому и совѣтую тебѣ и Богомъ тебя прошу: не прельщайся ты его словами, не ломай совѣсти — пребудь вѣренъ дѣлу, тебѣ данному, не промѣняй церкви Божіей на Патапа... О душѣ подумай, Василій Борисычъ, о вѣчномъ спасеніи.

— Все это, матушка, я очень хорошо и самъ могу понимать, — сказалъ Василій Борисычъ. — Чего лучше того, какъ Господу служить? Но вѣдь я, матушка, высоко о себѣ не полагаю и никакъ не могу вмѣнить въ правду вашихъ обо мнѣ словъ, будто я церкви ужъ такъ надобенъ, что безъ меня и обойтись нельзя... Это вы только по своей добротѣ говорите... А Патапа Максимыча оскорбить мнѣ тоже нежелательно, хоть и онъ обо мнѣ тоже ужъ больно высоко задумалъ, чего я и не стою... А по душѣ признаться, откровенно вамъ доложить, матушка, и боязно мнѣ огорчать-то его... Не оставитъ онъ втунѣ, если поперекъ его воли пойдешь, а я человѣкъ маленькій, къ тому же несмѣлый, меня обидѣть не то что Патапъ Максимычъ, всякій можетъ.

— Нечего тебѣ бояться, — возразила Манеѳа. — Сегодня здѣсь, завтра уѣхалъ... Гдѣ онъ тебя возьметъ?

— Э, матушка! — молвилъ Василій Борисычъ. — У Патапа Максимыча рука долга, на днѣ моря достанетъ.

— Да вѣдь ты не беззаступенъ! — сказала Манеѳа. — Гусевы, Мартыновы, Досужевы въ обиду не дадутъ.

— Не дадутъ! — горько улыбнувшись, молвилъ Василій Борисычъ. — Мало вы знаете ихъ, матушка, московскихъ-то нашихъ тузовъ!.. Какъ мы съ Жигаревымъ изъ Бѣлой-то Криницы пріѣхали, что̀ они тогда?.. Какую засту̀пу оказали?.. Ввѣкъ того не забуду...

— А что̀ такое? — спросила Манеѳа.

— Да вотъ что̀, — началъ свой разсказъ Василій Борисычъ. — Въ самое то время, какъ мы ѣздили за границу, проживалъ въ Москвѣ Бѣлокриницкаго монастыря настоятель, отецъ архимандритъ Геронтій. За сборомъ въ Россію былъ посланъ, деньги на построенье соборнаго храма, утварь всякую церковную, облаченья, иконы древнія собиралъ отъ христолюбцевъ для митрополіи... Провѣдали о немъ, и велѣно было взять его, какъ только изъ Москвы со всѣмъ своимъ сборомъ выѣдетъ... А мы ѣдемъ себѣ обратно, ничего не вѣдаемъ и совершенно спокойны... Въ Тулѣ узнали, что Геронтій подъ карауломъ, а по Москвѣ строгіе розыски идутъ насчетъ переписки съ митрополіей... Слышимъ, старообрядцы всѣ въ тревогѣ... Мы, конечно, испугались, думали не ѣхать въ Москву, а напередъ написать да спроситься, что̀ дѣлать... Послали письмо, отвѣту не дождались, а на словахъ посланный отъ тѣхъ, что̀ насъ посылали, сказалъ: «Дѣлайте, что̀ хотите, — мы васъ никуда ни посылали, знать васъ не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ». Вотъ оно каково, матушка!.. Подумали мы, подумали — что̀ дѣлать, что̀ предпринять?.. И положились

во всемъ на Божью волю: что будетъ, то и будь — поѣхали. А подъѣзжая, въ сторону взяли на Кожухово и, не заѣхавши въ Москву, прямо на Рогожское. Сдали миро и другую святыню, что привезли, да въ городъ. Къ тому придемъ, къ другому, кто насъ посылалъ-то, а они сторонятся, ровно чуму мы съ собой завезли. «Нашли, говорятъ, время, когда воротиться! До васъ ли теперь. Не смѣйте, говорятъ, и къ домамъ нашимъ близко подходить, мы васъ никогда не знали и никуда не посылали!» Такъ вотъ они каковы заступники-то!.. Вотъ какова надежда на нихъ, матушка!..

Негодованье разлилось по лицу Манеоы. Молчала она. Нечего было сказать на слова Василья Борисыча. Онъ продолжалъ:

— Когда мирно да тихо, когда отъ правительства ослаба — высоко тогда они мостятся, рукой не достать, глазомъ не вскинуть. «Мы-ста да мы-ста!.. Мы обчество!.. Первостатейные!..» А чуть понахмурилось — совсѣмъ иные станутъ: подберутъ брызжи, подожмутъ хвосты и глядятъ, что волкъ на псарнѣ... И тогда у нихъ только о самихъ себѣ забота — ихъ бы только чѣмъ не тронули, о другомъ и заботы нѣтъ; все тони, все гори, — пальцемъ не двинутъ... Эхъ, матушка, мало вы ихъ знаете!.. Петръ апостолъ трижды отъ Христа отрекся, а наши-то столпы, наши-то адаманты благочестія разъ по тридцати на дню отъ вѣры во время невзгодъ отрекаются... Да и не токмо во время невзгодъ, завсегда то же дѣлаютъ... Знакомство съ господами имѣютъ, жизнь проводятъ по-ихнему. Спросятъ господа: «Зачѣмъ-де вы, люди разумные, въ старой своей вѣрѣ пребываете?». Отречься нельзя; всякъ знаетъ, чего держатся, что-жъ они дѣлаютъ?.. Смѣются надъ древлимъ-то благочестіемъ, глупостью да бабьими враками его обзываютъ. «Мы-де потому старой вѣры держимся, что это нашимъ торговымъ дѣламъ полезно»... А другой и то молвитъ: «Давно было-де оставилъ я эти глупости, да нельзя, покамѣстъ старики живы — дяди тамъ какіе, али тетки... Наслѣдства-де могутъ лишить»... Вотъ какъ они поговариваютъ... А вѣдь это, матушка, сторицею хуже, чѣмъ петровски Христа отречься страха ради іудейска...

— Неужто вправду ты говоришь, Василій Борисычъ? — взволнованнымъ голосомъ спросила Манеоа.

— Какъ передъ Богомъ, матушка, — отвѣтилъ онъ. — Что мнѣ? Изъ-за чего мнѣ клепать на нихъ?.. Мнѣ бы хвалить да защищать ихъ надо; такъ и дѣлаю вездѣ, а съ вами, матушка, я по всей откровенности — душа моя передъ вами, какъ передъ Богомъ раскрыта. Потому вижу я въ васъ ве-

ликую по вѣрѣ ревность и многія добродѣтели... Мало теперь, матушка, людей, съ кѣмъ бы и потужить-то было объ этомъ, съ кѣмъ и поскорбѣть о паденіи благочестія... Вы ужъ простите меня Христа ради. что я разговорами своими, кажись. васъ припечалилъ.

— О, Господи долготерпѣливый и многомилостивый! — вздохнула Манеѳа.

— Вы думаете, матушка, что, устрояя церковныя эти дѣла. вотъ хоть насчетъ архіерейства что ли, или насчетъ другого чего, изъ ревности по вѣрѣ они такъ поступаютъ? — продолжалъ Василій Борисычъ. — Нисколько, матушка, о томъ они и не думаютъ... Большія деньги изводятъ, много на себя хлопотъ принимаютъ изъ одного только славолюбія, изъ-за одной суетной и тщетной славы. Чтобы, значитъ, передъ людьми повыситься... Не вѣра имъ дорога, а хвала и почести. Изъ-за нихъ только и ревнуютъ... Ваше же слово молвлю: мамонѣ служатъ, златому тельцу поклоняются... Про нихъ и въ писаніи сказано: «Богъ ихъ — чрево».

Скорбныя думы о паденіи благочестія въ тѣхъ людяхъ, которыхъ жившая въ лѣсахъ Манеѳа считала незыблемыми столпами старой вѣры и крѣпкими адамантами, до глубины всколебали ея душу... Не говорила она больше ничего Василью Борисычу насчетъ поступленья его въ приказчики къ Патапу Максимычу: ни отговаривала ни уговаривала. Замолчала она, не заговаривалъ и Василій Борисычъ... Молча доѣхали въ самую полночь до Комарова.

«И что это, что это съ нами будетъ? — думала Манеѳа, выйдя изъ повозки и взглянувъ на чернѣвшую въ ночномъ сумракѣ часовню. — Извнѣ бѣды, бури и напасти; внутри нестроеніе, раздоры и крайнее паденіе вѣры... О, Господи!.. Ты единая надежда въ печаляхъ и озлобленіяхъ... устрой вся во славу имени Своего, устрой, Господи, не человѣческимъ мудрованіемъ, но ими же вѣси путями».

Потомъ, прощаясь съ Васильемъ Борисычемъ, у входа въ свою келью, тихонько шепнула ему:

— Ты, Василій Борисычъ, никому не говори, про что мы съ тобой бесѣдовали... Зачѣмъ смущать?

— Вполнѣ понимаю, матушка, — отвѣчалъ онъ также шопотомъ. — Какъ можно?.. Слава Богу, не маленькій.

— То-то, смотри, поостерегись, — молвила Манеѳа и, пожелавъ гостю спокойнаго сна, низко поклонилась ему и отправилась въ келью...

Было ужъ поздно, не пожелала игуменья говорить ни съ кѣмъ изъ встрѣтившихъ ее старицъ. Всѣхъ отослала до утра.

Хотѣла ей что-то сказать мать Виринея, но Манеѳа махнула рукой, примолвивъ: «Послѣ, послѣ». И Виринея покорно пошла въ келарню.

Глава двѣнадцатая.

Когда Марья Гавриловна воротилась съ Настиныхъ похоронъ, Таня узнать не могла «своей сударыни». Такая стала она мрачная, такая молчаливая.

Передрогло сердце у Тани. «Что̀ за печаль,—она думаетъ:— откуда горе взялось?.. Не по Настѣ же сокрушаться да тоской убиваться... Иное что̀ запало ей на̀ душу».

Двѣ недѣли прошло... Грустная, ко всему безучастная Марья Гавриловна вдругъ оживилась, захлопотала, и что̀ ни день, то дѣлалась суетливѣе. За то дѣло хватится, за другое примется, — ни того ни другого не додѣлаетъ. То битый часъ сидитъ у окна и молча глядитъ на дорогу, то изъ угла въ уголъ метаться зачнетъ либо безо всякой видимой причины порывистыми рыданьями зарыдаетъ. Путнаго слова не можетъ Таня добиться — по̀пусту гоняетъ ее Марья Гавриловна туда и сюда, приказываетъ съ нетерпѣньемъ, отсылаетъ съ досадой... Спроситъ о чемъ ее Таня — промолчитъ, ровно не слыхала, либо дастъ отвѣтъ невпопадъ. По ночамъ вздыхаетъ, тоскуетъ: станетъ поу̀тру Таня постель оправлять, думка *) хоть выжми — мокрехонька вся. И каждый день хуже да хуже — таетъ Марья Гавриловна, ровно свѣча на огнѣ.

«Лихіе люди изуро̀чили **),—думаетъ Таня, не зная, чѣмъ инымъ растолковать необычные поступки и странныя рѣчи Марьи Гавриловны. — Либо прі̀тку ***) по̀ вѣтру на нее пустили, либо слѣдъ ея изъ земли вынули». Какъ тому горю пособить, кому суро̀чить °) съ «сударыни» злую бо̀лѣсть, лиходѣями напущённую?

Слыхала Таня, что по сосѣдству съ Каменнымъ Вражкомъ въ деревнѣ Елфимовѣ живетъ знахарка — тетка Егориха, и что пользуетъ она отъ уро̀чныхъ °°) скорбей, отъ призора очесъ °°°) и отъ всякихъ иныхъ злою ворожбой напускае-

*) Думка — маленькая подушка, подкладываемая по̀дъ щеку.

**) Изуро̀чить— колдовствомъ навести на человѣка болѣзнь, испортить.

***) Прі̀тка — посредствомъ порчи напущенная болѣзнь съ обмороками, безпричинными рыданіями и истерическими припадками.

°) Суро̀чить — знахарскими заговорами снять напущенную на человѣка болѣзнь.

°°) Урокъ — порча.

°°°) Призоръ очесъ, сглазъ — порча, про̀исходящая отъ взгляда недобрымъ глазомъ.

мыхъ на людей недуговъ. Заговоръ ли отчинить, порчу ли снять, кумоху-ль *) отогнать, при рѣзахъ, порубахъ кровь остановить, другое-ль знахарство какое понадобится — всѣ деревенскіе теткѣ Егорихѣ кучатся и всегда отъ нея пользу видятъ... Но въ честныхъ обителяхъ скита Комаровскаго знахарку не жаловали. Матери келейницы распускали про Егориху славу нехорошую — она-де съ нечистой силой знается, рѣшилась-де креста и молитвы и душу свою самому Сатанѣ предала. Отъ кобей и волхвованій Егорихи честныя старицы святыми молитвами скитъ ограждали, а бѣлицамъ строго-на-строго наказывали не то что говорить съ нею, не глядѣть даже на кудесницу, угрожая за ослушаніе помстою **) отъ Господа... При каждомъ упоминаньи имени знахарки, крестясь и на лѣвую сторону отплевываясь, старицы одна рѣчистѣй другой чудныя дѣла про нее разсказывали... Говорили, что водится Егориха и съ лѣсною, и съ водяною, и съ полевою нечистью, знается со всею силой преисподнею, чернымъ ворономъ летаетъ подъ облаки, щукой-рыбою въ водахъ плаваетъ, сѣрой волчицей по полямъ рыскаетъ... Отъ нея. еретицы, улетаютъ птицы въ высь поднебесную, отъ нея уходитъ рыба въ яры-омуты, отъ нея звѣри бѣгутъ въ трущобы непроходныя... Разъ, сидя въ келарнѣ на посидкахъ у матери Виринеи, уставщица Аркадія при Танѣ разсказывала, что сама она своими глазами видѣла, какъ къ Егорихѣ летунъ ***) прилеталъ... «Осенью было дѣло, — говорила она: — только-что кочета полночь опѣли ****), засидѣвшись у Глафириныхъ, шла я до свой обители и въ небѣ летуна запримѣтила... Красёнъ, что каленый уголь, не меньше добраго гуся величиной, тихо колыхаясь, плылъ онъ по воздусямъ и надъ самой трубой Егорихиной кельи разсыпался кровяными мелкими искрами»... Кривая мать Измарагда, изъ обители Глафириныхъ, однажды зашедшая со своими бѣлицами къ Манеѳинымъ на бесѣду, съ клятвой увѣряла, что разъ подстерегла Егориху, какъ она въ горшкѣ ненастье стряпала... «Сидя на берегу рѣчки у самаго мельничнаго омута,—разсказывала Измарагда:—колдунья въ воду пустые горшки грузила: оттого сряду пять недѣль дожди лили неуёмные, сиверки дули холодные, и въ тотъ годъ весь хлѣбъ пропалъ — не воротили на сѣмена...» А еще однажды при

---

*) Кумоха — лихорадка.

**) Помста — наказаніе, мщеніе.

***) Летучій воздушный духъ, огненный змѣй.

****) Кочетъ — пѣтухъ. Первые кочета «полночь опѣваютъ», вторые (передъ зарей) «чертей разгоняютъ», третьи (на зарѣ) «солнышко на небо зовутъ».

Танѣ же приходила въ келарню изъ обители Разсохиныхъ вѣчно растрепанная, вѣчно дрожащая, съ камилавкой набоку, мать Меропея... Та клялась всѣми угодниками, что видѣла, какъ раннимъ утромъ въ день Благовѣщенья черти Егориху, ровно шубу къ Петровки, провѣтривали: подняли вѣдьму на воздуси и долгое время держали внизъ головою, срамъ даже смотрѣть было. Хоть мать Меропея паче мѣры любила слезу іерусалимскую *), однако и черницы и бѣлицы повѣрили ея розсказнямъ... И мало-ль чего ни судачили по скитамъ про елфимовскую знахарку... И молоко-то она изъ чужихъ коровъ выдаиваетъ, и спорынью-то изъ хлѣба выкатываетъ, и грозы-то и бури нагоняетъ, и градъ-отъ и мòлость **) напускаетъ, и на людей-то порчу посылаетъ... «Правда, иной разъ и снимаетъ она болѣсти,—прибавляли матери:—но тутъ же на иныхъ людей переводитъ... А на какого озлобится, оборотитъ того въ звѣря либо въ птицу какую... Егориха молода овдовѣла и въ прежни годы съ паренькомъ любилась. Жилъ онъ у язвицкихъ ямщиковъ въ работникахъ, а самъ былъ дальній, съ Горъ, изъ-за Кудьмы. Подарила ему Егориха конька да кобылку, и сталъ паренекъ отъ себя хозяйствовать, на своихъ лошадкахъ ямскую гоньбу гонять. И гонялъ онъ на тѣхъ лошадушкахъ три года съ тремя мѣсяцами... Чтò же вышло?.. Ѣздилъ парень на родномъ батюшкѣ да на родной матушкѣ...» Озлобилась за что-то Егориха на родителей своего полюбовника да въ лошадей ихъ на три года съ тремя мѣсяцами и оборотила... «Чтò стоитъ такой вѣдьмѣ надъ человѣкомъ пагубу стрясти, — толковали келейницы: — коли мѣсяцъ съ неба красть умѣетъ, а солнышко круторогимъ мѣсяцомъ ставить».

Не то про Егориху по селамъ и деревнямъ говорили. Тамъ добрая слава ходила про нее, тамъ ее любили и чтили великимъ почетомъ. Отъ всякихъ болѣзней она пользовала травами и кореньями, снимала порчу заговòрами, и все съ крестомъ да съ молитвою. Опять же за то любили ее, что была она не корыстная — за лѣчьбу ли, за другое ли чтò подарятъ ее, возьметъ съ благодарностью, а сама ни за что на свѣтѣ не попроситъ. Знали про нее и то, что много тайной милостыни раздаетъ она, много творитъ добра потаеннаго... Слушая, чтò толкуютъ скитскія матери про добрую знахарку, не въ шутку по деревнямъ на нихъ серчали. «Поглядѣли-бъ онѣ, пустобайки чернохвостыя, — говорили мужики деревенскіе: —

*) Въ скитахъ и вообще въ Кèрженскихъ и Чернораменскихъ лѣсахъ «іерусалимской слезой» въ шутку называютъ водку.

**) Мòлостьемъ за Волгой зовутъ ненастье, слякоть, мокрую и вѣтряную погоду.

поглядѣли-бъ, какъ наши ребятишки любятъ Егориху, а въ младенцѣ душа ангельская, къ бѣсовской нѣчисти развѣ можно ей льнуть?»

Родомъ будучи дальняя, живучи безвыходно въ обители, не слыхала Таня, какія рѣчи въ мiру ведутся про Егориху, а страшныхъ разсказовъ отъ обительскихъ старицъ вдоволь наслушалась. Келья елфимовской знахарки представлялась ей бѣсовскимъ вертепомъ, исполненнымъ всякихъ страховъ и злыхъ чарованій, а сама знахарка—горбатою, безобразною старухой съ кошачьими глазами, свиными клыками и совинымъ носомъ. То думалось Танѣ — сидитъ Егориха на змѣиной кожѣ, варитъ въ кипучемъ котлѣ разныхъ гадовъ, машетъ надъ ними чародѣйной ширинкой и кличетъ на помощь бѣсовъ преисподней... То представлялось ей, какъ Егориха, верхомъ на помелѣ, быстрѣй стрѣлы несется по воздуху, какъ въ глухую полночь копаетъ на кладбищѣ могилы, а оттуда въ лѣсъ бѣжитъ и тамъ ровно куръ да гусей — змѣй подколодныхъ на кормежку скликаетъ... Какихъ страховъ про знахарку на обительскихъ бесѣдахъ Таня ни наслушалась!.. Какихъ чудесъ ни насказали ей болтливыя келейницы!..

Думаетъ Таня: кромѣ тетки Егорихи такихъ людей, кто-бъ умѣлъ прiтку сурочить, по близости нѣтъ... Какъ же быть?.. Молвить Марьѣ Гавриловнѣ, позвала бы къ себѣ знахарку?.. Не захочетъ съ вѣдьмой хороводиться *). Да и то взять — приведешь ее сюда, послѣ, пожалуй, съ нѣчистью не развяжешься... Ну какъ приманишь къ себѣ бѣсовскую силу?.. Ну какъ летунъ прилетитъ да разсыплется по нашимъ горницамъ огненными искрами?.. Ну какъ по ночамъ вкругъ домика демоны зачнутъ на сходку сбираться да треклятыя свои мечтанія **) заведутъ: гѣлки и клики, безстудныя скаканія, неистовые свисты и топоты ножные, и вой, и гудѣніе, и мерзкое въ долони плесканіе?.. Оборони Господи и помилуй отъ такой напасти!.. Читаютъ же каноницы за трапезой, что самимъ угодникамъ Божіимъ такія напасти отъ нѣчисти бывали, какъ же намъ-то грѣшнымъ отъ нея устоять?.. Опять же теткѣ Егорихѣ въ обитель и ходу нѣтъ: увидятъ матери, кочергами да ухватами изъ скита ее вытурятъ... Развѣ самой тихими стопами, по тайности, сходить въ Елфимово да попросить тетку Егориху порчу заглазно снять,—да страшно и подумать къ ней въ келью войти... И подступить близко къ вѣдьмину жилью страшно — неравно наступишь на какую-нибудь нашептанную

*) Хороводиться — знаться, водиться съ кѣмъ.

**) Мечтаніе, мечта — въ народномъ языкѣ употребляется лишь въ смыслѣ привидѣнія, призрака, обмана чувствъ сверхъестественною силою.

щепку, либо перешагнешь черезъ заговоренную ямку, не то сухой листочекъ либо соломинку вѣтромъ свѣетъ съ колдуньиной кровли — какъ разъ злая прiтка накатитъ на тебя.

Отъ одной мысли идти къ Егорихѣ Танѣ всю спину мурашками осыпало.

А Марьѣ Гавриловнѣ съ каждымъ днемъ хуже да хуже. Отъ ѣды, отъ питья ее отвадило, отъ сна отбило, а думка каждую ночь мокрехонька... Беззавѣтная горячая любовь къ своей «сударынѣ» не даетъ Танѣ покою ни днемъ ни ночью. «Перемогу страхи-ужасы, — подумала она: — на себя грѣхъ сойму, на свою голову сворочу силу демонскую, а не дамъ хилѣть да болѣть моей милой сударынѣ. Пойду въ Елфимово — что̀ будетъ, то и будь».

Разъ до вторыхъ кочето̀въ не спала Марья Гавриловна, ночь ноченскую провздыхала да проплакала... До зари не смыкала глазъ Таня, сидя на корточкахъ у̀ двери спальной горницы и прислушиваясь къ вздохамъ и рыданьямъ дорого̀й своей «сударыни». Растопилось сердце преданной дѣвушки жалостью, и, только-что забылась дремотой Марья Гавриловна, поспѣшно надѣла она на босу ногу вы̀ступки *), вздѣла на плечи стеганый капотецъ, повязала голову шерстяной косыночкой и, не переводя духа, бѣгомъ побѣжала въ Елфимово.

Манеѳина обитель на краю Комарова стоитъ, до Елфимова отъ нея версты не будетъ. Скорехонько долетѣла рѣзвоногая Таня, благо обитель спала еще и никто ея не примѣтилъ. Все обошлось ладно, да вотъ какая бѣда приключилась: Елфимово деревушка хоть и маленькая, двѣнадцати дворовъ въ ней не наберется, да не вѣстно было Танѣ доподлинно, въ коемъ дворѣ искать знахарку, подъ коимъ окномъ стукнуться къ теткѣ Егорихѣ... А на улицѣ ни души — рань глубокая, еще нѐ звали кочета̀ на̀ небо солнышка, не чирикали воробьи подзастрѣшные **), не мычали подъ навѣсами коровушки, а псы сторожко̀вые, за̀ ночь до̀сыта налаявшись, свернулись въ клубки и спали на зарѣ подъ крыльцами... Кого спросить, кому покучиться?.. «Экая я глупая, экая неразумная, — бранитъ себя Таня, въ раздумьѣ сто̀я на елфимовской улицѣ: — не спознала напередъ, въ коемъ домѣ искать ее!..»

Тутъ завидѣла Таня, что идетъ къ ней навстрѣчу съ другого конца деревни высокая, статная женщина, далеко̀ еще

*) Выступки — родъ женскихъ башмаковъ съ высокими передами и круглыми носками.

**) Застрѣха — жолобъ подъ скатомъ крыши, въ который упираются нижнiе концы теса или драни. На застрѣхахъ по деревнямъ обыкновенно воробьи живутъ, отчего и называются подзастрѣшными.

не старая, въ темно-синемъ крашенинномъ сарафанѣ съ оловянными пуговками, въ ситцевыхъ рукавахъ, съ пестрымъ бумажнымъ платомъ на головѣ и съ лычнымъ пѣстеромъ *) за плечами. Бодрымъ ходомъ подвигается она къ Танѣ. Поровнявшись, окинула дѣвушку пытливымъ, но добрымъ и ласковымъ взоромъ и съ привѣтной улыбкой ей молвила:

— Путь тебѣ чистый, красавица!

Таня поклонилась, но ни слова не отвѣтила на привѣтъ незнаемой женщины.

— Отколь будешь, дѣвица? — спросила ее та женщина.

— Изъ Комарова, тетушка, — робко отвѣтила Таня, довѣрчиво глядя въ добрые голубые глаза привѣтливой незнакомки.

— Что̀ percentранешенько таково?.. Куда идешь-пробираешься?.. Дѣло пытаешь аль отъ дѣла лытаешь? — спросила она.

— По своему дѣлу, — отвѣтила Таня.

— Дѣвица, вижу, ты хорошая, — молвила та женщина, глядя съ любовью на Таню. — Не тебѣ-бъ по зарямъ ходить. Молоды ребята здѣсь безсовѣстные, старые люди обидливые — какъ разъ того наплетутъ на дѣвичью голову, что послѣ не открестишься, не отмолишься.

— Знахарка у васъ на деревнѣ живетъ, — стыдливо краснѣя, молвила Таня. — Я-было къ ней...

— Къ теткѣ Егорихѣ? — улыбнулась встрѣчная женщина.

— Да... — молвила Таня, опуская очи наземь.

— Какое-жъ дѣло твое, дѣвонька?.. Вѣдь я сама и есть знахарка Егориха.

Слова не можетъ вымолвить Таня... Такъ вотъ она!.. Какая-жъ она добрая, привѣтная да пригожая!.. Довѣрчиво смотритъ Таня въ ея правдой и любовью горѣвшія очи, и любо ей слышать мягкій, нѣжный, задушевный голосъ знахарки... Ровно обаяньемъ какимъ съ первыхъ же словъ Егорихи возникло въ душѣ Тани безотчетное къ ней довѣріе, безпричинная любовь и ничѣмъ необоримое влеченье.

— Какое-жъ у тебя до меня дѣло, красавица? — спросила тетка Егориха.

— Не мое дѣло, — отвѣтила Таня: — а моей «сударыни». Благодѣтельница моя, мать родная, может, слыхала ты про купчиху Масляникову про Марью Гавриловну, что̀ живетъ въ Манефиной обители?..

— Слыхала, дѣвонька, слыхала, — молвила знахарка. — Много добраго про нее слыхала я. Кроткая, сказываютъ, сердобольная, много горя на долю ея выпало, а сердце у ней

---

*) Пѣстеръ, иначе пещуръ — заплечная котомка изъ лыка, иногда прутьевъ.

не загрубѣло... И честно хранитъ вдовью участь... Все знаю, лебедушка... Николи не видывала въ глаза твоей Марьи Гавриловны, а знаю, что вдовица она добрая, хорошая.

— Ангелъ Божій — вотъ она какова, тетушка, — съ глубокимъ чувствомъ любви порывисто молвила Таня.

— И ты, по всему вижу, дѣвушка добрая, хорошая, — сказала знахарка. — Хорошихъ людей только хорошіе любятъ.

— Больнехонька она, тетушка, напущено на нее... — начала-было Таня.

— Погоди, погоди маленько, красавица, — все по̀ ряду разскажешь, — сказала Егориха, взглянувъ на разгоравшуюся въ небѣ зарю. — Видишь, солнышко близится, скоро народъ подыматься учнетъ — нехорошо, какъ тебя на деревнѣ увидятъ, парни у насъ бѣдовые... Неровенъ случай — со стороны кто увидитъ тебя — нехорошая слава пойдетъ... Дойдутъ напрасныя рѣчи до Марьи Гавриловны, она оскорбится на тебя... Пойдемъ-ка мы съ тобой на вполье да, тамъ походя̀, спустимся въ Каменный Вражекъ... Сегодня на Тиховъ день *) тиха, добра мать сыра земля... И солнышко сегодня тихо течетъ по̀ небу... И пѣвчія пташки съ нынѣшняго дня затихаютъ... Свѣтъ тихій святыя славы Господней сегодня сіяетъ!.. Отъ него всѣ травы полнымъ сокомъ наливаются и вплоть до Иванова дня въ цѣлебномъ соку стоятъ... Нельзя упустить сегодняшней росы утренней... На Тиховой росѣ надо травы рвать, корни копать, цвѣты собирать... Пойдемъ... Ходючи со мной, поразскажешь про болѣзнь Марьи Гавриловны.

Сердце замерло у Тани, страсть напала на нее... «Зелья сбирать, коренья копать!.. Колдуньѣ помогать!» — шевельнулось у ней на умѣ, но Егориха ровно прочла, что̀ у нея по мыслямъ прошло.

— Именемъ Христовымъ да именемъ Пресвятой Богородицы тѣ травы собираются... — сказала она. — Сорви травку безъ имени Божьяго — не будетъ отъ нея пользы человѣкамъ... Ты не вѣрь тому, красавица, что̀ келейницы про Господне созданье разсказываютъ... По-ихнему — и табакъ трава не Богомъ сотворенная, а дьяволомъ, и дорого̀й травой **) лѣчиться не слѣдуетъ, потому-де, что когда Господь по землѣ ходилъ, всѣ тра̀вы передъ Нимъ преклонилися, не поклонилась одна дорогая трава... И гулёна ***) по-ихнему содомское яблоко, и чай отъ Бога отчаеваетъ, и кофій строитъ ковъ на Христа... Много пустого плетутъ ваши ста̀рицы...

*) Іюня 16-го, св. Тихона.
**) Smilax sassaparilla.
***) Картофель.

Таня молчала, съ удивленьемъ слушая рѣчи знахарки.

— Надъ старыми книгами вѣкъ свой корпятъ, — продолжала та: — а не знаютъ, ни что̀ творятъ, ни что̀ говорятъ... Вѣрь мнѣ, красавица, нѣтъ на сырой землѣ ни единой былиночки, котора бы на пользу человѣкамъ не была создана... Во всякой травкѣ, во всякомъ цвѣточкѣ великая милость Господня положена... Исполнена земля дивности Его, а любови къ человѣкамъ у Него Свѣта мѣры нѣтъ... Мы-ль не грѣшимъ, мы ли злобой-да кривдой не живемъ?.. А Онъ милосердный все терпитъ, все любовью Своей покрываетъ...

Отлегло у Тани отъ сердца. Съ простодушной довѣрчивостью спросила она:

— Такъ взаправду ты, тетенька, съ крестомъ да съ молитвой свое дѣло творишь?

— А то какъ же? — отвѣтила знахарка. — Безъ креста, безъ молитвы ступить нельзя!.. Когда травы сбираешь, коренья копаешь — отъ Господа дары принимаешь... Онъ Самъ тутъ невидимо передъ тобой стоитъ и ангеламъ велитъ помогать тебѣ... Велика тайна въ томъ дѣлѣ, красавица!.. Тутъ не суетное и ложное, — доброе, полезное творится — Богу во славу, Божьему народу во здравіе, отъ лютыхъ скорбей во спасеніе.

— А какъ же я боялась тебя, тетушка!.. — промолвила Таня.

— Еще-бъ не бояться!.. Въ скиту живешь, — улыбнулась Егориха. — Поди, тамъ про меня и не знай чего въ уши тебѣ ни напѣли. Съ бѣсами-де водится, съ демонами... Такъ, что ли?

— Что̀ говорить, тетенька!.. Всякаго было насказано, — отвѣтила Таня, оправляя на головѣ косынку.

— Богъ съ ними! — незлобно и тихо промолвила знахарка. — А ты вотъ что̀ знай, вотъ что̀ вѣдай, красавица: есть тайны добрыя, есть тайны темныя. Добрыя отъ Бога, темныя отъ врага идутъ. Тайную Божію силу ничто отмѣнить не можетъ, а темную силу вражію Господней силой побороть можно... Есть знахари, что̀ темной силой орудуютъ, и то человѣку на вредъ и погибель... А кого умудритъ Господь Свою тайную силу познать иль хоть самую малицу силы той, — тому человѣку легко отдѣлать *) вредъ, лихимъ знахарствомъ напущенный... Темная сила отъ имени Божія трепещетъ, отъ силы Его какъ дымъ исчезаетъ... И кого умудритъ Господь уразумѣть тайную силу Его, тотъ видитъ ее и въ заряхъ алыхъ, и въ радугѣ семицвѣтной, и въ красномъ солнышкѣ, и въ ясномъ

*) Отдѣлать — снять порчу.

мѣсяцѣ, и въ каждомъ деревцѣ, въ каждой травкѣ, въ каждомъ камешкѣ... Вездѣ, во всемъ разлита тайная Божія сила...

— И тебя умудрилъ Господь? — умильно спросила Таня, съ любовью глядя въ свѣтлыя очи знахарки.

— Умудрилъ, красавица, хоть на малость самую, а умудрилъ, — съ благоговѣньемъ отвѣтила Егориха. — И за тотъ великій даръ денно и нощно благодарю я Создателя... Все-таки иной разъ доведется хворому, недужному пользу принесть, все-таки иной за тебя Богу помолится... Однако прибавимъ шагу, туманы вздымаются, роса умываетъ лицо матери сырой земли... Гляди, какія полотенца пò небу несутся. Утираться ими матери сырой землѣ... Видишь? — прибавила она, указывая на утреннія перистыя облака, чтò розовыми полосами съ золотистыми краями подернули небесную глубь.

— Разсказывай теперь про Марью Гавриловну... Чтò такое приключилось съ ней? — молвила Егориха, когда подошли онѣ къ Каменному Вражку.

Таня разсказала, какъ умѣла. Внимательно слушала ее знахарка и, когда дѣвушка кончила, такъ заговорила:

— На самоё бы надо взглянуть, да ходу мнѣ въ вашу обитель нѣтъ... Ну — не бѣда: дамъ я тебѣ корешковъ да травокъ, зашей ты ихъ въ какую ни на есть одежду Марьи Гавриловны, да чтобъ она про то не знала не вѣдала... Всего бы лучше въ рубаху да поближе къ вороту... А станешь тѣ травы вшивать, сорокъ разъ «Богородицу» читай... Безъ того не будетъ пользы... Ну вотъ и пришли...

Вынула знахарка косарь изъ пèстера и, обратясь на рдѣющій зарею востокъ, велѣла Танѣ стать рядомъ съ собою... Положила не взошедшему еще солнцу три поклона великіе да четыре поклона малые и стала одну за другою молитвы читать... Слушаетъ Таня — молитвы все знакомыя, церковныя: «Достойно», «Вѣрую», «Богородица», «Помилуй мя, Боже». А прочитавъ тѣ молитвы, подняла знахарка глаза къ небу и вполголоса особымъ напѣвомъ стала иную молитву творить... Такой молитвы Таня не слыхивала...

То была «вѣщьба» — тайное крѣпкое слово.

«Встану я раба Божія Наталья помолясь-благословясь, пойду во чисто поле подъ красное солнце, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды, подъ полетныя òблаки. Стану я, рàбица Божія, во чистомъ полѣ на ровномъ мѣстѣ, чтò на томъ ли на престолѣ на Господнемъ... облаками облачусь, небесами покроюсь, на главу положу вѣнецъ-солнце красное, подпояшусь свѣтлыми зòрями, обтычусь частыми звѣздами, что вострыми стрѣлами... Небо ты, небо!.. Ты, небо, видишь!..

Ты, небо, слышишь!.. Праведное солнце! благослови корни копати, цвѣты урвати, травы сбирати!.. А на что ихъ сбираю, было-бъ на то пригодно!.. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

Потомъ пала ницъ на̀ землю. Тутъ на иной ладъ, инымъ напѣвомъ завела она мольбу къ Матери Сырой Землѣ:

Охъ ты гой еси Сыра Земля!
Мати намъ еси родная,
Всѣхъ еси ты породила,
Воспоила-воскормила
И угодьемъ надѣлила...
Для людей — своихъ дѣтей
Зелій еси породила,
И злакъ всякій напоила,
Польгой *) бѣса отгоняти
И въ болѣзняхъ помогати, —
Повели съ себя урвати
Зелій, снадобьевъ, угодьевъ
Ради польги на животъ.

И, вставъ, поклонилась трижды на востокъ... И со словами: «Господи, благослови», стала косаремъ копать коренья и класть ихъ въ лычный пѣстеръ.

И, принимаясь за рытье каждаго корня, «Господи благослови» говорила, а копая «Богородицу» читала.

Слушаетъ Таня, сама дивуется. «Что̀ за рѣчи такія, что за молитвы чудныя? — думаетъ она про себя. — А нѣтъ въ тѣхъ молитвахъ никакой супротивности, ни единаго чернаго слова знахарка не промолвила. Божьимъ словомъ зачала, святымъ аминемъ закончила».

То были вѣщія слова, съ которыми наши предки въ мольбахъ своихъ обращались къ Небу ходячему, къ Солнцу высокому, къ Матери Сырой Землѣ... Какъ ни старалась церковность истребить эти остатки языческой обрядности, затмить въ народной памяти все, что̀ касалось древней вѣры, — все-таки много обломковъ ея доселѣ хранится въ нашемъ простонародьѣ. Святочныя гаданья, коляда, хороводы, свадебныя пѣсни, плачи вопленницъ, заговоры, заклятья — все это остатки языческой обрядности, а слова, при нихъ употребляемыя — обломки молитвъ, которыми когда-то молились наши предки своимъ старо-русскимъ богамъ. Но ни въ какихъ пѣсняхъ такъ полно̀ и такъ цѣльно не сохранились слова стародавнихъ молитвъ, какъ въ таинственныхъ заговорахъ и заклинаньяхъ. Составляя предметъ знанія немногихъ, цѣльнѣй и сохраннѣй

*) Вмѣсто «польза» въ Нижегородскомъ и Костромскомъ Заволжьѣ говорятъ «польга».

переходили они изъ рода въ родъ... Русскій народъ, будучи въ дѣлахъ вѣры сильно приверженъ къ буквѣ и обряду, сохраняетъ твердое убѣжденье, что молитва ли церковная, заговоръ ли знахарской дѣйствуютъ лишь тогда, если въ нихъ не опущено и не измѣнено ни единаго слова, и если все прочтено или пропѣто на извѣстный ладъ изстари установленнымъ напѣвомъ. Оттого въ заговорахъ и въ заклятьяхъ и дошли до насъ сохранно древнія молитвы предковъ, возсылавшіяся ими излюбленнымъ, роднымъ богамъ своимъ. Со временемъ въ иныхъ заговорахъ появились обращенія къ христіанскимъ святымъ и къ византійскимъ бѣсамъ, о которыхъ понятія не имѣли старо-русскіе поклонники Грома Гремучаго и Матери Сырой Земли. Святыхъ включили въ заговоры, чтобъ не смущать совѣсти вѣрующихъ, а подъ незнакомыми язычникамъ бѣсами народъ, по наставленіямъ церковныхъ пастырей, сталъ разумѣть древнихъ боговъ своихъ. Несмотря на такія искаженія, слова̀ заговоровъ доселѣ вѣютъ стариной отдаленной... Въ нихъ уцѣлѣла обрядность, чтимая давними нашими предками...

— Гляди, красавица, — говорила Танѣ знахарка, копая одинъ корень руками. — Вотъ сильная трава... Ростомъ она съ локоть, растетъ кусточкомъ, цвѣтокъ у нея вишь какой багровый, а корень-отъ, гляди, крестъ-накрестъ... Желѣзомъ этотъ корень копать не годится, руками надо брать... Это Петровъ крестъ *), охраняетъ онъ отъ нечистой силы... Возьми.

Таня взяла корешокъ. Знахарка продолжала сборъ травъ и рытье кореньевъ... Тихо и плавно нагибала она стройный станъ свой, наклоняясь къ землѣ... Сорветъ ли травку, возьметъ ли цвѣточекъ, выроетъ ли корень — тихо и величаво подымаетъ его кверху и очами, горящими огнемъ восторга, ясно глядитъ на алую зарю, разливавшуюся по небосклону. Горятъ ея щеки, высоко подымается грудь, и вся она дрожитъ въ священномъ трепетѣ... Высоко̀ поднявъ руку и потрясая сорванною травой въ воздухѣ, восторженно восклицаетъ:

— Небо, ты видишь!.. Небо, ты слышишь!.. Праведное солнце, благослови!

Набравъ нѣсколько травъ, знахарка стала подавать ихъ одну за другою Танѣ... А подавая, такъ говорила:

— Вотъ Адамова глава **), полезна ото всякой болѣзни, ото всякаго зла, отдѣлываетъ порчу, отгоняетъ темную силу...

*) Петровъ крестъ — Lathraea Squammaria.

**) Адамова голова, иначе Адамъ-трава, или кукушкины сапожки — Cypripedium Calceolus.

бери... А вотъ плакунъ-трава *). Эта трава всѣмъ травамъ мати... Когда жиды Христа распинали, пречистую кровь Его проливали, тогда Пресвятая Богородица по Сынѣ слезы ронила на матушку на сыру землю... И отъ тѣхъ слезъ зарождалась плакунъ-трава... Отъ плакунъ-травы бѣсы и колдуны плачутъ, смиряетъ она силу вражію, рушитъ злое чародѣйство, сгоняетъ съ человѣка уроки и притку... Бери... А это чертогонъ-трава **), гонитъ бѣсовъ, порчу, колдунами напущенную, сурочиваетъ, всякія болѣзни цѣлитъ и дѣвичью зазнобу унимаетъ... Бери... А вотъ и бѣленькій одолень ***) нашелся,—сказала знахарка, ступая въ болотце, по которому пестрѣли ярко-желтыя купавки и полевые одолени. — Чуешь, каковъ благоуханный цвѣтъ!.. Одолѣетъ онъ всякую силу нечистую!.. Мать сыра земля со живой водой тотъ цвѣтокъ породили — оттого ровна у него сила на водяницу и на поляницу °). Возьми цвѣтикъ, красавица... А вотъ и прострѣлъ-трава °°). Когда Сатана былъ еще свѣтлымъ ангеломъ и въ гордынѣ своей возсталъ на Творца-Создателя, Михайла архангелъ согналъ его съ неба высокаго на сыру землю. Сатана съ своими демонами за прострѣлъ-траву спрятался, а Михайла архангелъ кинулъ въ него громову стрѣлу. Прострѣлила стрѣла ту траву сверху донизу, отъ того прострѣла разбѣжалися демоны и съ самимъ Сатаной провалились въ преисподнюю... И съ той самой поры бѣсовская сила боится прострѣлъ-травы и бѣжитъ отъ нея на двѣнадцать верстъ. Избавляетъ прострѣлъ-трава отъ призора очесъ, отъ урочныхъ скорбей, отъ порчи, отъ притки и ото всякаго бѣсовскаго навожденья... Бери... А вотъ и седьмая трава намъ надобная — это царь-трава °°°). Какъ громовыя стрѣлы небесныя гонятъ темныхъ бѣсовъ въ преисподнюю, такъ и царь-трава могучей своей силою далеко прогоняетъ силу нечистую... Вотъ и всѣ семь травъ, что пригодны къ утоленію скорби Марьи Гавриловны... Отломи отъ каждой по кусочку — да не забудь — съ молитвой и перекрестясь, зашей, какъ я сказывала... Дня черезъ три прибѣги сюда на Каменный Вражекъ сказать, будетъ ли какая перемѣна у Марьи Гавриловны... Не будетъ — ино другимъ тогда пособлю... А теперь бѣги

*) Плакунъ, иначе луговой звѣробой — Hypericum Ascyron.

**) Чертогонъ — Scabiosa Succisa.

***) Одолень — Nymphaea alba. Тѣмъ же именемъ «одолень» зовется и другое растеніе, Euphorbia pilosa.

°) Водяница — нечистая сила въ водахъ, поляница — въ поляхъ и вообще на землѣ.

°°) Прострѣлъ-трава — иначе лютикъ — Aconitum lycoctonum.

°°°) Иначе купальница — Ranunculus acris.

скорѣй, красавица, — солнышко на всходѣ, келейницы ваши скоро проснутся, увидать тебя могутъ смо̀тницы *)... Ваши матери нанести нѐбыль на дѣвушку въ грѣхъ не поставятъ... Бѣги, дѣвонька, проворнѣй бѣги!.. Христосъ съ тобою!..

Простясь со знахаркой, бѣгомъ пустилась Таня по полянѣ, направляясь къ Манефиной обители... Но, когда бѣжала она мимо часовни, рябая звонариха Катерина колотила ужъ въ свои била и клепала, сзывая келейницъ къ заутренѣ.

Не цѣлятъ корни и травы Марью Гавриловну, нѣтъ ни малаго отъ нихъ облегченья. Не разъ бѣгала Таня на Каменный Вражекъ, не разъ приносила новыя снадобья отъ знахарки и клала ихъ подъ постель Марьи Гавриловны, либо въ воду, что̀ приносила умываться ей... Пользы не видѣлось.

Что-жъ за недугъ такой Марьѣ Гавриловнѣ приключился?.. Что̀ за немощь такая на нее накинулась?

Черезъ двѣ недѣли наказывала она Алексѣю въ Комаровъ побывать. Прошло четыре, а его нѣтъ какъ нѣтъ... Оттого и безпокойныя думы съ утра до̀ ночи, оттого и суетня хлопотливая, оттого и думка каждое утро мокра̀.

Не огни горятъ горючіе, не котлы кипятъ кипучіе, горитъ-кипитъ побѣдное сердце молодой вдовы... Отъ взоровъ палючихъ, отъ сладкаго голоса, ото всей красоты молодецкой распалились у ней умъ и сердце, ясныя очи, бѣлое тѣло и горячая кровь... До̀сыта бы на милаго наглядѣться, до̀сыта бы на желаннаго насмотрѣться!.. Обнять бы его бѣлыми руками, прижать бы его къ горячему сердцу, растопить бы алыя уста его жаркимъ поцѣлуемъ!..

Про Евграфа помину нѣтъ... Ровно она его не знавала, ровно его на свѣтѣ никогда не бывало...

Глава тринадцатая.

Натерпѣлась Марья Гавриловна. До̀ смерти истомилось бѣдное сердце ея въ безотрадной неизвѣстности, въ мрачныхъ тяжелыхъ думахъ и въ тревогахъ, день и ночь мутившихъ ея душу. Ровно въ тѣсномъ затворѣ посхимленная старица сидитъ она безвыходно въ уютномъ своемъ домикѣ. Въ часовню даже по праздникамъ перестала ходить, людей не видитъ и знать не хочетъ, что̀ за порогомъ ея домика дѣлается. Заходили-было къ ней иной разъ Флёнушка съ Марьюшкой время скоротать, но безотвѣтною оставалась на веселые разговоры ихъ Марья Гавриловна, безучастно слушала келейное ихъ празднословье.

*) Смо̀тница — сплетница, клеветница.

— Заспесивилась наша краля, зачванилась, — топнувъ съ досады ногой, молвила Фленушка, выходя однажды съ Марьюшкой изъ домика Марьи Гавриловны. — Битый часъ сидѣли у ней, хоть бы единое словечко выронила... Въ торги, слышь, пускается, каменны палаты закладывать собирается, куда съ нашей сестрой ей водиться!.. А мнѣ наплевать — ноги моей не будетъ у грубіянки; и ты не ходи къ ней, Марьюшка.

Не разъ заглядывала къ Марьѣ Гавриловнѣ и матушка Манеѳа. Но и съ ней не вязалась бесѣда у молодой вдовы. Сколько разъ искушенная житейскими опытами игуменья пыталась вызвать ее на искреннее, откровенное признанье въ сокровенныхъ думахъ и затаенныхъ чувствахъ, всегда холодна, всегда безотвѣтна оставалась Марья Гавриловна. Сердечная скорбь ея тайной повита и семью печатями запечатана.

«Міръ обуялъ,— рѣшила Манеѳа.— Прелесть тщетнаго житія смущаетъ бѣдную, мятежныя мысли обуреваютъ душу ея».

Но какія мысли, о комъ, о чемъ — не могла придумать игуменья.

И съ Таней, душой и тѣломъ преданной своей «сударынѣ», и съ той ни слова Марья Гавриловна... Одна переживаетъ печали, одна переноситъ горе сердечное.

Гдѣ прежняя ласка привѣтная, куда кануло беззаботное веселье и тихій, невозмутимый покой души, отдохнувшей отъ былого горя, забывшей старыя сердечныя раны? Всѣ какъ вѣтромъ свѣяло.

Передъ отъѣздомъ Манеѳы на сорочины въ Осиповку, Марья Гавриловна получила отъ брата письмо. Увѣдомлялъ онъ о покупкѣ «Соболя». писалъ, что надо какъ можно скорѣй принимать его да, набравъ клади, отправлять къ Верху. Но про того, кого ради купленъ тотъ пароходъ, ни слуху ни духу: Алексѣй словно въ воду канулъ. Обѣщалъ побывать въ Комаровѣ черезъ двѣ недѣли, пятая на исходѣ, а его нѣтъ какъ нѣтъ... Стороной узнала Марья Гавриловна, что отошелъ онъ отъ Патапа Максимыча и уѣхалъ въ городъ, но воротился-ль оттуда или дальше куда отправился, развѣдать не могла.

Сидитъ подъ окномъ да тоскуетъ, недвижно сидитъ, устремивъ слезныя очи на черную полосу лѣса, и слышитъ разговоръ какого-то проѣзжаго крестьянина съ обительскимъ конюхомъ Дементьемъ о дорогѣ въ Городецъ, на какія деревни надо ѣхать. Дементій въ числѣ деревушекъ помянулъ Поромову.

«Чего еще лучше? — подумала Марья Гавриловна. — Авось воротился изъ города, авось у отца теперь съ матерью... На-

кажу тому мужику побывать въ Поромовой, разузнать о немъ». Вздумано — сдѣлано. Наказала Марья Гавриловна проѣзжему крестьянину, непремѣнно бы повидалъ онъ Алексѣя Лохматаго, сказалъ бы ему, что мѣсто на пароходѣ для него готово, чтобъ не медля ни минуты ѣхалъ онъ въ Комаровъ. Два рубля серебромъ обѣщала, если тотъ крестьянинъ на возвратномъ пути ей отвѣтъ привезетъ. Писать хотѣла, но силъ недостало, и стыдно какъ-то было...

Дёнъ черезъ пять посланный воротился за сулеными рублями. Сказалъ, что Алексѣя въ Поромовой нѣтъ, поѣхалъ-де въ городъ, а гдѣ теперь, не знаютъ. Чтò наказывала, все сказалъ старику Лохматому, а тотъ обѣщалъ, какъ только воротится сынъ, тотчасъ его въ Комаровъ прислать.

Пуще прежняго налегла тоска на побѣдное сердце молодой вдовы.

Еще прошло съ недѣлю времени. Собралась мать Манеѳа въ Осиповку на сорочины. Наканунѣ отъѣзда вечеркомъ зашла она посидѣть къ Марьѣ Гавриловнѣ.

— Ну чтò, сударыня, облегчило ли васъ хоть маленько? — спрашивала Манеѳа, садясь на диванъ возлѣ Марьи Гавриловны.

— Плохо мое здоровье, матушка, — отвѣчала вдовушка, облокотясь на столъ и медленно склоняя нà руку блѣдное лицо свое.

— Надивиться не могу я вашей болѣзни, сударыня, — молвила Манеѳа. — Кажись, и лежать не лежите, и боли, какъ сказываете, нѣтъ никакой, а ровно свѣчка вы таете; жалость даже смотрѣть, на себя непохожи стали...

— Болѣзнь не краситъ человѣка, — отозвàлась Марья Гавриловна.

— Инъ за лѣкаремъ бы послали, сударыня, а то чтò же хорошаго такъ маяться, — сказала игуменья.

— Послать за нимъ не пошлю, — отвѣтила Марья Гавриловна: — а не будетъ легче, сама поѣду въ городъ лѣчиться. Мнѣ же и по дѣламъ надо туда. Братъ пишетъ — въ Казани у Молявиныхъ пароходъ мнѣ купилъ. Теперь онъ ужъ къ нашему городу выбѣжалъ; принимать надо.

Нахмурилась Манеѳа.

— Не дешево, поди, заплатили? — холодно спросила она.

— Пятьдесятъ тысячъ, — сказала Марья Гавриловна.

— Пятьдесятъ тысячъ! Немалыя деньги, немалыя... Много добра на такія деньги можно сдѣлать, — проговорила Манеѳа.

— Пароходъ ходкій, совсѣмъ еще новенькій, только четвертую воду бѣгаетъ. Тѣхъ денегъ стòитъ, — молвила Марья Гавриловна.

— Суета!.. — строго, но сдержанно сказала Манеөа и, немного подумавъ, прибавила: — Стало-быть, вы покинете, сударыня, нашу святую обитель? Въ городъ жить переѣдете?

— Ни на что еще я не рѣшилась, матушка, сама еще не знаю, что и какъ будетъ... Извѣстно дѣло, хозяйскій глазъ тутъ надобится. Рано ли поздно ли, а придется къ пристани поближе на житье переѣхать. Ну, да это еще не скоро. Не сразу устроишься. Домикъ надо въ городѣ купить. а прежде всего сыскать хорошаго приказчика, — говорила Марья Гавриловна.

— Не нашли еще? — спросила Манеөа.

— Нѣтъ еще, — слегка вздохнувъ. отвѣтила Марья Гавриловна.

— Скоро-ль къ такому дѣлу хорошаго человѣка прііщешь!— молвила Манеөа. — Тутъ надо человѣка вѣрнаго, неизмѣннаго, чтобъ былъ все едино, что сама хозяйка. Такого не вдругъ найдешь.

— Надолго ли, матушка, отправляетесь? — спросила Марья Гавриловна, видимо желая свести разговоръ на что-нибудь другое.

— Прежде пяти денъ врядъ ли воротимся. — отвѣтила Манеөа. — Патапъ Максимычъ скоро гостей отпускать не любитъ... Въ понедѣльникъ, надо думать, будемъ домой, не то во вторникъ.

— Кланяйтесь Патапу Максимычу, — молвила Марья Гавриловна. — Скажите: всей бы душой рада была у него побывать, да вотъ здоровье-то мое какое. Аксиньѣ Захаровнѣ поклонитесь, матушка, Парашѣ...

— Будемъ кланяться, — чинно, съ легкимъ поклономъ, вполголоса отвѣтила Манеөа. — Чѣмъ бы, чѣмъ бы, кажется, вамъ не житье здѣсь. сударыня Марья Гавриловна. — прибавила она, вставая съ дивана и быстрымъ взоромъ окидывая комнату. — И тихо, и уютно, и всякое довольство во всемъ. Суеты восхотѣли, житейскихъ треволненій!.. Не пришлось бы въ міру вамъ вспокаяться!.. Не пришлось бы слезно поминать про здѣшнее тихое пристанище, подъ кровомъ святыя обители. Лукавъ вѣдь міръ-отъ — прельститъ человѣка, заманитъ въ свои сѣти, а потомъ и посмѣется ему, поругается...

— Матушка! Сами же вы говорили, что обительская жизнь стала непрочна. По скорости. говорите, скиты совсѣмъ порѣшать.

— Если общій жребій Господнею волей свершится. рядомъ бы съ нами въ уѣздномъ городкѣ построились, — сказала Манеөа. — И тогда-бъ у насъ было все попрежнему. никакой

бы перемѣны не сталось. Намедни и сами вы, сударыня, такъ говорили, а теперь вотъ ужъ возлѣ пристани поселиться возжелали, въ губернскомъ городѣ.

— Дѣло-то, матушка, такое вышло, что поневолѣ должна я по близости отъ пристани жить, — отозвалась Марья Гавриловна. — Сами знаете, что издали за хозяйствомъ нельзя наблюдать, какихъ хорошихъ людей ни найми.

— Конечно, — сдержаннымъ голосомъ сказала Манеѳа.

— Заглазное хозяйство — не хозяйство, — продолжала Марья Гавриловна. — Чтò лучше хозяйскаго глаза?.. Говорится же: «свой глазъ — алмазъ, а чужой — стекло».

— Чтò сказать супротивъ этого?.. Чтò сказать?.. — какъ бы нехотя молвила игуменья и, холодно простившись съ Марьей Гавриловной, медленными шагами направилась къ своей кельѣ.

Уѣхала Манеѳа въ Осиповку, и въ обители стало тихо и пусто. Не суетятся матери вкругъ игуменьиной «стаи» въ ожиданьи Манеѳиныхъ распорядковъ по хозяйству, не раздается веселыхъ криковъ Фленушки, всѣ почти молодыя бѣлицы на сорочины уѣхали, остались пожилыя старицы да съ утра до ночи копавшіяся въ огородѣ чернорабочія трудницы. Хоть Марьѣ Гавриловнѣ давно ужъ постыла обитель и на думахъ ея было не обительское, однакожъ и ей стало скучнѣй и грустнѣй противъ прежняго, когда вокругъ нея все затихло.

Склонялся день къ вечеру; краснымъ шаромъ стояло солнце надъ окраиной неба, обрамленной черной полосой лѣсовъ; улеглась пыль, въ воздухѣ засвѣжѣло, со всѣхъ сторонъ понеслись благоуханіе цвѣтовъ и смолистый запахъ ели, пихты и можжевельника; стихло щебетанье птичекъ, и звончѣй сталъ доноситься изъ отдаленья говоръ людей, возвращавшихся съ полевыхъ работъ.

Сидя у раскрытаго окна, Марья Гавриловна чуткимъ ухомъ прислушивается къ отдаленному шуму подъѣзжавшей къ Каменному Вражку телѣжки... Не деревенскій стукъ... По сухой дорогѣ рѣзко постукиваютъ окованныя толстыми шинами колеса, ровно и плавно шумятъ желѣзныя оси, колокольчика нѣтъ. Значитъ, ни начальство ни крестьянинъ... Захолонуло сердце у Марьи Гавриловны при мысли — не Алексѣй ли это наконецъ... Но вотъ шумъ ближе и ближе... Подъѣзжаютъ прямо къ Манеѳиной обители... Видитъ Марья Гавриловна, какъ пара саврасокъ подкатила телѣжку къ конному двору, какъ остановилась она у работницкой «стаи»... Слѣзаетъ съ телѣжки кто-то высокій, изъ себя такой статный... При на-

двинувшихся на̀ небо сумеркахъ не можетъ разглядѣть Марья Гавриловна въ лицо пріѣзжаго, но сердце ей подсказываетъ, что это гость давно жданный, давно желанный... Алымъ бархатомъ подернулись блѣдныя щеки молодой вдовы, и ровно скошенная травка поникла она на мѣстѣ. Встать не можетъ, пальцемъ двинуть нѣтъ силы.

А ровная, твердая поступь ближе и ближе звучитъ въ вечерней тиши... Ничего не видитъ Марья Гавриловна, въ глазахъ разостлался зеленый туманъ, словно съ угару. Только и слышитъ мѣрные шаги, и каждый шагъ ровно кипяткомъ обдаетъ ея наболѣвшее сердце.

Таня къ ней подошла.

— Какой-то человѣкъ васъ спрашиваетъ, — сказала она.

— Что̀? — едва могла промолвить Марья Гавриловна.

— Тотъ самый, что̀ въ Радуницу пріѣзжалъ, — отвѣтила Таня, удивленными глазами глядя на свою «сударыню».

Ни словечка Марья Гавриловна.

— Позвать, аль сказать, въ другое бы время побывалъ? — не слыша отзыва Марьи Гавриловны, молвила Таня.

— Позвать?.. Да, позови... Нѣтъ, нѣтъ, постой, погоди, Таня, — говорила Марья Гавриловна. А сама не понимала, что̀ говорила.

Широко раскрытыми глазами глядѣла на нее изумленная Таня. Сообразить не могла, что̀ за новое диво содѣлалось надъ ея «сударыней»...

— А не то... поди, Таня... позови сюда... — дрожавшимъ отъ волненья голосомъ сказала Марья Гавриловна. — Да ставь самоваръ поскорѣй...

И когда Таня, думчиво склонивъ голову, вышла изъ горницы, Марья Гавриловна безсознательно повернулась къ зеркалу и наскоро поправила волосы и шелковый голубой платокъ, накинутый на̀ голову.

Медленно, но широко̀ распахнулась дверь, и въ горницу вошелъ Алексѣй. Чинъ чиномъ, прежде всего сотворилъ онъ уставные поклоны передъ иконами, а потомъ, молодецки встряхнувъ кудрями, степенно отдалъ поклонъ какъ маковъ цвѣтъ зардѣвшейся хозяйкѣ. Сдержанно отвѣтила она ему малымъ поклономъ.

— Посылали за мной? — тихо проговорилъ онъ, вертя въ рукахъ шапку и опустивъ глаза въ землю.

— Ждала я васъ... долго ждала... дождаться не могла... Теперь пароходъ...

И не могла докончить трепетной, перерывчатой рѣчи.

Ступилъ Алексѣй шагъ, ступилъ другой, приближаясь къ

Марьѣ Гавриловнѣ... Вскинулъ черными, палючими очами на дрожавшую отъ сердечной истомы красавицу... И она взглянула... Не свѣтлые алмазы самоцвѣтные, а крупныя слезинки нежданной радости и неудержимой страсти засверкали подъ темными ея рѣсницами... Взоры встрѣтились...

Ни слова ни восклицанья...

Не гибкая повилика*) бѣло-розовые цвѣтики вкругъ зеленаго дуба обвиваетъ, не хмелинушка вкругъ тычиночки вьется — обвиваетъ бѣлоснѣжными руками красавица желаннаго гостя... И млѣетъ и дрожитъ она въ сладкой истомѣ.

Долго сидѣли вдвоемъ, до вторыхъ пѣтуховъ сидѣли. Времени много, мало разговора. Другъ на дружку любуются, другъ на дружку наглядѣться не могутъ.

Багрецомъ заалѣлъ восточный закрой неба: тутъ только опомнились. Пора разставаться.

И когда на прощанье горячими устами прильнулъ Алексѣй къ сіявшему счастьемъ лицу Марьи Гавриловны, онъ тихо промолвилъ ей:

— Не тайкомъ бы, не крадучись цѣловать мнѣ тебя, моя милая, дорогая моя! Не зазорно бы при всемъ народѣ обнять тебя...

— Какъ же это сдѣлать? — едва слышно проговорила Марья Гавриловна, поникая головой въ объятья Алексѣя.

— Жениться, — молвилъ онъ. Хотѣлъ еще что-то сказать, но не можетъ сойти на уста крылатое слово.

Крѣпче прежняго прижалась къ нему Марья Гавриловна, тише прежняго она промолвила:

— Женимся!..

Ой, лѣса-лѣсочки, хмелевыя ночки!.. Видишь ты, синее звѣздистое небо, какъ Ярь-Хмель молодецъ по матушкѣ сырой землѣ гуляетъ, на совѣтъ да на любовь молодыхъ людей сближаетъ?.. Видишь ты, небо, все ты слышишь, все: и страстный шопотъ, и тайныя, млѣющія рѣчи... Щедро, ничего не жалѣя, жизнью и счастьемъ льешь ты на землю, жизнью-любовью ты льешь... Праведное солнце!.. Ты, корень, источникъ жизни, взойди, взгляни, благослови!..

И вырѣзался изъ-за черной, какъ бы опаленной лѣсной окраины золотистый лучъ солнышка и облилъ яркимъ свѣтомъ какъ снѣгъ бѣлое платье красавицы и заигралъ переливчатыми цвѣтами на синемъ кафтанѣ и шелковой алой рубахѣ Алексѣя.

— Прощай!

---

*) Cuscuta.

— Прощай!

А на порогѣ еще обнялись. И долго озаряло ихъ высоко поднявшееся изъ-за лѣса солнце.

На другой день Марья Гавриловна рѣшила какъ можно скорѣй перебираться съ Алексѣемъ на житье въ городъ. Покамѣстъ онъ будетъ вести хозяйство на «Соболѣ», Марья Гавриловна станетъ готовить теплое гнѣздышко для житья съ возлюбленнымъ, купитъ домикъ, устроитъ его, какъ слѣдуетъ, а по осени, когда и домъ будетъ готовъ и пароходство кончится — веселымъ пиркомъ да за свадебку... Уѣхать изъ Комарова чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше... Благо матери Манееы нѣтъ въ обители, а то совѣтамъ, разговорамъ не было-бъ ни конца ни края. Сбить Марью Гавриловну, отговорить ее отъ задуманной перемѣны въ жизни игуменья не успѣла бы, но безъ непріятностей, безъ неудовольствій дѣло не обошлось бы. А Марья Гавриловна не забывала добра, что̀ сдѣлала ей Манееа во дни житейскихъ невзгодъ, твердо помнила, что старушка внесла миръ въ истерзанную ея душу, умѣла заживить сердечныя ея раны. Нѣтъ, лучше, невпримѣръ лучше будетъ, если, не дождавшись матушкина возврата, покинетъ она обитель. Послѣ, когда дѣло будетъ кончено, повидается она съ Манееой, все разскажетъ ей, все объяснитъ и, конечно, помирится съ доброю и горячо любимою старицей.

То̀тчасъ же поѣхалъ Алексѣй въ сосѣдній городокъ нанимать извозчиковъ для поѣздки Марьи Гавриловны и для вывоза изъ скита ея пожитковъ. Только-что укатилъ онъ на своихъ савраскахъ, Марья Гавриловна, веселая, игривая, ровно изъ мертвыхъ вставшая, велѣла Танѣ запереть изнутри домикъ и, пылая радостью, сказала ей:

— Давай, Таня, укладываться; завтра мы ѣдемъ.

Съ мѣста не могла двинуться Таня, сло̀ва промолвить не могла: такъ удивили ее нежданныя рѣчи Марьи Гавриловны.

— Въ городѣ станемъ жить, въ большомъ каменномъ домѣ, — говорила ей Марья Гавриловна, принимаясь за укладыванье. — Весело будетъ намъ, Таня, народу тамъ много, будемъ кататься въ коляскѣ на хорошихъ лошадяхъ, по рѣкѣ на пароходѣ поѣдемъ кататься... Видала-ль ты пароходы-то?.. Да нѣтъ, гдѣ тебѣ видать!.. Вотъ увидишь, Таня, у меня теперь свой пароходъ и свой домъ будетъ. Весело будетъ жить, Та̀нюшка, весело.

— А какъ же матушка-то? — молвила Таня.

— Что-жъ матушка!.. Матушкѣ своя жизнь, намъ другая...

Не вѣкъ же въ кельяхъ жить, этакъ не увидишь, какъ и молодость пройдетъ... Пропустить ее недолго, а другой разъ молода̀ не будешь... Пожить хочется, Таня, пожить!..

И ни съ того ни съ сего бросилась цѣловать ее. Смѣется, какъ дитя веселится, а у самой слезы на глазахъ. Надивиться не можетъ Таня внезапной перемѣнѣ своей «сударыни».

— Видѣла?.. Это женихъ мой, Таня!.. Только ты покамѣстъ объ этомъ никому не сказывай... никому, никому на свѣтѣ... Придетъ Покровъ — повѣнчаемся, въ городѣ будемъ жить. Ты у меня замѣсто дочери будешь, жениха тебѣ сыщемъ славнаго... Наградимъ тебя, всѣмъ наградимъ... Домъ тебѣ выстрою, обзаведенье все... Барыней заживешь, въ шелкахъ-бархатахъ станешь ходить... во всякомъ довольствѣ будешь жить... Смотри же, не сказывай, никому не сказывай!

Ровно красные дни дѣвичьей жизни воротились къ Марьѣ Гавриловнѣ. Какъ, бывало, въ Казани въ родительскомъ садикѣ вольной пташкой весело порхала она, распѣвая звонко любимыя пѣсенки, такъ и теперь, ожившая для счастья, расцвѣтшая для новой жизни, рѣзвится и веселится Марья Гавриловна. Десяти лѣтъ какъ ни бывало.

Все поклали въ сундуки — и одёжу, и посуду, и другія вещи, мебель только да цвѣты остались. Уложившись, успокоилась Марья Гавриловна и не то утомилась она непривычною работою, не то на̀ душу темное облачко налетѣло, вдругъ опустилась она и взгрустнула.

Заботно и нѣжно спросила у ней Таня, съ чего вдругъ она припечалилась.

— Дорогая ты моя Та̀нюшка, — молвила на то Марья Гавриловна. — Жизнь пережить — не поле перейти; счастье съ несчастьемъ, что вёдро съ ненастьемъ, живутъ перемѣнчиво. Надъ судьбой своей призадумалась я, зачастую вѣдь случается, Та̀нюшка, что гдѣ чается радостно, тамъ встрѣтится горестно... Спознала я, будучи замужемъ, какая есть на свѣтѣ жизнь — горегорькая... Какъ знать, что̀ впереди?.. Какъ судьбу узнать?

— Можно узнать, — живо подхватила Таня. — Рядомъ со скитомъ живетъ такая женщина...

И разсказала она Марьѣ Гавриловнѣ про елфимовскую знахарку, про добрую тетку Егориху, нелюбимую келейницами, а всѣми окольными крестьянами почитаемую благодѣтельницей.

Суевѣрный страхъ объялъ душу Марьи Гавриловны, когда узнала она, что Таня, сведя знакомство съ колдуньей, клала ей подъ подушку зелья и давала умываться водой съ волшебныхъ корней, парытыхъ знахаркой.

— Ахъ. Таня, Таня, что ты надѣлала!.. — упрекала она любимицу, закрывая лицо руками.

— Да вы не бойтесь, сударыня Марья Гавриловна. — отвѣчала ей Таня. — Она вѣдь предобрая и все съ молитвой дѣлаетъ. Шагу безъ молитвы не ступитъ. Корни роетъ — «Богородицу» читаетъ, травы сбираетъ — «Помилуй мя, Боже». И все, все по-божественному, вражьяго нѣтъ тутъ нисколько. Со злобы плетутъ на нее келейницы; обойдите деревни, любого спросите, всякъ скажетъ, что за елфимовскую Наталью денно и нощно всѣ Бога молятъ. Много пользы народу она дѣлаетъ. А ужъ какая разумная, какая добрая, и разсказать того невозможно.

Много разсказывала Таня про елфимовскую знахарку, такъ хвалила кротость ея и доброхотство. съ какимъ великую пользу чинитъ она людямъ безо всякой корысти. Суевѣрный страхъ покинулъ Марью Гавриловну, захотѣлось ей узнать отъ Егорихи, какая будетъ ей судьба въ новомъ замужествѣ. Но въ скитъ знахарку позвать невозможно: келейницы и близко не подпустятъ. Надо самой идти. Таня взялась устроить свиданье съ Егорихой.

На другой день по отъѣздѣ Алексѣя. передъ самыми вечернями, вышла Марья Гавриловна съ Таней на Каменный Вражекъ. Оттуда рѣзвоногая дѣвушка лётомъ слетала въ Елфимово и по скорости воротилась оттуда съ Егорихой.

— Здравствуй, Марья Гавриловна! Здравствуй, сердобольная вдовушка! — съ низкимъ поклономъ весело молвила знахарка, подойдя къ сидѣвшей на луговинѣ Марьѣ Гавриловнѣ. — Много про тебя наслышана, а Богъ привелъ напослѣдяхъ только съ тобой видѣться.

— Душой рада съ тобой видѣться, Наталья, извини, что не знаю, какъ величать по отчеству. Не привелъ Господь прежде ознакомиться, но съ хорошимъ человѣкомъ знакомство николи не поздно свести.

— На ласковомъ словѣ спасибо, сударыня, — снова кланяясь Марьѣ Гавриловнѣ, молвила тетка Егориха.

Таня была дѣвочка догадливая, отходила въ сторонку и пускалась вдоль Вражка цвѣточки рвать.

Разговорилась Марья Гавриловна со знахаркой... И не можетъ надивиться, отчего это съ перваго взгляда почувствовала къ ней такое довѣріе, какого ни къ кому до того не имѣла, такую любовь задушевную, такую близость, какой ни къ кому, кромѣ одного, никогда не чувствовала... Ровно мать родная воротилась съ того свѣта и воркуетъ теперь надъ дочерней головкой, познавшей много горя, мало радостей. Всей

душой, всѣмъ сердцемъ открылась знахаркѣ Марья Гавриловна и услыхала не сухія поученья, какъ отъ матери Манееы, а слова живого участья, освѣжившія взволнованную душу молодой вдовы. Все, все разсказала про себя Марья Гавриловна.

— Какова-то будетъ судьба моя? Чего ожидать мнѣ въ новомъ замужествѣ? — склонивъ голову, спросила она.

— Чего-жъ ты желаешь? Чтобъ я твою судьбу разсказала? Чтобъ тебѣ какъ на ладонькѣ выложила все, что впереди тебя ждетъ? — кротко улыбаясь, спросила у Марьи Гавриловны знахарка.

— Да, тетушка, да... Не утай, что вѣдаешь... Скажи. будетъ ли доля моя счастлива? — отвѣчала вдова.

— Полно, сударыня. Полно, Марья Гавриловна. Кромѣ Бога, будущаго не знаетъ никто, — величаво поднявъ голову, сказала Егориха. — Всякій вѣщунъ, коего-бъ духа пророчество его ни было — ложь есть передъ людьми и передъ Богомъ. Скажетъ ли кто тебѣ, что чарами или тайными вѣщими словами можетъ узнать судьбу человѣка, — не вѣрь... Скажетъ ли, что по звѣздамъ узнаетъ ее, аль по рукѣ, али по сну, аль по иному чему, — не вѣрь... Скажутъ тебѣ про святошу какого-либо, про юрода, что знаетъ онъ будущее, — не вѣрь... Тѣ же басни, что отъ колдуна, что отъ святоши. Будущаго знать людямъ не дано. И въ томъ Божія любовь къ людямъ. великая премудрость Его. Что бы за жизнь человѣку была, если-бъ онъ зналъ напередъ всю свою жизнь до гробовой доски? Не было-бъ тогда на землѣ ни надежды ни радостей, жилъ бы человѣкъ, какъ скотина безсловесная.

— Другимъ открываешь же ты, что будетъ съ ними, — молвила Марья Гавриловна.

— Никому я никогда не пророчила, — кротко отвѣтила знахарка. — Совѣты даю, пророчицей не бывала. Правда, простому человѣку мало добрый совѣтъ подать, надо, чтобъ онъ его исполнялъ, какъ слѣдуетъ... Тутъ иной разъ приходится и наговорить, и нашептать, и пригрозить невѣдомою силой, если онъ не исполнитъ совѣта. Что станешь дѣлать? Народъ темный. пока темными еще путями надо вести его.

— Что же мнѣ скажешь, какой мнѣ совѣтъ дашь? — спросила Марья Гавриловна.

— Въ смиреніи стяжи душу свою, — отвѣчала елфимовская знахарка. — Смирись передо всѣмъ и передъ всѣми. Въ томъ смиреньи счастье человѣка. Умѣй понять мой совѣтъ да хорошенько его исполнить. Дѣлай добро, у тебя на то достатковъ довольно: бѣднаго, сираго не забудь. голоднаго накорми, о

больномъ попечалуйся. И дѣлай все не возносясь, а смиряясь. не въ свое превозношенье, а во славу имени Божія. А выпадетъ доля терпѣть — носи золото — не изнашивай, терпи горюшко — не сказывай... Вотъ и все, больше сказать тебѣ нечего... Вотъ развѣ что̀ еще: какой бы тебѣ грѣшный человѣкъ въ жизни ни встрѣтился, не суди о грѣхахъ его, не разузнавай объ нихъ, а смирись и въ смиреньи думай, что нѣтъ на землѣ человѣка грѣшнѣе тебя. Грѣхъ что̀ болѣзнь, иной разъ и противъ воли въ человѣка входитъ; грѣхи осуждать все едино, что надъ болѣзнями смѣяться. Только злому человѣку сродно чужіе грѣхи осуждать, самъ Господь не осуждаетъ ихъ, а прощаетъ... Осуждаетъ грѣхи только дьяволъ и всѣ ему послужившіе.

Долго бесѣдовала Марья Гавриловна, сидя въ Каменномъ Вражкѣ съ елфимовской знахаркой. И такъ было ясно и отрадно на душѣ у ней; ввѣкъ бы, кажется, не разсталась она съ теткой Егорихой.

И когда, прощаясь, Марья Гавриловна денегъ хотѣла ей дать, та не взяла.

— По милости Господней всѣмъ я довольна, — сказала она. — Малое, слава Богу, есть, большаго не надо. А вотъ что̀: поѣдешь ты завтра черезъ деревню Поляну, спроси тамъ Артемья Силантьева, изба съ самаго краю на выѣздѣ... Третьяго дня коровенку свели у него, четверо ребятишекъ малъ-мала меньше — пить-ѣсть хотятъ... Безъ коровки голодаютъ, а новую купить у Артемья достатковъ нѣтъ... Помоги бѣднымъ людямъ Христа ради, сударыня.

И низко-пренизко поклонилась колдунья Марьѣ Гавриловнѣ.

И легко и свѣтло было на душѣ Марьи Гавриловны, когда подъ пытливыми, но невидимыми ей взорами обительскихъ матерей и бѣлицъ возвращалась она изъ Каменнаго Вражка въ уютный свой домикъ. Миромъ и радостной надеждой сіяла она и много жалѣла, что поздно узнала елфимовскую знахарку. Подъ яркими лучами заходившаго солнца мрачна и печальна казалась ей обитель Манефина.

На другой день воротился Алексѣй, и Марья Гавриловна оставила Комаровъ безъ тяжкихъ думъ, безъ сожалѣній. Когда выѣхала она со своимъ возлюбленнымъ изъ скита, ей вздохнулось легко и показалось, будто изъ какого-то глухого подземелья, изъ какой-то темной темницы свободною и счастливою выпорхнула она на ясный, радостный міръ Божій.

Глава четырнадцатая.

Если дѣвичье сердце затрепещетъ первою любовью въ ранней молодости, чистую душу ея она возведетъ до блаженства... Счастьемъ, радостью она засіяетъ, свѣтлымъ, прекраснымъ вольный свѣтъ ей покажется: и солнце будто ярче горитъ, и небо яснѣй, лучезарнѣй, и воздухъ теплѣй, благовоннѣй, и цвѣты краше цвѣтутъ, и вольныя птички поютъ веселѣе, и всѣ люди кажутся добрѣе и лучше... Бѣгать бы да беззаботно рѣзвиться, а если бы крылья — летѣть бы, летѣть въ синее небо, подняться-бъ выше облака ходячаго, выше тучи гремучей, къ солнышку красному, къ мѣсяцу ясному, къ частымъ звѣздочкамъ разсыпчатымъ... Та святая любовь ангеломъ Божьимъ изъ рая приносится, и, глядя на нее, радуются блаженные жители неба... И такую любовь испытала Марья Гавриловна, когда просватана была за Евграфа.

Иного рода бываетъ любовь... Проведетъ женщина молодые годы въ напрасныхъ ожиданьяхъ, сердце у ней очерствѣетъ, и станутъ ему недоступны чувства блаженства первой любви... Если-жъ она полюбитъ въ ту пору такого человѣка, что хоть на два либо на три года моложе ея, тогда любовь для нея не радость сердечная, вмѣсто любви жгучій пламень по тѣлу тогда разливается... И тотъ пламень — не свѣтлое чувство души, но буйная страсть, неудержно влекущая женщину въ объятья того, кого она полюбила... И отдается она той страсти безразсудно и беззавѣтно... Ни сожалѣнья о минувшемъ, ни опасеній за будущее!.. Умъ засыпаетъ, думы туманами кроются, на очи ровно завѣса спускается, вся жизнь замираетъ, остается живымъ одно обуянное пыломъ страстности сердце... Сердцемъ той женщинѣ видится, сердцемъ ей слышится, постыленъ ей вольный свѣтъ, ни на что-бъ она кромѣ милаго не смотрѣла, ничего бы она кромѣ любовныхъ его рѣчей не слыхала... Со всякою страстью душевная скорбь неразлучна... И такую страсть, такую скорбь познала Марья Гавриловна, полюбивъ Алексѣя.

Не дай ей Богъ познать третью любовь. Бываетъ, что женщина на переходѣ отъ зрѣлаго возраста къ старости полюбитъ молодого. Тогда закипаетъ въ ней страсть безумная, нѣтъ на свѣтѣ ничего мучительнѣй, ничего неистовѣй страсти той... Не сердечная тоска идетъ съ ней объ руку, а лютая ненависть, черная злоба ко всему на свѣтѣ, особливо къ красивымъ и молодымъ женщинамъ... Говорятъ: первая любовь отъ

Бога, другая отъ людей, а третья отъ того ангела, что̀ съ рожками да съ хвостикомъ пишутъ.

И въ дѣвицахъ, и замужемъ, и въ Манееиной обители Марья Гавриловна жила затворницей. Постороннихъ людей, особенно мужчинъ, она никогда почти не видала. Только и встрѣчала кой-кого у брата въ Казани, у Патапа Максимыча въ Осиповкѣ да у матушки Манееы, когда пріѣзжали къ ней богатые, именитые «благодѣтели». Заѣхавъ въ шумный, незнакомый городъ, она какъ въ лѣсу очутилась... И напала на нее робость, и стало ей стыдно на чужихъ людей смотрѣть... На кого ни взглянетъ, все ей кажется, что смѣются надъ нею: «Вотъ, молъ, вдовушка такъ вдовушка, подцѣпила молодчика да и живетъ съ нимъ безъ стыда, безъ совѣсти»... Заговорятъ ли погромче въ сосѣднихъ комнатахъ гостиницы, раздастся ли тамъ веселый смѣхъ, все ей думается, что про нее пересуды идутъ, надъ нею люди смѣются... Измучилась...

Сказала Алексѣю, что въ гостиницѣ она жить не станетъ, завтра же переѣдетъ на квартиру и останется въ ней, пока не пріищется домъ для покупки... Алексѣй спорить не сталъ.

На другой день нанялъ онъ особый домикъ на краю города, въ глухомъ, немощеномъ и поросшемъ травой переулкѣ... На то было непремѣнное желанье Марьи Гавриловны... Переѣзжая, потребовала она, чтобъ Алексѣй оставался въ гостиницѣ и навѣщалъ ее только днемъ... Поморщился тотъ, но спорить не сталъ.

Домикъ, гдѣ поселилась Марья Гавриловна, былъ построенъ на вѣнцѣ высокой, стоймя надъ Волгой стоящей горѣ. Съ трехъ сторонъ окружаетъ его садикъ, вишеньемъ глухо заросшій, изъ оконъ вѝдны и могучая рѣка и пестрая даль Заволжья... По синимъ струямъ взадъ и впередъ птицами летятъ пароходы, оставляя за собой полосы черного дыма вверху, бѣлыя ленты пѣны кипучей внизу... Не стая бѣлоснѣжныхъ лебедей плавно несется по воднымъ зыбямъ — широ̀ко раскинувъ свои полотняныя крылья, стройныя расшивы по Волгѣ бѣгутъ, и еле двигаются черепашьимъ ходомъ неуклюжія коноводки, таща за собой цѣлые города огромныхъ ладей... А тамъ за темно-синими струями рѣки, за желтыми песками мелей и лугового берега, привольно раскинулась необозримая даль, крытая зелеными пожнями, сверкающими на солнцѣ озёрами, за̀водями, поло̀ями *) и черными рядами большихъ дву-

*) Поло̀й — болѣе или менѣе обширная яма вблизи лугового берега большой рѣки. Въ полоѣ черезъ все лѣто остается заливаяся во время весенняго разлива вода. За̀водь — узкій поло̀й, отдѣленный отъ рѣки узенькою гривкой, за которою заливная вода стоитъ до усышки.

жилыхъ бревенчатыхъ избъ въ многочисленныхъ заволжскихъ деревушкахъ... А подъ самымъ закроемъ небосклона синѣетъ и будто трепещетъ въ сухомъ туманѣ полоса лѣсовъ, въ глуши которыхъ Марья Гавриловна отдохнула отъ великой душевной скорби и заживила сердечныя раны подъ тихимъ, безмятежнымъ покровомъ Манеѳы.

По цѣлымъ часамъ безмолвно, недвижно стоитъ у окна Марья Гавриловна, вперивъ грустныя очи въ зарѣчную даль... Ничего тогда не слышитъ она, ничего не понимаетъ, что̀ ей говорятъ, нерѣдко на темныхъ рѣсницахъ искрятся тайныя, тихія слезы... О чемъ же тѣ думы, о чемъ же тѣ слезы?.. Жалѣетъ ли она покинутую пристань, тоскуетъ ли по матерямъ Каменнаго Вражка, или мутится душа ея черными думами при мысли, что̀ ожидаетъ ее въ безвѣстномъ будущемъ?.. Нѣтъ...

Видна изъ оконъ другая рѣка многоводная. Ровно исполинской щетиной устье ея покрыто мачтами разновидныхъ судовъ, тѣсно разставленныхъ отъ одного берега до другого. Льетъ та рѣка свои мутно-желтыя воды въ синее лоно матушки Волги... За той за рѣкой другое зарѣчье. Обширнѣй оно лѣсного Заволжья, веселѣй, оживленнѣй... Ровной, гладкой низиной разстилается оно къ солнечному закату. Вдали межъ пологихъ береговъ блещетъ на солнцѣ верхо̀вая Волга, надъ нею, мѣшаясь съ дымомъ береговыхъ фабрикъ и бѣгущихъ къ Рыбинску пароходовъ, клубится дымъ Балахонскаго усолья... Искрятся и сверкаютъ озера, сіяютъ бѣлыя церкви обширныхъ селеній, пламенемъ пышутъ стальные заводы, синѣютъ дальніе лѣса, перерѣзанные надвое вытянутой, какъ струнка, каменной дорогой; лѣвѣй, по краю небосклона, высится увѣнчанный дубовыми рощами хребетъ красно-бурыхъ съ бѣлоснѣжными алебастровыми прослоями горъ, что̀ тянется вдоль прихотливо извивающейся Оки... По сыпучему песку лугового берега, насупротивъ города, раскинулся длинный, непрерывный рядъ слободъ, и въ нихъ, середи обширныхъ деревянныхъ строеній, гордо высятся двухъ- и трехъэтажные каменные дома. На стрѣлкѣ *) цѣлый городъ огромныхъ некрашенныхъ кирпичныхъ зданій, среди которыхъ стройно поднимаются верхи церквей и часовенъ, минареты мечетей, китайскіе кіоски, восточные караванъ-сараи. То — Макарій.

Сюда, на этотъ пестрый, своеобразный городъ, обращены слезли-

---

*) Верховою Волгой называется эта рѣка выше Очнаго устья. Усолье — соляныя варницы. Каменная дорога — шоссе. Стрѣлка — мысъ, образуемый слiяніемъ двухъ большихъ рѣкъ.

вые взоры Марьи Гавриловны. По цѣлымъ часамъ не сводитъ она глазъ съ ярманочныхъ строеній — чего-то все ищетъ.

Середь множества однообразныхъ построекъ хочется ей отыскать китаечный рядъ, а въ немъ бывшую отцовскую лавку... Но съ тѣхъ поръ, какъ Гаврила Маркелычъ Залетовъ ѣзжалъ торговать къ Макарью, ярмарка не одинъ разъ сгорала до тла, и на мѣстѣ китаечнаго ряда давно ужъ былъ построенъ трехъэтажный каменный домъ, назначенный для гостиницъ и трактировъ... Исчезла уютная лавочка, исчезли и тѣсныя надъ нею горенки, гдѣ Марья Гавриловна узнала на малое время сладость земного блаженства... Тамъ, просватанная за Евграфа, немного дней провела она въ спокойномъ, радостномъ счастьѣ, тамъ цѣлые часы проводила она въ сладкой бесѣдѣ съ милымъ избранникомъ непорочнаго сердца.

И вотъ она опять невѣста!.. Опять по цѣлымъ часамъ бесѣдуетъ съ новымъ избранникомъ сердца!.. Но тѣ бесѣды ужъ не прежнія, не тѣ, что велись съ покойникомъ Евграфомъ. Толкуютъ про «Соболя», толкуютъ про устройство хозяйства, про то, какъ бы получше да посходнѣе домъ купить, какъ бы Алексѣю скорѣй въ купцы записаться... Не цвѣсти по два раза въ лѣто цвѣточкамъ, не знавать Марьѣ Гавриловнѣ прежней любви.

Чаще и чаще вспоминаетъ она про Евграфа и молится за него Богу усерднѣй. Задумчивѣй прежняго стала она, безпричинная тоска туманитъ сердце ея.

Но только послышится звонкій голосъ Алексѣя, только завидитъ она его, горячій, страстный трепетъ пробѣжитъ по всему ея тѣлу, память о промелькнувшемъ счастьѣ съ Евграфомъ исчезнетъ внезапно, какъ сонъ... Не наглядится на новаго друга, не наслушается сладкихъ рѣчей его, все забываетъ, его только видитъ, его только слышитъ... Ноетъ, изнываетъ въ мучительно-страстной истомѣ побѣдное сердце Марьи Гавриловны, въ жаркихъ объятьяхъ, въ страстныхъ поцѣлуяхъ изливаетъ она кипучую любовь на новаго друга.

Но лишь только уйдетъ Алексѣй, опять за прежнія думы, опять за вспоминанья о быломъ блаженствѣ. И свѣтлый образъ Евграфа опять во всей красѣ возстаетъ тогда предъ душевными ея очами.

Нѣтъ тихой радости, нѣтъ сердечной услады — одна тоска, одна печаль плакучая!..

Дивится не надивуется на свою «сударыню» Таня... «Замужъ волей-охотой идетъ, а сама съ утра до ночи плачетъ... Не спроста это, тутъ дѣло не чисто — врагъ-лиходѣй напустилъ «притку-присуху»... Не властна, видно, была сурочить ее тетка Егориха... Врагъ-лиходѣй сильчѣе ея...»

«Кто же тотъ лиходѣй? — спрашиваетъ себя Таня. — Не кто какъ онъ, некому быть окромя Алексѣя. Онъ присушилъ, онъ вражьимъ колдовствомъ приворожилъ къ себѣ Марью Гавриловну»... И вспоминаетъ Таня все, что прежде слыхала отъ людей про любовную присуху, приворотные корешки и другія волшебныя чары. «Когда онъ, недобрый, впервые былъ у насъ въ Комаровѣ, когда онъ безъ зову, безъ спросу вошелъ къ намъ въ домикъ, меня на ту пору не было дома... Не иначе, что подкинулъ онъ тогда подъ порогъ наговоренное воронье перо... Не иначе, что у него тогда на крестѣ было навязано заколдованное ласточкино гнѣздо... Супротивъ тѣхъ волхвованій не устоять ни дѣвицѣ, ни вдовицѣ, ни мужней женѣ: памяти лишится, разума рѣшится, во всемъ подчинится волѣ того человѣка, пока самъ онъ не сурочитъ съ нея чарованья... Вѣрно, этотъ врагъ-лиходѣй съ нечистою силой въ дружбѣ, въ совѣтѣ живетъ!.. Можетъ статься, въ глухую полночь въ нетопленной банѣ въ молокѣ отъ черной коровы варилъ онъ лягушку да черную кошку!.. Можетъ-быть, выварилъ изъ нихъ приворотныя грабельки. Тронь тѣми грабельками дѣвицу, вдовицу или мужнюю жену, закипитъ у ней ретивое сердце, загорится алая кровь, распалится бѣлое тѣло, и станетъ ей тотъ человѣкъ краснѣй солнца, яснѣй мѣсяца, милѣй отца съ матерью, милѣй роду племени, милѣй свѣту вольнаго. Молиться отъ него не отмолишься, чураться не отчураешься, вѣкъ свой будешь ему рабой безотвѣтной. Ни жить ни быть, ни ѣсть ни пить безъ того человѣка нельзя... Какъ рыбѣ безъ воды, какъ тѣлу безъ души, такъ и женщинѣ безъ того человѣка... Отъ лихого чарованья на нее бѣдную вѣтры буйные со всѣхъ концовъ наносятъ тоску тоскучую, сухоту плакучую, и ту тоску и ту сухоту ни ѣдой заѣсть, ни питьемъ запить, ни сномъ заспать, ни думами развѣять, ни молитвой прогнать... Такъ вотъ и Марья Гавриловна!.. Ворожила тетка Егориха, и на корни шептала, и на травы наговаривала, съ уголька умывала, переполохъ выливала, а нималой пользы не вышло изъ того... Не сильна была вѣдовствомъ своимъ сурочить съ Марьи Гавриловны притку-присуху любовную!..»

Чѣмъ же избавить «сударыню» отъ тѣхъ лихихъ чарованій, чѣмъ отрезвить ея душу, чѣмъ разумъ оздравить?.. Не въ силахъ Таня придумать... Глядя на тоскующую Марью Гавриловну, беззавѣтно преданная ей дѣвушка забываетъ свою печаль, не помнитъ своей кручины... «Въ шелкахъ, въ бархатахъ станешь ходить, будешь мнѣ замѣсто родной дочери, весело заживемъ — въ коляскахъ станемъ ѣздить, на пароходахъ по Волгѣ кататься...» — говорила ей «сударыня» передъ отъѣздомъ

изъ Комарова, а вотъ теперь день денской словечка съ ней не перекинетъ... Скука, тоска, печаль великая!.. Но не сѣтуетъ, не досадуетъ Таня на Марью Гавриловну, во всемъ коритъ, во всемъ винитъ одного Алексѣя... И пуще огня боится его... «Долго-ль въ самомъ дѣлѣ, — думаетъ Таня: — такому кудеснику, такому чаровнику заворожить сердце бѣдной дѣвушки, лишить меня покоя, наслать на̀ сердце тоску лютую, неизбывную... А какъ взглянешь на него — залюбуешься!.. Что̀ за красота молодецкая, что̀ за поступь удалая богатырская!..»

И страшатъ и прельщаютъ бѣдную Таню быстрые палючіе взоры черныхъ очей Алексѣя.

По пріѣздѣ въ городъ Алексѣю прежде всего надо было «Соболя» принять. На другой же день отправился онъ на пристань. Было уже за̀ полдень, ото всѣхъ пристаней пароходы давно отвалили, наступило обѣденное время рабочихъ, и они разбрелись по береговымъ харчевнямъ, набережная совсѣмъ почти опустѣла. Незамѣтно на ней обычной суеты, не слышно ни пѣсенъ, ни громкихъ кликовъ, ни зычнаго гомона рабочаго люда. Величаво поднимая кверху легкую мачту съ тонкими райнами и широкую бѣлую трубу съ краснымъ перехватомъ посередкѣ, сиротой стоялъ опустѣлый «Соболь»: ни на палубѣ его ни на баржахъ не было ни одного тюка, ни одного человѣка... Галки разсѣлись по райнамъ и по устью дымогарной трубы, а на носу парохода беззаботно усѣлся бѣлоснѣжный мартынъ съ краснoперымъ окунемъ въ клювѣ. Мѣрно плещется о бока и колеса пустого парохода легкій прибой волжской волны. На сходняхъ стоитъ тотъ самый капитанъ, что̀ такъ непривѣтно обошелся съ Алексѣемъ, когда тотъ недѣли двѣ передъ тѣмъ впервы̀е увидалъ «Соболя». Стоитъ капитанъ и, должно-быть, отъ скуки и бездѣлья щелкаетъ кедровы орѣхи... Глазъ не сводя, смотритъ онъ вдаль по Волгѣ, глядитъ, какъ изъ-за блѣдно-желтой, заметавшей чуть не половину рѣки косы легко и свободно выплываютъ одинъ за другимъ низо̀вые пароходы, увлекая за собой долгія, легкія, уемистыя баржи.

Узналъ Алексѣй капитана, подошелъ къ нему. Важности напустилъ на себя — я, дескать, все едино, что хозяинъ.

— Это «Соболь»? — спросилъ онъ.

— «Соболь»,— сквозь зубы отвѣтилъ капитанъ, не взглянувъ путемъ на Алексѣя, не повернувшись даже къ нему.

— Марьи Гавриловны Масляниковой? — снова спросилъ Алексѣй.

— Ея, — нехотя молвилъ капитанъ и попрежнему глазъ не сводилъ съ подбѣгавшихъ пароходовъ.

— Къ сдачѣ готовъ? — продолжалъ спрашивать Алексѣй.

— Пятнадцать денъ попусту проживаемъ, — сказалъ капитанъ, искоса взглянувъ на Алексѣя, но и тутъ не вздумалъ ему поклониться.

— Какъ попусту? — спросилъ Алексѣй.

— Пароходной хозяйки нѣтъ, дуй ее горой... Повѣренныхъ не шлетъ, — время только даромъ проводимъ.

— Я приму, — сказалъ Алексѣй.

Капитанъ не смутился. Повернулся къ Алексѣю и, продолжая щелкать орѣхи, внимательно оглядѣлъ его съ головы до пятокъ.

— Довѣренность?.. — протягивая руку, спросилъ онъ.

— Какая?

— Впервой, должно-быть, на пристани-то? — усмѣхнулся капитанъ. — Пароходъ не дровъ полѣнница — безъ довѣренности какъ его сдашь? Довѣренность отъ хозяйки нужна, отъ купчихи, значитъ, отъ Масляниковой...

И пристальнѣй прежняго сталъ приглядываться къ выплывавшимъ изъ-за песчаной косы пароходамъ и попрежнему принялся щелкать кедровые орѣхи.

Закипѣла досада въ Алексѣ. «Сгоню его безпремѣнно! — думаетъ онъ. — Ишь какого барина гнетъ изъ себя, сиволапый!.. Слова путемъ не хочетъ промолвить!..» Повернулся и пошелъ вдоль по набережной. Десяти шаговъ не прошелъ, капитанъ ему крикнулъ вдогонку:

— Эй, почтенный!.. Въ молодцахъ, что ли, служишь у хозяйки-то?

Взорвало Алексѣя, обидно стало... «Въ молодцахъ»!..

— Тебѣ что? — грубо спросилъ онъ капитана, не повернувшись.

— Коль въ молодцахъ у нея, такъ молви — пріемкой бы не медлила, — на всю пристань оралъ капитанъ. — Я ей не караульщикъ!.. Мнѣ на другомъ пароходѣ мѣсто готово... Лишусь по ея милости мѣста, убытки взыщу... Скажи отъ меня ей, чернохвостницѣ: здѣсь, молъ, не скиты, потачки не дадутъ... Такъ и скажи ей — тысячью, молъ, рублевъ не отдѣлаешься... Я ей щетинку-то всучу...

Куда какъ хотѣлось Алексѣю вернуться къ пароходу и притузить капитана... Но воздержался — главное, полиціи боялся.

Взялъ извозчика и къ маклеру... Пробылъ у него больше часа. У Патапа Максимыча негдѣ было ему дѣловымъ порядкамъ научиться... Обѣщавъ хорошую плату, разспросилъ

маклера, какъ пишутъ довѣренности, какъ покупаютъ и продаютъ дома, пароходы, какъ въ купцы приписываются, да ужъ кстати спросилъ и о томъ, нѣтъ ли у него на примѣтѣ хорошаго капитана на «Соболь».

Пріѣхавши къ Марьѣ Гавриловнѣ, такихъ страховъ наговорилъ, что та совсѣмъ растерялась.

— Былъ я на «Соболѣ», — озабоченно и безпокойно сказалъ онъ. — Не больно тамъ ладно.

— Что такое? — встревожилась Марья Гавриловна.

— Завтрашняго числа надо его безпремѣнно принять, — сказалъ Алексѣй: — не то много придется платить неустойки, да еще за простой... Судомъ грозитъ капитанъ, убытки взыскивать хочетъ...

— Сегодня же прими, голубчикъ, теперь еще не поздно, успѣешь, — молвила Марья Гавриловна.

— Безъ довѣренности не сдадутъ... Не дровъ полѣнница, — сказалъ Алексѣй, кстати ввернувъ слова капитана.

— Я тотчасъ ее напишу, — сказала Марья Гавриловна.

— Скоро блины пекутъ да сказки сказываютъ, — молвилъ Алексѣй. — Чтобъ ее написать, какъ слѣдуетъ, двѣ либо три недѣли надо. Нарочно къ маклеру ѣздилъ, совѣтовался... Говоритъ то же самое... Скоро этого дѣла сдѣлать никакъ невозможно, а если три недѣли еще пропустить, такъ этихъ проклятыхъ неустоекъ да простоевъ столько накопится, что, пожалуй, и пароходъ-отъ не будетъ стоить того... И нужно же было братцу твоему любезному неустойку вписать!.. И безъ нея обошлось бы. А ужъ если безъ неустойки нельзя, такъ писалъ бы по крайности небольшую... Теперь вотъ поди и валандайся тутъ по его милости...

— Что-жъ намъ дѣлать, Алешенька?.. Что-жъ дѣлать, голубчикъ ты мой? — почти со слезами говорила Марья Гавриловна, припавъ лицомъ къ плечу возлюбленнаго.

— Самъ не знаю, что дѣлать, — холодно отвѣтилъ Алексѣй. — Ума приложить не могу... Маклеръ, правда, совѣтуетъ... Да этого нельзя... Этого никакъ невозможно!.. Большіе надо убытки принять...

— Что такое? — спросила Марья Гавриловна.

— Да что!.. Пустое дѣло, — молвилъ Алексѣй. — Не стоитъ поминать...

— Да скажи, голубчикъ, скажи, милый ты мой, — крѣпко обнимая Алексѣя, спрашивала Марья Гавриловна.

— Продать совѣтуетъ, — сквозь зубы сказалъ онъ.

— Не хотѣлось бы мнѣ продавать парохода, — грустно промолвила Марья Гавриловна. — Всѣ говорятъ, что пустить хо-

рошій пароходъ на Волгу дѣло самое выгодное... Прибыльнѣй того дѣла по теперешнимъ временамъ, говорятъ, не придумаешь. Въ Казани у брата ото всѣхъ такъ слыхала, и Патапъ Максимычъ то же сказывалъ, и Сергѣй Андреичъ Колышкинъ.

— Конечно, выгодно, — сказалъ Алексѣй. — Да вотъ эти окаянныя неустойки, что̀ братецъ твой въ условіе ввернулъ!.. Опять же простои... Благодари братца, онъ такъ устроилъ.

Не отвѣтила Марья Гавриловна. Послѣ недолгаго молчанія Алексѣй продолжалъ:

— Маклеръ говоритъ, покупщики завтра-жъ найдутся, только ужъ денегъ тѣхъ не дадутъ, сколько за «Соболя» плачено было. За половину продать, такъ слава Богу, онъ говоритъ.

— Господи!.. Да что-жъ это такое?.. — всхлипнула Марья Гавриловна. — Вѣдь это разоренье!..

— Самъ то же думаю, — молвилъ Алексѣй.

И, вставъ съ мѣста, подошелъ къ окну и, закусивъ нижнюю губу, сталъ по стеклу барабанить.

— Что-жъ намъ дѣлать?.. Что-жъ намъ дѣлать-то?.. — тосковала Марья Гавриловна. — Алеша, хоть мы съ тобой пока и не вѣнчаны, а все-жъ вѣдь ты голова... Подумай, помоги — твое вѣдь... Гдѣ мнѣ глупой бабенкѣ знать да дѣлать такія дѣла?.. Гдѣ мнѣ было имъ научиться?..

И, зарыдавъ, обняла Алексѣя и поникла на груди его головою.

— Еще маклеръ совѣтовалъ, — сказалъ онъ. — Только не знаю, какъ. По-моему, это совсѣмъ ужъ неподходящее дѣло.

— Что̀, что̀ такое? — спрашивала Марья Гавриловна.

— Да нѣтъ!.. Пустяки — нестаточное дѣло... Говорить не сто̀итъ, — сказалъ Алексѣй.

— Да скажи, голубчикъ мой, скажи ради Господа!.. Что̀ не сказать?.. Ради Творца небеснаго!.. Да пожалуйста, Алешенька!.. — молила его Марья Гавриловна.

Переминается Алексѣй, не сказываетъ, а Марья Гавриловна пуще проситъ его, нѣжной рукой разглаживая хмурое чело жениха. Заговорилъ онъ наконецъ, будто съ большой неохотой:

— Продать его скорѣй надежному человѣку... Пусть бы онъ заплатилъ неустойки, что̀ по сей день накопилось, да, очистивъ пароходъ отъ долговъ, воротилъ его тебѣ...

— За чѣмъ же дѣло стало? — быстро спросила Марья Гавриловна.

— А гдѣ такого человѣка найдешь? — спросилъ Алексѣй.—

Нынче всякъ за свой карманъ. Подпиши-ка ему крѣпость-то, онъ тебѣ поклонъ да и вонъ... Развѣ вотъ что̀: посылай въ Казань эстафету, зови брата... Пусть его купитъ... Свои люди— сочтетесь.

Задумалась Марья Гавриловна... И, немного подумавши, тихо сказала:

— Не пошлю я за братомъ, Алешенька. Богъ знаетъ, что̀ у него на разумѣ... Можетъ, и грѣшу... А сдается мнѣ, что онъ на мои достатки смотритъ завидно... Теперь, поди, еще завиднѣе будетъ, прежде хоть думалъ, что не самъ, такъ дѣти наслѣдство отъ меня получатъ... Нѣтъ, не продамъ ему «Соболя».

— Больше некому, — промолвилъ Алексѣй. — Стало-быть— пропадать пароходу?

— Зачѣмъ же пропадать? — весело сказала Марья Гавриловна. — А ты-то на что, голубчикъ?.. Кто-жъ мнѣ ближе тебя?.. Для тебя же вѣдь его и покупала... Завтра-жъ на себя переписывай... Вѣдь я твоя и все, что̀ ни есть у меня, твое... Все твое, голубчикъ, все... — страстно цѣлуя Алексѣя, говорила она.

— Ладно-ль будетъ такъ-то? — промолвилъ онъ. — Люди вѣдь злы, наскажутъ и невѣсть чего!..

— Что̀ намъ до людей?.. — въ страстномъ порывѣ воскликнула Марья Гавриловна. — Дѣлай скорѣй... Завтра же... А чтобъ людямъ поменьше пришлось про насъ толковать, сдѣлаемъ вотъ что̀: говорено было вѣнчаться осенью, свѣнчаемся теперь же... Ищи попа. Петровки пройдутъ — будемъ мужъ да жена.

Обнялъ Алексѣй Марью Гавриловну и сталъ горячо ее цѣловать.

— Либо въ Москву, либо въ Казань надо ѣхать, — сказалъ онъ. — Другого попа по близости нѣтъ.

— Ни за что не поѣду въ Москву... — вскрикнула Марья Гавриловна. — Ни за что на свѣтѣ, ни за что!..

Вспомнить она не могла про Москву, гдѣ провела печальные годы замужества.

— Такъ въ Казань, — молвилъ Алексѣй...

— И въ Казань не поѣду, — рѣшительно сказала Марья Гавриловна. — Тамъ братъ, тамъ много родныхъ и знакомыхъ. Пойдутъ разговоры, пойдутъ пересуды... Нѣтъ, нѣтъ, не хочу, не поѣду въ Казань.

— Какъ же быть? — молвилъ Алексѣй. — Про Городецъ я провѣдывалъ, такъ раньше Вздвиженья тамъ не будетъ попа— теперь, слышь, въ разъѣздахъ... Гдѣ же вѣнчаться-то?

— Въ церкви, — спокойно отвѣтила Марья Гавриловна.

— Какъ въ церкви?.. Въ какой?.. — съ удивленьемъ спросилъ ее Алексѣй.

— Да вонъ хоть въ этой, — указала Марья Гавриловна въ окно на церковный верхъ, возвышавшійся надъ домами.

— Да это великороссійская!.. — сказалъ Алексѣй.

— А тебѣ нѣмецкую, что ли, надо? — улыбнулась Марья Гавриловна.

— Грѣхъ вѣдь, Марья Гавриловна, — раздумчиво сказалъ Алексѣй.

— Не слыхалъ развѣ, что по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ? — спросила Марья Гавриловна.

— Да оно конечно... Только знаешь, какъ-то все думается.. Грѣхъ-отъ, кажется, больно великъ, — колебался Алексѣй. — Пожалуй, еще не простой грѣхъ, пожалуй, изъ непрощеныхъ!.. Погодимъ лучше до Вздвиженья, какъ попъ въ Городецъ воротится.

— Не стану я ждать, — съ живостью сказала Марья Гавриловна. — Тяжела мнѣ такая жизнь — долго ея не вынесешь... Что̀ я теперь стала?.. Самъ посуди... Ни въ тѣхъ ни въ сѣхъ, отъ берега отстала, къ другому не пристала, совѣстно даже на людей глаза поднять... Нѣтъ, Алеша, нѣтъ; ты ужъ не раздумывай. Не хочешь въ великороссійской, въ Духовской*) повѣнчаемся... Тамъ обведутъ насъ посолонь, Исайю пѣть не станутъ, чашу растопчешь, молитвы попъ прочитаетъ тѣ-жъ самыя, что̀ и въ часовнѣ**).

— Такъ-то оно такъ, да все какъ-то, знаешь, оно... — продолжалъ колебаться Алексѣй.

— Что̀ еще? — быстро взглянувъ на него, спросила Марья Гавриловна.

— Да я все насчетъ грѣха-то... Прощеный ли? — говорилъ Алексѣй. — Одинова я съ церковникомъ въ банѣ парился, такъ и за это отецъ Аѳанасій на духу-то началилъ-началилъ меня, на поклоны даже поставилъ... А вѣдь это, сама посуди — вѣдь это не баня?

— Полно-ка, голубчикъ, по времени исправимся, — перебила его Марья Гавриловна. — Ну поставитъ попъ на поклоны... Эка важность!.. Какъ-нибудь да отмолимся...

---

*) Единовѣрческой.

**) У старообрядцевъ и единовѣрцевъ при совершеніи брака вокругъ налоя ходятъ по солнцу, «Исаія ликуй» не поютъ, вино пьютъ изъ стекляннаго сосуда, который потомъ женихъ бросаетъ на полъ и растаптываетъ ногой. До Никона патріарха это было всеобдержнымъ обычаемъ онъ сохранялся даже и на царскихъ свадьбахъ.

— Дѣлать, видно, нечего, въ Духовской такъ въ Духовской,— послѣ долгаго раздумья сказалъ Алексѣй.

— Оно-жъ и покрѣпче будетъ, — улыбаясь и обнимая Алексѣя, молвила Марья Гавриловна. — Въ Духовской-то обвѣнчаемся, такъ вѣнецъ невпримѣръ будетъ крѣпче... Тогда ужъ ты меня, какъ лапоть, съ ноги не сбросишь...

— Что ты, что ты?.. Эко слово какое сказала!.. — заговорилъ Алексѣй.

— А кто тебя знаетъ!.. Я состарѣюсь, а ты еще въ порѣ будешь... Какъ знать, что будетъ?..—сказала Марья Гавриловна.

— Полно ты, полно!.. Экъ что выдумала!.. Придеть же такое въ голову!.. Да о чемъ же плакать-то?.. Что и въ самомъ дѣлѣ?.. Ну какъ не стыдно?.. — уговаривалъ Алексѣй Марью Гавриловну, а она, крѣпко прижавшись къ плечу его, такъ и заливалась слезами.

Глава пятнадцатая.

Съ помощью маклера Алексѣй Трифонычъ живой рукой переписалъ «Соболя» на свое имя, но въ купцы записаться тотчасъ было нельзя. Надо было для того получить увольненіе изъ удѣла, а въ этомъ голова Михайла Васильичъ не властенъ, придется дѣло вести до Петербурга. Внесъ, впрочемъ, гильдію и сталъ крестьяниномъ, торгующимъ по свидѣтельству перваго рода... Не купецъ, а почти что то же.

Новый купецъ и владѣлецъ парохода явился на пристань. Новости тамъ расходятся быстро, все одно, что на базарѣ. Когда Алексѣй проходилъ по набережной, на него только-что пальцами не указывали. Идетъ и слышитъ, какъ ведутъ про него пересуды...

— Ишь ты! Лыкомъ шитъ, совсѣмъ какъ есть деревенщина, а тоже пароходчикъ!

— А вѣдь надо дѣло говорить — что ни на есть первый по Волгѣ ходокъ.

— Кто?

— Да «Соболь»-отъ.

— «Соболь»-отъ! Да... А поди вонъ кому достался.

— Мужикъ какъ есть мужикъ... А въ купцы тоже лѣзетъ...

— При такихъ достаткахъ сапоги дегтемъ мазаны!

— Въ длиннополой-то сибиркѣ да въ перву гильдію!

— Откудова это такія деньги взялись у него?

— Извѣстно, не съ неба свалились.

— Знамо не съ неба, да вѣдь пятьдесятъ тысячъ на полу не подымешь.

— Можетъ, дешевле ему обошлось.

— Какъ такъ?

— Масляничиха-то, сказываютъ, старуха, а онъ, гляди, какой здоровенный... Понялъ, какова коммерція-то?

— Понялъ.

— Грому-то на нихъ нѣтъ!

— Тьфу ты пропасть!.. Не нашла она чище сиволапаго... Да за такой пароходъ и не мужикъ бы со всякимъ усердіемъ.

— Такъ ужъ, видно, пришлось... Да ну ихъ ко псамъ!

Все слышитъ Алексѣй. Злоба всю душу въ немъ повернула, такъ бы и положилъ въ лоскъ всѣхъ до единаго.

Подошелъ къ «Соболю». Капитанъ стоитъ у руля и молча вдаль смотритъ. На палубѣ ни души. Сказываетъ про себя Алексѣй капитану, что онъ новый хозяинъ. Не торопясь. сошелъ капитанъ съ рубки, не снимая картуза, подошелъ къ Алексѣю и сухо спросилъ:

— Бумаги?

— Какія?

— Докумѐнты.

Вынулъ Алексѣй нужныя бумаги, капитанъ внимательно пересмотрѣлъ ихъ.

— Вѣрно, — сказалъ онъ, возвращая бумаги, и тотчасъ отворотился.

— Принять желаю, — съ досадой сказалъ Алексѣй. — Сейчасъ же, сію минуту чтобъ сдача была.

— Примай, — не оборачиваясь, небрежно отвѣтилъ капитанъ.

— Сдавай! — крикнулъ ему Алексѣй, сдѣлавъ три шага впередъ.

— А ты больно-то не ори — печенка лопнетъ... Горломъ, братъ, здѣсь не возьмешь, сами орать-то здоровы — насъ не перекричишь... — съ нахальствомъ сказалъ ему капитанъ.

Противъ «Соболя» на набережной собралась толпа празднаго люда. Всякому въ охоту послушать перебранку новаго хозяина со старымъ капитаномъ.

— Своего требую!.. Пароходъ мой — ты долженъ его сдать, — горячился Алексѣй.

Капитанъ подперъ бока руками и, склонясь немножко на сторону, ровнымъ голосомъ, но съ усмѣшкой сказалъ Алексѣю, подмигивая стоявшимъ на набережной:

— Пароходы покупаешь, а порядковъ не знаешь... Горе ты, не пароходчикъ!.. Какъ же я тебѣ стану сдавать безъ свидѣтелей?.. Опять же гдѣ полиція, гдѣ водяной смотритель?.. Эхъ, ты!.. Не пароходы тебѣ покупать, навозъ бы лучше изъ деревни на поля вывозилъ...

Толпа громко захохотала.

— Онъ на «Соболѣ»-то навозъ возить зачнетъ!

— Кладь добрая!

— Поставка хорошая!.. Почемъ съ пуда-то?..

— Ахъ, дуй васъ горой!

Видитъ Алексѣй, дѣлать нечего, — опять къ маклеру за совѣтомъ. Осыпаемый насмѣшками, едва пробрался онъ сквозь набравшуюся толпу. Когда сѣлъ на извозчика, толпа ухнула вразъ и захохотала. Со злобы и досады слезы даже выступили у Алексѣя. Пріѣхавъ къ маклеру, разсказалъ ему все, не промолчалъ ни про нахальство капитана, ни про насмѣшки толпы. Маклеръ научилъ его, какъ принимать пароходъ, и посовѣтовалъ пригласить для пріемки знающаго человѣка, который бы обладилъ дѣло, какъ слѣдуетъ. Алексѣй согласился, маклеръ указалъ ему человѣка.

— А насчетъ того, что на пристани собачатся, тутъ ужъ дѣлать нечего, надо потерпѣть, — сказалъ маклеръ. — По времени все обойдется, а на первый разъ надо потерпѣть. Главное дѣло, не горячитесь, дѣлайте дѣло, будто не слышите ихъ. Погомонятъ-погомонятъ — разойдутся... А пріемку начинайте подъ вечеръ, часу въ пятомъ либо въ шестомъ, — тогда на пристани мало народу бываетъ, а иной день и вовсе нѣтъ никого... Да еще бы я вамъ совѣтовалъ, коль не во гнѣвъ будетъ вамъ меня выслушать...

— Что такое? — спросилъ Алексѣй.

— Да видите ли что, Алексѣй Трифонычъ, — протяжно и внушительно сталъ говорить ему маклеръ. — Теперь вы въ купцы еще не записаны, однакожъ, заплативши гильдію, все-таки на линіи купца стоите... Вамъ бы одёжу-то смѣнить... По-крестьянскому ходить теперь вамъ не приходится... Надѣньте-ка хорошій сюртукъ, да лаковые сапоги, да модную шляпу либо фуражку — совсѣмъ другое уваженье къ вамъ будетъ...

— Что-жъ? Я съ моимъ удовольствіемъ, — сказалъ Алексѣй.

— Вотъ вамъ билетецъ, — сказалъ маклеръ, подавая Алексѣю карточку. — Съ этимъ билетцомъ поѣзжайте вы къ портному, у него готоваго платья завсегда припасено вдоволь. Да выбирайте не сами, во всемъ на него положитесь... Главное, чтобы пестраго на васъ ничего не было, все чтобы черное, а рубашка бѣлая полотняная, и каждый день чистую вздѣвайте... Постойте-ка, я портному-то записку напишу.

Алексѣй поблагодарилъ за совѣтъ.

— Да вотъ что еще, Алексѣй Трифонычъ. Вамъ бы и рѣчь-то маленько поизмѣнить, чтобъ отъ васъ деревней-то не

больно припахивало, — съ добродушной улыбкой сказалъ маклеръ. — А то вотъ вы все на «о» говорите — праздному человѣку аль какому гулящему это и на̀ руку... Тотчасъ зачнутъ судачить да пересмѣивать... Вамъ бы модныхъ словецъ поучить, чтобъ разговаривать политичнѣе.

Покраснѣлъ Алексѣй. Сознавалъ, что высоко̀ залетѣлъ, что новая жизнь не подъ силу ему приходится, но сознаться въ томъ передъ маклеромъ было стыдно.

— Не умѣю, — чуть слышно, сквозь зубы промолвилъ онъ.

— Учиться надо, Алексѣй Трифонычъ, — отвѣтилъ маклеръ. — Наука не больно хитрая... Въ трактиры почаще ходите, въ тѣ, куда хорошіе купцы сбираются, слушайте, какъ они межъ себя разговариваютъ, да помаленьку и перенимайте... А еще лучше, въ коммерческій клубъ ходите... Хотите, я васъ гостемъ туда запишу?..

— Что-жъ это такое? — спросилъ Алексѣй. — Трактиръ, что ли, какой?..

— Нѣтъ, не трактиръ, — улыбаясь, сказалъ ему маклеръ. — Это такое мѣсто, куда по вечерамъ сбираются купцы межъ собой побесѣдовать и повеселиться. Самые первостатейные тамъ бываютъ, и господа тоже. Въ карты играютъ... Умѣете ли въ карты-то?

— Игрывалъ, — отозвался Алексѣй.

— Въ какія игры? — спросилъ маклеръ.

— Въ хлюсты, въ носки... Въ три листика еще, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Ну, эти игры тамъ не годятся, про нихъ и не поминайте — не то какъ разъ осмѣютъ... — сказалъ маклеръ. — Другія надобно знать... Да я обучу васъ по времени... А теперь — прежде всего одѣньтесь, какъ слѣдуетъ, на руки перчатки надѣньте, въ обтяжку, да чтобъ завсегда перчатки были чистыя... Подъ скобку тоже вамъ ходить не приходится... Прежде портного — зайдите вы къ цырюльнику, тамъ обстригутъ васъ, причешутъ.

Алексѣй все сдѣлалъ по совѣту маклера, и когда завитой, раздушенный, распомаженный, одѣтый по модѣ, вошелъ онъ къ Марьѣ Гавриловнѣ, Таня такъ и шарахнулась въ сторону, а Марья Гавриловна руками закрыла лицо.

— Этакъ будетъ политичнѣе, — сказалъ Алексѣй, повертываясь и охорашиваясь передъ зеркаломъ.

— Чтой-то тебѣ, Алешенька, вздумалось такъ вырядиться?.. — жалобно проговорила Марья Гавриловна. — Нешто этакъ-то лучше?

— По той самой причинѣ, что такъ какъ я теперича на линіи купца, такъ нельзя же мнѣ по-мужицки ходить... — съ неумѣлой развязностью сердито молвилъ Алексѣй.

— Да я такъ сказала, спроста, — отвѣтила Марья Гавриловна. — Мнѣ только смѣшно глядѣть-то на тебя на этакого, - съ улыбкой прибавила она.

- И вовсе тутъ ничего смѣшного нѣтъ, — нахмурясь, сказалъ Алексѣй. — Всѣ хорошіе люди такъ ходятъ... А я обсѣвокъ, что ли, какой?.. Для че и мнѣ полированнымъ человѣкомъ не быть?..

Въ новомъ платьѣ Алексѣй успѣлъ побывать въ трактирѣ и послушать тамъ, какъ купцы говорятъ. Перенялъ кой-какихъ мудреныхъ словецъ.

Замѣтивъ досаду Алексѣя, Марья Гавриловна тотчасъ же стала его увѣрять, что для нея онъ во всякомъ нарядѣ хорошъ и, если ему нравится такъ ходить, волѣ его перечить не станетъ она.

— Не въ одёжѣ дѣло, милый ты мой, а въ душѣ, — сказала она, ласкаясь къ нему: — люби только меня, не разлюбливай, во всемъ другомъ дѣлай, какъ знаешь.

И нѣжно его поцѣловала.

- Домъ есть на примѣтѣ, — сказалъ черезъ нѣсколько минутъ Алексѣй. — Маклеръ указалъ. Посмотрѣлъ я — хорошій домъ.

— А цѣной? — спросила Марья Гавриловна.

— Цѣной-то дорогонекъ, зато ужъ и хорошъ же, — сказалъ Алексѣй. — Каменный, двухъэтажный, на хорошей улицѣ, по лицу тринадцать окошекъ, на дворѣ флигеля большіе, каменные... Можно будетъ внаймы отдавать. Службы тоже всѣ каменныя, мѣста пропасть, садъ...

— Цѣна-то какъ? Цѣну скажи? — спрашивала Марья Гавриловна.

— Сорокъ тысячъ цѣлковыхъ въ первомъ словѣ, — сказалъ Алексѣй. — Тысячи три либо четыре спустятъ. Опять же и въ домѣ все на хорошую руку; стулья всякіе, столы, зеркала, на полахъ ковры — одно слово богатель...

— Что̀? — спросила Марья Гавриловна.

— Богатель, говорю, — съ ужимкой отвѣтилъ Алексѣй.

— Что-жъ это за богатель такая? — переспросила Марья Гавриловна.

— Животы, значитъ, всякіе достатки въ самолучшемъ видѣ, — сказалъ Алексѣй.

— Дороговько-то оно дороговько, — помолчавъ, молвила Марья Гавриловна. — А ежели все въ хорошемъ видѣ, такъ денегъ

нечего жалѣть. На домъ денегъ не жаль. Говорится же: что̀ продано, то прожито, что̀ куплено, то нажито...

— Это точно, — согласился Алексѣй. — Домъ сто̀ящій. Опричь того, что сами будемъ жить, флигеля, амбары, кладовыя пустимъ внаймы — доходъ будетъ знатный... Только вѣдь и тутъ хлопоты... Надо будетъ тебѣ по присутственнымъ мѣстамъ ходить, въ гражданской палатѣ...

— Ну, этого ужъ не будетъ! — ровно встрепенувшись, молвила Марья Гавриловна. — Ни за что на свѣтѣ! Пока не обвѣнчаны, шагу на улицу не ступлю, глазъ не покажу никому... Тяжело вѣдь мнѣ, Алешенька, — припадая на плечо къ милому, тихо, со слезами она примолвила. — Самъ посуди, какъ мы живемъ съ тобой!.. Вѣдь эта жизнь совсѣмъ истомила меня... Можетъ, ни единой ноченьки не провожу безъ слезъ... Стыдно на людей-то смотрѣть.

— Чего же тутъ стыднаго? — сухо спросилъ Алексѣй.

— Да какъ же?.. Развѣ хорошо мы дѣлаемъ? — жалобно заговорила Марья Гарвиловна. — И передъ Богомъ-то грѣхъ великій и передъ людьми-то стыднымъ-стыднёхонько... Нѣтъ, ужъ ты меня лучше не уговаривай. Пока вѣнцомъ грѣха не покроемъ, не буду я на людей глядѣть... Оттого и желаю скорѣй обвѣнчаться... Богомъ прошу тебя, голубчикъ... Не томи ты меня, не сокрушай въ горькой печали моей!..

И, горько зарыдавъ, закрыла лицо руками и тяжело опустилась на кресло...

— О чемъ же это ты?.. Милая!.. — уговаривалъ ее Алексѣй. — Что-жъ это въ самомъ дѣлѣ?.. Какъ не стыдно?.. Полно, голубонька, перестань, моя ясынька!.. Ну, пожалуй... Для тебя я на все согласенъ... Хоть въ самый же Петровъ день обвѣнчаемся... Только какъ же это будетъ у насъ?.. Здѣсь, стало-быть, придется, въ этихъ горенкахъ свадьбу-то играть.

— Какъ можно въ этихъ горенкахъ? — поднявъ заплаканные глаза на Алексѣя, сказала Марья Гавриловна. — При нашихъ-то достаткахъ да въ этихъ клѣтушкахъ!.. Полно ты, полно!.. А домъ-отъ?.. Купимъ до того времени... Недѣля остается... Богъ дастъ, управимся.

— Да вѣдь сказалъ же я тебѣ, что безъ того до̀ма нельзя купить, чтобъ самой тебѣ въ гражданской палатѣ въ книгѣ не расписаться, — сказалъ Алексѣй. — А если до вѣнца съ людьми видѣться не хочешь, какъ же это сдѣлать-то?

— На свое имя купи, — молвила Марья Гавриловна.

— Развѣ что такъ... — раздумчиво молвилъ Алексѣй. — Только знаешь ли?.. Пароходъ на твои деньги, теперь домъ... Наскажутъ и не знай чего... Всѣ вѣдь знаютъ, что у меня

ни кола, ни двора, за душой ни гроша... Опять же и самому мнѣ какъ-то совѣстно... Какъ же это? Деньги твои, а домъ будетъ мой?..

— А самъ-отъ ты развѣ не мой? — съ ясной улыбкой обнявъ Алексѣя, сказала Марья Гавриловна. — Развѣ мужу съ женой можно дѣлиться?.. И въ писаніи сказано: «Оба въ плоть едину»... Что твое — мое, что мое — твое. По моему разсужденію — такъ, не знаю, какъ по твоему.

— Да оно конечно, — закусивъ губу, молвилъ Алексѣй. — Оно конечно... Только, право, боязно мнѣ, чтобъ сама ты послѣ чего не подумала... Вотъ дескать: еще не женился, а деньги ужъ высасываетъ.

— Полно ты, нехорошій этакій, полно вздоръ-отъ молоть! — воскликнула Марья Гавриловна, хлопнувъ слегка Алексѣя по лбу рукой. — Экъ что вздумалъ!.. Придетъ же такое въ голову... Безстыдникъ!.. А знаешь ли что, Алеша? — сказала она, любуясь на жениха. — Какъ этакъ-то ты вырядился, ты вѣдь еще краше сталъ... Пригоженькій, хорошенькій!.. — приговаривала она, гладя Алексѣя по головѣ.

Когда Алексѣй выходилъ отъ Марьи Гавриловны, въ сѣняхъ столкнулся съ Таней. Та отступила и раскраснѣлась, какъ маковъ цвѣтъ.

И Алексѣй на минуту остановился, жадно взглянулъ на пышущее красотой лицо дѣвушки и, опустя голову, пошелъ со двора.

«Экая дѣвчонка-то! — думалъ онъ. — Красотка!.. И молоденькая еще!.. А Марья Гавриловна говоритъ: «состарѣюсь, а ты еще въ порѣ будешь!..» Гм!.. А вѣдь оно и такъ!.. Пароходъ пятьдесятъ, домъ сорокъ — значитъ, теперь у насъ собственнаго капиталу девяносто тысячъ!.. Важно!..»

А Марья Гавриловна, простясь съ Алексѣемъ, подошла къ окну, и взоръ ея невольно устремился за Оку... Опять Евграфъ вспомнился... Опять печаль туманомъ подернула лицо ея...

Дня черезъ два послѣ того къ дому Сергѣя Андреича Колышкина подъѣхала извозчичья коляска, запряженная парой добрыхъ коней. Въ ней сидѣлъ высокій молодой человѣкъ въ новенькомъ съ иголочки пальто и въ круглой шелковой шляпѣ. Если-бъ коляска заѣхала въ деревню Поромову да остановилась передъ избой Трифона Лохматаго, не узнать бы ему роднаго дѣтища.

Хотя съ непривычки и не совсѣмъ ловко вышелъ Алексѣй изъ коляски, но бойкимъ шагомъ подошелъ къ подъѣзду и дернулъ изо всей силы бронзовую ручку колокольчика. Тот-

часъ же человѣкъ съ галуномъ на картузѣ широко распахнулъ передъ нимъ двери.

— У себя ли Сергѣй Андреичъ? — важно поднявъ голову, спросилъ Алексѣй.

— Принимаютъ, — отрывисто отвѣтилъ придверникъ, зорко оглядывая Алексѣя и вспоминая, какъ недѣли двѣ передъ тѣмъ онъ, одѣтый попросту, робко спрашивалъ у него про Сергѣя Андреича.

— Что принимаетъ?.. Кладь, что ли, какую? — спросилъ Алексѣй.

— Какую кладь?.. — съ усмѣшкой сказалъ тотъ. — Гостей принимаютъ, аль кто по надобности придетъ. — И, отступивъ въ сторону отъ двери, примолвилъ: — Наверхъ пожалуйте.

Алексѣй скинулъ пальто. Былъ онъ въ коротенькомъ сюртукѣ, въ лаковыхъ сапожкахъ, бѣлье изъ тонкаго голландскаго полотна было чисто, какъ лебяжій пухъ, но все сидѣло на немъ какъ-то нескладно, все шло къ лѣсному добру молодцу ровно къ коровѣ сѣдло, особенно прическа съ проборомъ до затылка, замѣнившая темно-русые вьющіеся кудри, что когда-то наяву и во снѣ мерещились многимъ, очень многимъ деревенскимъ краснымъ дѣвицамъ.

Сердито смотрѣлъ картузъ съ галуномъ на Алексѣя, когда тотъ поднимался по широкой лѣстницѣ, покрытой ковромъ, обставленной цвѣтами и зеленью. «Ишь привалило косолапому! — бормоталъ придверникъ: — а нашъ братъ бейся, служи, служи, а на повѣрку въ одномъ карманѣ клопъ на арканѣ, а въ другомъ блоха на цѣпи...»

— Для че на коверъ-то харкнули?.. — крикнулъ онъ съ досады вслѣдъ Алексѣю. — Плевальницы на то по угламъ ставлены... Аль не видишь?.. Здѣсь не изба деревенская, аль не кабакъ какой...

Смутился Алексѣй, но не подалъ вида. Смѣло, мѣрными шагами вошелъ онъ въ покои Сергѣя Андреича.

— Ишь какъ расфуфырился! — продолжалъ ворчать картузъ съ галуномъ. — Псу не дядя, свиньѣ не братъ!.. Вотъ оно деньги-то что̀ означаютъ...

На ту пору у Колышкина изъ постороннихъ никого не было. Какъ только сказали ему о приходѣ Алексѣя, тотчасъ велѣлъ онъ позвать его, чтобъ съ глазу на̀ глазъ пожурить хорошенько. Такъ, дескать, добрые люди не дѣлаютъ, столь долго ждать себя не заставляютъ... А затѣмъ объявить, что «Успѣхъ» не могъ его дождаться, убѣжалъ съ кладью до Рыбинска, но это не бѣда: для любимца Патапа Максимыча у него на другомъ пароходѣ мѣсто готово, хоть тѣмъ же днемъ поступай.

Но только-что взглянулъ Колышкинъ на вошедшаго Алексѣя, такъ и покатился со смѣху, схватившись за животъ обѣими руками.

— Лѣшій ты этакій!.. Кто это тебя такимъ шутомъ обрядилъ?.. Святки, что ли, пришли?.. Да тебѣ бы, пострѣлу, ужъ и хвостъ вергеномъ *) прицѣпить!.. Уморилъ. пострѣлъ!.. — судорожно вскрикивалъ Колышкинъ, когда понемножку стали у него перемежаться стремительные порывы веселаго добродушнаго смѣха.

Смѣшался озадаченный нежданной встрѣчей Алексѣй Трифонычъ, слова не можетъ найти въ отвѣтъ Сергѣю Андреичу. Обидно... А онъ-то думалъ, что Колышкинъ, увидѣвши его такимъ щеголемъ, ахнетъ отъ удивленья и зачнетъ хвалить его за перемѣну одёжи.

Маленько успокоившись, сталъ Сергѣй Андреичъ спрашивать Алексѣя, съ чего это вздумалось ему такъ вырядиться... Неловко вертя въ рукахъ шляпу и поднимая кверху брови, заговорилъ Алексѣй:

— По тому самому, Сергѣй Андреичъ, что такъ какъ я теперь будучи при такихъ, значитъ, обстоятельствахъ, что совсѣмъ на другую линію вышелъ, по тому самому долженъ быть по всему въ окуратѣ...

Расхохотался Колышкинъ пуще прежняго.

— А говорить-то не по-людски у кого научился?.. На линіи!.. Въ окуратѣ!.. У какого шута такихъ словъ нахваталъ?.. — отъ смѣха едва могъ промолвить онъ.

— По образованности, значитъ, — изо всей силы таращa кверху брови, сказалъ Алексѣй. — По тому самому, Сергѣй Андреичъ, что такъ какъ нонича я собственнымъ своимъ пароходомъ орудую, такъ и должно мнѣ говорить политичнѣе, чтобы какъ есть быть человѣкомъ полированнымъ.

— Да ты что?.. Очумѣлъ, что ли, за Волгой-то?.. — спрашивалъ Сергѣй Андреичъ ужъ безъ шутокъ.

— Зачѣмъ чумѣть, Сергѣй Андреичъ, помилуйте!.. Это даже совсѣмъ неблагородно чумѣть!.. — отвѣчалъ Алексѣй. — Ежели я допрежь сего и находился въ низкомъ званіи, въ крестьянскомъ, значитъ, былъ сыномъ токаря, такъ опять же теперича имѣя намѣреніе по первой гильдіи въ купечество, я покамѣстъ внесъ въ здѣшнюю городскую думу гильдію и получилъ оттоль свидѣтельство по первому роду...

— Да ты говори толкомъ... Съ неба что-ль тебѣ деньги-то свалились, аль въ самомъ дѣлѣ золотыя розсыпи на Вет-

*) Фракъ.

лугѣ нашелъ? — съ нетерпѣньемъ спрашивалъ Колышкинъ Алексѣя.

— Деньги не вода — съ неба не капаютъ, сами про то лучше меня знаете, Сергѣй Андреичъ, а золото на Ветлугѣ обманное... Такими дѣлами мы заниматься не желаемъ, — съ ужимками поводя по потолку глазами, сказалъ Алексѣй.

— Откуда-жъ у тебя деньги?.. И свой пароходъ и по первой гильдіи?

— По тому самому, Сергѣй Андреичъ, что имѣю, значитъ, намѣреніе законнымъ бракомъ, — отвѣчалъ Алексѣй.

«Такъ и есть, — крестный дочь за него выдаетъ!.. — мелькнуло въ головѣ Колышкина. — Эхъ, Натапъ Максимычъ, Натапъ Максимычъ, убилъ же ты бобра, любезный другъ! На повѣрку-то парень дрянь выходитъ, какъ кажется».

— Крестный въ зятья беретъ? — спросилъ Алексѣя.

— Никакъ нѣтъ-съ... — отвѣчалъ Лохматый. — Потому что сами извольте обсудить, Сергѣй Андреичъ: хорошая дѣвица Прасковья Натаповна, по всему хорошая, и художествъ за ней никакихъ не предвидится, однакожъ, живучи завсегда въ деревнѣ и не видавши политичнаго обхожденія, она теперича будетъ мнѣ не по линіи... Опять же если взять и насчетъ капиталу — Прасковья Натаповна вся какъ есть въ родительской власти... Ежели-бъ ее, къ примѣру сказать, взять за себя, безпремѣнно пришлось бы изъ тестевыхъ рукъ смотрѣть... Что-жъ тутъ хорошаго?.. А теперича по крайности у меня все въ своихъ собственныхъ.

— Гдѣ-жъ такую невѣсту сосваталъ? Съ такими деньгами сотъ на пять верстъ кругомъ всѣ онѣ на перечетѣ, — спрашивалъ Сергѣй Андреичъ.

Крякнулъ, отеръ тихонько лицо раздушеннымъ батистовымъ платкомъ Алексѣй Трифонычъ и, поднявъ брови, спросилъ у Колышкина:

— Пароходъ «Соболь», что̀ молявинскій былъ, изволите знать?

— Ну? — торопилъ его Колышкинъ.

— Намедни того самаго «Соболя» на мое имя переписали. Невѣста, значитъ, подарила... — тихо, съ разстановками проговорилъ Алексѣй.

— Врешь!.. — вскочивъ съ мѣста, вскричалъ удивленный Колышкинъ.

— Зачѣмъ врать, Сергѣй Андреичъ? Это будетъ неблагородно-съ! — пяля изо всей силы кверху брови, сказалъ Алексѣй. — У маклера извольте спросить, у Олисова, вотъ тутъ подъ горой, изволите чать знать... А сегодняшняго числа каменный домъ невѣста на мое имя покупаетъ... Наслѣдниковъ

купца Рыкалова не знаете ли?.. Вотъ тутъ, маненько повыше васъ — по Ильинкѣ-то къ Сергію если поворотить.

— Рыкалова домъ сорокъ тысячъ стòитъ, — сказалъ, ушамъ не вѣря, Колышкинъ.

— Маленько не потрафили, — отвѣтилъ Алексѣй съ такимъ спокойствіемъ, будто говорилъ о рублевой покупкѣ. — Тридцать семь тысячъ заплачено. купчая наша.

— Это Масляникова-то!.. Марья-то Гавриловна!.. — говорилъ Сергѣй Андреичъ и, заложивъ руки за̀ спину, широкими шагами сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, покачивая головою.

— Такъ точно-съ, она самая невѣста наша и есть... — отвѣчалъ между тѣмъ Алексѣй.

— Удивительно!.. Непостижимо!.. — сквозь зубы говорилъ Колышкинъ.

— А опричь дома и парохода у насъ еще тысячъ на сто, а пожалуй, и побольше капиталу наберется, — продолжалъ Алексѣй Трифонычъ, охорашиваясь передъ зеркаломъ. — И притомъ же весь тотъ капиталъ не въ долгахъ, аль не въ оборотахъ какихъ... Какъ есть до послѣдней копеечки въ наличіи.

— Ну, другъ любезный, поздравляю, поздравляю! — сказалъ Сергѣй Андреичъ, становясь передъ Алексѣемъ. — «Соболя» добылъ и чернобурую лису поймалъ!.. Молодцомъ!.. Да какъ же это?.. Вѣдь она въ монастырѣ жила, постригаться, кажись, хотѣла? — спросилъ онъ.

— Зачѣмъ же ей постригаться, Сергѣй Андреичъ?.. Зачѣмъ молодые годы въ кельѣ терять?.. — сказалъ Алексѣй. — Тоже во плоти, пожить хочется... А въ кельяхъ что̀?.. Сами разсудите.

— Однако она вѣдь постарше тебя годами-то будетъ?.. — молвилъ Колышкинъ.

— Маненечко, са̀мое пустое дѣло — годиковъ на пять либо на шесть, — сказалъ Алексѣй.

— Однакожъ!..

— Это все единственно, Сергѣй Андреичъ... Былъ бы совѣтъ да любовь, а годы что̀?.. Послѣднее дѣло!.. — говорилъ Алексѣй. И, маленько помолчавъ, прибавилъ: — На свадьбу милости просимъ, не оставьте своимъ расположеніемъ.

— Благодарю покорно, — сухо отвѣтилъ Сергѣй Андреичъ. — Когда свадьба-то?

— Думали послѣ Покрова, да теперь приняли намѣреніе — въ самый Петровъ день, — сказалъ Алексѣй.

— Что̀ заторопились? — спросилъ Колышкинъ.

— Да видите-ль, Сергѣй Андреичъ, спервуначалу-то думали мы послѣ навигаціи обвѣнчаться, уставивши, значитъ, «Соболя» на зимовку... — отвѣчалъ Алексѣй. — Имѣли намѣренье въ Москву, чтобы тамъ на Рогожскомъ вѣнчаться. Одначе на повѣрку вышло, что такой вяжъ намъ не съ руки, потому что Марья Гавриловна оченно Москву не жалуетъ, нежелательно, значитъ, ей туда ѣхать... Родства тамъ много послѣ перваго ихняго супружества, а ей на брачной радости прошлыхъ бѣдъ вспоминать не охота... И я съ своей стороны имѣю также намѣренье, чтобы здѣсь въ городу въ церкви повѣнчаться, въ Духовской, значитъ... Потому, изволите знать, церковное вѣнчанье невпримѣръ крѣпче старовѣрскаго... Неровенъ случай!.. Тогда, знаете, насчетъ капиталу, аль наслѣдства, извѣстное дѣло!.. У ней братъ есть, племянники... Опять же намъ желательно вѣнчаться на публикѣ, не крадучись, — такъ-то окуратнѣе выйдетъ.

— Какъ же это такъ?.. Изъ скитовъ да къ намъ?.. Въ церковь то-есть? — спросилъ Колышкинъ.

— Въ благословенную, значитъ, имѣемъ намѣреніе, въ Духовскую... — отозвался Алексѣй.

— Что-жъ? Дѣло хорошее, — молвилъ Сергѣй Андреичъ.

— Тутъ главная причина, Сергѣй Андреичъ, не въ томъ-съ, — сказалъ Алексѣй. — Тутъ самопервѣйшая статья насчетъ благопріобрѣтеннаго и всего-съ... Церковный-отъ попъ какъ свѣнчаетъ, такъ ужъ на всю жизнь до гробовой доски будетъ крѣпко... А часовенный попъ хоть и все по уставу справитъ, одначе вѣнецъ его все-таки выйдетъ съ изъянцемъ.

— Какъ съ изъянцемъ? — спросилъ Сергѣй Андреичъ.

— Да какъ-же-съ? Вѣнчаютъ-то у насъ не оченно прочно, — сказалъ Алексѣй. — Можетъ статься, не случалось ли вамъ Мокѣевыхъ знавать, Петра Лаврентьевича сыновей?..

— Слыхалъ, — отозвался Колышкинъ. — Расшивы у нихъ?

— И расшивы есть и пряжей торгуютъ, люди капитальные, — отвѣчалъ Алексѣй. — А вотъ часовенны-то вѣнцы и у того брата и у другого какъ есть распаялись... Непрочно, стало-быть, ихъ по старой-то вѣрѣ ковали, — съ усмѣшкой прибавилъ Алексѣй.

— Какъ такъ? — спросилъ Колышкинъ.

— Большой-отъ братъ Симеонъ Петровичъ бралъ жену въ Плесу, изъ хорошей семьи, хоть и не больно богатой, — продолжалъ Алексѣй. — Вѣнчались въ селѣ Ивановѣ у старовѣрскаго попа и прожили времени съ годъ, ребеночка прижили, и все межъ ними, кажись бы, согласно было и любовно... Да на грѣхъ поѣхалъ Симеонъ Петровичъ съ пряжей въ Москву,

дорбгой и заболѣй. Городокъ есть небольшой, Киржачъ прозывается, тамъ лежалъ въ хворости-то... Купецъ знакомый больного-то его въ домъ къ себѣ взялъ, ходили за нимъ, лѣчили, оздравѣлъ Симеонъ Петровичъ... И приглянись тутъ ему того купца дочка, а купецъ-отъ богатѣющій — фабрика у него, а дочь единственная. Какъ у нихъ тамъ было, не знаю, только что Симеонъ Петровичъ повѣнчался съ ней, а повѣнчался-то въ великороссійской... Пріѣхалъ домой, одну жену въ домъ ведетъ, другая его съ ребеночкомъ встрѣчаетъ... Туда, сюда... Обѣ ревѣтъ, а онъ молодой-то женѣ и говоритъ, успокиваетъ, знаете, ее: «Эта, говоритъ, бабенка въ стряпкахъ у меня живетъ. Грѣха, молъ, таить не стану, было дѣло, а теперь ее со двора долой...» Это первую-то... Первый-отъ тесть, что изъ Плесу, дѣло вздумалъ-было зачинать, однакоже вышло по суду, чтобъ Симеону Петровичу жить со второй, потому что первый-отъ вѣнецъ нигдѣ не писанъ... Первая жена къ родителямъ воротилась — и стала ни дѣвка, ни вдова, ни мужня жена... А Симеонъ Петровичъ въ Киржачъ на житье переѣхалъ. Тесть-отъ померъ, теперь у него фабрика знатнѣющая, капиталы большущіе... Наши-те отлучили его какъ слѣдуетъ: ни въ ястіи за трапезой ни въ молитвѣ съ нимъ не сообщаться... А плевать ему на ихнее отлученье-то!.. Ему что?.. Церковникомъ сталъ. А съ другимъ братомъ-съ Мокѣевымъ, съ Никитой Петровичемъ, и того хуже вышло...

— Что-жъ такое? — спросилъ Сергѣй Андреичъ.

— Тоже по-нашему вѣнчался, — продолжалъ Алексѣй. — Бралъ невѣсту богатую, шла за него поневолѣ... У ней, послѣ дознались, допрежъ вѣнца въ полюбовникахъ былъ отцовскій приказчикъ — сирота, голь перекатная, ни за нимъ ни передъ нимъ какъ есть ничего... Когда выдавали ее, понятное дѣло, онъ слова пикнуть не смѣлъ... А изъ петли тогда вынули, пожелалъ-было удавиться... Года полтора молодые-то прожили, сыночка Богъ далъ, тутъ у жены родитель-отъ и помри... Капиталы, значитъ, стали ея. Только-что померъ родитель, она изъ мужнина дома въ отцовскій да, принявши наслѣдство, съ полюбовникомъ-то въ великороссійскую... Повѣнчались. Никита Петровичъ туда-сюда, и жалобныя просьбы подавалъ и все, а жена одно толкуетъ: «Жила, говоритъ, я у тебя въ полюбовницахъ и, восчувствовавши свой великій грѣхъ, законнымъ бракомъ теперь сочеталась. Докажи, говоритъ, записями, гдѣ я съ тобой была вѣнчана...» А какія тутъ записи?.. Такъ за вторымъ мужемъ ее и закрѣпили... А Никита Петровичъ до сей поры безъ жены: законъ помнитъ, бракъ честенъ не рушитъ... Молитъ, проситъ — ребеночка-то

хоть бы ему отдали... Такъ и его не отдаютъ... Вотъ какія обстоятельства бываютъ, Сергѣй Андреичъ... Можно-ль послѣ того у часовенныхъ вѣнчаться, сами посудите...

— Такъ-то оно такъ, — сказалъ Сергѣй Андреичъ. — Только какъ угодно, а тутъ что-то неладно...

— Чего-жъ неладнаго-то? — возразилъ Алексѣй. — Законъ.

— Законъ-отъ закономъ, да совѣсть-то гдѣ? — жмурясь, промолвилъ Колышкинъ.

— Закономъ-то крѣпче, Сергѣй Андреичъ, — отвѣтилъ Алексѣй. — Что̀ хорошаго, коли уйдетъ жена съ деньгами... Капиталы тутъ главная причина... Это примите въ расчетъ!..

— Капиталы! — молвилъ Колышкинъ. — Ну, Алексѣй Трифонычъ, изъ молодыхъ ты да ранній.

— Каковъ есть, Сергѣй Андреичъ... Весь тутъ передъ вами, — пожавъ плечами, отвѣтилъ Алексѣй.

— Да, да, — промолвилъ Колышкинъ.

Прошло минутъ съ пять, одинъ молчитъ, другой ни слова. Что̀ дѣлать, Алексѣй не придумаетъ — вонъ ли идти, на диванъ ли садиться, новый ли разговоръ зачинать, или, стоя на мѣстѣ, выжидать, что̀ будетъ дальше... А Сергѣй Андреичъ все по комнатѣ ходитъ, хмуря такъ недавно еще сіявшее весельемъ лицо.

— Натанъ Максимычъ знаетъ? — спросилъ онъ, не глядя на Алексѣя.

— Никакъ нѣтъ-съ, до сей поры еще неизвѣстны, — отвѣчалъ Алексѣй.

— А родители? Отецъ съ матерью?

— Тоже не сдѣлано еще къ нимъ повѣщенья, — комкая шляпу въ рукахъ, сказалъ Алексѣй.

— Не мѣшало бы и благословенья попросить, — сквозь зубы процѣдилъ Колышкинъ.

— Мы съ батюшкой теперича въ расчетѣ, — молвилъ Алексѣй, встряхнувъ по старой привычкѣ кудрями, которыхъ ужъ не было

— Какъ въ расчетѣ? — ставъ передъ Алексѣемъ, спросилъ удивленный Колышкинъ.

— Дочиста разсчитались... За то, что вспоилъ-вскормилъ меня, я сполна чистоганомъ заплатилъ ему, — сказалъ Алексѣй, поднявъ голову.

Словно мразью подернуло лицо Сергѣя Андреича, когда услышалъ онъ отъ Алексѣя такія рѣчи.

— Получивши деньги, родитель-батюшка самъ мнѣ сказалъ: «въ расчетѣ, говоритъ, мы съ тобой, на родителей больше

ты не работникъ. Ни единой копейки, говоритъ, въ домъ съ тебя больше не надо...»

— Не про деньги говорю, про родительское благословенье, — горячо заговорилъ Сергѣй Андреичъ. — Аль забылъ, что благословенье отчее домы чадъ утверждаетъ, аль не помнишь, коль хуленъ оставивый отца и насколь проклятъ отъ Господа раздражаяй матерь свою?.. Нехорошо, Алексѣй Трифонычъ, нехорошо!.. Богъ покараетъ тебя!.. Мое дѣло сторона, а стерпѣть не могу, говорю тебѣ по любви, по правдѣ: нехорошо дѣлаешь, больно нехорошо.

Смутился Алексѣй, но не очень. Бойко отвѣтилъ онъ Сергѣю Андреичу.

— Батюшка-родитель напередъ благословенье дали мнѣ... Ищи, говоритъ, своей судьбы самъ, а мое благословенье завсегда тебѣ готово, — сказалъ Алексѣй.

— Да вѣдь онъ не за тридевять земель. Станетъ времени и благословенье получить и свадьбу сыграть, — молвилъ Сергѣй Андреичъ.

— Не управиться! — отвѣтилъ Алексѣй. — Потому что ужъ очень много хлопотъ... Сами посудите, Сергѣй Андреичъ: и пароходъ отправить, и домъ къ свадьбѣ прибрать какъ слѣдуетъ... Нельзя-же-съ... Надо опять, чтобы все было въ блинзирѣ, чтобы все, значитъ, самый первый сортъ... А къ родителямъ что-же-съ!.. Къ родителямъ во всякое время можно спосылать.

Передернуло Сергѣя Андреича. Говоритъ Алексѣю:

— Стало-быть, мѣсто у меня на пароходѣ вамъ больше не требуется?

— Помилуйте!.. — самодовольно улыбаясь, отвѣтилъ Алексѣй. — Когда теперича у насъ у самихъ, можно сказать, первѣющій по всей Волгѣ пароходъ.

— Ну, очень радъ, что у васъ «первѣющій» пароходъ... Желаю добраго здоровья и всякаго успѣха... До пріятнаго свиданія!.. — сказалъ Сергѣй Андреичъ, остановясь у входной двери съ заложенными за спину руками.

— Наше вамъ наиглубочайшее! — молвилъ Алексѣй, напрасно протягивая руку. — А ужъ насчетъ свадьбы-то попомните, Сергѣй Андреичъ... Пожалуйте-съ... Угощеніе будетъ такое-съ, что только ахъ: напитки заморскіе, кушанья первый сортъ... отъ кондитера-съ... Да мы вамъ билетецъ пришлемъ, золотомъ слова напечатать желаемъ... Да-съ...

И, опять позабывъ, что кудри у него были да сплыли, удальски тряхнулъ головой и пошелъ отъ Сергѣя Андреича.

Глава шестнадцатая.

Поутру на другой день, какъ Манеѳа воротилась съ Настиныхъ сорочинъ, сидѣла она за самоваромъ съ Васильемъ Борисычемъ, съ Парашей и Фленушкой. Было ужъ довольно поздно, а въ домикѣ Марьи Гавриловны окна не отворялись. Замѣтивъ это, подивилась Манеѳа и спросила, что-бъ это значило.

— Да вѣдь она вечеромъ съѣхала, матушка, — молвила добродушная Виринея, вошедшая подъ это слово въ келью игуменьи.

— Какъ съѣхала?.. Куда?.. — быстро спросила удивленная Манеѳа.

— Не могу этого доложить тебѣ, матушка, не знаемъ, куда съѣхала, — отвѣчала мать Виринея. — Никому не сказалась, куда поѣхала и надолго-ль.

— Чтò у васъ тутъ безъ меня за чудеса творились? — вспыхнула Манеѳа и, вставъ съ мѣста, засучила рукава и скорыми шагами стала ходить по кельѣ.

— Ужъ и подлинно чудеса, матушка... Святы твои слова — «чудеса»!.. Да ужъ такія чудеса, что волосы дыбомъ... Всѣ, матушка, диву дались и наши и по другимъ обителямъ... Хоть она и важнаго роду, хоть и богатая, а, кажись бы, непригоже ей было такъ уѣзжать... Не была въ счету сестеръ обительскихъ, а все же въ честной обители житіе провождала. Нехорошо, нехорошо она это сдѣлала — надо-бъ и стыда хоть маленько имѣть, — пересыпала свою рѣчь добродушная мать Виринея.

— Да чтò ты тараторишь, старая?.. — съ сердцемъ молвила, остановясь передъ ней, Манеѳа. — Вертитъ языкомъ, чтò веретеномъ, вяжетъ, путаетъ, мотаетъ, плутаетъ — понять невозможно. Сказывай толкомъ; пò ряду все говори.

— Ну, вотъ видишь ли, матушка, — начала Виринея. — Хворала вѣдь она, на волю не выходила, мы ее, почитай, недѣли съ три и въ глаза не видывали, какая есть Марья Гавриловна. А на другой день послѣ твоего отъѣзда оздоровѣла она, матушка: всѣ болѣсти какъ рукой сняло, веселая такая стала да проворная, ходитъ, а сама попрыгиваетъ: пѣсни мірскія даже пѣла. Вотъ грѣхъ-отъ какой!..

— Быть того не можетъ, — удивилась Манеѳа.

— Уѣхали-то вы, матушка, поутру, а вечеромъ того же дня гость къ ней наѣхалъ, весь вечеръ сидѣлъ съ ней, солнышко взошло, какъ пошелъ отъ нея. Поутру опять долго

сидѣлъ у ней и обѣдалъ, а послѣ обѣда куда-то уѣхалъ. И какъ только уѣхалъ, стала Марья Гавриловна въ дорогу сряжаться, пожитки укладывать... Сундуковъ-то что̀, сундуковъ-то!.. Болѣ дюжины. Теперь въ домикѣ опричь столовъ да стульевъ нѣтъ ничего, все свезла...

— Да куда-жъ, куда, я тебя спрашиваю? — съ нетерпѣніемъ спрашивала Манеѳа.

— Сказывала я тебѣ, матушка, что не знаю, и теперь та же рѣчь, что не знаю... Черезъ два дня тотъ гость опять пріѣзжалъ; лошади съ нимъ, тройка въ тарантасѣ, туда сами сѣли, Танюшу съ собой посадили, а имѣніе сложили на подводы. На пяти подводахъ повезли, матушка.

— Что-жъ это за гость такой?.. Кто онъ, откуда?.. Братъ ея, что ли?.. Залетовъ?.. — сыпала вопросами мать Манеѳа.

— Какое братъ, матушка!.. Помнишь, на Радуницу отъ Натана Максимыча приказчикъ наѣзжалъ, еще ночевалъ у тебя въ свѣтелкѣ... Алексѣемъ зовутъ... Онъ самый и пріѣзжалъ...

Всѣхъ озадачилъ разсказъ Виринеи... Хотѣла что-то сказать Манеѳа, но слова не сошли съ языка... Фленушка съ Парашей межъ собой переглядывались. Одинъ Василій Борисычъ оставался, повидимому, спокоенъ и равнодушенъ.

— Ахъ, ты, Господи, Господи!.. — всплеснувъ руками, воскликнула наконецъ игуменья.

— Съ нимъ съ самымъ и съѣхала... Съ собой вмѣстѣ въ тарантасъ посадила его, и Танюшу тоже, — свое твердила мать Виринея. — И ужъ такая она, матушка, на послѣдяхъ-то была развеселая, такая умильная, что вотъ сколько ужъ времени прожила у насъ, а такою я ее не видывала... Ровно козочка какая, такъ и попрыгиваетъ да туритъ все, туритъ Танюшу-то укладываться! А уѣзжая, всѣхъ одарила, старицамъ по зелененькой, а бѣлицамъ которой рубль, которой два, опять же платьевъ что̀ раздала своихъ... Никого не забыла... Только вотъ чего еще не сказала я тебѣ, матушка. Вотъ это такъ ужъ истинно чудо чудно̀е... Дѣло-то, какъ видится, дѣлалось у нихъ не спроста.

— Что̀ такое? — спросила Манеѳа.

— А на другой день послѣ того, какъ гость-отъ отъ нея уѣхалъ, за конями-то, знаешь, глядимъ мы, пошла она, этакъ передъ самыми вечернями, разгуляться за околицу... Танюшу взяла съ собой... Сидимъ мы этакъ у келарни на крылечкѣ съ матушкой Евталіей да съ матушкой Филаретой, смотримъ на нее, глядь, а она въ Каменный Вражекъ; мы къ околицѣ, переговариваемъ межъ собой, куда, дескать, это она пошла. И что̀ же, матушка?.. Къ Елфимову. Мы подалѣ пошли, въ

кусточкахъ сѣли, смотримъ, что̀ тутъ у нихъ будетъ. Видимъ, Танюша въ Елфимово таково скоро пошла, бѣгомъ, почитай, побѣжала, а Марья Гавриловна во Вражкѣ-то присѣла... Прошло времени этакъ съ полчаса, а пожалуй, и болѣ, глядимъ, идетъ Танюша, да не одна, матушка... Вотъ грѣхъ-отъ какой!.. Вотъ оно, матушка, какое дѣло-то вышло... Съ кѣмъ связалась-то!.. Господи, Твоя воля!

— Да съ кѣмъ же? Не томи, сказывай скорѣе, — съ горячимъ нетерпѣніемъ спрашивала Виринею Манеѳа.

— Съ колдуньей, матушка... Съ Егорихой!.. — сказала Виринея и, перекрестясь, примолвила: — Прости Господи моя согрѣшенія!..

— Съ колдуньей! — какъ полотно поблѣднѣвъ, прошептала Манеѳа. — Отъ часу не легче!.. Что-жъ это такое!.. Что̀ съ ней содѣялось?..

— Сѣли онѣ, матушка, во Вражкѣ, спервоначалу всѣ трое, потомъ Танюша пошла въ сторону... Марья-то Гавриловна вдвоемъ съ Егорихой осталась... И что-то все толковали, да таково горячо-горячо, матушка... Больше часу сидѣли онѣ да разговаривали... Посидятъ - посидятъ да походятъ во Вражкѣ-то, потомъ опять сядутъ... А на разставаньи, матушка, цѣловалась Марья-то Гавриловна съ ней, съ колдуньей-то. И Танюша цѣловалась... Поганились, матушка, поганились — не солгу, сама своими глазами видѣла... Вотъ и матушку Евсталію спроси и Филаретушку, не дадутъ солгать... Вотъ какія дѣла-то у насъ безъ тебя были!.. Вотъ какія дѣла!.. До чего дошла, подумаешь!.. Чего тутъ дивить, что съ молодымъ парнемъ сбѣжала, чего дивить?.. Видимо дѣло, что вражья сила тутъ дѣйствовала... Она окаянная, треклятая эта Егориха!.. Никто больше, какъ она!..

— Ну хорошо, — послѣ долгаго молчанья молвила Манеѳа. — Ступай съ Богомъ, Виринеюшка... Допивайте чай-отъ, дѣвицы, да Василья Борисыча, гостя нашего дорогого, хорошенько потчуйте, а я пойду... Ахъ, Ты, Господи, Господи!.. Какія дѣла-то, какія дѣла-то!..

Черезъ день послѣ того, съ солнышкомъ вмѣстѣ, поднялась обитель Манеѳина. Еще съ вечера конюхъ Дементій съ двумя обительскими трудниками подкатилъ къ крыльцу игуменьиной стаи три уемистыя повозки съ волчками и запонами изъ таевочной цыновки *). Собравшіяся въ путь богомолки суетливо

*) Таевочная, иначе крышечная цыновка, та, что̀ дѣлается въ три аршина длины и полтора ширины. Каждаго размѣра цыновка имѣетъ свое названье: романовка, баковка, казанка и т. д.

укладывали въ нихъ пожитки и принесенные матушкой Виринеей съѣстные запасы. Дементій съ работниками мазалъ колеса.

Больше всего Фленушка хлопотала. Радехонька была она поѣздкѣ. «Вдоволь нагуляемся, вдоволь натѣшимся, — радостно она думала: — ворчи, сколько хочешь, мать Никанора, бранись, сколько угодно, мать Аркадія, а мы возьмемъ свое». Прасковья Патаповна, совсѣмъ снарядившись, не хлопотала вкругъ повозокъ, а, сидя, дремала въ теткиной кельѣ. Не хлопоталъ и Василій Борисычъ. Одѣвшись по-дорожному, стоялъ онъ возлѣ окна, изъ котораго на сборы глядѣла Манефа.

— Лѣса горятъ, — сказала игуменья, глядя на сѣро-желтое, туманное небо, по которому безъ лучей, безъ блеска, выплывало багровое солнце. Гарью еще не пахнуло, но въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ стояла духота и какая-то тяжесть.

— Далёко, — молвилъ Дементій, оглядѣвъ со всѣхъ сторонъ тусклый небосклонъ. — Дыму ниотколь не видно... Верстъ за сто горитъ, не то и больше.

— То-то, смотрите — въ огонь не угодите, — пристально озирая окаймленный черной полосой лѣса край небосклона, сказала конюху Манефа.

— Богъ милостивъ, матушка... Зачѣмъ въ огонь?.. — отозвался Дементій.

— Лѣсной пожаръ ходокъ. Не оставить ли до другого времени вашего богомолья? — сказала игуменья, обращаясь къ Аркадіи.

Не отвѣтила Аркадія, промолчала и мать Никанора, ни слова не сказали и Дементій съ работниками... Только пристальнѣй прежняго стали они поглядывать на закрой неба *), не увидятъ ли гдѣ хоть тоненькую струйку дыма... Нѣтъ, нигдѣ не видно... А въ воздухѣ тишь невозмутимая: пухъ вылетѣлъ изъ перины, когда грохнули ее бѣлицы въ повозку, и пушинки не летятъ въ сторону, а тихо, плавно опускаются книзу. И по вѣтру нельзя опознать, откуда и куда несется пожаръ.

«А что, какъ матушка Манефа, убоясь пожара, да не пуститъ насъ въ лѣса, отложитъ богомолье до другого времени?» — подумала Фленушка и отъ той думы прикручинилась. Ластясь къ игуменьѣ, вкрадчиво она молвила:

— Не бойся, матушка. Далёко горитъ, насъ не захватитъ. Часу не пройдетъ послѣ выѣзда, какъ будемъ мы на Фо-

*) Закрой неба — нижній край видимаго горизонта.

тиньиной гробницѣ, отъ нея до могилки матушки Голендухи рукой подать, а тутъ и кельи Улàнгерскія. Вечеренъ не отпоютъ, будемъ въ Улàнгерѣ.

— За нынѣшній-отъ день я не боюсь, — молвила Манеоа: — а чтò будетъ послѣ, если пò лѣсу огонь разойдется да въ нашу сторону пойдетъ?

— Справимъ завтра каноны надъ пепломъ отца Варлаама, надъ могилками отца Иліи и матушки Ѳеклы, — продолжала Фленушка. — Отъ Улàнгера эти мѣста подъ бокомъ. А послѣзавтра поглядимъ, чтò будетъ. Опасно станетъ въ лѣсу — въ Улàнгерѣ останемся, не будетъ опасности — черезъ Поломы на почтову дорогу выѣдемъ, а тамъ ужъ вплоть до Китежа нѣтъ сплошныхъ лѣсовъ, бояться нечего.

— Какъ по твоему разсужденію, мать Аркадія? Пускать ли васъ? — обратилась Манеоа къ уставщицѣ.

— Вся власть твоя, матушка, — отвѣтила она. — Какъ твое произволеніе будетъ.

— Не быть бы бѣды отъ огня, вотъ чего опасаюсь, — сказала Манеоа.

— Коли чтò, такъ въ Улàнгерѣ подождемъ огненнаго утишенія. Развѣ что ко Владимірской въ Китежъ-отъ не поспѣемъ. А то бы, кажись, ничего.

— Такъ съ Богомъ! Поднимайтесь въ путь, Господь васъ храни, — рѣшила игуменья. — Смотри же, Аркадьюшка, все разскажи матушкѣ Юдиѳи, чтò я тебѣ наказывала, не забудь чего. Да чтобы со всѣми ихними матерями безпремѣнно на Петровъ день къ намъ пожаловала... Слышишь?

— Слушаю, матушка, слушаю; все передамъ, все до капельки, — сказала уставщица.

— Ну вотъ, Василій Борисычъ, и посмотришь ты на наши мѣста богомольныя, помолишься, — обращаясь къ нему, сказала Манеоа. — Теперь время тихое, по лѣсамъ великихъ сборищъ не бываетъ, окромѣ что на Владимірскую на Китежѣ. Тамъ великое собраніе будетъ. Чтò въ Духовъ день у Софонтія, чтò на Владимірскую на озерѣ Свѣтлоярѣ у Китежа, больше тѣхъ собраній нѣтъ. Да и тамъ не то ужъ теперь, чтò въ прежніе годы. Прежде, бывало, народъ-отъ тысячами сбирается, а теперь и двѣ сотни сойдется, такъ на рѣдкость. Изсякаетъ ревность по вѣрѣ, люди суету возлюбили, плотямъ стали угождать, мамонѣ служить... Послѣдни времена!..

Не отозвался на рѣчи Манеоы Василій Борисычъ.

— Хоть твое дѣло взять, — продолжала она послѣ недолгаго молчанья. — Богу служилъ, церковныхъ ради нуждъ труды на себя принималъ, а теперь и тебя суета обуяла.

— Какъ же такъ, матушка? — спросилъ Василій Борисычъ.

— Да развѣ по торговлѣ, аль по фабрикѣ въ приказчикахъ жить — Богу значитъ служить? — съ грустной улыбкой молвила игуменья.

— Еще не рѣшено, буду аль не буду я служить у Патапа Максимыча, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — А и то сказать, матушка, развѣ, будучи при мірскихъ дѣлахъ, церкви Божіей люди не служатъ? Много тому видимъ примѣровъ — Рахмановыхъ взять, Громовыхъ. Развѣ не послужили Господу?

— Такъ-то оно такъ, Василій Борисычъ, — молвила Манеѳа. — Но вѣдь самъ ты не хуже моего знаешь, что̀ насчетъ этого въ писаніи сказано: «Честенъ сосудъ сребрянъ, честнѣй того сосудъ позлащенный». А премудрый приточникъ *) что̀ говоритъ? «Мужа тиха любитъ Господь, суету же дѣлъ его скончаетъ»... Подумай-ка объ этомъ...

— Подумаю, матушка, подумаю, и не одинъ еще разъ съ вами посовѣтуюсь, — сказалъ на то Василій Борисычъ. — До сроку времени еще много.

Привели шестерикъ конѐй жирныхъ, раскормленныхъ до̀нельзя, лоснится и блеститъ на нихъ гладкая шерсть, ровно масломъ вымазалъ ихъ Дементій. Скитницы лошадямъ овса не жалѣютъ, при малой работѣ на хорошемъ корму толстѣютъ кони и жирѣютъ, не хуже своихъ хозяекъ. По парѣ въ кажду повозку заложили, матери и бѣлицы усѣлись на грузные пуховики и подушки. Въ передней повозкѣ тщедушный Василій Борисычъ съ толстой уставщицей Аркадіей сѣлъ... Хотѣла она тутъ же усадить и мать Никанору, но двухъ матерей съ московскимъ посломъ повозка вмѣстить не могла; сѣла мать Никанора съ Прасковьей Патаповной въ другую. Въ третью повозку Марьюшка съ Фленушкой сѣли.

Съ благословеньемъ Манеѳы и съ пожеланіями добраго пути ото всѣхъ обительскихъ старицъ двинулись изъ обители повозки и переѣхали одна за другою Каменный Вражекъ, направляясь къ окружавшему Комаровскій скитъ лѣсу.

Забившись съ головой въ постелю и слыша стукъ съѣзжавшихъ съ обительскаго двора повозокъ, безотрадно заливалась слезами и глухо рыдала московская канонница Устинья. Какъ ни просила, какъ ни молила она, Манеѳа не сжалилась на слезы ея, не пустила на богомолье... Ключомъ кипѣло пылкое сердце пригожей канонницы, когда на сорочинахъ не на ея глазахъ Василій Борисычъ съ Парашей за однимъ столомъ

*) Писатель притчей, царь Соломонъ.

сидѣлъ... Разума теперь рѣшалась при одномъ помышленьи, что цѣлу недѣлю ея погубитель съ нею станетъ по лѣсамъ разъѣзжать... Эхъ, власть бы да воля!.. Дала бы себя знать Устинья Московка!.. Плохо пришлось бы московскому гостю, да не сдобровать бы и Прасковьѣ Патаповнѣ.

Только-что въѣхали въ лѣсъ, Фленушкѣ вспало на умъ до гробницы Фотиньи пѣшкомъ пройтись. Много не думавши, вылѣзла она съ Марьюшкой изъ повозки и, подойдя къ другой, стала съ собою звать Парашу. Лѣнива была на ходьбу Прасковья Патаповна, но все-жъ ей казалось невпримѣръ веселѣй идти съ подругами возлѣ дороги, чѣмъ лежать на пуховикахъ съ храпѣвшей во всю ивановскую матерью Никанорой. Подозвали дѣвицы и Василія Борисыча; и онъ покинулъ толстую уставщицу, начавшую-было нескончаемые разспросы о томъ, какъ въ Бѣлой-Криницѣ за митрополичьей службой справляютъ поліелеи.

И матери Аркадіи и матери Никанорѣ не охота была съ мягкими перинами разставаться; то ли дѣло лежать да дремать, чѣмъ шагать по засоренному валежникомъ лѣсу, либо по тоненькимъ, полусгнившимъ кладкамъ перебираться черезъ мочажины и топкія болотца. Строго-настрого дѣвицамъ старицы наказали не отходить далеко отъ дороги, быть на виду и на слуху, и принялись дремать въ ѣхавшихъ шагомъ повозкахъ.

Всѣ деревья въ полномъ соку, всѣ травы цвѣтутъ, благоухаютъ. Куда ни оглянись, все цвѣты, цвѣты и цвѣты. Вонъ тамъ, межъ чернолѣсья, выдалась небольшая сухая полянка— ровно камчатными скатертями укрыта она: то кашка, медуница и пахучій донникъ *) въ цвѣту стоятъ; бортевыя пчелы, шмели, осы и шершни **) тучами носятся надъ ними, громко жужжа на разные голоса. Тамъ желтѣетъ звѣробой, синѣютъ темно-голубые бубенчики, и середь яркой изумрудной зелени бѣлѣетъ благовонная купена ***) и алѣютъ зрѣлыя ягоды костяники. Перистыя ярко-зеленыя вѣтви папоротника густой бахромой виснутъ надъ сонными лѣсными ручьями, полными чистой, студеной, но отъ смолистыхъ корней окрашенной въ бурый цвѣтъ водою...

Стономъ стоятъ лѣсные голоса: безъ умолку трещатъ въ

---

*) Кашка или тысячелистникъ — Achillea millifolium. Медуница — Pulmonaria officinalis. Донникъ—Melilotus officinalis.

**) Бортевая пчела, приронившаяся въ борти, долбленомъ деревѣ, нарочно для пчелъ въ лѣсу приготовленномъ. Шмель или земляная пчела Bombus. оса—Vespa, шершень—самая большая порода осы.

***) Звѣробой—Figularia Sibirica. Бубенчики—Iris Sibirica. Купена, изъ породы ландышей—Convallaria bifolia.

высокой сочной травѣ кузнечики и кобылки, вьются надъ цвѣтами жучки и разновидныя козявки, воркуютъ сѣро-сизые съ зеленою шейкой вяхири и красногрудные вѣтютни, какъ въ трубу трубитъ черная желна, стучать по деревьямъ дятлы, пищатъ рябчики, уныло перекликаются либо кошкой взвизгиваютъ желтенькія иволги, трещатъ сойки, жалобно кукуютъ кукушки и на разные голоса весело щебечутъ свиристели, малиновки, лѣсные жаворонки и другія мелкія пташки *)... И всѣ эти звуки сливаются въ одинъ стройный гулъ, полный жизни и довольства жизнью.

— Всякое дыханіе хвалитъ Господа, — съ умиленьемъ молвилъ Василій Борисычъ, прислушиваясь къ лѣснымъ голосамъ.

— Птички распѣваютъ и вся недолга, — отозвалась Фленушка. Ей лѣса были не въ диковину.

Матери въ повозкахъ молчали.

Вотъ выдалась прогалинка. Будто розовыми шелковыми тканями покрыта она. То сонъ-трава **) подняла кверху цвѣты свои. Окраины дороги также сонъ-травой усыпаны. Безсознательно сорвалъ одинъ цвѣтокъ Василій Борисычъ. Онъ прилипъ къ его пальцамъ.

— Брось, брось! Что ты дѣлаешь, Василій Борисычъ?.. Брось, говорятъ тебѣ... Не слѣдъ трогать сію траву, грѣхъ! — закричала изъ повозки мать Аркадія.

— Что-жъ за грѣхъ въ томъ, матушка? — спросилъ уставщицу Василій Борисычъ, кидая сорванный цвѣтокъ.

— А забылъ, что въ Печерскомъ патерикѣ про него пишется? Про сей самый цвѣтокъ, именуемый «лѣпокъ»? Это онъ самый «лѣпокъ» и есть, — говорила мать Аркадія. — Видишь, къ пальцамъ прилипъ!.. Вымой руки-то скорѣе, вымой... Хоть изъ колдобинки зачерпни водицы, вымой только скорѣе.

Сплеснулъ Василій Борисычъ руки изъ мутной колдобины и, вытирая ихъ ручникомъ, поданнымъ Аркадіей, молвилъ:

— Что-жъ про эти цвѣты въ патерикѣ писано?.. Не припомнится что-то, матушка...

— Не могу и я теперь доподлинно сказать тебѣ, въ патерикѣ ли то писано, у Нестора ли въ лѣтописцѣ. Домой во-

---

*) Вяхирь, дикій голубь — Columba Palumbus. Вѣтютень, лѣсной голубь — Columba Oenas. Желна — большой дятелъ, поѣдающій пчелъ — Picus martius. Иволга — Oriolus galbula. Соя или сойка, лѣсная птичка съ хохолкомъ и голубымъ зеркальцемъ на горлышкѣ, изъ рода воронъ, Corvus glandarius. Свиристель, лѣсная птичка со скворца, съ ярко-алыми лепестками на крылышкахъ, Ampelis garrulus.

**) Сонъ-трава, сонуля, дрема — Viscaria vulgaris.

ротимся, укажу, — учительно сказала Аркадія. — А писано вотъ что: «Во святѣй Кіевской Печерской обители преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія бѣ старецъ, именемъ Матвѣй. И бѣ той старецъ прозорливъ. Единою стоящу ему въ церкви на мѣстѣ своемъ, возведъ очи своя, позрѣ по братіи, иже стоятъ поюще по обѣма странама. И видя обходяща ихъ бѣса во образѣ ляха въ лудѣ *) и носяща въ приполѣ цвѣтки, иже глаголется «лѣпокъ». И обходя возлѣ братіи взимая изъ лона лѣпокъ вержаше на кого любо: аще прилѣпляшесь кому цвѣтокъ въ поющихъ отъ братіи, и той мало постоявъ и разслабленъ бываше умомъ, исходяше изъ церкви, шедъ въ келію и спа; аще ли вержаше на другаго и не прильняше къ нему цвѣтокъ. стояше крѣпокъ въ пѣньи, дондеже отпояху утреню» **). Вотъ это тотъ самый бѣсовскій цвѣтокъ и есть. По народу «сонулей» зовутъ его, «дремой», потому что на сонъ наводитъ, а покнижному имя ему «цвѣтъ лѣпокъ». Не довлѣетъ къ нему прикасаться, понеже вражія сила въ немъ.

— У насъ на деревнѣ сказываютъ, что охотникъ одинъ осенью по лѣсу ходилъ, — начала Марьюшка головщица. — Ходитъ онъ по лѣсу, видитъ, медвѣдь землю деретъ. Выдралъ медвѣдь корешокъ отъ которой-то травы и началъ его лизать. Лизалъ лизалъ да ровно хмельный и сталъ, насилу отошелъ отъ мѣста. Охотникъ возьми тотъ корешокъ, да и ну самъ лизать его по-медвѣжьему. Полизалъ, охмелѣлъ и залѣзъ въ пустую берлогу. Да въ ней до Василія Парійскаго ***), когда медвѣдь изъ берлоги выходитъ, и проспалъ. Проснулся, анъ корешокъ у него въ рукахъ. Стали по тому корешку обыскивать, отъ какого онъ зелья, и дошли, что тотъ корень — сонъ-трава, вотъ эта самая.

Не отвѣтилъ никто на слова Марьи головщицы. Всѣ промолчали, идучи другъ за дружкой по узкой тропинкѣ. Подошла Фленушка къ Василью Борисычу и тихонько сказала:

— А захочетъ молодецъ судьбу свою узнать, пожелаетъ онъ увидѣть во снѣ свою суженую — подложить ему подъ подушку липкій цвѣточекъ этой травы. Всю судьбу узнаетъ во сняхъ, увидитъ и суженую... Не сорвать ли про тебя, Василій Борисычъ?.. Такъ ужъ и быть, даромъ что бѣсовскій цвѣтъ, ради тебя согрѣшу, сорву.

— Не для чего мнѣ судьбу узнавать, — не глядя на Фленушку, отвѣтилъ Василій Борисычъ.

---

*) Верхняя одежда, плащъ.

**) Это сказаніе находится и въ Печерскомъ патерикѣ и въ лѣтописи преподобнаго Нестора.

***) Апрѣля 12-го.

— Однакожъ... — заговорила-было Фленушка.

Но громкій голосъ Аркадіи покрылъ ея полушопотъ.

— И въ раи Господнѣ росло древо смерти и ходилъ змѣй, въ него же вселися дьяволъ. Диво ли, что теперь на нашей трудной землѣ и древа, и травы, и скоты, и звѣри, и всякіе гады ползущіе не отъ Бога, а отъ врага, не славу Божію исповѣдуютъ, а вражескимъ козням на человѣческую пагубу служатъ? Писаніемъ умудренному уму подобаетъ познати каждой вещи извѣщеніе — къ добру она или къ худу. Въ томъ и премудрость. И намъ малымъ и скудоумнымъ не вмѣстити бы тоя премудрости, аще бы не святыхъ отецъ писанія просвѣщали насъ... Такъ ли говорю, Василій Борисычъ?.. Да полно ты, толчея!.. Чего безъ пути толчешься, когда люди умнѣй тебя говорятъ! — прикрикнула она на Фленушку, а Фленушка, подсмѣиваясь надъ ея рѣчами, слегка дергала за кафтанъ Василья Борисыча.

— Премудрости Господни исполнена земля, — отозвался Василій Борисычъ. — Всяка жива тварь на службу человѣку, и всякъ злакъ на пользу его.

— Да полно ли вамъ! — брюзгливо молвила ему причудливая Фленушка. — И въ обители книжное пуще горькой рѣдьки надоѣло, а вы съ нимъ и на гулянкѣ. Пущай ее съ Никанорой разводитъ узоры. Попросту давайте говорить. Въ кои-то вѣки на волю да на просторъ вырвались, а вы и тутъ съ патерикомъ!.. Бога-то побоялись бы!

— Это я такъ, Флена Васильевна, — сказалъ Василій Борисычъ, отходя немного въ сторону за кустики. — Нельзя же — старшія... А вѣкъ бы, кажись, отсюда не вышелъ. Очень ужъ хорошо.

— Надоѣло бы, — подхватила Фленушка и, быстро обратясь къ Марьюшкѣ, вскрикнула, указывая ей рукой въ перелѣсокъ: — Глянь-ка!.. костяники-то, костяники-то что!.. Видимо-невидимо!..

Любила ту ягоду Марьюшка; не отвѣтя ни слова, кинулась она въ сторону и, нагнувшись, принялась собирать алую костянику. Василій Борисычъ шелъ сзади телѣгъ, нагруженныхъ матерями. Съ одного бока бойко идетъ развеселая Фленушка, съ другого павой выплываетъ Прасковья Патаповна.

— Куда ужъ вамъ въ лѣсахъ пребывать, — игриво продолжала Фленушка. — Разомъ бы надоѣло.

— Никакому человѣку такая красота надоѣсть не можетъ, — отозвался Василій Борисычъ. — Нельзя въ такомъ мѣстѣ соскучиться: и дышится вольнѣе, а на душѣ такой миръ, такое спокойствіе.

— Что-жъ нейдете пустынничать, коли такъ лѣса полюбились вамъ? — лукаво улыбаясь, молвила Фленушка. — Вонъ тамъ, подальше отсюдова, въ Поломѣ, старцы - отшельники вѣкъ свой въ лѣсу живутъ, съ утра до ночи слушаютъ, какъ птички распѣваютъ. И вамъ бы къ нимъ, Василій Борисычъ.

— Что-жъ? — отвѣтилъ онъ. — Добрая жизнь, богоугодная!.. Благой изволъ о Господѣ оставить міръ и пребывать въ пустынѣ. Всѣ святые похваляютъ житіе пустынное... Только не всякъ можетъ подъять такую жизнь.

— Да, не всякъ можетъ, — думчиво молвила Фленушка, а потомъ, какъ бы встрепенувшись, прибавила: — Не про насъ съ вами такая жизнь, Василій Борисычъ! На это мы съ вами не сгодилися.

— Отчего-жъ такъ? — улыбаясь, спросилъ Василій Борисычъ.

— А оттого, — съ лукавой усмѣшкой отвѣтила Фленушка: — что Божье у насъ на языкѣ, а мірское на умѣ... Правду-ль сказала?.. А?..—прибавила она и весело захохотала.

— Не знаю, что на это сказать... Не пробовалъ въ пустынѣ жить,—молвилъ Василій Борисычъ.

— И не пробуйте,—съ притворной скромностью, опустивъ глаза, отвѣтила Фленушка. — Развѣ вдвоемъ... чтобъ не очепно скучно было... — примолвила она, улыбаясь.

— Вдвоемъ-то, конечно, повеселѣе, — сказалъ Василій Борисычъ, тоже улыбнувшись. — По крайности есть съ кѣмъ слово перемолвить.

— Конечно, — согласилась Фленушка. — Живучи вдвоемъ, другъ на дружку взглянешь да улыбнешься, а живучи въ одиночествѣ, на себя глядя, только всплачешься... Ты, Параша, какъ о томъ думаешь?

— Не знаю, — вяло отвѣтила Прасковья Патаповна.

— Ужъ будто никогда о томъ и не думала?.. И на мысли никогда о томъ не впадало?.. — стала приставать къ ней Фленушка.

— Не помню, — молвила Параша, порывисто отвернувшись отъ подруги, а сама, взглянувъ на Василья Борисыча, ни съ того ни съ сего заалѣла, какъ та костяника, что сбирала Марья головщица.

— Ай, батюшки свѣты!.. Ягодъ-то что, ягодъ-то!..—воскликнула Фленушка и живо бросилась въ сторону, оставя Парашу вдвоемъ съ Васильемъ Борисычемъ.

Того въ жаръ кинуло. Повозки съ сонными матерями уѣхали впередъ, Фленушка съ Марьюшкой, сбирая ягоды, скрылись

въ лѣсной чащѣ. Никого кругомъ, а онъ съ глазу на глазъ съ приглянувшейся ему пышкой-дѣвицей.

Слова не вяжутся. Куда сколь рѣчистъ на бесѣдахъ Василій Борисычъ — жемчугомъ тогда у него слова катятся, льются, какъ рѣка, а тутъ, оставшись съ глазу на глазъ съ молодой пригожей дѣвицей, словъ не доищется, ровно стѣна молчитъ... Подкосились ноженьки, опустились рученьки, весь какъ на иглахъ... Да, и высокъ каблучокъ, да подломился на бочокъ.

Соберется съ духомъ, наберется смѣлости, скажетъ словечко про птичку-ль, въ сторонѣ порхнувшую, про цвѣты ли, дивно распустившіе яркіе лепестки свои, про бѣлоствольную ли высокую березу, широко развѣсившую свои вѣтви, иль про зеленую, стройную елочку, но только и слышитъ отъ Параши: «да» да «нѣтъ». Рдѣютъ полныя свѣжія ланиты дѣвушки, не можетъ поднять она свѣтлыхъ очей, не можетъ взглянуть на путевого товарища... А у него глаза горятъ полымемъ, блещутъ искрами.

«Охъ, искушеніе! — думаетъ, негодуя на себя, Василій Борисычъ. — Съ Устиньей въ два слова обо всемъ перемолвилъ, а съ этой прильпе языкъ къ гортани моей!»

А самъ, идя рядышкомъ съ Прасковьей Патаповной, понемножку да потихоньку къ ней близится... Та краснѣетъ, сторонится... Къ такому мѣсту подошли, что некуда сторониться — густо разраслись тутъ кусты можжевельника. Василій Борисычъ будто невзначай коснулся руки Парашиной. Она дрогнула, но руки не отняла... И какъ же заныло, какъ сладко защемило сердце дѣвушки, когда онъ взялъ ее за руку...

Идутъ, молчатъ... Слегка пожимаетъ Василій Борисычъ руку Параши... Высоко у нея поднимается грудь, и дыханье ея горячо, и не можетъ она взглянуть на Василья Борисыча... Но вотъ и сама пожала ему руку... Василій Борисычъ остановился и—самъ послѣ не могъ надивиться, откуда смѣлость взялась у него — обвилъ рукою станъ дѣвушки, глянулъ ей въ очи и припалъ къ алымъ устамъ дрожащими отъ страсти губами...

Эхъ, лѣса-лѣсочки, алые цвѣточки! Вѣкъ бы тутъ гуляти, алы цвѣты рвати, крѣпко обниматься, сладко цѣловаться!..

— Поладили, — шепнула Фленушка головщицѣ, осторожно выглядывая изъ-за кустовъ можжевельника на Василья Борисыча съ Парашей.

— Что тутъ хорошаго-то?—брюзгливо отозвалась Марьюшка.

— Одной, что ли, тебѣ съ саратовцемъ цѣловаться? — досадливо молвила ей Фленушка. — Всяка душа сладенькаго хочетъ. Не обсѣвокъ въ полѣ и Параша.

— Такъ-то оно такъ, — сказала Марьюшка: — а какъ матушка узна̀етъ, тогда что̀ будетъ?

— Будетъ такъ будетъ, а не будетъ, такъ что-нибудь да будетъ, — отрѣзала Фленушка и громко запѣла уда̀лую пѣсню:

Курёвушка,-курева̀ *)
Закурила-замела,
Закутила-замутила
Всѣ дорожки, всѣ пути:
Нельзя къ милому пройти!
Я пойду стороной,
Съ милымъ свижуся,
Поздороваюсь:
„Здравствуй, миленькій дружокъ,
Ко мнѣ въ го̀сти гостіі,
Да подальше сиди:
Съ стороны люди глядятъ,
Меня, дѣвушку, бранятъ.
Ужъ какъ нынѣшніе люди
Догадливые,
Догадливые, переводливые!
Ни кутятъ ни мутятъ,
Съ тобой, милый, разлучатъ“.

Не слушая Фленушкиной пѣсни, за опушкой лѣса, по другую сторону дороги, шли рука въ руку Василій Борисычъ съ Парашей... Шли молча, ни тотъ ни другая ни слова... По очи обоихъ были рѣчисты...

Половину пути прошли. Подошли къ парочкѣ Фленушка съ Марьюшкой. Тутъ съ дороги поворотъ, лѣсная тропа до могилки матушки Фотиньи пойдетъ узенькая: въ повозкахъ тутъ не проѣхать. Разбудили отъ крѣпкаго сна уставщицу да старицу Никанору и, оставя лошадей съ работниками на дорогѣ, вшестеромъ пошли ко «святому мѣсту» по кладкамъ, лежавшимъ на сырой, болотистой землѣ. Гуськомъ надо было идти. Впереди выступала мать Никанора, за нею уставщица Аркадія, потомъ Марьюшка, Фленушка и Параша. За Парашей, всѣхъ позади шелъ Василій Борисычъ. Кладки были узенькія, мѣстами отставали одна отъ другой на̀ четверть и больше. На̀ руку было это Василью Борисычу. Никто назадъ не оглядывался, каждая себѣ по̀дъ ноги смотрѣла.

Учительная мать Аркадія межъ тѣмъ громогласно читала наизустъ поученіе о прелести и суетѣ міра сего.

Далеко раздавалась по̀ лѣсу громкая, протяжная рѣчь ея.

«Житія нашего время яко вода на борзѣ течетъ, дніе лѣтъ нашихъ яко дымъ въ воздусѣ развѣваются, вмалѣ являются и вскорѣ погибаютъ. Мнози борются страсти со всякимъ че-

*) Такъ въ сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ зовутъ вьюгу.

ловѣкомъ и колеблютъ душами. Яко же волны морскія — житейскія сласти, и похоти, и желанія возстаютъ на душѣ... О человѣче! Что твориши несмысленнѣ, погубляеши время свое спасительное непрестанно весь вѣкъ живота твоего, тѣлу своему угождая? Что хощеши?..»

Гнилая кладка подломилась, и проповѣдница стремглавъ полетѣла въ болото. Грузно шлепнулась она въ грязь, поросшую осокой и бѣлоусомъ *). Насилу вытащили ее Никанора съ Марьюшкой.

Не стерпѣла Фленушка: во всю мочь расхохоталась надъ карабкавшейся въ грязи уставщицей. И досталось же ей за то отъ Аркадіи. Иное зачала поученіе, щедро пересыпая его бранными словами.

— Чему заржала, окаянная? — визгливо шумѣла она, отряхая жидкую грязь, со всѣхъ сторонъ облѣпившую иноческое ея одѣянье. — Тряслось бы надъ тобой да висло, безпутная!.. Чирей бы тѣ въ ухо да камень бы въ брюхо!.. Чѣмъ бы пожалѣть старуху, а она зубы скалитъ, пересмѣивается... Чтобъ тебя пополамъ да въ черепья!.. И угораздила меня нелегкая съ этакой шелапутницей на богомолье идти!.. Гулянки у тебя на умѣ только да смѣхи, о молитвѣ и думать забыла... Околѣть бы тебѣ безъ свѣчей, безъ ладану, безъ гроба, безъ савану!.. Изсуши меня Господи до макова зернышка, коль не разскажу я про всѣ твои проказы матушкѣ!.. Задастъ она тебѣ, задастъ, взъерепенитъ безстыжую, всклочитъ косы-то!.. Погоди ты у меня, погоди!..

А Фленушка пуще да пуще хохочетъ надъ старицей. Втихомолку и Марьюшка съ Парашей посмѣиваются и Василій Борисычъ; улыбается и степенная, чинная мать Никанора. И какъ было удержаться отъ смѣха, глядя на толстую, раскраснѣвшуюся съ досады уставщицу, всю въ грязи, съ камилавкой набокъ, съ апостольникомъ чуть не задомъ напередъ. Фленушка не изъ таковскихъ была, чтобъ уступить Аркадіи: чѣмъ та больше горячилась, тѣмъ громче она хохотала и больше ее къ брани подзадоривала.

И Богъ знаетъ, чѣмъ бы это кончилось, если-бъ шедшіе гуськомъ богомольцы не дошли наконецъ до маленькой полянки, середь которой стоялъ почернѣвшій отъ дождей и ветхости, ягелемъ поросшій голубецъ. То была гробница добрымъ подвигомъ подвизавшейся матери Фотиньи.

До Питиримова разоренья на этомъ мѣстѣ стояла женская обитель старицы Фотиньи Нижегородки. Вблизи отъ нея, съ

---

*) Осока — Carex visicaria. Бѣлоусъ — Nardus stricta.

версту либо меньше, другая обитель стояла — старицы Голендухи. Много въ ту пору на Керженцѣ и въ лѣсахъ чернораменскихъ учительныхъ и добраго житія старицъ бывало. Строгою жизнью, добрыми подвигами славились игуменьи Шарпанскихъ обителей Марья да Ѳедосья, да начальная старица Елховскаго скита мать Иринарха. Великою начитанностью, острымъ разумомъ и учительнымъ словомъ во всѣ концы старообрядства гремѣла начальная старица Капитолина Ярославка, дьяконова толка, да старица Анисья Козьмодемьянка. Съ самимъ Питиримомъ онѣ препирались и крѣпкими адамантами древляго благочестія почитались, но не было такой постницы, не было такой подвижницы, какъ начальная старица Фотинья; и не было такой учительной и начитанной игуменьи, какъ мать Голендуха. Къ Фотиньѣ съ разныхъ сторонъ сходились старообрядцы поучиться добрымъ порядкамъ и подвижничеству, у Голендухи соборы даже сбирались. Однажды на Тихоновъ день *) многіе старцы и старицы, именитые люди и духовнаго чина къ матери Голендухѣ въ обитель сходились разбирать поподробну «спорныя письма» протопопа Аввакума и обрѣли въ нихъ несогласныхъ рѣчей со святыхъ отецъ писаніемъ много, зато и согласились отложить тѣ письма. И настало оттого раздѣленье керженскихъ старообрядцевъ на Софонтьево и Онуфріево согласія. И по времени тѣ, чтò Софонтьева толка держались, во многихъ спорахъ Онуфріевыхъ одолѣли, и тому одолѣнію много послужили мать Фотинья да мать Голендуха. Оттого и память ихъ донынѣ на Керженцѣ честно хранится, оттого на мѣста разоренныхъ скитовъ, на ихнія могилы и ходятъ Богу молиться, помины творить по крѣпкимъ ревнительницамъ старообрядчества.

На Фотиньиной полянкѣ стихли и брань уставщицы и Фленушкинъ хохотъ. Положивъ семипоклонный началъ, замолитвовала Аркадія канонъ за умершихъ. Отпѣли канонъ надъ могилой Фотиньи и помянули ее взятыми изъ Виринеиной келарни кутьей да холодными блинами.

Отправивъ службу по Фотиньѣ, богомольцы пошли дальше въ лѣсъ по тоненькимъ кладкамъ. Тутъ стоячее болото было жиже, промежъ зеленой осоки и пышныхъ ярко-желтыхъ купавокъ **) сверкали глубокія лужи, какъ пѣной подернутыя желѣзною ржавчиной. Между ними попадались «вадьи» и «окна»; угодишь туда — нѣтъ спасенья: пиши къ роднымъ, творили бы поминки... Опасливѣй прежняго идутъ гуськомъ

*) 16-го іюня 1708 года.

**) Водяной лапушникъ, Nymphaea.

другъ за дружкой богомольцы, боясь, чтобъ опять кому не попасть въ болого, какъ судилъ Господь попасть уставщицѣ. Сухая полянка матери Голендухи была гораздо обширнѣй, чѣмъ у Фотиньи; почти сплошь была она крыта яркимъ зелено-бурымъ мохомъ, и на немъ росло множество несозрѣлой еще брусники.

И надъ Голендухиной могилкой справили обычную службу и надъ нею пропѣли канонъ и кутьей да блинами поминъ сотворили. Дальше гуськомъ по тонкимъ кладкамъ пошли и вышли на дорогу, гдѣ ихъ ожидали терзаемые оводомъ кони.

— Подите-ка вы напередъ, — молвила мать Аркадія конюху Дементью и работникамъ: — а я тѣмъ временемъ перемѣню одежду. Ишь грѣхъ какой! Какъ изгрязнилась!

Осталась Аркадія съ Никанорой да съ Марьюшкой головщицей. Давай перины поднимать да узлы развязывать. Достала уставщица чистое бѣлье и запасное верхнее платье. Переодѣвшись, сѣла въ переднюю повозку, а Никанора съ Марьюшкой въ заднія двѣ помѣстились, и такъ поѣхали одна за другой догонять ушедшихъ впередъ. Скоро нагнали и попрежнему размѣстились. Мѣсто возлѣ дороги было посуше; дѣвицы съ Васильемъ Борисычемъ попрежнему пошли другъ за дружкой по лѣсной опушкѣ, попрежнему отдалился московскій посолъ съ Парашей, попрежнему велъ ее за бѣлую руку, попрежнему прижималъ ее къ сердцу и срывалъ съ губъ Параши горячіе поцѣлуи. Ни онъ ни она ни слова... Къ чему слова, зачѣмъ длинныя рѣчи?.. И безъ того знаютъ, что полюбили другъ друга. Не любитъ русскій человѣкъ про любовь разговоры водить — молчкомъ все больше...

Багровое солнце, плывя въ сѣро-желтомъ туманѣ, давно ужъ съ полдёнъ опустилось, когда путники наши добрались до Улàнгера. Чищенина *) была тутъ обширная и сплошь покрыта выколосившимся и наливившимся уже хлѣбомъ. Середь чищенины, со всѣхъ сторонъ окаймленной зеленѣвшими пожнями, по бѣлоснѣжному кварцовому песку струилась свѣтлая рѣчка Кòзленецъ. По одну ея сторону стоялъ скитъ Улàнгерскій съ десятью обителями, по другую сторону Фундриковскій — тамъ было двѣ обители.

Еще до Питиримова разоренья стоялъ на Кòзленцѣ небольшой скитокъ Фỳндриковъ, мѣсто было затишное, укромное, разоренье не коснулось того скита. Гораздо позже, вскорѣ

---

*) Мѣсто, гдѣ лѣсъ вырубленъ, выкорчеванъ и сожженъ подъ посѣвъ; пашня, расчищенная изъ-подъ лѣсу.

послѣ чумнаго года и пугачевщины, разраслось здѣсь скитское населеніе, — появились новыя обители и за рѣчкой супротивъ Фундрикова. То былъ Улангеръ.

До того улангерскія келейницы жили верстъ за сто оттолѣ, въ лѣсахъ Унженскихъ; тамъ у нихъ былъ скитъ большой и богатый. Тѣмъ по старообрядству онъ славился, что немало въ немъ живало дворянокъ: чухломскихъ, галицкихъ, пошехонскихъ. Въ старые годы предки тѣхъ «баръ», какъ зовутъ ихъ въ народѣ, бывали на службахъ великихъ государей, верстаны были помѣстьями и жалованы ими въ вотчину. Внуки ихъ, правнуки, засѣвъ въ лѣсахъ, завалившись въ болотахъ, всегда «въ нѣтяхъ бывали», не являясь на государеву службу. Оттого жалованныхъ земель у нихъ не прибывало, и каждаго изъ баръ Господь благословлялъ чадородьемъ не меньше плодущаго рода — поповъ да дьяконовъ. Имѣнья дробились, и баре въ конецъ обѣдняли. Случалось, что у семи дворянъ бывала одна крѣпостная душа и два либо три загона дрянной землицы. Жили они бѣднѣе крестьянъ, а чванства и родовой спеси было столько, что съ каждаго хватило бы на дюжину богатыхъ вельможъ. Работать имъ нельзя, потому что «баре», а служить тоже нельзя, потому что очень ужъ неотесаны, да и грамотѣ рѣдкій изъ нихъ учился. Отъ крестьянъ отличались только запонкой на рубахѣ да кружившимъ ихнія головы званьемъ «барина». Народъ не уважалъ баръ, смѣялся надъ тунеядцами и сложилъ про нихъ двѣ мѣткія пословицы: «бара — по грошу пара» да «семь дворянокъ на одной кобылѣ верхомъ ѣдутъ». Такіе-то баре, вдовыя барыни и боярышни наполняли старообрядскіе скиты, находившіеся отъ нихъ по близости. Таковъ былъ и Старый Улангеръ.

Долго тамъ проживали онѣ. Скитъ Улангерскій прославился, дорожили имъ московскіе и другихъ городовъ старообрядцы. «Знайте, дескать, что и межъ насъ есть родовые дворяне благородные», и щедрой рукой сыпали въ Улангеръ подаянія. И жизнь въ томъ скиту была безопаснѣй и привольнѣе, чѣмъ по другимъ — и попы и полиція не такъ смѣло къ нему подступали.

Съ умиленьемъ и гордостью разсказываютъ скитницы про Старый Улангеръ. Житіе, говорятъ, было тамъ пространное, широкое, небоязное, порядки добрые, строгіе, и по многу бѣглыхъ поповъ въ томъ скиту пребывало. И колокольный звонъ, и крестные ходы вкругъ скита и по окольнымъ полямъ, и свободное отправленіе погребенія съ громогласнымъ пѣньемъ и цѣлымъ строемъ поповъ во всемъ чину своемъ, все это бывало въ захолустномъ, забившемся въ дремучіе лѣса Улан-

герѣ и придавало ему блескъ и славу по всему старообрядству. И невѣдомо отчего прогнѣвался Господь на Уланґерскія обители: въ пору необычную, на самое Богоявленье нашла грозовая туча, и молнія ударила въ главную скитскую часовню. Поднялся вихрь и раскидалъ полымя по всему скиту; часа черезъ два ничего отъ него не осталось. Со страха и ужаса по всѣмъ сторонамъ разбѣжались уланґерскія матери.

Лѣтомъ галицкая боярыня Акулина Степановна изъ рода Свѣчиныхъ, съ племянницей своей Ѳедосьей Ѳедоровной Сухониной, собрала во единъ кругъ разбѣжавшихся матушекъ, пошла съ ними вкупѣ на иное мѣсто и на рѣчкѣ на Ко̀зленцѣ, супротивъ стараго скита Фундрикова, ставила обитель Спаса Милостиваго. По маломъ времени собрались сюда и другіе скитскіе жители, и ставлено было на Ко̀зленцѣ двѣнадцать обителей, десять женскихъ, двѣ мужскія. Дворянскаго рода бѣлицы и старицы до послѣдняго времени не переводились въ Уланґерѣ, и хоть этотъ скитъ далеко̀ не былъ такъ богатъ, какъ Комаровскій, Оленевскій или Ша̀рпанскій, но славу имѣлъ большую, потому что въ немъ постоянно привитали бѣдныя дворянки чухломскія, галицкія, пошехонскія. И какихъ сказокъ про нихъ ни разсказывали: и близки-то онѣ ко двору, и имѣютъ-то среди царскихъ вельможъ близкихъ сродниковъ, и есть-то у нихъ жалованныя грамоты, и тѣми-де грамотами на вѣки вѣчные обезпечена неприкосновенность скита Уланґерскаго.

И что̀ было съ пошехонскими, галицкими и чухломскими «барами», то сталось и съ потомками ихъ, уланґерскими келейницами. Сколько было у нихъ бѣдноты и наготы въ сравненьи съ другими скитами, разсказать того невозможно, а спеси боярской въ сотню разъ было больше того. Какъ можно посылать по городамъ за сборами, какъ можно канонницъ въ Москву отправлять? Сама Москва должна двинуться на рѣчку Ко̀зленецъ поклониться скиту дворянскому! Знать никого не хотятъ — ходятъ ребромъ, глядятъ козыремъ... На что намъ богатство, была бы спесь, была бы передъ нами пыль, люди бы передъ нами сторонились... Оттого и забѣднѣлъ скитъ Уланґерскій.

Въ послѣднее время перестали дворянской славой кичиться въ Уланґерскихъ обителяхъ. Дворянокъ осталось тамъ мало; да и тѣ были безъ зубовъ, съ пѐчи не слѣзали, доживая на ней долгій вѣкъ свой. Но старая спесь не совсѣмъ вымерла въ Уланґерѣ — не со многими обителями другихъ скитовъ тамошнія матери знакомство и хлѣбъ-соль водили. Обитель Манеѳина въ славѣ была и въ почетѣ, оттого знались съ нею и дорожили знакомствомъ уланґерскія матери, особенно игу-

менья самой большой обители, мать Юдиѳа изъ ярославскаго купеческаго рода. Къ ней-то и въѣхали усталые до̀-нельзя комаровскіе богомольцы.

Глава семнадцатая.

Дѣвушка—что̀ ловчая птица. Трудно со̀кола выносить, а перевабишь *)—самъ на̀ руку станетъ летать. Недотрогой-царевной глядѣла Прасковья Патаповна, выѣзжая изъ Комарова, а когда добрались богомольцы до Ула̀нгера да размѣстились по кельямъ и свѣтлицамъ Юдиѳиной обители, красна дѣвица стосковалася: «Гдѣ-то радость моя?.. Что-то онъ, миленькій дружочекъ, подѣлываетъ?..»

И Василью Борисычу не сидится на мѣстѣ. Радехонька была мать Юдиѳа знакомому ужъ ей московскому уставщику. Еще когда пѣвчая стая Манефиной обители ѣздила въ Осиповку хоронить Настю, Василій Борисычъ, оставаясь въ Комаровѣ безъ дѣла, побывалъ у матери Юдиѳи и много старался склонить ее къ признанію владимірскаго архіепископа.

Усадила Юдиѳа Василья Борисыча въ почетный уголъ, угощаетъ его и чаемъ и сластями, заводитъ съ нимъ рѣчи про австрійскихъ архіереевъ. Но московскому послу не до посольства. Не архіерей у него на умѣ, а бѣлыя атласныя плечи; не владыку Антонія онъ на памяти держитъ, про то сладко вспоминаетъ, какъ, гуляя по лѣсочку рука объ руку съ Прасковьей Патаповной, горячо обнималъ ее, цѣловалъ въ уста алыя и въ пухлыя, мягкія щеки. И дивится словоохотливая Юдиѳа его молчанію, отчего это, думаетъ она, то и дѣло въ рѣчахъ онъ путается, невпопадъ на спросы отвѣчаетъ? Узнавъ, что Василій Борисычъ, ради богомольнаго подвига, почти всю дорогу пѣшкомъ прошелъ: — «усталъ, родименькій, притомился, — подумала: — отъ великихъ богомольныхъ трудовъ разстроило его, сердечнаго».

— Отдохнуть бы вамъ съ дорожки-то, гость дорогой, — молвила Юдиѳа Василью Борисычу. — Послѣ тра̀пезы отдохнуть не вздумается ли?

И, кликнувъ бѣлицу Домнушку, игуменья велѣла ей постлать поскорѣе гостю постель въ сосѣдней свѣтелкѣ, что̀ была надъ кельей игуменьиной.

---

*) Сокола и другую ловчую птицу носятъ на рукѣ, поколь не заснетъ, и такимъ образомъ приручаютъ. Это называется вынашивать. Перевабить — перезвать сокола, переманить вабиломъ съ мѣста. Вабило — пара птичьихъ крыльевъ; ими машутъ, посвистывая, для призыва выношенной ловчей птицы.

А Домнушка дѣвица молоденькая, собою маленька, личикомъ бѣленька, очи сокольи, брови собольи, глаза съ поволокой, ротокъ съ позѣвотой, а дѣвичья краса — русая коса лежитъ по спинѣ до шелкова пояса. Веселая такая была да нѣжная, а сама чиста, какъ голубица. Когда впервые Василій Борисычъ въ Улангерѣ былъ, облюбовалъ онъ эту дѣвицу и почасту съ ней втихомолку заигрывалъ. Обрадовалась теперь Домнушка гостю негаданному, а онъ ровно и не знаетъ ее: даже не поздоровался. И зардѣлось съ досады бѣлое личико Домнушки, заискрились слезинкой очи звѣздистыя: не того ждала — не того она надѣялась, живучи въ одиночествѣ, помышляя каждый день о Васильѣ Борисычѣ.

Только-что Юдиѳа изъ кельи вонъ, намѣсто ея Фленушка.

— Ну что? — спросила она, изо всей мочи хлопнувъ по плечу погруженнаго въ думу Василья Борисыча.

Тотъ даже присѣлъ отъ нечаяннаго удара разудалой дѣвицы.

— Охъ, искушеніе! — вскрикнулъ онъ и, едва переводя духъ, промолвилъ: — совсѣмъ исполошили вы меня, Флена Васильевна! Можно развѣ этакъ пугать человѣка?.. Мало-ль что съ перепугу можетъ случиться? Медвѣдь и покрѣпче меня, да и съ тѣмъ съ испугу-то что бываетъ?

— Ишь незамайка какой!.. — лукаво усмѣхаясь, молвила Фленушка. — Гдѣ таково, Василій Борисычъ, изнѣжничались? Въ свѣтлой свѣтлицѣ, аль въ чистомъ полѣ, али въ лѣсочкѣ, срывая цвѣточки?

— Не знаю, какъ понимать ваши рѣчи, Флена Васильевна, — сказалъ Василій Борисычъ, будто не понимая ея намековъ.

— Рѣчисты ужъ больно стали вы, Василій Борисычъ. Съ вашихъ столичныхъ рѣчей, можетъ статься, намъ, лѣснымъ дурамъ, плакать придется, — продолжала Фленушка.

— Да что это вы нынче притчами все говорите? Вы бы прямо. Понятнѣе, — сказалъ Василій Борисычъ.

— Тѣ мои и рѣчи, что птицу кормомъ, а дѣвушку льстивыми рѣчами обманываютъ, — съ коварной усмѣшкой молвила Фленушка.

Василій Борисычъ ни слова въ отвѣтъ.

— Сгубили вы ее своими рѣчами, — продолжала Фленушка.

«Охъ, искушеніе!» — подумалъ Василій Борисычъ. Да тутъ же и вспало ему на умъ: — «Про какія же рѣчи она говоритъ? Мы вѣдь все время единаго слова не перемолвили».

— Сидитъ, разливается-плачетъ, — молвила Фленушка. — Хоть пошли бы да утѣшили, покамѣстъ у нашихъ старицъ съ Юдиѳой тарабары идутъ.

— Охъ, искушеніе! — вполголоса сказалъ Василій Борисычъ.

— Нечего таиться-то, — сказала Фленушка, положивъ ему на плечо руку. — Мы съ Парашей душа въ душу, она все разсказала...

— Ахъ, Флена Васильевна!.. — только и могъ, краснѣя и глубоко вздыхая, промолвить Василій Борисычъ.

— Вотъ что — теперь, пожалуй, лучше не ходите къ ней, — сказала Фленушка: — очень ужъ людно здѣсь, да опять же на насъ на пріѣзжихъ много глазъ глядитъ... Вечеркомъ лучше послѣ заката — на вспольѣ тогда выходите. Какъ сюда въѣзжали, видѣли, крестъ большой въ землю вкопанъ стоитъ? Отъ того креста дорожка вдоль рѣчки къ перелѣску пошла, по ней идите... Да смотрите, чуръ не обмануть: безпремѣнно приходите.

Ни слова Василій Борисычъ, одно завѣтное шепчетъ онъ слово: «охъ, искушеніе!».

— Что-жъ нашей царевнѣ-королевнѣ велите сказать? — настойчиво спросила Фленушка. — Придете аль нѣтъ въ лѣсочкѣ вечеркомъ тоску-горе размыкать?.. Придете аль нѣтъ?

— Приду, — смущаясь, едва слышно проговорилъ Василій Борисычъ.

— Ну, ладно... Да вы не бойтесь. Ловкой рукой все обрядимъ... Сама насторожѣ стану, — лукаво усмѣхнувшись, бойко и рѣзво проговорила Фленушка.

— Охъ, искушеніе! — опуская голову, молвилъ Василій Борисычъ.

— Погляжу я на васъ, — съ задорной улыбкой сказала ему Фленушка: — настоящій вы скосырь московскій!.. Мастеръ дѣвушекъ съ ума сводить... Что-то Устюшка теперь?.. Ну, да вѣдь я не за тѣмъ, чтобъ ее поминать... Прощайте, не обманите же... Только-что послѣ ужины матери по кельямъ разбредутся, тотчасъ къ большому кресту да тропой въ перелѣсокъ... Смотрите-жъ.

И какъ рѣзвая касатка вонъ изъ кельи порхнула.

А вовсе не Парашины рѣчи-желанья Василью Борисычу она говорила. Высмотрѣвъ украдкой, что было въ лѣсочкѣ, вздумалось Фленушкѣ и эту парочку устроить. Очень любила такія дѣла, и давно ей хотѣлось не свою, такъ чужую свадьбу уходомъ сыграть. По расчетамъ ея дѣло теперь выпадало подходящее; влѣзъ по поясъ Василій Борисычъ—полѣзетъ по горло; влѣзетъ по горло—по уши лѣзь; по уши окунется—маковку въ воду... Того хочетъ Флена Васильевна, такова ея дѣвичья воля.

По случаю пріѣзда московскаго посла и комаровскихъ матерей, въ Юдиной обители было большое собранье. Сошлись старицы изо всѣхъ обителей.

Досыта наговорились онѣ. Успокоясь отъ сердечной тревоги, много говорилъ съ ними Василій Борисычъ. Толковали объ архіерействѣ, улангерскія старицы не были склонны къ Бѣлокриницкой іерархіи, сомнѣвались въ ея чистотѣ, ересей сокровенныхъ боялись, больше всего смущало ихъ, не обливанецъ ли грекъ Амвросій. Если обливанецъ — все его архіерейство и священство безблагодатно, и кромѣ душевной гибели отъ него ожидать ничего невозможно. Василій Борисычъ Бога въ свидѣтели приводилъ, что самъ своими глазами видалъ, какъ въ Эносѣ, на родинѣ митрополита, греки дѣтей въ три погруженья крестятъ, что тамъ про обливанство слуху нѣтъ и весьма имъ гнушаются, какъ богомерзкой латинской прелестью. Отъ книгъ доказывалъ, что хоть у грековъ вѣра отъ бусурманскаго насилія и стала пестра, но въ крещеніи они нимало не погрѣшили. Еще больше было рѣчи объ опасности, грозившей скитамъ керженскимъ и чернораменскимъ. Юдиѳа и другая улангерская игуменья, мать Минодора, получили изъ Петербурга отъ благодѣтелей такія-жъ недобрыя вѣсти, какъ и Манеѳа. Толковали, вздыхали, охали и тѣмъ порѣшили, что гдѣ гроза, тамъ и вёдро. Господь не безъ милости — пронесетъ мимо грозную тучу и бѣдныхъ сиротъ учинитъ безпечальны; надо во всемъ на Его святую волю положиться. И то порѣшили, чтобъ на Петровъ день старицы изъ Улангерскихъ обителей ѣхали къ матушкѣ Манеѳѣ соборовать, что̀ надо дѣлать, что̀ предпринять при такихъ тревожныхъ вѣстяхъ.

Солнце межъ тѣмъ багровѣло больше и больше, сѣро-желтый туманъ застилалъ лазурь небеснаго свода и съ каждымъ часомъ больше и больше темнѣлъ. И на землѣ затуманились дальніе предметы, перелѣсокъ и Фундриковскія строенья ровно въ дымку закутались. Гарью запахло — значитъ, пожаръ разгорался не на шутку, но гдѣ, близко-ль, далеко ли, не знаетъ никто. Во время лѣсныхъ пожаровъ сухой туманъ и запахъ гари распространяется иногда на сотни верстъ отъ горѣлаго мѣста. Оттого въ Улангерѣ и были спокойны — никто не тревожился. «Горитъ гдѣ-то далёко, до насъ не дойдетъ, — говорили келейницы: — а хотя-бъ и дошло, такъ намъ не бѣда — Улангеръ не лѣсная деревушка, чищенина большая, до келій огню не добраться».

Еще далеко̀ не дойдя до края небосклона, солнце скрыло лучи и померкло, опускаясь въ непроглядную полосу сухого тумана. Нѣтъ вечерней зари, прямо безъ зари ночью небо покрылось. Повѣяло холодкомъ, столь отраднымъ послѣ зноя длиннаго іюньскаго дня. Надъ рѣчкой, на пожняхъ и болотахъ стали

разстилаться влажные туманы. Отъ гари лѣсного пожара не бѣлыми они кажутся, а какими-то сѣроватыми. Бывшія у Юдиѳи на соборѣ матери, распрощавшись съ комаровскими гостями, разошлись по обителямъ. Вездѣ покончили работы, совершили вечернюю трапезу и разошлись по кельямъ на боковую.

Фленушка уговорила двухъ знакомыхъ ей дѣвицъ Юдиѳиной обители вмѣстѣ пойти погулять по вечернему холодку. Тѣ охотно согласились. Сказали Домнѣ, та не пошла, тѣмъ отговорилась, что голова у ней разболѣлась, а въ самомъ дѣлѣ разболѣлось у нея сердце. На что-жъ это въ самомъ дѣлѣ похоже? Въ первый разъ пріѣзжалъ — заигрывалъ; еще побывать обѣщался, гостинцевъ привезти, и вдругъ ни съ того ни съ сего — взглядомъ подарить не хочетъ... А она-ль объ немъ не думала, она-ль не надѣялась?.. И очень печалилась нѣжная Домнушка, но въ тайнѣ печаль свою сохраняла... Пошли разгуляться Фленушка съ Парашей да съ Марьюшкой, были съ ними двѣ Юдиѳины дѣвицы: развеселая, разудалая, быстроногая смуглянка Дуня да голосистая чернобровка Варя, головщица праваго клироса. Только-что вышли на вполье да отошли отъ келій подалѣ, тотчасъ за мірскія пѣсни, а сами все ближе да ближе къ перелѣску.

Василій Борисычъ изъ обители вышелъ и неспѣшными шагами идетъ онъ къ большому кресту. Подошелъ, остановился, положилъ передъ крестомъ семипоклонный началъ, ровно передъ добрымъ дѣломъ... Отъ креста по узкой тропинкѣ къ темному лѣсочку пошелъ. Фленушка примѣтила гостя, только-что выбрался онъ на вполье, голосъ ему подала. Подошелъ къ дѣвицамъ Василій Борисычъ.

Въ малиновомъ шелковомъ сарафанѣ съ палевымъ передникомъ и съ бѣлымъ платочкомъ на головѣ сидѣла на травѣ, окруженная подругами, Параша. Какъ и всегда, была неразговорчива, но незамѣтно было въ ней ни былой лѣни ни прежней сонливости. Пошла-ль бы она поздней порой въ поле, покинула бы развѣ мягкій пуховикъ, если-бъ не случилось съ ней въ тотъ день, чего отродясь еще не случалось. Узнала горячія объятья, испытала сладость поцѣлуевъ и ровно переродилась; взоръ сталъ смышленѣе, лицо думчивѣе, движенья быстрѣе. Если-бъ Фленушка съ Марьюшкой и ничего не подсмотрѣли въ лѣсу, онѣ, какъ опытныя дѣвицы, сразу бы, взглянувъ на Парашу, догадались, отчего такая перемѣна съ ней сталась. Любовь—что огонь, либо что кашель: отъ людей не скроешь.

Фленушка съ дѣвицами, ведя затѣйные разговоры, ушли въ

глубь лѣсочка. Увидала Параша, что осталась одна, а Василій Борисычъ стоитъ передъ нею... Голова у ней закружилась, сердце такъ и упало... Убѣжать бы скорѣе, да съ мѣста не встается... Остаться и боязно и стыдно... Однако осталась.

Василій Борисычъ возлѣ нея на травку сѣлъ и молча взялъ за руку. Параша ни слова.

Крѣпко онъ обнялъ ее и сталъ цѣловать... Ни слова Параша... Отстраняется отъ поцѣлуевъ, но не отталкиваетъ разгорѣвшагося страстью московскаго гостя.

И все молчатъ... А хмелевая ночка темнѣй да темнѣй, въ дышащемъ истомой и нѣгой воздухѣ тише да тише. Ни звуковъ ни голосовъ — все стихло, заснуло... Стопами неслышными безмолвно, невидимо развеселый Ярило ступаетъ по матери сырой землѣ, тихонько вѣетъ онъ яровыми колосьями и алыми цвѣтами, распаляетъ, разжигаетъ кровь молодую, туманитъ головы, сладкое забытье наводитъ.

Обнялъ Василій Борисычъ Парашу — молчитъ... Прильнулъ распаленными устами къ ея устамъ — молчитъ.

Рѣетъ надъ ними Ярило, кроетъ любовь ихъ серебристымъ своимъ балахономъ... Радостно улыбаясь, осыпаетъ ихъ цвѣтами весны, цвѣтами любви, цвѣтами жизни...

Заготовила-было Фленушка сонъ-траву подложить подъ подушку Василью Борисычу — пусть бы приснился ему вѣщій сонъ, пусть бы узналъ онъ судьбу свою, увидалъ бы во снѣ свою суженую... Бросила липкій цвѣтокъ — не надо... Наяву все узнано, не во снѣ угадано...

На другой день путники отправились на прахъ сожженнаго «страдальца» Варлаама. Пристали къ нимъ старицы и бѣлицы уле̂нгерскія... И все женскій полъ, изъ мужчинъ только Василій Борисычъ да еще доживавшій свой вѣкъ въ обветшалой мужской обители старецъ Іосифъ.

Тотъ Іосифъ былъ старожилъ уле̂нгерскій. Старше его по жительству въ скитѣ никого не было, кромѣ древней матери Ксенофонты, впавшей въ дѣтство и ужъ больше пяти годовъ не слѣзавшей съ печки, да матери Клеопатры Ерахтурки, чтимой всѣмъ Кѐрженцемъ, всѣмъ Чернораменьемъ за преклонную старость, за непомѣрную ревность по вѣрѣ, за что пять разъ въ острогѣ сидѣла и много ради древляго благочестія нуждъ и скорбей претерпѣла. И мать Ксенофонта и мать Клеопатра Ерахтурка еще съ боярыней Акулиной Степановной изъ Стараго Уле̂нгера на рѣчку Кѐзленецъ переѣхали. Старецъ Іосифъ былъ изъ чухломскихъ баръ, дворянскаго роду Горталовыхъ, за нимъ въ Чухломскомъ уѣздѣ

три ревизскія души состояло, двѣ души умерло, третья вмѣстѣ съ бариномъ въ обители проживала и надъ бариномъ своимъ начальствовала, потому что инокъ Галактіонъ, по-мірскому Егорка Даниловъ, крѣпостной господина Горталова, крестьянинъ, игуменствовалъ въ обѣднѣвшей и совсѣмъ почти запустѣвшей мужской Улангерской обители, а старецъ Іосифъ Горталовъ былъ при немъ рядовымъ инокомъ. Хоть постриженъ былъ отецъ Іосифъ, хоть отрекся отъ міра сего, однакожъ барской спеси осталося довольно въ немъ.

— Егорка, подлецъ! Чтой-то вздумалъ? Какъ ты смѣешь? — крикнетъ, бывало, Іосифъ на своего игумна, когда тотъ сдѣлаетъ что-нибудь несогласное съ желаньемъ своего барина.

— Я тебѣ не Егорка, — строго отвѣтитъ игуменъ. — Твой Егорка былъ да сплылъ, азъ же многогрѣшный — смиренный игуменъ честной обители Покрова Пресвятыя Богородицы — инокъ Галактіонъ. И онъ тебѣ приказываетъ: стань, непотребный рабъ, на поклоны, сотвори сто великихъ поклоновъ, да триста метаній, да пятьсотъ малыхъ.

И смиряется старецъ Іосифъ и кладетъ поклонъ за поклономъ, метаніе за метаніемъ, творя волю крѣпостного своего игумна. И, вѣдая таковое смиреніе старца Іосифа, его похваляли.

Такъ про него говорили: «Отецъ Іосифъ сый великоблагороденъ, земныхъ чести и славы отрекся, убогаго монастыря во убогой келійцѣ благодарственно нищету и скудость терпитъ. паче же всего христоподражательнымъ смиреніемъ себя украшаетъ».

А въ прежніе годы, въ годы свѣтлой, кипучей молодости, ходокъ былъ отецъ Іосифъ. Памятуютъ о томъ старушки, теперь чернымъ куколемъ крытыя, апостольникомъ украшенныя, иночествомъ вѣнчанныя. До смерти не выйдетъ изъ ихъ памяти, какъ молодыми бѣлицами онѣ во честныхъ обителяхъ житіе провождали. То-то былъ затѣйникъ, то-то былъ любезникъ молодой чернецъ — баринъ Іосифъ! Дворянскій родъ много ему помогалъ. Падки бывали до дворянскаго рода скитскія дѣвицы — всякой облагородиться было лестно. Пролетѣли года одинъ за другимъ, старостью поникъ инокъ Іосифъ. За старину тогда принялся, много книгъ прочиталъ, много ученья извѣдалъ. Имѣя быстрый умъ и острую память, какъ книга, зналъ старину, а чего не зналъ, то вымысломъ умѣлъ разукрасить. Оттого и желательно было каждому заѣзжему въ Улангеръ человѣку старца того послушать, и самъ отецъ Іосифъ любилъ провести часъ-другой въ бесѣдѣ съ хорошимъ человѣкомъ. Только Москву и тузовъ ея онъ не терпѣлъ. Не

жаловалъ еще комаровскую уставщицу Аркадію. Какіе-то старые счеты съ той старицей у него были...

Идетъ Іосифъ всѣхъ впереди, рядомъ съ нимъ Василій Борисычъ. Слушаетъ московскій посолъ преподобныя рѣчи, не вспоминая про грѣховную ночь. Флёнушка съ блѣдной истомленной Парашей и свѣжей, какъ яблочко наливное, Марьей головщицей слѣдомъ за ними идутъ. Люди хоть не дальніе, а все-таки заѣзжіе, любопытно и имъ сказаній Іосифа про улангерскую старину послушать.

— Идемъ мы благочестно на прахъ отца Варлаама, — говорилъ Іосифъ. — Добрѣ и намъ нынѣ подвиги его вспомянути. Доблестно пострада воинъ Христовъ за правую древлеотеческую вѣру, себѣ самого и доблихъ учениковъ своихъ сожженію предавше, да не обольстятъ рабовъ Христовыхъ злые антихриста послы... Ангелы Божіи въ небесахъ возликовали, егда воню благоуханія сожигаемыхъ обоняли и пѣснь преподобныхъ во временномъ сего міра огнѣ слышали. «Изведи изъ темницы душу мою, мене ждутъ праведницы» — вотъ что̀ пѣли во пламени Христовы исповѣдники. Таковы по здѣшнимъ мѣстамъ въ стары годы люди живали, таковы преславныя дѣла здѣсь бывали. Нынѣ не то, не тѣ времена!

— Да, — вздохнулъ Василій Борисычъ.

— Нынѣ не то, — продолжалъ Іосифъ, покачивая сѣдою головой, покрытою старой, побурѣвшей отъ времени камилавкой. — Нынѣ слабость по̀ людямъ пошла. Измалодушествовались не токмо мірскіе, но и тѣ, что̀ ангельскій образъ пріять сподобилися. Повсюду врагъ Божій плевелы свои обильно сѣетъ, повсюду въ сѣти свои окаянный христіанскія души уловляетъ. Плача и воздыханій достойно наше время! Изсякла вѣра, померкла добродѣтель, не стало истинныхъ рабовъ Христовыхъ! Обаче Божія благодать и въ нынѣшнія послѣднія времена не оскудѣваетъ, паче же преизбыточествуетъ. У васъ на Москвѣ промежъ пузатыхъ лицемѣровъ, агнчую одежду на волчьи тѣлеса вздѣвшихъ, про здѣшнія чудеса поди чай и не слыхивали, а мы простіи своими очами ихъ зрѣли... Что̀ ваша Москва? Широко̀ живетъ, высоко̀ плюетъ, до Божьяго ей нѣтъ дѣла... Вавилонъ треклятый!..

— Напрасно, старче Божій, такое о Москвѣ разсужденіе держите, — вступился московскій посолъ. — Земля грѣхами преисполнена, Москва на ней же стоитъ. Праведниковъ, подобныхъ прежнимъ отцамъ, не видимъ, обаче ревности по древлему благочестію не лишены. Прилежанія къ старой вѣрѣ въ московскомъ обществѣ довольно. О томъ по всѣмъ странамъ премного извѣстно.

— Не говори, другъ любезный, про вашу прославленную Москву, — горячо сказалъ Іосифъ. — Знаю ее вдоль и поперекъ. Испоконъ вѣку деревенщинѣ была она нелюбовна... Какъ въ стары годы, такъ и нынѣ. Москва что доска — спать широко, да кругомъ мететъ... Уты, утолстѣ, ушире и забы Бога Создателя своего. Не въ Москвѣ древлее благочестіе, — по далекимъ захолустьямъ, середь бѣднаго, простого народа... Это такъ... Такъ... Ты еще молодъ, Василій Борисычъ, не спорь со старымъ человѣкомъ хорошаго роду. Супротивъ стараго царскаго дворянина спорить тебѣ, мальцу, не доводится. Помни мое слово, не супротивься.

Смолчалъ Василій Борисычъ. Помолчалъ немного и старецъ Іосифъ, затѣмъ такую рѣчь повелъ:

— Отъ вѣку до вѣку не видать и не знать Москвѣ столь великаго подвижника, таковаго по святоотеческой вѣрѣ поборника, каковъ во дни наши среди насъ просіялъ. Многотерпѣливый мужъ и многострадальный, добрыя ревности и спасительнаго житія, ревностно и благопокорно среди братіи служаше, молитвеннаго и цѣломудреннаго пребыванія образъ былъ всѣмъ хотящимъ спастися...

— Кто-жъ это такой? — спросилъ Василій Борисычъ.

— Тезоименитъ преподобному страдальцу, ему же грядемъ поклониться, — отвѣтилъ Іосифъ. — Варлаамъ ангельское имя ему, мірское же Василій Перепелкинъ, родомъ изъ Медыни, хорошаго роду, старыхъ дворянъ.

— Разскажите о немъ, пожалуйста, отче святый, — сказалъ Василій Борисычъ.

Быстро, но важно взглянувъ на московскаго посла, Іосифъ торопливо поправилъ кафтырь и камилавку, съѣхавшіе набокъ, и сталъ говорить:

— Когда насталъ французскій годъ, дивный отецъ, не стерпя зрѣти озлобленій иноплеменныхъ, удалился. И шедъ бѣгая въ пустыню, въ здѣшніе лѣса за Волгу пришелъ. Прежде по близости Стараго Макарья имѣлъ пребываніе въ лѣсахъ каменскихъ, дорогученскихъ, ветлужскихъ *), и толико въ молитвахъ и постѣ подвизался, что сподобился общенія со

*) По переведеніи въ 1847 году Макарьевской ярмарки въ Нижній, Старымъ Макарьемъ зовутъ уѣздный городъ Макарьевъ, при которомъ знаменитая ярмарка существовала съ начала XVII столѣтія. Каменскій лѣсъ вблизи Волги на лѣвой сторонѣ ея, ниже Макарьева, называется такъ по селу Каменкѣ, находящемуся на Розинѣжской заводи рѣки Волги. Сплошной съ нимъ лѣсъ, простирающійся къ востоку, называется Дорогученскимъ, по рѣчкѣ Дорогучѣ. Къ сѣверу отъ нихъ Ветлужскіе лѣса, по рѣкѣ Ветлугѣ. Въ этихъ мѣстностяхъ до расхищенія казенныхъ лѣсовъ, бывшаго въ пятидесятыхъ годахъ, жило немало пустынниковъ.

невидимыми грѣшному міру святыми отцами Нестіарской обители *).

— Что̀ за обитель? Что̀ за невидимые святые? Не слыхивалъ я, грѣшный, про нихъ... — съ живымъ любопытствомъ спрашивалъ Іосифа Василій Борисычъ.

— О, Москва, Москва! Высокоумные, прегордые московскіе люди! — съ усмѣшкой презрѣнья вскликнулъ старецъ Іосифъ. — Великими мнятъ себе быти, дивнаго же Божія смотрѣнія не разумѣютъ. Окаменѣли сердца, померкли очи, слуху глухота дадеся!.. И дивиться нечему — Нестіаръ не фабрика, не заводъ, не торговая лавка, а Божіе мѣсто, праведнымъ уготованное!.. Какое-жъ до него дѣло московскимъ толстопузамъ?..

— Богомъ прославленныхъ мѣстъ на землѣ, что̀ звѣздъ на̀ небѣ, — сказалъ замолчавшему Іосифу Василій Борисычъ. — Всѣ такія мѣста одному человѣку извѣдать не можно, а тебѣ бы, старче, незнающему сказать, невѣдущаго научить, а не Москву бранить. Тутъ московскіе люди ни въ чемъ не повинны.

Не отвѣтилъ Іосифъ, но, недолго помолчавъ, быстро обратился къ Василью Борисычу.

— Васильсурскъ знаешь?

— Какъ не знать?—живо отвѣчалъ Василій Борисычъ.

— Задолго до Никоновой порухи было на Руси лихолѣтье... — началъ разсказъ свой старецъ Іосифъ. — Гришка Разстрига на православное царство Литву да ляховъ навелъ. Города, села пожигали, церкви рушили, святыя иконы на щепы кололи, всякой святынѣ ругались. Поднялась заодно съ ними некрещеная сила: мордва, черемиса, татаре. Подошла та окаянная сила къ Васильсурску. Ратныхъ людей было тамъ мало. Васильгородцы, не чая спасенья, преплывали обонполъ Волгу и въ лѣсахъ отъ огня и меча укрывались. Ратные же люди вышли изъ града на враговъ, нимало побѣды не чая, мученическій вѣнецъ пріяти желая. Но простеръ Господь десницу свою, и предъ малымъ числомъ благовѣрныхъ воевъ врознь побѣжали орды незнающихъ Бога. Взятая въ полонъ черемиса повѣдала васильгородцамъ, оттого-де они побѣжали, что передъ ними на бѣломъ конѣ явился страшный видомъ чернецъ и пламеннымъ копіемъ ихъ, враговъ имени Христова, поражалъ немилостиво. Когда-жъ полонянники восхотѣли святого крещенія и были приведены въ Васильгородскую церковь, воззрѣвъ на икону преподобнаго отца Варлаама Хутынскаго, познали старца, пламеннымъ копіемъ ихъ пора-

*) Озеро Нестіаръ на лѣвой сторонѣ Керженца, среди глухого лѣса.

зивша. Слыша таковое Божіе о градѣ смотрѣніе, васильгородцы Богу хвалу приносили, преподобному Варлааму пѣли молебны, и всѣ радости были исполнены спасенія ради своего града отъ иноплеменныхъ. По малѣ же времени многіе отъ нихъ въ вѣрѣ пошатнулись, престали къ церкви Божіей ходити, поученій отъ священнаго чина принимати, и едва сорокъ человѣкъ остались во градѣ помнившихъ Господа и не забывшихъ Бога и святой Его вѣры. И ради тѣхъ сорока не попустилъ до времени Господь тому граду погибнуть... Насталъ праздникъ Господень, Преполовеньевъ день. Въ церковь только тѣ сорокъ человѣкъ пришли, иные-жъ въ безчинныхъ игрищахъ и въ мірской суетѣ пребывали. И когда, по скончаніи божественной службы, благочестивые крестнымъ ходомъ пошли на Волгу воду святить, двинулась за ними и церковь Божія, предъ нею же икона преподобнаго Варлаама Хутынскаго шествовала никѣмъ не носима! Когда же пришли ко брегу, Волга рѣка разступалася, какъ широкія врата растворялася, принимала въ свое лоно людей благочестныхъ, и шедшую за крестнымъ ходомъ церковь, и по воздусямъ ходящую святую икону преподобнаго Варлаама... И всемогущею Бога силою тѣ люди и церковь пренесены за Волгу, въ лѣса, на озеро Нестіаръ. И до сихъ поръ тамо живутъ они невидимые въ обители невидимой. Все одно, что̀ на Китежѣ.

— Дивенъ Богъ во святыхъ Его,—поднявъ глаза къ небу, съ умиленьемъ проговорилъ Василій Борисычъ. Поклонясь Іосифу, онъ промолвилъ:—благодаренъ остаюсь на добромъ поученьи.

— То-то! Благодаренъ остаюсь!—ворчалъ отецъ Іосифъ.— У васъ на Москвѣ, да и по другимъ странамъ, гдѣ такія Богомъ хранимыя сокровенныя мѣста? Да нельзя и быть имъ у васъ!.. Кто у васъ на Москвѣ по старой вѣрѣ остался? Толстосумы, торгаши, продажной совѣсти купцы! Всѣмъ завладали окаянные мытари, завладали и церковью Божіей... Нечего рожу-то косить—правду сказываю... Мзда, неправедные нажитки ослѣпили!.. Забывъ Бога и любовь Имъ повелѣнную, всякаго норовятъ обсчитать, рабочаго обидѣть, своему брату долговъ не заплатить. Тотъ у нихъ за человѣка не почтенъ, кто хоть разъ на вѣку по гривнѣ за рубль не платилъ... Подлецы!.. Вотъ каковы ваши московскіе столпы старой вѣры, вотъ каковы адаманты благочестія!.. А все отчего? Оттого, что въ старой вѣрѣ нашей братьи столбовыхъ дворянъ никого не осталось. Я чуть ли не послѣдній!.. А безъ дворянъ ни земное царство государское, ни благодатное царство, сирѣчь церковь святая, стояти не могутъ... Это вѣрно.

Вспомни-ка, кто были древніе святые отцы? Всѣ хорошихъ дворянскихъ родовъ. Москву возьми: святитель Петръ изъ волынскихъ бояръ, Алексѣй митрополитъ изъ роду Плещеевыхъ, святитель Филиппъ изъ роду Колычевыхъ, Сергій преподобный изъ радонежскихъ дворянъ. А теперь кто? Худородные. Спроси у моего Егорки, игумна нашего, отца Галактіона значитъ, спроси его — то же скажетъ, хоть самъ и рабъ и худороденъ. Ты, Василій Борисычъ, много начитанъ, значитъ, силу писанія разумѣешь, и то, стало-быть, вѣдаешь, что̀ означаетъ стихъ, поемый на Богоявленіе Господне.

И запѣлъ дрожащимъ отъ старости голосомъ Іосифъ: «Гласъ Господень на водахъ вопіетъ глаголя: пріидите, пріимите вси Духа премудрости, Духа разума, Духа страха Божія»...

— Скажи-ка, что̀ это означаетъ?—спросилъ онъ у Василья Борисыча.

— Да какъ сказать... — замялся Василій Борисычъ.

Іосифъ продолжалъ:

— То̀ означаетъ, что отъ Господа три жребія человѣкомъ дано: Симовъ жребій — Богу служити, Іафетовъ жребій — власть держати, Хамовъ жребій — страхъ имѣти. Оттого и поется, чтобы даровалъ Господь Симу, сирѣчь духовному чину, премудрость на поученіе людей. Іафету, сирѣчь дворянству, отъ него же и царскій корень изыде, послалъ духа разума людьми править, въ разумѣніи всякихъ вещей превыше всѣхъ стояти, а Хаму, сирѣчь черному народу, мужикамъ, мѣщанамъ и вашему брату купцу, послалъ бы Господь духъ страха Божія на повиновеніе Симову жребію и Іафетову. Раби есте... Мы, Симовъ и Іафетовъ жребій, раби Божіи, а вы, Хамовъ жребій, первѣе раби Божіи, а потомъ раби наши, то-есть Симовы и Іафетовы. Вотъ какъ по Божьему-то. А нынѣ не то, нынѣ песья нога выше головы стала... Развѣ это Божье устроенье?.. Не отъ Бога, отъ дьявола сіе... Да ты не хмурься, Василій Борисычъ, — дѣло говорю, по писанію сказываю.

— Ты послушай только его, Василій Борисычъ, — молвила мать Аркадія. — Онъ вѣдь у насъ блажно̀й, не того еще наскажетъ тебѣ.

— А ты, Хамова внучка, молчи! Пока не спрашиваютъ, ротъ разѣвать не моги, — кинулъ грозное слово ненавистной Аркадіи старецъ Іосифъ. — Не твоего ума дѣло.

— Легко ли что̀, — отвѣтила Аркадія.— Самъ-отъ хуже всякаго Хама. Хоть бы камилавку-то получше на башку свою дурацкую вздѣлъ, а то гляди-ка какая. Поди, чать, мыши гнѣздо въ ней завели... А еще дворянинъ, баринъ...

— Дамъ я тебѣ мыши!.. Велика̀ ты птица: мать знала, отца

не видывала, вотъ какого ты роду... А еще уставщица! — горячился Іосифъ.

— Какъ я свистну тебя по дворянской-то башкѣ, такъ забудешь у меня роды разбирать, — крикнула Аркадія, замахнувшись дорожнымъ подожкомъ.

— А я какъ велю рабу моему Егоркѣ на поклоны тебя поставить... Онъ вѣдь духовный отецъ тебѣ, — проворчалъ Іосифъ.

— Такъ онъ и послушалъ тебя! — вскрикнула Аркадія. — Еще смѣешь ты своего игумна Егоркой да рабомъ своимъ обзывать!.. Баринъ!.. Баринъ!.. Какой ты баринъ!.. Изъ тѣхъ, что̀ по два десятка на одной кобыленкѣ ѣздятъ.

— А ты ври, да не завирайся. И въ бѣдности должна уважить чинъ боярства, — съ важностью молвилъ отецъ Іосифъ.

— Давно, батюшка, знаю, что на тебѣ два чина: дуракъ да дурачина, — подхватила Аркадія.

Всѣ засмѣялись, улыбнулся даже Василій Борисычъ.

И дошло бы у честна̀го отца со смиренной инокиней до рукопашной, если-бъ въ разгарѣ брани не дошли они до праха сожженнаго Варлаама.

На небольшой полянкѣ, середи частаго еловаго лѣса, стоялъ высокій деревянный крестъ, съ прибитымъ въ срединѣ мѣднымъ распятіемъ. Здѣсь, по преданью, стояла келья отца Варлаама, здѣсь онъ сожегъ себя со ученики своими. Придя на мѣсто и положивъ передъ крестомъ обычный семипоклонный нача̀лъ, богомольцы стали по чину, и мать Аркадія, замѣтивъ, что отецъ Іосифъ намѣревается начать канонъ, поспѣшила «замолитвовать». Не хотѣла и тутъ ему уступить, хоть по скитскимъ обычаямъ первенство слѣдовало Іосифу, какъ старцу.

Запѣли канонъ за единоумершаго. Отецъ Іосифъ сначала молчалъ, потомъ присталъ къ поющимъ.

Послѣ канона прощались. Попрощалась и Аркадія съ Іосифомъ. Брани какъ не бывало.

Возвращались другою дорогой. Шли темнымъ дремучимъ лѣсомъ по узкимъ тропинкамъ, по сгнившимъ наполовину кладкамъ. На могилахъ пустынника Иліи и прозорливой матери Ѳеклы пѣли каноны. Смирившаяся Аркадія не препятствовала Іосифу «править службу». Галицкій дворянинъ былъ очень этимъ доволенъ.

Отъ гробницы матери Ѳеклы рукой подать да Ула̀нгера. Торопились поспѣть къ тра̀пезѣ и потому прибавили шагу. Василій Борисычъ обратился къ отцу Іосифу.

— Что-жъ не докончили вы про отца Варлаама?

— Про Варлаама? Чтó про него разсказывать тебѣ? Не въ пользу вѣдь будетъ, — молвилъ брюзгливо Іосифъ.

— Да нѣтъ, вы ужъ, пожалуйста, разскажите, — просилъ старца Василій Борисычъ.

Что-жъ разсказать-то? Старость, дряхлость пришла, стало не подъ силу въ пустынѣ жить. Къ намъ въ обитель пришелъ, пятнадцать зимъ у насъ пребывалъ. На лѣтнее время, съ Пасхи до Покрова, иной годъ и до Казанской, въ лѣса удалялся, а гдѣ тамъ подвизался, никто не вѣдалъ. Безмолвіе на себя возложилъ, въ послѣднія десять лѣтъ никто отъ него слова не слыхивалъ. И на правилѣ стóя въ молчаніи, когда молился, губами даже не шевелилъ.

— Въ вашей обители старецъ Варлаамъ и жизнь свою скончалъ? — спросилъ Василій Борисычъ у замолчавшаго отца Іосифа.

— Взяли его. Безъ пачпорта проживалъ — взяли... — продолжалъ Іосифъ. — Три года въ темницѣ сидѣлъ. Злодѣйства не вѣдый, яко злодѣй, разбойничества ниже помысливый, яко разбойникъ томленъ бысть во узилищѣ. И ни единаго слова мучителямъ не молвилъ. Вcѣ члены его сокрушили множествомъ лютыхъ мученій. Но аще и раны нанесоша и томленіе темничное умножиша, не возмогоша крѣпкаго столпа поколебати ниже ослабити. Не возмогли и ласканіями къ своей волѣ преклонити; ни единаго слова на судилищѣ не молвилъ. И по долзѣ времени отослали его въ монастырь къ Старому Макарью на безысходное житіе за крѣпкимъ карауломъ. Во узахъ тамо пребывалъ преподобный Варлаамъ два лѣта. И по семъ великое чудо надъ доблимъ рабомъ Своимъ Господь показалъ. Яко Петръ изъ веригъ невидимо изыде изъ заточенія и ангеломъ Божіимъ проведенъ бысть въ обитель невидимыхъ святыхъ на озерѣ Нестіарѣ. Тамо и нынѣ со оными блаженными пребываетъ и пребудетъ тамо до скончанія вѣка. Аминь...

Когда богомольцы, выйдя изъ лѣса, взглянули на небо, оно было какъ пепломъ покрыто. Солнце едва было видимо. Запахъ гарью стоялъ.

— Рымскіе горятъ, — сказалъ конюхъ Дементій, встрѣтивъ своихъ матерей. — Завтра того и гляди въ Полóму огонь проберется *).

---

*) Рымскіе лѣса, отрасль Унженскихъ и Ветлужскихъ, тянутся вдоль рѣки Чернаго-Луха, впадающаго въ Унжу. Они въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи. Называются такъ по деревнямъ Большіе и Малые Рымы. Писатели о расколѣ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, говоря объ этихъ лѣсахъ, наполненныхъ тогда бѣглыми раскольниками, исказили ихъ названіе и называли Брынскими. Позднѣйшіе писатели искали

— Какъ же на Китежъ-отъ намъ ѣхать, Дементьюшка, коли въ Поло̀му огонь проберется? — спросила Аркадія. — Сгоримъ, пожалуй. Не лучше-ль домой воротиться?

— Коли седни послѣ трапезы то̀тчасъ поѣдемъ, успѣемъ безо всякой опаски проѣхать; а если до завтра здѣсь прогостите, будетъ вѣрнѣй домой поспѣшать.

За тра̀пезой Аркадія настаивала, чтобъ ѣхать домой, но Фленушка, опираясь на слова Дементья, непремѣнно хотѣла сейчасъ же ѣхать, чтобъ миновать Поломскій лѣсъ, пока до него огонь не дошелъ. Къ ней пристали другія, Василій Борисычъ тоже. Аркадія уступила. Тотчасъ послѣ трапезы комаровскіе богомольцы распростились съ гостепріимной Юдиѳой.

Только-что стало опускаться съ полдёнъ едва видное сквозь дымную мглу солнце, комаровскіе богомольцы, оставивъ Улангеръ, направили поѣздъ сквозь Поломскіе лѣса къ невидимому граду Китежу. Больше двадцати верстъ надо было проѣхать сплошнымъ дремучимъ лѣсомъ до береговъ Кѐрженца. Дальше начинались жилыя мѣста, окруженныя обширными пашнями и чищобами; тамъ бы уже совершенно было безопасно отъ лѣсного пожара. А покамѣстъ дорога шла узкая, извилистая, чуть не на каждомъ шагу пересѣкалась она корневищами. Съ обѣихъ сторонъ сумрачными великанами высились громадныя ели и лиственницы, межъ нихъ во всѣ стороны разросся густой, непроходимый чапыжникъ *). Узкая полоса дневного свѣта тянулась надъ вершинами непроглядной лѣсной чащи, и хоть далеко еще было до вечера, а въ лѣсу было ужъ темно, какъ въ осеннія сумерки.

Конюхъ Дементій съ Аркадіей и Васильемъ Борисычемъ ѣхалъ впереди поѣзда, онъ не жалѣлъ лошадей. То и дѣло стегалъ ихъ по непривычнымъ къ сильнымъ ударамъ бедрамъ. Другіе возчики отъ Дементья не отставали. Жирные, выхоленные келейные кони, сроду не знавшіе скорой ѣзды, мчались во весь опоръ. Проскакали полдороги. Верстъ одиннадцать либо двѣнадцать оставалось до рѣки Кѐрженца... Вдругъ влѣво отъ дороги послышался въ отдаленьи необычный, несмолкаемый трескъ... Съ каждой минутой онъ возрасталъ, обдавая странниковъ ужасомъ... Свистъ и визгъ разносились по̀ лѣсу. Зашумѣло въ вершинахъ елей и лиственницъ: то стада бѣлокъ,

---

эти лѣса около Брянска... Этимъ много внесено путаницы въ исторію раскола. Поло̀ма или Поло̀мскій лѣсъ—на югъ отъ Рымскихъ, отдѣляется отъ нихъ верховьями Кержѐнца, который тутъ течетъ еще въ видѣ небольшого лѣсного ручья.

*) Частый кустарникъ.

спасаясь отъ огня, перелетали съ дерева на дерево. Почуявъ недоброе, лошади закусили удила и помчались сломя голову; запрыгали повозки по толстымъ корневищамъ: того и гляди, либо ось пополамъ, либо все набоку.

— Огонь идетъ! — вскрикнулъ Дементій. И отчаянный крикъ его едва слышенъ былъ за страшнымъ шумомъ огненнаго урагана.

Всѣ крестились, творили молитвы. Матери, бѣлицы плакали навзрыдъ. Блѣдный, какъ полотно, Василій Борисычъ всѣмъ тѣломъ дрожалъ.

Вдругъ смолистымъ дымомъ пахнуло, и по узкой свѣтовой полосѣ, что̀ высилась надъ дорогой, какъ громадныя огненныя птицы, ста̀ями понеслись горящія лапы *), осыпая дождемъ искръ поѣздъ келейницъ. Вой урагана превратился въ одинъ оглушающій, нескончаемый раскатъ грома. Ему вторили какъ бы пушечные выстрѣлы, стоны падавшихъ деревьевъ, вой спасавшихся отъ гибели волковъ, отчаянный ревъ медвѣдей. Вотъ перерѣзало дорогу быстро промчавшееся по чапыжнику стадо запыхавшихся лосей... Вотъ надъ деревьями, тяжело размахивая утомленными крыльями, быстрѣй вихря пронеслись лѣсныя птицы... Багрово-синими, какъ бы кровавыми волнами заклубился на̀дъ лѣсомъ дымъ... Палящій, огнедышащій вѣтеръ понесся низомъ межъ деревьями, разстилая надъ землей удушающій смрадъ... Вдругъ между вершинами деревьевъ блеснула огненная змѣйка, за ней другая, третья, и мигомъ всѣ верхи елей и лиственницъ подернулись пламеннымъ покровомъ... Брызнула изъ деревьевъ смола, и со всѣхъ сторонъ полились изъ нихъ огненныя струйки.

Вдругъ передняя пара лошадей круто поворотила направо и во весь опоръ помчалась по прогалинкѣ, извивавшейся середь чапыжника. За передней парой кинулись остальныя.

— Куда ты, куда ты, Дементьюшка? — схватясь за плеча̀ конюха и привставъ въ повозкѣ, благимъ матомъ закричала Аркадія.

— Кони лучше нашего знаютъ куда, — молвилъ Дементій, опуская вожжи.

И, снявъ шапку, сталъ креститься.

— Слава Тѣ, Господи! Слава Тебѣ, Царю Небесному!.. — говорилъ онъ.

Не прошло трехъ минутъ, какъ лошади изъ пылающаго лѣса вынесли погибавшихъ въ обширное моховое болото...

---

*) Горящія вѣтви хвойныхъ деревьевъ.

ВЪ ЛѢСАХЪ.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Глава первая.

Вотъ сказанье нашихъ праотцовъ о томъ, какъ богъ Ярило возлюбилъ Мать Сыру Землю и какъ она породила всѣхъ земнородныхъ.

Лежала Мать Сыра Земля во мракѣ и стужѣ. Мертва была — ни свѣта, ни тепла, ни звуковъ, никакого движенья.

И сказалъ вѣчно юный, вѣчно радостный свѣтлый Яръ: «Взглянемъ сквозь тьму кромѣшную на Мать Сыру Землю, хороша-ль, пригожа-ль она, придется ли по мысли намъ?»

И пламень взора свѣтлаго Яра въ одно мгновенье пронизалъ неизмѣримые слои мрака, что лежали надъ спавшей землею. И гдѣ Ярилинъ взоръ прорѣзалъ тьму, тамо возсіяло солнце красное.

И полились черезъ солнце жаркія волны лучезарнаго Ярилина свѣта. Мать Сыра Земля отъ сна пробуждалася и въ юной красѣ, какъ невѣста на брачномъ ложѣ, раскинулась... Жадно пила она золотые лучи живоноснаго свѣта, и отъ того свѣта палящая жизнь и томящая нѣга разлились по нѣдрамъ ея.

Несутся въ солнечныхъ лучахъ сладкія рѣчи бога любви, вѣчно юнаго бога Ярилы: «Охъ ты гой еси, Мать Сыра Земля! полюби меня, бога свѣтлаго, за любовь за твою я украшу тебя синими морями, желтыми песками, зеленой муравой, цвѣтами алыми, лазоревыми; народишь отъ меня милыхъ дѣтушекъ число несмѣтное...»

Любы землѣ Ярилины рѣчи, возлюбила она бога свѣтлаго и отъ жаркихъ его поцѣлуевъ разукрасилась злаками, цвѣтами, темными лѣсами, синими морями, голубыми рѣками, серебристыми озерами. Пила она жаркіе поцѣлуи Ярилины, и изъ нѣдръ ея вылетали поднебесныя птицы, изъ вертеповъ выбѣгали лѣсные и полевые звѣри, въ рѣкахъ и моряхъ заплавали рыбы, въ воздухѣ затолклись мелкія мушки да мошки... И все жило, все любило и все пѣло хвалебныя пѣсни: отцу — Ярилѣ, матери — Сырой Землѣ.

И вновь изъ краснаго солнца любовныя рѣчи Ярилы несутся: «Охъ ты гой еси, Мать Сыра Земля! разукрасилъ я тебя красотою, народила ты милыхъ дѣтушекъ число несмѣтное, полюби меня пуще прежняго, породишь отъ меня дѣтище любимое».

Любы были тѣ рѣчи Матери Сырой Землѣ, жадно пила она живоносные лучи и породила человѣка... И когда вышелъ онъ изъ нѣдръ земныхъ, ударилъ его Ярило по головѣ золотой возжой — ярой молніей. И отъ той молоньи умъ въ человѣкѣ зародился. Здравствовалъ Ярило любимаго земнороднаго сына небесными громами, потоками молній. И отъ тѣхъ громовъ, отъ той молніи вся живая тварь въ ужасѣ встрепенулась: разлетались поднебесныя птицы, попрятались въ пещеры дубравные звѣри, одинъ человѣкъ поднялъ къ небу разумную голову и на рѣчь отца громовую отвѣчалъ вѣщимъ словомъ, рѣчью крылатою... И услыша то слово и узрѣвъ царя своего и владыку, всѣ древа, всѣ цвѣты и злаки передъ нимъ преклонились, звѣри, птицы и всяка живая тварь ему подчинилась.

Ликовала Мать Сыра Земля въ счастьѣ, въ радости, чаяла, что Ярилиной любви ни конца ни края нѣтъ... Но по маломъ времени красно солнышко стало низиться, свѣтлые дни укоротились, дунули вѣтры холодные, замолкли птицы пѣвчія, завыли звѣри дубравные, и вздрогнулъ отъ стужи царь и владыка всей твари дышащей и не дышащей...

Затуманилась Мать Сыра Земля и съ горя-печали оросила поблекшее лицо свое слезами горькими — дождями дробными.

Плачется Мать Сыра Земля: «О, вѣтре-вѣтрило!.. Зачѣмъ дышишь на меня постылою стужей?.. Око Ярилино — красное солнышко!.. Зачѣмъ грѣешь и свѣтишь ты не попрежнему?.. Разлюбилъ меня Ярило богъ — лишиться мнѣ красоты своей, погибать моимъ дѣтушкамъ, и опять мнѣ во мракѣ и стужѣ лежать!.. И зачѣмъ узнавала я свѣтъ, зачѣмъ узнавала жизнь и любовь?.. Зачѣмъ спознавалась съ лучами ясными, съ поцѣлуями бога Ярилы горячими?..»

Безмолвенъ Ярило.

«Не себя мнѣ жаль, — плачется Мать Сыра Земля, сжимаясь отъ холода: — скорбитъ сердце матери по милымъ по дѣтушкамъ».

Говоритъ Ярило: — «Ты не плачь, не тоскуй, Мать Сыра Земля, покидаю тебя не надолго. Не покинуть тебя на время — сгорѣть тебѣ до тла подъ моими поцѣлуями. Храня тебя и дѣтей нашихъ, убавлю я на-время тепла и свѣта, опадутъ на деревьяхъ листья, завянутъ травы и злаки, одѣнешься ты снѣговымъ покровомъ, будешь спать-почивать до моего приходу... Придетъ время, пошлю къ тебѣ вѣстницу — Весну Красну, слѣдомъ за Весною я самъ приду».

Плачется Мать Сыра Земля:—«Не жалѣешь ты, Ярило, меня бѣдную, не жалѣешь, свѣтлый боже, дѣтей своихъ!.. Пожалѣй хоть любимое дѣтище, что на рѣчи твои громовыя отвѣчало тебѣ вѣщимъ словомъ, рѣчью крылатою... И нагъ онъ и слабъ — сгинуть ему прежде всѣхъ, когда лишишь насъ тепла и свѣта...»

Брызнулъ Ярило на камни молоньей, облилъ палючимъ взоромъ деревья дубравныя.

И сказалъ Матери Сырой Землѣ:—«Вотъ я разлилъ огонь по камнямъ и деревьямъ. Я самъ въ томъ огнѣ. Своимъ умомъ-разумомъ человѣкъ дойдетъ, какъ изъ дерева и камня свѣтъ и тепло брать. Тотъ огонь — даръ мой любимому сыну. Всей живой твари будетъ на страхъ и ужасъ, ему одному на службу».

И отошелъ отъ земли богъ Ярило... Понеслися вѣтры буйные, застилали темными тучами око Ярилино — красное солнышко, нанесли снѣга бѣлые, ровно въ саванъ окутали въ нихъ Мать Сыру Землю. Все застыло, все заснуло, не спалъ не дремалъ одинъ человѣкъ — у него былъ великій даръ отца Ярилы, а съ нимъ и свѣтъ и тепло...

Такъ мыслили старо-русскіе люди о смѣнѣ лѣта зимою и о началѣ огня.

Оттого наши праотцы и сожигали умершихъ: — заснувшаго смертнымъ сномъ Ярилина сына отдавали живущему въ огнѣ отцу. А послѣ стали отдавать мертвецовъ ихъ матери — опуская въ лоно ея.

Оттого наши предки и чествовали великими праздниками дарованіе Ярилой огня человѣку. Праздники тѣ совершались въ долгіе лѣтніе дни, когда солнце, укорачивая ходъ, начинаетъ разставаться съ землею. Въ память дара, что даровалъ богъ свѣта, жгутъ купальскіе огни. Что Купала, что Ярило— все едино, одного бога званія.

И донынѣ въ Иванову ночь пылаютъ на Руси купальскіе огни, и донынѣ по полямъ и перелѣскамъ слышатся веселыя пѣсни:

Купала на Ивана!
Гдѣ Купала ночевала?
Купала на Ивана!
Купала на Ивана!
Ночевала у Ивана!

Наканунѣ Аграфены купальницы, за день до Ивана Купалы *), съ солнечнымъ всходомъ по домамъ суета поднимается. Запасливыя домовитыя хозяйки, старыя и молодыя, совѣтуются, въ какомъ мѣстѣ какія цѣлебныя травы въ купальскія ночи брать: гдѣ череду отъ золотухи, гдѣ шалфей отъ горловой скорби, гдѣ мать-мачеху, гдѣ звѣробой, ромашку и девясилъ... А вѣдуны да знахарки объ иныхъ травахъ мыслятъ: имъ бы сыскать радужный, златоогненный цвѣтъ перелетъ-травы, что̀ свѣтлымъ мотылькомъ порхаетъ по лѣсу въ Иванову ночь, имъ бы выкопать корень ревеньки, что̀ стонетъ и реветъ на купальской зарѣ, имъ бы черезъ серебряную гривну сорвать чудный цвѣтъ архилина да набрать тирличъ-травы, той самой, что̀ вѣдьмы рвутъ въ Иванову ночь на Лысой горѣ, имъ бы добыть спрыгъ-травы да огненнаго цвѣта папоротника **).

Добро тому, кто добудетъ чудныя зелья: съ перелетомъ всю жизнь будетъ счастливъ, съ зашитымъ въ ладонку корешкомъ ревеньки не утонетъ, съ архилиномъ не бойся ни злого человѣка ни злого духа, сокъ тирлича̀ отвратитъ гнѣвъ сильныхъ людей и возведетъ обладателя своего на верхъ богатства, почестей и славы; передъ спрыгъ-травой замки и запоры падаютъ, а чудный цвѣтъ папоротника принесетъ счастье, довольство и здоровье, сокрытые клады откроетъ, власть надъ ду̀хами дастъ.

Молодежь объ иныхъ травахъ, объ иныхъ цвѣтахъ той порой думаетъ. Собираются дѣвицы во единъ кругъ и съ пѣснями идутъ вереницей изъ деревни сбирать Иванъ-да-Марью,

---

*) 23-го и 24-го іюня.

**) Череда — Bidens tripartita, шалфей — Salvia officinalis, мать-и-мачеха — Tussilago farfara, ромашка — Chamomilla vulgaris, звѣробой — Hypericum perforatum, девясилъ — Inula helenium. *Перелетъ-трава*— сказочное растеніе; какъ и цвѣтъ папоротника, его радужный, огненный цвѣтъ мотылькомъ перепархиваетъ по воздуху въ Иванову ночь. Есть и настоящія тра̀вы, называемыя перелетомъ: одна — Oenothera, другая — Lotus corniculatus. Ревенька — ревень Rheum rhaponticum. Архилинъ — сказочное растеніе. Тирличъ — Gentiana amarella. Спрыгъ-трава, она же разрывъ-трава, сказочное растеніе, съ помощью котораго даются клады, а замкѝ и запоры сами спадаютъ.

любовную траву и любистокъ *). Тѣми цвѣтами наканунѣ Аграфены купальницы въ банѣ имъ париться, «чтобы тѣло молодилось, добрымъ молодцамъ любилось». А полъ, лавки, полки въ банѣ на то время густымъ-густехонько надо устлать травою купальницей **). Послѣ бани сходятся дѣвицы къ одной изъ подругъ. Съ пахучими вѣнками изъ любистка на головахъ, съ веселыми пѣснями, съ криками, со смѣхомъ, толкутъ онѣ гдѣ-нибудь на огородѣ ячмень на обѣтную кашу, а набравшіеся туда парни заигрываютъ каждый со своею зазнобой... На другой день варятъ обѣтную кашу и ѣдятъ ее у рѣчки аль у озера, бережно блюдя, чтобы каши не осталось ни маковой росинки. Съѣдятъ кашу, за другіе изстари уставленные обряды принимаются: парни возятъ дѣвокъ на переднихъ телѣжныхъ колесахъ, громко распѣвая купальскую пѣсню:

Иванъ да Марья
Въ рѣкѣ купались:
Гдѣ Иванъ купался,
Берегъ колыхался;
Гдѣ Марья купалась,
Трава разстилалась.

Купала на Ивана!
Купался Иванъ,
Да въ воду упалъ.
Купала на Ивана!

Пóдъ вечеръ купанье: въ одномъ яру плаваютъ дѣвушки съ вѣнками изъ любистка на головахъ, въ другомъ молодые парни... По иной молодецъ, чтò посмѣлѣе, какъ почнетъ отмахивать руками по сажени, глядь, и попалъ въ дѣвичій яръ, за нимъ другой, третій... Чтò смѣху, чтò крику!.. Таково обрядное купанье на день Аграфены купальницы.

Надвинулись сумерки, наступаетъ Иванова ночь... Рыбаки сказываютъ, что въ ту ночь вода подергивается серебристымъ блескомъ, а бывалые люди говорятъ, что въ лѣсахъ тогда деревья съ мѣста на мѣсто переходятъ и шумомъ вѣтвей межъ собою бесѣды ведутъ.. Сорви въ ту ночь огненный цвѣтъ папоротника, поймешь языкъ всякаго дерева и всякой травы, понятны станутъ тебѣ разговоры звѣрей и рѣчи домашнихъ животныхъ... Тотъ «цвѣтъ-огонь» — даръ Ярилы... То — «царь-огонь»!..

Немного часовъ остается до полночи, когда на одно мановенье тотъ чудный цвѣтокъ распускается. Только-что насту-

*) Иванъ-да-Марья — Viola tricolor. Любистóкъ или заря — Ligusticum levisticum, любовная трава или любжа — Orchis incarnata.
**) Купальница — Trollius loropeus.

нитъ полночь, изъ середины широколистнаго папоротника поднимается цвѣточная почка, шевелится она, двигается ровно живая и вдругъ съ страшнымъ трескомъ разрывается, и тутъ является огненный цвѣтъ... Незримая рука тотчасъ срываетъ его... То «цвѣтъ-огонь», дарованный богомъ Ярилой первому человѣку... То — царь-огонь!..

Страшно подходить къ чудесному цвѣту, рѣдко кто рѣшится идти за нимъ въ Иванову ночь. Такой смѣльчакъ развѣ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ выищется, да и тотъ не добромъ кончаетъ... Духи мрака, духи хлада, духи смерти, искони враждебные Солнцу-Ярилѣ, жадно стерегутъ отъ людей его даръ. Они срываютъ цвѣтъ-огонь, они напускаютъ ужасы, страсти и напасти на смѣльчака, что пойдетъ за нимъ въ завѣтную Иванову ночь... Они увлекаютъ его за собой въ страну мрака и смерти, гдѣ ужъ не властенъ отецъ Ярило... Страшно поклоняться Ярилѣ въ лѣсу передъ таинственнымъ цвѣтомъ-огнемъ, зато весело и радостно чествовать свѣтлаго Яра купальскими огнями.

Напередъ набравъ шиповнику, крапивы и другихъ колючихъ и жгучихъ растеній, кроютъ ими давно заготовленныя кучи хвороста и сухихъ сучьевъ. И лишь только за небеснымъ закроемъ спрячется солнышко, лишь только зачнетъ гаснуть заря вечерняя, начинаютъ во славу Яра живой огонь «взгнетать»... Для того въ сухой березовой плахѣ прорѣзываютъ круглое отверстіе и плотно пригоняютъ къ нему сухое же березовое, очищенное отъ коры, круглое полѣно... Его треніемъ въ отверстіи плахи вытираютъ огонь... И то дѣло одихъ стариковъ... И когда старики взгнетаютъ живой огонь, другіе люди безмолвно и недвижно стоятъ вкругъ священнодѣйствія, ожидая въ благоговѣйномъ страхѣ чуднаго явленья «божьяго посла» — царя-огня...

Потомъ обливаются старики, «творя божье дѣло»... Впившись глазами въ отверстіе плахи, стоитъ возлѣ нихъ по-праздничному разодѣтая, вѣнкомъ изъ цвѣтовъ увѣнчанная, перворожденная своей матерью, дѣвочка-подростокъ съ сухой лучиной въ высоко поднятой рукѣ *)... Разгорѣлось дѣтское личико, смотритъ она, не смигнётъ, сама дыханья не переводитъ, но не дрожитъ поднятая къ небесамъ ручонка... Безмолвно, набожно глядитъ толпа на работу старцевъ... Въ вечерней тиши только и слышны шуркъ сухого дерева, молитвенные вздохи

*) Непремѣнное условіе при добываньи «живого огня», чтобъ его приняла перворожденная, непорочная дѣвица. Перворожденную отыскать не трудно, но чтобъ не ошибиться въ другомъ — даютъ лучину восьми-девятилѣтней дѣвочкѣ.

старушекъ да шептанье христіанскихъ молитвъ... Но вотъ задымилось въ отверстіи плахи, вотъ вспыхнулъ огонекъ, и просіявшая восторгомъ дѣвочка въ строгомъ молчаньи бережно подноситъ къ нему лучину... Снизшелъ божій посолъ!.. Явился «царь-огонь»!.. Загорѣлся въ кострахъ великій даръ живоноснаго бога!.. Радостнымъ крикамъ, веселому гомону, громкимъ пѣснямъ ни конца ни краю.

Въ густой влажной травѣ свѣтятся Ивановы червяки *), ровно зеленымъ полымемъ они переливаются; въ заливной, сочной пожнѣ сверкаетъ мышиный огонь **), тускнетъ заря на небѣ, ярко разгораются купальскіе костры, обливая красноватымъ свѣтомъ темные перелѣски и отражаясь въ сонныхъ водахъ алыми столбами... Вся молодежь передъ кострами— дѣвушки въ вѣнкахъ изъ любистка и краснаго мака, иныя съ травяными поясами, у всѣхъ молодцевъ цвѣты на шляпахъ... Крѣпко схватившись за руки, прыгаютъ они черезъ огонь попарно: не разойдутся руки во время прыжка, быть парѣ, быть мужемъ-женой, разойдутся — свадьбы не жди... До утра кипитъ веселье молодежи вкругъ купальскихъ костровъ, а на зарѣ, когда въ лѣсу отъ нечистыхъ духовъ больше не страшно, расходятся, кто по перелѣскамъ, кто по овражкамъ.

И тихо осѣняетъ ихъ радостный Ярило спѣлыми колосьями и алыми цвѣтами. Въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ, тамъ, высоко, въ голубомъ небѣ, середь легкихъ перистыхъ облаковъ, тихо вѣетъ надъ Матерью Сырой Землей бѣлоснѣжная, серебристая обьярь Ярилиной ризы, и съ недоступной высоты обильно льются свѣтлые потоки любви и жизни.

— —

Теперь въ лѣсахъ за Волгой купальскихъ костровъ не жгутъ. Не празднуютъ свѣтлому богу Ярилѣ. Въ конецъ истребился старо-русскій обрядъ.

На скитскихъ праздникахъ, на келейныхъ сборищахъ за трапезами, куда сходится народъ во множествѣ, боголюбивые старцы и пречестныя матери истово и учительно читаютъ изъ святочтимаго Стоглава объ Ивановѣ днѣ: «Сходятся мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе и безстудный говоръ, на бѣсовскія пѣсни и плясанія и на богомерзкія дѣла... И тѣ еллинскія прелести отречены и прокляты...»

И отъ грознаго слова «прокляты» содрогаются ядущіе и піющіе.

---

*) Иначе свѣтлякъ, появляющійся обыкновенно около 24-го іюня.

**) Растеніе Byssus phosphorea. Его цвѣтки иногда свѣтятся ночью. Мышинымъ огнемъ называется также древесная гнилушка, издающая по ночамъ фосфорическій свѣтъ.

«Такова святыхъ отецъ заповѣдь, таково благочестиваго царя Іоанна Васильича повелѣніе!..»—возглашаютъ народу келейные учители... И возглашають они такія словеса не годъ и не два, а съ тѣхъ поръ, какъ зачинались въ лѣсахъ за Волгой скиты Керженскіе, Чернораменскіе. И вотъ теперь, черезъ двѣсти лѣтъ послѣ ихъ основанія, въ тѣхъ лѣсахъ про Ярилу помину нѣтъ, хоть повсюду кругомъ и хранится память о немъ, и чествуется она огнями купальскими *).

А по близости Керженца, недалёко отъ Ветлуги рѣки, есть такое мѣсто, гдѣ во времена стародавнія бывали великія народныя сходбища... сходился туда народъ справлять великія празднества Свѣтлому Яру... На обширной, плоской безлѣсной равнинѣ возвышается раздвоенный холмъ, поросшій столѣтними дубами. Двумя мысами вдается онъ въ обширное глубокое озеро. Во̀ды озера никогда не мутятся; что̀ ни бросишь въ нихъ — не принимаютъ, на другой же день брошенное волной на берегъ выкинеть. И то озеро по имени старо-русскаго бога «Свѣтлымъ Яромъ» зовется **).

Когда на той равнинѣ и по ближнимъ отъ нея мѣстамъ зачиналось людское населенье, не знаетъ никто. Но тамъ зачастую находятъ каменные молоты, каменные топоры и кремневые наконечники стрѣлъ, стало-быть, живали тутъ люди еще тогда, когда не знали ни мѣди ни желѣза ***). Сказываютъ, что на холмахъ у Свѣтлаго Яра городъ стоялъ, Китежемъ прозывался. Городъ ли то Кидишъ, что̀ во дни стародавніе отъ «поганой рати» спасенъ былъ Ильей Муромцемъ, славный ли городъ Покидышъ, куда ѣздилъ богатырь Суровецъ Суздалецъ гостить-пировать у ласковаго князя Михайлы Ефимонтьевича, не отсюда-ль ветлужскій князь Никита Байборода чинилъ набѣги на земли московскія, пробираясь лѣсами до Соли Галицкой — молчатъ преданья ****). Одно только помнитъ народъ, что въ старину на холмахъ у Свѣтлаго Яра на день Аграфены купальницы языческія требища справля-

*) Въ Нижнемъ-Новгородѣ до сего времени сохранилось старинное народное гулянье на «Ярилиномъ полѣ» 24-го іюня. Въ Муромѣ и Костромѣ въ тотъ день хоронятъ чучелу Ярилы изъ травы или соломы, въ Кинешмѣ и Галичѣ на игрищахъ Ярилу представляетъ старикъ — «дѣдушка, золотая головушка, серебряна бородушка»; по рѣкамъ Вяткѣ и Ветлугѣ сохранились мѣстами остатки Ярилиныхъ купальскихъ празднествъ.

**) Нижегородской губерніи (на самой границѣ съ Костромскою), Макарьевскаго уѣзда, близъ села Люнды (Владимірское тожъ). Дно этого глубокаго озера со всѣхъ сторонъ покато и песчано.

***) Г. Поливановъ лѣтъ въ пять собралъ здѣсь значительное число орудій каменнаго періода.

****) Былины о Ильѣ Муромцѣ и про Суровца Суздальца. Князь Никита Байборода лицо историческое (1350 — 1372 годовъ).

лись, и что на тѣхъ холмахъ стоялъ когда-то градъ Китежъ... И нынѣ, сказываютъ, стоитъ тотъ градъ, но видимъ бываетъ только очамъ праведниковъ.

Не стало языческихъ требищъ, градъ Китежъ сокрылся, а на холмахъ Свѣтлаго Яра попрежнему великія сходбища народа бывали... Собирались сюда русскіе люди старые свои праздники праздновать, чествовать свѣтлаго бога Ярилу. Въ «Навій день», на Радуницу, справляли здѣсь «окличкн» покойниковъ; здѣсь водили ночные хороводы Красной Горки; здѣсь величали Микулу Селяниновича, а на другой день его праздника справляли именины Сырой Земли и водили хороводы Зилотовы; здѣсь въ свѣтлыхъ струяхъ Свѣтлаго Яра крестили кукушекъ, кумились, завивали семицкіе вѣнки; здѣсь справлялись Зеленыя Святки и съ торжествомъ зажигались купальскіе костры въ честь отходящаго отъ земли бога жизни и свѣта, великаго Яра...

Поревновали скитскіе старцы и келейныя матери... «Къ чему,—заговорили они:—сіи нощныя плещеванія, чего ради крещеный народъ бѣсится, въ бубны и сопели тѣшитъ дьявола, сквернитъ Господни праздники струннымъ гудѣніемъ, бѣсовскими пѣснями, долоней плесканіемъ, Продіадинымъ плясаніемъ?.. Зачѣмъ на тѣ сатанинскія сходбища жены и дѣвы приходятъ?.. Зачѣмъ въ ихъ безстудныхъ пляскахъ главами киваніе, хребтами вихляніе, ногами скаканіе и топтаніе, устами непріязненъ кличъ и скверныя пѣсни?.. На тѣхъ бѣсовскихъ сходбищахъ мужѐмъ и отрокòмъ шатаніе, женамъ и дѣвамъ паденіе!.. Не подобаетъ тако творити!.. Богу противно, святыми отцами прòклято!..»

И огласили Свѣтлый Яръ и холмы надъ нимъ «святыми мѣстами»... Тутъ, сказали они, стоитъ невидимый градъ Божьихъ святыхъ, градъ Великій Китежъ... Но не можемъ мы грѣшные зрѣть красоты его, понеже сквернится мѣсто дѣлами бѣсовскими...

И стали боголюбивые старцы и пречестныя матери во дни, старымъ праздествàмъ уреченные, являться на Свѣтлый Яръ съ книгами, съ крестами, съ иконами... Стали на берегахъ озера читать псалтырь и пѣть каноны, составили китежскій лѣтописецъ и стали читать его народу, приходившему справлять Ярилины праздники. И на тѣхъ келейныхъ сходбищахъ иные огни затеплилисъ — въ ночь на день Аграфены купальницы стали подвѣшивать къ дубамъ лампады, лѣпить восковыя свѣчи, по сучьямъ иконы развѣшивать...

Поклонники бога Ярилы съ поборниками келейныхъ отцовъ, матерей иногда вступали въ рукопашную, и тогда у озера бы-

вали бой смертные, кровопролитье великое... Но старцы и старицы не унывали, съ каждымъ годомъ ихъ поборниковъ становилось больше, Ярилиныхъ меньше... И по времени шумныя праздества веселаго Яра уступили мѣсто молчаливымъ сходбищамъ на поклоненіе невидимому граду.

Двѣсти лѣтъ прошло отъ начала скитовъ; спросить про Ярилу у окольныхъ людей, спросить про царь-огонь, спросить про купальскіе костры — никто и не слыхивалъ.

Глава вторая.

Почти совсѣмъ ужъ стемнѣло, когда комаровскія поклонницы подъѣзжали къ Свѣтлому Яру. Холмы невидимаго града видны издалёка. Лишь завидѣла ихъ мать Аркадія, тотчасъ велѣла Дементью стать. Вышли изъ повозокъ, сотворили уставной семипоклонный началъ невидимому граду и до земли поклонились чудному озеру, отражавшему розовые переливы догоравшей вечерней зари...

— Пѣшкомъ надо — мѣсто бо свято есть, — сказала уставщица Василью Борисычу.

Пошли въ строгомъ, глубокомъ молчаньи... Въ воздухѣ тишь невозмутимая. Гуще и гуще надвигается черный покровъ ночи на небо, ярче и ярче сверкаютъ на холмахъ зажженныя свѣчи, тусклѣй и тусклѣй отражаетъ въ себѣ недвижное, будто изъ стекла вылитое озеро темно-синій небосклонъ, розовыя полосы зари и поникшія вѣтвями въ воду береговыя вербы... Все дышитъ таинственностью, все кажется ровно очарованнымъ... Крестясь и творя молитву, взошли комаровскія путницы на холмъ... Народу видимо-невидимо. Сошлись поклониться граду Китежу и ближніе и дальніе, старые и молодые, мужчины и женщины. Женщинъ гораздо больше мужчинъ. Келейныя матери и бѣлицы были почти изо всѣхъ обителей, иноковъ мало, и то все такіе, что зовутся «перехожими» *). Людей много, но громкихъ рѣчей не слыхать... И каноны поютъ, и книги читаютъ, и межъ собой говорятъ все потихоньку, чуть не шопотомъ... По рощѣ будто пчелиный рой жужжитъ...

Изобрали комаровскія богомолицы мѣстечко у раскидистаго дуба, мрачно чернѣвшаго въ высотѣ густолиственной вершиной. Вынула Аркадія изъ дорожнаго пещера икону Владимірской Богородицы въ густо позлащенной ризѣ съ самоцвѣтными каменьями, повѣсила ее на сучкѣ, прилѣпила къ дубу

*) Перехожими старцами зовутъ старообрядскихъ монаховъ, живущихъ не въ монастыряхъ, а по домамъ въ селеніяхъ. Между ними немало и произвольно надѣвшихъ на себя иноческое одѣяніе.

нѣсколько восковыхъ свѣчекъ и съ молитвой затеплила ихъ. И она и мать Никанора, обѣ въ полномъ иночествѣ, въ длинныхъ соборныхъ мантіяхъ съ креповыми наметками на камилавкахъ, стали передъ иконой и, положивъ началъ, вполголоса стали пѣть утреню.

— Комаровскія пріѣхали!.. Отъ Манеоиныхъ!.. — зашептали въ многочисленныхъ кучкахъ, разсыпанныхъ по обоимъ холмамъ. Пяти минутъ не прошло, какъ Манеоины окружены были густой толпой богомольцевъ.

Отойдя въ сторону, пошелъ Василій Борисычъ по рощѣ бродить. Любопытно было ему посмотрѣть, что на Китежѣ дѣлается, любопытно послушать, какое писаніе читаютъ грамотеи жадно слушавшему ихъ люду...

Видитъ: ста два богомольцевъ кучками разсыпались по рощѣ и по берегу озера. Наполовину деревьевъ увѣшано иконами, облѣплено горящими свѣчами... Здѣсь псалтырь читаютъ, тамъ канонъ Богородицѣ поютъ *), подальше утреню справляютъ... И вездѣ вполголоса.

Видитъ Василій Борисычъ: у подошвы холма, на самомъ берегу озера стоитъ человѣкъ съ двадцать народу—мужчины и женщины. Мужчины безъ шапокъ. Середь кружка высокій худощавый старикъ съ длинной, бѣлой какъ лунь бородой и совсѣмъ голымъ черепомъ. Держа тетрадку, унылымъ, гнусливымъ голосомъ читаетъ онъ нараспѣвъ. Двое молодыхъ стоятъ по сторонамъ и свѣтятъ ему зажженными восковыми свѣчами... Подошелъ поближе Василій Борисычъ, слышитъ: читаетъ онъ о благовѣрномъ князѣ Георгіи, положившемъ животъ за Христову вѣру и за Русскую землю въ битвѣ съ Батыемъ при Сити рѣкѣ. Называетъ старикъ благовѣрнаго князя Георгія внукомъ равноапостольнаго Владиміра, читаетъ, какъ ѣздилъ онъ по Русской землѣ и по всѣмъ городамъ ставилъ соборы Успенскіе: въ Новгородѣ, въ Москвѣ, въ Ростовѣ и Муромѣ.

— Охъ, искушеніе!.. Вотъ чепухи-то нагородили!.. — едва слышнымъ голосомъ промолвилъ Василій Борисычъ и тотчасъ замѣтилъ, что слушатели стали кидать на него недобрые взгляды.

«И бысть попущеніемъ Божьимъ, грѣхъ ради нашихъ,—протяжно читаетъ старикъ: — пріиде нечестивый и безбожный царь Батый на Русь воевать; грады и веси разоряше, огнемъ ихъ пожигаше, людіе мечу предаваше, младенцевъ ножемъ заколаше, и бысть плачъ великій!..»

---

*) Іюня 23-го, на день Аграфены купальницы, празднуютъ иконѣ Владимірской Богородицы.

Двѣ старушки всплакнули, двѣ другія навзрыдъ зарыдали.

«Благовѣрный же князь Георгій, слышавъ сія, плакаше горькимъ плачемъ и, помоляся Господу и Пречистой Богородицѣ, собра вои своя, поиде противу нечестиваго царя Батыя... И бысть сѣча велія и кровопролитіе многое. Тогда у благовѣрнаго князя Георгія бысть воевъ мало и побѣже отъ нечестиваго царя внизъ по Волгѣ въ Малый Китежъ...»

Охаютъ и стонутъ старушки, слезы такъ и текутъ по морщинистымъ ланитамъ ихъ. Уныло поникнувъ головами, молчатъ мужчины. Старикъ примолвилъ:

— Малый Китежъ теперь Городцомъ именуется, вотъ что̀ на Волгѣ, повыше Балахны, пониже Катунокъ стоитъ!.. А здѣсь на озерѣ Свѣтломъ Ярѣ Большой Китежъ — оба строенье благовѣрнаго князя Георгія.

Не стерпѣлось Василью Борисычу. Досадно стало великому начетчику слушать басни, что̀ незнаемые писатели наплели въ китежскомъ лѣтописцѣ... Обратился къ стоявшему рядомъ старику почтенной наружности, судя по одеждѣ, заѣзжему купцу.

— Въ старыхъ книгахъ не то говорится, — довольно громко промолвилъ онъ. — Князя Георгія въ томъ бою на рѣкѣ Сити убили... Какъ же ему мертвому было внизъ по Волгѣ бѣжать?

Сурово вскинулъ глазами купецъ на Василья Борисыча... Не сказавъ ни полслова, молча отвернулся онъ... Старушки заахали, а одинъ красивый, такой видный изъ себя парень въ красной рубахѣ и синей суконной чуйкѣ, крѣпко стиснувъ плечо Василья Борисыча, вскрикнулъ:

— Да ты кто таковъ будешь?.. Откудова?.. Какъ смѣешь смущать божественное чтеніе?

Глянулъ Василій Борисычъ — у парня лицо скривилось, побагровѣло, глаза огнемъ пышутъ, кулакъ пудовой.

— Охъ, искушеніе!..— пискнулъ Василій Борисычъ, дрожа со страху и блѣднѣя.

— Прекрати, — повелительно молвилъ читавшій старикъ, и парень, пустивъ Василья Борисыча, смиренно склонилъ голову.

— А тебѣ бы, господинъ честно̀й, слушать святое писаніе въ молчаніи и страхѣ Божіемъ... Святые отцы лучше тебя знали, что̀ писали, — учительно проговорилъ старикъ оторопѣлому Василью Борисычу и продолжалъ чтеніе:

«И много брася благовѣрный князь Георгій съ нечестивымъ царемъ Батыемъ, не пущая его во градъ... Егда же бысть нощь, изыде тайно изъ Малаго Китежа на озеро Свѣтлый Яръ въ Большой Китежъ. На утріе же возста нечестивый

царь и взя Малый Китежъ и всѣхъ во градѣ томъ поруби и нача мучити нѣкоего человѣка града того Гришку Кутерьму, и той, не могій мукъ терпѣти, повѣда ему путь ко озеру Свѣтлому Яру, идежѣ благовѣрный князь Георгій скрыся. И пріиде нечестивый царь Батый ко озеру и взя градъ Большой Китежъ и уби благовѣрнаго князя Георгія...»

Пуще прежняго заплакали старухи, закрыла платкомъ лицо и вся трепетно задрожала отъ сдерживаемыхъ рыданій нарядно одѣтая молодая красивая женщина, стоявшая почти возлѣ Василія Борисыча. Вздыхали и творили молитвы мужчины.

Возвысивъ голосъ, громко и протяжнѣй прежняго сталъ читать старикъ:

«И послѣ того разоренія запустѣша грады тѣ и лѣсомъ порасте вся земля Заузольская и съ того времени невидимъ бысть градъ Большой Китежъ и пребудетъ онъ невидимъ до послѣднихъ временъ. Сію убо книгу Лѣтописецъ написали мы по стѣ лѣтѣхъ послѣ нечестиваго и безбожнаго царя Батыя, уложили соборомъ и предали святѣй Божьей церкви на увѣреніе всѣмъ православнымъ христіанамъ, хотящимъ прочитати или послушати, а не поругатися сему божественному писанію. Аще ли же который человѣкъ поругается или посмѣется сему, да вѣсть таковой, что не намъ поругается, но Богу самому и Пресвятѣй Богородицѣ. Слава иже въ Троицѣ славимому Богу, соблюдающему и хранящему мѣсто сіе ради блаженнаго пребыванія невидимымъ святымъ Своимъ во вѣки вѣковъ. Аминь».

Всѣ стали креститься и потомъ, благодаря за чтеніе, низко-пренизко поклонились старику.

Усильно сдерживавшая во время чтенія рыданья свои молодая женщина подошла къ стоявшему рядомъ съ Васильемъ Борисычемъ купцу и, отирая наплаканные глаза, тихимъ и нѣжнымъ голосомъ молвила:

— Пойдемъ, тятенька, въ иное мѣсто. Еще чего-нибудь послушаемъ.

Взглянулъ Василій Борисычъ и заглядѣлся... Такой красавицы сроду не видывалъ... Что Устинья, что Прасковья Патаповна!..

Слѣдомъ за ними пошелъ. Чтобъ завести знакомство съ купцомъ, говоритъ ему:

— А куда какъ много тутъ несправедливаго и со старыми книгами несогласнаго.

— Тебѣ бы, господинъ честной, лучше уйти, не то — въ самомъ дѣлѣ — боками поплатишься... Здѣсь это бываетъ, — сурово отвѣтилъ купецъ.

— Однакожъ... — началъ-было Василій Борисычъ, украдкой взглядывая на красавицу.

— Тебѣ, господинъ честной, своя дорога, а намъ своя, — сухо промолвилъ купецъ и повернулъ съ дочерью въ сторону.

Почесалъ въ затылкѣ Василій Борисычъ, постоялъ маленько на мѣстѣ и пошелъ вдоль по берегу.

Видитъ, въ углубленіи межъ холмовъ, подъ вѣтвистымъ дубомъ, сидитъ человѣкъ съ десятокъ мужчинъ и женщинъ, не поютъ, не читаютъ, а о чемъ-то тихонько бесѣду ведутъ. Возлѣ нихъ небольшой костеръ сушника горитъ. Тускло горитъ онъ, курится, дымится, и нѣтъ веселья вокругъ... то не купальскій костеръ.

Подошелъ Василій Борисычъ, снялъ шапку, низенько поклонился и молвилъ:

— Миръ честной бесѣдѣ.

— Просимъ милости на бесѣду, — привѣтно отвѣтили ему и раздвинулись, давая мѣсто пришедшему собесѣднику.

Сѣлъ Василій Борисычъ.

— Такъ видишь ли, — продолжалъ свою рѣчь сѣденькій, маленькій, добродушный съ виду старичокъ въ изношенномъ заплатанномъ кафтанишкѣ изъ понитку, облокотясь на лежавшую возлѣ него дорожную котомку: — видишь ли: на этомъ на самомъ мѣстѣ, гдѣ сидимъ — городскія ворота... Отселева направо вдоль озера сто саженъ городу и налѣво сто саженъ городу, а въ ширину мѣра городу полтораста саженъ. А кругомъ всего города рвы копаны и валы насыпаны, а на валахъ дубовыя стѣны съ башнями... Вотъ мы грѣшные слѣпыми-то очами ровнехонько ничего не видимъ, а они тутъ, всѣ тутъ, здѣсь, вотъ на этомъ на самомъ мѣстѣ... На правомъ холму соборъ Воздвиженья Честнаго Креста, а рядомъ Благовѣщенскій, а на лѣвомъ холму Успенскій соборъ, а межъ соборовъ все дома — у бояръ каменны палаты, иныхъ чиновъ у людей деревянны хоромы изъ кондоваго негніющаго лѣса... Вотъ мы, грѣхами ослѣпленные, деревья только видимъ, а праведный, очи имѣя отверсты, все видитъ: и градъ, и церкви, и монастыри, и боярскія каменны палаты.

— Премудрости Господни! — глубоко вздохнула старушка въ темно-синемъ сарафанѣ съ набойчатыми рукавами, покрытая чернымъ платкомъ въ роспускъ.—А вѣдь, сказываютъ, видятъ же иные люди ту святыню Божью.

— Какъ не видать, бабушка, видятъ, — отвѣтилъ старикъ. — Не всякому только дано.

— Какъ же бы, батюшка, такую благодать получить?.. Какъ бы узрѣть невидимый градъ да сокровенныхъ-то Божьихъ

святыхъ повидать?.. Хоть бы глазкомъ взглянуть на нихъ, родимый ты мой, посмотрѣть бы на Божьи-то чудеса.

— А ты, раба Христова, послушай, что прочитаю, тогда и узнаешь, какими способами невидимый градъ Китежъ возможно узрѣти... — молвилъ старикъ и, вынувъ изъ-за пазухи ветхую тетрадку, сталъ читать по ней:

«Аще ли который человѣкъ обѣщается идти въ той градъ Китежъ и неложно отъ усердія своего поститися начнетъ, и пойдетъ во градъ и обѣщается тако: аще гладомъ умрети, аще ины страхи претерпѣти, аще и смертію умрети, не изыти изъ него, — и таковаго человѣка приведетъ Господь силою Своею въ невидимый градъ Китежъ и узритъ онъ той градъ не гаданіемъ, но смертныма очима, и спасетъ Богъ того человѣка и стопы его изочтены и записаны ангелами Господними въ книзѣ животнѣй».

— Вотъ оно какъ, старушка Божья!.. — примолвилъ старичокъ. — Вотъ какимъ людямъ дается божественная благодать невидимый градъ видѣти и въ немъ со блаженными пребывати.

— Охъ, Господи Іисусе Христе, Сыне Божій!.. Пресвятая Владычица Богородица!.. Илья пророкъ!.. Никола милостивый... — умиленно взывала старушка, не зная, про что бы еще спросить у грамотея.

— А ты вотъ слушай-ка еще, — молвилъ онъ ей, перевернувши въ тетрадкѣ два-три листочка: — «Аще кто нераздвоеннымъ умомъ и несумнѣнною вѣрою обѣщается и пойдетъ къ невидимому граду тому, не повѣдавъ ни отцу съ матерью, ни сестрамъ съ братіями, ни всему своему роду-племени — таковому человѣку откроетъ Господь и градъ Китежъ и святыхъ въ немъ пребывающихъ».

— Ну, а если кто не снесетъ? — послѣ недолгаго общаго молчанья спросилъ у старика-грамотея пожилой крестьянинъ, повидимому, дальній, передъ тѣмъ внимательно слушавшій чтеніе.

— И про таковыхъ въ лѣтописцѣ помянуто, — молвилъ грамотей и продолжалъ:

«Аще же кто пойдетъ, обаче мыслити начнетъ сѣмо и овамо, или пойдя, славити начнетъ о желаніи своемъ, и таковому Господь закрываетъ невидимый градъ: покажетъ его лѣсомъ или пустымъ мѣстомъ... И ничто же таковой человѣкъ получитъ себѣ, токмо трудъ его всуе пропадетъ. И будетъ ему соблазнъ, и поносъ, и укоръ, и отъ Бога казнь пріиметъ здѣ и въ будущемъ вѣцѣ... Осужденіе пріиметъ и тьму кромѣшную всякъ человѣкъ, иже такому святому мѣсту поругается. По-

иже на конецъ вѣка сего Господь чудо яви — невидимымъ сотвори градъ Китежъ и покры его десницею Своею, да въ немъ пребывающіе не узрятъ скорби и печали отъ звѣря антихриста... Кому же примѣнится человѣкъ, поругавшійся чудеси тому, и кому будетъ онъ службу приносити?.. Воистину самому дьяволу примѣнится и всеяростному звѣрю антихристу послужитъ, съ нимъ же въ геенѣ огненной пребудетъ въ нескончаемые вѣки!..»

— Охъ, Господи, Владыка милостивый!.. Вотъ оно—грѣхи-то, грѣхи-то наши тяжкіе!.. Ой, тяжкіе, не замоленые!.. Не замоленые, не прощеные!.. — со слезами стала причитать старушка.

И другіе послѣ того чтенія вздыхали съ сокрушеннымъ сердцемъ и слезами.

И на долгое время было молчаніе... Задумался и Василій Борисычъ...

— У насъ изъ волости мужичокъ ходилъ въ Китежъ-отъ, — сказалъ молодой парень, сидѣвшій возлѣ костра.

— Что же? — разомъ спросило его нѣсколько голосовъ.

— Не попалъ, — молвилъ парень, расшевыривая плохо горѣвшій костеръ.

— Какъ же дѣло-то было? — спрашивали парня.

И тотъ, присѣвъ у костра, спросилъ, обводя глазами собесѣдниковъ:

— Про Красноярскій скитъ слыхали?

— Какъ не слыхать про Красноярскій скитъ! — одни отвѣчали ему.

— Еще бы не знать Красноярскаго скита, — отозвались другіе.

— Нонѣ тамъ всѣхъ заковали: и старцевъ и бѣльцовъ, всѣхъ въ городъ угнали, — кто-то сказалъ.

— Онъ самый и есть, — молвилъ парень. — Игумномъ у нихъ отецъ Михаилъ.

— И отца Михаила довольно знаемъ, — заговорили одни.

— И его сердечнаго посадили! — всхлипнула старушка.

— Учительный старецъ, благочестивый, — замѣтилъ старикъ-грамотей.

— Баня у него знатная! — отозвался одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Святъ человѣкъ передъ Господомъ, — вздохнула старушка.

— За фальшивы бумажки сидитъ, — сказалъ кто-то.

Только-что смолкли голоса, парень сталъ продолжать:

— Былъ въ нашей волости мужичокъ, Перфиломъ звать,

Григорьичъ по батюшкѣ... человѣкъ тихій и кроткій, жилъ по Богѣ, не то чтобъ отъ него кому обида какая, али бы что — ни-ни... Все, бывало, надъ книгами сидитъ, все надъ книгами... И начиталъ онъ въ тѣхъ книгахъ про этотъ самый Китежъ... Сталъ въ путь собираться, домашніе спрашиваютъ: «куда, дѣдушка?»—молчитъ, никому не сказываетъ, вотъ какъ сейчасъ было читано, чтобъ, значитъ, никому не повѣдать... Приходитъ въ Красноярскій скитъ, къ отцу Михаилу... На духу спрашиваетъ его по тайности, какъ идти ему къ невидимому граду. Отецъ Михаилъ наставляетъ:—«Перво-наперво, говоритъ, ступай ты на Волгу въ Городецъ. Тотъ Городецъ по писанію Малый Китежъ выходитъ. Оттоль идти на полуношникъ, все на полуношникъ, ни направо ни налѣво не моги своротить. Перейдешь рѣку Узолу, перейдешь Санду рѣку, а третью Санахту, перейдешь ты и Керженецъ — то путь, коимъ князь Георгій къ Большому Китежу шелъ. А за Керженцемъ въ лѣсахъ «тропа Батыева». Иди той тропой, пролагай путь ко спасенію... Будутъ тебѣ искушенія и отъ вражія силы страхованія: бури и дожди, хладъ и зной, змѣи и лютые звѣри, но ты на страхи не взирай, иди себѣ тропой Батыевой, пролагая путь ко спасенію, не сворачивай ни надесно ни нашуе...» Благословилъ Перфила Григорьича отецъ Михаилъ; пошелъ тотъ.

Остановился парень, будто къ чему-то прислушаться... Ничего не слыхать; только по рощѣ, какъ шумъ отдаленныхъ потоковъ, тихія рѣчи людскія звучатъ...

— Пошелъ Перфилъ Григорьичъ въ Вознесенье, привезли передъ Покровомъ, — продолжалъ разсказчикъ. — Привезли — узнать нельзя, лица на немъ нѣтъ, оборванный весь, кафтанишка виситъ клочьями, рубаха съ плечъ валится, сапоги безъ подошвъ, самъ весь рваный да перебитый, синякъ на синякѣ, рубецъ на рубцѣ. Лѣва рука перешибена, спина драная... Самъ еле дышитъ, насилу въ избу втащили. Встрѣчаютъ домашніе Перфила Григорьича, и рады ему, и плачутъ надъ нимъ... «Дѣдушка, говорятъ, гдѣ, родной, побывалъ?.. Какой злодѣй тебя, болѣзнаго, такъ изобидѣлъ?..» А Перфилъ Григорьичъ молчитъ, ни сыновьямъ ни невѣсткамъ слова не молвилъ про свои похожденья... Обмыли его, одѣли, напоили, накормили, въ баню сводили, на ноги поставить не могли... Похворалъ зиму-то, въ понедѣльникъ на Святой Богу душу отдалъ... Твердый былъ старикъ... По нонѣшнимъ годамъ молодыхъ такихъ немного... Сорокъ восемь медвѣдей на вѣку уложилъ...

— Гдѣ-жъ его, сердечнаго, такъ употчевали? Не во градѣ же Китежѣ? — спрашиваютъ парня.

— Не во градѣ, а возлѣ него,—отвѣчалъ разсказчикъ.— Долго пытали у Перфила Григорьича, разсказалъ бы про свои похожденья,—молчитъ, головой крутитъ, лишь за три недѣли до смерти все разсказалъ.

— Что-жъ разсказывалъ онъ? спрашивали собесѣдники, тѣснѣе сдвигаясь вкругъ парня.

— Вотъ что сказывалъ онъ: пошелъ, говоритъ, я въ Городецъ, оттуда въ Заузолье, перешелъ четыре рѣки, отцомъ игумномъ заповѣданныя, обрѣлъ и «тропу Батыеву», пошелъ по ней. А та тропа давнымъ-давно запущеная, нѣтъ по ней ни ѣзду коннаго ни пути пѣшеходнаго, не зарастаетъ ни лѣсомъ ни кустарникомъ, и много на ней лежитъ гнилого буреломнику... Трудно было Перфилу Григорьичу перелѣзать черезъ тотъ буреломникъ, высокими горами поперекъ тропы онъ наваленъ, однако, трудовъ не жалѣя, напастей не страшась, помаленьку впередъ подвигался... Оборвался весь, ободрало его сучьями-то, не то что одежу, тѣло все ободрало, но онъ Бога ради все претерпѣлъ, надѣясь въ невидимомъ градѣ со блаженными въ райскомъ веселье пребыть... По ночамъ отъ бѣсовъ были ему страхованья, но крестомъ и молитвой онъ себя отъ нихъ ограждалъ... Шелъ тропой Батыевой три дня, по ночамъ лазилъ спать на деревья, чтобъ сонныго звѣрь не заѣлъ... И какъ вылѣзъ Перфилъ Григорьичъ изъ буреломника, видитъ: луговина зеленая, глазомъ ея не окинешь — трава свѣжая, сочная, цвѣтиковъ середь той травы множество — видимо-невидимо... Куличкп всякіе по той полянкѣ бѣгаютъ, счету имъ нѣтъ: бѣгаютъ, комариковъ ловятъ да мошекъ... Возблагодарилъ Господа Перфилъ Григорьичъ, что вывелъ его на столь прекрасномъ мѣстѣ малый отдыхъ послѣ великихъ трудовъ принять. Ступилъ шагъ по полянѣ, ступилъ другой... вдругъ со всѣхъ сторонъ кругомъ его вода изъ земли кверху брызнула, а ноги у Перфила Григорьича такъ и тянетъ вглубь, такъ и тянетъ... Насилу выбрался... И какъ вынесъ его Богъ, тогда только догадался онъ, что попалъ въ чарусу... Слыхать про чарусы слыхивалъ, а видать ихъ до той поры ему не доводилось... «Что-жъ за диво такое?— думаетъ онъ:—тропа вышла прямо на чарусу, надо гдѣ-нибудь обходу быть, пойти поискать»... И пошелъ назадъ въ лѣсъ и сталъ обходить чарусу... А навстрѣчу ему медвѣдь, онъ отъ него... Медвѣдь не погнался, не тронулъ его... Но, бѣгая отъ звѣря, Батыеву тропу потерялъ. Опознаться не по чему — лѣса дремучіе, деревья частыя, ни солнышка днемъ ни звѣздъ по ночамъ не видать. Гдѣ полунощникъ, гдѣ обѣдникъ, гдѣ верховикъ — не разберешь. И, сбившись съ пути, шесть недѣль

проплуталъ онъ по лѣсамъ... Хлѣба-то нѣтъ, малиной да костяникой кормился, корни рылъ для ѣды. Оборвался весь объ валежникъ-отъ, избился, изодрался, ногу сломалъ. И тутъ бы смерть ему приключилась, да нѣкій старецъ пустынный увидѣлъ его и въ землянкѣ своей успокоилъ... Вылежалъ у него Перфилъ Григорьичъ невступно шесть недѣль. Отъ отца Михаила къ тому старцу трудникъ пришелъ, хлѣбца принесъ на пропитанье, свѣчей, ладану на молитву — онъ вывелъ изъ лѣсовъ Перфила Григорьича... А какъ свидѣлся Перфилъ Григорьичъ съ отцомъ Михаиломъ да разсказалъ ему про свои похожденья, отецъ Михаилъ и говоритъ: «дуракъ ты, дуракъ, Перфилъ Григорьичъ, чаруса-то и былъ невидимый градъ, а медвѣдь — отецъ-вратарь; тебѣ-бъ у него благословиться, тутъ бы тебѣ градъ Китежъ и открылся... Завсегда такъ бываетъ, — кому чарусой, кому рѣчнымъ омутомъ невидимый градъ покажется, а кому горой, а на гору ни ходу ни лазу».

— Ишь ты дѣла-то какія!.. Поди угадай тутъ не знавши-то!.. — молвилъ одинъ крестьянинъ, когда парень, кончивъ разсказъ, принялся подбрасывать сушникъ въ потухавшій костеръ.

— Изъ нашихъ мѣстовъ, изъ-за Ветлуги, паренекъ въ пастухи здѣсь на Люндѣ нанимался, — послѣ нѣкотораго молчанья началъ тотъ старичокъ, что̀ читалъ лѣтописца. — Заблудился ли онъ, такое ли ужъ ему отъ Господа было попущеніе, только самъ онъ не знаетъ, какими судьбами попалъ въ тотъ невидимый градъ. На краю града, сказывалъ паренекъ, стоитъ монастырь, вошелъ онъ туда, сидятъ старцы, трапезуютъ, дѣло-то подъ вечеръ было. Посадили старцы пастушонка, дали ему укрухъ хлѣба, и тотъ хлѣбъ таково вкусенъ да сладокъ ему показался, что ломтикъ-другой утаилъ, спряталъ за пазуху, значитъ. Послѣ трапезы одинъ отъ старецъ повелъ того паренька по монастырямъ и церквамъ, весь градъ ему показалъ... А живутъ въ томъ градѣ мужи и жены, и не токмо въ иночествѣ, но и въ разныхъ чинахъ, всякъ у своего дѣла. И, показавъ градъ и домы, сказалъ тотъ старецъ пареньку: «Не своею волею, не своимъ обѣщаньемъ пришелъ ты въ безмятежное наше жилище, потому и нельзя тебѣ съ нами пребыти, изволь идти въ міръ». И указалъ дорогу... Вышелъ въ міръ паренекъ, сталъ разсказывать, гдѣ былъ и что̀ видѣлъ... Не вѣрятъ ему, и онъ во увѣреніе хотѣлъ показать хлѣбъ, за трапезой у старцевъ утаенный... И явился не хлѣбъ, а гнилушка... Потомъ тотъ паренекъ и обѣщанья давалъ и волей хотѣлъ идти въ невидимый градъ, но, какъ ни искалъ дороги, ея не нашелъ.

Господи! хотя бы часокъ одинъ въ томъ градѣ пребыть, посмотрѣть бы, какъ живутъ тамъ блаженные-то... Чать, тоже хозяйствуютъ?.. Прядутъ бабы-то тамъ?.. Коровушки-то есть у нихъ?.. — сердечно вздыхая, спрашивала у людей старушка въ синемъ сарафанѣ и черномъ платкѣ.

— Иная тамъ жизнь, не то что наша, — отозвался старичокъ-грамотей. — Тамъ тишина и покой, веселіе и радость... Духовная радость, не тѣлесная... Хочешь, грамотку почитаю про то, какъ живутъ въ невидимомъ градѣ?.. Изъ Китежа прислана.

— Почитай, кормилецъ, открой очи, научи меня темную, — молила старушка.

И другіе стали просить грамотея прочитать китежскую грамотку про житье-бытье блаженныхъ святыхъ.

Вынулъ тетрадку старичокъ и, не развертывая, сталъ говорить:

— Недалеко отъ Городца, въ одной деревнѣ жилъ нѣкій христолюбивецъ... Благочестивъ, богобоязненъ, труды его были велики и праведны, жилъ ото всѣхъ людей въ любви и почетѣ. И было у того христолюбца единое чадо, единый сынъ, при младости на поглядѣнье, при старости на береженье, при смертномъ часу на поминъ души. Выростало-то чадо въ страхѣ Божьемъ, поучалось заповѣдями Господними, со седьмого годочка грамотѣ научено отъ родителей — божественному писанію, евангельскому толкованію. Достигъ же тотъ отрокъ возраста, что пора и законъ принять, съ честною дѣвицей бракомъ честнымъ сочетаться. Искали ему родители невѣсту и нашли дѣвицу доброличну и разумну, единую дочь у отца, а отецъ былъ великій тысячникъ, много достатковъ имѣлъ и былъ почтенъ ото всѣхъ людей... Не восхотѣлъ сынъ жениться, восхотѣлъ Богу молиться, со младыхъ лѣтъ Господу трудиться... Родители тому не внимали, гостей на свадьбу созывали, сына своего съ той дѣвицей вѣнчали... И когда наутрѣ надо было молодыхъ поднимать, новобрачнаго не нашли — невѣдомо куда сокрылся... Во слезахъ родители пребываютъ, а пуще ихъ жена молодая... Стали пропавшаго за упокой поминать, стала молода жена по мужѣ псалтырь читать... И прошло въ тѣхъ слезахъ и молитвахъ три годочка, на четвертомъ году отъ пропавшаго сына изъ Китежа грамотка приходитъ... Вотъ она!

И поднялъ высоко тетрадку...

Всѣ привстали, молчатъ, благоговѣйно на нее смотрятъ... По маломъ молчаньи сталъ грамотей читать велегласно:

«Пишу азъ къ вамъ, родители, о семъ, что хощете меня поминати и друга моего совѣтнаго заставляете псалтырь по

мнѣ говорить. И вы отъ сего престаньте, азъ бо живъ еще есмь, егда же пріидетъ смерть, тогда вамъ вѣдомость пришлю; нынѣ же сего не творите. Азъ живу въ земномъ царствѣ, въ невидимомъ градѣ Китежѣ со святыми отцы, въ мѣстѣ злачнѣ и покойнѣ. Поистинѣ, родители мои, здѣсь царство земное — покой и тишина, веселіе и радость; а святіи отцы, съ ними же азъ пребываю, процвѣтоша аки крины сельные и яко финики, и яко кипарисы. И отъ устъ ихъ непрестанная молитва ко Отцу Небесному, яко ѳиміамъ благоуханный, яко кадило избранное, яко миро добровонное. И егда нощь пріидетъ, тогда отъ устъ ихъ молитва бываетъ видима: яко столпы пламенные со искрами огненными къ небу поднимается... Въ то время книги честь или писати можно безъ свѣчного сіянія... Возлюбили они Бога всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душою и всѣмъ помышленіемъ, потому и Богъ возлюбилъ ихъ, яко мати любимое чадо. И хранитъ ихъ Господь и покрываетъ невидимою дланью, и живутъ они невидимы въ невидимомъ градѣ. Вы же обо мнѣ сокрушенія не имѣйте и въ мертвыхъ не вмѣняйте...»

Вздыхали богомольцы, умилялись и много благодарили старичка, что потрудился онъ ради Бога, прочелъ на поученье людямъ грамотку изъ невидимаго града.

— Да, вотъ оно что̀ значитъ праведна-то молитва! — замѣтилъ тотъ парень, что̀ про Перфила Григорьича разсказывалъ. — Огненными столбами въ небо-то ходитъ!.. Вотъ тутъ и поди!..

— Да ты па̀зори-то видѣлъ ли когда? — спросилъ у него грамотей.

— Какъ не видать! Не диковина, — отозвался парень.

— Не диковина, а чудное Божье дѣло, — сказалъ на то грамотей. — Тѣ столбы, что̀ въ небѣ «багрецами наливаются», сходятся и расходятся, не другое что̀, какъ праведныхъ молитва... Кто таковы тѣ праведники, въ коемъ мѣстѣ молятся, намъ, грѣшнымъ, знать не дано, но, въ поученіе людямъ, ради спасенія душъ нашихъ, всякому дано тѣлесными очами зрѣти, какъ праведная молитва къ Богу восходитъ...

— Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ! — величаво приподнимаясь съ земли, проговорилъ молчавшій дотолѣ инокъ, еще не старый, изъ себя дородный, здоровый, какъ кровь съ молокомъ. Низко нахлобучивъ камилавку съ чернымъ кафтыремъ, обшитымъ красными шнурками, и медленно перебирая лѣстовку, творилъ онъ шопотомъ молитву. Затѣмъ, поклонясь собесѣдникамъ, пошелъ дальше вдоль берега. Василій Борисычъ за нимъ.

— Отче святый! Изъ какого будете монастыря? — спросилъ онъ, ровняясь съ инокомъ.

— Азъ многогрѣшный изъ преходящихъ, — отвѣтилъ ему старецъ.

— Изъ преходящихъ! — молвилъ Василій Борисычъ. — Значитъ, никоего монастыря?

— Никоего, родименькій, — сказалъ тотъ. — Гдѣ день, гдѣ ночь проживаемъ у христолюбцевъ... Странствуемъ — града настоящаго не имѣя, грядущаго взыскуя.

— А какъ имя ваше ангельское?

— Варсонофій грѣшный, — отвѣтилъ преходящій инокъ, надвигая камилавку па самыя брови.

— Мѣста-то какія здѣсь чудныя! — молвилъ Василій Борисычъ, стараясь завести бесѣду.

— И земля и небеса исполнены Господней премудрости... На всякомъ мѣстѣ владычествіе Его. — сказалъ Варсонофій.

— Такъ-то оно такъ, отче; однакожъ не всѣ мѣста Господь равно прославляетъ... А здѣсь столько дивнаго, столько чудеснаго!... — говорилъ Василій Борисычъ.

— Мѣсто свято, что̀ про то говорить. Поискать такихъ мѣстовъ, нескоро найдешь; одно слово — Китежъ... — сказалъ Варсонофій.

— Вы впервой здѣсь, честный отче? — спросилъ Василій Борисычъ.

— Кажный годъ... Мы вѣдь преходящіе, гдѣ люди, тутъ и мы, — отвѣтилъ Варсонофій. — Вотъ отсель къ Петрову дню въ Комаровъ надо, на Казанску въ Ша̀рпанъ, на Илью пророка въ Оленево, на Смоленску въ Чернуху, а тутъ ужъ къ Макарью на ярмарку.

— Такъ весь годъ и путешествуете? — спросилъ его Василій Борисычъ.

— Въ странствѣ жизнь провождаемъ. — отвѣтилъ Варсонофій. — Зимнимъ дѣломъ больше по деревнямъ, у жиловыхъ христолюбцевъ, а лѣтомъ во странствѣ, потому — не холодно... Вѣдь и Господь на землѣ-то во странствѣ тоже пребывалъ, оттого и намъ грѣшнымъ странство подобаетъ... Опять же теперь послѣдни времена, отъ козней антихриста подобаетъ хранити себя — въ горы бѣгати и въ пустыни, въ вертепы и пропасти земныя.

— Въ Комаровѣ-то въ какой обители пристанете? — спросилъ Василій Борисычъ.

— У Манеѳиныхъ. Нигдѣ какъ у Манеѳиныхъ. — быстро отвѣтилъ Варсонофій. — Столы большіе, трапѐза довольная, рыба отмѣнная... По̀ этой части лучше Манеѳиныхъ по всему

Кѐрженцу нѣтъ. У отца Михаила въ Красноярскомъ тоже хорошо, да вотъ въ несчастье попалъ... Сергій-отъ преподобный, значитъ, ухнулъ.

— Какъ ухнулъ? — съ удивленьемъ спросилъ Василій Борисычъ.

— Такъ же и ухнулъ — пропалъ, значитъ, — отвѣтилъ Варсонофій. — У отца-то Михаила въ Сергіевъ день *) храмъ... Завсегда большіе кормы бывали. А теперь значитъ — мимо.

Подошелъ Варсонофій съ Васильемъ Борисычемъ къ кучкѣ народа. Цѣлая артель расположилась на ночевую у самаго озера, по указанью приведшаго ее старика съ огромной котомкой за плечами и съ кожаной лѣстовкой въ рукѣ. Были тутъ и мужчины и женщины.

— Тутъ вотъ ложитесь, тутъ, на этомъ на самомъ мѣстѣ, — говорилъ имъ старикъ.

— Ладно-ль такъ-то будетъ, дѣдушка?.. Услышимъ ли, родной?.. Мнѣ бы хоть не самой, а вотъ племяненкѣ услыхать — грамотная вѣдь... — хныкала пожилая худощавая женщина, держа за рукавъ курносую дѣвку съ широко расплывшимся лицомъ и заспанными глазами.

— Ложись, тетка, ложись во славу Божью, — торопилъ ее старикъ. — Говорятъ тебѣ, лучше этого мѣста нѣтъ... Подъ самыми колоколами... Вонъ гляди кверху-то, тутъ Вздвиженскій соборъ, а тутъ Благовѣщенскій... Услышишь...

— А баюкать-то будутъ насъ? — спрашивала она.

— А ты знай ложись, праздныхъ рѣчей не умножай... Станешь умножать, ни насколько благодати не получишь, — уговаривалъ ее старикъ. — Да ухомъ-то прямо къ землѣ, прямо... Ничего не подкладывай, слышишь?

— Слышу, дѣдушка, слышу, родной... Слышь, Дарёнка, голымъ ухомъ къ землѣ-то приткнись, ничего не клади подъ голову.

— Ложитесь, а вы ложитесь, православные, — нараспѣвъ заговорилъ старикъ. — Ложитесь, раби Христовы, ото всего своего усердія... Аще кто усердія много имѣетъ, много и узритъ, аще же нѣсть усердія, тщетенъ трудъ, — ничего тотъ человѣкъ не узритъ, ничего не услышитъ...

— Что-жъ надо дѣлать-то, родимый, чтобъ сподобиться здѣшней благодати? — спросилъ у старика кто-то изъ артели.

— Первое дѣло — усердіе, — сталъ говорить старикъ. — Лежи и бди, сонъ да не снидетъ на вѣжди твоя... И въ безмолвіи пребывайте, православные: что бы кто ни услышалъ, что бы

*) Іюля 5-го.

кто ни увидѣлъ — слагай въ сердцѣ своемъ; никому же повѣждь. Станетъ усерднаго святый брегъ Свѣтлаго Яра качать, аки младенца въ зыбкѣ, твори мысленно молитву Іисусову и ни словомъ ни воздыханіемъ не моги о томъ ближнимъ повѣдать... И егда пріидетъ часъ блаженнымъ утреню во градѣ Китежѣ пѣти, услышите звонъ серебряныхъ колоколовъ... Густой звонъ, малиновый — вѣкъ слушай, не наслушаешься... А лежи недвижно и безмолвно, ничто же земное въ себѣ помышляя... Заря въ небѣ заниматься зачнетъ — гляди на озеро — ӱзришь золотые кресты, церковныя главы... Лежи со усердіемъ, двинуть перстомъ не моги, дыханье въ себѣ удержи... И тогда въ озерѣ ровно въ зерцалѣ узришь весь невидимый градъ: церкви, монастыри и градскія стѣны, княжескія палаты, и боярскія хоромы съ высокими теремами, и домà разныхъ чиновъ людей... А по улицамъ, увидишь, Алконостъ райская птица ходитъ и дивные единороги, а у градскихъ воротъ львы и ручные драконы замѣсто стражи стоятъ...

— Не пожертвуете ли, православные, на свѣчи, на ладанъ благовѣрному князю Георгію, преподобнымъ отцамъ сего града Китежа, — раздался густой, нѣсколько осиплый голосъ надъ расположившимися пò берегу озера слушать ночной звонъ китежскихъ колоколовъ. Оглянулся Василій Борисычъ — отецъ Варсонофій.

— Ступай, отче, ступай къ своему мѣсту, не тревожь православныхъ, — торопливо заговорилъ укладывавшій богомолицъ старикъ.

— На свѣчи, на ладанъ... — вздумалъ-было продолжать Варсонофій, но старикъ сильной рукой схватилъ его за рукавъ и, потащивъ въ сторону, грозно сказалъ:

— Свою артель набери, подлецъ ты этакій, да у ней и проси... Экъ навыкли вы, шатуны, въ чужія дѣла носъ-отъ свой совать!.. Гляди-ка-сь!..

— Да ты не больно того, — заворчалъ Варсонофій.

— Сказано: прочь поди... Чего еще? — крикнулъ старикъ. — Чтò камилавку-то хлобучишь?.. Мѣтку, что ли, хоронишь?

— Я тѣ дамъ мѣтку! — огрызнулся Варсонофій, но поспѣшными шагами пошелъ прочь отъ старика.

— Чтò нонѣ этихъ шатуновъ развелось, не приведи Господи!.. — молвилъ старикъ, когда Варсонофій удалился. — И не боятся вѣдь — смѣлость-то какая!

— Чего-жъ бояться отцу Варсонофью? — спросилъ Василій Борисычъ.

— Какой онъ отецъ?.. Какой Варсонофій?.. — отозвался старикъ. — По нашей сторонѣ онъ у всѣхъ на примѣтѣ. Волей

иночество вздѣлъ, шапки бы не скидать, не видно бы было, что его на площади палачъ желѣзомъ въ лобъ цѣловалъ.

— Полно ты! — удивились прилегшіе послушать звона китежскихъ колоколовъ.

— Чего полно? Не вру... Знамо, съ каторги бѣглый, — сказалъ старикъ. — За фальшивы бумажки сосланъ былъ, въ третій разъ теперь бѣгаетъ... Ну, да Богъ съ нимъ — лежите, братіе, со усердіемъ, ничто же земное въ себѣ помышляя.

Когда Василій Борисычъ воротился къ комаровскимъ спутницамъ, онѣ допѣвали свѣтильны *). Утренѣ скоро конецъ...

Оглянулся Василій Борисычъ — купецъ, что неласково обошелся съ нимъ на берегу, стоитъ теперь за матерью Аркадіей, а дочь его середи бѣлицъ между Фленушкой и Парашей. Значитъ — знакомы.

Взглянулъ Василій Борисычъ на Парашу, посмотрѣлъ и на купеческую дочку... во сто кратъ пригожѣй, во сто кратъ пригляднѣй... Чистая, нѣжная, не поражала она съ перваго взгляда красотой своей неописанной, но, когда Василій Борисычъ всмотрѣлся въ ея высокое, бѣлоснѣжное чело, въ ея продолговатое, молочнаго цвѣта лицо, свѣтло-русые волосы, жемчужные зубы и чуднымъ свѣтомъ сіявшіе синіе глаза, — ровно подстрѣленный голубь затрепетало слабое его сердечко. Грубымъ, неотесаннымъ чурбаномъ показалась ему дремавшая рядомъ съ красавицей Прасковья Патаповна.

Не укрылись отъ взоровъ Фленушки страстные взгляды Василья Борисыча. Только-что отпѣли утреню, подскочила къ нему и шепнула:

— Котъ и видитъ молоко, да у кота рыло коротко...

Встрепенулся Василій Борисычъ, вспыхнулъ.

Межъ тѣмъ Аркадія съ Никанорой, снявъ соборныя мантіи, вступили къ бесѣду съ отцомъ бѣлокурой красавицы; а она съ Парашей и Фленушкой стала разговаривать.

— Матушка Манеоа какъ въ своемъ здоровьѣ? — спрашивалъ купецъ Аркадію. — Слышали, что оченно хворала.

— Совсѣмъ-было побывшилась, Марко Данилычъ, съ часу на часъ смертнаго конца ожидали... Ну да услышалъ-таки Господь грѣшныя наши молитвы—поднялъ матушку, — оздравѣла, — сладкимъ голоскомъ отвѣчала Аркадія.

— Теперь-то какъ она?.. Вполнѣ ли здравствуетъ? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Како ужъ вполнѣ, — молвила Аркадія. — И годы-то ужъ

*) Стихи заутрени послѣ канона.

не молодые, и болѣзни, печали да огорченія. Вотъ племянницу схоронила, Натана Максимыча дочку.

— Слышали, матушка, слышали и немало потужили, — сказалъ Марко Данилычъ. — Дунюшка у меня долгое время глазъ осушить не могла. Подруги вѣдь, вмѣстѣ въ вашей обители росли, вмѣстѣ обучались.

— Здравствуй, Дунюшка, здравствуй, моя красавица, — молвила Аркадія, обращаясь къ дочери Марка Данилыча.

И трижды поликовалась съ ней.

— Выросла-то какъ, пригожая какая изъ себя стала, — любовалась на Авдотью Марковну мать Аркадія. — Господь судьбы не посылаетъ ли? — примолвила она, обращаясь къ отцу.

Зардѣлось бѣлоснѣжное личико Авдотьи Марковны, потупила она умомъ и кротостью сіявшія очи.

— Раненько бы еще, матушка, помышлять о томъ, — сухо отозвался Марко Данилычъ. — Не перестарокъ, погодитъ... Я-жъ человѣкъ одинокій... Конечно, Дарья Сергѣвна за всѣми порядками по̀ дому смотритъ, однакоже Дуня у меня настоящая хозяйка... Въ люди, на̀ сторону, ни за̀ что ея не отдамъ, да и сама не захочетъ покинуть меня стараго... Такъ ли, Дунюшка?

Пуще прежняго закраснѣлась бѣлокурая красавица, опустила глазки, и на рѣсницахъ ея сверкнули слезинки.

Глазъ не можетъ отвести отъ ея красоты Василій Борисычъ, а Фленушка, нахмуривъ брови, такъ и впилась въ него глазами.

Обратилась къ нему Аркадія, попрекнула:

— А вы, Василій Борисычъ, и помолиться-то съ нами не пожелали... Оленевскихъ, должно-быть, нашли.

— Нѣтъ, матушка, — отвѣчалъ Василій Борисычъ: — по рощѣ побродилъ маленько, желательно было на здѣшнее богомолье посмотрѣть.

— И на бережку были? — спросила Аркадія.

— Былъ и на берегу, матушка, лѣтописцевъ здѣшнихъ послушалъ... Искушеніе!.. — съ усмѣшкой махнувъ рукою, промолвилъ Василій Борисычъ.

— Вмѣстѣ никакъ лѣтописца-то слушали, — сказалъ Марко Данилычъ. — Только господину не очень что-то понравилось здѣшнее чтеніе, — вполголоса прибавилъ онъ, обращаясь къ Аркадіи.

Замѣтивъ, что отецъ заговорилъ съ Васильемъ Борисычемъ, бѣлокурая красавица спокойнымъ, яснымъ взоромъ осіяла его... И ровно въ чемъ провинился передъ нею Василій Борисычъ. Смѣшался и очи потупилъ.

— Что-жъ это такъ, Василій Борисычъ? Чѣмъ же вамъ

здѣшніе лѣтописцы такъ не понравились? — спросила мать Аркадія.

— Много несправедливаго, матушка, съ древнимъ писаніемъ несогласнаго... И въ житіяхъ, и въ прологахъ, и въ Степенной совсѣмъ не то сказано, — довольно громко отвѣтилъ Василій Борисычъ.

Руками замахала мать Аркадія.

— Потихоньку, потихоньку, Василій Борисычъ!.. — тревожно заговорила она вполголоса.

— Вотъ теперь сами изволите слышать, матушка, — полушопотомъ молвилъ Марко Даналычъ. — Можно развѣ здѣсь въ эту ночь такія слова говорить?.. Да еще при всемъ народѣ, какъ давеча?.. Вамъ бы, матушка, поначалить ихнюю милость, а то сами изволите знать, что здѣсь недолго до бѣды... — прибавилъ онъ.

— Нѣтъ ужъ, Марко Данилычъ, Василья Борисыча не мнѣ стать началить, — повысивъ нѣсколько голосъ, отвѣтила уставщица. — Другого такого начетчика по всему христіанству нѣтъ...

Удивился Марко Данилычъ, слушая такія рѣчи Аркадіи.

— А изъ какихъ мѣстовъ будете? — спросилъ онъ Василья Борисыча.

— Московскій, — отвѣчалъ тотъ.

— При какихъ дѣлахъ находитесь?

— На Рогожскомъ въ уставщикахъ, — скромно отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Постойте!.. Да не сродни ли вы будете Мартынову Петру Спиридонычу? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Такъ точно, въ родствѣ состоимъ, — молвилъ Василій Борисычъ.

— Такъ ужъ не вы ли съ Жигаревымъ за границу ѣздили? Въ Бѣлу-Криницу? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Онъ самый, онъ самый и есть, — подхватила мать Аркадія.

— Наше вамъ наиглубочайшее!.. — молвилъ Марко Данилычъ, снимая картузъ и низко кланяясь Василью Борисычу. Хоша лично ознакомиться до сей поры не доводилось, однакожъ много про васъ наслышанъ... Просимъ покорно знакомымъ быть: первой гильдіи купецъ Марко Даниловъ Смолокуровъ.

— Очень радъ вашему знакомству, — сказалъ Василій Борисычъ, подавая руку Смолокурову. — Сами-то вы изъ здѣшнихъ мѣстовъ будете?.. Съ Ветлуги?

— На горахъ проживаемъ, Василій Борисычъ, на горахъ, — сказалъ Марко Данилычъ. — Здѣсь, на Ветлугѣ, въ гостяхъ

съ дочкой были, да вотъ и на Китежѣ вздумалось помолиться...

— У Воскресенья, что ли, гостили, Марко Данилычъ? — спросила Аркадія.

— Такъ точно, матушка, — отвѣтилъ Смолокуровъ. — У Лещова у Нефеда Тихоныча — третьяго-дня именинникъ онъ былъ. Мы у него каждый годъ почти на именинахъ гостимъ. Сродникъ тоже приходится.

— Знаю, что въ сродствѣ, — молвила Аркадія. — А отсюда куда свой путь располагаете?

— Въ Лысково, матушка, въ Лысково, да и ко дворамъ, — сказалъ Марко Данилычъ. — И то загостились, а ярманка на дворѣ... Дѣла!..

— Вамъ бы къ Петрову-то дню нашу обитель посѣтить, Марко Данилычъ, — съ низкими поклонами стала звать его мать Аркадія. — Праздникъ вѣдь у насъ, храмъ... Опять же и собраніе будетъ... И Дунюшка бы повидалась съ подругами... Пріѣзжайте-ка, право, Марко Данилычъ... Что̀ вамъ сто̀итъ? До ярманки еще безъ малаго мѣсяцъ — управитесь... Давно же и не гостили у насъ... А ужъ какъ бы матушку-то обрадовали... Очень бы утѣшили ее.

— Право, не знаю, какъ вамъ сказать, матушка, — колебался Марко Данилычъ. — Дѣловъ-то оченно много накопилось... Не знаю, управлюсь ли.

— Да ужъ денекъ-другой важности не составитъ, — приставала къ Смолокурову Аркадія. — Да вѣдь черезъ наши-то мѣста и ѣхать вамъ будетъ способнѣе... На Дорогу̀чу поѣдете, и дальше будетъ, и дорога самая неспособная.

— Такъ-то оно такъ, — молвилъ Марко Данилычъ: — да, право, много дѣловъ-то набралось, матушка... Вотъ теперича хоть по рыбной части взять — восемь баржей изъ Астрахани вышли на другой день Всѣхъ Святыхъ, а до сихъ поръ объ нихъ никакого нѣтъ извѣстія, не знаю, все ли тамъ благополучно.

«Восемь баржей съ рыбой!.. Да отъ него милліономъ пахнетъ!» — подумалъ Василій Борисычъ и съ удвоеннымъ умиленьемъ посмотрѣлъ на бѣлокурую дочку Марка Данилыча.

— Э! Марко Данилычъ! Съ Божьею помощью во всемъ успѣете: и съ дѣлами управитесь и съ нами попразднуете, — продолжала упрашивать мать Аркадія. — Мы, убогія, молиться будемъ, даровалъ бы Господь вашимъ дѣламъ поспѣшеніе... Не откажите, сударь, пожалуйте... Проси тятеньку-то, Дунюшка, погостила бы ты у насъ маленечко, съ подругами повидалась бы.

Слегка улыбнувшись, ясно и думчиво вскинула ясными очами на отца Авдотья Марковна, но ни словечка не выронила.

—Чтò, Дуня?.. Какъ думаешь? — весело спросилъ ее Смолокуровъ.

Въ немногихъ словахъ много звучало любви. Души не чаялъ Смолокуровъ въ дочери. Она и теперь отцу ни слова не вымолвила, скромной улыбкой, веселымъ, покорнымъ взоромъ дала отвѣтъ.

— Хочется? — сказалъ, улыбаясь, Марко Данилычъ.

Улыбнулись алыя губки и синія очи красавицы. Слегка кивнула она русой головкой на рѣчь родительскую.

— Нечего дѣлать! по-твоему быть... Хоть ночку-другую не придется поспать, а чтобъ Дунюшку потѣшить—чего не сдѣлаешь?.. Ну, поѣдемъ, поѣдемъ къ матушкѣ Манеѳѣ, на старое твое пепелище, гдѣ тебя, мою голубушку, уму-разуму учили,—прибавилъ Смолокуровъ, ласково гладя дочь по головкѣ.

— Благодаримъ покорно на согласіи, — низко поклонилась ему мать Аркадія.

Рада была уставщица, напередъ знала она, что похвалитъ ее Манеѳа за то, что зазвала на обительскій праздникъ столь богатаго и чиваго «благодѣтеля»... Ста два цѣлковыхъ безпремѣнно выпадетъ отъ него на честну́ю обитель, да съ которой-нибудь изъ восьми баржѐй достанется на ея долю добрый запасъ бѣлуги и осетрины, икры и визиги, балыковъ и молокъ съ жирами и всякихъ иныхъ рыбныхъ снѣдей. Щедръ на подаянія въ прежнее время бывалъ Смолокуровъ.

— А вы у матушки Манеѳы будете на праздникѣ? — обратился онъ къ Василью Борисычу.

— Ради Василья Борисыча и собранье-то у насъ назначено, — поспѣшила отвѣтить мать Аркадія. — Его вѣдь къ намъ изъ Москвы по духовнымъ дѣламъ прислали. Изо всѣхъ обителей съѣдутся съ нимъ соборовать...

— Чтò за дѣла? — спросилъ Смолокуровъ

— Да насчетъ епископства, — небрежно отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Надо съѣздить, надо, — отозвался Смолокуровъ. — Кстати тамъ у матушки Манеѳы и насчетъ китежскаго лѣтописца мы съ вами потолкуемъ... А здѣсь нельзя... Потому ревнители... А вы еще давеча у озера-то... Ай-ай-ай!.. Здѣсь въ эту ночь насчетъ этого опасно... Оборони Господи лишнее слово громко сказать... Ревнители!..

— Да что-жъ это за ревнители такіе? — спросилъ Василій Борисычъ.

— Да вотъ хоть бы тотъ же парень, чтò давеча васъ ухватилъ, — тихонько отвѣтилъ ему Марко Данилычъ. — Давно его знаю — Васька Пыжовъ, въ ямщикахъ прежде на станціи жилъ, да съ чего-то спился, ну и сталъ ревнителемъ.

— Какъ же это такъ? — съ любопытствомъ спросилъ Василій Борисычъ.

— Очень просто, — улыбаясь, но опять-таки полушопотомъ отвѣтилъ Смолокуровъ. — Сегодня сами видѣли, каковъ ревнитель Васька Пыжовъ, а послѣзавтра, только-что минетъ китежское богомолье, ихняго брата, ревнителей, цѣлая орава сюда привалитъ.. Гульба пойдетъ у нихъ, солдатокъ набредетъ, на гармоніяхъ пойдутъ, на балалайкахъ, вина разливанное море... И тотъ же Васька Пыжовъ, ходя пьяный по рощѣ, станетъ невидимыхъ святыхъ нехорошими словами окликать... Много такихъ.

— Да отчего-жъ это такъ? — дивился Василій Борисычъ.

— Такъ ужъ повелось, — молвилъ Смолокуровъ.

Межъ тѣмъ людской гомонъ въ рощѣ стихъ совершенно. Костры догорѣли, вѣтеркомъ потянувшись подъ утро, слегка зарябило гладь озеро... Одна за другой гасли на деревьяхъ догоравшія свѣчи. На востокѣ заря занималась.

— Не пойти-ль и намъ къ бережку? — молвила Аркадія, обращаясь къ Марку Данилычу. — Китежскихъ церквей не приведетъ ли Господь увидать, звону колокольнаго не услышимъ ли?..

— Намъ съ Дуней къ Лещовымъ пора, — сказалъ Смолокуровъ. — Они всѣмъ семействомъ здѣсь... Ну, да пока маленько-то по пути будетъ... Пойдемте.

Пошли къ берегу... Тропинки, проложенныя по рощѣ въ разныхъ направленьяхъ, не широкі — пришлось идти попарно. Впереди пошелъ Марко Данилычъ съ Аркадіей, за ними мать Никанора съ Марьюшкой, потомъ Прасковья Патаповна съ Дуней, сзади всѣхъ Василій Борисычъ съ Фленушкой. Быстро оглянувшись, схватила она его за руку и шепнула:

— Отстанемъ маленько.

— Охъ, искушеніе! — прошепталъ Василій Борисычъ, однакожъ убавилъ шагу.

Фленушка сказала ему:

— Ты это что вздумалъ?

— А что?

— Вертѣться еще, непутный!.. Насквозь тебя вижу свалдырника! — горячо, но едва слышно молвила Фленушка.

Вздохнулъ Василій Борисычъ:

— Охъ, искушеніе!

— Нечего тутъ съ дурацкимъ твоимъ «искушеніемъ»... Съ чего это вздумалъ ты на чужихъ дѣвокъ безстыжіе глаза пялить?.. А?.. Забылъ перелѣсокъ?.. Не помнишь улангерскаго

гулянья?.. Слушай же, смиренникъ, что̀ говорить стану... Удалось безпутному склонить дерево не по плечу... Дурацкимъ твоимъ счастьемъ да дѣвичьей нашей глупостью сталось то дѣло... Ну, сталось такъ сталось — прошлаго не воротишь... Хныкать нечего, да мы и не хнычемъ... Помни только, безстыжіе твои глаза, что Параша не Устиньѣ Московкѣ чета... Помни, говорю, помни, безшабашная твоя голова!.. За Парашину обиду шкурой отвѣтишь, головой поплатишься!.. Помни, что она одна единственная дочь у Патапа Максимыча...

— Да помилуйте, Флена Васильевна, что-жъ это вы на меня такъ накинулись... Я человѣкъ несмѣлый, можно-ль такіе страхи мнѣ говорить? — началъ-было растерявшійся Василій Борисычъ, но Фленушка не дала ему продолжать.

— Молчи да слушай, что̀ тебѣ говорятъ, — сказала она полушопотомъ: — да смотри — рѣчи мои на̀ носъ себѣ заруби. Вздумаешь подъѣзжать къ Смолокуровой — Марку Данилычу скажу, — онъ тебя не хуже Чапурина отпотчуетъ.

— Да помилуйте, Флена Васильевна! — опять началъ-было Василій Борисычъ.

Фленушка опять перебила.

— Пикнуть не смѣй, когда я говорю, — обливъ его гнѣвнымъ взоромъ, сказала она.—Отъ Параши вздумаешь вильнуть, все разскажу Патапу Максимычу... Себя не пожалѣю, а все разскажу... Мѣста на свѣтѣ не будетъ тебѣ... Со дна моря онъ достанетъ обидчика и такъ отплатитъ, такъ отплатитъ, что даже сказать нельзя...

— Господи помилуй!.. Господи помилуй!.. — вздыхалъ оробѣвшій Василій Борисычъ. При одномъ вспоминаньи, что̀ можетъ сдѣлать съ нимъ Патапъ Максимычъ, то въ жаръ, то въ ознобъ кидало его.

— До мясоѣда недѣля, — не слушая воздыханій его, продолжала Фленушка. — Послѣ Петрова дня тотча̀съ надо васъ окрутить...

— Какъ? — дрогнувъ всѣмъ тѣломъ и поблѣднѣвъ, спросилъ Василій Борисычъ.

— Не твое дѣло какъ, — отвѣтила Фленушка. — Слушай!.. Будетъ мать Августа въ Ша̀рпанъ звать на Казанскую, не ѣзди... Обѣщайся, а послѣ хворымъ прикинься... Матушка Манефа въ Ша̀рпанъ поѣдетъ, и только она со двора, мы тебя въ церковь.

— Какъ въ церковь?.. Въ какую? — едва могъ промолвить Василій Борисычъ.

— Въ свибловскую, — отвѣтила Фленушка. — Свиблово село знаешь?

— Въ великороссійскую-то? — прошепталъ рогожскій уставщикъ.

— А въ какую-жъ ты думалъ? — усмѣхнулась Фленушка. — Въ городецкую, небось, часовню... аль къ австрійскому попу къ Корягѣ?.. Нѣтъ, другъ любезный, вѣнчаться, такъ ужъ вѣнчаться покрѣпче, чтобъ у Параши вѣнецъ съ головы потомъ не слетѣлъ.

— Да помилуйте, Флена Васильевна, — молящимъ голосомъ заговорилъ Василій Борисычъ. — Какъ же это возможно?.. Вдругъ въ никоніанскую!..

— Да ты хоть то себѣ въ толкъ возьми, безумный, что дѣло-то спѣшное... Сыщешь ли, нѣтъ ли попа въ Городцѣ, старуха надвое сказала... Разъѣзжаетъ онъ, отецъ-отъ Аѳанасій... Да и сыщешь, такъ безъ согласья Патапа Максимыча Парашу вѣнчать онъ не станетъ. Чапуринъ-отъ вѣдь попечителемъ у нихъ въ часовнѣ... Ты это пойми... Да не въ томъ главная причина: ты вонъ какой слабый на женскій-отъ полъ, чуть завидѣлъ пригожую дѣвку, тотчасъ и къ ней... Этакъ, пожалуй, и жену бросишь. Въ нашемъ старовѣрскимъ вѣнчаньи для безсовѣстнаго человѣка крѣпости нѣтъ, нашего вѣнчанья на судъ не поставишь... А какъ церковный-отъ попъ вкругъ налоя тебя обведетъ, такъ ужъ вертись не вертись, а живи съ женой до гробовой доски... Правду аль нѣтъ говорю, самъ разсуди!..

— Да какъ же это въ никоніанскую-то? — жалобно и трепетно заговорилъ Василій Борисычъ. — Мнѣ!.. Сраму-то что̀ будетъ на Москвѣ!.. Помилуйте, Флена Васильевна!.. Вѣдь я Рогожскимъ живу — хлѣба лишиться могу.

Слезы даже выступили на глазахъ у Василья Борисыча.

— Парашина богатства тебѣ не прожить, — холодно молвила Фленушка.

— А Патапъ-отъ Максимычъ!.. — тоскливо проговорилъ московскій посолъ.

— Отъ вѣнца прямо въ Осиповку да бухъ ему въ ноги, — молвила Фленушка. — Завсегда такъ бываетъ, когда самокрутки играютъ... Маленько повоюетъ — стерпи... Ударитъ, пнетъ тебя въ зубы ногой — смолчи... Повоюетъ и смилуется... Дочь вѣдь — своя кровь. Опять же полюбилъ онъ тебя.

— Такъ не лучше-ль сказаться ему да по чести все сдѣлать? — вымолвилъ Василій Борисычъ, но Фленушка такъ и вскинулась на него:

— Думать не смѣй!.. Въ помышленьи не смѣй держать!.. Уходомъ надо... Слышись: уходомъ — самокруткой!.. Жива быть не хочу, коль уходомъ тебя не свѣнчаю.

— Повременить бы хоть, Флена Васильевна.

— Слышать не хочу... Говорить мнѣ этого не смѣй, — рѣзко отвѣтила Фленушка. — А зачнешь на Дуньку Смолокурову пялить глаза — отъ того-ль родителя, отъ другого ли плетей ожидай... Слышишь?..

Въ это время передняя пара, дойдя до разстаннаго мѣста, остановилась. Остановились и другія. Комаровскія богомолицы распрощались со Смолокуровыми, и Марко Данилычъ на прощаньи еще разъ увѣрилъ мать Аркадію, что на Петровъ день онъ безпремѣнно пріѣдетъ въ Комаровъ. А какъ только придутъ на мѣсто баржи, пришлетъ матушкѣ Манефѣ рыбнаго запаса. Ласково простился онъ и съ Васильемъ Борисычемъ... Съ улыбкой и добрымъ взглядомъ простилась со всѣми Авдотья Марковна, привѣтливо поклонилась и Василью Борисычу, но тотъ стоялъ, какъ въ землю вкопанный, не догадался даже картуза снять да поклониться... Очень ужъ зорко смотрѣла на него въ то время Фленушка.

Подошли комаровскія къ берегу, выбрали мѣстечко, гдѣ не такъ много было народу.

— Не прилечь ли? — молвила Аркадія. — Можетъ, и звона послушать Господь приведетъ.

Радехонька Параша... Давно ее клонитъ ко сну... Разостлали по землѣ шерстяные платки, улеглись. Въ самой середкѣ положили Парашу, къ бокамъ ея тѣсно прижались Фленушка съ Марьюшкой, по краямъ легли старицы... Прислонясь къ вѣтвистому дубу, сумраченъ, тихъ и безмолвенъ стоялъ Василій Борисычъ, не сводя грустныхъ взоровъ съ подернувшейся рябью поверхности Свѣтлаго Яра.

«Вотъ искушеніе-то! — думалъ онъ самъ про себя. — Хоть удрать бы куда!..»

Не привелъ Господь комаровскимъ келейницамъ слушать малиноваго звона колоколовъ китежскихъ, не привелъ Богъ въ лонѣ озера увидать имъ невидимый градъ... Не привелъ Богъ и Василья Борисыча додуматься, какъ бы по-добру поздорову выбраться изъ омута, куда затянуло его привольное житье-бытье съ красивыми молодыми дѣвицами лѣсовъ керженскихъ, чернораменскихъ.

Оттого, по словамъ матери Аркадіи, не удостоились комаровскія келейницы пріять благодати, что суета обуяла ихъ, праздныя, многомятежныя мысли умы всколебали.

Почему ни до какого способа не могъ додуматься бѣдный Василій Борисычъ, почему у него все утро мысли путались, а думы туманились — понять онъ не могъ... «Видно, ужъ такое пришло искушеніе!..» — додумался онъ наконецъ. Жутко ему.

Сколько ни живетъ на свѣтѣ, не приходилось въ такомъ передѣлѣ быть... Что страхъ австрійскаго мандатора, что горести-бѣды, которыми встрѣтила его Москва по возвращеньи изъ чужихъ краевъ!.. Скитскія дѣвки солонѣй пришлись и австрійской полиціи и предательской трусости рогожскихъ столповъ... Страшно вздумать про Натана Максимыча, да не сладко и Марка Данилыча помянуть. «Эти лѣсные медвѣди «политичнаго» обращенія не вѣдаютъ — у нихъ бы все по зубамъ да въ рыло»... думаетъ Василій Борисычъ. — «Охъ, эта страсть!.. Охъ, это искушеніе!.. До чего можетъ она довести человѣка!.. Надъ цѣломудреннымъ дѣвственникомъ, надъ первымъ начетчикомъ какая-нибудь дѣвчонка смѣется, въ церковь тянетъ, плети сулитъ!.. И выхода нѣтъ, ничего не придумаешь, — куда ни кинь, вездѣ клинъ... А какъ ни вертись — грозы не миновать: жениться бѣда, не жениться бѣда... Хоть сквозь землю — такъ въ пору».

«Однакожъ свадьбу-самокрутку сыграть все-таки лучше, — начинаетъ додумываться Василій Борисычъ: — все-таки выйдешь цѣлѣе... Фленушка говоритъ: «повоюетъ маленько»... Маленько!.. Кулачище-то страсть!.. Такъ оставить — убьетъ, жениться, да еще въ церкви — сраму-то что!.. Какъ тогда въ Москву глаза показать?.. Іудой обзовутъ, отступникомъ, предателемъ!.. Матушка-то Пульхерія!.. Батюшка-то Иванъ Матвѣичъ!.. Сродники!.. Знакомые!.. Какъ оплеванный станешь... Ахъ, Ты, Господи, Господи!.. Угораздило-жъ меня!.. Вотъ онъ врагъ-отъ гдѣ, вотъ оно искушеніе-то!.. А тутъ еще Устюшка!.. Осрамитъ, какъ пить дастъ, окаянная!.. Эхъ, то ли дѣло въ Оленевѣ, то ли было дѣло у матушки Маргариты... Блины пекла любушка Грушенька, а въ келарнѣ насъ двое... Наклонится голубонька передъ печкой, сковородникъ въ рукахъ!.. Стоишь рядомъ, заглянешь черезъ плечи-то сверху подъ воротъ... Искушеніе!.. Ну, извѣстно, — тутъ бѣсъ... И ничего!.. Блинки поѣли и все позабыли... И никакихъ разговоровъ — ровно ничего не бывало... А у матери Манефы куда ни сунься, вездѣ на бѣду наскочишь!.. Охъ, грѣхи, грѣхи!.. Охъ, грѣхи наши тяжкіе!»

И ни словечка ни съ кѣмъ не вымолвилъ онъ на обратномъ пути въ Комаровъ. Когда разсѣлись по повозкамъ, мать Аркадія вздумала-было завести съ нимъ разговоръ про китежскаго лѣтописца, но Василій Борисычъ сказалъ, что онъ обдумываетъ, какъ и что ему въ Петровъ день на собраньи говорить... Замолчала Аркадія, не взглядывала даже на спутника, «Пусть его, батюшка, думаетъ, пусть его собирается съ мыслями всеобщаго ради умиренія древлеправославныхъ христіанъ...»

И отъ-нечего-дѣлать раскидывала Аркадія умомъ-разумомъ сколько бы икры, сколько осетрины надо бы было прислать въ обитель Марку Данилычу... И про визигу думала и про бѣлужью тёшку, и про все передумала дорогой мать Аркадія.

А межъ тѣмъ миловидный образъ бѣлокурой красавицы неотступно мерещился Василью Барисычу... Ровно въявь глядитъ на него Дуня Смолокурова и веселымъ взоромъ ясныхъ очей пронизываетъ его душу...—«Эхъ, красота ты, красота ненаглядная, — думаетъ Василій Борисычъ. — Жизни мало за одинъ поцѣлуй отдать, а тутъ изволь съ противной Парашкой возжаться!.. Дерево!.. Дубина!.. И въ перелѣскѣ была ровно мертвая — только пыхтитъ!..»

Глава третья.

На Каменномъ Вражкѣ въ скитѣ Комаровѣ, рядомъ съ Манеоиной обителью, Бояркиныхъ обитель стояла. Была мала и скудна, но, не выходя изъ повелѣній Манеоы, держалась не хуже другихъ. Иногородные благодѣтели деньги и запасы Манеоѣ присылали, и при каждой раздачѣ на долю послушной игуменьи Бояркиныхъ, матери Таисѣи, больше другихъ доставалось. Такія же милости видали отъ Манеоы еще три-четыре во всемъ покорныя ей обители.

А въ старые годы велика, славна и богата была обитель Бояркиныхъ... Но слава ея давно позабыта, давно погорѣли богатства ея. Лѣтъ черезъ пять послѣ французскаго года случился великій пожаръ на Каменномъ Вражкѣ. Зачался у Бояркиныхъ. Дѣло было ночное; матери и бѣлицы въ однѣхъ срачицахъ едва успѣли повыскакать изъ пылавшихъ строеній, только и помогъ милосердый Господь вынести изъ часовни келейный «синодикъ» строительницы обители, да двѣ иконы: храмовую Тихвинской Богородицы да образъ Спаса съ алою орденской лентой на вѣнцѣ его.

Та лента звалась «лопухинской». Много про нее ходило разсказовъ, и въ тѣхъ разсказахъ давняя правда съ новыми вымыслами мѣшалась.

Въ «синодикѣ» послѣ святѣйшихъ патріарховъ и благочестивыхъ царей вписаны были старинные знатные роды: Лопухиныхъ, Головиныхъ, князей Ромодановскихъ, Троекуровыхъ, Голицыныхъ, Куракиныхъ. А первѣе всѣхъ писанъ родъ князей Болховскихъ. И подъ тѣмъ родомъ такія слова приписаны были: «и сродниковъ ихъ: царей и великихъ князей Петра и Петра всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, царицы Евдокіи во иночествѣ Елены, царевича Алексія и ца-

ревны Наталіи... Не постави имъ Сый Человѣколюбче во осужденіе забвенія древлеотеческихъ преданій».

За эту приписку тотъ синодикъ, по соборному уложенью комаровскихъ матерей, отъ всеобдержнаго чтенія былъ отставленъ, «понеже за отступившихъ отъ правыя вѣры ни пѣнія, ни свѣчи, ни просфоры, ни даже поминовенія, по уставу святыхъ отецъ не положены»... Но славы ради и почести святыя обители изволися комаровскому собору хранить тотъ синодикъ на память грядущимъ родамъ. Вотъ-де каковы бывали старые жители лѣсовъ керженскихъ: сродники свѣтлымъ царскимъ родамъ. И отъ того синодика больше, чѣмъ отъ лопухинской ленты, разносилось между керженскими и чернораменскими жителями баснотворныхъ разсказовъ и новоизмышленныхъ преданій. Каковы-жъ были тѣ разсказы и тѣ преданія, прейдемъ молчаніемъ... Всего писаннаго на Керженцѣ и всего тамъ говореннаго ни въ книги вписать ни словомъ разсказать никоему человѣку нельзя...

На самомъ дѣлѣ тотъ синодикъ и та лопухинская лента на Керженецъ вотъ какъ попали:

Во дни Петра Перваго проживала на Москвѣ круглая сирота, княжна Болховская. Много у той княжны-сироты было знатныхъ сродниковъ, много было у ней богатыхъ свойственниковъ. Взросла княжна въ домѣ княгини Троекуровой, родной сестры суздальской заточенницы царицы Евдокіи... Отъ той княгини Троекуровой и старой вѣрѣ княжна научилась... Когда-жъ по розыску о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ княгиню Троекурову за дерзостныя словеса въ монастырь на безысходное житіе послали, несмысленную еще отроковицу княжну Болховскую пріютилъ сродникъ ея, Степанъ Васильичъ Лопухинъ. Тогда онъ только-что женился на первой петербургской красавицы Натальѣ Ѳедоровнѣ Балкъ. Не по волѣ своей, по царскому приказу бракомъ онъ сочетался.

Въ наполненныхъ заморскими благоуханьями переднихъ комнатахъ лопухинскихъ палатъ пиры бывали частые, гремѣла нововводная музыка, и молодая хозяйка въ нѣмецкихъ танцахъ блистала красотой и ловкостью среди многочисленныхъ поклонниковъ, русскихъ и иноземцевъ... А въ одной изъ заднихъ уютныхъ горницъ, пропитанной запахомъ воска, деревяннаго масла и ладана, съ кожаной лѣстовкой въ рукѣ, стаивала въ то время на молитвѣ молодая княжна Болховская, тщательно скрывая отъ людей свое двуперстіе... Опасно было: за старообрядческое перстосложеніе тогда нещадному розыску всѣ подвергались... И то Ѳеофанъ съ Питиримомъ подозрѣвали княжну въ расколѣ, удаленіе ея отъ указныхъ ассамблей и

роскошныхъ домашнихъ пировъ они ставили ей въ вину и въ укоръ... То-де противленіе власти монаршей и «знатное согласіе къ раскольщикамъ, непрестанно на государя и государство зло мыслящимъ»... Свѣдалъ о томъ Степанъ Лопухинъ, оберегъ свою сродницу. Самому царю сказалъ, что недугомъ она одержима, къ тому-жъ и разумомъ не цѣла, сроду была малоумна, съ дѣтскихъ лѣтъ малосмысленна... Не по силамъ становилась и княжнѣ петербургская жизнь: послѣ долгихъ и слезныхъ просьбъ отпустилъ ее Лопухинъ на безмятежное житье въ подмосковное свое имѣнье, Гуслицкую волость *).

Безъ малаго двадцать лѣтъ выжила тамъ княжна Болховская. Жила затворницей съ десяткомъ-другимъ неимущихъ дѣвицъ изъ дворянскихъ родовъ. Изъ домика своего никуда не выходила, а къ ней бывали вхожи только раскольничьи старцы да старицы... Межъ тѣмъ Лопухины блистали въ Петербургѣ. Чтилъ Степана Васильича Петръ Вторый, какъ близкаго родственника, чтили его и двѣ Анны, императрица и правительница... Настало царство Елизаветино, и надъ родомъ Лопухиныхъ гроза разразилась... Узнавъ о бѣдѣ на нихъ отъ старообрядцевъ, поскакала княжна въ Петербургъ... Войдя въ домъ дяди, узнала, что жена, его сынъ и дочь подъ стражей сидятъ... И радовался и слезы лилъ Степанъ Васильичъ при встрѣчѣ съ княжною. Всѣ его покинули, всѣ отъ него бѣгали, какъ отъ чумнаго, одна она изъ дальнихъ мѣстъ явилась утѣшать его... «Вдругорядь опала нашъ родъ постигаетъ!—сказалъ княжнѣ Лопухинъ. — Скройся, куда знаешь; вѣдаю, что въ Гуслицахъ ты съ раскольщиками зналась, теперь до всего доберутся, и тебя запытаютъ... Слышно, за тобой уже послано...» И навѣки простился съ княжной опальный сродникъ и далъ ей на сохраненье родовой образъ Нерукотвореннаго Спаса да александровскую ленту, что̀ надѣта была на него самимъ императоромъ-племянникомъ Петромъ Вторымъ. Много червонцевъ, еще больше драгоцѣнныхъ вещей отдалъ княжнѣ Лопухинъ... И тѣ вещи погорѣли въ пожарѣ, что̀ былъ въ Комаровѣ лѣтъ черезъ пять послѣ французскаго года.

Простилась съ дядей княжна Болховская, одинокою пошла изъ опальнаго дома. Старообрядцы скрыли ее. Прожила она у нихъ въ Питерѣ недѣли съ четыре и дождалась начала индикта седмь тысящъ двѣсти пятьдесятъ втораго новолѣтія,

*) Гуслицы, или Гуслицкая волость (въ нынѣшнемъ Богородскомъ уѣздѣ Московской губерніи) и въ началѣ XVIII столѣтія, какъ и теперь, заселена была почти сплошь раскольниками.

что̀ супротивъ царскаго указу раскольники тихонько справляли по-старинному, на Семень-день. И на тотъ самый день *) палачи на площади рѣзали языки у Степана Васильича съ сыномъ и били ихъ кнутомъ: рѣзали языкъ и первой петербургской красавицѣ Натальѣ Өедоровнѣ и, взваливъ ее на̀ плечи дюжаго мужика, полосовали кнутомъ нѣжное, всенародно обнаженное тѣло **)...

Сжалось и льдомъ застыло обливавшееся дотолѣ жгучей кровью сердце княжны Болховской, изсушенной постомъ, истомленной молитвами... Скрытая въ народной толпѣ, всѣмъ тѣломъ дрожала она и, взирая на муки сродниковъ, тихо шептала:—«Святіи мученицы, добрѣ страдавшіе, молитеся ко Господу!»... Старообрядцы чуть живую увезли княжну изъ Питера... Пробираясь околицами, добралась она до лѣсовъ Кѐрженскихъ, Чернораменскихъ и здѣсь на Каменномъ Вражкѣ была встрѣчена своимъ «малымъ стадомъ»—тѣми дѣвицами, что̀ жили съ ней въ Гуслицахъ. Напередъ вывезли ихъ оттуда раскольники... На лопухинскія деньги ставила княжна Болховскую обитель. И прозвали ее «обителью Бояркиныхъ» потому, что первыя насельницы въ ней все боярышни были... Построила княжна и часовню, внесла въ нее икону Спаса съ лопухинской лентой. Тотъ образъ и та лента до самаго упраздненія скитовъ въ обители Бояркиныхъ сохранялись ***). Таково было начало обители Бояркиныхъ.

Годовой праздникъ у Бояркиныхъ на Тихвинскую бывалъ ****). По скитскому заведенью на тотъ день въ моленной великая служба бывала, а въ келарнѣ праздничные кормы ставились. Съ ранняго утра̀ больше половины матерей и бѣлицъ изъ Манеөиной обители ушли къ сосѣдямъ праздновать, но, какъ ни упрашивала мать Таисѐя самоѐ Манеөу не забыть прежней любови, въ такой великій день посѣтить ихъ обитель, она не пошла, ссылаясь на усталость и нездоровье... То была отговорка. Ни за что бы въ свѣтѣ не огорчила она покорную, во всемъ согласную, во всякихъ случа̀яхъ безотвѣтную сосѣдку-игуменью, если-бъ у самой на душѣ мало-мальски было спокойнѣе... Казать на великомъ собраньи людей душевное безпокойство не подобаетъ—басенъ не пошло бы какихъ въ народѣ.

Оставшись одна, заложила Манеөа руки за̀ спину и въ

---

*) 1-го сентября 1743 года.

**) Черезъ восемнадцать лѣтъ всѣ пострадавшіе по этому дѣлу были объявлены невинными.

***) Въ 1853 году. Фактъ.

****) 26-го іюля.

мрачной думѣ твердыми, мѣрными шагами стала ходить взадъ и впередъ по кельѣ... Промчавшійся пожаръ по̀ лѣсу ее безпокоилъ. Что-то ея богомольщицы?.. Успѣли-ль избѣжать огненной смерти?.. Пробрались ли во̀-время къ озеру Свѣтлояру?.. Если въ Улангерѣ остались—давно бы пора воротиться... Стало-быть, оттоль поѣхали чрезъ Полому... Не о томъ Манеѳа заботится, не о томъ сокрушается, что придется передъ Москвой отвѣтъ держать, зачѣмъ допустила жившаго подъ ея кровомъ рогожскаго посла погибнуть во пламени, не гнѣва Патапа Максимыча страшится, не горькій, истовый плачъ безнадежнаго отчаянья Аксиньи Захаровны смущаетъ ее — болитъ она сердцемъ, сокрушается по Фленушкѣ... Хоть грѣховнымъ дѣломъ, а подъ своимъ же сердцемъ носила — чувство матери все заглушаетъ... Но никто не замѣтилъ бы, что̀ за думы волнуютъ Манеѳу—глаза горятъ, но лицо безстрастно и величаво спокойно...

Изнемогла... Опершись руками объ оконные косяки, приникла къ стеклу головой.

И вотъ по узенькой дорожкѣ, что̀ пролегаетъ къ скиту изъ Елфимова, облитыя яркимъ сіяньемъ поднимавшагося къ полудню солнца, осторожно спускаются въ Каменный Вражекъ повозка, другая, третья... Не разглядѣть старымъ очамъ Манеѳы, кто сидитъ въ тѣхъ повозкахъ, но сердце матери шепчетъ: «Жива̀!»...

И медленно, подойдя къ божницѣ, беретъ Манеѳа висѣвшую съ края иконъ лѣстовку и чинно творитъ семипоклонный нача̀лъ.

Поднявшись изъ Каменнаго Вражка, богомольный поѣздъ проѣзжалъ мимо Бояркиныхъ. Тамъ на дворѣ стояла густая толпа разодѣтыхъ по-праздничному богомольцевъ. Моленная была невелика, не могла вмѣстить всѣхъ пришедшихъ попраздновать. Часы ужъ кончились, допѣвали молебный канонъ Богородицѣ... Работныя бѣлицы то и дѣло сновали между моленной и келарней и крыли скатертями разставленные по̀ двору столы для прихожихъ богомольцевъ. Тѣсна у Таисеи была и келарня: незнатныхъ гостей и всѣхъ незваныхъ кормили на волѣ, благо погода была подходящая.

Когда возвращавшіяся изъ невидимаго града Китежа поклонницы поровнялись съ обителью Бояркиныхъ, у вереи воротъ стояло двое богомольцевъ. По всему видно, что были тѣ гости дальніе. Одинъ статный такой изъ себя: черный волосъ, румянецъ во всю щеку, ходитъ ребромъ, глядитъ козыремъ, удаль, беззаботность на лицѣ писаны; глаза только вслухъ не говорятъ: «валяй, не гляди, что̀ будетъ впереди», одѣтъ, остри-

жень совсѣмъ «по-нѣмецкому». Другой смуглый, невысокаго роста, плечистый, коренастый, въ ситцевой рубахѣ-косоворогкѣ и въ черномъ суконномъ кафтанчикѣ старообрядскаго покроя. Стриженъ въ скобку. Когда Манеоины повозки поровнялись съ воротами, оба, снявъ шапки, весело стали кланяться. но всѣхъ веселѣй. всѣхъ привѣтливѣй отдали они поклоны сидѣвшимъ въ задней повозкѣ Фленушкѣ съ Марьюшкой. И та и другая съ радости такъ и вспрыгнули. Не выдержала Фленушка, вскрикнула:

— Давно-ль пожаловали?

— Вчерашняго числа,— молвилъ одѣтый по-нѣмецкому, лукаво прищуривъ глаза. — Вы здоровенько ли съѣздили?

— Слава Богу, слава Богу! — весело, какъ весенняя птичка, защебетала Фленушка. Больше она не могла говорить, повозки поѣхали къ Манеоиной обители, а молодцы остались у воротъ Бояркиныхъ.

Въ невозмутимомъ покоѣ чинно, обрядно встрѣтила Манеоа возвратившихся богомолицъ. Одна за другой подходили къ ней благословляться: въ первыхъ Аркадія. потомъ Никанора, за ними Фленушка съ Марьюшкой. за ними Параша. Послѣ того мужской полъ благословлялся и опять-таки по чину, по ряду и въ очередь: сперва Василій Борисычъ, потомъ конюхъ Дементій, за нимъ двое обительскихъ трудниковъ. правившихъ конями... Творя передъ игуменьей по два метанья со словами: «матушка, прости! матушка. благослови!», каждый выслушивалъ уставной отвѣтъ Манеоы: «Богъ проститъ! Богъ благословитъ!»... Ни слова больше... Стройно, по чину, обрядную встрѣчу справляли.

И когда совершился обрядъ, подбѣжавшія работныя бѣлицы испросили у матушки благословенья поклажу изъ повозокъ принять. Благословивъ, молча и безстрастно глядѣла Манеоа, какъ выгружали онѣ перины и другіе пожитки на келейное крыльцо, когда-жъ Дементій поворотилъ порожнія повозки на конный дворъ, игуменья, холоднымъ взоромъ окинувъ пріѣхавшихъ, молвила:

— Въ келью войдите.— И, увидя Устинью Московку, сказала: — Поставь самоваръ.

Канонница заревомъ вспыхнула... Недобрымъ взоромъ облила она московскаго посланника, вскинула злобными очами на Прасковью Патаповну и, склонивъ покорно голову, пошла по приказу игуменьи.

Полна людей Манеоина келья. Кромѣ пріѣхавшихъ съ богомолья, собрались туда обительскія старицы и тѣ изъ бѣлицъ,

что не ходили на праздникъ къ Бояркинымъ. Отправляясь на конный дворъ, конюхъ Дементій возлѣ келарни встрѣтилъ добродушную мать Виринею и молвилъ ей словечко-другое о пожарѣ въ Поломскомъ лѣсу. Мигомъ облетѣла та вѣсть всю обитель. Оттого матери съ дѣвицами и спѣшили одна за другой въ келью Манефы. Всякой лестно было послушать разсказы о «чудесномъ происхожденіи», всякой желательно было узнать, какъ Господь сохранилъ обительскихъ путницъ отъ огненной смерти. Прежде всѣхъ прибѣжала сама Виринея. Окинувъ пріѣзжихъ глазами, всплеснула руками и воскликнула:

— Отроци вавилонстіи!.. Росодательну убо пещь содѣла вамъ ангелъ!..

— Знать бы тебѣ пироги да печку, — нахмурясь слегка, молвила ей Манефа и, мало помолчавъ, повелѣла Аркадіи по ряду разсказывать про бывшія съ ними въ пути приключенья.

Уставщица начала съ пожара, Манефа воспретила ей продолжать.

— По ряду сказывай, съ того часу зачинай, какъ изъ дому отправилисъ, — строго молвила ей.

И зачала мать Аркадія разсказывать, какъ молились они на гробницахъ Фотиньи и Голендухи, какъ пріѣхали въ Улангеръ, какія тамъ были собранья и что говорилось на этихъ собраньяхъ... А межъ тѣмъ бывшія въ кельѣ чай пили; Устиньѣ пришлось еще три самовара поставить... И когда дошла мать Аркадія до того, какъ скакали они по кочкамъ и корневищамъ въ пылавшемъ лѣсу, Манефа, кинувъ мимолетный взглядъ на Фленушку, опустила на глаза креповую наметку и попрежнему осталась недвижимой. Только сложенныя на колѣняхъ руки ея порой вздрагивали. И только тогда подняла она наметку, когда мать Аркадія довела рѣчь до встрѣчи со Смолокуровымъ и возвѣстила объ его обѣщаньи пріѣхать на праздникъ и невдолгѣ прислать астраханскихъ рыбныхъ запасовъ.

— Спаси Его Христосъ, — молвила Манефа. — Мать Виринея, изготовить Марку Данилычу Таифину келью; хорошенько въ ней прибери.

Когда-жъ Аркадія, кончивъ разсказъ, сотворила передъ сидѣвшей игуменьей обычныя метанія, та сказала:

— Слава Господу Богу и Пречистой Владычицѣ Богородицѣ, что было у васъ все по-хорошему... Устали, поди, съ дороги-то? — прибавила она, привѣтно улыбнувшись. — Ступайте, матери, съ Богомъ, дѣвицы, отдохните, спокойтесь, Господь да будетъ надъ вами. Подите.

Стали одна за другой благословляться, сперва Аркадія, по-

томъ Никанора, за ними Виринея и другія старицы, потомъ бѣлицы. И, благословясь, одна за другой выходили изъ кельи. Остались Параша съ Фленушкой и Марьюшкой да Василій Борисычъ съ Устиньей Московкой.

Думается Марьюшкѣ, съ ума нейдетъ у Фленушки. какъ бы скорѣй повидаться съ молодцами. что стояли у въѣздныхъ воротъ Боярскиныхъ. Огнемъ горитъ, ключомъ кипитъ ревнивое сердце Устиньи. украдкой кидаетъ она палючіе взоры на притомившагося съ дороги Василья Борисыча и на дремавшую въ уголкѣ Парашу.

— Ну что, Василій Борисычъ, какъ показалось тебѣ въ нашихъ лѣсахъ? — спросила Манееа. — Понравилось ли тебѣ на Китежѣ?

— Оченно занятно. матушка. Съ любопытствомъ поглядѣлъ я на ваши мѣста богомольныя, — степенно отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Не ладно только, что въ огонь-отъ чуть-было не угодили... Эка бѣда какая! — молвила Манееа.

— Да. матушка, едино Божіе милосердіе сохранило насъ отъ погибели, — отозвался Василій Борисычъ. — Грѣшный человѣкъ. совсѣмъ въ жизни отчаялся. «Возскорбѣхъ печалію моею и смутихся... Сердце мое смутися во мнѣ, страхъ смерти нападе на мя, болѣзнь и трепетъ пріиде на мя... но къ Богу воззвахъ и Господь услыша мя». Все, матушка. этотъ самый — пятьдесятъ четвертый псаломъ я читалъ... И услышалъ Господь грѣшный вопль мой!..

— Его святая десница! — вздохнула Манееа, благостно взглянувъ на иконы.

— Въ Улангерѣ каково совѣщались? — мало повременя, спросила она. — Какъ тамъ полагаютъ. на чемъ думаютъ дѣло рѣшить?

— Очень замѣтно въ нихъ, матушка, желаніе признать архіепископа и заимствоваться отъ него священствомъ, — молвилъ Василій Борисычъ.

— Мать Юдиоа во всемъ со мной согласна, а за ней и всѣ Улангерски обители пойдутъ, — сказала Манееа. — А коли сказать тебѣ. другъ мой. откровенно, сама-то я сильно еще колеблюсь... Ни на что рѣшиться не могу... Умъ раздвоенный, а дѣло великое!.. Колеблюсь!.. Себя-то бы вѣчно не погубить да и другихъ бы въ напасть не ввести.

— Если, матушка. желаете со всѣми въ согласіи пребыть, неотмѣнно надо вамъ духовную власть архіепископа признать. Не одни московскіе его принимаютъ, а повсюду, гдѣ только есть наши христіане, — сказалъ Василій Борисычъ.

— Этого, другъ мой, не говори. Далеко не повсюду, —

возразила Манеѳа. — Который народъ посѣрѣе, тотъ объ австрійскихъ и слышать не хочетъ, новшествъ страшится... И въ самомъ дѣлѣ, какъ подумаешь: ни мало ни много двѣсти лѣтъ не было епископскаго чина, а вдругъ ни съ того ни съ сего архіереи явились... Сумнительно народу-то, Василій Борисычъ... Боятся, опасаются... Души бы не погубить, спасенья не лишиться бы!..

— На простой народъ нечего глядѣть, матушка, — возвысилъ голосъ Василій Борисычъ. — Простой народъ всегда за большаками идетъ... И въ писаніи сказано: «овчее стадо» — паства, значитъ. А овцы какъ? Куда передній баранъ, туда и всѣ сломя голову...

— То-то и есть, Василій Борисычъ, что они не захотятъ, да и мы не пожелаемъ головы свои ломать, — нахмурясь, сказала Манеѳа.

— Это я къ слову только сказалъ, — немного смутившись, отвѣтилъ Василій Борисычъ. — То хочу доложить, что, если по здѣшнимъ скитамъ признаютъ архіепископа, всѣ христіане слѣдомъ за вами пойдутъ... Всегда такъ бывало. Въ высокихъ дѣлахъ какъ сѣрому люду имѣть разсужденье?.. Куда его поведешь, туда онъ и пойдетъ.

— Ну, это еще Богъ знаетъ, такъ ли, — молвила Манеѳа.— Это у васъ на Москвѣ такъ думаютъ... Живучи вѣкъ въ большихъ городахъ, гдѣ вамъ знать, что такое простой захолустный народъ?.. Трость, вѣтромъ колеблема! Вотъ они что!.. Опять же и время такое настало, что христіане не только у васъ на Москвѣ, но и въ нашихъ лѣсахъ о своихъ выгодахъ стали больше думать, чѣмъ о Господѣ, о спасеньи души ровно бы и помышлять забыли... А все отъ васъ идетъ! Все отъ васъ: изъ Москвы, изъ Питера, изъ большихъ городовъ. Нажили богатства, возгордились, забыли Бога, создавшаго васъ, да и бѣдныхъ людей въ соблазнъ завели... Изсякаетъ вѣра, любезный мой Василій Борисычъ, по своимъ похотямъ стали люди ходить, страхъ Божій забыли. Поистинѣ послѣднія времена!.. Ну, да объ этомъ, Богъ приведетъ, еще потолкуемъ, а теперь не отдохнуть ли тебѣ? Не то попраздновать не желаешь ли? У Бояркиныхъ праздникъ сегодня.

— Нѣтъ ужъ, благословите, матушка, мнѣ отдохнуть маленько, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Встали раненько, съ ночлега поѣхали съ солнышкомъ вмѣстѣ, а дороги-то у васъ спаси Господи и помилуй.

— Лѣсныя дороги, Василій Борисычъ. Какія есть, не взыщи, — молвила Манеѳа. — А отдохнуть въ самомъ дѣлѣ тебѣ не мѣшаетъ... Подь-ка, любезный, спокойся!

Вышелъ изъ кельи Василій Борисычъ, слѣдомъ за нимъ Параша и Марьюшка съ Устиньею Московкой. Фленушка одна осталась съ Манефой.

— Ахъ, Фленушка, Фленушка. Какъ же я безъ тебя изстрадалась!.. — съ жаромъ и нѣжною лаской заговорила Манефа, гладя ее по головѣ. — Чуяло мое сердце, что у васъ недоброе что-то идетъ!.. И когда разгорѣлся пожаръ, чего-то, чего я ни передумала, глядя на дымныя небеса... Радость ты моя!.. Кажется, если-бъ что̀ случилось, дня не пережила бы... Измучилась, изстрадалась я до̀-смерти.

— Слава Богу, матушка, всѣ живы-здоровы, — беззаботно молвила Фленушка, цѣлуя руку Манефы.

— Ахъ, Фленушка! — съ сердечнымъ умиленьемъ нѣжно и ласково продолжала игуменья. — Чего я въ то время про тебя ни передумала!.. Дорога̀ вѣдь ты сердцу моему, Фленушка... Охъ, какъ дорога̀ — ты и помыслить не можешь того!..

И ровно оборвала рѣчь. Смолкла. И мало погодя сдержанно заговорила:

— О судьбѣ твоей все думаю... Недолго мнѣ, Фленушка, на свѣтѣ жить. Помру, что̀ будетъ съ тобой?.. Душа мутится, духъ замираетъ, только объ этомъ подумаю. Всякій тебя обидитъ, никакой у тебя заступы не будетъ... Горько будетъ тебѣ въ злобѣ міра, во всѣхъ суетахъ его... — Такъ взволнованнымъ голосомъ, склонивъ голову на плечо Фленушки, говорила Манефа.

— Полно-ка, матушка, не крушп себя, — сквозь слезы отвѣчала ей Фленушка. — Все Господь устроитъ по святой волѣ Своей. Сама-жъ ты учила меня во всемъ полагаться на святую волю Его... Не томись же, матушка, не печаль себя. Господь милостивъ. Онъ все устроитъ.

— Думала-ль ты, Фленушка, про что я намедни тебѣ говорила?.. Помнишь, весной-то, какъ отъ болѣзни только-что справилась?.. Надумалась ли хоть сколько-нибудь? — глубоко вздохнувъ, спросила Манефа.

— Про постригъ-отъ? — немного помолчавъ, отозвалась Фленушка.

— Да, — подтвердила Манефа.

Молчала Фленушка.

— Утѣшь ты меня, успокой, моя милая, дорогая ты моя Фленушка! — молящимъ голосомъ говорила Манефа. — Спокойно-бъ я тогда померла, все бы добро къ тебѣ перешло, безъ страха-бъ за тебя, безъ печали закрыла очи на смертномъ одрѣ, безъ земныхъ бы заботъ предстала предъ Создателя...

Искрились слезы въ глазахъ старицы.

Задумалась Фленушка, сѣла на лавку, склонила голову.

— Пожалѣй ты меня, успокой ради Господа! — продолжала Манефа. — Дай отраду концу послѣднихъ дней моихъ... Фленушка, Фленушка!.. Знала-бъ ты да вѣдала, каково дорога ты мнѣ!

— Развѣ не вижу я любови твоей ко мнѣ, матушка? Аль забыла я твои благодѣянія? — со слезами отвѣтила ей Фленушка. — Матушка, матушка!.. Какъ передъ истиннымъ Богомъ скажу я тебѣ: одна ты у меня на свѣтѣ, одну тебя люблю всей душой моей, всѣмъ моимъ помышленіемъ... Безъ тебя, матушка, мнѣ и жизнь не въ жизнь: станешь умирать — и меня съ собой бери.

— Не раздирай сердца моего!.. — молила Манефа. — Пожалѣй меня, бѣдную, успокой, согласись... Я бы тотчасъ благословила тебя на игуменство... При жизни бы своей, сейчасъ бы полной хозяйкой тебя поставила.

Судорожно рыдала Фленушка, и тихо текли слезы по впалымъ ланитамъ Манефы... «Сказать ли ей тайну? — думала она, глядя на Фленушку. — Нѣтъ, нѣтъ!.. Зачѣмъ теперь про свой позоръ говорить?.. Передъ смертью откроюсь... А про него не скажу, чтобъ не знала она, что отецъ у нея, можетъ, каторжникъ былъ... Нѣтъ, не скажу!..»

— Матушка! — поднявъ голову, твердымъ голосомъ сказала Фленушка.

— Что?

— Дай мнѣ сроку два мѣсяца... Два мѣсяца только... Дай хорошенько одуматься... Дѣло не простое... Великое дѣло!.. Дай сроку, матушка...— И зарыдала, припавъ головой къ Манефиной груди.

— Ну, хорошо, хорошо... — успокоивала ее Манефа. — Дѣло терпитъ, не къ спѣху... Да полно же, Фленушка!.. Къ чему убиваться?.. Полно... Подь, приляги у меня въ боковушкѣ.

— Черезъ два мѣсяца скажу я тебѣ, въ силахъ ли буду исполнить желанье твое, — вставая съ мѣста, сказала Фленушка. — Не мое то желанье — твое... А снесу-ль я иночество, сама не знаю... Теперь къ себѣ пойду... запрусь, подумаю. Не пущай никого ко мнѣ, матушка... Скажи, что съ дороги устала, аль что сдѣлалась я нездорова.

Истово, обрядно перекрестила ее Манефа, говоря твердымъ голосомъ:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!.. Подь, радость моя, успокойся.

Ровно былинка подъ вѣтромъ шатаясь, пошла вонъ изъ кельи Фленушка. Слезнымъ взоромъ посмотрѣла на нее Манефа и, заперши изнутри келью, стала на молитву.

Долго молилась она. Потомъ, взявъ бумагу, стала писать. Кончивъ писанье, нѣсколько разъ прочитала бумагу и, медленно сложивъ ее, сняла съ божницы келейную икону Корсунской Богородицы. Сзади той иконы былъ едва замѣтный «тайничокъ». Такіе тайнички на затылкѣ иконъ нерѣдки у старообрядцевъ; въ нихъ хранятъ они запасные дары на смертный случай. Тайничокъ Корсунской иконы былъ пустъ... И положила туда Манефа бумагу, что̀ написала, и, задвинувъ тайникъ крышечкой, поставила икону на мѣсто.

Послѣ того еще больше часу стояла она передъ Корсунской Богородицей на молитвѣ.

Глава четвертая.

Чинъ чиномъ справили свой праздникъ Бояркины. Посторонняго народа за столами на широкомъ дворѣ и почетныхъ гостей въ тѣсной келарнѣ было немало. Всѣмъ угощенье за тра̀пезой было довольное. Все обошлось хорошо, уставно и въ должномъ порядкѣ. И когда по окончаніи обѣда остались въ келарнѣ только свои, утомленная хлопотами мать Таисѐя, присѣвъ на лавочкѣ, радостно перекрестилась и молвила:

— Слава Тѣ, Господи!.. Привела Владычица, Матушка Царица Небесная праздникъ великій свой спраздновать!

И матери и бѣлицы низко поклонились игуменьѣ. Казначея мать Ираида за всѣхъ за нихъ молвила:

— Твоими, матушка, стараньями, твоимъ попеченьемъ!.. Не отъ устъ, отъ сердецъ нашихъ прими благодареніе.

— Спаси Христосъ, матери; спасибо, дѣвицы... Всѣхъ на добромъ словѣ благодарю покорно, — съ малымъ поклономъ отвѣтила Таисѐя, встала и пошла изъ келарни. Сойдя съ крыльца, увидала она молодыхъ людей, что̀ кланялись съ Манефиными богомольцами...

— Не прогнѣвайтесь, гости дорогіе, на нашемъ убогомъ угощеньи, — съ низкимъ поклономъ сказала имъ Таисѐя. — Не взыщите Бога ради на нашихъ недостаткахъ... Много гостямъ ради, да немного запасливы.

— Чтой-то вы, матушка?.. Помилуйте! — молвилъ удалецъ, что̀ былъ одѣтъ по-нѣмецкому. — Оченно довольны остались на вашей ласкѣ и угощеньи.

— За любовь благодаримъ покорно, Петръ Степанычъ, за доброе ваше слово, — съ полнымъ поклономъ сказала мать Таисѐя. — Да вотъ что̀, мои дорогіе, за хлопотами да за службой путемъ-то я съ вами еще не побесѣдовала, письма-то

едва прочитать удосужилась... Не зайдете-ль ко мнѣ въ келью чайку испить — потолковали-бъ о дѣлахъ-то...

— Со всякимъ нашимъ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — Пойдемъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ товарищу.

— Пожалуй, — равнодушно отозвался тотъ.

— Мы сейчасъ, матушка. На минуточку только къ себѣ зайдемъ, — сказалъ Петръ Степанычъ.

— Будемъ ждать, будемъ васъ ждать, гости мои дорогіе,— сказала Таисѣя и, подозвавъ Ираиду, велѣла ей идти за ней въ келью.

Келейка Таисѣи была маленькая, но уютная. Не было въ ней ни такого простора ни убранства, какъ у матери Манееы, но такъ же все было опрятно и чисто. Отдавъ приказъ маленькой толстенькой келейницѣ Варварушкѣ самоваръ кипятить, а на особый столъ поставить разныхъ заѣдокъ: пряниковъ, финиковъ, черносливу и орѣховъ, мать Таисѣя сама пошла въ боковушу и вынесла оттуда графинчикъ съ водкой, настоенной плававшими въ немъ лимонными корками, и бутылку постныхъ сливокъ, то-есть ямайскаго рома ярославской работы.

— Ну, матушка Ираида, — садясь на лавку, сказала она своей казначеѣ: — послушай-ка меня, надо намъ съ тобой посовѣтовать. Вечоръ некогда было и сегодня тоже. Гости-то наши письма ко мнѣ привезли: Тимоѳей Гордеичъ Самоквасовъ читалку проситъ прислать, старичокъ-отъ у нихъ преставился, дѣдушка-то... Слыхала, чай, что̀ въ подвалѣ-то жилъ, въ затворѣ спасался.

— Такъ, — думчиво молвила мать казначея.

— А Панкова прикащикъ, Семенъ Петровичъ, изъ Саратова отъ своего хозяина, отъ Ермолая Васильича, такое-жъ письмо привезъ, — продолжала Таисѣя. — Дочка у Панкова побывшилась, надо и къ нимъ на «годовую» дѣвицу послать. Какъ посовѣтуешь, Ираидушка?

— А мой совѣтъ, матушка, будетъ такой, — немного подумавши, молвила мать Ираида. — Оленушка въ Хвалынѣ живетъ у Стромиловыхъ, на другой день Казанской выйдетъ ей срокъ — годовщина. Сплыть бы ей до Саратова, тамъ вѣдь близехонько, тѣмъ же бы днемъ на пароходѣ поспѣла.

— И мнѣ про Олену на умъ приходило, — молвила мать Таисѣя: — да матушки Арсеніи жаль, два годочка не видалась съ племянненкой-то.

— И третій потерпитъ, — сказала казначея. — Оленушка дѣвица еще молодая, въ обитель взята съ малолѣтства, со-

всѣмъ какъ есть нагишомъ, надо-жь ей обительскую хлѣбъ-соль отработать. На покоѣ-то жить, кажись бы, раненько.

— Такъ-то оно такъ, Ирандушка, да матушка то Арсенія плакаться будетъ, больно ужь любитъ она Оленушку-то, — говорила мать Таисѣя.

— И поплачетъ, не велика бѣда, — молвила Ираида. — То дѣло не ея, обительское. Должна покориться. Когда насчетъ этого соборнѣ станешь совѣтовать?

— Да хоть завтра бы, что ли, — отвѣтила мать Таисѣя.

— Завтра такъ завтра, — молвила казначея. — Матери всѣ въ одинъ голосъ на Олену укажутъ... Ужъ какъ ни быть, а въ Саратовъ ей ѣхать. Мать Арсенія что̀ хошь говори, не послушаютъ.

— Вѣстимо не послушаютъ, тоже вѣдь доходъ, — согласилась мать Таисѣя. — Да мнѣ-то ужъ больно жаль старицу... Шутка ли въ самомъ дѣлѣ, два года не видались, да еще и третій не свидятся... До всякаго доведись, Ираидушка...

— Что-жъ дѣлать-то, матушка? Наша обитель не людная, опричь Оленушки и послать-то некого. Развѣ Варварушку? — кивнувъ на дверь головой, куда только-что вышла келейница, молвила Ираида.

— Какъ можно Варвару? — тревожно заговорила игуменья. — Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, про нее и не поминайте... Мнѣ-то какъ же безъ Варварушки быть?.. И за мной ходитъ, и на клиросѣ въ головщицахъ, и письма какія случатся, все она да она... Безъ Варвары я, какъ безъ рукъ... Коли такъ, такъ ужъ лучше Катерину пошлемъ, плакальщицъ по ней не будетъ.

— Пухнетъ вся, матушка, ноги стали, что бревна, — возразила Ираида. — По моему замѣчанью, до весны врядъ ли она и протянетъ... А что̀ хорошаго больную послать да нѣмощную?.. Отъ благодѣтелей остуда, да и ей невмоготу... За псалтыремъ-то день-ночь стоять, и здоровый съ непривычки какъ разъ свалится... Какъ возможно нездоровыхъ читалокъ въ таки люди посылать?..

— И то правда, — согласилась Таисѣя. — Такъ какъ же? — обратилась она къ Ираидѣ послѣ короткаго раздумья.

— Мои рѣчи все тѣ же будутъ, матушка, — отвѣтила казначея. — Опричь Оленушки некого... Сама видишь, сама знаешь.

— Инъ быть по-твоему, — рѣшила игуменья. — А матушку Арсенію за долгое разставанье съ племянницей маленько повеселю: сарафанъ сошью да шубку справлю. Лисій мѣхъ-отъ, что̀ прошлаго года Полуехтъ Семенычъ отъ Макарья привелъ, пожертвую на шубку ей. Самой мнѣ не щеголять на старости

лѣтъ, а матушку Арсенію лисья-то шубка потѣшитъ... А кого же въ Казань-то послать?

— Въ Казань послать, матушка, некого, — рѣшительно сказала казначея.

— Да... Точно-что некого, — вздохнувъ и покачавъ головой, молвила игуменья.

— Развѣ Варварушку? — проговорила Ираида.

— Я ужъ сказала тебѣ! — вспыхнула мать Таисея.

— Обители бы польза, матушка, — молвила казначея. — Самоквасовы люди богатые, а грѣхи у покойника были великіе... Смолоду, говорятъ, разбои держалъ, суда на Волгѣ грабилъ.. Такую душу вымолить—не вкругъ пальца ниткой обвесть... На деньги Самоквасовы скупиться не станутъ.

— А намъ-то, по-твоему, безъ пѣнія быть? — съ жаромъ возразила Таисѐя. — Безъ Варвары на клиросѣ какъ запоютъ?.. Кто въ лѣсъ, кто по дрова... Сама знаешь, сколь было соблазна, когда хворала она... А я-то для васъ и гроша, должно-быть, не стòю?.. А кѣмъ обитель вся держится?.. У кого изъ васъ есть знакомые благодѣтели?.. Черезъ кого кормы, и доходы, и запасы?.. Слава Богу, тридцать годовъ игуменствую — голодны при мнѣ не сидѣли... Не меня-ль ужъ къ Самоквасовымъ-то въ читалки послать? — съ усмѣшкой она примолвила.

— Напрасно прогнѣваться изволила, матушка, — съ низкимъ поклономъ сказала Ираида. — Я только такъ сказала, къ слову пришлось... Твоя во всемъ воля! Какъ тебѣ разсудится, такъ на собраньи мы и положимъ.

— Другую читалку у Манефы возьму, — послѣ недолгаго раздумья молвила Таисѐя. — У нихъ дѣвицъ много, пошлетъ одну и насъ не обидитъ... Третью долю вклады, не то и всю половину отдастъ... Сегодня-жъ къ ней побреду.

Подъ эти слова въ келью вошли молодой Самоквасовъ съ приказчикомъ Панкова, Семеномъ Петровичемъ.

— Садитесь, гости дорогіе, — ласково привѣтила ихъ Таисѐя, когда, чинно сотворивъ передъ иконами семипоклонный уставной началъ, отдали они по два метанья игуменьѣ.

Сѣли. Варварушка стала чай разливать. Подъ святыми сидитъ Таисѐя, по сторонамъ стола казанецъ да саратовецъ, вдали, въ уголкѣ, у самой у двери, мать Ираида.

— Ну вотъ и дѣдушку, Петръ Степанычъ, схоронили!.. — жалобнымъ голосомъ начала Таисѐя, обращаясь къ Самоквасову. — Да вамъ-то онъ никакъ прадѣдушкой доводился?

— Такъ точно, — тряхнувъ головой, отвѣчалъ Петръ Степанычъ.

— Пожилъ, слава Богу, довольно, — молвила игуменья. — Много-ль годовъ было сердечному?

— Больше ста годовъ, матушка, — отвѣтилъ Самоквасовъ.

— Ужъ и больше ста годовъ? — промолвила Таисѣя.

— Сами извольте считать, — сказалъ Самоквасовъ. — О ту пору, какъ Пугачевъ Казань зорилъ, жена у дѣдушки безъ вѣсти пропала; дѣдушка нашъ настоящій, Гордей Михайлычъ, послѣ матери тогда по другому годочку остался.

— Да, да, — качая головой, согласилась мать Таисѣя. — Подымался Пугачъ на десятомъ году послѣ того, какъ Иргизъ зачался, а Иргизъ восемьдесятъ годовъ стоялъ, да вотъ уже его разоренью пятнадцатый годъ пошелъ. Значить, теперь Пугачу восемьдесятъ пять лѣтъ, да если прадѣдушкѣ твоему о ту пору хоть двадцать лѣтъ отъ роду было, такъ всего житія его выйдетъ сто пять годовъ... Да... По нонѣшнимъ временамъ мало такихъ долговѣчныхъ людей... Что-жъ, какъ онъ передъ кончиной-то?.. Прощался ли съ вами?.. Допустилъ ли родныхъ до себя?

— Какъ же, матушка, со всѣми простился, — отвѣтилъ Петръ Степанычъ.—И со сродниками, и съ приказчиками, и со всѣми другими домашними, которы на ту пору тутъ прилучились. Всѣхъ къ себѣ велѣлъ позвать и каждаго благословлялъ, а какъ кого зовутъ, дядюшка подсказывалъ ему. Чуть не всѣхъ онъ тутъ впервые увидѣлъ... Меня хоть взять— передъ Рождествомъ двадцать седьмой мнѣ пошелъ, а прадѣдушку чуть-чуть помню, когда еще онъ въ затворъ-отъ не уходилъ.

— Годовъ двадцать въ затворѣ-то, говорятъ, пребывалъ? — спросила мать Таисѣя.

— Двадцать два года ровнехонько, — подтвердилъ Самоквасовъ. — Изо дня въ день двадцать два года... И какъ въ большой пожаръ у насъ домъ горѣлъ, какъ ни пытались мы тогда изъ подвала его вывести — не пошелъ. «Пущай, говорить, за мои грѣхи живой сгорю, а изъ затвора не выйду». Ну, подвалъ-отъ со сводами, окна съ желѣзными ставнями — вживѣ остался, не погорѣлъ...

— Дивный подвигъ принялъ на себя на склонѣ дней, — молвила мать Таисѣя. — И что за грѣхи такіе были на немъ? Надо думать, какіе особные, что такими трудами надо было ему ихъ замаливать?..

Не отвѣтилъ Самоквасовъ. Немного повременя, мать Таисѣя продолжала:

— Многое люди болтаютъ, да всѣхъ людскихъ рѣчей не

переслушать: молва что̀ волна — расходится шумно, а утишится—и нѣтъ ничего.

— Нѣтъ, матушка, про нашего дѣдушку молва правду сказываетъ, — молвилъ Самоквасовъ. — Теперь онъ ужъ передъ самимъ Господомъ держитъ отвѣтъ, земного суда надъ нимъ ужъ не будетъ, стало-быть, можно про дѣла его говорить безъ опаски. Разбои держивалъ, матушка, разбойничалъ... Много было смо̀лоду бито-граблено, на поко̀нъ души надо было грѣхи заглаживать. Передъ смертью передо всѣми каялся, все про себя разсказалъ и завѣщалъ: его поминаючи, молиться за упокой еще двадцати восьми душъ, имъ убіенныхъ; семерыхъ поименно, а остальныхъ такъ велѣлъ поминать: «ихъ же имена Ты, Господи, вѣси».

— Какъ же это онъ на такія дѣла пошелъ? — съ напускнымъ удивленьемъ спросила мать Таисѐя.

— А вотъ что̀ разсказывалъ онъ передъ смертью, — началъ молодой Самоквасовъ. — Когда Пугачъ Казань спалилъ и всю ее ограбилъ, жена у прадѣдушки тогда пропала. Двое сутокъ искалъ онъ ее между мертвецами, что̀ лежали по домамъ и по улицамъ, искалъ и не нашелъ. А сынка — это дѣдушку покойника Гордея Михайлыча — у одного суконщика нашелъ. И тотъ суконщикъ ему сказывалъ, что пугачевцы на его глазахъ молодую женщину съ ребенкомъ схватили. Ребеночка наземь швырнули, ее въ таборъ свой увели... Пригожа изъ себя прабабушка была... Отдалъ дѣдушка сыночка своей сродницѣ, а самъ пугачевцевъ пошелъ догонять. И, догнавши, пошелъ къ нимъ на службу, и ходилъ съ ними до самыхъ тѣхъ поръ, какъ воровскіе таборы ихъ разогнали, однакоже жены отыскать онъ не могъ. Кого ни спросить, никто не знаетъ, не вѣдаетъ... А когда Пугачеву пришелъ конецъ, дѣдушка бѣжалъ на Иргизъ. Тамъ въ Филаретовомъ скиту собралось пугачевцевъ человѣкъ двадцать... Старцы въ скиту опасались держать ихъ, дѣваться имъ некуда, и пошелъ дѣдушка съ товарищами на Волгу гулять... Двѣ косныя снарядили, стали встрѣчнымъ судамъ «сарынь на кичку» покрикивать... И былъ у нихъ дѣдушка за атамана, и держали они разбой больше двадцати годовъ... Межъ тѣмъ товарищи перевелись: кого убили, кто потонулъ, къ дѣдушкѣ старость подошла, кинулъ онъ Волгу, въ Казани явился... Отыскалъ сына, женилъ ѐго, торговлю завелъ... Денегъ и всякаго богатства съ Волги-то много привезъ... Счастье ему повалило, барыши наживалъ онъ большіе, да съ сыномъ роднымъ Господь не далъ ладовъ... Однова вгорячахъ такъ его колонулъ, что тотъ черезъ сутки во гробѣ лежалъ... Осталось у прадѣдушки двое внучатъ малолѣтнихъ: дядя Тимоѳей

Горденчъ да родитель мой, одинъ по третьему, другой по второму годочку. На ноги поднялъ ихъ дѣдушка, поженилъ, а самъ по святымъ мѣстамъ Богу молиться пошелъ: въ Кіевѣ былъ, въ Соловкахъ, въ Царьградѣ. Въ Старомъ Іерусалимѣ у Гроба Господня больше году онъ выжилъ... И, воротясь домой, отъ міра отрекся, власяницу надѣлъ и вериги, постъ и молчанье на себя наложилъ. Двадцать два года не видалъ Божьяго свѣту, не выходилъ изъ темнаго подвала. Одного только дядю Тимоѳея Горденча и допускалъ до себя. А капиталъ до самой до смерти на свое имя велѣлъ объявлять... И все пребывалъ на молитвѣ... И всѣмъ было на удивленье, какъ при такой жизни могъ онъ больше ста лѣтъ прожить.

— Таковую дней долготу даровалъ ему Господь, чтобъ успѣлъ замолить онъ кровавые грѣхи свои, — набожно сказала мать Таисѣя. — Говорили по народу, что покойный твой прадѣдушка, хоть и былъ мужъ кровей, но отъ юности святую милостыню возлюбилъ и, будучи въ разбоѣ и послѣ того живучи въ Казани, не преставалъ ее творить.

— Это правда, матушка, — подтвердилъ Петръ Степанычъ. — У насъ въ семьѣ, какъ помню себя, завсегда говорили, что никого изъ бѣдныхъ людей волосомъ онъ не обидѣлъ, и какъ, бывало, ни встрѣтитъ нищаго аль убогаго, всегда подастъ милостыню и накажетъ за рабу Божью Анну молиться — это мою прабабушку такъ звали — да за раба Божья Гордея убіеннаго — это дѣдушку нашего, сына-то своего, чтò вгорячàхъ грѣшнымъ дѣломъ укокошилъ... Говорятъ еще у насъ въ семьѣ, что и въ разбой-отъ пошелъ онъ съ горя по женѣ, съ великаго озлобленья на невѣдомыхъ людей, чтò ее загубили.

— Тàкъ я думаю, любезный мой Петръ Степанычъ, что ради милостыни и даровалъ ему Господь лѣтъ умноженье и крѣпость силъ на кончинѣ дней подъять столь великій подвигъ, — сказала мать Таисѣя. — Не восхотѣлъ праведный Судія погубить душу грѣшника, далъ ему на поконъ вѣку довольное время постомъ, молитвой и грѣшныя плоти изможденіемъ загладить грѣхи свои тяжкіе... Очистилъ рабъ Божій Михаилъ душу свою и васъ всѣхъ, весь родъ свой и племя отъ Божья гнѣва избавилъ... Сказано вѣдь, другъ, въ писаніи-то: «мужу кровей мститъ Господь до седьмаго колѣна»... Великимъ подвигомъ покаянія отвелъ онъ отъ потомковъ своихъ фіалъ ярости Господней. Потому и дòлжно вамъ не забывать его въ молитвахъ, должно творить за него неоскудную милостыню... Много-ль дядюшка на раздачу-то прислалъ?

— Восемьсотъ рублевъ на серебро, — отвѣчалъ Петръ Степанычъ.

— Матушкѣ Манеѳѣ отдать велѣлъ, али самъ ты станешь дѣлить? — спросила Таисѣя, зорко взглянувъ на Самоквасова.

— Матушкѣ Манеѳѣ велѣно деньги отдать, а у тебя читалку просить, — сказалъ Петръ Степанычъ.

— Ну, вотъ насчетъ читалки-то и не знаю, какъ быть, — со вздохомъ отвѣтила мать Таисѣя. — Всей бы душой рада, да послать-то некого, ни единой свободной дѣвицы теперь нѣтъ у меня... Къ Ермолаю Васильичу отправить могу, — обратилась она къ саратовцу. — Въ вашихъ мѣстахъ одна наша дѣвица «годовую» кончаетъ, послѣ Казанской отдѣлается и прямо къ Ермолаю Васильичу проѣдетъ... А другой нѣтъ... Какъ на грѣхъ такія у меня дѣла пошли, что некого послать да и только... Не погнѣвался бы дядюшка-то... Что̀ станешь дѣлать?.. Какъ говорится: «изъ рѣпки дѣвки не вырѣжешь, коль на дѣвокъ урожаю нѣтъ»... Освободится одна, въ Романовѣ дочитываетъ, да нескоро кончитъ, недѣли черезъ двѣ послѣ Покрова...

— Намъ какъ можно скорѣй надо, матушка... Сами извольте посудить, можно-ль при такихъ грѣхахъ псалтырью медлить... Дядюшка наказывалъ то̀тчасъ бы отправить канонницу, — сказалъ Самоквасовъ.

— Надо будетъ матушку Манеѳу просить, у нея дѣвицы три либо четыре безъ дѣла сидятъ, — сказала Таисѣя. — Видѣлся съ матушкой-то?

— Нѣтъ еще. Сегодня передъ вечеромъ собираюсь сходить, — отвѣчалъ Самоквасовъ.

— Сходи, голубчикъ, сходи, покланяйся и ты ей, покучься, она добрая, не откажетъ, — сказала Таисѣя. — И я посовѣтуюсь съ ней. Вмѣстѣ, пожалуй, пойдемъ.

— И мнѣ бы тоже надобно къ матушкѣ Манеѳѣ побывать, — сказалъ саратовскій приказчикъ.

— Съ письмомъ? — спросила мать Таисѣя.

— Такъ точно; тоже съ денежнымъ вложеніемъ на раздачу, — отвѣтилъ Семенъ Петровичъ.

— Много-ль привезъ? — вскинувъ на него глазами, спросила Таисѣя.

— Да четыреста пятьдесятъ на серебро, — отвѣтилъ приказчикъ.

— Спаси Христосъ Ермолая Васильича!.. Дай ему Господи многолѣтняго здравія и души спасенія, не забываетъ насъ сирыхъ, убогихъ, — молвила мать Таисѣя. — А ужь молиться будемъ хорошо. Все какъ слѣдуетъ справимъ: и каноны и псалтырь безо всякаго упущенья... У насъ, други милые, на̀ этотъ счетъ безъ обману... Не то что по другимъ мѣстамъ...

Вотъ, не въ осужденье сказать, хоть на Рогожскомъ въ Москвѣ. Нахватаютъ-нахватаютъ отовсюду поминовеній, да и не могутъ справиться... Сила не берегъ... За однимъ каноном десятка по два покойниковъ поминаютъ, либо по три, а денежки за каждаго порознь... А у насъ по лѣсамъ такъ не дѣлается. У насъ по каждому покойничку осо̀бъ канонъ за единоумершаго; никогда самаго упущенія не бываетъ. Къ тому-жъ поминаемъ не келейно, а соборнѣ. Хвалить себя не доводится, да и промолчать нельзя. Всѣмъ вѣдомо, что Кѐрженскія обители на томъ и стоятъ, что заказы благодѣтелей какъ слѣдуетъ справляютъ, по чину... Недаромъ, други любезные, денежки получаемъ... Въ чемъ другомъ, яко человѣчи, согрѣшаемъ, а насчетъ поминовеній передъ Богомъ отвѣта не дадимъ... У насъ это по Соловецкому уставу справляется... Матушка Ираида, подай-ка уставъ.

Вынула мать Ираида изъ-подъ божницы четвертную рукописную книгу въ черномъ кожаномъ переплетѣ и, сыскавъ мѣсто, положила ее на столъ передъ игуменьей.

Стала мать Таисѐя читать.

«Егда кто изъ обительскихъ преставится и аще не останется послѣ него своего имѣнія...»

— Не то раскрыла, Ираидушка... Не въ томъ мѣстѣ, — съ досадой молвила Таисѐя. — Сыщи про мірскихъ человѣковъ преставльшихся, — прибавила она, подавая Ираидѣ книгу.

— Да напрасно изволите безпокоиться, матушка, — сказалъ Самоквасовъ. — По всѣмъ городамъ извѣстно, что нигдѣ такъ хорошо не молятся, какъ у васъ на Кѐрженцѣ.

Испугался купчикъ немалой книги. — «Какъ угоразднтъ мать Таисѐю читать ее до конца!» — подумалъ и перемигнулся съ саратовцемъ: «ты, молъ, не засиживайся; только я шелохнусь, ты за шапку да вонъ, пора, дескать, намъ».

Межъ тѣмъ Ираида подала книгу игуменьѣ и указала мѣсто перстомъ... Зачала Таисѐя:

«Аще не житель обители, но мірской человѣкъ преставится и будетъ отъ сродниковъ его подаяніе на честную обитель ради поминовенія души его, тогда все подаяніе емлютъ вкладомъ въ казну обительскую и за то поминаютъ его по единому году за каждый рубль въ «Литейникѣ»; а буде соберется всего вклада пятьдесятъ рублевъ, того поминаютъ въ «Литейникѣ» во̀вѣки; а буде соберется вклада на сто рублевъ, того поминаютъ окромѣ «Литейника» и въ «Сенаникѣ» во̀вѣки же. А кто что̀ прикажетъ по себѣ, сирѣчь чтобы погребеніе по немъ отпѣть, и то въ казну обительскую, а братіи кормъ и утѣшеніе по разсмотрѣнію, а что̀ на раздачу по рукамъ, то...»

— Намъ ужъ пора, матушка, — повернувшись на мѣстѣ, молвилъ Самоквасовъ, а Семенъ Петровичъ за шапку и съ мѣста.

— Послушать бы вамъ, гости дорогіе, какимъ чиномъ у насъ поминовенія-то справляются, — молвила мать Таисѣя. — Вы бы, Петръ Степанычъ, дядюшкѣ своему разсказали, и вы бы, Семенъ Петровичъ, Ермолаю Васильичу доложили. Слушайте-ка: «а за канунъ и за кутію...»

Но Самоквасовъ съ саратовцемъ, положивъ началъ передъ иконами, поклонились Таисѣѣ и промолвили:

— Матушка, прости, матушка, благослови.

Дѣлать нечего; благословила и простилась мать Таисѣя.

А куда какъ хотѣлось ей дочитать изъ устава статью о поминовеніяхъ, чтобы вѣдали гости, какъ въ скитахъ по покойникамъ молятся, и послѣ бы всѣмъ говорили: «не напрасно-де христолюбцы на Керженецъ посылаютъ подаянія».

— Экъ ее раскозыряло, старую!.. — молвилъ, усмѣхаясь, Семенъ Петровичъ Самоквасову. — Совсѣмъ было-зачитала насъ.

— Матерямъ по ихнему дѣлу иначе нельзя, — отозвался Самоквасовъ. — Вѣдь это ихній хлѣбъ. Какъ же не зазывать покупателей?.. Все едино, что у насъ въ гостиномъ дворѣ: «Что̀ изволите покупать? пожалуйте-съ! У тѣхъ не берите, у тѣхъ товаръ гнилой, подмоченный, жизни рады не будете!.. у насъ тафты, атласы, сукно, канифасы, изъ панталонъ чего не прикажете ли?»

— Ну, ты ужъ пойдешь! — молвилъ Семенъ Петровичъ. — Экъ языкъ-отъ!

— Развѣ не дѣло?.. — хохоталъ Самоквасовъ. — Ей-Богу, та же лавка! «На Рогожскомъ не подавайте, тамъ товаръ гнилой, подмоченный, а у насъ тафты, атласы»... Айда̀ *) къ нашимъ?

— Айда̀! — улыбнувшись, отвѣтилъ Семенъ Петровичъ.

— Маленько обождемъ, немножко по скиту пошляемся... Пущай наши мамошки натерпятся, — молвилъ Самоквасовъ и, заломивъ шапку, запѣлъ вполго̀лоса лихую пѣсню:

> Тень, тень, перетень,
> Выше города плетень!..
> За плетнемъ-то на горѣ —
> По три дѣвки на дворѣ!..
> Дѣвки моются, намываются —
> Дружковъ милыихъ дожидаются.

---

*) Айда̀ — татарское слово, иногда значитъ: пойдемъ, иногда — иди, иногда — погоняй, смотря по тому, при какихъ обстоятельствахъ говорится. Это слово очень распространено по Поволжью, начиная отъ устья Суры, особенно въ Казани; употребляется также въ восточныхъ губерніяхъ и въ Сибири.

Глава пятая.

Только-что Манеѳа послѣ молитвы и недолгаго отдыха вышла изъ боковушки въ большую келью, какъ вошла къ ней мать Таисѣя съ аршинною кулебякой на подносѣ. Слѣдомъ за ней пріѣзжіе гости, Петръ Степанычъ Самоквасовъ да прикащикъ купца Панкова Семенъ Петровичъ вошли.

Поставивъ на столъ кулебяку, сотворила мать Таисѣя семипоклонный уставный началъ. А съ ней творили тотъ обрядъ и пріѣзжіе гости. Игумены другъ дружкѣ поклонились и межъ собой полнковались.

— Съ праздникомъ тебя поздравляю, — молвила Манеѳа.

— Благодаримъ покорно, матушка, — сладенькимъ заискивающимъ голоскомъ съ низкими поклонами стала говорить мать Таисѣя. — Отъ лица всея нашея обители приношу тебѣ великую нашу благодарность. Да ужъ позволь и попенять тебѣ маленько, матушка... За что это ты на насъ прогнѣвалась, за что не удостоила убогихъ своимъ посѣщеньемъ?.. Ровно ангела Божья мы тебя ждали... Живемъ, кажется, по сосѣдству, пребываемъ завсегда въ любви и совѣтѣ, а на такой великій праздникъ не захотѣла къ намъ пожаловать.

— Невмоготу было, матушка, истинно невмоготу, — сдержанно и величаво отвѣтила Манеѳа. — Повѣрь слову моему, мать Таисѣя, не въ силахъ была добрести до тебя... Черезъ великую силу и по кельѣ брожу... А сколько еще хлопотъ къ послѣзавтрему!.. И то съ ума нейдетъ, о чемъ будемъ мы на Петровъ день соборовать... И о томъ гребтится, матушка, хорошенько бы гостей-то угостить, упокоить бы... А Таифушки нѣтъ, въ отлучкѣ... Безъ нея какъ безъ рукъ... Да тутъ и безпокойство было еще — наши-то богомолки вѣдь чуть не сгорѣли въ лѣсу.

— Полно ты! — тревожно воскликнула и руками всплеснула мать Таисѣя, хоть и знала ужъ во всей подробности похожденья китежскихъ поклонницъ... Порядокъ и уваженіе къ Манеѳѣ требовали, чтобъ она на первый разъ прикинулась, что ничего не знаетъ.

— Совсѣмъ-было ихъ огнемъ охватило, — сказала Манеѳа. — Болотце, слава Богу, попалось, кони туда повернули. Безъ того пропали бы, живьемъ бы сгорѣли...

— Вотъ дѣла-то!.. Вотъ дѣла-то какія!.. — качая головой, печаловалась мать Таисѣя; и, опомнившись, быстро схватила подносъ съ кулебякой и, подавая его съ поклономъ Манеѳѣ, умильнымъ голоскомъ проговорила: — Не побрезгуй убогимъ

приношеньемъ — не привелъ Господь видѣть тебя за трапезой, дозволь хоть келейно пирожкомъ тебѣ поклониться... Покушай нашего хлѣба-соли во здравіе.

— Напрасно, матушка, безпокоилась, право, напрасно, — сказала Манеѳа, однако взяла изъ рукъ Таисѣи подносъ и поставила его на столъ.

Только тутъ обратилась она къ стоявшимъ у дверей Самоквасову и саратовскому приказчику.

— Здравствуйте! Какъ васъ Господь милуетъ?.. — величаво, едва склонивъ голову, спросила она.

Не отвѣчая на вопросъ игуменьи, оба, одинъ за другимъ, подошли къ ней и, сотворивъ по два метанія, простились и благословились.

— Садитесь, гости дорогіе, — сказала Манеѳа, обращаясь къ Таисѣѣ и къ пріѣзжимъ гостямъ, а сама сѣла съ краю стола на лавкѣ.

— Какъ твои поживаютъ? — спросила Манеѳа Самоквасова. — Дядюшка Тимоѳей Гордеичъ здоровъ ли?.. Тетушка, сестрицы?

— Здравствуютъ вашими святыми молитвами, — отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — А прадѣдушка Михайла Самсонычъ приказалъ долго жить

— Скончался?

— Шестнадцатаго сего іюня мѣсяца, — подтвердилъ Самоквасовъ.

— Царство ему небесное! — молвила Манеѳа и, вставъ съ мѣста, обратилась къ иконамъ и положила передъ ними началъ за новопреставленнаго. Вмѣстѣ съ нею и мать Таисѣя и оба гостя началъ сотворили.

— Довольно по землѣ постранствовалъ, — молвила Манеѳа, садясь на мѣсто. — Сто годовъ прожилъ, коли не больше.

— Сто пять лѣтъ, матушка, — молвилъ Самоквасовъ.

— Сто пять лѣтъ, — подтвердила Таисѣя.

— Сто пять лѣтъ, — задумалась Манеѳа. — А изъ затвора не вышелъ?

— Не вышелъ, матушка, — сказалъ Самоквасовъ. — Какъ жилъ двадцать два года въ подвалѣ, такъ и при смерти не вышелъ изъ него. Ни веригъ ни власяницы не скинулъ, померъ на обычномъ ложѣ своемъ...

— На кирпичномъ полу съ булыжникомъ въ изголовьѣ? — отозвалась Манеѳа.

— Такъ точно, матушка, — подтвердилъ Самоквасовъ.

— Дивныя дѣла строитъ Царь Небесный по Своему промыслительному изволенію!.. — набожно проговорила Манеѳа. —

Двадцать два года при такой старости и въ толикихъ трудахъ пребыть!.. Очевидна десница Вышняго, иже не хощетъ смерти грѣшника, но всечасно ожидаетъ, да обратится душа къ покаянію... Исправился ли онъ, какъ слѣдуетъ?

— Исправился, матушка, — отвѣчалъ Самоквасовъ. — Попа привозили... Попъ теперь новый у насъ въ Казани завелся, австрійскимъ епископомъ насланъ, отцомъ Софроніемъ.

— Софроніемъ!.. — съ улыбкой презрѣнья тихо промолвила Манеѳа. — Что-жъ?.. При нашемъ тѣсномъ обстояніи, въ теперешнее гонительное время на смертный часъ и Софроновъ попъ пригодится... Когда время не терпитъ, всякому можно человѣка исправить... Не поставитъ того во грѣхъ Господь милосердый... Видѣлъ ли дѣдушку передъ смертью-то?

— Какъ же, матушка. Всѣхъ къ нему въ подвалъ приводили, — отвѣчалъ Самоквасовъ. — Со всѣми прощался, всѣхъ благословилъ и при всѣхъ попу въ грѣхахъ своихъ каялся... Велики грѣхи его, матушка!..

— Знаю, — молвила Манеѳа. — А то еще больше знаю, что нѣтъ грѣховъ, которыхъ бы не покрыло Божье милосердіе. Одинъ только грѣхъ не прощенъ у Создателя — аще кто отступитъ отъ святыя и непорочныя вѣры отецъ нашихъ и отвергнетъ древлее благочестіе... Тому грѣху нѣсть прощенія ни въ семъ вѣцѣ ни въ будущемъ... А дѣдушка твой до конца пребылъ во благочестіи... То̀ ему во оправданіе предъ Господемъ... Аще по искушенію дьявола и впалъ въ пучину грѣховную, но до конца дней въ правовѣріи нимало не погрѣшилъ, потому и сподобится онъ грѣховъ отпущенія... Опять же и милостыня его не безмолвна передъ Небеснымъ Судіею... Послѣ толикихъ трудовъ, послѣ толикихъ дивныхъ подвиговъ Сый Человѣколюбецъ покроетъ тяжкія его прегрѣшенія и устроитъ душу его въ мѣстѣ покойнѣ... Велики грѣхи, велико̀ и покаяніе... А какъ велико Царя Небеснаго милосердіе, того намъ и помыслить нельзя... Не сумнися, Петръ Степанычъ, устроитъ Господь душу твоего прародителя.

— Мнѣ-то что̀-же-съ? — равнодушно промолвилъ Самоквасовъ. — Я вѣдь прадѣдушку вовсе почти и не зналъ, передъ концомъ только свидѣлся. А вотъ письмецо отъ дяденьки Тимоѳея Гордеича. Извольте получить.

Манеѳа взяла письмо и при общемъ молчаньи его прочитала.

— Про раздачу пишетъ Тимоѳей Гордеичъ, восемьсотъ рублевъ высылаетъ, — молвила она, дочитавши письмо.

Самоквасовъ вынулъ бумажникъ и, отсчитавъ деньги, молча положилъ ихъ на столъ передъ Манеѳой. Тихо, не торопясь,

пересчитала ихъ игуменья, каждую бумажку посмотрѣла на свѣтъ и, увѣрившись, что деньги настоящія, неподдѣльныя, сунула ихъ въ карманъ и съ легкимъ поклономъ сказала Самоквасову:

— Все будетъ исполнено... Завтра-жъ каноны зачнемъ... Послѣзавтра Петровъ день, его пропустимъ, потому что праздникъ у насъ въ часовнѣ. Въ такіе дни по уставу поминовеній не полагается... Еще про кормы дядюшка твой пишетъ.

— Завтрашняго числа придутъ, — отвѣчалъ Самоквасовъ. — Подводчики обѣщались безпремѣнно наканунѣ Петрова дня доставить... Вотъ и расписка... Мукѝ крупичатой дядюшка шлетъ, рыбы малосольной, свѣчей, ладану...

— Знаю, — сказала Манеѳа. — Въ письмѣ прописано.

— За симъ счастливо оставаться, — поднимаясь съ мѣста, сказалъ Петръ Степанычъ.

— Повремени, сударь, — молвила Манеѳа. — Безъ хлѣба-соли изъ кельи гостей не пущаютъ. Чайку хоть испей... — И, растворивъ дверь, кликнула Устинью Московку.

— Сбери чаю, — сказала ей. — Да Парашу съ Фленушкой кликни. Василій Борисычъ гдѣ?

— А песъ его знаетъ, — съ досадой отвѣтила келейница.

— Устинья! — строго сказала ей Манеѳа. — Это что̀ за новости?..

Молча вышла изъ кельи Устинья. Нахмурилась Манеѳа, но ни слова не промолвила.

— Твой чередъ, Семенъ Петровичъ, — сказала она, обращаясь къ приказчику Панкова. — Ермолай Васильичъ здоровъ ли, Татьяна Андреевна съ дѣтками?

— Сами-то слава Богу здоровы, — отвѣтилъ Семенъ Петровичъ. — Дочку только схоронили.

— Которую? — быстро вскинувъ глазами, спросила Манеѳа.

— Середнюю, Авдотью Ермолаевну, — сказалъ Семенъ Петровичъ и, подавая письмо, примолвилъ: — а на раздачу четыреста пятьдесятъ рублевъ на серебро вашей милости прислали.

Не принимая письма, встала Манеѳа передъ иконами и со всѣми бывшими въ кельѣ стала творить семипоклонный началъ за упокой новопреставленной рабы Божьей дѣвицы Евдокіи. И когда кончила обрядъ, взяла у Семена Петровича письмо, прочитала его, переглядѣла на свѣтъ вложенныя деньги и, кивнувъ головой саратовскому приказчику, молвила:

— Все будетъ исправлено... Да что̀ время напрасно терять? Послѣ чаю сегодня-жъ отпоемъ по первому канону: сначалѣ за Михаила единоумершаго, потомъ за дѣвицу Евдо-

кію. Кликни матушку Аркадію, — примолвила Устиньѣ, принесшей въ келью чайный приборъ. — А Фленушку съ Парашей звала?

— Сказывала, — угрюмо отвѣтила Устинья и вышла, хлопнувъ за собой дверью.

Посмотрѣла на дверь Манеѳа и сильнѣй прежняго нахмурилась.

Фленушка съ Парашей въ келью вошли, Марья головщица за ними.

Чинно дѣвицы гостямъ поклонились; пріѣзжіе отдали имъ по поклону. Ровно впервой отъ роду видятся.

Вскинулъ очами на матерей Самоквасовъ: Манеѳа письмо перечитываетъ, Таисѣя въ окошко глядитъ. И весело подмигнулъ онъ Фленушкѣ, а приказчикъ саратовскій Марьюшкѣ улыбнулся. Не то дремала, не то съ ѹстали глазъ не поднимала Параша. Не къ Фленушкѣ, къ ней обратился Самоквасовъ.

— Какъ вы въ своемъ здоровьѣ, Прасковья Патаповна? Тятенька съ мамынькой все-ль по-добру по-здорову?

— Слава Богу, всѣ здоровы, — молвила Параша.

— А сестрицу-то схоронили? — спросилъ Самоквасовъ.

— Схоронили.

— Такая молодая, прекрасная дѣвица была!.. — вздохнулъ Петръ Степанычъ. — Кому бы и жить, какъ не ей? — А самъ такъ воззрился на Фленушку, что та хоть не робкаго десятка, а встала и, взявъ со стола кулебяку, понесла ее въ боковушу.

— Все, кажись, было къ ея удовольствію, — продолжалъ Самоквасовъ. — И красота, и молодость, и достатки хорошіе. Ей ли бы не жить?

— Божья воля, — вяло отозвалась Параша, и вдругъ глаза ея оживились. Тихохонько, легонькой походочкой въ келью вошелъ Василій Борисычъ, слѣдомъ за нимъ ввалилась мать уставщица.

— Садиться милости просимъ, Василій Борисычъ, — молвила Манеѳа. — А вотъ къ намъ еще гости пожаловали. Не наслышанъ ли про казанскихъ купцовъ Самоквасовыхъ?

— Какъ не слыхать, матушка?.. Люди извѣстные! — отвѣтилъ московскій посолъ. — Съ Тимоѳеемъ Гордеичемъ мы даже оченно знакомы. Онъ въ Рогожскомъ на собраньяхъ бывалъ въ тѹ пору, какъ насчетъ архіерейства соборовали!

— Племянничекъ будетъ ему — Петръ Степанычъ, — молвила Манеѳа, указывая на Самоквасова.

Петръ Степанычъ и Василій Борисычъ подали другъ другу руки, «повитались», говоря по-старинному.

— А этотъ молодецъ отъ саратовскаго купца отъ Ермолая Васильича Панкова. Въ приказчикахъ живетъ у него, — продолжала Манеѳа, указывая на Семена Петровича.

— Здорово, Семенушка!.. Давно не видались!.. Чтò?.. Не призналъ?.. — весело обратился къ саратовцу Василій Борисычъ.

— Аль допрежде были знакомы? — спросила Манеѳа.

— Еще бы, — отвѣтилъ Василій Борисычъ и, обратясь къ саратовцу, молвилъ: — Все еще не можешь признать?.. А кого ты изъ воды-то вытащилъ, какъ я на салазкахъ съ горы въ прорубь попалъ?..

— Васенька!.. Да неужели это ты?.. Ахъ, Ты, Господи! — воскликнулъ саратовецъ.

И друзья дѣтства горячо обнялись и поцѣловали другъ друга. И отошли къ сторонкѣ и стали разспрашивать другъ друга про житейскія обстоятельства.

— Ну вотъ и знакомство сыскали, — слегка улыбнувшись, молвила Самоквасову Манеѳа.

И, наклонясь къ нему, вполголоса, указывая взоромъ на Василья Борисыча, промолвила:

— Золото человѣкъ, опора древлему благочестію, первый начетчикъ, рогожскій посланникъ по всѣмъ городамъ.

— Слыхалъ про него, — сказалъ Самоквасовъ. — Тотъ, чтò въ Бѣлу-Криницу за миромъ ѣздилъ?

— Онъ самый, — подтвердила Манеѳа. И, быстро обратясь къ уставщицѣ: — Вотъ чтò, мать Аркадія, — сказала она: — послѣ чаю надо два канона исправить. Соборнѣ будемъ служить. Прикажи клепать въ великое древо и въ малое... пущай Катерина и въ клепало ударитъ, вся бы обитель въ собраньи была... Сбирай оба клироса, Марьюшка, пѣть по статіямъ, на катавасіяхъ *) середь часовни обоимъ клиросамъ сходиться... Мать Аркадія, во всѣхъ бы паникадилахъ свѣчи горѣли. Меду у Виринеи на свѣжій канунъ спроси **).

— Слушаю, матушка, — молвила уставщица и, положивъ три поклона передъ иконами, степенно вышла изъ кельи. За ней пошла и головщица.

Когда въ Манеоиной часовнѣ отпѣли соборную службу по новопреставленномъ рабѣ Божьемъ Михаилѣ и затѣмъ нерасходно зачали другой канонъ за дѣвицу Евдокію, Петръ Сте-

*) Катавасіею (греческое καταβάσια — сходъ) называются ирмосы, которыми покрываются пѣсни канона. Катавасіи въ торжественныхъ случаяхъ поются обоими клиросами, которые для того сходятся среди церкви.

**) Медъ, поставляемый на аналогіи во время пѣнія панихидъ.

панычъ Самоквасовъ не счелъ нужнымъ молиться за упокой невѣдомой ему дѣвицы и, замѣтивъ, что Фленушки нигдѣ не видно, вздумалъ инымъ дѣломъ на досугѣ заняться... Сойдя съ паперти, онъ остановился, окидывая глазами давно знакомыя обительскія строенья. И видитъ, что въ одномъ окошечкѣ игуменьиной стаи кто-то махнулъ бѣленькимъ платочкомъ. Вглядѣлся — Фленушка. Неспѣшнымъ шагомъ пошелъ онъ на зовъ.

— Что ты, безстыжій? Отчего запропастился?.. Ждали на Троицу, пріѣхалъ къ Петрову!.. Непуть ты этакій!..

Такими словами встрѣтила Фленушка своего казанца, когда тотъ вошелъ въ ея горницу.

— Нельзя было, Флена Васильевна, — оправдывался Самоквасовъ. — Дѣдушка скончался, никакъ нельзя было раньше пріѣхать.

— Нельзя, нельзя! — передразнила его Фленушка. — Бить-то тебя некому!.. Женись-ка вотъ на мнѣ, такъ я тебѣ волосы-то повыдергаю да и глаза-то безстыжіе исцарапаю... Женись въ самомъ дѣлѣ, Петенька!.. — шаловливо прибавила она нѣжнымъ голосомъ. — Ужъ я ли-бъ надъ тобой ни потѣшилась!

— Ты все попрежнему, — съ горькимъ упрекомъ промолвилъ Самоквасовъ. — Право, не знаешь, съ какой стороны и подступиться къ тебѣ... И къ себѣ тянешь и тотчасъ остуду даешь! Не поймешь тебя, Фленушка!.. Который годъ этакъ съ тобой валандаемся?

— А тебѣ бы такъ: облюбовалъ дѣвку да и тащи къ попу?.. Нѣтъ, братъ, не на таковску попалъ... Не такова уродилась я, — звонко захохотала Фленушка.

— По-твоему хорошо этакъ томить человѣка?.. Водишь ты меня третій годъ... Сама разсуди, хорошо-ль это дѣлаешь?.. — страстно дрожащимъ голосомъ проговорилъ Самоквасовъ.

— Да чего тебѣ отъ меня надобно? — смѣясь и лукаво щуря глаза, спросила Фленушка.

— Сама знаешь чего!.. Не впервой говорить!.. — молящимъ голосомъ сказалъ Самоквасовъ. — Изсушила ты меня, Фленушка!.. Жизни сталъ не радъ!.. Чего тебѣ еще?.. Теперь же и колода у меня свалилась — прадѣдъ покончился, — теперь у меня свой капиталъ; изъ дядиныхъ рукъ больше не буду смотрѣть... Согласись же, Фленушка!.. Дорогая моя!.. Ненаглядное мое солнышко!..

Такъ говорилъ Самоквасовъ, ловя руку Фленушки. А она, быстро отдернувъ ее, строго и внушительно сказала Петру Степанычу:

— Некогда мнѣ теперь съ тобой толковать — много надо

говорить, а матушка того и гляди придетъ изъ часовни... Вечеромъ тамъ будь!.. Знаешь?.. Саратовца приводи... Марьюшка, молви ему, тоже придетъ.

И, взглянувъ въ окно, увидала, что съ высокой часовенной паперти медленно спускается Манеѳа, а за ней идутъ матери и бѣлицы, Василій Борисычъ и саратовскій приказчикъ. Быстро повернулась Фленушка къ Самоквасову и крикнула:

— Убирайся скорѣй до грѣха.

— Поцѣлуй прежде, — молвилъ онъ, обнимая Фленушку.

— Я тѣ поцѣлую ладонью въ ухо!.. — вскрикнула она, вывертываясь. — Ишь какой лакомый!.. Убирайся, говорятъ тебѣ!.. Матушка идетъ.

И вытолкнула друга милаго въ шею изъ своей горницы.

Матери съ бѣлицами по своимъ мѣстамъ разошлись, саратовца Василій Борисычъ въ свою свѣтлицу увелъ. Въ келью съ Манеѳой Аркадія да мать Таисѣя вошли.

— Съ просьбой до тебя я, матушка, съ докукой моей великою... — умильно, покорно, чуть не со слезами начала мать Таисѣя.

— Рада служить, чѣмъ могу, — ласково, но сдержанно отвѣтила Манеѳа. — Что̀ въ моей мочи, всѣмъ тебѣ, матушка, готова служить.

— Самоквасовы да Панковы изстари благодѣтели нашей обители, — продолжала Таисѣя. — И молодцы̀ ихніе ко мнѣ завсегда въѣзжаютъ, завсегда у меня гостятъ... Сама знаю, матушка, что имъ хоть бы вотъ у тебя и лучше бы было и спокойнѣе, да ужъ ихніе старики, дай имъ Господи добраго здравія и души спасенія, по своему милосердію къ нашему убожеству, велятъ имъ у меня останавливаться. Все-таки, матушка, перепадаетъ кое-что на бѣдность на нашу... Теперича, матушка, оба̀ эти благодѣтеля, Самоквасовъ Тимоѳей Гордеичъ и Панковъ Ермолай Васильичъ, ровно сговорились, читалокъ на «годовую» просятъ по ихнимъ покойникамъ.

— Знаю, — отвѣтила Манеѳа: — и мнѣ про то они отписываютъ... Что-жъ?.. Слава Богу. Рада за тебя, мать Таисѣя. Сотенки четыре, не то и вся полтысяча перепадетъ; люди они богатые.

— Да вотъ бѣда-то моя, матушка, послать-то некого, — жалобно продолжала мать Таисѣя. — Въ Саратовъ еще можно Оленушку справить, въ Хвалынскѣ она у Сѣдовыхъ дочитываетъ... Недѣли черезъ полторы опростается и сплыветъ къ Ермолаю Васильичу. А въ Казань-то некого да и полно. И оченно опасаюсь я, матушка, не прогнѣвать бы мнѣ Тимоѳея

Горденча, остуды бы отъ стариннаго благодѣтеля не принять... Сама знаешь, какой привередливый онъ да уросливый *). Пожалуй, еще вскинетъ на умъ, что не хотѣла угодить ему, не постаралась просьбы его выполнить... Помоги, Христа ради, матушка, пособи въ великомъ горѣ моемъ, заставь за себя вѣчно Бога молить... Сама разсуди, каково будетъ мнѣ остудить такого христолюбца... Надо правду говорить, не твои бы, во-первыхъ, милости да не самоквасовскія, нашей бы обители пропадомъ-пропадать. Вами, матушка, вашими благодѣяніями только и держимся.

— Какъ же помочь-то тебѣ? — молвила Манеѳа. — Нешто свою дѣвицу при твоемъ письмѣ въ Казань послать?

— Яви божескую милость, матушка, заставь за себя вѣчно Бога молить, — вставъ съ лавки и низко кланяясь, сказала Таисѐя.

— Да ты не кланяйся, дѣло сосѣдское, — молвила Манеѳа. — Опять же твоя обитель съ нашей, сколько ни помню, всегда заодно, всегда мы съ тобой въ любви да въ совѣтѣ... Какъ тебѣ не помочь?.. Только не знаю, послать-то кого.

— Мало-ль дѣвицъ у тебя, матушка?.. — возразила Таисѐя.

— Мало-ль ихъ у меня; да какую можно въ Казань послать, такихъ-то нѣтъ, — сказала Манеѳа. — Вѣдь это не въ Бакй аль не въ Урень **) къ сиволапымъ мужикамъ читалку отправить. Самоквасовы люди видные. Опять же въ большомъ городу живутъ, чуть ли не первые купцы по Казани... Захотѣли бы простенькую канонницу взять, съ Татарскаго мосту изъ Коровинской ***), взяли бы. Надо посылать къ нимъ умѣлую, чтобы въ грязь не ударила, не осрамила бы нашего Кѐрженца... А такихъ теперь нѣтъ у меня ни единой... Какія были—всѣ разосланы.

— Да хоть не больно бы мудрящую, — жалобно молила Таисѐя.

— Нельзя, матушка, — перебила Манеѳа. — Никакъ нельзя плохую послать къ Самоквасовымъ. Дѣвицъ у меня теперь хоть и много, да ихнее дѣло гряды копать да воду носить. Такихъ нельзя къ Самоквасовымъ.

— Ахъ, Ты, Господи, Господи! — пуще прежняго горевала

---

*) Уросливый отъ уросить — капризный, своенравный. Слово это употребляется въ Поволжьѣ, въ восточныхъ губерніяхъ и въ Сибири. Происходитъ отъ татарскаго урусъ — русскій. Татары своенравныхъ и причудливыхъ людей зовутъ русскими.

**) Большія удѣльныя села въ захолустьѣ Варнавинскаго уѣзда.

***) Коровинская поповщинская часовня въ Казани на Булакѣ у Татарскаго моста. До обращенія въ единовѣрческую церковь была монастырькомъ.

Таисѣя. — Что тутъ дѣлать?.. Матушка!.. Подумай — вѣдь это чуть не четвертая доля всего нашего доходу!.. Надо будетъ совсѣмъ разориться!.. Помилуй ты насъ, матушка, помилосердуй ради Царя Небеснаго... Какъ Богъ, такъ и ты.

И съ этими словами игуменья славной въ старые годы княжеской обители повалилась со слезами въ ноги Манеѳѣ Чапуриной.

— Встань, матушка, встань, — строго и внушительно молвила ей Манеѳа. — Непригожее дѣло затѣяла... Мы съ тобой въ единомъ чину... Какъ же тебѣ великимъ обычаемъ мнѣ поклоняться?.. Преданію противно, мать Таисѣя.

— Не я поклоняюсь, нужда кланяется, — сказала въ слезахъ мать Таисѣя. — Пособи ты мнѣ... Ради Царя Небеснаго, пособи бѣдѣ нашей, матушка!..

— Сядь, спокойся. Дай срокъ, подумаю, — молвила Манеѳа.

— Торопитъ больно Тимоѳей-отъ Гордеичъ... Крѣпко-на̀крѣпко наказываетъ, нимало-бъ я не медлила, то̀тчасъ бы читалку къ нему отправляла... Ума не приложу... Яви милость, матушка!.. Рѣши скорѣе, — сдерживая рыданья, униженно молила Таисѣя.

— Спокойся, — сказала Манеѳа: — спокойся теперь. Завтрашняго дня отвѣтъ тебѣ дамъ... Часы *) отправишь, ко мнѣ забреди. А послѣзавтра праздникъ у насъ и собранье — милости просимъ попраздновать: со всѣми матерями приходи, и бѣлицы чтобъ всѣ приходили... А назавтра вышли ко мнѣ, матушка, трудницъ своихъ съ пятокъ — въ келарнѣ бы полы подмыли да кой-гдѣ по кельямъ у старицъ... Свои-то въ разгонѣ по случаю праздника, всѣ за работами... Такъ ужъ ты мнѣ пособи.

— Слушаю, матушка, безпремѣнно пришлю, — отирая глаза свернутымъ въ клубокъ синимъ бумажнымъ платкомъ, съ низкимъ поклономъ отвѣтила Таисѣя. — Какъ часы отправимъ, такъ и пришлю.

— А какъ же у насъ насчетъ ряды будетъ? — вдругъ спросила Манеѳа. — Канонницу сыщу, коли Богъ поможетъ. А какъ же насчетъ ряды-то?

— Все во власти твоей, матушка, — униженно молвила Таисея.

— Обижать не стану и своего не упущу, — сказала Манеѳа. — Какъ было тогда, какъ Глафиру покойницу за твою обитель въ Кострому я отпущала, такъ и теперича быть: отправка твоя, обратный путь твой же... Изъ зажилаго половина тебѣ, половина на нашу обитель... Шубу тебѣ справлять, сарафаны,

---

*) Утренняя служба, вмѣсто обѣдни.

передники, рубахи мои... Насчетъ обуви пополамъ... А что̀ подарковъ дѣвицѣ отъ Самоквасовыхъ будетъ, то̀ ей — въ эти дѣла я не вступаюсь. Согласна ли такъ?

— Согласна, матушка, дѣвицу только пріищи Господа ради, — сказала Таисѣя. — Угодить надо, сама посуди!..

— Ладно, ладно, будетъ исправлено, — отвѣчала Манеѳа. — Заходи же завтра послѣ часовъ — будетъ готово... Я ужъ придумала...

Радостно блеснули большія голубыя, добротой сіявшія и когда-то во время о̀но многихъ молодцовъ сокрушавшія, очи Таисѣи. Улыбка озарила сморщенное, померкшее отъ лѣтъ крохотное личико игуменьи. Низко поклонясь Манеѳѣ, сказала она яснымъ голосомъ:

— Оживила ты меня, матушка... Богъ воздастъ тебѣ, родная, за любовь твою...

И чинъ чиномъ совершили игуменьи прощеніе: простились другъ у друга, благословились и поликовались. А провожая сосѣдку, Манеѳа на келейномъ порогѣ напомнила ей:

— Пришли же, не забудь, трудницъ-то. Да пораньше бы приходили... Дресвы на мытье половъ у меня, кажись, мало, съ собой бы захватили. Да окошки надо еще помыть, лѣстницы... Матушка Аркадія все имъ укажетъ... Прощай, мать Таисѣя. Спаси тебя Христосъ, Царь Небесный!..

И, проводивши сосѣдку, Манеѳа обратилась къ своей уставщицѣ:

— Похлопочи, Бога ради, Аркадьюшка, чтобы праздникъ намъ справить во всемъ хорошохонько. Совсѣмъ я эти дни безъ рукъ была — Таифы нѣтъ, тебя нѣтъ, Марьюшки нѣтъ, ни по часовнѣ ни по хозяйству никакого дѣла поручить некому... Ужъ мы все больше съ Виринеюшкой хлопотали, насчетъ трапезы... Слава Богу, по этой части все, кажется, управили. И сытно будетъ, и довольно всего... Что-то изъ города работникъ долго не ѣдетъ — за виномъ вечоръ послала его да за ренскимъ... Шутка-ль, что̀ народу наберется... А пива и браги двѣ сорокоуши безъ тебя слили — надо думать, достанетъ... Богъ милостивъ, передъ людьми не ославимся... Пущай дальніе и ближніе гости поглядятъ на наше строительство, посмотрятъ, каково умѣемъ хозяйствовать... Это все управлено, а насчетъ часовни да службы твое дѣло, мать Аркадія!.. Ужъ ты, пожалуйста, похлопочи, постарайся!.. Вечоръ бѣлицы часовню подмыли, подсвѣчники, паникадила мѣломъ почистили и ризы на иконахъ... Да верчены больно, пожалуй, чего не доглядѣли — такъ ты догляди, исправь что̀ надобно... А ослопныя свѣчи изъ Таифиной кельи возьми... Чтобъ на

вечернѣ, и на утренѣ, и въ самый праздникъ за часами каждый разъ новыя свѣчи зажигались... А за огарками приглядывай, сама своими руками сбирай да ко мнѣ приноси, не то наши баловницы половину на причуды свои растащатъ... А мѣстныя иконы кисеями да лентами убрать — какъ на Пасху да на Троицу... А пѣть знаменнымъ напѣвомъ... Завтра надо будетъ Василью Борисычу покучиться, попѣлъ бы съ дѣвицами-то маленько.

— А на поклонъ котору икону Апостоловъ ставить? Часовенну? Аль свою келейную выдашь? — спросила Аркадія.

— Келейную выдамъ, пригляднѣе будетъ, — молвила Манеѳа.— Съ Фленушкой завтра пришлю, только ужъ ты побереги ее, ради Господа, жемчугъ-отъ не осыпался бы, древня ужъ больно икона-то... Ну, управляйся же, матушка, съ Богомъ. Пособи тебѣ Господи. Покуда прощай, а пойдешь — кликни ко мнѣ Виринею.

Сотворивъ уставныя метанья и благословясь у игуменьи, мать Аркадія вышла.

Немного спустя поспѣшно и весело влетѣла въ келью мать Виринея.

— Ѣдутъ, матушка, ѣдутъ! — съ обычнымъ простодушіемъ проворно она закричала.

— А тебѣ бы, мать, лобъ-отъ прежде окстить да прощу принять отъ игуменьи, а потомъ бы ужъ о чемъ надо и доложиться, — строго молвила Манеѳа, сверкнувъ на нее гнѣвными очами. — Не молоденькая, не первый годъ живешь въ обители... Можно развѣ уставъ порушать?.. Можно развѣ преставлять старые обычаи?.. Дѣла много теперь у тебя, а то постояла-бъ ты у меня на поклонахъ... Да знай напередъ: праздникъ минетъ, нарушенія чина я не забуду — поклоны за тобой!.. Для молодыхъ нѣтъ того лучше примѣра, какъ старыхъ матерей за провинности строго началить.

Выслушавъ гнѣвное слово игуменьи, мать Виринея все сотворила по чину: началъ положила и съ земными поклонами простилась у игуменьи и благословилась. И когда обрядъ, какъ слѣдуетъ, отправила, Манеѳа спросила ее:

— Кто-жъ тамъ ѣдетъ?

— Романушка съ виномъ изъ городу ѣдетъ, — отвѣтила Виринея: — Каменный Вражекъ проѣхалъ.

— Чему старая обрадовалась! — съ упрекомъ и легкой усмѣшкой сказала Манеѳа. — Я ужъ думала, не изъ гостей ли кто... Вотъ одолжили бы!.. Спозаранокъ-то... Теперь пока не до нихъ.

— А ѣдетъ съ нимъ, матушка, невѣдомо какой человѣкъ, —

продолжала Виринея. — Слѣпа стала, вдаль не доглядѣла... А кто-то чужой на возу сидитъ.

— Кому-жъ эго быть? — равнодушно молвила Манеѳа и начала хозяйскіе разспросы: — Много-ль пироговъ напекла? — спросила она Виринею.

— Двѣнадцать съ тѣльнымъ *), девять съ визигой да съ малосольной бѣлужиной, съ молоками да съ жирами, — отвѣтила Виринея.

— Маловато!.. Коль и завтра столь же спечешь, врядъ ли на всѣхъ пришлыхъ христолюбцевъ послѣ вина на закуску достанетъ.

— Хватитъ, матушка, не тысячи же ихъ нагрянутъ, — успокоивала игуменью мать Виринея.

— Погляди, что навалитъ!.. — усмѣхнулась Манеѳа. — Охочи до сладкаго куса, оравой нагрянутъ... Какъ можно больше пеки пироговъ.

— Власть твоя, матушка, а печку не раздвинешь... Больше того нельзя напечи, — разводя руками и слегка склоняя голову, отвѣтила мать Виринея.

— Спосылай завтра присспѣшницу къ Бояркинымъ, пущай у нихъ пироги допекаютъ. Къ Разсохинымъ тоже пошли, только бы тамъ въ оба глядѣли — народъ продувной, разомъ припасы растащатъ. У Жжениныхъ завтра на холодное рыбу варить, а въ самый день праздника сазановъ да лещей съ яйцами жарить... Хворосты **) можно бы завтра дома испечь... Успѣешь?

— Успѣю, матушка, Богъ милостивъ, управлюсь, — сказала мать Виринея.

— Знатные гости на праздникѣ будутъ, надо, чтобъ все по-хорошему было: Смолокуровъ Марко Данилычъ съ Дунюшкой пріѣдетъ, Патапъ Максимычъ обѣщался, Самоквасова племянникъ здѣсь... Опять же матери со всѣхъ обителей наѣдутъ — согласныя и несогласныя... Угощенье тутъ первое дѣло, надо, чтобъ видѣли все наше строительство, всѣ бы хозяйственность нашу цѣнили... Варенцовъ много ли?

— Тридцать два варенца, матушка. По моему расчету на почетны столы за глаза хватитъ, — сказала мать Виринея. — Пришлымъ столы на дворѣ, чай, будутъ?.. Не обносить же ихъ варенцами.

---

*) Фаршъ изъ свѣжей частиковой (то-есть не красной) рыбы, преимущественно изъ судака или щуки.

**) Старинное пирожное, постоянно бывавшее за царскими столами. Это пряженое на маслѣ печенье, приготовленное въ «сушь», на него кладутъ варенье. Хворосты и теперь употребляются въ среднемъ классѣ горожанъ и у богатыхъ крестьянъ. Въ скитахъ — самое любимое пирожное.

— Извѣстно дѣло, — согласилась Манеѳа. — Не по ихнимъ губамъ сладки кушанья... Имъ въ перву перемѣну свекольникъ съ коренной рыбой. Изведи смолокуровскіе пересѣки, что̀ прошлымъ годомъ прислалъ. Что̀ рыба-то?.. Не попортилась?

— Доспѣла, матушка, совсѣмъ доспѣла, пованиваетъ, — молвила Виринея.

— Какъ же быть-то? — призадумалась Манеѳа.

— А ничего, матушка, сваримъ, — отозвалась опытная мать Виринея. — Сопрутъ да послѣ еще не нахвалятся... Любитъ вѣдь у насъ мужичокъ доспѣлую рыбку, она ему слаще непорченной...

— Опять же надо и погребъ очистить, — замѣтила Манеѳа. — Марко Данилычъ шлетъ новы кормы... Скорми въ самомъ дѣлѣ старенькое-то безъ остали...

— Сазанъ тамъ еще соленый отъ прошлаго года остался, чуть ли полпересѣка не наберется. Больно духъ пустилъ, матушка, — молвила Виринея.

— И его скорми, — рѣшила Манеѳа. — Надо-жъ погребъ очистить. На втору перемѣну его на дворъ и подай.

— Слушаю, матушка, — сказала Виринея. — А изъ горячаго что̀ на дворъ-отъ прикажешь?

— Похлебку съ картофелемъ да со свеклой, рыбешки какой ни на есть подбавь, головизны, — приказывала Манеѳа. — Скоро новый овощъ поспѣетъ, старый тоже пора изводить.

— Изведемъ, матушка, не безпокойся, — молвила Виринея. — Богъ милостивъ, все изведемъ. А изъ мисиннаго *) что̀ на дворъ укажешь?

— Развѣ оладьи съ медомъ да пряженцы съ яйцами?.. Яицъ-то довольно у насъ? — спросила Манеѳа.

— Вдоволь, матушка, вдоволь. Этого добра оченно даже довольно, — отвѣчала Виринея.

— Такъ спеки пряженцы на дворъ-отъ, — рѣшила Манеѳа. — Да яйца-то хорошенько разглядывай на огонь... Которы залежались — на дворъ, а свѣженькія въ келарню почетнымъ гостямъ... Стерляди что̀?.. Играютъ?

— Троичка уснула, матушка, къ завтрему, пожалуй, еще двѣ уснутъ.

— Эхъ, ты, старая!.. Не смогла уберечь!.. Воду бы чаще мѣняла, — недовольнымъ голосомъ проговорила Манеѳа.

— Какъ воду не мѣнять, матушка? Слава Богу, не впервые. По три да по четыре раза на день мѣняла. Сама знаешь,

*) Мисинное — старинное названіе пирожныхъ, подаваемыхъ не на блюдахъ, а въ чашахъ, въ мисахъ.

какова у насъ водица-то... Болотная, иловатая, какъ въ ней такой рыбинѣ жить?.. — оправдывалась Виринея.

— Угораздило Ѳедора Андреича таково рано стерлядей прислать! — молвила Манеѳа. — А тотъ пятокъ? Большія-то, что̀ на разваръ готовлены?... Плаваютъ?

— Живы, матушка, живы-живехоньки, одна только что-то задумалась, — сказала Виринея.

— Поблюди ихъ, Виринеюшка, ледку, что ли, тай да въ ледовую воду сажай... А изъ среднихъ стерлядей большимъ гостямъ чтобъ уха вышла хорошая. Изъ налимовъ-то печенки ты бы вынула да на ледъ.

— Сдѣлано, матушка, сдѣлано. Не безпокойся, уха выйдетъ знатная, — сказала Виринея.

— Постарайся, Виринеюшка, ради Господа постарайся... Сама̀ вѣдаешь, какой день станемъ праздновать... Опять же собраніе и почетные гости... Постарайся ради почести нашей обители... У Аркадьюшки по службѣ все будетъ, какъ слѣдуетъ, не осрами и ты насъ, пожалуйста... Трапезными учрежденіями слава обители передъ людьми высится больше, чѣмъ божественной службой... Такъ ужъ ты постарайся, покажи гостямъ наше домоводство... Слава бы про нашу обитель чѣмъ не умалилась. Потерьки бы какой нашей чести не случилось!..

— Постараюсь, матушка, — отвѣтила Виринея. — Не впервой!.. Только бы мнѣ на подмогу двухъ-трехъ дѣвицъ еще надобно, — промолвила она.

— Возьми кого знаешь, хоть всѣхъ бери — дѣло твое, — сказала Манеѳа. — Да началь ихъ хорошенько, чтобъ не очень ротозѣйничали. Не то, до меня не доводя, въ погребъ на ледъ озорницъ сажай... Ну, прощай, Виринеюшка, не держу тебя, ступай къ своимъ дѣламъ, управляйся съ Богомъ, помогай тебѣ Господи!

Положила Виринея семипоклонный началъ, сотворила метанія, простилась, благословилась и пошла вонъ изъ кельи игуменьиной..

Вошла мать Манеѳа въ свою боковушу, взяла съ полочки молотокъ и три раза ударила имъ по стѣнѣ. Та стѣна отдѣляла ея жилье отъ Фленушкиныхъ горницъ. Не замедлила Фленушка явиться на условный зовъ игуменьи.

— Меня стучала, матушка? — спросила она.

— Тебя, — сказала Манеѳа. — Садись-ка... Надо мнѣ съ тобой посовѣтовать.

Сѣла Фленушка. Степенный думчивый видъ на себя приняла. Не узнать первую заводчицу на всякія вольности, не

узнать шаловливую баловницу строгой игуменьи, не узнать разудалую бѣлицу, отъ нея же во святѣй обители чуть не каждый день сыръ-боръ загорается.

— Мать Таисѣя дѣвицу на «годовую» проситъ, — сказала Манеѳа. — Самоквасовъ да Панковъ читалокъ требуютъ... А послать въ Казань отъ Бояркиныхъ некого... Хочется мнѣ успокоить Таисѣюшку — старица добрая, во всемъ съ нами согласная. Опять же и покорна всегда, что̀ ни велишь, безотвѣтно все дѣлаетъ... Думаю нашу бѣлицу въ Казань послать за Бояркиныхъ. Да вотъ не могу придумать, кого бы... Умѣлую надо, хорошую, уставъ бы знала и всякую службу справить могла, къ тому-жъ не вертячка была бы, умѣла бы жить въ хорошемъ дому... Толстопятую деревенщину къ Самоквасовымъ отправить нельзя. Надо, чтобъ и за псалтырью горазда была, и ходила бы чистенько, и за столомъ бы, что ли, аль на бесѣдѣ умѣла разговоры водить, не клала бы глупыми рѣчами покора на нашу обитель... Кого присовѣтуешь?..

— Мало развѣ дѣвицъ у насъ, матушка? — молвила Фленушка. — Поле не клиномъ сошлось... Есть бы, кажется, изъ кого выбрать.

— Слышала, какую надо? — сказала Манеѳа. — У Самоквасовыхъ домъ первостатейный, опять же они наши благодѣтели, худую послать къ нимъ никакъ невозможно. Хоть посылка будетъ отъ Бояркиныхъ, а все-таки Самоквасовы будутъ знать, что канонница послана изъ нашей обители

— Кажется, какъ бы не найти, — молвила Фленушка.

— Анафролію послать, такъ ей до весны у братца по Настѣ псалтырь стоять, — раздумывала мать Манеѳа. — Серафима грѣшнымъ дѣломъ въ послѣднее время запивать стала, къ Разсохинымъ повадилась, съ матушкой Досиѳеей чуть не каждый Божій день куликаютъ... Дарью, такъ въ Шуѣ у Легостевыхъ тетка на ладанъ дышитъ, а къ нимъ опричь Дарьи послать некого, сродница имъ... У Татьяны вѣтеръ въ головѣ — эту никакъ невозможно, какъ разъ осрамитъ обитель. Тамъ сыновья да племянникъ, да приказчики молодые, а Татьянушка, не въ осужденье будь сказано, слабенька на этотъ счетъ... Пожалуй, на̀вѣкъ положитъ остуду отъ Тимоѳея Гордеича... Евдокеюшку послать — Виринеюшки жаль: восемь годовъ она сряду въ читалкахъ жила, много пользы принесла обители, и матушкѣ Виринеѣ я святое обѣщанье дала, что на дальнюю службу племянницу ся больше не потребую... И что̀ тамъ ни будь, а стараго друга, добрую мою старушку мать Виринею не оскорблю... Другія плохи больно и «Устава» не знаютъ, и читать даже не бойки... Не послать — Таисѣю оби-

дѣть, а Бояркины мнѣ во всемъ правая рука. Опять же покорны во всемъ — какъ хочу, такъ у нихъ и начальствую... Плохонькую послать — на обитель не то что отъ однихъ Самоквасовыхъ, ото всей Казани сраму принять... Кого-жъ послать?.. Какъ ты думаешь?

— Развѣ матушку Софію! — чуть слышно проговорила Фленушка.

— Ее не пошлю, — рѣшительно сказала Манеѳа. — Изъ кельи ее устранила, ключи отобрала. Сама знаешь, что не зря таково поступила... Теперь, коли въ чужи люди ее послать, совсѣмъ, значитъ, на смертную злобу ее навесть... Опять же и то, въ непорядки пустилась на старости лѣтъ... Какъ вы на Китежъ ѣздили, такъ накурилась, что водой отливали... Нѣтъ, Софью нельзя: осрамитъ въ чужихъ людяхъ нашу обитель въ конецъ... Языкъ же бритва...

— Такъ инъ Марьюшку? — лукаво кинула словечко свое хитрая Фленушка.

— Въ умѣ-ль ты, Фленушка?.. — съ жаромъ возразила Манеѳа. — Точно не знаешь, что пѣніе Марьей только у насъ и держится?.. Отпусти я ее, такое пойдетъ козлогласованіе, что зажми уши да бѣгомъ изъ часовни... А наша обитель пѣніемъ и уставной службой славится... Нѣтъ, Марью нельзя, и думать о томъ нечего...

— Развѣ Устинью?—какъ бы опять невзначай бросила словечко Фленушка.

— Привыкла я къ ней, Фленушка, невдолгѣ ходитъ за мной, а ужъ такъ я къ ней пріобыкла, такъ пріобыкла, что безъ нея мнѣ оченно будетъ трудно, — понизивъ голосъ, сказала Манеѳа. — За мной-то кому же ходить?.. А Софью опять въ ключи не возьму... Нѣтъ, нѣтъ, ни за какія блага!.. Опротивѣла!.. Не видать бы мнѣ скаредныхъ глазъ ея...

— По-моему, кромѣ Устиньи выбрать некого, — молвила Фленушка.

Промолчала Манеѳа.

— Живала она въ хорошихъ людяхъ, въ Москвѣ, — слово за словомъ роняла Фленушка. — Лучше ея никто изъ нашихъ дѣвицъ купеческихъ порядковъ не знаетъ... За тобой ходить, говоришь, некому — такъ я-то у тебя на что?.. Отъ кого лучше уходъ увидишь?.. Я бы всей душой рада была... Иной разъ чѣмъ бы и не угодила, ты бы своею любовью покрыла.

— Куда тебя!.. Какая ты уходчица? — яснымъ взоромъ глядя на Фленушку, тихо проговорила Манеѳа. — Не сладить тебѣ!.. Въ недѣлю стоскуешься... Стара вѣдь я, опять же болѣзни мои... Нѣтъ, куда ужъ тебѣ справиться!

— За тобой-то ходить стоскуюсь я, матушка? — съ живостью воскликнула Фленушка, и слезы, искреннія слезы послышались въ ея голосѣ. — За что-жъ ты меня таково обижаешь?.. Да я ради тебя не то что спокой, жизнь готова отдать... Ахъ, матушка, матушка!.. Не знаешь ты, что одна только ты завсегда у меня на умѣ, завсегда во всѣхъ моихъ помышленіяхъ... Тебя не станетъ — во гробъ мнѣ ложиться!..

И крупныя слезы выступили изъ горѣвшихъ очей Фленушки, и, порывисто рыдая, припала она пылающимъ лицомъ къ плечу Манеѳы.

— Полно, а ты, Фленушка!.. Полно, моя дорогая!.. — взволнованнымъ до-нельзя голосомъ уговаривала ее сама до слезъ растроганная Манеѳа. — Ну что это тебѣ запало въ головоньку!.. Вѣрю, моя ластушка, вѣрю, голубушка, что любишь меня... А мнѣ-то какъ не любить тебя!.. Охъ, Фленушка, Фленушка!.. Знала бы ты да вѣдала!..

И, спохватившись, что молвила лишнее, сдержаннымъ голосомъ прибавила:

— Какъ бы знала ты, каково мнѣ на твои слезы глядѣть!.. Ни день ни ночь съ ума ты у меня нейдешь!.. Что въ самомъ дѣлѣ съ тобой станется, какъ вживѣ не будетъ меня!..

Сильнѣй и сильнѣй рыдала Фленушка на плечѣ Манеѳы, крѣпче и крѣпче прижимала къ себѣ игуменья ея голову.

— Инъ вотъ какъ сдѣлаемъ, — подумавши немного, ласково и тихо сказала Манеѳа. — Ходи въ самомъ дѣлѣ за мной, а Устинью въ Казань пошлемъ... Она же дурь съ чего-то стала на себя напускать... Покамѣстъ вы Богу молиться ѣздили, дѣвка совсѣмъ обезумѣла, что ни скажешь ей, либо не слышитъ, либо отвѣтитъ неподходящее... Грубить даже стала... Давеча передъ тобой какое слово смѣла сказать!.. Да еще, выходя изъ кельи, дверью хлопнула... Совсѣмъ избаловалась!.. Только ужъ я къ тебѣ, Фленушка, хочешь не хочешь, помощницу приставлю... Одной тебѣ со мной не управиться... Ты же привыкла поздно вставать, а я ранняя птичка, лѣтомъ съ солнышкомъ, зимой со вторыми кочетами встаю.

— Кого же? Марьюшку? — быстро вскинувъ смѣющимися глазами, спросила Фленушка.

— Нѣтъ... Келейничать и клиросомъ править Марью успѣхъ не возьметъ, — сказала Манеѳа. — Попрошу Виринеюшку, отдала бы мнѣ въ келейницы свою Евдокею. Ты въ ключахъ будешь, а она въ кельѣ прибирать да за мной ходить.

— И самое хорошее дѣло, матушка, — улыбаясь не то лукаво, не то весело, молвила Фленушка. — Эка, подумаешь, ка-

кимъ тебя Господь разумомъ-то одарилъ!.. Какая ты по домоводству-то искусная!.. Любую изъ матерей возьми — цѣлу бы недѣлю продумала, какъ бы уладить, а ты, гляди-ка, матушка, только вздумала — и какъ разъ дѣлу свершенье!.. Дивиться надо тебѣ!...

— Такъ вотъ что̀, — слегка улыбнувшись, перебила Манеѳа. — Такъ дѣлу быть: Евдокею ко мнѣ въ келью, Устинью въ дорогу... На другой день праздника мы ее и отправимъ.

— Съ Петромъ Степанычемъ, что ли, пошлешь? — глядя въ окошко, спросила игуменью Фленушка.

— Одну надо будетъ отправить, — отвѣтила Манеѳа. — Дементій до̀ городу довезетъ и тамъ на пароходъ ее посадитъ... А Петру Степанычу отсюдова въ Рыбинскъ надобно... Да и какъ съ нимъ одну дѣвицу послать? Нельзя, осудить могутъ... Хоть ничего не случится, а все-таки слава на обитель пойдетъ... Да вотъ еще что̀, сбери-ка ты всѣ работы, какія у васъ есть наготовѣ: бисерныя, канвовыя, золотошвейныя... Надо Самоквасовымъ выбрать и Панкову, да вотъ еще Марко Данилычъ съ дочкой пріѣдутъ, ихъ тоже надо будетъ дарить... Да покамѣстъ ни Устиньѣ ни другому кому не сказывай, что̀ мы съ тобой говорили... Отведя праздникъ, вдругъ распорядимся — меньше бы разговоровъ было да пересудовъ.

Скромно вышла Фленушка изъ Манеѳиной кельи, степенно прошла по стѣннымъ переходамъ. Но только-что завернула за̀ уголъ, какъ припуститъ что̀ есть мочи и летомъ влетѣла въ свою горницу. Тамъ у окна пригорюнясь сидѣла Марья головщица.

Подперла Фленушка бокъ лѣвой рукой, звонко защелкала пальцами правой и пошла плясать передъ Марьюшкой, весело припѣвая:

Таки-выпросила,
Таки-выпросила!
Ой, ты, любчикъ, голубчикъ ты мой,
Ты сухой ли немазаный мой,
Полюби-ка меня дѣвушку.
Хочешь любишь, хочешь нѣтъ—
Ни копейки денегъ нѣтъ!
Таки-выпросила,
Таки-выпросила!

И, схвативъ Марьюшку за̀ плечи, стала ее тормошить что̀ есть мочи.

— Устюшку въ Казань! — вскрикнула она. — Не будетъ помѣхи!.. Состряпаемъ свадьбу уходомъ!..

— Взбѣленилась, что-ль, ты, бѣшеная?.. — сказала головщица. — Услышать вѣдь могутъ!

— А пусть ихъ слышатъ! Наплевать! — крикнула Фленушка.

И, подсѣвъ къ Марьюшкѣ, стала шептать ей на ухо:

— Нашихъ-то кстати сюда принесло... Я ихъ за бока... Завтра-жъ пусть ѣдутъ къ попу уговариваться... Намъ съ тобой въ скиту вѣкъ свѣковать — такъ хоть на чужую свадебку полюбуемся!.. Аль не свѣнчать ли заодно и тебя съ черномазымъ саратовцемъ?

— Полно городить-то!—съ кислой улыбкой молвила Марьюшка и отвернулась къ окну.

— А ты полно губу-то кверху драть!.. Слушай да ни гугу — слова не вырони... — говорила Фленушка. — Устинью на другой день праздника въ Казань... Васенька въ Шарпанъ не поѣдетъ — велимъ захворать ему, Параша тоже дома останется... Только матушка со двора, мы ихъ къ попу... Пируй, Маруха!..

Загуляемъ, закуримъ,
Запируемъ, закутимъ!

— Задастъ вамъ пиры Патапъ-отъ Максимычъ! — ворчала Марьюшка. — У него запляшете!

— А плевать мнѣ на твоего Патапа!.. — вскрикнула Фленушка, и страстной отвагой заискрились глаза ея. — Хоть голову съ плечъ, только-бъ себя потѣшить!.. Что̀ въ самомъ дѣлѣ?.. Живешь тутъ живешь, киснешь, что̀ опара въ квашнѣ... Удали мѣста нѣтъ!.. Разгуляться не надъ чѣмъ!.. Самой счастья ввѣкъ не достанется, на чужое хочу поглядѣть!.. Эхъ, Марьюшка, Марьюшка, не кровь въ тебѣ ходитъ, сыворотка!..

— А матушка-то что̀ скажетъ? — холодно промолвила головщица. — Вѣдь Параша-то племянница ей, поближе насъ съ тобой.

— Поближе!.. Да, поближе!.. — задумалась Фленушка. — Точно!.. Огорчитъ эту матушку!..

И замолкла Фленушка... Сѣла у стола и, оперпшись на него локтемъ, склонила голову.

— То-то, Флена Васильевна, — молвила Марьюшка. — Скора-то ты скора, ровно блоха скачешь, а тутъ и язычокъ прикусила... Подумай-ка, что̀ будетъ тогда, какъ матушка про твои проказы провѣдаетъ... А?

— А ничего! — съ мѣста вскочивъ, залихватски вскрикнула Фленушка. — Зачѣмъ ей знать?.. Не мы въ отвѣтѣ!.. Не мы къ попу поѣдемъ, не мы и въ церковь повеземъ!.. А сегодня вечеркомъ туда!.. Знаешь?.. Наши придутъ...

Раздались въ стѣнѣ три удара молоткомъ.

— Матушка! — вскликнула Фленушка и стремглавъ кинулась изъ горницы.

Глава шестая.

Когда Фленушка вошла въ игуменьину келью, Манеөа сидѣла съ письмомъ въ рукахъ. Другое распечатанное лежало на столѣ.

— На̀-ка, Фленушка, садись да читай, голубка, — сказала Манеөа, подавая ей письмо. — Отъ Таифушки изъ Питера. Да пишетъ ровно бисеромъ нижетъ, мнѣ не по глазамъ.

Взяла письмо Фленушка.

— Осмушниковъ Семенъ Иванычъ изъ городу прислалъ, — продолжала Манеөа. — Романушка къ празднику за виномъ туда ѣздилъ, такъ съ нимъ Семенъ-отъ Иванычъ нарочно ко мнѣ прислалъ... Письмо страховое... Таифушка особо писала Семену Иванычу, чтобъ то письмо сколь возможно скорѣе съ вѣрнымъ человѣкомъ до меня дослать. Полагаю, что письмо не пустячное... Таифушка зря ничего не дѣлаетъ... Читай-ка...

Фленушка стала читать:

«Господи Іусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь. Радостей райскихъ и преблаженныя жизни въ горнихъ искательницѣ, святопочившихъ, славныхъ и добропобѣдныхъ...»

— Прекрати, — молвила Манеөа. — Покинь похвалы... Съ дѣла начинай.

Фленушка долго искала конца «похваламъ», произнося иныя вполголоса:

«Опасной хранительницѣ... ангельскихъ силъ... незыблемому адаманту... пречестной матушкѣ...»

Манеөа слегка хмурилась, но ничѣмъ другимъ не изъявила нетерпѣнья, что̀ сильно овладѣло ею... Не въ обычаѣ выражать его хоть бы и самому близкому человѣку...

А Фленушка все ищетъ конца «похваламъ»... Насилу въ самомъ концѣ первой страницы добралась до дѣла.

«И пріѣхавши въ царствующій и первопрестольный градъ Москву, не доѣзжая заставы пристала я, матушка, у извѣстнаго вамъ христолюбца Сергѣя Митрофаныча, а отъ него нимало не медля отправилась на Рогожское и у матушки Пульхеріи удостоилась быть... Зѣло вамъ, матушка, она кланяется и весьма совѣтуетъ принять владимірскаго архіепископа. А онъ ужъ и поставленъ отъ митрополита. Былъ прежде казначеемъ на Преображенскомъ Андрей Ларивонычъ, по прозванію Шутовъ, ленточнаго цеха цеховой, а нынѣ Божьею милостью архіепископъ Антоній владимірскій и всея Россіи...»

— На Преображенскомъ!.. Безпоповецъ!.. — сумрачно промолвила Манеөа и потомъ, едва замѣтно усмѣхнувшись, про-

цѣдила сквозь зубы: — «Всея Россіи»... Ровно святѣйшій патріархъ!.. Охъ, затѣйщики московскіе!..

Замѣтивъ, что Фленушка пріостановилась, Манефа сухо ей молвила: — Вычитывай дальше, вычитывай!..

Фленушка продолжала:

«А была я, матушка, у пречестнаго отца Іоанна Матвѣевича и онъ скорбенъ сый и кончинѣ близяся таковое-жъ заповѣдалъ: пріяти власть духовную преосвященнаго архіепископа Антонія...»

— Преосвященнаго! — чуть слышно промолвила Манефа. — Дальше читай, — громко сказала она.

«И по всѣмъ хорошимъ и богатымъ домамъ его весьма похваляютъ и всей Москвѣ то архипастырство пріятно. А насчетъ нашей святыни, что̀ ты мнѣ препоручила, всю ее въ Москвѣ до безмятежныхъ временъ на храненіе предала: строгановскихъ писемъ иконы да книгъ: филаретовскій «Требникъ», «Маргаритъ» острожскій, «Апостолъ» московскій первопечатный»...

— Читай, кому отдала. Перечень послѣ прочтешь, — сказала Манефа.

«Петру Спиридонычу, — прокинувъ нѣсколько строкъ, продолжала Фленушка: — а кресты съ мощами, Одигитрію, остальныя книги печатныя и харатейныя, пятнадцать счетомъ, Гусевымъ. И говорили они, что почли бы за великое Божье благословеніе, если-бъ изъ Шарпана на гонительное время къ нимъ Казанску Владычицу прислали, пуще бы зѣницы стали беречь ее и жизни-бъ скорѣе лишились, чѣмъ на такое многоцѣнное сокровище еретическому глазу на единъ мигъ дали взглянуть. А еще увѣдомляю васъ, матушка, что по всей Москвѣ древлеправославные христіане весьма прискорбны остаются при находящихъ на жительство наше напастѣхъ и весьма опасны разоренія старинныхъ нашихъ святыхъ мѣстъ... А пріѣхавши въ Питеръ, прямо къ Дмитріеву каретнику пришла. Живетъ отъ машины неподалеку, и въ тотъ же день вмѣстѣ съ нимъ къ Дрябинымъ ѣздила, а вчерашній день, въ пятницу сирѣчь, къ Громовымъ на дачу ѣздила... И свѣдала я отъ нихъ, матушка, для нашего жительства вѣсти неполезныя — вышло строгое приказанье всѣ наши обители порѣшить безпремѣнно. И теперь въ нашу пользу никто ничего сказать не можетъ, ни за какіе милліоны. Василій Ѳедулычъ Громовъ такъ и сказалъ: «Если-бъ, говоритъ, таковыхъ, какъ я, пятьдесятъ тысячъ человѣкъ всѣ свои имѣнія отдали, чтобъ тому дѣлу воспрепятствовать, и то бы, говоритъ, ничего не подѣлали». А указъ, сказывали, вышелъ такой же, какъ по Ир-

гизу былъ: всѣхъ по ревизіи къ скитамъ неприписанныхъ выслать по ихнимъ мѣстамъ и оттоль не выпускать никуда до скончанья ихъ вѣку... Часовни и моленныя велѣно нарушить, а хозяйства отнюдь не нарушать. Значитъ, и кельи и все имущество, какое въ нихъ — вольны будемъ взять съ собой, кому куда слѣдуетъ по закону. Потому и думаю я, матушка, что не довлѣетъ намъ зѣло сокрушаться: наше при насъ же останется... Засимъ припадая къ честнымъ стопамъ вашимъ и прося святыхъ молитвъ предъ Господомъ...»

— Конецъ, что ли? — спросила Манеѳа.

— Конецъ, — отвѣтила Фленушка.

— Прекрати, — сказала Манеѳа. Быстро встала съ мѣста, выпрямила станъ и, закинувъ назадъ руки, начала ходить взадъ и впередъ по кельѣ.

— Возьми бумаги, — сказала Фленушкѣ.

Та вышла и воротилась съ бумагой. Стала Манеѳа ей сказывать, что̀ писать.

Къ Таифѣ писано, чтобъ въ Петербургѣ не засиживалась, кончала бы дѣла скорѣе и ѣхала домой, чтобъ быть въ обители, когда указъ будетъ объявленъ. «Сама знаю, — писала Фленушка со словъ Манеѳы: — что отъ выгонки хозяйству нималой разстройки не будетъ, потому больше, что единъ отъ благодѣтелей пожаловалъ тысячу двѣсти цѣлковыхъ на покупку въ городѣ четырехъ дворовыхъ мѣстъ. По мимошедшей недѣлѣ Полуехтъ Семенычъ мѣста совсѣмъ приторговалъ, и я дёнъ черезъ десять поѣду въ городъ купчія крѣпости совершать. А если позволено будетъ строенье перевезти въ городъ, то за перевозку и плотникамъ за работу тотъ же благодѣтель заплатить обѣщался. Стало, большого убытку намъ не будетъ, пространной жизни только лишимся: часовенной службы не станетъ, и канонницъ нельзя будетъ по городамъ разсылать... Дѣлать нечего... келейно Господу помолимся, убытку отъ того не будетъ, а еще свѣчей да ладану изойдетъ меньше, а въ канонницы для разсылокъ можно будетъ свѣжихъ набрать, которы въ спискѣ не значатся; тѣмъ вольный ходъ, куда хочешь... Выгонка та меня нимало не смущаетъ, одно только жаль — съ мѣстомъ разставаться... Сколько годовъ на немъ жили: и горести и радости видѣли, къ каждой травонькѣ привыкли, думали тутъ и жизнь скончать... Сама посуди, мать Таифа, каково мнѣ будетъ, когда придется отсель уѣзжать?.. При моемъ-то хиломъ здоровьѣ, при моихъ-то недугахъ!.. Бога ради, матушка, все покидай, пріѣзжай только скорѣе. Немало у насъ въ обители и вѣрныхъ людей и надежныхъ, да умныхъ маловато, а домовитыхъ да по хозяйству искусныхъ опричь

тебя кого назвать?.. Въ столь прискорбное время безъ тебя какъ безъ рукъ буду!.. Ради Господа и Пресвятой Владычицы Богородицы пріѣзжай поскорѣе... А у Громовыхъ да у Дрябиныхъ покучься хорошенько, пособили бы намъ ради выгонки, а мы вѣчныя ихъ богомолицы...»

Подъ вечеръ, только-что солнышко спряталось за окраину лѣса, что чернѣетъ по закрою неба вкругъ Комарова, только-что поляны возлѣ перелѣсковъ бѣлыми волнами вечерняго тумана подернулись, Фленушка съ Марьюшкой, осторожно выйдя за околицу и сторожко озираясь во всѣ стороны, тихо спустились въ Каменный Вражекъ. Тамъ ужъ сидѣли казанецъ съ саратовцемъ.

— Что?.. Соловушковъ слушать?.. — весело молвила Фленушка, и беззаботно-веселый смѣхъ ея звонко раздался по Вражку.—Опоздали, молодцы, смолкли соловушки, Петровъ день на дворѣ... Послушать пѣсенокъ хотите, слушайте, какъ лягушки квакаютъ... Чу!.. какъ дергачъ трещитъ...

— Дѣвичьи рѣчи слаще птичьяго щебета! Веселѣй соловьинаго пѣнья голосокъ ненаглядной красотки! — съ улыбкой промолвилъ молодой Самоквасовъ, идя навстрѣчу къ ней.

— Наскажешь турусъ на колесахъ!.. Только послушай тебя!..— съ небрежной улыбкой отвѣтила Фленушка.

— Вѣрное слово! — вскликнулъ на то Самоквасовъ, ровнымъ, медленнымъ шагомъ отходя съ Фленушкой къ ближнему перелѣску.

— Такъ я и повѣрила! — отворачиваясь отъ него, съ лукавой улыбкой молвила Фленушка. — И думать-то, чай, про меня позабылъ!

— Что ты? Что ты, Фленушка?.. Какое ты слово сказала!.. Ножомъ ровно рѣзнула!.. Хороша встрѣча послѣ цѣлаго года, неча сказать!..—непритворно волнуясь, говорилъ Самоквасовъ.

— Нечего Лазаря-то пѣть!.. — перебила его Фленушка. — Какъ есть настоящій казанскій сирота!.. Нѣтъ, другъ любезный, меня не разжалобишь!.. Насквозь вижу безстыжую твою душу! Всѣ твои мысли у меня на ладони!.. Отчего долго не ѣхалъ?.. Зачѣмъ вѣстей не присылалъ?

— Дѣла такія подошли, — отвѣчалъ Петръ Степанычъ. — Только-что вскрылась Волга — въ Астрахань дядя послалъ; воротился, дѣдушка померъ.

— Напередъ, безпутный, знаю всѣ твои отговорки, — промолвила Фленушка.

Подъ эти слова вошли они въ перелѣсокъ. Тамъ укрылись въ молодомъ частомъ ельникѣ да въ кудрявыхъ кустахъ мож-

жевеловыхъ. Остановилась Фленушка, вспыхнули очи, заискрились, заревомъ покрылись щеки, и улыбка въ лицѣ просіяла. Закинувъ слегка голову, широко распахнула руками и тихо промолвила:

— Здравствуй теперь!

Ринулся молодецъ на высокую грудь... И долго и горячо сжимали они другъ друга въ объятьяхъ... Долгій поцѣлуй ровно спаялъ распаленныя страстью уста.

Сѣли на лужокъ межъ кустами. Самоквасовъ держалъ Фленушку за руку. Оба молчали.

— А гдѣ-жъ колечко-то? — спросилъ онъ, оглядывая Фленушкины пальцы.

— Въ сундукѣ, — равнодушно она отвѣчала.

— На то развѣ дарено, чтобъ въ сундукѣ ему лежать? — укорилъ ее Самоквасовъ.

— Ай-ай, парень! — ото всей души расхохоталась Фленушка. — Немного-жъ у тебя подъ шапкой мозгу-то... Да!.. Гдѣ-жъ это видано, гдѣ это слыхано, чтобъ скитски дѣвицы перстни да кольцы на пальцахъ носили?..

— А для че не носить? — возразилъ Петръ Степанычъ. — Чаще бы взглядывала, чаще-бъ дружка вспоминала.

— Ловокъ ты, парень! — задушевнымъ смѣхомъ хохотала Фленушка. — Забылъ, что мы Христовы невѣсты?.. Какъ же твое подаренье мнѣ на руку вздѣть?.. Проходу не будетъ... Матушку тѣмъ огорчу.

— Эка важность! — усмѣхнулся Петръ Степанычъ.

— Нѣтъ, братъ, шалишь! — немного брови нахмуря, молвила Фленушка. — Семеро будь такихъ — и тогда изъ-за васъ не вздумаю огорчать свою матушку.

— А много-ль насъ у тебя? — громко смѣясь, спросилъ Самоквасовъ. — Ну-ка, скажи, не утай.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — закинувъ голову и прищуривъ насмѣшливо глаза, отвѣтила Фленушка.

— Ну, скажи по правдѣ... Чего тутъ?.. Да скажи же!.. — приставалъ Самоквасовъ.

— Сто, — отрѣзала Фленушка.

— Что̀ больно много?

— Что̀ за много? У вашего брата и больше бываетъ, — смѣялась Фленушка.

— Такъ мы мужчины, — сказалъ ей Петръ Степанычъ.

— А мы дѣвки! — усмѣхнулась Фленушка, смѣло глядя въ глаза Самоквасову.

— Ну ужъ дѣвка!.. Зелье ты, а не дѣвка!.. — проговорилъ онъ, страстно глядя на Фленушку.

— Какова уродилась!..—охорашиваясь, молвила Фленушка.— Вся передъ тобой, какая есть... Гляди!..

Молча любовался молодой купчикъ на миловидную Фленушку и, обвивъ ея станъ рукою, сказалъ:

— Да рѣши-жъ наконецъ, золотая!.. Зачѣмъ томишь меня?.. Который годъ?..

— Чего еще вздумалъ? — спросила, усмѣхаясь, Фленушка.

— Слушай, — продолжалъ Самоквасовъ. — Дѣдушка померъ. Капиталъ былъ на его имя... Теперь конецъ... Хочетъ не хочетъ дядя, дѣлись... Мнѣ половина.

— Мнѣ-то зачѣмъ ты это расписываешь?.. — спросила Фленушка. — Мнѣ-то какое дѣло? Не я съ твоимъ дядей стану дѣлить тебя.

— Ровно не знаетъ, про что говорю! — съ досадой промолвилъ Самоквасовъ. — Третій годъ прошу и молю я тебя: выходи за меня... Ну, прежде, конечно, дѣдушка живъ, изъ дядиныхъ рукъ я смотрѣлъ... Теперь шабашъ, самъ себѣ голова, самъ себѣ вольный казакъ!.. Что захочу, то и дѣлаю!..

— И я что хочу, то и дѣлаю, — весело усмѣхнувшись, отвѣтила Фленушка.

— За чѣмъ же дѣло стало?.. повѣнчаемся! — подхватилъ Самоквасовъ.

— Сто дѣдовъ помри у тебя, будь ты не то что вольный казакъ, будь ты принцемъ какимъ, царемъ, королемъ, и тогда за тебя не пойду, — сказала Фленушка. — Не видать тебѣ, Петръ Степанычъ, меня, какъ ушей своихъ.

— Отчего-жъ такъ? — взволнованнымъ голосомъ спросилъ Самоквасовъ.

— Да такъ вотъ, не хочу да и полно, — сказала Фленушка.

— Дѣломъ говори. Чего отлынивать-то?.. Честью прошу...— говорилъ Петръ Степанычъ

— Изъ скитовъ замужъ честью не ходятъ, — сказала Фленушка. — Дѣвичникъ-отъ намъ у матушки въ кельѣ, что ли, справлять? А горной пиръ *) въ келарнѣ?.. Образумься, Петръ Степанычъ... Получивши наслѣдство, никакъ ты совсѣмъ ошалѣлъ.

— Мы бы уходомъ!.. — промолвилъ Самоквасовъ.

— Не огорчу тѣмъ матушку. Это въ гробъ уложитъ ее, — сказала Фленушка и встала съ луговины.

— Не надивлюсь я тебѣ, Фленушка, не пойму тебя,—поднимаясь за ней, сказалъ Самоквасовъ.—Ну, а какъ матушка-то

*) Обѣдъ у молодыхъ послѣ свадьбы.

помретъ?.. Тогда что?.. А она вѣдь не долгая на землѣ жилица... Тогда что будетъ съ тобой?.. Тогда куда дѣнешься?

— Отстань!.. Не досаждай! — воскликнула Фленушка. — И безъ тебя тошнехонько!..

Затуманилось чело ея, заискрились очи, и порывистое тяжелое дыханье стало вздымать высокую грудь.

— Повѣнчавшись, при мѣстѣ была бы, — продолжалъ Самоквасовъ. — Никто бы тебя не обидѣлъ, у всѣхъ бы въ почетѣ была... А безъ матушки заѣдятъ тебя въ обители, выгонятъ, въ одной рубашкѣ пустятъ... Я ужъ слышалъ кой-что... Мутить только не хочу... Опять же вездѣ говорятъ, что вашимъ скитамъ скоро конецъ...

— Замолчишь ли, непутный?.. — вскрикнула Фленушка, и въ голосѣ ея задрожали слезы отчаянья.

— Подумай хорошенько!.. — послѣ немалаго молчанья сказалъ Самоквасовъ. — Теперь не прежнее время, «голопятымъ тысячникомъ» теперь меня не назовешь, теперь мы сами съ капиталомъ.

— Обсчитаетъ тебя дядя-то, — небрежно кинула слово Фленушка.

— Извѣстно, обсчитаетъ!..—спокойно, съ увѣренностью отвѣтилъ Самоквасовъ. — Какъ же не обсчитать? До всякаго доведись!.. Только какъ онъ, собачій сынъ, тамъ ни обсчитывай, а меньше ста тысячъ цѣлковыхъ на мою долю выдать ему не придется...

— Полно-ка ты, Петруша, — молвила Фленушка. — Широко не шагай, высоко не заглядывай!.. Дастъ дядя тысчонки двѣ-три, съ тѣмъ и отъѣдешь.

— Нѣтъ, братъ, шалишь!.. — вскликнулъ Самоквасовъ.— Сами съ усами, на кривой теперь меня не объѣдешь!.. Имѣнья-то и капиталу послѣ дѣдушки больше чѣмъ на четыреста тысячъ цѣлковыхъ... Если дядя замѣсто половины четверть только отдастъ, вотъ ужъ тебѣ и сто тысячъ... А меньше мириться мнѣ никакъ не слѣдуетъ... А не захочетъ дядя миромъ покончить со мной, судъ на то есть... Мнѣ и долги и торговыя книги извѣстны, могу усчитать... Охъ! да я бы и меньше съ дяди-то взялъ, только-бъ ты, Фленушка, пошла за меня!.. Слушай! — прибавилъ онъ рѣшительно: — не пойдешь за меня— сопьюсь, обопьюсь, подъ заборомъ, какъ собака, околѣю.

— Полно молоть-то... — небрежно отозвалась Фленушка. — Выдумаетъ же вѣдь!

— Безъ тебя мнѣ не жизнь, одна маята!.. Что-жъ? Рѣшай скорѣй, — схвативъ Фленушку за руку, съ горячимъ порывомъ сказалъ Самоквасовъ.

Вдругъ ровно туманомъ подернулось игривое личико Фленушки. Задумчивые глаза ея грустно остановились на горѣвшемъ страстью лицѣ Самоквасова.

— Эхъ, Пётруша ты, Петруша мой глупенькій!.. — печально вздохнувъ, она молвила. — И меня-то не знаешь и себя не понимаешь... Какой ты мнѣ мужъ!

— А чѣмъ же не мужъ?.. Какого еще тебѣ чорта?.. — возразилъ Самоквасовъ.

— Не мужъ, — грустно сказала Фленушка. — Мужъ долженъ быть голова надъ женой, а тебѣ надо мной головой въ жизнь не бывать..

— Какъ бы не такъ! — засмѣялся Самоквасовъ. — А ну-ка, попробуй — выдь за меня, увидишь, каковъ буду...

— Увидать-то нечего!.. — съ усмѣшкой молвила Фленушка.

— Въ ежовы бы взялъ!.. — продолжалъ шутить Петръ Степанычъ.

— Еще кто бы кого!.. — слегка прищуривъ глазки, молвила Фленушка.

— Говорятъ тебѣ, попробуй, — продолжалъ онъ и крѣпко схватилъ станъ Фленушки.

— Отвяжешься ли? — крикнула она и быстрымъ поворотомъ ловко вывернулась изъ-подъ руки Самоквасова...

— Экъ, чтобъ тебя! — съ досадой онъ воскликнулъ. — Ровно налимъ выскользнула.

— А ты паренекъ недогадливый!.. Не умѣешь водиться съ дѣвицами, — весело и звонко захохотала Фленушка. — У насъ у дѣвокъ обычай такой: сама не захочетъ — ее не замай, рукамъ волю не давай... Такъ-то, другъ сердечный!.. А ты этого, видно, не зналъ?.. А?..

— Да полно тебѣ шутить да бáловаться, — съ досадой сказалъ Самоквасовъ. — Чѣмъ бы дѣло говорить, она съ проказами.

— Ну, такъ и быть, давай про дѣло толковать, — подхватила Фленушка и, опустившись на траву, промолвила: — Сядь-ка рядкомъ, потолкуемъ ладкомъ.

Сѣли. Фленушка въ землю глаза опустила, помолчала немного.

— Долго-ль въ нашихъ мѣстахъ прогостишь? — спросила его.

— Какъ погостится, — отвѣтилъ Самоквасовъ. — Гостины живутъ по привѣту... Сколь меня привѣтишь, столь и прогощу.

— Полторы либо двѣ недѣли можешь прожить?.. — спросила Фленушка.

— Отчего не прожить? Это все въ нашей волѣ, — сказалъ Петръ Степанычъ.

— А саратовецъ? — спросила Фленушка.

— А куда его безъ меня лѣшій потянетъ? — молвилъ Самоквасовъ. — Теперь ему изъ моей воли выйти нельзя. Чтò велю, то и сдѣлаетъ, — сказалъ Самоквасовъ.

— Сказку плетешь, аль правду говоришь?.. — спросила Фленушка.

— Чего врать-то?.. Не изъ чего, — отозвался Самоквасовъ. — Только отдѣлюсь, Сеньку въ приказчики... У насъ ужъ съ нимъ слажено, оттого изъ воли моей теперь онъ выйти и не можетъ...

Помолчали немного.

Съ лукавой улыбкой, слегка прищурясь и зорко глядя на Самоквасова, молвила Фленушка:

— А больно хочется жениться на мнѣ?

— Господи! — привскочилъ даже Петръ Степанычъ. — Да изъ-за чего-жъ я третье-то лѣто бьюсь-колочусь?.. Изъ-за чего столько маяты отъ тебя принимаю?..

И схватилъ-было Фленушку зà руку.

— Постой, погоди, — сказала она, выдергивая руки. — Прежде надо про дѣло толковать... Уходомъ придется свадьбу играть?

— Вѣстимо, уходомъ... Сама же сказала, что изъ скитовъ честью дѣвицы не выходятъ, — отвѣтилъ Самоквасовъ.

— А вѣнчался ли ты когда уходомъ-то? — спросила Фленушка.

— Эка шальная! — весело, во всю мочь захохоталъ Самоквасовъ. — Все-то проказы у ней на умѣ!.. Да чтò я?.. Татаринъ, что ли, какой?.. Съ одной обвѣнчавшись, къ другой сватаюсь?..

— Не про то тебѣ говорятъ, — перебила Фленушка. — Не случалось ли въ дружкахъ на свадьбахъ уходомъ бывать, аль въ поѣзжанахъ?

— Не доводилось, — отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

— Надо попробовать, — молвила Фленушка. — Тутъ вѣдь удальство нужно. А не то и невѣсту у тебя отобьютъ, и бокамъ на придачу достанется...

— Вѣстимо, — согласился Самоквасовъ.

— Передъ тѣмъ, какъ меня изъ обители красть, надо тебѣ поучиться, — сказала Фленушка. — Я бы поглядѣла, сколь въ тебѣ удали есть...

— Да чѣмъ же мнѣ ее показать? Манеѳу что-ль выкрасть да съ городецкимъ попомъ повѣнчать? — громко засмѣялся Самоквасовъ.

— Не смѣй матушку въ шутки мѣшать... — строго, съ досадой молвила Фленушка. — Не смѣй! говорю тебѣ.

— Такъ сама укажи, кого повѣнчать, — подхватилъ Самоквасовъ.—Таисѣю?.. Изволь... Повѣнчаемъ и Таисѣю... Только сыщи жениха!.. Денегъ теперь со мной много, любого попа закуплю... Столько отсыплю, что на родной сестрѣ, кого хочешь, свѣнчаетъ.

— Ладно, — молвила Фленушка, кинувъ на Самоквасова томный взглядъ изъ хитрыхъ прищуренныхъ глазъ.—Изволь, укажу тебѣ парочку.

— Барашка да ярочку?—перебилъ Петръ Степанычъ, подвигаясь поближе къ Фленушкѣ.

— А ты молчи, дѣло говорю,—сказала она, отстраняя отъ себя Самоквасова.—Укажу, кого повѣнчать, погляжу на твою удаль... И если возьмешь удальствомъ, повѣнчаешь ихъ, бери меня тогда, хоть на другой же день бери...

— Вправду?—радостно вскрикнулъ Самоквасовъ.— Вправду говоришь?.. Не обманешь?..

— Зачѣмъ обманывать?.. Что̀ сказано, то свято, — лукаво улыбнувшись, молвила Фленушка.

— Коли такъ... коли такъ... — въ страстномъ порывѣ говорилъ Петръ Степанычъ. — Слушай, Фленушка!.. Да за это не то чтобъ свѣнчать кого, чорта за рога поймаю... Что̀ хошь приказывай, все исполню, чего ни захочешь.

— А ну-ка побожись, — молвила Фленушка.

— Да лопни глаза мои!.. Да сквозь землю мнѣ, въ тартарары провалиться!.. Да чтобъ не взвидѣть мнѣ свѣту Божьяго... — сталъ божиться Самоквасовъ.

— Ну, ладно, хорошо, — сказала Фленушка. — Побожись теперь въ томъ, что никому ни единымъ словомъ не промолвишься, про что стану говорить тебѣ...

— Да изсуши меня Господи до макова зернышка!.. Да чтобъ мнѣ съ мѣста не сойти!..—заклинался Самоквасовъ.

— Ладно, ладно, вѣрю... — прервала его Фленушка. — Слушай теперь... Завтра поѣзжай къ попу Сушилѣ въ Свиблово... Задари его, денегъ не жалѣй, что̀ ни запроситъ, давай... Семену скажи, былъ бы съ тобой заодно...

— Да кого же вѣнчать-то? — спросилъ Самоквасовъ.

— А видѣлъ давеча Василья Борисыча у матушки?.. Изъ Москвы присланъ, — молвила Фленушка.

— Видѣлъ. Ледащій такой, — небрежно сказалъ Самоквасовъ.

— Какой бы тамъ ни былъ, дѣло не твое... — перебила Фленушка. — Его надо свѣнчать... Слышишь?.. И какъ можно скорѣе.

— Пожалуй!.. А съ кѣмъ? — спросилъ Самоквасовъ.

— Дѣвица есть въ обители... — зачала Фленушка. — Хорошая дѣвица, отецкая дочь... Родители богатые, сама-то молодехонька, да, будь промежъ насъ сказано, не больно бойка разумомъ, недальняго ума... Намедни, какъ мы ѣздили къ невидимому Китежу, успѣлъ онъ какъ-то хитростный...

— Кто? — живо перебилъ Самоквасовъ.

— Да все онъ же, Василій Борисычъ, — молвила Фленушка.

— Ахъ, онъ, плюгавый!.. Вотъ громъ-отъ не изъ тучи!.. — весело захохоталъ Самоквасовъ. — Да ничего... ничего... Теперь смекаю... Вѣнцомъ, значитъ, надо покрыть?.. Ничего... Покроемъ... Это мы завсегда можемъ!..

— Слушай же, да покудова смалчивай, — молвила Фленушка. — Та дѣвица — Параша Чапурина.

— Полно ты! — удивился Самоквасовъ. — Экъ какую кралю подцѣпилъ!.. А она-то!.. Водой не замутишь, а поди-ка ты что̀!

— Со всякой грѣхъ можетъ случиться, — скромно опустивъ глаза, молвила Фленушка. — Когда у тебя будетъ все готово, мое дѣло невѣсту собрать... Сдамъ ее тебѣ съ рукъ на̀ руки, додѣлывай самъ... А насчетъ жениха надо быть тебѣ похитрѣе. Блудливъ онъ, что̀ кошка, труслявъ онъ, что̀ заяцъ. Труситъ, Патапъ Максимычъ по-свойски бы съ нимъ не расправился... И сдается мнѣ, что хочетъ онъ отсель лытуна задать*). Такъ ужъ ты съ Семеномъ пригляди его... Завтра въ Свиблово ты одинъ къ попу-то поѣзжай, а Семенъ пусть его караулитъ... Да уговаривалъ бы его вѣнчаться, не то, молъ, Патапъ-отъ Максимычъ съ живого шкуру сдеретъ... Они-жъ съ Семеномъ старые знакомцы — ему-то, можетъ, повѣритъ...

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, Чапуринъ потачки не дастъ, — молвилъ Самоквасовъ.

— Извѣстно, не дастъ, — согласилась Фленушка. — Отъ него не уйдешь... Вы хорошенько жениха-то пугайте, обвѣнчаешься, молъ, невпримѣръ дешевле раздѣлаешься. Ну, молъ, побьетъ тебя маленько Чапуринъ, поколотитъ... Безъ этого ужъ нельзя, а потомъ, молъ, и гнѣвъ на милость положитъ.

— Ладно, — сказалъ Самоквасовъ: — все въ наилучшемъ видѣ съ Сенькой устроимъ. Только хочешь не хочешь, задатокъ давай, — прибавилъ онъ, обнимая Фленушку.

— Какого еще тебѣ задатка? — вырываясь, воскликнула Фленушка.

— Хоть разокъ поцѣлуй хорошенько, — говорилъ Петръ

*) Убѣжать.

Степанычъ, стараясь обнять Фленушку. — Тебя не убудетъ, а мнѣ радости прибудетъ.

— Да отвяжись ты, непутный!.. — съ лукавой усмѣшкой, отталкивая локтемъ Самоквасова, промолвила Фленушка. — Забылъ, какіе дни-то теперь?.. Петровъ постъ еще не кончился.

— Цѣловаться въ уста николи нѣтъ поста, — перебилъ Самоквасовъ и, схвативъ Фленушку, промолвилъ: — Ну, взгляни глазкомъ — сдѣлай съ праздничкомъ!..

— Ну, ладно, ладно, выпусти только... Ой, лѣшій!..— вдругъ она вскрикнула. — Чортъ этакій!.. Щипаться еще выдумалъ!.. Я тя огрѣю!.. Отвяжись, говорятъ!

— Хочешь не хочешь, а цѣловаться надо... Безъ того и къ попу не поѣду, — приставалъ Самоквасовъ.

— Ну постой... Пусти, а ты... Сама поцѣлую, — молвила Фленушка.

И, когда онъ выпустилъ изъ объятій Фленушку, она взяла его руками за уши и, слегка притянувъ къ себѣ, холодно поцѣловала.

— Не такъ, не такъ, — во всю мочь гаркнулъ Самоквасовъ и схватилъ Фленушку за голову и изо всей силы прижалъ ея губы къ своимъ.

— Да отвяжись!.. Лѣшій ты этакій!.. Ай!.. — на весь перелѣсокъ кричала Фленушка, но крики ея заглушились нескончаемыми поцѣлуями Самоквасова.

Глава седьмая.

Не стучитъ, не гремитъ, не копытомъ говоритъ, безмолвно, беззвучно по синему небу стрѣлой каленой несется олень златорогій *)... Безъ огня онъ горитъ, безъ крыльевъ летитъ, на какую тварь ни взглянетъ, тварь возрадуется... Тотъ олень златорогій — око и образъ свѣтлаго бога Ярилы — красное солнце.

Бѣжитъ олень, летитъ златорогій, серебрянымъ копытомъ хочетъ въ воду ступить. И станетъ отъ того вода студена, и пойдетъ солнце на зиму, а лѣто на жары.

Шумитъ въ лѣсахъ, трещитъ въ кустахъ, бренчитъ по травѣ-муравѣ звонкокопытный олень. Солнечнымъ лучомъ, что ременнымъ бичомъ, гонитъ его свѣтоносный Ярило изъ темнаго бору на свѣтлую поляну ради людского моляну **)... Брать

*) Златорогій олень, какъ олицетвореніе солнца, нерѣдко встрѣчается въ старинныхъ пѣсняхъ, сказкахъ и преданьяхъ русскаго Сѣвера.

**) Общественное моленье (языческое), принесеніе въ жертву живот-

его руками, колоть его ножами и на братчинѣ на Петровщинѣ людямъ ѣсть благодарно молёный кусъ*).

Затѣмъ летитъ по небу олень златорогій, затѣмъ хочетъ серебрянымъ копытомъ воду студить, что насталъ день прощанья свѣтлаго бога Ярилы съ Матерью Сырой Землей и со всѣми земнородными чадами ихъ... Каждыя сутки тотъ олень по небесной тропѣ съ востока на западъ бѣжитъ, но только два раза въ году онъ играетъ... Въ тѣ дни восходящее солнце то покажется изъ-за края небеснаго, то опять за нимъ спрячется, то вздынетъ кверху, то книзу опустится, то заблещетъ цвѣтами алыми, бѣлыми, лазоревыми, то возсіяетъ во всей славѣ своей такъ, что никакому глазу глядѣть на него невозможно. Дважды въ году такъ солнце играетъ: въ день прихода Ярилы, на Пасхѣ, да въ день отхода его, на Петровъ день**).

Затѣмъ изъ темнаго бора гонитъ Ярило лѣсного оленя, было бы людямъ чѣмъ справить день разставанья свѣтлаго бога съ землей, день отхода его на немалое время въ область мрака и стужи. Ѣсть того оленя людямъ на молянѣ, поминать отходящаго бога на пиру, на братчинѣ на Петровщинѣ***).

А съ восточной стороны, съ моря океана, съ острова Буяна, со того ли со камня со Алатыря, тихими стопами, земли не касаясь, идетъ-выступаетъ Петръ-Золотые-Ключи... Тѣми ключами небесныя двери онъ отмыкаетъ, тѣми дверями угодныхъ людей въ него пущаетъ. Идетъ Петръ-Павелъ°), въ одной рукѣ ключи золотые, въ другой трава «Петровъ крестъ», что̀ гонитъ нечистую силу въ тартарары.

Петровъ день наступаетъ: лѣтняя братчина, братчина-Петровщина. По сельщинѣ-деревенщинѣ пиръ горой.

Наканунѣ Петрова дня по селамъ возня, по деревнямъ суетня. Конецъ Петровкѣ-голодовкѣ — молёнаго барашка въ лобъ°°)!.. Давай бабы творогу, сметаны, простокваши, топленаго молока!.. Стары люди за вѣрное сказываютъ, что прежде

наго, съѣдаемаго молельщиками. Это старорусское слово перешло и къ Мордвѣ.

*) Жертвенное мясо. Теперь моленымъ (иногда «пѣтымъ») кусомъ зовутъ снѣди, освящаемыя въ церкви: куличи, сыръ и пр.

**) Народное повѣрье.

***) Есть повѣрье, что въ лѣта стародавнія ежегодно на Петровъ день выходилъ изъ лѣсу олень и самъ давался въ руки людямъ на разговѣнье. Объ этомъ намекъ въ Житіи Макарія Желтоводскаго (XV столѣтія). Братчина, иначе ссыпчина — праздникъ на общій счетъ.

°) Петръ-Золотые-Ключи — олицетвореніе солнца, какъ Илья пророкъ — грома и т. п. Петръ-Павелъ — соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ, такъ же, какъ Кузьма-Демьянъ, Флоръ-Лаверъ и пр.

°°) Петровъ постъ зовется голоднымъ, потому что ни овощи ни грибы еще не поспѣли, а хлѣбъ на исходѣ. Говорятъ: «Петровка голодовка, Спа-

Петровокъ и въ заводяхъ не было: вы, бабы, скопи-домокъ, тотъ постъ у Господа вымолили; вы, бабы, жалобились: безъ лѣтняго-де поста ни масла ни другого молочнаго запасти нельзя, все-де молоко мужики съ ребятишками выхлебаютъ... Ну вотъ по вашему умоленью и мы держимъ постъ — давай же на разговѣнье все напасенное!.. Жарь, пеки да вари, пойдетъ у насъ пиръ на весь Божій міръ!.. Постъ провалилъ, до зеленаго покосу напразднуемся... Не жалѣй на брагу хлѣба, солоду — зажелтѣли поля, колосья клонятся, новаго богатья *) недолго ждать!..

Таковъ на Петровъ день бабамъ дается приказъ отъ отцовъ да отъ свекровъ, и наканунѣ праздника зачинается вкругъ печей возня-суетня. Дѣла по горло, а иной хозяюшкѣ вдвое того: есть зять молодой — готовь ему теща петровскій сыръ, есть дѣтки богоданныя — пеки тобо̀лки **), неси ихъ крестникамъ на разговѣнье, отплачивай за пряники, что̀ приносили тебѣ на поклонъ въ прощено воскресенье вечеромъ ***).

У молодежи наканунѣ Петрова дня свои хлопоты: послѣдняя «хмелевая ночка» подходитъ, завтра надо Кострому ****) хоронить... Еще пройдетъ день, лѣта макушка придетъ, начнется страда, лѣтнимъ гулянкамъ конецъ... Вечеромъ, только закатится солнце и сумракъ начнетъ по землѣ разстилаться, дѣвушки съ молодицами, звонко пѣсни играя, выходятъ гурьбой за околицу, каждая охапку соломы тащитъ. Выбравъ

совка лакомка» (Спасовка — Успенскій постъ). Общее великорусское повѣрье, что Петровъ постъ бабы у Бога выпросили для скопа масла. «Моленый» или «обреченный» баранъ обыкновенно назначается на Петровскую братчину. Петровскихъ барановъ брали помѣщики съ крестьянъ, берутъ попы съ прихожанъ.

*) Новый хлѣбъ.

**) Прѣсные пироги съ творогомъ.

***) Обычаи на сѣверѣ, а отчасти и въ средней Россіи.

****) Чучело Ярилы изъ соломы. Въ Малороссіи оно зовется «Кострубонькой». Ее хоронятъ въ Казанской губерніи — наканунѣ Троицына дня; около Владиміра и Суздаля, а также въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ — въ Троицынъ или въ Духовъ дни; въ Ярославской и въ западной части Костромской губерніи- въ воскресенье Всѣхъ Святыхъ, а мѣстами въ Петровъ день; въ Тверской губерніи — въ первое воскресенье Петрова поста; въ другихъ мѣстахъ Великой Россіи, особенно въ степныхъ, а также въ Малороссіи — 24-го іюня; въ восточной части Костромской губерніи, мѣстами въ Нижегородскомъ Заволжьѣ и въ Вятской губерніи — въ Петровъ день. Похоронами Ярилы или Костромы кончаются лѣтніе хороводы и гулянья, за ними наступаетъ «страда» (усиленныя полевыя работы на покосѣ, на жнитвѣ, молотьбѣ и т. д.). Съ іюля (1-го іюля — «лѣта макушка») всѣ увеселенія прекращаются до осеннихъ «капустокъ» (въ концѣ сентября). Мѣстами въ Ильинъ день, въ дожинки (конецъ жатвы), въ Семеньдень (1-го сентября) бываютъ хороводы, но небольшіе, и водятъ ихъ неподолгу.

укромное мѣсто, раскладываютъ костры и при свѣтѣ ихъ вяжутъ Кострому изъ соломы... Одѣвши ее въ нарядный сарафанъ недавно вышедшей замужъ молодицы и убравши цвѣтами, молча, безъ шутокъ, безъ смѣха, кладутъ на̀ доску возлѣ воды... Тутъ молодцы приходятъ, начинаются пѣсни, хороводы. Всю ночь напролетъ молодежь веселится, а когда зачнетъ утрення заря разгораться, приходятъ на игрище люди пожилые, даже старики: посмотрѣть-поглядѣть, какъ солнышко красное станетъ играть.

Тухнутъ костры на̀ землѣ, гаснутъ звѣзды на̀ небѣ... Блѣднѣютъ на сводѣ небесномъ ночные покровы, свѣтлѣй и свѣтлѣй на восточномъ краю небосклона. Рой мелкихъ перистыхъ облаковъ усыпалъ поднебесье, лучи невидимаго еще солнца зажгли ихъ разноцвѣтными огнями. Съ каждой минутой ярче и ярче горятъ облака, блещутъ золотомъ, сверкаютъ пу̀рпуромъ, переливаются алыми волнами... Разлились свѣтлые потоки по всему небесному раздолью... Окропляется свѣжей росой, изумрудами блещетъ трава муравая, алмазами сверкаютъ капли росы на листьяхъ древесныхъ. Раскрываютъ цвѣты лепестки свои, и въ утренней прохладѣ со всѣхъ сторонъ льются благовонные воздушные токи... Близко, близко небесный олень златорогій.

Ведутъ хороводъ и звонкою пѣснью зовутъ небесное свѣтило:

Не стучитъ, не гремитъ,
Не копытомъ говоритъ, —
Каленой стрѣлой летитъ
Молодой олень!
Ты Дунай ли, мой Дунай!
Донъ Ивановичъ Дунай!
Молодой олень!

* * *

У оленя-то копыта
Серебряныя,
У оленя-то рога
Красна золота!
Ты Дунай ли, мой Дунай!
Донъ Ивановичъ Дунай!
Молодой олень!

* * *

Ты олень ли, мой олень,
Ты Алешенька!
Ты куда-куда бѣжишь,
Куда путь держишь?
Ты Дунай ли, мой Дунай!
Донъ Ивановичъ Дунай!
Молодой олень!

* * *

Я бѣгу ли побѣгу
Ко студеной ко водѣ,
Мнѣ копытцомъ ступить,
Ключеву воду студить!
Ты Дунай ли, мой Дунай!
Донъ Ивановичъ Дунай!
Молодой олень!

И, кончивъ пѣсню, рѣзво бѣгутъ на пригорки.

Съ непокрытыми головами, опершись на посохи, тамъ ужъ стоятъ старики. Умильно склонивъ головы на правыя руки, рядомъ съ ними старушки. Глазъ не сводятъ сѣдые съ восточнаго края небесъ, набожно ждутъ того часа, какъ солнышко въ небѣ станетъ играть...

Густыми толпами стариковъ молодежь обступила. Все тихо, безмолвно. Только и слышны сердечные вздохи старушекъ да шелестъ листвы древесной, слегка колыхаемой свѣжимъ зоревымъ *) вѣтеркомъ... Раскаленнымъ золотомъ сверкнулъ край солнца, и радостный крикъ громко по всполью раздался.

Солнце взыграло, грянула громкая пѣсня:

Ой Дидъ Ладо!.. на курганѣ
Соловей гнѣздо свиваетъ,
А иволга развиваетъ!..
Хоть ты вей, хотя не вей, соловей —
Не бывать твоему гнѣзду совитому,
Не бывать твоимъ дѣткамъ вывожатымъ **),
Не летать твоимъ дѣткамъ по дубравѣ,
Не клевать твоимъ дѣткамъ бѣлотурой пшеницы!
Ой Дидъ Ладо! пшеницы!..

Поднялось солнце въ полдерева, всѣ пошли по домамъ съ ночного гулянья. Впереди толпа ребятишекъ какъ въ барабаны колотитъ въ лукошки, и громкое ихъ грохотанье далеко разносится въ тиши ранняго утра. За ними дѣвушки съ молодицами несутъ на доскѣ Кострому. Мужчины за ними поодаль идутъ. Подобье умершаго Ярилы медленно проносятъ по деревнѣ подъ звуки тихой заунывной пѣсни. То «первыя похороны».

Тамъ, гдѣ братчина, обѣдаютъ тотчасъ послѣ ранней обѣдни. Щи съ бараниной, ватрушки, бараній бокъ съ кашей — обычныя яства на петровскомъ обѣдѣ. Пообѣдавши, мужчины старые и молодые спѣшатъ на братчину на Петровщину. На деревенскомъ выгонѣ ставятъ столы и раскладываютъ на

*) Тихій вѣтеръ, обыкновенно бывающій на утренней зарѣ. О немъ говорятъ: «зорька потянула».
**) Выведеннымъ.

нихъ жареную баранину, ватрушки и пироги съ бараньимъ сердцемъ *), ставятъ жбаны съ пивомъ, сваренным на складчину, да вино зелено, покупное на общія деньги. На братчинѣ только свои. «На пиры на братчины незваны пити не ѣздятъ»,— сказано лѣтъ за пятьсотъ и побольше. Начинаютъ съ вина, пьютъ безъ шапокъ, чинно, степенно. Каждый наперёдъ перекрестится и такую молитву молвитъ вполголоса:

— Батюшка Петръ-Павелъ! Заткни въ небѣ дыру, замкни тучи-оболоки, не лей дождемъ!.. Подай, Господи, зеленый покосъ убрать по-добру по-здорову!

Подъ конецъ пированья, когда пьяное веселье всѣхъ разберетъ, — затренкаютъ балалайки, запищатъ гармоники, волынки загудятъ... Иной разъ Сергачъ приведетъ лѣсного боярина Михайлу Иваныча Топтыгина, съ козой, съ барабаномъ **), и пойдетъ у братчиковъ шумная потѣха надъ звѣремъ. Коли много вина, напоятъ косолапаго допьяна. А ужъ если очень развеселятся, становятся стѣна на стѣну и заводятъ потѣшный кулачный бой.

Таково веселье на братчинахъ спокон вѣку водилось... «Какъ всѣ на пиру напивалися, какъ всѣ на пиру наѣдалися, и всѣ на пиру пьяны-веселы, всѣ на пиру порасхвастаются: который хвастаетъ добрымъ конемъ, который хвастаетъ золотой казной, разумный хвалится отцомъ съ матерью, а безумный похвастаетъ молодой женой... А и будетъ день ко вечеру, отъ малаго до стараго начинаютъ робята боротися, а въ иномъ кругу на кулачки битися... Отъ тоя борьбы отъ ребячія, отъ того боя отъ кулачнаго начинается драка великая» ***).

Межъ тѣмъ дѣвицы да молодицы передъ солнечнымъ закатомъ съ громкими пѣснями изъ деревни въ чистое поле несутъ Кострому... Молодые парни неженатые, заслышавъ тѣ пѣсни, покидаютъ братчину, идутъ слѣдомъ за красными дѣвицами, за чужемужними молодицами.

Кладутъ Кострому на доскѣ на прежнемъ мѣстѣ, становятся вкругъ нея хороводомъ и печальными пѣснями отпѣваютъ Ярилу:

Померъ, нашъ батюшка, померъ!
Померъ, родимый нашъ, померъ!

---

*) Разумѣется, не одно сердце, но легкія, печенка, почки, мозги, языки, губы и уши.

**) Сергачскіе крестьяне водятъ по деревнямъ ученыхъ медвѣдей, при нихъ неразлучна «коза» (мальчикъ-подростокъ въ длинномъ холщевомъ балахонѣ, который онъ держитъ на палкѣ, вверху балахона сдѣланы изъ дерева козьи челюсти и рога). Другой подростокъ, а иногда и самъ «поводырь» во время пляски медвѣдя бьетъ въ барабанъ, то-есть въ лукошко.

***) Былина о Васькѣ Буслаевѣ.

Клали его во гробочекъ,
Зарывали его во песочекъ!
„Встань, батюшка, встань!
Встань, родимый, вздынься!"
Нѣтъ ни привѣту, нѣтъ ни отвѣту —
Лежитъ во гробочкѣ,
Во желто̀мъ песочкѣ.
Померъ, нашъ батюшка, померъ!
Померъ, родимый нашъ, померъ!

* * *

Приходили къ батюшкѣ четыре старушки,
Приносили батюшкѣ четыре ватрушки:
„Встань, батюшка, встань!
Встань, родимый, вздынься!"
Нѣтъ ни привѣту, нѣтъ ни отвѣту —
Лежитъ во гробочкѣ,
Во желто̀мъ песочкѣ.
Померъ, нашъ батюшка, померъ!
Померъ, родимый нашъ, померъ!

* * *

Приходили къ батюшкѣ четыре молодки,
Приносили къ батюшкѣ четыре сочовки *):
„Встань, батюшка, встань!
Встань, родимый, вздынься!"
Нѣтъ ни привѣту, нѣтъ ни отвѣту —
Лежитъ во гробочкѣ,
Во желто̀мъ песочкѣ.
Померъ, нашъ батюшка, померъ!
Померъ, родимый нашъ, померъ!

* * *

Приходили къ батюшкѣ четыре дѣвчонки,
Приносили батюшкѣ четыре печенки:
„Встань, батюшка, встань!
Встань, родимый, вздынься!
Ждемъ твово привѣту, ждемъ твово отвѣту,
Встань изъ гробочка,
Вздынься изъ песочка!"
Ожилъ, нашъ батюшка, ожилъ,
Вздынулся, родимый нашъ, всталъ!

И другія пѣсни поются надъ соломенной Костромой...

Съ тоскливымъ плачемъ, съ горькими причитаньями, съ барабаннымъ грохотомъ въ лукошки, со звономъ печныхъ заслонокъ и сковородъ, несутъ Кострому къ рѣчкѣ, раздѣваютъ и, растрепавъ солому, пускаютъ на̀ воду. Пока вода не унесетъ все до послѣдней соломинки, молодежь стоитъ у берега, и долго слышится унылая пѣсня:

Померъ, нашъ батюшка, померъ!
Померъ, родимый нашъ, померъ!..

*) Прѣсная на маслѣ лепешка съ кашей, съ творогомъ или со сметаной.

А потомъ начинаются хороводы и веселыя игры. Въ «селезня» играютъ, въ «воробушка», въ «оленюшку», въ «заиньку», «просо сѣютъ», «макъ растятъ», «ленъ засѣваютъ» — и все съ пѣснями... Здѣсь бренчитъ балалайка, тамъ заливается пастушій рожокъ, дальше гудятъ гудки и гармоники. Бойкіе молодцы пляшутъ въ кругу хороводномъ, пляшутъ рядами, пляшутъ одни за другими, вертятся, кружатся иль молодыми ногами частую дробь выбиваютъ. Удалью пышутъ ихъ загорѣлыя лица. Красныя дѣвицы, дружно сплетяся руками, неспѣшно ведутъ хороводъ, весело въ ладъ припѣвая. Матери, тетки и всѣ пожилыя одаль стоятъ, весело смотрятъ на дѣтокъ, любуясь стройными играми ихъ, юность свою вспоминая.

Клонится къ западу солнце, лучъ за лучомъ погашая. Алое тонкое облако подъ нимъ разостлалось. Шире и шире оно разстилается, тонетъ въ немъ солнце, и сумракъ на небо восходитъ, черным покровомъ лѣсъ и поля одѣвая... Ночь, послѣдняя ночь хмелевая!

Матери, тетки ушли, увели съ собой ребятишекъ, отцы и мужья пиво да брагу кончаютъ, съ грустью, съ печалью на сердцѣ всѣхъ позднѣй съ поля ушли молодицы, нельзя до утра имъ гулять, надобно пьянаго мужа встрѣчать... Осталась одна молодежь.

До солнечнаго всхода она веселится. Ясно горятъ звѣзды въ глубокомъ темно-синемъ небѣ, блѣднымъ свѣтомъ тихо мерцаетъ «Моисеева дорога» *). По краямъ небосклона то и дѣло играютъ зарницы, кричатъ во ржи горластые перепела, трещитъ дергачъ у рѣчки, и въ послѣдній разъ уныло кукуетъ рябая кукушка. Пришла лѣта макушка, вѣщуньѣ больше не куковать... Сошла весна со неба, красно лѣто на небо вступаетъ, хочетъ жарами землю облить.

Ни конца ни краю играмъ и пѣснямъ... А въ ракитовыхъ кустикахъ въ укромныхъ перелѣскахъ тихій шопотъ, страстный, млѣющій лепетъ, отрывистый смѣхъ, робкое моленье, замирающіе голоса и звучные поцѣлуи... Послѣдняя ночь хмелевая!.. Въ послѣдній разъ свѣтлый Ярило простираетъ свою серебристую ризу, въ послѣдній разъ осѣняетъ онъ игривую молодежь золотыми колосьями и алыми цвѣтами мака: «Кошуйтеся **), дѣтки, въ ладу да въ миру, а кто полюбитъ кого, люби до вѣку, не откидывайся!..» Таково прощальное слово Ярилы...

Встало солнце надъ лѣсомъ, облило лучами землю подне-

*) Млечный путь.

**) Живите въ любви и согласіи.

бесную... Конецъ веснѣ, дошла до людей страда-сухота... Не разгибать людямъ спины вплоть до поздней глубокой осени...

Теперь на Кѐрженцѣ не помнятъ Ярилы, не хоронятъ Костромы, забыли про братчины. Скитская обрядность все до конца извела.

Скитникамъ, келейницамъ всего труднѣй было справиться съ братчинами. Не слушались ихъ увѣщаній мужики деревенскіе... Какъ смѣть дѣдовскій обычай преставлять! Какъ отказаться отъ молѐнаго куса, отъ браги сычёной, отъ мірского похмельнаго пива! Испоконъ вѣку, изъ рода въ родъ ведутся тѣ братчины, дѣды, прадѣды ихъ заповѣдали, завѣтное слово ихъ крѣпко... На пиру, на братчинѣ не только пьютъ да гуляютъ, не только пѣсни играютъ да бьются въ кулачки, здѣсь міръ рядитъ, братчина судитъ; чтò тутъ положено, тому такъ и быть. На мірское рѣшенье, чтò сказано на братчинѣ, нѣтъ суда. Міръ да братчину одинъ Богъ судитъ.

Хитры были, догадливы келейныя матери. Въ тѣ самые дни, какъ народъ справлялъ братчины, онѣ завели по обителямъ годовые праздники. Послѣ торжественной службы стали угощать званыхъ и незваныхъ, гости охотно сходились праздновать на даровщину. То же пиво, то же вино, та же брага сыченая, тѣ же варушки, пироги и сочовки, и все даровое. Моленаго барашка нѣтъ, зато рыбы ѣшь не хочу. А рыба такая, что сѣрому люду не всегда удастся и поглядѣть на такую... Годы за годами — братчинъ по Кѐрженцу не стало.

Когда зачиналась обитель Манеоина, тамъ на изводъ братчины-Петровщины на Петровъ день годовой праздникъ уставили. Съ той поры каждый годъ на тотъ день много сходилось въ обитель званыхъ гостей и незваныхъ богомольцевъ. Не одни старообрядцы на томъ праздникѣ бывали, много приходило и церковниковъ. Матери не спрашивали, кто да откуда, а — садись да кушай. И любъ показался тотъ обычай деревенскому люду...

На обительскихъ праздникахъ не хвастали гости по-старинному, не хвалились ни добрымъ конемъ, ни казной золотой, ни отцомъ съ матерью, ни женой молодой, не заводили кулачныхъ боевъ, не слушали гудцовъ-скомороховъ. Матери за трàпезой читали имъ отъ писанія и кляли-проклинали мірскія потѣхи, чтò отъ Бога отводятъ, къ бѣсамъ же на пагубу приводятъ. Не судила не рядила за скитскою трàпезой братчина — свой судъ матери сказывали: «кто Бога боится, тотъ въ церковь не ходитъ, съ попами съ дьяками хлѣбъ-соли не водитъ...» И тѣ суды-поученья, сладкимъ кусомъ да пьянымъ

пойломъ приправленныя, немало людей отъ церквей отлучали. И за то бывалъ гнѣвъ отъ властей на скиты и обители.

Наканунѣ Петрова дня въ Манеѳиной часовнѣ и великое повечеріе и правильные каноны справлены были чинно, уставно, торжественно. На своемъ игуменскомъ мѣстѣ, въ длинной соборной мантіи, съ деревяннымъ посохомъ въ рукѣ, ровно каменная, недвижимо стояла Манеѳа и въ положенное время твердымъ голосомъ творила возгласы. Впереди стройными рядами стояли матери, за ними бѣлицы, позади прихожіе богомольцы — мужчины отъ женскаго пола особо. Самъ Василій Борисычъ въ ряду богомольцевъ сталъ, нельзя было ему на клиросъ къ дѣвицамъ пройти — посторонняго народу много, соблазну бы не было, уставъ не дозволяетъ того. Рядомъ съ московскимъ посломъ Петръ Семенычъ стоялъ. Съ утра по приказу Самоквасова ни на шагъ не отступалъ онъ отъ стариннаго друга-пріятеля, не отступалъ отъ него и въ то время, когда онъ, по просьбѣ Манеѳы, въ келарнѣ съ бѣлицами демествомъ распѣвалъ.

Допѣвали «воззвàхи *). Руководимые искусной головщицей. звучные голоса «пѣвчей стаи» стройно носились въ высокой часовнѣ. Съ умиленьемъ, въ строгомъ молчаньи предстоявшіе слушали сладкогласное пѣніе — вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ... Либо исправникъ, либо становой, другому некому быть. Никто изъ самыхъ важныхъ гостей не въѣдетъ на обительскій дворъ съ колокольцами во время часовенной службы. Бѣлицы и матери стали тревожно переглядываться, но ни одна двинуться съ мѣста не смѣла. Манеѳа стояла невозмутимо, будто ничего не слыхала... Кой-кто изъ стоявшихъ у дверей богомольцевъ вышли изъ часовни посмотрѣть, кто пріѣхалъ.

Немного спустя, съ важностью въ походкѣ и взорѣ, вошелъ удѣльный голова Михайла Васильичъ Скорняковъ въ жалованномъ кафтанѣ съ золотыми галунами. На полшага отступя слѣдомъ за нимъ шла головиха Арина Васильевна. На Нефедовъ день Михайлѣ Васильичу вдвойнѣ посчастливилось: за ночь столько перепеловъ наловилъ, что сроду не помнилъ такой удачи, и только-что успѣлъ отдохнуть послѣ безсонной ночи, отъ управляющаго нарочный на дворъ. Привезъ изъ конторы бумагу, надпись на ней: «самонужнѣйшее». Сталъ читать, въ глазахъ зарябило, екнуло сердце: самъ управляющій пишетъ: часу немедля спѣшно бы ѣхалъ онъ въ городъ, а

*) Церковныя пѣсни (на вечернѣ), начинающіяся словами псалма: «Господи, воззвахъ Тебѣ».

зачѣмъ—ни полслова... Неспокойно поѣхалъ Михайла Васильичъ, и туда и сюда кидая умомъ, что̀ за «оказія» вышла!.. Не добраго чаялъ... Слышалъ онъ стороной, что писарь Карпушка Морковкинъ доносъ послалъ на него, вѣрно, позвали по этому дѣлу. Арина Васильевна, только-что мужъ со двора, на молитву... Пятнадцать каѳизмъ прочитала, акафистовъ два, на утро постъ на себя наложила — макова зернышка въ ротъ не брала, весь почти день промолилась. Карпъ Алексѣичъ Морковкинъ, сидя въ приказѣ, съ радости рюмка за рюмкой кизлярку тянулъ и кой-кому изъ крестьянъ похвалялся: «Шабашъ Скорняковъ!.. Знаю, зачѣмъ его вызвали — съ мѣста долой!»... Такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ доноса. Дня черезъ два воротился Михайла Васильичъ въ жалованномъ кафтанѣ съ бумагой: ѣхать Морковкину въ другой удѣльный приказъ, верстъ слишкомъ за двѣсти, и тамъ не писаремъ, а только помощникомъ писаря быть. Никто еще не видалъ Скорнякова въ новомъ кафтанѣ, показаться честному народу въ почетной одёжѣ больно хотѣлось ему... И вотъ вспомянулъ онъ, что у Патапа Максимыча на сорочинахъ Манеѳа на праздникъ звала, тотчасъ срядился, даромъ что тенетникъ леталъ и мошки надъ рожью толклись, обильный уловъ перепеловъ обѣщая. А съ колокольчикомъ выѣхалъ... какъ же иначе? Развѣ онъ не начальство, развѣ не на стоечныхъ *) лошадяхъ въ Комаровъ онъ пріѣхалъ?

Прихожіе богомольцы передъ нимъ на двѣ стороны разступились. Прошелъ Михайла Васильичъ въ самый передъ. Принявъ поданный ему бѣлицей подручникъ, чинно сотворилъ семипоклонный началъ и низко всѣмъ поклонился, съ важностью глядя на бывшихъ въ часовнѣ. А глаза такъ и говорятъ: «Глядите, православные, въ каку одёжу я вырядился!.. Царское жалованье!..»

И всѣ на него смотрѣли съ почтеньемъ, всѣ мысленно радовались: «вотъ-де и нашихъ царь награждаетъ!». Одна Манеѳа не взглянула на кафтанъ съ галунами. Но когда послѣ службы Михайла Васильичъ съ хозяйкой посѣтилъ ея келью, словъ не нашла игуменья, благодаря столь почетнаго гостя за нежданное посѣщенье. На сорочинахъ звала его ради одной прилики, зная напередъ, что голова не пріѣдетъ... И не пріѣхалъ бы, если-бъ не захотѣлось ему показаться людямъ въ жалованномъ кафтанѣ.

Сидѣли за чаемъ, когда Смолокуровъ съ дочкой пріѣхалъ.

---

*) Нанимаемыя сельскими обществами для разъѣздовъ полицейскихъ чиновниковъ и волостныхъ властей.

Съ великимъ почетомъ встрѣтила ихъ мать Манеѳа. Не успѣла высказать всѣхъ благодарностей, новые гости на дворъ: Натапъ Максимычъ съ Аксиньей Захаровной, Иванъ Григорьичъ съ Груней, гости желанные, притомъ не навѣрное жданные. Радошна была Манеѳа, видя такое собранье почетныхъ гостей. Натапъ Максимычъ знаменитую повариху куму Дарью Никитичну съ собою привезъ. Тотчасъ вступила она въ управленье келарней. Мать Виринея охотно, безъ всякой досады, ей подчинилась, и на новый ладъ пошла, закипѣла стряпня.

А по маломъ времени раскормленные, жирные кони легкой рысцой стали подвозить въ Комаровъ уемистыя повозки, нагруженныя пуховиками и подушками, на нихъ возлежали тучныя матери и дебелыя дѣвицы-келейницы. Двадцать четыре однѣхъ игуменій съѣхалось, пять старцевъ изъ мужскихъ обителей, соборнымъ матерямъ и бѣлицамъ не было счету. По всему Кѐрженцу, по всѣмъ скитамъ нѣтъ обители обширнѣй Манеѳиной, нѣтъ просторнѣе келій ея, но и въ нихъ не могли помѣститься всѣ наѣхавшіе Петру - Павлу попраздновать. По другимъ обителямъ иные пристали, пристали и въ сиротскихъ домахъ. Прямо къ Манеѳѣ въѣзжали лишь тѣ, что̀ были почетнѣй да знакомѣе ей.

Первою пріѣхала маленькая, сухощавая, но бодрая старушка мать Августа, Ша̀рпанскаго скита игуменья. Хоть на богомольѣ у отца Софонтія, говоря съ Фленушкой, и отказалась она пріѣхать, но Манеѳа письмами умолила ее непремѣнно пожаловать на праздникъ. Изъ молодыхъ не было съ ней никого. Строгая ша̀рпанская игуменья по многимъ опытамъ знала, что нигдѣ лютый бѣсъ такъ хитро не раскидываетъ сѣтей ради грѣховнаго людей уловленья, нигдѣ такъ сильно не искушаетъ келейныхъ бѣлицъ и молодыхъ инокинь, какъ на великихъ собраньяхъ. Бороня отъ грѣха младое стадо свое, никогда не брала она дѣвицъ на праздники и другія скитскія сборища. Не было въ шарпанской повозкѣ ни мягкихъ перинъ ни пуховыхъ подушекъ, да и повозка-то была старая, неприглядная. Старенька была и одежда на игуменьѣ, нищей казалась она. И было то не отъ скудости, но ради смиренія. Всѣ знали, что въ Ша̀рпанѣ достатки хорошіе, но изстари ведется обычай одёжей не краситься, трапезой не славиться, отнюдь не вести пространнаго житія. И такому смиренію всюду должную честь воздавали... Славна была мать Манеѳа, надо всѣми игуменьями высилась, но, лишь только возвѣстили ей о пріѣздѣ Августы, тотчасъ изъ кельи вонъ и, сойдя съ крыльца, своими руками помогла старицѣ выйти изъ повозки. А на ступеняхъ крыльца и въ сѣняхъ чинно рядами стояли Манеѳины старицы и бѣ-

лицы, въ глубокомъ молчаньи Августѣ низкіе поклоны отдавая. Узнавъ, что у Манеѳы мірскіе гости, не восхотѣла шарпанская игуменья идти къ нимъ, прямо прошла въ приготовленную для нея свѣтлицу и, отказавшись отъ угощенья, заперлась и на келейное правило стала.

Слѣдомъ за Августой изъ Оленева пріѣхала мать Маргарита, Анфисиной обители игуменья. Славна была не только по лѣсамъ Керженскимъ, Чернораменскимъ, но по всему христіанству древляго благочестія. Знали умную, учительную мать Маргариту по всему Поволжью отъ Романова до Иргиза, чтима была старица въ слободахъ Стародубскихъ, на Дону, на Кубани, на Терекѣ, высоко было имя ея въ Москвѣ на Рогожскомъ, въ Питерѣ въ Королёвской часовнѣ *). Будучи сама купеческаго рода, умѣла Маргарита съ купцами и чиновными людьми знакомство вести, знала, какъ занятную для нихъ бесѣду вести. Домовитость ея и учительность также всюду были извѣстны, и слава Анфисиной игуменьи немногимъ умалена была супротивъ славы Манеѳы. Осанистая, смуглая, худощавая мать Маргарита степенно, но величаво вошла въ келью. За ней двѣ бѣлицы. Одна статная, стройная, ровно молодое деревцо, довольствомъ, здоровьемъ сіяетъ лицо, добромъ и весельемъ искрятся очи, съ виду холодная, будто безстрастная, пылкое сердце, горячую кровь носитъ въ себѣ. Съ малиновымъ шелковымъ платочкомъ на головѣ, въ пышныхъ батистовыхъ рукавахъ, въ широкомъ кисейномъ, испещренномъ мелкими яркими цвѣточками передникѣ, царицей вступила она. То была Маргаритина любимица, вскормлённица ея, Анна Сергѣевна. Несмысленнымъ младенцемъ взяла ее мать Маргарита у дальняго сродника, прежде богатаго, потомъ до сумы разореннаго торговымъ несчастьемъ. Любовалась и гордилась воспитанницей мать Маргарита, жизни не чаяла въ ней, отъ себя на шагъ ее не пускала... Другую бѣлицу — Грушенькой звали — ту для услугъ взяла съ собой Маргарита. Приспѣшницей въ келарнѣ служила, и Василій Борисычъ, когда гостилъ у Анфисиныхъ, любилъ въ келарню ходить, когда чернобровая Груша блины тамъ пекла.

Съ Маргаритой пріѣхала изъ Оленева другая игуменья, мать Фелицата. Ростомъ мала, дородствомъ взяла, ровно копна въ человѣчью кожу зашита. Тучны келейницы на Керженцѣ, но другой Фелицаты и тамъ не бывало. Въ широкую повозку рядомъ съ нею едва бокомъ усѣсться могла сухая, какъ вобла,

*) Поповщинская часовня, находившаяся въ Петербургѣ, на Разъѣзжей улицѣ, въ домѣ купца Королева. Уничтожена около 1840 года.

костлявая, какъ тарань *), рябая бѣлица Марина, чтò при ней ходила въ ключахъ. Двухъ старицъ въ особой кибиткѣ везла за собой Фелицата: маленькую юркую мать Ѳелониду, суетливую живую старушку съ необычной памятью. Чуть не все старообрядское писаніе знала она наизусть, и въ случаѣ спора стоило ей только книгу взять въ руки, тотчасъ гдѣ надо раскроетъ, тотчасъ укажетъ перстомъ на спорное мѣсто. Другая старица мать Севастьяна была, черный волосъ, звонкій голосъ, густыя брови чтò медвѣди надъ глазами лежатъ, а глаза-то косые, смотрятъ въ кучку, а глядятъ врозь. Умомъ и рѣчью изворотливой славилась, въ спорахъ отъ писаній сильна: рѣдкій начетчикъ супротивъ Севастьяны могъ устоять. Любила Фелицата поспорить и въ спорѣ верхъ одержать, но въ отвѣтахъ была не скора, оттого и брала съ собой книжныхъ матерей, было бы кѣмъ поддержать себя на соборѣ.

Улàнгерская мать Юдиѳа пріѣхала, трехъ бѣлицъ съ собой привезла: нѣжную красавицу Домну, голосистую чернобровку Варю, веселую быстроногую Дуню. Не въ собраньи сидѣть, не про скитскія дѣла совѣтовать, къ Фленушкѣ въ гости на праздникъ дѣвицы пріѣхали, очень звала она ихъ, когда у Юдиѳы гостила. Ради собора много матерей Юдиѳа съ собой привезла изъ бѣдныхъ улàнгерскихъ обителей. Девяносталѣтнюю мать Клеопатру Ерахтурку **)—пять разъ была подъ судомъ, пять разъ въ острогѣ сидѣла, пять разъ подписку давала не совращать никого отъ церкви въ расколъ и несчетно разъ ее нарушала. На увѣщаньяхъ въ консисторіи разъ двадцать бывала, но Никоновымъ новшествамъ не покорилась, твердо въ древлемъ благочестіи пребывая. Узами, темницами болѣзненно искушалась: скорби, нужды, страданья радостно претерпѣла, вѣчнаго царства въ горнемъ Іерусалимѣ взыскуя. Всѣ чтили добропобѣдную старицу, всячески ее ублажали. Не книжна, не словесна была Клеопатра, но на скитскихъ соборахъ первосѣдѣніе ей предоставляли. Мать Ѳеозву изъ Минодориной обители Юдиѳа съ собой привезла: острая разумомъ, свѣдуща въ царскихъ законахъ была, не токмо въ тѣхъ, чтò въ Кормчей печатаны, но и въ нынѣшнихъ всеобдержныхъ. Дѣло какое случится въ судахъ, по землямъ аль по какимъ-нибудь тяжбамъ, мѣдной полушки приказнымъ никогда не давала, сама

---

*) Вобла или обла — рыба *Cyprinus grislagine,* тарань — *Cyprinus rimba.* Ихъ вялятъ съ просоломъ на солнцѣ и продаютъ въ огромныхъ количествахъ по самой дешевой цѣнѣ. Вяленая вобла распространена по Поволжью, тарань — по Дону, Азовскому и Черноморскому прибрежьямъ.

**) Родомъ изъ села Ерахтура, Рязанской губерніи, Касимовскаго уѣзда. Въ немъ много старообрядцевъ поповщинскаго согласія.

все писала, и не бывало ни разу, чтобъ она по суду своего не получала. Въ сенатъ даже просьбы писывала, самъ уѣздный судья ей говорилъ: «Тебѣ бы, мать Ѳеозва, не въ скиту богомольничать, въ судѣ-бъ за зерцаломъ сидѣть!». Юдиѳа привезла дворянскаго рода старца Іосифа и его крѣпостного игумна Галактіона. Іосифу ради такого случая нову камилавку съ кафтыремъ справили, новую рясу пошили. Чухломской дворянинъ тѣмъ очень доволенъ остался. Изъ Чернушинскаго скита мать Павлина съ сестрами о Христѣ пріѣхала. Не книжная была, но разсудливая, споры и вражду умиряла, къ согласному житію всѣхъ приводила, оттого и слыла миротворицей.

Изъ малыхъ скитовъ старицы съ бѣлицами тоже наѣхали: изъ Быстрёны, изъ Ворошилова, изъ Прудовскаго, Ѳедосѣевскаго, изъ Кошелева, изъ Митюшенскаго, изъ Малиновскаго, Одинцовскаго, Крутовражскаго и Гордеевскаго.

Не всѣ пріѣзжали прямо къ Манеѳѣ, только избранныя да много знакомыя. Во всѣхъ Комаровскихъ обителяхъ, во всѣхъ сиротскихъ домахъ пристало гостей видимо-невидимо.

Съ вечера изъ ближнихъ и дальнихъ деревень христолюбцы на праздникъ сошлись. Держали опочивъ вкругъ часовни на широкомъ дворѣ обительскомъ... Ложе — трава муравая, одѣяло — темная ночь, браный пологъ — звѣздистое небо.

Глава восьмая.

Стономъ стоятъ голоса на широкомъ дворѣ Манеѳиной обители. Собралось на праздникъ народу многое множество. Часы отошли. Съ пѣніемъ обоихъ клиросовъ шествуетъ изъ часовни Манеѳа въ соборной мантіи. Медленно она выступаетъ, за нею черный строй матерей, однѣхъ игуменій двадцать четыре, старицъ до сотни. Идутъ изъ часовни въ келарню. За ними бѣлицы, потомъ званые на трапезу почетные гости. Всѣхъ гостей не можетъ келарня вмѣстить, иныя старицы и почти всѣ бѣлицы, кромѣ пѣвчихъ, по кельямъ разошлись, тамъ тоже столы приготовлены были. Фленушка съ гостьями прошла въ свои горницы. Съ нею Параша Чапурина, Дуня Смолокурова, Анна Сергѣвна съ Грушенькой оленевскія, Домнушка, Дуняша, Варя улангерскія. Аграфена Петровна, молодая жена Ивана Григорьича, съ ними-жъ пошла. Смерть хотѣлось попасть въ ихъ бесѣду Василью Борисычу, но съ ними идти было ему никакъ невозможно — московскому послу за трапезой почетнымъ гостемъ сидѣть, не съ красотками бесѣдовать, нужныя рѣчи съ игуменьями да старицами

вести. Никого изъ мужчинъ во Фленушкиныхъ горницахъ не было, сидѣлъ-трапезовалъ одинъ кругъ дѣвичій, замужняя одна замѣшалась: богоданная дочка Патапа Максимыча, Аграфена Петровна.

Отъ часовни до келарни по обѣимъ сторонамъ дорожки, что̀ во многіе годы протоптана стопами богомольныхъ и трапезолюбивыхъ келейницъ, по зеленой травѣ-муравѣ ставлены были козлы, а на нихъ кладены тесины, крытыя холстами и уставленныя жбанами съ квасомъ и пивомъ, великими укрухами ржаного и пшеничнаго хлѣба и деревянными кружка̀ми *). На каждомъ кружкѣ по куску пирога, у каждаго кружка по прихожему богомольцу стоитъ. Мужики и бабы, парни и дѣвки, подростки-ребятишки ждутъ не дождутся конца службы и начала угощенья. Все деревенскіе... Межъ ними одинъ только старецъ въ старой запыленной одёжѣ, въ нахлобученной на самыя брови камилавкѣ. Не пошелъ онъ въ келарню, какъ сказалъ, смиренія ради. То бродячій старецъ Варсонофій, что̀ встрѣтился Василью Борисычу ночью на Китежѣ.

Только прошелъ ходъ матерей и почетныхъ гостей, пришлые христолюбцы съ шумомъ и гамомъ садились вдоль столовъ на ска̀мьи. Конюхъ Дементій съ трудниками разносили деревянные стаканчики, а христолюбцы, широко̀ осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, пили изъ нихъ зелено̀ вино во славу Божію, а сдобными пирогами съ рыбной начинкой закусывали. Потомъ трудники, подъ надзоромъ пяти матерей, ставили на столы одну перемѣну кушаній за другою, потчевали гостей брагой сыченой, пивомъ похмельнымъ. И усердные богомольцы все до̀чиста поѣли, потребили весь залежалый въ Манеѳиныхъ погребахъ рыбный запасъ и много за то благодарствовали... Пьянѣй всѣхъ Варсонофій былъ: ради иноческаго чина ни одинъ изъ трудниковъ не отказалъ ему въ лишнемъ стаканѣ. Оттого «перехожій» честно̀й отецъ послѣ тра̀пезы не пошелъ съ матерями о скитскихъ дѣлахъ соборовать, выпросился у Дементья на сѣнницу и тамъ завалился спать-почивать послѣ дѣла похмельнаго.

Чинна̀ и стройна̀ была тра̀пеза, въ келарнѣ уготованная. Почетный столъ въ переднемъ краю стоялъ. Съ правой стороны Манеѳы сѣли игуменьи, жена головы и Аксинья Захаровна, съ лѣвой Василій Борисычъ, старецъ Іосифъ, крѣпостной игуменъ его Галактіонъ, другіе старцы, за ними Смолокуровъ, Патапъ Максимычъ, удѣльный голова, кумъ Иванъ Григорьичъ, Самоквасовъ, саратовскій приказчикъ, купцы изъ

---

*) Деревянная тарелка, на которой крошатъ говядину или рыбу.

ближняго городка и какой-то пароходчикъ съ Городецкой пристани. За другими столами старицы съ бѣлицами по степенямъ чинно сидѣли. Марья головщица съ «пѣвчею стаею» пропѣла тропарь первоверховнымъ апостоламъ, затѣмъ надо было «прощу» говорить. За столомъ старцы были, при нихъ по скитскому обычаю женѣ ни прощи ни иного начальнаго дѣла творити не подобало. Въ часовнѣ за часами Манеѳа Галактіону предложила «за молитвы» возглашать, дневное евангеліе читать и отпусты говорить, а въ келарнѣ барину того игумна, отцу Іосифу, предоставила прощу творить... И доволенъ же былъ чухломской дворянинъ возданною ему честью; заслезились старыя очи его отъ избытка чувствъ... Ударила Манеѳа въ кандію, Марьюшка, стоя за налоемъ, начала чтеніе «похвалы апостоламъ», а Виринея распорядилась ставкою на столы кушанья. И всѣ ѣли и всѣ пили благодушествуя, въ великомъ смиреніи и въ строгомъ молчаніи.

И никто не сидѣлъ такъ степенно, никто не держалъ себя такъ чинно истово, ни на чьемъ лицѣ не было видно такого смиренія, какъ у Василья Борисыча: очи долу, главою поникши, самъ недвижимъ и безстрастенъ... А у самого на умѣ: «Дѣвицы-красавицы стаею лебединою пируютъ у Фленушки, льются рѣчи звонкія, шутками да смѣхами рѣчь переливается, горятъ щечки дѣвушекъ, блестятъ очи ясныя, высокія груди что̀ волны тихо и мѣрно колышутся...» И сколь было-бъ ему радостно въ бесѣдѣ дѣвичьей, столь же скучно, нѐвесело было сидѣть въ трапезѣ обительской!

На почетный столъ становили кушанья, что̀ искусной рукой Дарья Никитична сготовила, на другіе столы становили яства попроще, стряпни Виринеиной. На почетный столъ подавали дорогія вина заморскія, на другіе столы квасы ставленные, брагу сыченую, пиво мартовское домашняго варева. Патапъ Максимычъ, зная, что будутъ на праздникѣ Смолокуровъ, удѣльный голова и кумъ Иванъ Григорьичъ, захватилъ съ собой по дорогѣ не одну дюжину шампанскаго, но мать Манеѳа отказала ему наотрѣзъ потчевать тѣмъ виномъ гостей на тра̀пезѣ. «Отобѣдавши, въ кельѣ что̀ хошь твори, а на тра̀пезѣ людей не блазни, — сказала она. — Того не повелось, чтобъ эту заморску кипучку въ обителяхъ пить». Патапъ Максимычъ спорить не сталъ, потому что тутъ же вспало ему на умъ устроить вечеромъ пирушку въ опустѣломъ домикѣ Марьи Гавриловны, гдѣ присталъ онъ съ кумомъ Иваномъ Григорьичемъ да съ удѣльнымъ головой... «Ладно, хорошо,— сказалъ онъ сестрѣ: — только соснемъ послѣ обѣда, то̀тчасъ за дѣло примемся. У тебя пойдетъ соборъ, а у насъ содомъ.

Ужину сготовь хорошую, чаю, рому, закусокъ подай, чтобъ все было въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ. Да посуды побольше— поравно бить зачнемъ!»

Кончилась трапеза, чинно пошли изъ келарни. Едва показалась на крыльцѣ мать Манеѳа, пришлые богомольцы стали ей кланяться, и далеко разносились сотни голосовъ, благодарившихъ гостепріимную игуменью и желавшихъ ей со всей обителью добраго здравія и вѣчнаго спасенія. Остановившись на верхней ступени, едва наклоняла голову величавая Манеѳа и приказала конюху Дементью поднести мужичкамъ «посошокъ» *) въ путь-дорогу, а мать Назарету послала на лугъ за околицей одѣлять бабъ, дѣвокъ и ребятишекъ пряниками, орѣхами и другими сластями. И толпа, какъ волна, съ шумомъ и говоромъ хлынула со двора обители... Вскорѣ по всѣмъ сторонамъ вкругъ скита раздались громкія пѣсни и, постепенно стихая, замерли въ отдаленьи: то прихожіе христолюбцы расходились по деревнямъ съ богомолья.

Черезъ часъ послѣ обѣда соборъ начался. Середь келарни ставленъ былъ большой столъ, крытый краснымъ кумачомъ. На немъ положили служебное евангеліе въ окладѣ, съ одной стороны его, на покрытомъ пеленою блюдѣ, большой серебряный крестъ, съ другой — Кормчую книгу. Десятка полтора другихъ книгъ въ старинныхъ, почернѣвшихъ отъ времени переплетахъ положены были по разнымъ мѣстамъ стола.

Манеѳа на этотъ разъ чухломскому дворянину указала на первое мѣсто. И старецъ Іосифъ чуть не задрожалъ отъ радости: никогда и во снѣ не грезилось ему столь великаго почета. Справа отъ него помѣстились Василій Борисычъ и старцы, слѣва Манеѳа и другія игуменьи. Соборныя и рядовыя старицы разныхъ обителей стали у лавокъ вдоль стѣнъ.

Справили семипоклонный начáлъ, старецъ Іосифъ замолитвовалъ, мать Манеѳа поаминила... **). Всѣ по своимъ мѣстамъ сѣли.

Началъ Василій Борисычъ. Всталъ, перекрестился, на всѣ стороны поклонился и началъ читать нараспѣвъ посланіе на Кéрженецъ отъ московскаго общества старообрядцевъ:

«Преподобнымъ отцамъ и пречестнымъ матерямъ, подвигомъ добрымъ вѣчнаго ради спасенія подвизающимся, сущимъ во святыхъ обителяхъ Кéрженскихъ и Чернораменскихъ, идѣ же православіе сіяетъ яко свѣтило.

---

*) Послѣдняя заздравная чарка вина на прощаньи.

**) Сказала «аминь».

«Во-первыхъ, пожелавъ вамъ душевнаго спасенія, вкупѣ же и тѣлеснаго здравія, а во иноческихъ трудахъ благопоспѣшенія, въ скорбяхъ же утѣшенія и достиженія преподобныхъ отецъ небеснаго лика, посылаемъ мы отъ великихъ духовныхъ лицъ, господина митрополита киръ Кирилла и отъ намѣстника святыя митрополіи Бѣлокриницкія киръ Онуфрія, епископа браиловскаго, миръ и Божье благословеніе...»

— Не пріемлемъ! — въ заднемъ концѣ стола громко заговорила кривая мать Измарагда, игуменья обители Глафириныхъ, и дородная мать Евтропія изъ обители Игнатьевыхъ. Къ нимъ еще нѣсколько старицъ пристало. Иныя стали даже отплевываться.

— Прекрати, — шепнула Манеѳа чухломскому дворянину.

Іосифъ ударилъ въ кандію.

— Чего загалдѣли? — крикнулъ онъ на всю келарню. — На базаръ, что ли, сошлись?.. Слушай до конца!.. Цышкни!.. Шутовки этакія, прости Господи!..

— Перестань, отче, перестань! — дергая его за рукавъ, съ досадой шептала Манеѳа. — Можно развѣ на соборѣ такія слова говорить?

Василій Борисычъ продолжалъ:

«...А отъ насъ грѣшныхъ и грубыхъ земное поклоненіе. Вѣдомо вамъ, что въ мимошедшемъ седьмь тысящъ пятьдесятъ седьмомъ году, іануарія въ третій день, на память святаго пророка Малахіи, господинъ митрополитъ всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ по долгу своего пастырства, помощь желая сотворить всѣмъ въ Россійской державѣ пребывающимъ древлеправославнымъ христіанамъ, столь изнемогшимъ въ правленіи духовныхъ чиновъ, по совѣту всего освященнаго собора, рукоположилъ во епископа на Симбирскую епархію господина Софронія и для общей пользы, смотрительно препоручилъ ему на время правленіе и прочихъ мѣстъ въ Россіи, на что и снабдилъ его своею святительскою грамотою. И въ той грамотѣ было прописано епископу Софронію, какъ скоро услышитъ онъ въ предѣлахъ Россіи благодатію Божіею еще отъ митрополіи посланнаго другого епископа, абіе положитъ себѣ запрещеніе отъ тѣхъ мѣстъ епархіи, какія другому епископу опредѣлены будутъ... Но грѣхъ ради нашихъ оный Софроній отрыгнулъ отъ сокровища сердца своего не точію сопротивленіе и презрѣніе данному имъ при поставленіи обѣщанію во всемъ повиноватися митрополиту, но даже клеветы и напрасныя оболганія несвойственныя епископскому сану износити не усрамися. Къ тому же, бывъ въ высшемъ духовномъ чину, не токмо не устыдился ради своея корысти

вступати въ торги, но и разными безчестными и презрительными занятіями собиралъ себѣ тлѣнное богатство, даже освященныя имъ церковныя вещи, какъ-то: антиминсы, одиконы и прочія продавалъ. Тогда верховный нашъ архипастырь господинъ митрополитъ Кириллъ, видя таковаго открывающагося святѣй церкви врага, послалъ ему на сорока шести листахъ обличеніе неправильныхъ и незаконныхъ его дѣйствъ, моля и увѣщая не творить въ церкви раздоровъ и повелительно призывая его въ митрополію на личный судъ. Но отъ Софронія не бѣ ни гласу ни послушанія, и тогда господинъ митрополитъ, тщетно и долготерпѣливо ожидая къ себѣ Софроніева прибытія, прислалъ на него конечное рѣшеніе по девятнадцатому правилу Карѳагенскаго собора и въ своей святительской грамотѣ сице писалъ: «аще же преслушаешь сего предписанія и будешь кривить пронырствомъ своимъ по твоему обычаю, и сіе наше приказаніе преобидишь, то отселѣ сею грамотою нашею отрѣшаемъ тя и соборнѣ извергаемъ изъ архіерейскаго сана и всякаго священнодѣйствія лишаемъ и оставляемъ простымъ и бездѣйствительнымъ инокомъ Софроніемъ» *). Тогда ради церковнаго устроенія, по прошенію древлеправославныхъ христіанъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по инымъ градамъ и весямъ Россійскія державы пребывающихъ, господинъ митрополитъ Кириллъ, по совѣту всего освященнаго собора, рукоположилъ во архіепископы богоспасаемаго града Владиміра и всея Россіи киръ Антонія, и сему Антонію архіепископу благословилъ поставити себѣ въ помощь еще двухъ епископовъ, а по надобности и болѣе, донося о каждомъ поставленіи митрополиту... Возвѣщая вамъ, преподобные отцы и пречестныя матери, о таковомъ Божьемъ произволеніи, велегласно въ радости и божественномъ веселіи глаголемъ: «явися благодать Божья спасительная всѣмъ человѣкомъ!..» и съ тѣмъ вмѣстѣ просимъ, молимъ и братолюбно совѣтуемъ пріяти преосвященнаго архіепископа киръ Антонія и ему во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ повиноваться. Прекращая же сіе писаніе, молимъ Верховнаго Пастыреначальника да подастъ владыкѣ нашему Антонію силу, крѣпость и разумѣніе во еже право правити слово божественныя истины. Аще же между васъ есть нѣкіе сумнящіеся и яко жидове глаголющіе: «отъ Назарета можетъ ли что̀ добро быти?», таковые нынѣ да восчувствуютъ Божье промышленіе и да воскликнутъ съ нами единымъ сердцемъ: «кто Богъ велій яко Богъ нашъ? Ты еси

*) Въ дѣйствительности эта грамота послана была Софронію черезъ три года по постановленіи владимірскаго архіепископа Антонія, то-есть въ 1856 году.

Богъ творяй чудеса. Богъ нашъ на небеси и на земли вся елика восхотѣ сотвори!» А если пожелаетъ кто по-подробну излюбопытствовать, того ради посылаемъ подателя сего посланія Василія Борисыча, мужа учительна, разумна, знающа силу божественныхъ писаній и самолично зрѣвшаго доброе устроеніе заграничныя святыя митрополіи и всѣ чины и службы въ ней соблюдаемые. Аще восхощете о чемъ подлинно знати, той нашъ посланный вся по ряду уста ко устамъ вамъ да глаголетъ».

Кончилъ Василій Борисычъ, всталъ съ мѣста и съ поклономъ вручилъ рогожское посланіе предсѣдавшему старцу Іосифу, а тотъ, не вставая съ мѣста, подалъ его матери Манееѣ. Тихій говоръ пошелъ по келарнѣ.

— Мы не согласны,—возвысила голосъ кривая мать Измарагда.—Не подобаетъ православнымъ христіанамъ австрійскаго благословенія принимати, ни службы ихъ, ни крещенія, ни даже молитися съ ними, ниже въ дому ихъ пребывати... То — часть антихристова полка.

Измарагдину рѣчь поддержали несогласныя старицы. И было такихъ довольное число.

— А покажите, матушка, отъ писанія, — съ важностью обратился къ Измарагдѣ Василій Борисычъ: — въ чемъ Богомъ устроенная іерархія, юже вы укорительно нарицаете «австрійскою», неправильна.

— Чего тутъ доказывать?.. — съ запальчивостью вскрикнула Измарагда.—Первый-отъ вашъ архіерей изъ грековъ?.. Значитъ, отъ смущенныя Никоніанскія церкви, обливанецъ?..

— Несправедливо говорите, матушка, — сказалъ Василій Борисычъ. — Хоть греки и во многомъ отъ правыя вѣры отступили, но истинное крещеніе въ три погруженія сохранили и крещеніе ихъ нѣсть еретическое; церковію по соборнымъ и святоотеческимъ правиломъ пріято быть можетъ.

— Обливанцы они, обливанцы! Все едино, что хохлы аль бѣлорусцы!..—въ источный голосъ кричала мать Измарагда.— А святѣйшій Филаретъ патріархъ повелѣлъ бѣлорусцевъ совершенно крестити...

— Обливанцы! Обливанцы!.. — кричала Евтропія обители Игнатьевыхъ, Митродора изъ Напольной обители, Иринарха, игуменья скита Ворошиловскаго, мать Нонна, игуменья скита Гордеевскаго.

— Много есть тому свидѣтелей, что рѣчи ваши неправильны, — старался перекричать ихъ Василій Борисычъ. — Многіе изъ нашихъ христіанъ древляго благочестія нарочито многотрудный путь въ Греки и во Египетъ предпринимали и

во святѣмъ градѣ Іерусалимѣ были, и повсюду видѣли у греков истинное трехпогружательное крещеніе. Нарочито и во градъ Еносъ ѣздили, идѣ же пріятый митрополитъ Амвросій рожденіе имѣлъ, и тамо младенцевъ крестятъ совершенно, въ три погруженія.

— Сами, государь мой, о томъ письма получали, — закричала мать Евтропія. — Изъ зарубежскихъ христіанъ и у насъ знакомцы есть. За Дунаемъ-то не больно приняли вашего Абросима — «не хотимъ, дескать, обливанщины, не осквернимъ души наши!»...

— Это одна клевета и неразуміе! — возразилъ Василій Борисычъ. — По должномъ испытаніи задунайскіе приняли возрожденную іерархію, смирились. И у нихъ теперь поставленный господиномъ митрополитомъ архіепископъ Аркадій, что прежде былъ настоятелемъ въ Лаврентьевомъ монастырѣ въ Вѣтковскихъ предѣлахъ.

— А коли ты посланникомъ присланъ, такъ басенъ-то не плети!.. — рѣзко сказала Василью Борисычу мать Нонна, игуменья Гордеевская, кидая на него гнѣвные взоры. — Не малымъ ребятамъ сказки разсказываешь!.. Послуха поставь, очевидца, да святымъ писаніемъ его укрѣпи!.. Вотъ что!..

— Я вамъ послухъ, я вамъ очевидецъ!.. — степенно проговорилъ Василій Борисычъ. — Богу споспѣшествующу обтекъ азъ многогрѣшный греческія области, въ Царѣградѣ былъ, во святомъ градѣ Іерусалимѣ живоносному Гробу поклонялся и повсюду самолично видѣлъ, что у грековъ трехпогружательное крещеніе всеобдержно, и нѣтъ между ними латинскаго обливанья. Свидѣтель мнѣ Богъ.

— Лгетъ *)! — вскричала Измарагда, за ней Митродора, Нонна и другія старицы.

И такой шумъ поднялся на соборѣ, что мать Манеөа шепнула Іосифу:

— Прекрати безчиніе!.. Да помягче смотри, укорительными словами не обзывай.

Чухломской дворянинъ ударилъ въ кандію и во всю мочь крикнулъ:

— Молчать!..

— Сбѣсился, что ли, батька? — шопотомъ строго молвила ему Манеөа. — Я-ль тебѣ не говорила?

— А какъ же по-твоему потомку свѣтлыхъ боярскихъ родовъ со смердами говорить? — отвѣчалъ родословный старецъ.

— Охъ, ужъ ты, бояринъ!.. На грѣхъ посадила я тебя на

*) Лжетъ.

первое мѣсто, — молвила Манеѳа и подала знакъ, что хочетъ сама говорить.

Всѣ смолкли. Она начала:

— Что въ грекахъ крещеніе непогрѣшимо, тому много свидѣтельствъ въ отеческихъ книгахъ имѣется, и не одинъ Василій Борисычъ, много тому самовидцевъ. И мы тому вѣримъ несумнѣнно... Но не о томъ предлежитъ намъ соборовать... При великомъ оскудѣніи священнаго чина, когда всѣ мы душевнымъ гладомъ были томимы, московскіе и иныхъ городовъ христіане великими трудами и премногимъ иждивеніемъ возрастили мало что не на двѣсти лѣтъ увядшій цвѣтъ благоучрежденной іерархіи... По началу невмѣстимо было слово о таковомъ событіи, но по долгомъ разсужденіи и по многихъ изысканіяхъ въ книгахъ свято-отеческихъ, нѣкія отъ здѣшнихъ обителей удостовѣрились во истинѣ явившейся зарубежной митрополіи и съ духовною радостію пріяли рукоположеннаго во епископы Софронія и поставленныхъ отъ него пресвитеровъ. Но по малѣ времени тотъ Софроній явился злохудоженъ и отрыгнулъ мерзости небоязненнаго предъ Божьимъ судомъ своего сердца. Стяжатель оказался и таковыхъ же стяжателей въ попы наставилъ, какъ и въ нашихъ мѣстахъ извѣстнаго всѣмъ вамъ Михайлу Корягу... Тогда смутилося сердце наше, и отчуждились мы отъ Софронія и отъ поповъ его. Теперь же на него и судомъ митрополита осужденіе со изверженіемъ изъ архіерейскаго чина послѣдовало, на мѣсто же его новый епископъ поставленъ. И теперь вамъ должно по святымъ правиламъ осмотрительнѣ обсудить и соборнѣ положить, пріяти или не пріяти новаго епископа... Какъ кто присовѣтуетъ?

Помолчали немного. Мать Полихронія, Малиновскаго скита игуменья, первая разрѣшила молчаніе.

— А кто таковъ тотъ нарицаемый архіепископъ Антоній? — спросила она у Василья Борисыча. — Повѣдай намъ о жизни его съ самаго рожденія?

— Рожденіе имѣлъ отъ старообрядцевъ, — отвѣчалъ Василій Борисычъ: — и крещеніе имѣетъ правильное.

— Не одни правовѣрные старообрядцами зовутся, — сказала на то мать Полихронія. — Есть старообрядцы-покрещеванцы, священства не пріемлющіе, есть старообрядцы отъ великороссійской церкви таинства пріемлющіе, каковы Спасова согласія, есть и иные.

— Бывалъ прежде въ Ѳедосѣевскомъ согласіи, — нехотя отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— И казначеемъ на Преображенскомъ кладбищѣ бывалъ? — спросила Полихронія.

— Такъ точно, — потупя глаза, сказалъ Василій Борисычъ.

— А давно-ль изъ безпоповской ереси въ ограду правыя церкви вошелъ?.. Задолго-ль до принятія епископскаго чина присоединился?.. — спросила Полихронія.

Смутила она Василья Борисыча. «Охъ, искушеніе!» — шепталъ онъ и, собравшись съ духомъ, сказалъ:

— Незадолго.

— Пишутъ намъ, только за годъ, — проговорила Полихронія. — Вотъ у меня о томъ памятка.

И, вынувъ записку, стала читать:

«Февруарія десятаго седьмь тысячъ триста шестидесятаго года, на память священномученика Харалампія, Антоній инокъ изъ безпоповцевъ вновь законнымъ чиномъ постриженъ бысть въ совершеннаго инока. Октября перваго седьмь тысячъ триста шестьдесятъ перваго года, на праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы, митрополитомъ Кирилломъ поставленъ во дьяконы. Декабря шестого того же года, на память иже во святыхъ отца нашего Николы Миръ Ликійскаго чудотворца, тѣмъ же митрополитомъ Кирилломъ произведенъ во священники. Третіяго февруарія того же года, на память святыхъ и праведныхъ Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы, тѣмъ же митрополитомъ Кирилломъ произведенъ во архіепископа владимірскаго и всея Россіи».

— Вѣрна-ль моя памятка, Василій Борисычъ? — спросила Полихронія.

— Все такъ точно, — отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— А что̀ на этотъ счетъ гласятъ правила апостольскія, и перваго собора, и Лаодикійскаго, и седьмаго вселенскаго собора? — спросила Полихронія.

Василій Борисычъ только подъ носъ молвилъ себѣ: «Охъ, искушеніе!»

— По тѣмъ правиламъ, — не дождавшись отвѣта, продолжала Полихронія: — отъ язычниковъ, рѣкше и отъ зловѣрныхъ, давно прошедшаго въ скоромъ времени нѣсть праведно производити во епископы, да не возгордѣвся въ сѣть впадетъ дьяволю... А сей Антоній безъ единыя седмицы токмо годъ пребывалъ во благочестіи... Притомъ же по тѣмъ правиламъ во епископы такіе люди поставляемы быть должны, которые съ давняго времени испытаны въ словѣ, вѣрѣ и въ житіи, сообразномъ правому слову. Такъ ли?

— Такъ точно, — долженъ былъ признаться Василій Борисычъ.

— Теперь скажи намъ, правильно ли было поставленіе

Антонія? — спросила Полихронія, окинувъ торжественнымъ взоромъ собраніе. — Достоитъ ли пріяти его епископомъ?

Озадаченный Василій Борисычъ не вдругъ отвѣтилъ. «Охъ, искушеніе!» — говорилъ онъ про себя, пощипывая бородку. Однако нашелся.

— Зачѣмъ же ты, матушка, не все апостольско-то правило вычитала? — тихо и скромно онъ молвилъ — Тебѣ бы ужъ все прочитать... Тамъ хотя и сказано, что не подобаетъ неиспытанному въ вѣрѣ учителемъ другихъ быть, однакожъ прибавлено: «развѣ токмо по благодати Божьей сіе устроится»... А благодать, матушка, по сто двадцать пятому правилу Кареагенскаго, не токмо подастъ знаніе, что̀ подобаетъ творити, но и любовь въ человѣка вдыхаетъ да возможетъ исполнити то, что̀ познаетъ. Такъ и господинъ митрополитъ... Онъ при своемъ поставленіи получилъ божественную благодать, яже всегда немощная исцѣляющи и недостаточная исполняющи, и по сей благодати могъ назначить Антонія архіепископомъ, могъ по любви и исполнить то, что̀ позналъ, сирѣчь возвести познаннаго въ чинъ епископскій...

Высказавъ такое хитросплетеніе, котораго ни самъ и никто изъ бывшихъ въ келарнѣ хорошенько не поняли, и видя замолкшую совопросницу, Василій Борисычъ побѣднымъ взоромъ окинулъ собраніе. Матери другъ съ дружкой шептались.

Но Полихронія, немного помедливъ, вынула изъ кармана другую записочку и сказала:

— А вотъ мнѣ другую прописочку насчетъ этихъ дѣловъ зарубежные благодѣтели прислали. Что̀ на нее скажешь?.. Когда поставили Антонія, въ то самое время купецъ одинъ изъ Одессы привезъ въ Бѣлу-Криницу мѣщанина Семена Антипыча Говядина, въ иночествѣ отецъ Спиридоній. И на шестой день по поставленіи Антонія митрополитъ Кириллъ произвелъ того Спиридонія во дьяконы, потомъ черезъ день во пресвитеры, а наутрѣ семнадцатаго февруарія, во вторникъ недѣли о блудномъ сынѣ, на память святаго великомученика Өеодора Тирона, совершилъ его епископомъ града Новозыбкова, таково поспѣшно произведя черезъ всѣ священныя степени... А черезъ шесть токмо дней по поставленіи отъ всякаго священнодѣйства запретилъ, понеже при вступленіи во священный санъ тотъ Спиридоній утаилъ, что былъ въ Малиноостровскомъ монастырѣ *) инокомъ у единовѣрцевъ и тамо отрекшись древляго благочестія волею давалъ никоніанамъ подписку въ отступленіи отъ правовѣрія. И за то по суду низложенъ и,

*) Черниговской губерніи.

яко недостойный, всякаго священнодѣйства лишенъ... Правду-ль я прочитала, Василій Борисычъ?..

— Ну такъ что же? Ошибка была, больше ничего, — сильно смутившись, отвѣтилъ московскій посланникъ.

— Благодать не ошибается, Василій Борисычъ, — сказала на то Полихронія. — А если тутъ ошибка была, такъ не было ли ошибки и за шесть дней до того, когда поставляли Антонія?

Искусно послѣ того поворотилъ Василій Борисычъ разсужденія матерей на то, еретики ли безпоповцы или токмо въ душенагубномъ мудрованіи пребываютъ... Пошелъ споръ по всей келарнѣ. Забыли про Антонія, забыли и про московское посланіе. Больше часа проспорили, во всѣхъ книгахъ справлялись, книгъ съ десятокъ еще изъ кладовой притащили, но никакъ не могли рѣшить, еретики или нѣтъ безпоповцы. А Василій Борисычъ сидитъ себѣ да помалчиваетъ и чуть-чуть ухмыляется, самъ про себя думая: «вотъ какую косточку бросилъ я имъ».

Охрипли матери, которы были позадорнѣе, устали всѣ до единой. Во время шумнаго, горячаго спора келейницъ, Манееа воспретила Іосифу ихъ унимать. Знала, каковы бываютъ соборы скитскіе, знала, что надо дать время досыта накричаться соборующимъ и, когда утомятся, тогда только приниматься за настоящее дѣло.

Смолкли крикливые споры. Изрѣдка, ровно остатокъ пронесшейся бури, забурчитъ иная старица на несогласную съ нею сосѣдку. Тогда Манееа приказала чухломскому дворянину ударить въ кандію. Когда смолкли всѣ, сказала она:

— Подобаетъ намъ, отцы, матери, общимъ совѣтомъ рѣшить, принять или не принимать священниковъ, коихъ поставитъ новый архіепископъ. Изверженнаго нынѣ Софронія поповъ въ нѣкіихъ обителяхъ принимали, во иныя же не пріяли. На чемъ же теперь утвердимся? Немало думала я о таковомъ великомъ дѣлѣ, немало и съ матерями совѣтовалась. Належащая нужда утолити душевный гладъ и конечное оскудѣніе бѣдствующаго священства указуетъ намъ пріяти священство тѣмъ архіепископомъ поставленное, да не впадемъ въ душенагубное безпоповство, сомнѣнія же многихъ обуревающія насчетъ правильности новоявленной іерархіи и насчетъ поспѣшнаго поставленія архіепископа владимірскаго опасенія возбуждаютъ, да не погубимъ поспѣшностію души своя. Такъ ли говорю, отцы, матери?

— Такъ точно. такъ точно!.. Истинны слова твои, матушка!..— закричали всѣ бывшіе въ келарнѣ, кромѣ одного Василья

Борисыча. Съ досады теребилъ онъ бородку и говорилъ про себя: «Охъ, искушеніе!».

— И потому вотъ каковъ совѣтъ мой, отцы, матери,— продолжала Манеѳа.— Обождемъ нѣкое время... Посмотримъ, каково новопоставленный архіепископъ поведетъ себя, испытуемъ подробно и насчетъ правильности самаго начала зарубежной митрополіи, сами пошлемъ вѣрныхъ людей въ Греки, чтобъ совершенно испытать, каковъ чинъ у нихъ соблюдается при крещеніи младенцевъ. И тогда, ежели все окажется въ пользу того, что̀ намъ московскіе христіане съ любовію предлагаютъ, примемъ и мы поставленныхъ владимірскимъ архіепископомъ поповъ. Если же узна̀емъ достовѣрно, что источникъ зарубежной митрополіи нечистъ, или что тотъ архіепископъ недостоинъ принятаго имъ чина, тогда станемъ слезно молиться милостивому Спасу: Самъ да спасаетъ насъ, Самъ да научитъ, какими путями спасать наши души... А до того времени общенія съ московскими христіаны не разрывать и находиться съ ними попрежнему въ любви и согласіи, также и прочихъ городовъ съ нашими христіанами, которые пріимутъ Антонія, пребывать въ единеніи... Вотъ мои мысли, отцы, матери... Что̀ скажете, какое положите рѣшеніе?

Всѣ въ одинъ голосъ согласились съ Манеѳой и всѣ славили мудрое ея рѣшеніе... Василій Борисычъ недоволенъ остался... И то было ему обидно, что посольство не удалось, и то, что не повѣрили ему на̀ слово о крещеніи въ грекахъ.

— Другое желаю еще предложить вамъ, отцы, матери,— сказала Манеѳа.— Великія бѣды угрожаютъ нашему обстоянію. Грѣхъ ради нашихъ презѣльная буря хощетъ погубить жительство наше и всѣхъ насъ распудить, яко овецъ пастыря неимущихъ. Получила я письма отъ благодѣтелей изъ Питера, извѣщаютъ: начальство-де хочетъ всѣ наши скиты разорить... И тому дѣлу не миновать. И быть разоренію вскорѣ, въ нынѣшнемъ же году.

Оханья и глубокія воздыханья раздались по келарнѣ. Иныя матери зарыдали, двѣ либо три причитать зачали.

— И къ намъ о томъ же пишутъ,— сказала Маргарита оленевская.

— И мы имѣемъ горестное извѣстіе!— воскликнула мать Юдиѳа ула̀нгерская.

— И намъ извѣстно налегающее горе!.. И мы письма получили!.. И мы слышали!..— заговорили разныхъ скитовъ игуменьи. Одна Августа ша̀рпанская молчала, ровно дѣло до нея не касалось.

— Отъ самыхъ достовѣрныхъ людей наша казначея матушка

Таифа узнала, что у насъ такая же выгонка будетъ, какъ на Иргизѣ была,— продолжала Манефа.— Кои приписаны къ скитамъ по ревизіи, тѣ останутся, а кои не приписаны, тѣхъ по своимъ мѣстамъ разошлютъ, и изъ тѣхъ мѣстъ имъ по самую кончину не будетъ ни выходу ни выѣзду. А кельи и что̀ есть въ нихъ какого имущества позволять намъ съ собой перевозть... А часовни и моленныя нарушать...

Новые вздохи, новыя сѣтованья... Плачъ и рыданья слышнѣе...

— И вотъ вздумала я предложить вамъ, отцы, матери, на соборное обсужденье: какъ поступить при такихъ обстоятельствахъ?

— Матушка Манефа!.. Матушка Маргарита!.. Матушка Юдифа!.. Вы люди сильные, могучіе, у васъ въ Питерѣ великіе благодѣтели, а мы бѣдныя, убогія, никто насъ не знаетъ и мы никого не знаемъ,— завопила крохотная старушка мать Агнія, игуменья небогатаго скита Крутовражскаго.— Отпишите скорѣй ко своимъ благодѣтелямъ. Они все высшее начальство знаютъ, въ дружбѣ съ нимъ, въ совѣтѣ... Отпишите имъ, матушки, пособили бы намъ, умилостивили бы начальство-то.

О томъ же молили Прудовскія, Ворошиловскія, Ѳедосеевскія и Быстренскія, о томъ же молили игуменьи и старицы бѣдныхъ обителей Каменнаго Вражка: Напольныя, Зарѣчныя, Разсохины, Салоникеины. И, вставъ съ мѣстъ, припадали къ ногамъ Манефы, Маргариты и Юдифы.

— Полноте, полноте, матери!.. Полноте, перестаньте!.. Вамъ ли намъ кланяться?.. Мы съ вами во единомъ чину!..— громкимъ голосомъ сказала Манефа.— Неужто думаете, что мы объ этомъ прежде не подумали?.. Все сдѣлано, матери, обо всемъ было писано, и на всѣ наши письма одинъ отвѣтъ, что никакъ обителей нашихъ отстоять невозможно. Строгій-престрогій вышелъ указъ, никакіе вельможи передѣлать его не могутъ... Если-бъ хоть малая какая надежда была, стали бы развѣ мы безпокоить васъ, стали бы развѣ васъ въ слезы вводить?.. Кончается, отцы, матери, житіе наше пространное, предлежитъ путь тѣсный и всякихъ лишеній исполненный...

— Матушка Евтропія, у васъ грамота царицы Екатерины въ обители находится, что̀ дана была старцу Игнатію. По той жалованной царской грамотѣ всѣмъ, дескать, нашимъ скитамъ до̀вѣку стоять нерушимо,— молила Быстренскаго скита игуменья, дебелая, пухлая старица съ багровымъ лицомъ и съ черными усиками, мать Харитина.— Представьте ее по начальству, сотворите насъ безпечальны.

— Нѣтъ никакой у насъ грамоты,— горько вздохнула Евтропія.— Если и была, видно, въ пожаръ погорѣла.

— У васъ, матушка, въ Анфисиной обители, сказываютъ, есть нерушимая грамота отъ лѣтъ царя Алексѣя Михайловича,—сказала Ворошиловскаго скита игуменья, длинная, какъ коломенская верста, мать Христодула матери Маргаритѣ оленевской. — Ваша-то первая игуменья изъ роду Колычевыхъ была, сродница по плоти святителю Филиппу митрополиту. Ей великій государь даровалъ, слышь, нерушимую грамоту.

— Нѣтъ у насъ грамоты, — отвѣтила Маргарита. — Послѣ матушки Анфисы Колычевой только и осталось, что иконы храмовыя да рукописные святцы, а рука въ нихъ святителя Филиппа.

— Матушка Таисѣя, — обратилась игуменья обители Зарѣчныхъ на Каменномъ Вражкѣ, толстая, подслѣповатая мать Ѳеоктиста, къ игуменьѣ обители Бояркиныхъ: — у васъ послѣ княжны Болховской не осталось ли какихъ записей?

— Если и были, всѣ до насъ пригорѣли, — отвѣтила мать Таисѣя. — Да едва ли и были, княжна-то сама подъ опалой была.

— Господи! гдѣ-жъ искать намъ помощи? — вскликнула Быстренская и залилась горькими слезами.

— Чему быть, тому не миновать, — молвила Маисоа. — Не то что наши лѣсныя обители, крѣпкіе города разсыпаются, какъ песокъ морской, если есть на то воля Господа... А тутъ видима святая воля Его, потому что сердце царево въ руцѣ Божьей... Значитъ, Господу угодно премѣнить житіе наше, если царь рѣшилъ нашимъ скитамъ больше не быть... Плакаться на волю Господню не слѣдъ... Великій грѣхъ!.. И что можемъ сдѣлать въ нашемъ дѣлѣ?.. Когда плотину прорветъ, перстомъ ее не заткнешь... И потому, отцы, матери, не время намъ плакаться, надо подумать, какъ лучше встрѣтить бѣду неизбывную, какъ лучше устроиться на новомъ нашемъ положеніи.

— Охъ, матушка! Въ такомъ горѣ, будь семи пядей во лбу, ничего полезнаго не выдумаешь... Погибать, такъ ужъ, видно, погибать, — зарыдала мать Есоирь, игуменья Напольной обители.

— Ложись да помирай, вотъ и все!.. — со слезами подтвердила игуменья бѣднаго скита Кошелевскаго, приземистая, тучная, вѣчно съ подвязанными зубами, мать Сосипатра.

— Когда большимъ кораблямъ невмоготу супротивъ воднаго стремленія плыти, куда ужъ намъ мелкимъ лодочкамъ?.. Тони да и все тутъ... — промолвила мать Улія, игуменья бѣдной обители Салоникеиныхъ.

— И откуда на насъ такое напаствованіе? — задыхаясь на

каждомъ словѣ, заговорила тучная мать Фелицата оленевская. — Что̀ мы кому сдѣлали?.. Чѣмъ помѣшали кому?.. Жили, кажись, потихоньку, никого не обидѣли... Что̀ за строгости такія пошли?

— Клеветы какія-нибудь! — замѣтила Маргарита оленевская. — Обнесъ кто-нибудь по злобѣ предъ высшимъ начальствомъ. Матушка Ѳеозва, ты въ законахъ сильна, научи уму-разуму, нельзя ли просьбицу какую подать, чтобъ избыть намъ того разоренья?

— Нѣтъ, матушка Маргарита, нѣтъ, — отвѣчала опытная во всякихъ дѣлахъ, въ самый сенатъ писавшая просьбы Ѳеозва. — Не такое дѣло, никакими просьбами тутъ не пособишь. Царско уложенье что̀ Божье велѣнье — су̀противъ его не пойдешь... Терпѣть надо, матушка, терпѣть! На то власть Создателя! Господь Самъ терпѣлъ и намъ повелѣлъ...

— Отъ вѣрныхъ людей я слышала, что насылка прежде всего будетъ въ Оленево, — начала Манеѳа. — Сборщицъ чьихъ-то оленевскихъ на Дону взяли, сборныя книги забрали у нихъ... Въ тѣхъ книгахъ переписаны всѣ оленевскія обители... А начальству вѣдомо, что Оленевъ много лѣтъ послѣ воспрещенья ставить новы обители весь почти погорѣлъ. И стало подозрительно, нѣтъ ли изъ прописанныхъ въ тѣхъ книжкахъ обителей противъ закона построенныхъ... Оттого и пойдутъ спервоначалу розыски въ Оленевѣ, и которы обители явятся ставлены послѣ воспрещенья, тѣ тотчасъ нарушать, а послѣ того по всему Кѐрженцу и по всей Черной Рамени станутъ разыскивать, нѣтъ ли гдѣ новостроенныхъ обителей... И если найдутъ хоть одну новую обитель, тогда всѣмъ объявятъ рѣшенье, каково было въ Иргизѣ... А еще, матушка Августа, — прибавила Манеѳа, обращаясь къ ша̀рпанской игуменьѣ: — вѣрныя извѣстія получила я изъ Питера, что сбираются у тебя Казанску Владычицу отобрать...

— Это они ради того, что, видно, узнали о чудеси, бывшемъ отъ той иконы иноку Арсенію, — чуть слышно, слабымъ голосомъ проговорила сидѣвшая возлѣ Манеѳы и молчавшая дотолѣ дряхлая мать Клеопатра Ера̀хтурка. — Провѣдали нечестивые, что гласъ отъ тоя иконы бысть: «дотолѣ древлее благочестіе будетъ сіять на Кѐрженцѣ яко свѣтило, пока сія икона не будетъ внесена въ смущенную никоніанскую церковь»... Не повѣрю никому, чтобъ наши скиты разорить могли. А возьмутъ изъ Ша̀рпана Владычицу, тогда по слову писанія жди разоренья... Какъ же не сбыться чудному тому провѣщанію?..

— Тебѣ бы, матушка Августа, до поры до времени Вла-

дычицу-то куда-нибудь въ надежное мѣсто отправить, — молвила Фелицата оленевская. — Въ Москву бы, что ли, свезла... Дѣло общее, до всѣхъ доводится... Ради всеобщаго спокоя пошли-ка ты ее подальше куда, икону-то... Возьмутъ въ великороссійскую... всѣмъ бѣда, всѣмъ разоренье.

— Вечоръ отъ Тапфушки письмо получила я, — сказала Манефа. — Пишетъ, что въ Москвѣ и Гусевы и Мартыновы и другіе значительные наши христіане съ радостію готовы принять на опасное время сіе многоцѣнное сокровище. И мой бы совѣтъ тебѣ, матушка Августа, отвезти Владычицу поскорѣе въ Москву...

Не успѣла Манефа кончить, какъ всѣ старцы, игумены и старицы приступили къ Августѣ и въ одинъ голосъ стали умолять ее увезти въ Москву, какъ можно скорѣе, икону.

— Ни на единый часъ не изнесу ее изъ моленной, — тихо, но съ твердой рѣшимостью сказала мать Августа. — Больше ста семидесяти годовъ стоитъ она на одномъ мѣстѣ. Ни при старыхъ матеряхъ ни при мнѣ ее не трогивали, опричь пожарнаго случая. Не порушу завѣта первоначальника шарпанскаго отца Арсенія. Онъ заповѣдалъ не износить иконы изъ храма ни подъ какимъ видомъ. У насъ на то запись руки его...

— Да вѣдь дѣло такое, матушка, — едва переводя духъ отъ волненья, сказала толстая Фелицата. — Слышала, отобрать хотятъ ее у тебя?

— Слышала, — спокойно отвѣтила Августа. — Давно слышала.. И мы тоже имѣемъ благодѣтелей, и къ намъ тоже пишутъ.

— То подумай, мать Августа, — продолжала Фелицата: — чтобъ намъ отъ твоего упрямства всѣмъ не погибнуть... Не видишь развѣ, что общимъ совѣтомъ всѣхъ скитовъ и обителей соборнѣ приговорили мы вывезти твою Владычицу въ надежное мѣсто. Значитъ, ты и должна исполнять общую волю.

— Опричь воли Господней, Пречистыя Его Матери и святыхъ отецъ нашихъ, ничьей воли надъ собой я не знаю, — съ холоднымъ спокойствіемъ отвѣтила Августа и низко склонила голову.

— Да что-жъ это такое? — одна другой громче заговорили матери. — И себя губитъ и насъ всѣхъ хочетъ погубити!.. Не объ одномъ Шарпанѣ гласъ бысть старцу Арсенію, обо всѣхъ скитахъ Керженскихъ... Не сбережемъ нерадѣньемъ такого сокровища, всѣмъ намъ пропадать!.. Гдѣ это слыхано, собору не покоряться?.. Сколько скиты ни стоять, такого непослушанья никогда не бывало!

Ни слова не отвѣтила Августа. Сидитъ опустя голову, молчитъ какъ стѣна.

И что̀ старицы ни говорили ей, осталась непреклонною. Наконецъ сказала:

— Что̀ вы знаете о чудеси, бывшемъ отъ иконы Владычицы?.. Какой гласъ бысть старцу Арсенію отъ Богородичной иконы?

— Всѣмъ извѣстно, какой! — закричала Фелицата: — «возьмутъ икону изъ Ша̀рпана, поставятъ въ никоніанскую церковь, тогда всѣмъ нашимъ скитамъ конецъ»...

— То-то и есть, что не такъ было сказано, — отвѣтила Августа. — На̀-ка, матушка Фелицата, прочитай, что̀ пишется въ сказаніи. А сказаніе-то, сама видишь, древнее, руки самого преподобнаго старца Арсенія.

И, подавъ Фелицатѣ невеликую рукописную тетрадку, показала ей мѣсто.

Стала читать Фелицата:

«И будучи въ тонкомъ снѣ слыша Арсеній гласъ отъ тоя святыя иконы: гряди за мною ничто же сумняся, и гдѣ азъ стану, тамо поставь обитель, и пока сія икона моя будетъ въ той обители, дотолѣ древлее благочестіе процвѣтать въ ней будетъ...»

— Такъ видишь ли, матушка Фелицата и всѣ вы, честные отцы и матери, — сказала мать Августа. — Про то, что всѣмъ скитамъ конецъ настанетъ, егда нашу святую икону въ никоніанскую церковь внесутъ, ни единымъ словомъ въ подлинномъ сказаніи не помянуто, а сказано: «пока сія икона моя будетъ въ той обители, дотолѣ древлее благочестіе процвѣтать въ ней будетъ»... Гдѣ-жъ тутъ общее дѣло нашли вы?.. Съ чего же взяли, что отъ нашей иконы зависитъ судьба всѣхъ скитовъ и обителей?.. Видите словеса... До насъ до однихъ пророчество, бывшее преподобному Арсенію, относится, мы однѣ и повинны соблюдать сокровище наше, яко зѣницу ока, и отнюдь не выносить его изъ обители. А придетъ часъ воли Божьей, возьмутъ Владычицу, восплачемъ, возрыдаемъ, но волѣ Божьей покоримся безропотно... Сый Человѣколюбецъ все ко спасенію людей строитъ ими же знаетъ путями... Не довлѣетъ намъ, скудельнымъ сосудамъ, испытывать неисповѣдимыя судьбы Его... Буди святая воля Его!..

Всѣ изумились, слушая Августу. Сказаніе изъ рукъ въ руки переходило, всѣ читали и всѣ удивлялись, что не такъ въ немъ сказано, какъ молва говорила и какъ всѣ матери столько лѣтъ всѣмъ разсказывали.

— Какъ же это такъ? — пораженная внезапнымъ удивленьемъ, вполго̀лоса ворчала мать Фелицата. Тщетно обращалась она къ привезеннымъ изъ Оленева помощницамъ... Ни острая па-

мятью мать Ѳелонида, ни знаменитая по всему Кѐрженцу начетчица мать Севастьяна не могли, какъ прежде зачастую бывало, выручить задорную, споры любившую, свою игуменью... Молча глядѣли онѣ въ старинную тетрать и, не видя словъ пророческихъ, тихо качали головами и думали про себя, не новое-ль чудо содѣялось, не дѣйствомъ ли какимъ сокровеннымъ исчезли изъ сказанья извѣстныя всѣмъ словеса.

Всѣ въ одинъ голосъ рѣшили: не износить матери Августѣ изъ своего скита чудотворной иконы.

И когда рѣчи о Шàрпанской Богородицѣ были покончены, Августа всѣхъ бывшихъ на собраньи звала на праздникъ Казанской къ ней въ Шàрпанъ, чтобъ тамъ соборнѣ отпѣть передъ тою иконой молебный канонъ о сохраненіи въ безмятежномъ мирѣ обителей Кѐрженскихъ и Чернораменскихъ. И всѣ согласились, даже мать Фелицата, не любившая строгую, подвижную Августу.

Послѣ того еще многое время длился соборъ матерей... Отцы были тутъ не при чемъ, сидѣли для счету, всякое дѣло старицы дѣлали.

Встала съ мѣста Манеоа, стала совѣтовать, чтобъ тѣ, кои къ ближнему городку по ревизіи приписаны, теперь же перевозили бы туда кельи и строились тамъ по-обительски... Мало было согласныхъ на то, всѣ надѣялись на Божью милость, авось-де пронесется мимо грозная туча, авось-де не доживемъ до «кѐрженской выгонки».

Тутъ девяностолѣтняя мать Клеопатра Ерàхтурка, сидя на мѣстѣ, слабымъ старческимъ голосомъ стала увѣщать матерей все претерпѣть за правую вѣру, но мѣста святого волей своей не покинуть.

— Все претерпите, — чуть слышно она говорила. — Все пріимите въ весельѣ и радости: скорби и нужды, жажду и гладъ, раны и хладъ... Божьимъ судьбамъ смиренно покоритесь... но волей своей съ мѣста святого шагу ступить не могите!.. И егда объявятъ намъ царскій указъ, будьте безмолвны, но вонъ изъ скитовъ не идите... Ни мýки земныя ни страхъ лютой смерти да не возмогутъ отлучить васъ отъ мѣста святого... Вспомните, сколь великій блистающій полкъ преподобныхъ здѣсь пребывалъ въ твердомъ храненьи древнихъ уставовъ!.. Вспомните, сколь много молитвъ съ сихъ мѣстъ вознеслось къ престолу Царя Небеснаго!.. Тѣми молитвами мѣсто святится... Кто дерзнетъ малодушія ради покинуть его?

— Чтò же дѣлать намъ, матушка?.. Чтò же дѣлать при такомъ обстояньи? — говорили ей матери.

Древнюю старицу тѣ словеса не смутили. Вспыхнули жизнью

потухшія очи, блѣднымъ румянцемъ покрылись впалыя щеки, стрѣлой выпрямился согбенный подъ бременемъ старости станъ Клеопатры, встала она и, высоко поднявъ костлявую руку съ двуперстнымъ крестомъ, дрожавшимъ голосомъ покрыла всѣ голоса.

— Вспомянуть бы вамъ, отцы, матери, вспомянуть бы вамъ лѣта древнія и старыхъ преподобныхъ отецъ!.. Почитать бы вамъ письма Аввакума священномученика, иже съ самимъ волкомъ Никономъ мужески брань сотворилъ... Вельми похваляетъ онъ самовольное сожженіе за Христа и за древлее благочестіе... Самъ сый въ Пустозерскѣ сожженный, благословляетъ онъ великимъ благословеніемъ себя и обители свои сожигать, да не будемъ яты врагомъ нечестивымъ!.. Тако глаголетъ: «Блаженъ изволъ сей о Господѣ!.. Самовольніи мученицы Христови!..»

— Какъ же это, матушка? — тамъ и сямъ послышались тревожные голоса матерей. Устрашила ихъ рѣчь Клеопатры Ерахтурки.

— Видя налегающую силу злого нечестія, — продолжала древняя старица: — по многимъ мѣстамъ христіане огню себя предавали, изъ пламени со ангелы въ небеса къ самому Христу восходили... Недалеко отъ насъ, отъ Улангера, всѣмъ вѣдомо достопоклоняемое мѣсто, идѣ же преподобный Варлаамъ со ученики огненной смерти самъ себя предалъ... И его, какъ насъ теперь, хотѣли мѣста святаго лишить... Не восхотѣлъ блаженный покориться, не восхотѣлъ изыти изъ келіи, огнемъ вѣнчался... Поревнуйте, отцы, матери, доблему сему Варлааму!.. Паче прежняго освятите мѣста сіи пепломъ своимъ!.. Внидите огненнымъ путемъ въ райскія свѣтлицы!.. Сожегши грѣшныя тѣлеса, водворите праведныя души своя во обителяхъ Бога Вышняго, отъ начала вѣковъ любящимъ Его уготованныхъ!..

Жестоко было слово Клеопатры Ерахтурки. Согласныхъ не нашлось... Кому охота заживо жариться?.. Но никто не смѣлъ прекословить, очень ужъ велика была ревность древней старицы. Только тихій шопотъ, чуть слышный ропотъ волной по собору промчался.

— Не заградитъ маловѣріе ваше уста моя!.. Пою Богу, дондеже есмь!.. — громкимъ голосомъ вскричала Клеопатра и огненнымъ взоромъ обвела собраніе.

И всѣ межъ собой тревожно переглянулись, и у всѣхъ на устахъ замерли крылатыя рѣчи.

— Чего страшитесь? — продолжала Клеопатра. — О, несмысленные!.. Обуяли васъ прелести многомятежнаго міра!..

Огня ли временнаго страшитесь, о вѣчномъ пламени не помышляя?.. Не убойтесь!.. Земную му̀ку претерпѣвши, свѣтовидныхъ вѣнцовъ въ небесахъ удостоитесь... Дерзайте по славу Божію, не устрашайтесь!.. Временный огнь токмо грѣховное тѣло разрушаетъ, душу же отъ вѣчнаго пламени спасаетъ!.. Тѣлесную му̀ку недолго терпѣть!.. Мигъ единъ, и ангелы души ваши къ Самому Христу вознесутъ... Дерзайте убо, правовѣрніи!.. Поревнуйте древнимъ отцамъ-страстотерпцамъ!.. Тѣмъ посрамите врага видимаго, тѣмъ побѣдите и врага невидимаго, иже есть человѣкоубійца искони.

Никто ни слова, ровно всѣ умерли. Нѣтъ отказу, нѣтъ и согласья.

И смолкла Клеопатра Ера̀хтурка, тихо опустилась на мѣсто и, накрывъ глаза креповой наметкой, низко склонила древнюю голову.

Стало темнѣть, когда разошелся соборъ. Ничѣмъ онъ не кончился, ни по единой статьѣ ничего не рѣшили.

Глава девятая.

А за Каменнымъ Вражкомъ, средь укромныхъ пролѣсковъ, на зеленомъ лугу, той порой красны дѣвицы свой соборъ учинили. Вздумалось имъ въ вечерней прохладѣ походить, погулять, позабавиться. Не стая бѣлыхъ лебедей по синему морю выплываетъ, не стадо величавыхъ павъ по чисту полю выступаетъ: чинно, степенно, пара за парой, идетъ вереница красавицъ. Фленушка о̀бъ руку съ Анной Сергѣвной всѣхъ впереди. Слѣдомъ за ней, рядомъ съ Парашей идетъ Смолокурова Дуня. Всѣхъ богаче одѣты онѣ: въ шелковыхъ косоклинныхъ саянахъ *), въ бѣлоснѣжныхъ батистовыхъ сорочкахъ, въ кисейныхъ рукавахъ съ кружевами, на шеѣ жемчуга, алмазныя серьги въ ушахъ. Но бѣлѣй и свѣжѣй кисеи и батиста миловидное личико Дуни, самокатнаго жемчуга краше перловые зубы, камней самоцвѣтныхъ свѣтлѣе синія очи... За ними идутъ оленевскія и ула̀нгерскія гостьи, Марья головщица, богоданная дочка Чапуриныхъ Аграфена Петровна и не знавшая еще о скорой поѣздкѣ въ Казань пылкая, ревнивая Устинья Московка... За ними Аксинья Захаровна съ женой головы и съ довольной удавшимся на славу обѣдомъ славной заволжской поварихой Дарьей Никитичной. Мужчинъ никого. Скитскихъ матерей тоже съ дѣвицами нѣтъ.

*) Косоклинный — широкій въ подолѣ, съ перехватомъ въ станѣ. Саянъ — распашной сарафанъ (сарафанчикъ-растегайчикъ) на застежкахъ спереди, отъ пояса до подола.

Не только игры либо пѣсенъ, громкаго смѣха не слышно. Затѣйница всякихъ проказъ, шаловливая Фленушка тихо, медленно шла, глаза опустивъ, чуть не схимницей смотритъ она. Нельзя разгуляться, нельзя распотѣшиться: Аксинья Захаровна тутъ и жена головы. Но больше всего рѣзвымъ затѣямъ ея Аграфена Петровна мѣшала. Всегда живая, веселая, довольная, ничѣмъ невозмутимая, всюду вносила она тихую радость и чинный порядокъ, малѣйшее нарушенье пристойности было на глазахъ ея невозможно. Никто-бъ не вынесъ кроткаго взгляда ея и нѣмого укора.

Разостлали платки по росистой лужайкѣ, сѣли въ кружокъ. Марьюшка съ Устиньей Московкой подали Фленушкѣ большіе узлы, и стала она подругъ одѣлять городецкими пряниками, московскими леденцами, финиками, орѣхами, изюмомъ, винными ягодами. Появились кузовки съ сочной благовонной земляникой и темно-сизой черникой. Весело, какъ весеннія птички щебечутъ дѣвицы, сидя за сластями, и подъ призоромъ Аксиньи Захаровны да жены Михайлы Васильича коротаютъ тихій вечеръ въ скромной, чинной бесѣдѣ. Про обновы промежъ себя говорятъ, про вышиванья и другія работы... Нѣтъ разговоровъ затѣйныхъ.

Темнымъ покровомъ ночная мгла надъ землей разостлалась, по закроямъ небеснаго свода зарницы зорятъ. Переливчатымъ блескомъ сверкаютъ частыя звѣзды: горятъ Стожары *), широко надъ сѣверомъ раскинулся ярко мерцающій Возъ **), бѣлыми прогалинами съ края до края небесъ сіяетъ Моисеева дорога. Пали на землю жемчужныя росы, пыль прилегла, съ болотъ холодкомъ потянуло. Только тогда воротились въ обитель съ пролѣсья дѣвицы. Невѣсть какъ досадно Фленушкѣ было, что ей неудача такая пришла — нельзя разгуляться, нельзя раскуражиться. Молча, брови нахмуривъ, она возвращалась домой.

Клялъ судьбу свою Василій Борисычъ. Тамъ на лужайкѣ цѣлая дюжина дѣвицъ собралась одна другой краше... Тамъ Смолокурова Дуня... урывкой только взглянуть ему удалось на нее, когда за часами въ часовнѣ стояла... Сидя въ почетномъ концѣ за столомъ, видя сонмъ матерей передъ собой, о пролѣсьѣ на испольѣ все думалъ московскій посолъ: «Туда бы на вольный просторъ, туда бы къ красавицамъ въ кругъ!.. На ихъ красоту любоваться, отъ нихъ бы слушать сладкія рѣчи!.. А тутъ сиди, какъ гвоздь въ стѣнѣ, тронуться съ

---

*) Плеяды.

**) Большая Медвѣдица.

мѣста не смѣй, слушай, какъ черныя галицы переливаютъ изъ пустого въ порожнее!..»

Память о женской красотѣ смутила рогожскаго посла, оттого и рѣчи его на соборѣ были нескладны. Посмотрѣть бы московскимъ столпамъ на надежду свою, поглядѣть бы на витію, что̀ всѣхъ умѣлъ убѣждать, всѣхъ заставлялъ съ собой соглашаться!.. Кто знаетъ?.. Не будь въ Комаровѣ такого съѣзда дѣвицъ свѣтлоокихъ, на Керженцѣ, пожалуй, и признали-бъ духовную власть владыки Антонія...

Только-что зачалъ соборъ расходиться, Василій Борисычъ то̀ропко вонъ изъ келарни... Хочетъ бѣжать по знакомой тропѣ за Каменный Вражекъ, но тутъ на бѣду наткнулся. Только сравнялся съ домикомъ Марьи Гавриловны, видитъ — въ шелковой красной рубахѣ сидитъ у окна развеселый Чапуринъ.

— Эй! Василій Борисычъ! — окликнулъ онъ. — Что, накалякался тамъ съ матерями?.. Поди-чай во рту пересмякло... Шагай къ намъ, мы тебѣ горло-то смочимъ...

— Охъ, искушеніе! — молвилъ подъ носъ себѣ Василій Борисычъ... Нечего дѣлать, надобно на зовъ идти, не судьба въ Петровъ день на дѣвицъ любоваться.

Въ горницахъ Марьи Гавриловны шумно идетъ пированье. Кипитъ самоваръ, по столамъ и по окнамъ съ пуншемъ стаканы стоятъ. Патапъ Максимычъ съ Смолокуровымъ, удѣльный голова съ кумомъ Иваномъ Григорьичемъ, купцы, что̀ изъ города въ гости къ Манефѣ пріѣхали, пароходчикъ изъ Городца частенько усы въ тѣхъ стаканахъ помачиваютъ... Такъ справляютъ они древнюю, но забытую братчину - Петровщину на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ скитская обрядность ее въ конецъ загубила, самую память объ ней разнесла, какъ вѣтеръ осенній сухую листву разноситъ...

Былъ въ той бесѣдѣ и Самоквасовъ съ нареченнымъ приказчикомъ. Былъ онъ въ тотъ день именинникъ и наканунѣ нарочно посылалъ работника въ городъ захватить тамъ побольше «холодненькаго» *).

Бѣлый день идетъ къ вечеру, честной пиръ идетъ навеселѣ. На привольѣ, въ радости, гости прохлаждаются, за стаканами межъ собой бесѣду ведутъ... Больше всѣхъ говоритъ, каждымъ словомъ смѣшитъ подгулявшій маленько Чапуринъ. Рѣчи любимыя, разговоры забавные про житье-бытье скитское, про

---

*) Холодненькимъ въ купеческихъ бесѣдахъ зовется шампанское и вообще шипучее вино.

дѣла черницъ молодыхъ, бѣлицъ удалыхъ, про ихнихъ дружковъ-полюбовниковъ. Задушевнымъ смѣхомъ, веселымъ хохотомъ бесѣда каждый разсказъ его покрываетъ.

Пированье было въ полномъ разгарѣ, когда сталъ расходиться соборъ. Завидѣлъ Патапъ Максимычъ московскаго посланника, зоветъ его на бесѣду.

Вошелъ Василій Борисычъ, Богу помолился, бесѣдѣ поклонился, сѣлъ за столъ возлѣ самого Патапа Максимыча.

— Ну что? — спросилъ его Смолокуровъ. — Что̀ уложили, на чемъ порѣшили?

— Да, можно сказать, ничѣмъ, — съ досадой отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Какой это соборъ?.. Просто содомъ!.. Толковъ много, а толку въ за̀водяхъ нѣтъ.

— Ха-ха-ха-ха!.. — такъ и покатился со смѣху Патапъ Максимычъ. — О чемъ же толковали матери-келейницы, сухопары-сидидомницы?

— Одна врала, другая не разобрала, третья все переврала, вотъ и весь тутъ соборъ, — съ пущей досадой промолвилъ Василій Борисычъ.

— Дѣло твое, значитъ, не выгорѣло? — усмѣхнувшись, спросилъ его Патапъ Максимычъ.

— Да развѣ можно съ этимъ народомъ какое ни на есть дѣло сдѣлать? — сказалъ московскій посланникъ. — О чемъ ни зачни, ни ползетъ, ни лѣзетъ, ни вонъ нейдетъ.

— Еще бы! — одобрительно кивнулъ головой Патапъ Максимычъ. — Захотѣлъ у бабья толку. Скорѣй отъ козла молока, чѣмъ толку отъ бабы дождешься... Да ты, Васенька, не горюй, не печалься!.. На̀-ка вотъ, лучше выпей!.. Я такъ радъ, что тебѣ неудача... Значитъ, въ Москву теперь глазъ не кажи...

— Охъ, ужъ не говорите, Патапъ Максимычъ!.. — почесывая затылокъ, молвилъ Василій Борисычъ. — Хоть живой въ гробъ ложись, — вотъ каково мнѣ приходится.

— Зачѣмъ до смерти въ гробъ ложиться? — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Ты вотъ что̀, наплюй на Москву-то, не ѣзди туда... Чего не видалъ?.. Оставайся лучше у насъ, зачнемъ поскорѣй на Горахъ дѣла дѣлать... Помнишь, про что говорили?

— Ужъ, право, не знаю, что̀ и сказать вамъ, — въ досадѣ взволнованнымъ голосомъ молвилъ Василій Борисычъ. — Вотъ ужъ впрямь, что ни вонъ ни въ избу, ни со двора ни на дворъ. Поневолѣ затылокъ зачешешь.

— Нечего раздумывать, не о чемъ кручиниться, — весело молвилъ Чапуринъ. — Говорилъ я тебѣ, желаючи добра совѣтовалъ: плюнь на эти пустошныя дѣла, развяжись съ архі-

ереями да съ келейницами... Какого проку нашелъ въ нихъ?.. Съ твоимъ ли разумомъ, съ твоимъ ли умѣньемъ валандаться въ этихъ дѣлахъ?.. Эхъ, зажили-бъ мы съ тобой!.. Ты еще не знаешь, что̀ на умъ мнѣ пришло!..

— Охъ, искушеніе! — глубоко вздохнулъ Василій Борисычъ.

— Опять заводитъ свое «искушенье»! — съ досадой промолвилъ Чапуринъ. — Экъ оно у тебя къ языку-то крѣпко прилипло... А ты перво-на̀перво пей!..

И подалъ ему стаканъ пуншу.

— Нѣтъ, ужъ увольте меня, Патапъ Максимычъ, — сказалъ Василій Борисычъ, отодвигая стаканъ.

— Нѣтъ, братъ, шалишь! У насъ такъ не водится, — отозвался Чапуринъ. — Попалъ въ стаю, такъ лай не лай, а хвостомъ виляй, попалъ въ хмельную бесѣду, пей не пей, а вино въ горло лей!.. Слышалъ?

— Охъ, искушеніе, — робко промолвилъ Василій Борисычъ, а самъ озирается, нельзя ли куда по-добру по-здорову дать стрекача.

— Пей же, говорятъ!.. Пей, другихъ не задерживай!.. — крикнулъ Патапъ Максимычъ.

— Да мнѣ отъ этого стакана съ мѣста не подняться, — молящимъ голосомъ проговорилъ московскій посолъ.

— Врешь!.. Это бываетъ послѣ девятаго, — со̀ смѣхомъ сказалъ Патапъ Максимычъ. — Аль не знаешь счету чарамъ похмельнымъ?.. Знаешь, что ли?

— Нѣтъ, не знаю, — отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— А еще славятъ, что всю старину какъ собаку съѣлъ, — воскликнулъ Чапуринъ. — Слушай, что̀ дѣды-прадѣды наши говаривали: перву пить — здраву быть, другую пить — умъ веселить, утроить — умъ устроить, четвертую пить — неискусну быть, пятую пить — пьянымъ быть, чара шестая — пойдетъ мысль иная, седьмую пить — безумну быть, къ осьмой приплести — рукъ не отвести, за девяту приняться — съ мѣста не подняться, а выпить чарокъ съ десять — такъ тутъ тебя и взбѣситъ.

Дружно всѣ захохотали, и Василій Борисычъ волей-неволей опорожнилъ стаканъ.

— Послушай-ка, что̀ я скажу тебѣ, — молвилъ Патапъ Максимычъ, подсѣвъ къ нему рядомъ. — Помнишь, какъ мы съ тобой уговаривались? Сроку мѣсяцъ еще остается, а теперь тянуть, кажется, нечего? Рѣшай теперь же, да и все тутъ... Плюнь на поповъ, на дьяковъ и на всѣхъ твоихъ архіереевъ...

— Нельзя, Патапъ Максимычъ, — отвѣтилъ Василій Бо-

рисычъ. — Какъ же, не отдавши отчета, дѣло я брошу?.. У меня не одна на рукахъ эта порученность, деньги тоже даданы. Какъ же мнѣ отчета не сдать? Сами посудите!

— Инъ вотъ что̀, — подхватилъ Патапъ Максимычъ. — Завтра-жъ въ Москву отправляйся. Развяжись тамъ скорѣй съ довѣрителями, да то̀тчасъ ворочай оглобли назадъ... То-то запируемъ!.. Ты не знаешь еще, что̀ я вздумалъ!.. Больно ужъ ты полюбился мнѣ!..

— Такъ скоро нельзя, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — У меня еще здѣсь по скитамъ кой-какія дѣла не управлены, надо ихъ покончить.

— Сказано: наплюй, — сгоряча крикнулъ Чапуринъ, хвативъ по столу увѣсистымъ кулакомъ. — Какія еще тутъ дѣла!.. Вздоръ одинъ, пустяки!

Смолкъ Василій Борисычъ, а самъ про себя подумываетъ: «Ничего нѐ видя, ровно медвѣдь на дыбахъ заревѣлъ, что-жъ будетъ, какъ про все онъ узна̀етъ?.. Охъ, Господи, Господи!.. «Возвратихся на страсть егда унзе ми теринъ, беззаконіе познахъ и грѣха моего не покрыхъ!..»

— Ну, объ этомъ мы еще съ тобой надосугѣ потолкуемъ, а теперь нечего пиръ-бесѣду мутить... Пей-ка, попей-ка — на днѣ-то копейка, выпьешь на пять алтынъ да и свалишься ровно мертвый подъ тынъ!.. Эй, други милые, пріятели совѣтные: Марко Данилычъ, Михайла Васильичъ, кумъ, именинникъ и вся честна̀я бесѣда! Наливай вина да и пей до-дна!.. Здравствуйте, рюмочки, здорово, стаканчики!.. Ну, разомъ всѣ!.. Вдругъ!..

И дружно выпили всѣ по стакану пунша.

Тутъ выходилъ напередъ, удалымъ молодцо̀мъ становился, передъ бесѣдою низко поклонился и такія слова сказалъ Самоквасовъ:

— Не обезсудьте, господа честные, глупой моей рѣчи, не осудите, что младъ человѣкъ неискусенъ смѣетъ предъ вашимъ лицомъ говорить.

— Что-жъ за рѣчь твоя будетъ? — оперши̇сь ладонью на столъ и немного набокъ склоняясь, съ довольной улыбкой спросилъ у него Патапъ Максимычъ.

— Такъ какъ я сегодня, значитъ, именинникъ, такъ позвольте «холодненькимъ» васъ угостить, — сказалъ Петръ Степанычъ.

— Умныя рѣчи пріятно и слушать, — молвилъ Чапуринъ.— Хоть по старому обычаю въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не входятъ, а на пиръ съ своимъ пирогомъ не вступаютъ, да ради твоихъ именинъ можно заповѣдь ту и нару-

шить... Потчуй, именинникъ, знай только, что этого добра и у нас припасено довольно!

— Эй! — крикнулъ Петръ Степанычъ саратовцу. — Тащи кульки, вынимай бутылки, откупоривай!.. Порожните стаканы, честные господа, не во что наливать.

— Ну, видно, намъ эту ночь не ночевать, а всю напролетъ пировать,—сказалъ Смолокуровъ, опрастывая свой стаканъ.

— Что-жъ? — подхватилъ Патапъ Максимычъ. — Лишь бы вино со разумомъ ладило, а то отчего-жъ не прогулять и до утра?

— Истинно такъ, — подтвердила бесѣда, кромѣ Василья Борисыча

Когда саратовецъ розлилъ «холодненькое», Самоквасовъ собесѣдникамъ каждому порознь поклонился и каждаго просилъ выпить за его здоровье. Хотѣли-было попросту поздравлять именинника, Патапъ Максимычъ не допустилъ.

— Стой! — крикнулъ онъ. — Не такъ! Здравствовать по старинѣ!.. Какъ дѣды пивали, какъ прадѣды пѣвали, такъ и намъ пить да пѣть!.. Чарочку!..

И грянула во святой обители старинная застольная пѣснь величальная:

Чарочка моя,
Серебряная,
На золотомъ блюдѣ
Поставленная!
Кому чару пить,
Кому выпивать?
Пить чару —
Свѣту ли Петру,
Выпивать —
Степановичу!
На здоровье, на здоровье!
На здоровье, на здоровье!..

Крестились по кельямъ матери, слыша соромную пѣсню въ стѣнахъ монастырскихъ. Иныя шептали псаломъ: «Живый въ помощи Вышняго!..»

Именинникъ выпилъ стаканъ свой. Громче прежняго грянула пѣсня:

Еще дай Боже, еще дай Боже!
Еще дай Боже, еще дай Боже!
Здравствовати,
Здравствовати!
Господину, господарю,
Господину, господарю
Нашему,
Нашему!

Дорогому, дорогому,
Дорогому, дорогому
Имениннику,
Имениннику!
Свѣтъ Петру ли, свѣтъ Петру ли,
Свѣтъ Петру ли, свѣтъ Петру ли
Степановичу,
Степановичу!
Еще дай Боже, еще дай Боже!
Еще дай Боже, еще дай Боже!
Многая, многая,
Многая лѣта!
Многая лѣта!

И, пропѣвъ, въ поясъ кланялись всѣ имениннику, цѣловали его по-трижды въ уста и, выпивъ вино, опрокидывали пустые стаканы на макушкахъ. Патапъ Максимычъ свой стаканъ грянулъ оземь. За нимъ вся бесѣда.

— Эй, кто тамъ? — зычнымъ голосомъ крикнулъ Чапуринъ.— Бѣги къ Манефѣ за стаканами да молви ей, спасенницѣ: «гости, молъ, пьютъ да посуду бьютъ, а кому-де то не мило, того мы и въ рыло!..» Больше бы посуды присылала— рука, молъ, у братца расходилась!.. Знай нашихъ, поминай своихъ!.

Новую посуду принесли, и съ добрымъ запасомъ ее принесли. Знала Манефа привычки Патапа Максимыча, когда съ пріятелями отвести онъ душу весельемъ захочетъ.

Снова саратовецъ наполнилъ шампанскимъ стаканы. Патапу Максимычу «Чарочку» бесѣда запѣла. Пѣли и здравствовали Марку Данилычу, Михайлѣ Васильичу, Ивану Григорьичу и всѣмъ гостямъ поочереди. И за всякаго пили и за всякаго посуду били, много вина и на̀ полъ лили... И не одной дюжины стакановъ у Манефы какъ не бывало.

Разгоралась заря по̀ небу, изъ-за небеснаго закроя солнышко стало выглядывать... Патапъ Максимычъ крикнулъ охмелѣвшей бесѣдѣ:

— Шабашъ, ребята!.. Допивай послѣдышки!.. Да съ пѣсенкой!.. Не съ мірской пѣсней, — съ обительскою, для того, что пируемъ въ обители.

И громко завелъ «келейную». И всѣ ему подтянули:

За святыми воротами
Черничка гуляла,
Ай люли, ай люли!
Молода̀ плясала!
Какъ сказали той черничкѣ,
Что попъ Матвѣй идетъ.
Ай лю̀ли, ай люли̇̀!
Что попъ Матвѣй идетъ!

Черничка такъ и пляшетъ,
Молодая такъ и скачетъ.
Ай люли, ай люлі!
Молодая скачетъ!
Какъ сказали той черничкѣ:
Мать игуменія ідетъ.
Ай люли, ай люлі!
Мать игуменія ідетъ!
Черничка испужалась,
Молодая оробѣла.
Ай люли, ай люлі!
Молодая оробѣла!
Куда дѣваться,
Куда ей схорониться?
Ай люли, ай люлі!
Куда схорониться?
Али удавиться,
Али утопиться?
Ай люли, ай люлі!
Али утопиться?

Красное солнышко высокò надъ лѣсомъ поднялось, когда разошлась подгулявшая бесѣда и въ домикѣ Марьи Гавриловны послышался богатырскій храпъ Патапа Максимыча, Ивана Григорьича и удѣльнаго головы. Трубнымъ гласомъ разносился онъ изъ растворенныхъ оконъ по обители.

Такъ почетные гости Мансоины справили лѣтнюю братчину, братчину-Петровщину...

Безпокойно и тревожно провели ту ночь матери пріѣзжія и матери обительскія. То и дѣло просыпàлись онѣ отъ громкаго смѣха, отъ веселыхъ криковъ и заздравныхъ пѣсенъ подгулявшихъ «благодѣтелей». Осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, читали онѣ третій псаломъ Давыда царя: «Господи, что ся умножиша стужающіи ми?».

Маргарита оленевская да Юдиѳа улàнгерская въ одной кельѣ съ Мансоой ночевали и всю ночь глазъ не могли сомкнуть...

— Чтò это у нихъ за содомъ такой! — ворчала Маргарита. — Экъ заревѣли, оглашенные!.. Ровно стадо медвѣдей!.. Бога не боятся во святой обители столь безстудно безобразничать.

— Чего дивить на нихъ, матушка?.. — отозвалась Юдиѳа. — Люди богатые, а богатому вездѣ просторъ да своя воля... Убогому какъ велятъ, богатому — какъ, дескать, сами изволимъ.

— Чтò дѣлать, матушки! — съ горькимъ вздохомъ сказала Мансоа. — Таковъ ужъ уродился у меня братецъ родимый! Чтò ни вздумалъ, никто не моги поперечить... Расходится — не подходи!..

Глава десятая.

Солнце къ полднямъ подымалось, когда Патапъ Максимычъ съ Маркомъ Данилычемъ, съ удѣльнымъ головой и съ кумомъ Иваномъ Григорьичемъ, въ домикѣ Марьи Гавриловны спали еще непробуднымъ сномъ... Хорошо справили они въ скиту, не по скитскому обычаю, братчину-Петровщину.

Наѣзжіе отцы, матери, отстоявъ часы и отпѣвъ молебный канонъ двѣнадцати апостоламъ *), плотно на дорожку пообѣдали и потомъ каждый къ своимъ мѣстамъ отправились. Остались въ Комаровѣ Юдиѳа улангерская да мать Маргарита оленевская со своими дѣвицами. Хотѣли до третьяго дня погостить у Манеѳы, но Маргаритѣ того не удалось.

Только-что гости долой со двора, изъ ближняго городка нарочный прискакалъ. Посланъ былъ онъ Полуехтомъ Семенычемъ съ присланнымъ по почтѣ письмомъ для немедленной передачи Манеѳѣ. Было письмо изъ губернскаго города, и было надписано на немъ: «по самому нужному дѣлу».

Послѣ часовъ и ранней трапезы, Манеѳа, проводивъ пріѣзжихъ гостей, сидѣла за самоваромъ съ матерями Юдиѳой и Маргаритой, съ Аксиньей Захаровной, съ женой головы Ариной Васильевной и съ заволжской поварихой Никитичной... Дѣвицы, а съ ними и Аграфена Петровна, пили чай въ горницахъ Фленушки. Не успѣли выпить матери по первой чашкѣ, какъ пріѣхалъ тотъ нарочный. Вошелъ онъ въ келью, отдалъ письмо въ руки самой Манеѳы,—такъ было ему приказано,—получилъ отъ нея сколько-то денегъ и пошелъ на конный дворъ обѣдать. Манеѳа ушла въ боковушу и тамъ наединѣ прочитала письмо.

Если келейныя матери въ пору процвѣтанья скитовъ, посредствомъ такихъ «благодѣтелей», какъ Злобины, Сапожниковы, Зотовы, а послѣ нихъ Громовы и Дрябины, могли изъ самыхъ высшихъ мѣстъ узнавать обо всѣхъ дѣлахъ, до нихъ касающихся, немудрено, что у нихъ были проложены торные пути къ столамъ губернскихъ мѣстъ, гдѣ производились дѣла о раскольникахъ. Дарили онѣ за правду, дарили за неправду, кому надо серебрили руки, чтобъ помягче писали, кому надо золотомъ глаза порошили, чтобъ кое-чего они не видали... На бѣломъ свѣтѣ опричь Бога ничего нѣтъ сильнѣе туго набитой мошны. Истникъ **) не угодникъ, а тоже чудо-

*) На другой день Петрова дня, 30-го іюня, празднуется двѣнадцати апостоламъ.

**) Истникъ — наличныя деньги, капиталъ.

творецъ... Выложь денежки — и въ камнѣ дыру провертятъ, возьми золотой молотокъ — и желѣзны ворота онъ прокуєтъ. Не диво, сунувъ нужному человѣку барашка въ бумажкѣ, его къ себѣ приручить. Золото хоть и вѣско, а тянетъ кверху, на водѣ даже всплываетъ оно, и гдѣ всплыветъ, тамъ правда тонетъ. И въ грѣхъ не ставили матери подкупать нужныхъ людей... По-своему толковали онѣ слова апостола: «искупующе время яко дніе зли суть» *). Совершенно были онѣ увѣрены, что въ злое «гонительное время» самъ Богъ повелѣваетъ покупать за деньги милости власть имущихъ. И покупали... Оттого и жили на полной свободѣ, въ широкомъ просторѣ, ровно орелъ въ поднебесьѣ, ровно щука въ водѣ.

Письмо было изъ губернаторской канцеляріи. Нужный и осторожный правитель ея черезъ третьи руки увѣдомлялъ щедрую Манеѳу, что для осмотра Оленевскихъ обителей ѣдетъ изъ Петербурга особый чиновникъ въ генеральскомъ чинѣ, съ большими полномочіями, и что къ такому человѣку апостольскихъ повелѣній примѣнять нельзя... Въ концѣ письма сказано, чтобъ страшнаго гостя ждали на-дняхъ.

— Матушка Маргарита! — кликнула Манеѳа, не выходя изъ боковуши. — Пожалуй-ка сюда на словечко.

Вошла Маргарита, Манеѳа подала ей письмо.

— Читай-ка, матушка, — молвила. — Напасти-то какія по грѣхамъ нашимъ!

Пробѣжавъ письмо, всплеснула руками Маргарита и вскрикнула. Хоть давно знала, что грознаго гостя скитамъ не миновать; но когда опасность еще далека, она не страшна такъ, какъ въ то время, когда передъ лицомъ прямо станетъ... Какъ громомъ оглушило Маргариту. Смертная блѣдность разлилась по лицу, подкосились старыя ноги многоумной игуменьи, и въ безчувственномъ изнеможеньи тяжело опустилась она на скамейку... На ея крикъ пришла Юдиѳа и, узнавъ, въ чемъ дѣло, заохала; Аксинья Захаровна съ Ариной Васильевной прибѣжали, и тѣ навзрыдъ зарыдали; одна Манеѳа осталась невозмутимою. Ни слезинки не выронила, не вырвалось изъ груди ея ни единаго восклицанья.

— Власть Господня!.. — строго и холодно молвила. — Плачемъ, да слезами дѣлу не пособить, себя только разстроить. Лучше на Бога положиться: во-время Онъ наказуетъ, во-время и милуетъ. Не гнѣвите, родныя, Царя Небеснаго ропотомъ и отчаяньемъ!.. Грѣхъ!..

— Матушка!.. Каково же слышать-то это!.. — голосомъ без-

*) Къ Ефесеямъ, V—16. Въ старомъ переводѣ: „зли“ вмѣсто «лукави».

надежности, заливаясь горькими слезами и ломая руки, воскликнула Маргарита оленевская.

— Вѣсть жданная, давно чаянная, не врасплохъ насъ застала она, — молвила Манеѳа.

— Такъ, матушка, такъ, — проговорила Маргарита: — да вѣдь всѣ мы знаемъ, что должны помереть, всѣ смерти чаемъ, а пока она не предстала, нимало ея не страшимся, а какъ приспѣетъ смертный часъ, всякъ человѣкъ въ ужасъ придетъ. То же самое и это...

— Все же надо спокойнѣе быть, — замѣтила Манеѳа. — Безъ малодушія гостя надо встрѣчать, безъ суеты, безъ боязни... Твоя-то обитель послѣ пожара ставлена?

— Послѣ, матушка, послѣ, — отвѣтила Маргарита.

— Вотъ совѣтъ мой тебѣ, — сказала Манеѳа: — поѣзжай поскорѣе домой... Хоть не водится отъѣздомъ гостей торопить, да дѣло такое, что медлить тебѣ не годится, да и мнѣ не слѣдъ тебя удерживать... Пріѣдешь домой, тотчасъ святыню, котора въ моленной порѣдкостнѣй, въ городъ вези. Отдай, кому знаешь, на похраненье. Я-бъ на твоемъ мѣстѣ весь деисусъ *) вывезла. Хорошихъ писемъ онъ у васъ, древній... А намѣсто его плохонькихъ бы образишковъ наставила. Не замай ихъ печатаетъ. Книги, особенно харатейныя да старописьменныя, всѣ безъ остатку въ городъ свези. Псалтыри оставь да часовники, да и то новой единовѣрческой печати. Пуще всего почаевскіе переводы убирай **), запретными ихъ почитаютъ. Письма, какія есть, подальше припрячь... Кто его знаетъ, можетъ, и обыски дѣлать зачнетъ.

— И впрямь, матушка! Распоряжусь по твоему совѣту. Время-то есть, — молвила Маргарита.—Сію же минуту поѣду, сегодня же за ночь изъ моленной все выберу, а завтра чуть свѣтъ сама къ Полуехту Семенычу свезу... За полезный совѣтъ благодарю покорно, — прибавила она, низко поклонившись Манеѳѣ.

— Поѣзжай съ Богомъ, матушка, поѣзжай, — сказала Манеѳа. — Управляйся съ Божьей помощью, авось успѣешь... И другимъ матерямъ посовѣтуй! Да потише бы дѣло вели, не

---

*) Деисусъ—ряды иконъ ярусами, иконостасъ. Въ тѣсномъ смыслѣ три иконы: Спасителя, Богородицы и Іоанна Предтечи.

**) Переводомъ у старообрядцевъ называется новая перепечатка богослужебныхъ книгъ слово въ слово, буква въ букву со старопечатными московской печати временъ первыхъ пяти патріарховъ. Въ концѣ XVIII столѣтія, за оскудѣніемъ старопечатныхъ книгъ, много переводовъ печаталось въ посадѣ Клинцахъ (Черниговской губерніи) въ тайныхъ типографіяхъ. На этихъ переводахъ въ выходахъ означалось, будто они печатаны въ Почаевѣ, тогда еще не принадлежавшемъ Россіи.

огласилось бы. Не то до всего докопаются. Зря станете дѣлать, недолго и стороннихъ въ отвѣтъ привести. Не всѣмъ совѣтуй, надежнымъ только... Главное дѣло—было-бъ все шито да крыто... А какъ Царица Небесная поможетъ тебѣ управиться, отпиши поподробнѣй.

Въ четверть часа собралась Маргарита. Горько было столь поспѣшно уѣзжать и Аннѣ Сергѣвнѣ и кормившей горячими блинами Василья Борисыча Грушенькѣ. Но дѣлать нечего, надо проститься съ утѣхами, надобно ѣхать на плачъ да на горе.

Въ горенкѣ у Фленушки самоваръ на столѣ. Кругомъ самовара семь дѣвицъ сидитъ: Дуня Смолокурова, Параша Чапурина, три бѣлицы улангерскія, сама Фленушка съ Марьюшкой. Идутъ у нихъ разговоры веселые про житье-бытье обительское, про гулянки съ парнями за околицами, про гостей — молодыхъ «благодѣтелей» — пріѣзжавшихъ въ скиты изъ разныхъ городовъ. Всѣхъ веселѣй, всѣхъ рѣчистѣй была Фленушка. На затѣйные разсказы — что на всякія проказы ее взять. Что̀ ни скажетъ, дѣвицы со смѣху такъ и покатятся. Какъ ни скромна, какъ ни стыдлива была Авдотья Марковна, и у той отъ разсказовъ Фленушкиныхъ нѣжное личико оживлялося, краска играла на свѣжихъ ланитахъ, и нѣжная, веселая улыбка съ румяныхъ губъ не сходила. Какъ ни вяла, какъ ни сонлива Параша Чапурина, и та громко хохотала, махая Фленушкѣ платкомъ и приговаривая:

— Да ну тебя!.. Перестань!.. Уморишь!..

Вдругъ подъ общій смѣхъ опрометью влетѣла Устинья Московка. Лицо блѣдное, головной платокъ на̀бокъ, сама растрепанная, глаза красные, слезы въ три ручья... Съ визгомъ и воплемъ подбѣжала къ кровати, ринулась на постель и разразилась рыданьями... Всѣ обступили ее, съ участіемъ разспрашивали, но, уткнувши голову въ подушку, она ничему не внимала... Догадалась Фленушка, съ чего Устинья убивается, но не сказала ни слова, хоть не меньше другихъ вкругъ нея суетилась.

Черезъ нѣсколько времени отлегло на сердцѣ у канонницы. Подняла она голову, сѣла на постель, мутнымъ взоромъ окинула стоявшихъ дѣвицъ и, сложивъ на колѣняхъ руки, стала причитать въ источный голосъ:

— Каково-то мнѣ горько въ сиротствѣ жить, каково-то мнѣ жить сиротой беззаступною!.. Натерпѣться мнѣ, сиротѣ, всякой всячины: и холоду, и голоду, и горя-обиды великія!.. Зародила ты меня, матушка, на горе, надѣлила меня участью горькою, что живу-то я, сиротинушка, во злой во неволюшкѣ, со чужими людьми, со безжалостными!..

— Да что такое?.. Что такое случилось съ тобой? — участливо спрашивали ее дѣвицы улангерскія, Параша Чапурина и Дуня Смолокурова.

Не говорили ничего Фленушка съ Марьюшкой.

— Посылаютъ меня бѣдную въ Казань на цѣлый годъ, разлучаютъ съ мѣстомъ любимымъ, — на тотъ же голосъ причитаній громко плакалась Устинья Московка.

— Чего-жъ убиваться-то? — весело молвила ей быстроногая Дуня улангерская. — Пошли-ка меня матушка Юдиѳа къ хорошимъ людямъ на годъ въ канонницы, да я бы, кажется, съ радости земли подъ собой не взвидѣла, запрыгала-бъ, заплясала, а ты, безстыдница, выть...

— Хорошо тебѣ, Авдотьюшка, этакъ разговаривать, — жалобно, но съ досадой отвѣтила ей Устинья. — Суди Богъ того, кто обидѣлъ меня!.. Да не обрадуется она горькой обидѣ моей... Обижена сиротская слеза даромъ на землю не капаетъ, канетъ слеза моя горькая горячей смолой на голову лиходѣйки-обидчицы!

— Да кто-жъ обидѣлъ тебя? Кого клянешь, на кого жалобишься? — усмѣхнувшись, спросила Устинью Фленушка.

Досадно ей было, что она нарушила веселую бесѣду дѣвичью.

— Знаю я, матушка... знаю, Флена Васильевна!.. Все знаю!.. — накинулась на нее Устинья. — Меня, сударыня, не проведешь. Сердце-то вѣщунъ: чуетъ, отъ кого добро, отъ кого худо, — продолжала она, злобно косясь на Парашу. — Да нѣтъ, погоди, прежде времени не радуйся!.. Не на радость будетъ отъѣздъ мой обидчицѣ!.. Пришла пора и мнѣ свою пѣсенку спѣть!.. Доводится и мнѣ провести свою борозду!.. Такъ-то, сударыня!..

— Да что ты? Очумѣла, аль совсѣмъ разсудкомъ рехнулась? — крѣпко нахмурившись, съ сердцемъ сказала ей Фленушка. — Вбѣжала, ровно бѣшена собака, смутила веселую нашу бесѣду, да еще невѣсть какія слова говоритъ!.. Образумься, непутная, уйми свое глупое сердце!..

— Не тебя корятъ, такъ ты и молчи! — на всю горницу закричала Устинья Московка. — Знаю я, знаю, кому понадобилось изъ обители меня спѣхомъ услать!.. Знаю!.. Нечего ухмыляться-то, Прасковья Патаповна!.. Что богатаго отца дочь, такъ думаешь, что передъ тобой всѣ молчать должны... Нѣтъ, сударыня, не на такую напала!.. Обожжешься!..

А Параша смотритъ на нее широко раскрытыми глазами и понять не можетъ, съ чего она на нее такой поклепъ понесла.

— Что ты, Устиньюшка! — молвила. — Окстись! Ничего я

не знаю, не вѣдаю, ни до какихъ вашихъ обительскихъ дѣловъ не дохожу....

Вскочила съ кровати Устинья, затопала ногами и закричала въ источный голосъ.

— Узнаешь ты меня, змѣя подколодная!.. Весь вѣкъ будешь помнить меня!.. Сейчасъ же пойду, про все доложу Аксиньѣ Захаровнѣ. Пущай порадуется, пущай полюбуется на свою дочку-скромницу!.. Пущай узнаетъ, какими дѣлами на богомольяхъ она занимается.

Вспыхнула Параша, зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ. Вспало ей на мысли, что Устинья отъ кого-нибудь вывѣдала про ночное гулянье въ Улангерѣ и о немъ грозится разсказать Аксиньѣ Захаровнѣ. «Что̀ будетъ тогда? — думаетъ Параша въ сильной тревогѣ. — Пропадать моей головушкѣ! Хоть заживо въ гробъ ложись!.. Житья не будетъ, заколотятъ тятенька съ мамынькой до полусмерти».

— Что̀ ты? Христосъ съ тобой! — упавшимъ отъ страха голосомъ чуть слышно проговорила она Устиньѣ, и горькія слезы задрожали на рѣсницахъ ея.

Дрожа со злости и ревности, выдвинулась впередъ Устинья. Еще минута, и осрамила-бъ она Парашу словами, побила бы, можетъ статься, и руками. Фленушка стала межъ нихъ.

— Что̀ ты здѣсь?.. Бунтъ подымать?.. — строго, холодно, величаво сказала она Устиньѣ, и въ рѣчи ея рѣчь Мансоы послышалась. — Вонъ!.. Духа твоего чтобъ здѣсь не было!.. Не то сейчасъ позову матушку — насидишься въ погребѣ либо на цѣпи въ келарнѣ *)! Ступай отсель до грѣха.

— Не запугаешь меня, потаковница! Ничѣмъ не запугаешь!.. — кричала Устинья. — За самой за тобой знаю койчто... Допрежде тебя дойду я до матушки — все, про все доложу ей... Запоешь тогда у меня другимъ голосомъ.

— Ахъ, ты, безстыжая! — проворчала Фленушка.

Она только поблѣднѣла. Другихъ признаковъ гнѣва, что̀ кипѣлъ въ ея сердцѣ отъ дерзкихъ намековъ обезумѣвшей съ ревности канонницы, не видно.

— Марья! — холодно сказала она головщицѣ. — Сходи къ матушкѣ, позови сюда.

Марьюшка вышла.

— Не больно-то я испугалась, — во все горло продолжала

*) Въ старину въ монастыряхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, за провинности сажали на цѣпь въ поварнѣ. Въ женскихъ монастыряхъ сажали и на погребъ. Эти наказанія до послѣдняго времени удерживались въ старообрядческихъ скитахъ, гдѣ твердо сохранялись всякаго рода старинные обычаи.

кричать Устинья Московка. — Сама обо всемъ доложу... Себя не пожалѣю, а все разскажу... Останетесь довольны!.. Будете меня поминать!.. Не забудете!..

Дверь широко распахнулась, и на порогѣ явилась Манеөа. Строго и гнѣвно было лицо ея, изъ-подъ нахмуренныхъ бровей раскаленными угольями сверкали черные глаза.

— Это что? — ровнымъ, невозмутимымъ голосомъ повелительно сказала она. — Свары заводить?.. Сейчасъ къ Бояркинымъ!.. Кони готовы — ступай!

— Матушка... да я... — зачала-было Устинья, но Манеөа, отступая отъ порога въ сторону, рукой показала ей дорогу и одно только слово промолвила:

— Съ Богомъ!

Стихла Устинья, поникла головой и поклонилась игуменьѣ въ ноги, говоря обычныя слова прощанья:

— Матушка, прости, матушка, благослови!

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ! — безстрастно отвѣтила Манеөа и, пропустивъ мимо себя Устинью, подошла къ Дунѣ Смолокуровой и ласково молвила ей:

— Не погнѣвись, Дунюшка, что шальная дура буйство при тебѣ завела. Этакая, прости Господи, вольница!.. Вотъ ужъ вольница-то!.. Ну, забавляйтесь, дѣвицы, забавляйтесь, а я пойду — тамъ у меня свои гости сидятъ... А ты, Фленушка, хорошенько подружекъ-то потчуй — варенья бы тамъ, что ли, достала, орѣшковъ...

И вышла изъ горницы.

Черезъ часъ изъ обители Бояркиныхъ, на тамошнихъ лошадяхъ, поѣхала Устинья Московка. Какъ ни старалась она хоть на минуточку свидѣться съ Васильемъ Борисычемъ — не удалось.

Пять верстъ ѣзды, лежа въ кибиткѣ, Устинья рвалась и металась. Другія пять верстъ ровно мертвая безъ памяти лежала. Остальную дорогу опомнилась, но ни слова ни съ кѣмъ не сказала.

———

Ни словомъ сказать, ни перомъ описать того счастья, той радости, что почувствовалъ Василій Борисычъ, узнавъ отъ пришедшаго изъ обители Бояркиныхъ Семена Петровича объ отъѣздѣ взбалмошной Устиньи. Ровно гора съ плечъ свалилась. Очень боялся онъ, чтобъ ревнивая до сумасбродства канонница, ни жалѣя ни себя ни его, подъ злой часъ не брякнула кому-нибудь о тайныхъ ихъ свиданіяхъ. Наканунѣ Петрова дня улучила времечко Устинья, поймала Василія Борисыча гдѣ-то за околицей и осыпала его попреками за то,

что съ Парашей ѣздилъ на Китежъ. Отъ укоровъ ея сильно смутился Василій Борисычъ и въ отвѣтъ ни единаго слова не могъ вымолвить, и тѣмъ увѣрилъ Устинью, что во время богомольной поѣздки у нихъ что-то было. Пригрозила она, что себя не пожалѣетъ, а всю подноготную разскажетъ и матушкѣ Манееѣ, и Патапу Максимычу, и Аксиньѣ Захаровнѣ, и по всей обители разблаговѣститъ про шашни его съ Прасковьей Патаповной... И очень опасался того московскій посланникъ—ни днемъ ни ночью не было спокоя на сердцѣ его.

«Съ одной ноги колода долой,—думалъ Василій Борисычъ, выслушавъ радостное извѣстіе.—Приведи-ка Господи съ другой-то какъ-нибудь... Чапуринъ—медвѣдь, какъ есть медвѣдь. Всѣ боятся его, на кого гнѣвнымъ окомъ ни взглянетъ, всякъ дрожмя дрожитъ... На что мать Манееа—ума палата, старица властная, и свои и чужія всѣ передъ ней преклоняются, а и та не посмѣла воспретить ему безчинства, что̀ затѣялъ вечоръ во святѣй обители... И грозёнъ и страшенъ, всѣ въ одинъ голосъ такъ говорятъ. И никуда отъ него не уйдешь: долга рука—вездѣ достанетъ... Охъ, искушеніе!.. Попуталъ же меня окаянный съ этой копной связаться!.. Какъ есть дерево... Охъ, не то, совсѣмъ не то, что̀ Дунюшка Смолокурова!.. Охъ искушеніе!.. Какъ цвѣтущая яблонь предъ лѣсными деревьями, такъ она предъ другими дѣвицами: очи голубиныя, волосы — янтарныя волны, уста — червленыя ленты, розовый шипокъ—ланиты ея... Уязвленъ, азъ грѣшный, любовію! Охъ, искушеніе!.. А она-то моя ненаглядная—вертоградъ для меня заключенъ, источникъ радостей для меня запечатлѣнъ!.. Кому повѣмъ печаль мою!.. Охъ, ты, горе, мое горе великое!.. А узнаетъ Чапуринъ про гулянки въ Улангерѣ!.. Живой тогда въ гробъ ложись!.. Мало что жизни лишитъ, измучитъ всего, истязать начнетъ... Охъ, Господи, Господи! изми мя изъ рукъ враговъ моихъ!.. Къ себѣ зоветъ!.. Охъ, искушеніе!.. Пойду ли къ нему на погибель?.. Угораздило-жъ меня съ этой Парашкой связаться!.. Пропадай она совсѣмъ окаянная... Не видать бы ея глазамъ моимъ!.. На бѣду навела, на погибель!.. Охъ, искушеніе!..»

Такъ размышлялъ Василій Борисычъ, спѣшнымъ шагомъ ходя взадъ и впередъ по свѣтлицѣ, а Семенъ Петровичъ той порой у окна сидѣлъ. Глядя на работныхъ бѣлицъ, что̀, подоткнувъ подолы, подмывали затоптанную наканунѣ прихожими богомольцами паперть часовни, облюбовалъ-было онъ здоровенныя, ровно изъ слоновой кости выточенныя, ноги одной молодой трудницы. Остамѣлъ совсѣмъ... Глазъ отвести не можетъ. «Не то что Марьюшка,—думаетъ.—Того же сорта,

да много поважнѣе!». Но обернулась лицомъ поломойка: корявая, скошенный лобъ, носъ расплылся, красныя вѣки, ротъ до ушей... Отошелъ отъ окна саратовецъ, плюнулъ.

— Что задумался?—хлопнулъ онъ по плечу Василья Борисыча.—Въ какихъ царствахъ, въ какихъ государствахъ вольными мыслями летаешь?

— Мало-ль о чемъ мнѣ думать доводится? — угрюмо отвѣтилъ Василій Борисычъ.— Вечоръ бабій соборъ не выгорѣлъ; пріѣду въ Москву, скажутъ: «ѣздилъ ни по что, привезъ ничего!». Непріятности, остуда!.. Вотъ каково мое положеніе!.. Поневолѣ задумаешься... Охъ, искушеніе!

— Не ври, Васютка, не ври! Меня, другъ любезный, на бобахъ не проведешь. Кой-что сами знаемъ, а больше того смекаемъ... Не объ Москвѣ задумался, не тамъ твои мысли летаютъ, не московской остуды, другого боишься... Все по глазамъ твоимъ вижу, все,— съ лукавой улыбкой говорилъ ему Семенъ Петровичъ.

— Лазилъ, что ли, ко мнѣ въ умъ-отъ? — нехотя улыбаясь, спросилъ у него Василій Борисычъ.

— Лазить не лазилъ, а знаю, что у тебя на умѣ,—молвилъ саратовецъ.

— Экій прозорливецъ какой выискался!—пошутилъ Василій Борисычъ.

— Да ты не смѣйся. Въ самомъ дѣлѣ я прозорливецъ, — молвилъ Семенъ Петровичъ. — Хочешь, скажу, что будетъ съ тобой?

— Ишь пророкъ какой! — отшучивался Василій Борисычъ.

— Пророкъ не пророкъ, а отгадчикъ, — молвилъ саратовецъ.—Хочешь аль нѣтъ? Сейчасъ могу сказать, что по-скорости будетъ съ тобой.

— Что-жъ такое будетъ со мной?

— Быть тебѣ, Васенька, битому, быть тебѣ, голубчикъ, колоченному, — съ усмѣшкой сказалъ Семенъ Петровичъ. — О томъ, какъ бить тебя станутъ, ты теперь и задумался... Правду аль нѣтъ говорю?.. Ну-ка, скажи, только смотри, уговоръ пуще денегъ, не вертись, не отлынивай, сказывай вправду... Что у тебя на мысляхъ лежитъ?.. Побоевъ боишься?.. Трусишь?.. Такъ ли?..

Смутился Василій Борисычъ, молвилъ про себя: «Охъ, искушеніе!». Но не успѣлъ еще слова сказать, какъ саратовецъ молвилъ:

— А битому быть отъ Патапа Максимыча.

Поблѣднѣлъ Василій Борисычъ, смутился, хотѣлъ что-то

сказать, раскрылъ ротъ, да такъ и остался. Не сходятъ слова съ языка.

— А битому быть за Прасковью Патаповну, — усмѣхаясь, продолжалъ Семенъ Петровичъ.

Не отвѣтилъ московскій посланникъ. Совсѣмъ у него на умѣ помутилось. Думаетъ и не можетъ придумать, откуда саратовецъ его тайну узналъ...

— А чтó, Васенька? Хорошо съ дѣвицами на Китежъ ѣздить? — прищуривъ глаза, съ усмѣшкой спросилъ Семенъ Петровичъ.

Тотъ завертѣлся на стулѣ, кругомъ сталъ оглядываться, ровно чтó потерялъ.

— А весело, черезъ болото по кладкамъ идучи, середь бѣла дня цѣловаться съ дѣвицами?

Впился глазами въ саратовца Василій Борисычъ, отъ изумленья слова не можетъ сказать.

— Весело въ Улангерѣ ночью въ лѣсочкѣ гулять? — сказалъ наконецъ Семенъ Петровичъ, хлопнувъ по плечу пріятеля.

— Охъ, искушеніе!—только и могъ промолвить обомлѣвшій Василій Борисычъ.

— Чтó скажешь?.. Умѣю пророчить?.. Узналъ, чтó на мысляхъ?.. — продолжалъ саратовецъ.

— Да съ чего ты взялъ?.. Сорока что-ль на хвостѣ вѣсти тебѣ принесла?.. — послѣ недолгаго молчанья Василій Борисычъ сказалъ.

— Не сорока на хвостѣ принесла, вѣрные люди сказали,— молвилъ Семенъ Петровичъ.— Нечего таиться, Васенька! Самъ видишь, что знаю твои похожденья. Лучше сознайся да вдвоемъ по-пріятельски посудимъ-порядимъ, какъ поздоровѣй изъ бѣды тебѣ вылѣзть. Умъ хорошо, а два лучше того.

— Да нѣтъ, нѣтъ...—заговорилъ въ конецъ растерявшійся московскій посланникъ.—Ты прежде скажи — какъ это?..

И не договорилъ.

— Ну чтó: «какъ это»?—спросилъ саратовецъ.

— Да какъ это?.. Охъ, искушеніе!.. Да что-жъ это въ самомъ дѣлѣ?.. Скажи на милость, кто говорилъ?.. Скажи, Семенушка, пожалуйста, скажи...

— Кто бы ни говорилъ, — молвилъ Семенъ Петровичъ. — Не въ томъ сила, кто про твои похожденья мнѣ сказывалъ, а въ томъ, какъ пособить, чтó посовѣтовать, какъ бы полегче изъ бѣды выпутаться. Вотъ чтó. Патапъ-отъ Чапуринъ звѣрь звѣремъ. Дойдутъ до него слухи, чтó съ тобой онъ подѣлаетъ?

— Медвѣдь!—со вздохомъ и сердечнымъ содроганьемъ промолвилъ Василій Борисычъ.

— Истинно такъ, — подхватилъ саратовецъ. — А знаешь, какъ медвѣдь въ лѣсу дуги гнетъ? Гнетъ — не паритъ, переломитъ — не тужитъ. Такъ и онъ. Ты не смотри, что ласковъ онъ до тебя, не гляди, что возлюбилъ тебя. Развѣдаетъ про дочку, мигнуть не успѣешь — на другой салтыкъ поворотитъ. Тогда держись только.

— Охъ, искушеніе,—въ сильной тревогѣ глубоко вздохнулъ Василій Борисычъ.

— Знаешь что̀, Васенька? — сказалъ ему Семенъ Петровичъ. — По моему разсужденью лучше-бъ тебѣ какъ можно скорѣй повѣнчаться съ Прасковьей Патаповной... Ей-Богу!.. Вотъ бы покамѣстъ я не уѣхалъ, да Самоквасовъ Петръ Степанычъ здѣсь... Валяй, Васютка, женись!.. Мы бы тебѣ помогли самокрутку сыграть... Живой бы рукой все обладили... Послѣ бы вѣкъ не зналъ, какъ и благодарить насъ... Право, подумай-ка, Васенька.

— Потчевали ужъ меня этимъ, — чуть слышно промолвилъ Василій Борисычъ.

— А коли потчевали, такъ нечего и раздумывать, — сказалъ саратовецъ.—Благо же постъ отошелъ, вѣнчаться можно... Что̀ попусту время тянуть?.. Давай-ка примемся за дѣло... Право, мы съ Петромъ Степанычемъ разомъ бы тебя окрутили. А послѣ съ богатой женой сталъ бы ты жить-поживать да насъ поминать. Не всякому, другъ любезный, такое дерево удается склонить!.. То̀ подумай, что одна дочь у отца. А денегъ-то у него да всякаго имѣнья, что̀ у любого вашего московскаго туза. По времени все твое будетъ. Живи тогда во всякое свое удовольствіе!

— Охъ, Семенушка, и подумать-то страшно, — дрожащимъ голосомъ, чуть не со слезами промолвилъ Василій Борисычъ.— Нешто, ты думаешь, спуститъ онъ, хоша и женюсь на Прасковьѣ? Онъ ее, поди, за первостатейнаго какого-нибудь прочитъ... Все дѣло испорчу ему, замыслы нарушу... Живого въ землю закопаетъ. Самъ говоришь, что звѣрь, медвѣдь...

— Ну, въ землю-то онъ тебя не закопаетъ, — усмѣхнулся Семенъ Петровичъ. — Побить побьетъ — безъ этого нельзя, а послѣ все-таки смилуется, потому что вѣдь одна у него дочь-то. Пожалѣетъ тоже! Своя кровь, свое рожденье! Да и тебя, какъ видно, онъ возлюбилъ...

— Нѣтъ, этого, Семенушка, не говори! — сказалъ Василій Борисычъ. — Отъ Чапурина милости ждать мнѣ нельзя. Вѣдь онъ какъ расходится да учнетъ лютовать, себя, говорятъ, не

помнитъ... А кулачище-то какой!.. Силища-то какая!.. А мнѣ-то много ли надо?.. Сразу рѣшитъ. Рукой махнетъ — мокренько отъ меня останется.

— А ты не больно пужайся. Тутъ, братъ, чѣмъ больше робѣть, тѣмъ хуже. Такое тутъ дѣло, Васенька, что какъ сробѣлъ, такъ и пропалъ,—продолжалъ Семенъ Петровичъ.— Одно то̀ возьми, что, когда грѣхъ вѣнцомъ покроешь, тебѣ на калачи отъ тестя хоша и достанется, да все-жъ не столько, какъ если узнаетъ онъ про ваши лѣсныя гулянки... Тутъ ужъ пощады не жди — на смерть забьетъ. И не уйдешь тогда отъ него — и въ Москвѣ тебя сыщетъ и въ Питерѣ, гдѣ хочешь сыщетъ. Ему что̀?.. Человѣкъ богатый — что̀ задумалъ, то и сдѣлалъ... Мой бы совѣтъ, Васенька, скорѣй валять самокрутку... Что̀ въ самомъ дѣлѣ?.. Невѣста молодая, изъ себя красива, а богатства-то сколько?.. Кладъ тебѣ въ руки дается— бери не зѣвай. Дуракъ будешь, коли не возьмешь...

— Боязно, — тоскливо отозвался Василій Борисычъ.

— Полно пустое городить! Слушать даже тошно тебя, ей-Богу,—продолжалъ Семенъ Петровичъ.—Слушай: побоевъ тебѣ не миновать, безъ нихъ не обойдешься. Но вѣдь и побои побоямъ рознь: отъ однихъ побоевъ синяки только бываютъ, отъ другихъ смерть... Какихъ желаешь?.. Расчетъ, братецъ, вѣрный: либо биту быть, либо смерть принять... Побои поболятъ да перестанутъ, а до̀ смерти уложитъ—не встанешь. А хоша и не забьетъ тебя до̀ смерти, такъ развѣ лучше, какъ пуститъ калѣкой вѣкъ доживать?.. Подумай, разсуди—человѣкъ ты умный... Скажи, дѣло-ль я говорю?

— Охъ, ужъ, право, не знаю, что̀ мнѣ и думать, — жалобно промолвилъ Василій Борисычъ. — Дѣло-то, какъ ни поверни, со всѣхъ сторонъ никуда не годится... Попуталъ меня окаянный!.. Да и то скажу я тебѣ, Семенушка, по душѣ скажу, какъ старинному другу, надежному пріятелю, только ужъ не выдай ты меня...

— Охота пустяки городить! «Не выдай»! Жидъ, что ли, я, Іуда предатель?.. Кажись, не первый день знакомы, — сказалъ Семенъ Петровичъ.—Говори, коли началъ. Зачинай, дружище, зачинай — раскошеливайся!

— Не по душѣ она мнѣ, Семенушка, — молвилъ Василій Борисычъ.

— Кто?

— Да Прасковья-то.

— Скоренько-жъ, братъ, откидываться вздумалъ, — лукаво усмѣхнулся саратовецъ. — Недѣля-то прошла ли?

— Самъ не знаю, какъ это случилось, — сказалъ Василій

Борисычъ.—Лукавый подвелъ! И теперь такъ она мнѣ опротивѣла, что, какъ только вспомню про нее, тошнехонько станеть!.. Какъ же послѣ того вѣкъ-отъ съ ней вѣковать?.. Подумай, чтò за жизнь у насъ будетъ?.. Маята одна.

— Про это надо бы, Васенька, прежде было подумать, допрежъ Улàнгерскаго лѣсочка. А теперь, какъ дѣло ужъ сдѣлано, на увертки поздно идти,—молвилъ Семенъ Петровичъ.—Нѣтъ, дружище, дѣло твое теперь вотъ какое: либо женись да принимай отъ тестя побои, либо брось и на погибель иди, смертнаго часа жди.

— Охъ, Господи, Господи!—тосковалъ Василій Борисычъ, хватая себя за волосы.

— Нечего пожиматься-то,—подхватилъ саратовецъ.—Жениться горе, не жениться вдвое. Рѣшайся, раздумывать нечего. Долго думать—тому же быть... Состряпать, что ли, самокрутку?.. Ужъ я постарался бы!

— Убѣгу я, Семенушка!—послѣ недолгаго молчанія молвилъ Василій Борисычъ.

— Куда?—спросилъ Семенъ Петровичъ.—Отъ Чапурина, братъ, не ухоронишься: со дна морского достанетъ.

— Я бы за рубежъ, къ некрасовцамъ,—вполголоса сказалъ Василій Борисычъ.—Тамъ у меня много знакомцевъ—не выдадутъ. Долга рука у Чапурина, а туда не дохватитъ.

— А по-моему развѣ только на томъ свѣтѣ отъ него ты укроешься,—молвилъ Семенъ Петровичъ.—У тебя за рубежомъ знакомцы, а у него деньги въ карманѣ. Чтò перетянетъ?.. А?.. За границу уѣдешь?.. Да вѣдь граница-то не желѣзной стѣной отгорожена. Сыщетъ тебя Чапуринъ и тамъ. Не забудетъ дочерняго позора, не помретъ безъ того, чтобъ не заплатить тебѣ за ея безчестье...

— А можетъ, не узнàетъ,—промолвилъ Василій Борисычъ.

— Не узнàетъ?.. Какъ же?.. Развѣ такія дѣла остаются втайнѣ?—сказалъ Семенъ Петровичъ.—Рано ли, поздно ли, безпремѣнно въ огласку пойдетъ... Нѣсть тайны, яже не откроется!.. Узналъ же вотъ я, по времени такъ же и другіе узнàютъ. Оглянуться не успѣешь, какъ ваше дѣло до Патапа дойдетъ. Только доброе молчится, а худое лукавый молвой по народу несетъ... А нешто сама Прасковья станетъ молчать, какъ ты отъ нея откинешься?.. А?.. Не покается развѣ отцу съ матерью? Тогда, братъ, еще хуже будетъ...

— Охъ, искушеніе!.. Право, не знаю, чтò и дѣлать!—съ отчаяньемъ молвилъ Василій Борисычъ.

— Велѣть намъ съ Петромъ Степанычемъ самокрутку ладить скорѣй, вотъ чтò надобно дѣлать,—подхватилъ Семенъ

Петровичъ. — Мы бы съ нимъ заразъ. Шапки съ головы ухватить не успѣешь, какъ будешь повѣнчанъ... Что же?.. Рѣшай!

— Подумать надо, — молвилъ Василій Борисычъ и крѣпко задумался.

Дуня Смолокурова съ ума не сходила. «Неужель придется навѣкъ разстаться съ ней?»—думалъ московскій посолъ.

— Ахъ, Ты, Господи! — вскрикнулъ съ досады Семенъ Петровичъ. — Ну чего тутъ думать-то?.. Чего передумывать?.. За пазуху, что ли, голову-то спрячешь, какъ Чапуринъ ухватитъ тебя?.. Ну, Василій Борисычъ, умный бы ты былъ человѣкъ, кабы не дуракъ!.. Вотъ ужъ истинно ни рыба ни мясо, ни кафтанъ ни ряса!.. Ты ему дѣло, а онъ чепуху; ты ему вдоль, а онъ поперекъ!.. Вотъ ужъ какъ есть ни сана ни мана *)... Такъ лѣшій же побери тебя, не хочу и вступаться... Пущай съ тебя Чапуринъ шкуру съ живого сдеретъ. Вспомянешь меня подъ его кулаками, вспокаешься, что не хотѣлъ слушать меня.

— Ну ужъ ты и осерчалъ! — жалобнымъ голосомъ проговорилъ Василій Борисычъ.—Сказать ничего нельзя!.. Право... Чѣмъ бы посовѣтовать, потужить со мной, а онъ бранится! А еще пріятель...

— Да какъ же на тебя не серчать-то? — съ досадой отвѣтилъ Семенъ Петровичъ. — Все дѣло ему какъ на ладонкѣ кажутъ, а онъ: «подумаю!»... Нечего думать-то, коли цѣлъ хочешь быть. Вѣнчайся и дѣлу конецъ!.. Экая мямля, прости Господи!.. Этакій чурбанъ!.. Вотъ ужъ настоящій пень лѣсной!.. Право!

— Тебѣ бы только ругаться! — еще жалобнѣй проговорилъ Василій Борисычъ.

— Не стоишь развѣ?.. — перебилъ саратовецъ. — Драть тебя надо, коли самъ своей пользы не видишь. Все тебѣ разсказано, все тебѣ доказано, самъ понимаешь, что одно спасенье тебѣ жениться скорѣй. Не женишься—пиши письма къ роднымъ, за упокой поминали бы...

— Инъ вотъ что, — началъ-было Василій Борисычъ, но вдругъ остановился и задумался.

Послѣ короткаго раздумья, съ живостью схвативъ Семена Петровича за руку, молвитъ онъ:

— Пойдемъ на всполье, Семенушка, за Каменный Вражекъ. Тамъ на вольномъ воздухѣ дѣльнѣй потолкуемъ. А

---

*) Выраженіе, употребляемое въ Поволжьѣ, взято отъ татаръ: «ни тебѣ ни мнѣ».

здѣсь ты вонъ на всю обитель кричишь — услышать могутъ... Пойдемъ!

— Пожалуй, пойдемъ, — небрежно молвилъ саратовецъ. — Только, признаться, не жду, чтобъ и тамъ вышелъ какой толкъ изъ нашихъ съ тобой разговоровъ. Потому дуракъ, пользы своей не понимаешь...

Пошли, но только поровнялись съ домикомъ Марьи Гавриловны, какъ глядѣвшій изъ окна Патапъ Максимычъ сталъ ихъ къ себѣ закликать.

— Ну что?.. Въ головѣ не трещитъ ли? Заходите къ намъ чайничать!

Пытался-было Василій Борисычъ отговориться недосугами, но Патапъ Максимычъ такъ рѣшительно сказалъ ему, чтобъ тотчасъ же шелъ къ нему, что смущенный московскій посланникъ ослушаться не посмѣлъ. Какъ провинившійся передъ хозяиномъ песъ, поджавъ хвостъ и понуривъ морду, робко и послушно идетъ на повелительный зовъ, такъ Василій Борисычъ пошелъ въ домикъ Марьи Гавриловны на зовъ Патапа Максимыча.

Саратовецъ не пошелъ. Онъ направилъ путь свой въ обитель Бояркиныхъ къ будущему хозяину.

Четверо за чаемъ сидѣло, когда въ уютныя горенки Марьи Гавриловны вступилъ совсѣмъ упавшій духомъ Василій Борисычъ. Кромѣ Патапа Максимыча были тутъ Марко Данилычъ, Михайла Васильичъ да кумъ Иванъ Григорьичъ. Вчерашняго похмелья на нихъ и слѣдовъ не осталось. Чинно, степенно сидѣли они, дѣльныя рѣчи вели — о торговыхъ дѣлахъ толковали. Про волжскія низовья, про астраханскіе рыбные промыслы шла у нихъ рѣчь. Марко Данилычъ былъ знатокомъ этого дѣла. Былъ онъ одинъ изъ главныхъ поволжскихъ рыбныхъ торговцевъ.

— Садись-ка, Василій Борисычъ, да слушай, — сказалъ Патапъ Максимычъ, когда тотъ, помолясь Богу и отдавъ каждому изъ сидѣвшихъ по особому поклону, молча подсѣлъ къ самовару

— Поэтому выходитъ, что вся, значитъ, тамошняя рыбная часть нашими мѣстами держится?—сказалъ Иванъ Григорьичъ Марку Данилычу.

— Отъ большого возьми до малаго, все здѣшнее. Все здѣшнимъ народомъ работается,—говорилъ Смолокуровъ.—Лодки ли взять, всѣ до единой въ Чернорѣчьѣ *) рублены: и морскія,

*) Чернорѣчье по лѣвому берегу низовья Оки въ Балахонскомъ уѣздѣ.

и кусовыя, и ловецкія, и живодныя, и реюшки съ бударками, и косныя *). Что за зиму ихъ ни нарубятъ, все по веснѣ на Низъ плавятъ!.. Проволочная уда изъ Безводнаго, кованцы на кусовые самоловы тоже въ здѣшнихъ мѣстахъ по Волгѣ куютъ; дѣль на ставныя сѣти и на плавныя изъ Ягоднаго; бечева — горбатовская, лоцмана изъ Татинца да изъ Кадницъ **), ловцы тоже все почти изъ нашихъ мѣстовъ, да и промышленниковъ взять, такъ здѣшнихъ-то — больше половины. Изстари такъ повелось. Еще втѣпоры, какъ ловили рыбу «бездавно, безъявочно», на рыбныхъ промыслахъ ватаги ***) бывали все нижегородскія... И когда московскія пошлины на рыбу старыми царями были положены, сбирали ихъ у Стараго Макарья, для того, что всѣ промышленники вокругъ того мѣста проживали °). Самимъ низовцамъ безъ нашего брата ввѣкъ бы съ рыбой не управиться... Говорятъ же, что въ стары годы, когда нашего брата на Низу еще не было, астраханцы замѣсто бѣлой рыбицы кобылятину въ Новгородъ слали... Значитъ, рыбы отъ кобылы отличить не могли. И до сихъ поръ астраханцевъ тѣмъ дразнятъ. И не любятъ же они того присловья!

Захохоталъ Патапъ Максимычъ.

— Употчевали, значитъ, постниковъ калмыцкой маханиной °°), — говорилъ онъ.

---

*) Кусова́я морская — длиной отъ 10 до 13 саженъ, поднимаетъ до 25 тысячъ пудовъ, ловецкая отъ 3-хъ до 4-хъ саженъ, живодна́я — прорѣзь съ садкомъ для пойманной рыбы. Въ ней возятъ живую воблу, употребляемую при ловлѣ бѣлугъ на «кусъ», то-есть на приманку. Ре́юшка — малая кусова́я лодка для морского промысла, длиной 7 саженъ, безъ закроя (палубы), съ косыми парусами. При ней ходитъ буда́рка — узкая, съ длиннымъ носомъ и косымъ парусомъ. Эмбенка — при кусовой морской; длиной двѣ - три сажени, безъ закроя. Косна́я — легкая лодка, для разъѣздовъ промысловыхъ приказчиковъ и т. п., длиною отъ полутора до двухъ саженъ, шестивесельная, или восьмивесельная съ двумя косыми парусами.

**) Село Нижегородскаго уѣзда на Волгѣ. Ко́ванецъ — большой рыболовный крюкъ, для ловли большихъ рыбъ. Кусовой самоловъ — ко́ванцы, подвѣшенные на хребтинѣ (веревка съ поводцами, къ коимъ прикрѣплены ко́ванцы), для ловли большой красной рыбы. Дѣль — конопляная ручная пряжа, изъ нея вяжутъ ловецкія (рыболовныя) сѣти для промысловъ въ Ягодномъ, Княгининскаго уѣзда, и по окрестнымъ селеніямъ. Ставныя сѣти — на красную рыбу: стоятъ, какъ тенета, на одномъ мѣстѣ во все время лова. Плавна́я сѣть — подвижная, плывущая по теченью рѣки. Въ Горбатовѣ дѣлаютъ бечеву для ловецкихъ снастей. Татинецъ и Кадницы — приволжскія села Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи.

***) Мѣсто для неводнаго залова рыбы.

°) Старый Макарій — городъ Макарьевъ на Волгѣ, гдѣ до 1817 года бывала нынѣшняя Нижегородская ярмарка.

°°) Маханина — конина.

— Теперича на рыбныхъ ватагахъ саратовцы въ силу пошли; отбиваютъ у насъ рыбную часть, — продолжалъ Смолокуровъ. — Потому-то всякому здѣшнему тысячнику и совѣтовалъ бы я этимъ дѣломъ заниматься, поднять бы да поддержать дѣдовскіе промыслà, не отдавать ихъ саратовцамъ... Да и выгодно. Чтò вы, Патапъ Максимычъ, на это скажете?

— Нельзя мнѣ по разнымъ дѣламъ разбиваться, Марко Данилычъ, — отвѣтилъ Чапуринъ. — И безъ того у меня ихъ немало, дай Богъ и съ тѣми управиться! Нѣтъ, ужъ зачѣмъ же мнѣ лишнюю обузу брать на себя.

— Хоть для пробы маленько дѣльце завели бы, небольшую бы ватажку на откупъ взяли, — продолжалъ Смолокуровъ. — Послѣ за совѣтъ мнѣ спасибо сказали бы. Лиха бѣда начать, а тамъ все какъ по маслу пойдетъ. Право, подумайте — барыши хорошіе, дѣло вести можно.

— Хозяйскій глазъ для того нуженъ, Марко Данилычъ, — молвилъ Чапуринъ. — Самому въ такую даль ѣхать мнѣ не приходится, а вѣрнаго человѣка не предвидится. Знающаго вѣдь надо.

— Конечно, знающаго, — отвѣтилъ Смолокуровъ. — Безъ знающихъ людей рыбнаго дѣла нельзя вести. Главное, вѣрныхъ людей надо; ихъ «разъѣздными» въ косныхъ по снятымъ водамъ разсылаютъ, наблюдать за ловцами... У насъ, я вамъ скажу, дѣло вотъ какъ ведется. Снявши воды, ловцамъ ихъ сдаемъ. Искать ловцовъ не надо, сами нагрянутъ, знай выбирай, кому отдать. Народъ бѣдный, кормиться тоже надо, а къ другимъ промысламъ непривыченъ. И какъ много ихъ сойдется, сдача пойдетъ наперебой. Одинъ передъ другимъ проценты набавляетъ.

— Какъ проценты набавляетъ? — спросилъ Чапуринъ.

— А вотъ какъ, — сталъ объяснять Смолокуровъ. — Пишется «ловецкій контрактъ», безъ того нельзя: ряда не досада, а уговорецъ нашему брату кормилецъ. Выговариваютъ, чтобъ ловцы всю рыбу, чтò ни наловятъ, сдавали съемщику со скидкой десяти аль двѣнадцати копеекъ съ рубля. А какъ пойдетъ у нихъ наперебой, по двадцати да по двадцати по пяти копеекъ они и скидываютъ. Нашему брату барышъ въ руку и лѣзетъ...

— Понимаю теперь! — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— А кромѣ того — икра да визига хозяину даромъ, — продолжалъ Марко Данилычъ. — Тутъ-то вотъ ловкіе разъѣздные и нужны, потому что ловцы — народъ воръ. Изъ плута кроены, мошенникомъ подбиты, съ ними не зѣвай, во всяко время ухо востро держи.

— А что? — спросилъ кумъ Иванъ Григорьичъ.

— Да вотъ, къ примѣру сказать, какъ они окаянные разъ меня самого провели, — продолжалъ Марко Данилычъ. — Ѣду я въ косной, навстрѣчу другая, гляжу — наши. Разъѣздной, какъ водится, тотчасъ въ лодку, щупомъ вездѣ пробуетъ — нѣтъ ничего. А тутъ баба съ ребеночкомъ, кричитъ сердечный, такъ и заливается, ѣсть хочетъ, а у матери-то молока, видно, мало. Пододвигаетъ она къ себѣ кринку, разъѣздной-было за нее, а баба таково жалобно говоритъ: «молочко маленькому въ кринкѣ-то». Разъѣздной не внемлетъ, хочетъ кринку раскрыть. Жалко мнѣ стало ребеночка, не велѣлъ трогать. Что-жъ, сударь мой? Послѣ узнаю — въ кринкѣ-то икра была.

Захохоталъ во все горло Патапъ Максимычъ, засмѣялись и его собесѣдники.

— Ловка же бабенка, — молвилъ удѣльный голова. — Говорится же пословица: «хитра, мудра баба казанская, похитрѣй ея астраханская»...

— Да это что? — смѣялся Смолокуровъ. — Другая баба еще вороватѣй перехитрила меня. Вхожу разъ на косную — тоже баба съ ловцами была. Сидитъ, грудью младенца кормитъ, укачиваетъ его. Разъѣздной къ ней; одѣялишко-то на ребенкѣ раскрыть хочетъ. «Бога ты не боишься, — такъ тихо да покорно, чуть не со слезами говоритъ ему бабенка: — младенчикъ-отъ у меня хворенькій, только-что закачала его — потревожишь бѣдненькаго». Велѣлъ я бабу въ покоѣ оставить... А послѣ слышу, каки-то ловцы диковинную стерлядь продали, фунтовъ въ двадцать вѣсомъ, отъ пера до глаза больше полутора аршина. Рѣдкостная рыбина, въ кои-то вѣки такая попадетъ... Что же ты думаешь?.. Самую ту рыбину та бабенка у груди-то и держала... Вотъ тутъ и поди съ ними!

— Ловкій народецъ! — молвилъ Патапъ Максимычъ. — На какія однако хитрости ловцы-то у васъ подымаются.

— Всѣхъ ихнихъ мошенничествъ ни пересказать ни переписать, — сказалъ Смолокуровъ.

— А думается мнѣ, — сказалъ Патапъ Максимычъ: — что меньше отъ нихъ плутовства-то было бы, когда бы ряду повыгоднѣй для нихъ писали. Сами посудите, много-ль ловцу при такихъ порядкахъ останется? Лодка-то вѣдь въ лѣто сотъ на семь цѣлковыхъ рыбы наловитъ?.. Такъ ли?

— Такъ точно, — отвѣтилъ Смолокуровъ.

— А велика-ль на лодкѣ артель?

— По-нашему, то-есть, «ватага», — молвилъ Марко Данилычъ. — Какова лодка... По пяти, по шести работниковъ и больше.

— Ну, положимъ теперь, что заработаютъ они семьсотъ рублевъ на серебро, — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Скинь двадцать пять процентовъ, пятьсотъ двадцать пять рублей останется, по восьмидесяти по семи съ полтиной на брата... Невеликія деньги, Марко Данилычъ. И подати заплати, и семью прокорми, и одѣнься, и обуйся, да вѣдь и снасти-то, поди, ихнія...

— Ихнія, — подтвердилъ Смолокуровъ.

— Такъ вы и разочтите, много-ль ему сердечному останется, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Дивить ли послѣ того, что у васъ бабы стерлядей грудью кормятъ да въ кринкахъ икру замѣсто молока возятъ. Плуты они, мошенники!.. Такъ ли, Марко Данилычъ? Не навыкъ къ плутовству, нужда доводитъ. Какъ ловцу по чести жить? И честь вѣдь не въ честь, коли нечего ѣсть! Нѣтъ, Марко Данилычъ, не пущусь я въ ваши промыслы. Богъ съ ними!

— Напрасно, — проговорилъ Смолокуровъ. — Барыши хорошіе, лучше, чѣмъ отъ горянщины.

— Зато мои токари да красильщики Богу на меня не пожалуются, — молвилъ, нахмурясь, Чапуринъ. — Большихъ барышей мнѣ не надо. Будетъ съ меня и маленькихъ. На рубль полтора наживать не хочу... Грѣхъ!

— Да кто-жъ на рубль полтора наживаетъ? — вспыхнулъ Смолокуровъ. — А что если вы за ловцовъ заступаетесь, такъ посмотрѣлъ бы я на васъ, когда-бъ у самихъ у васъ рыбные промыслы были!... Опять же и то сказать, не нами началось, не нами и кончится.

— Ну и будь по-вашему, а рыбой промышлять мы не согласны, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — И своими дѣлами довольны.

Замолчалъ Смолокуровъ. Маленько обидѣлся онъ словами Патапа Максимыча.

— Ну что, Василій Борисычъ? Какъ же наше-то дѣло пойдетъ? — обратился Патапъ Максимычъ къ посланнику, чтобы только покончить про рыбны промысла.

— Что̀ наши дѣла? — мрачно отозвался Василій Борисычъ. — Мои-то дѣла, что̀ сажа бѣла.

— Это ты про скитскія да про архіерейскія?... — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Что̀ мнѣ до нихъ... Про наши съ тобою говорю.

Молчалъ Василій Борисычъ.

— Поѣзжай-ка въ Москву-то поскорѣе, управляйся тамъ да поспѣшай обратно. Прямо въ Осиповку пріѣзжай, — сказалъ Патапъ Максимычъ, кладя руку на плечо Василья Борисыча.

«А что и въ самомъ дѣлѣ? — сверкнуло въ умѣ московскаго посланника. — Самъ посылаетъ. Не скажетъ послѣ, что бѣжалъ, его испугавшись. Уѣхать до бѣды въ самомъ дѣлѣ!»

— Я бы, пожалуй, не прочь хоть сейчасъ отселѣ, — сказалъ онъ Чапурину. — Чего еще ждать?.. Матушка Манеѳа не хотѣла вечоръ меня поддержать. Ну и Богъ съ ней!.. А послѣ этого здѣсь дѣлать мнѣ нечего.

— Радъ слушать умныя рѣчи, — молвилъ Патапъ Максимычъ, дружески хлопнувъ по плечу Василья Борисыча, и веселая улыбка озарила лицо его. — Когда-жъ въ путь-дорогу?

— По мнѣ хоть сейчасъ, — махнувъ рукой, сказалъ Василій Борисычъ.

И вспади тутъ на память ему и Груня оленевская, со сковородникомъ въ рукахъ за блинами въ Маргаритиной келарнѣ, и нѣжная Домнушка, которую самъ оттолкнулъ отъ себя, и Устинья Московка, и Параша, и надо всѣми ними въ недоступной высотѣ возставалъ въ его воспоминаніяхъ свѣтлый, чистый образъ Дуни Смолокуровой съ ея нѣжной, чарующей улыбкой, съ ея глубокими, думчивыми очами... И жаль стало Василью Борисычу лѣсовъ керженскихъ, чернораменскихъ, гдѣ жилось ему такъ привольно и весело.

— Я отсюда сегодня же, — молвилъ Патапъ Максимычъ: — вечеркомъ по холодку поѣду. Значитъ, здѣсь простимся. Такъ ты ужъ, пожалуйста, Василій Борисычъ, не медли ни отъѣздомъ ни возвратомъ. Что бы тебѣ завтра же отсюда бы выѣхать?..

— Постараюсь, Патапъ Максимычъ, всячески постараюсь, — торопливо отвѣтилъ московскій посланникъ, а у самого на умѣ: — «И отъ него схоронюсь и свадьбы избуду... Пособи Господи отъ всѣхъ передрягъ по-добру по-здорову отдѣлаться!»

— Главное дѣло, назадъ скорѣе. Великое дѣло есть до тебя... Удивлю, обрадую... Хотѣлъ теперь же сказать, да лучше обожду, какъ воротишься, — прищуривъ глаза и весело улыбаясь, говорилъ Патапъ Максимычъ.

А самъ на умѣ: «И тому не хотѣлъ я сказать, какъ на Ветлугу его посылалъ, и вонъ какое дѣло вышло... Не было-бъ и теперь чего?.. Не сказать ли ужъ лучше до отъѣзда?.. Да нѣтъ, нѣтъ!.. Тотъ былъ сорви-голова, а этотъ смиренникъ, тихоня, водой его не замутишь... Лучше послѣ... Опять же какъ-то и не приходится самому дочь сватать... Обиннякомъ бы какъ-нибудь. Подошлю-ка я къ нему Никитичну!.. Да успѣемъ еще!.. Это дѣло не волкъ — въ лѣсъ не уйдетъ!»

— Денегъ на дорогу-то не надо ли? — спросилъ онъ у Василья Борисыча, вызвавъ его потихоньку въ другую горницу домика.

— Своихъ достаточно, — отвѣтилъ Василій Борисычъ, смутясь отъ его предложенья.

— То-то, ты не ломайся. Нужны, такъ говори, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Чиниться со мной теперь нечего.

Пуще прежняго смутился Василій Борисычъ. Не знаетъ, что̀ говорить, не знаетъ, какъ и отдѣлаться отъ Чапурина. Совѣсть заговорила. «Вонъ вѣдь добрый какой! — думаетъ онъ. — Зачѣмъ же я такъ оскорбилъ его, зачѣмъ такъ смёртно обидѣлъ?.. Подтолкнулъ лукавый!.. Охъ, искушеніе!»

Распрощался съ нимъ Патапъ Максимычъ. Ровно сына родного трижды перекрестилъ, крѣпко обнялъ и крѣпко расцѣловалъ. Слезы даже у старика сверкнули.

— Храни тебя Господь!.. Богъ на дорогу, Никола въ путь! — сказалъ Чапуринъ оторопѣвшему Василью Борисычу. — Ворочайся, голубчикъ, скорѣе... Не томи!.. Пожалуйста, поскорѣе!..

Глава одиннадцатая.

Послѣ того, какъ Манеѳа спровадила Устинью Московку изъ Фленушкиныхъ горницъ, веселье не вдругъ воротилось въ дѣвичью бесѣду. Всѣмъ было какъ-то не по себѣ, особенно Дунѣ. Непривычна была она къ тому, что̀ видѣла и слышала. Когда дѣвочкой росла она въ Манефиной обители, ничего подобнаго она не видала и немало дивилась теперь, отчего это завелись въ обители такія дѣвицы.

По-скорости пришла на бесѣду Аграфена Петровна съ развеселой, говорливой Дарьей Никитичной.

— Ну что̀, кра̀сны дѣвицы? Чѣмъ время коротаете? — весело спрашивала Никитична. — Чѣмъ забавляетесь, про какія дѣла рѣчь-бесѣду ведете?

— Да такъ, — отвѣтила Фленушка. — Особымъ ничѣмъ не занимаемся... Переливаемъ себѣ изъ пустого въ порожнее.

— А вы бы пѣсенку спѣли, — сказала Никитична. — Мірскую нельзя, такъ псальму бы. Ты, Марьюшка, что̀ такъ сидишь?.. Чего не поешь?.. Мастерица ты псальмы-то пѣть... Опять же и ты, Варюша, знаю, голубка, что у матушки Юдиѳы пѣніе тобой держится... Пойте-ка, дѣвицы!.. Не то сказочку какую разсказали бы... Это, чать, за грѣхъ въ обителяхъ не ставятъ? Аль и сказочку-то грѣшно сказать?

— Не водится, — молвила Фленушка.

— Ну, не водится такъ не водится, — продолжала Никитична. — Да постой, Фленушка, постой!.. Ты у меня не таранти! Что̀ сбиваешь старуху? Развѣ здѣсь однѣ обитель-

скія дѣвицы? Есть и мірскія. Сем-ка спрошусь я у матушки, не дозволить ли сказку вамъ разсказать.

И вышла и, воротясь вскорѣ, молвила:

— Позволила... Слушайте!

Тѣснымъ кругомъ окружили Никитичну дѣвушки. Одна Аграфена Петровна одаль осталась. Сѣла у открытаго окна къ пяльцамъ Фленушки и принялась вышивать бисеромъ.

Зачала Никитична:

«Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ былъ царь, а у царя сынъ Иванъ-царевичъ, изъ себя красавецъ, умный и славный, про него пѣсни пѣли, сказки сказывали, краснымъ дѣвицамъ онъ во сняхъ снился. Вздумалось Ивану-царевичу по бѣлу свѣту поѣздить, людей посмотрѣть, себя показать, и пошелъ къ батюшкѣ-царю просить родительскаго благословенья, государскаго соизволенья — ѣхать по бѣлу свѣту странствовать, людей смотрѣть, себя казать. И далъ ему царь свое благословенье и позволенье, и поѣхалъ Иванъ-царевичъ въ путь-дорогу. Ѣздилъ онъ, ѣздилъ по разнымъ царствамъ, по разнымъ государствамъ, — скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается, — и пріѣхалъ въ чуже-дальнее государство. Въ томъ государствѣ, за темными лѣсами, за зелеными лугами, за быстрыми рѣками, за крутыми берегами, въ чистомъ полѣ, на широкомъ раздольѣ, бѣлокаменны палаты стоятъ, а во тѣхъ во палатахъ, въ высокòмъ терему, у косящата окна, три дѣвицы, три сестрицы, три красавицы сидятъ, промежъ себя разговариваютъ. Иванъ-царевичъ коня осадилъ, сталъ прислушиваться. Старшая сестра говоритъ: «Когда-бъ на мнѣ Иванъ-царевичъ женился, напряла-бъ я пряжи тонкія, наткала полотна бѣлаго, сшила бы царевичу рубашку, какой на свѣтѣ досель не бывало». Середняя сестра говоритъ: «Когда-бъ на мнѣ Иванъ-царевичъ женился, выткала-бъ я ему кафтанъ становой чиста сèребра, крàсна золота, и сіялъ бы тотъ кафтанъ какъ жаръ-птица». А меньшая сестра говоритъ: «Я ни ткать ни прясть не горазда, а когда-бъ на мнѣ Иванъ-царевичъ женился, народила-бъ я ему сынòвъ-соколовъ: во лбу солнце, на затылѣ мѣсяцъ, по бокамъ часты звѣзды, пò локоть руки въ красномъ золотѣ, по колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ»...

— Знаемъ, знаемъ, чтò дальше будетъ, — въ одинъ голосъ закричали дѣвицы.

— Чуръ, сказку не перебивать, а кто перебьетъ, тому змѣя въ горло заползетъ, — съ притворной досадой молвила Никитична и такъ продолжала: — «Иванъ-царевичъ съ дѣвицами не опознался, имъ не показался, поѣхалъ домой. При-

ходить къ царю-батюшкѣ, молить-просить родительскаго благословенья, государскаго позволенья — законъ свершить, честенъ бракъ принять, на меньшой дѣвицѣ-сестрицѣ жениться. И далъ ему царь-батюшка родительское свое благословенье, государское позволенье — законъ свершить, честенъ бракъ принять, съ меньшой дѣвицей-сестрицей побрачиться»...

— Да знаемъ же мы эту сказку, всѣ знаемъ, — въ одинъ голосъ опять закричали дѣвицы.

И опять нахмурилась Никитична, опять сказала съ притворной досадой:

— Сказка отъ начала зачинается, до конца читается, въ середкѣ не перебивается. Слушайте, красны дѣвицы, что̀ дальше было!

— Да знаемъ мы, всю до конца ее знаемъ, — веселыми криками перебивали дѣвицы Никитичну. — Ну, Иванъ-царевичъ женился, жена народила ему сыновей, сестры позавидовали, щенятами ихъ подмѣнили, царевну въ бочку посадили, бочку засмолили, по морю пустили...

— А коль знаете, такъ сами сказывайте, а я буду слушать, — молвила Никитична.

— Да мы не умѣемъ, — говорили ей.

— Не умѣете про царевенъ, про королевенъ, такъ про себя поведите рѣчь, — улыбаясь, сказала Никитична.

— Какъ же такъ про себя? — спросила Фленушка.

— А вотъ такъ, — молвила Никитична. — Вы дѣвицы, хоть не родныя сестрицы, зато всѣ красавицы. И васъ не три, а цѣлыхъ семь вкругъ меня сидитъ — Грушо въ счетъ не кладу, отстала отъ стаи дѣвичьей, стала мужней женой, своя у ней заботушка... Вотъ и сидите вы теперь, дѣвицы, въ высокомъ терему, у косящата окна, а подъ тѣмъ окномъ Иванъ-царевичъ на конѣ сидитъ... Такъ, что ли?

Засмѣялись дѣвицы.

— Поглядѣть въ самомъ дѣлѣ, не сидитъ ли у кельи Иванъ-царевичъ на сивкѣ, на буркѣ, на вѣщей кауркѣ... — сказала чернобровая Варя уланге̇рская.

Проходя мимо открытаго окна, Фленушка заглянула въ него... Какъ въ темную ночь сверкнетъ на одинъ мигъ молнія, а потомъ все, и небо и земля, погрузится въ непроглядный мракъ, такъ неуловимымъ пламенемъ вспыхнули глаза у Фленушки, когда она посмотрѣла въ окно... Мигъ одинъ, и, подсѣвши къ столу, стала она холодна и степенна, и никто изъ дѣвицъ не замѣтилъ мимолетнаго ея оживленья. Дума, крѣпкая, мрачная дума легла на высокомъ челѣ, мѣрно и трепетно грудь поднималась. Молчала Фленушка.

— Сто лѣтъ во всѣ окна глаза прогляди, никакого царевича здѣсь не увидишь, — брюзгливо промолвила Марьюшка въ отвѣтъ на слова Вари улангерской.

— Ну его къ Богу Ивана-царевича, — добродушно улыбаясь, сказала дѣвицамъ Дарья Никитична. — Пусть его ѣздитъ подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ, подъ бѣлыми облаками, подъ частыми звѣздами. Сказывай, дѣвицы, по ряду одна за другой: какъ бы каждая изъ васъ съ мужемъ жила, какъ бы стала ему угождать, какъ бы жизнь свою съ нимъ повела?

— Что это вы, Дарья Никитична! — усмѣхнувшись, молвила Варя, головщица улангерская. — Аль забыли, что мы Христовы невѣсты? Въ кельяхъ живемъ, какіе женихи къ намъ посватаются?

— Къ примѣру, милая, молвится! — возразила Никитична.— А и то сказать: здѣсь не однѣ дѣвицы обительскія, есть и такія, что, поди, зачастую про жениховъ съ подушкой бесѣдуютъ... Дунюшка, Параша, правду, аль нѣтъ говорю? — усмѣхнувшись, прибавила она. — Нуте-ка, дѣвицы, зачинайте... Да смотри у меня, говорите правду, безъ хитростей. Котора что думаетъ, безъ утайки, какъ на ладонкѣ передо всѣми думы свои выкладывай... А я, старуха, васъ послушаю, да послѣ того каждой правду-матку скажу, которая изъ васъ будетъ лучше всѣхъ. Начинай, Варюша, — обратилась она къ бойкой, веселой, голосистой чернобровкѣ улангерской, малымъ чѣмъ уступавшей по красотѣ Дунѣ Смолокуровой, по демественному пѣнію Марьюшкѣ головщицѣ.

Долго чинилась Варя, не сразу отвѣта добилась отъ нея Никитична. Стыдно было ей первой говорить... Облокотясь на столъ, склоня хорошенькую головку на руку и закрывая полъ-лица пышнымъ миткалевымъ рукавомъ, долго и много она отнѣкивалась. Наконецъ общія просьбы дѣвицъ и неотступныя убѣжденья Никитичны развязали Варѣ языкъ.

— Когда-бъ судьба моя не такая была, когда-бъ не въ кельяхъ, а въ міру я жила, волею замужъ я не пошла бы...— Такъ, поднявъ голову, начала говорить чернобровая смуглянка, и яркій багрянецъ разлился по лицу ея. — Дивлюсь я дѣвицамъ, что охотой замужъ выходятъ! Что за неволя мѣнять дѣвичью волю на замужнюю долю? А если-бъ по родительскому приказу была я замужъ выдана, мужа бы я почитала, во всемъ бы волѣ его покорялась, всѣмъ бы ему угождала. Жирныя щи онъ бы хлебалъ, кашу ѣлъ бы крутую, разсыпчатую, блины, пряженцы каждое утро пекла бы ему, все бы на немъ я зашила, все бы ему зачинила, въ домѣ добрый порядокъ во всемъ повела.

— Ладно, Варюшка, хорошо ты сказала, красавица,—молвила Дарья Никитична.—Хорошо... Добрая изъ тебя вышла-бъ хозяйка, если-бъ судьба велѣла тебѣ замужемъ быть. Твоя очередь, Дуня,—обратилась она къ развеселой, болтливой Дуняшѣ улангерской.

— Сама бы волей замужъ я не пошла, какъ и Варя, — такъ начала Дуняша, и глаза у ней загорѣлись, брызнувъ огнемъ искрометнымъ.—А если-бъ супротивъ воли выдали замужъ меня, мужа бы я подъ свой салтыкъ подвела. Ни ткать я ни прясть не горазда, стряпать, варить не умѣю, горазда была бы я пѣсенки пѣть. Была-бъ у меня на мужѣ рубашка изорванная, одёжа была-бъ у него незаплатанная, ѣлъ бы не пышно, ложился бы спать натощакъ. Зато веселехонько жизнь бы наша пошла: съ ранней зари мужъ за гудокъ, я бы за пѣсенки. То-то пошло бы житье развеселое!

Всѣ засмѣялись, даже стыдливая Дуня Смолокурова. Сама Аграфена Петровна улыбнулась на затѣйныя рѣчи Дуняшины.

— Король-дѣвка!—воскликнула Дарья Никитична.—Только знаешь ли, что скажу я тебѣ на это, Дунюшка? Живучи съ такою женой, мужъ-отъ не вытерпѣлъ бы, не гудокъ, а плеть въ руки взялъ бы —запѣла-бъ пѣсню другимъ голосомъ, какъ разъ-другой обошелъ бы онъ тебя дубовымъ корешкомъ.

— Встарь таки дѣла бывали, что женъ мужья бивали, а теперь сплошь да рядомъ живетъ, что жена мужа бьетъ, особенно какъ пьяненькій подъ руку попадетъ, — подхватила Дуняша.

Такъ и покатились всѣ со смѣху.

— Ахъ, ты, шальная!.. Ахъ, ты, озорная!.. — сама смѣясь, говорила Дарья Никитична. — Ухарь-дѣвка, неча сказать! Хорошо, Дуняша, что въ Христовы невѣсты угодила: замужъ пошла бы, и на печи была бы бита и о печь бита, развѣ только печью не была бы бита... Отъ такой жены мужу одно: либо шею въ петлю, либо въ омутъ головой.

— А туда ему и дорога! — махнувъ рукой, шаловливо засмѣялась Дуняша.

И пуще прежняго всѣ захохотали. А Дуняша имъ:

— Такъ ужь и быть, пусть бы его ужъ побился, только бы самъ утопился.

— Безумная!.. Что говоришь-то?.. Экое слово ты молвила! — воскликнула Дарья Никитична.

— А какъ же по-твоему?—сказала Дуняша и бойкимъ, задорнымъ взоромъ обвела всю бесѣду. — Нешто лучше, какъ мужъ жену бьетъ, а самъ топиться нейдетъ?..

Громкій хохотъ покрылъ затѣйную рѣчь.

— Ну, понесла!.. Пошла городить!.. Будетъ съ тебя, довольно!.. Другихъ надо слушать, не ты одна въ нашей бесѣдѣ,—молвила Дарья Никитична.—За тобой чередъ,—обратилась она къ сидѣвшей рядомъ съ Дуняшей маленькой, бѣленькой Домнушкѣ.

Заревомъ вспыхнуло миловидное личико нѣжной Домнушки, зардѣлось оно ровно маковъ цвѣтъ. Заискрились умныя очи, и ровно застыли, смежились дотолѣ весело смѣявшіяся уста. Молчала она.

— Говори же. Чтò бесѣду задерживать?—молвила ей Дарья Никитична.—Всѣ говорятъ, всѣ должны говорить, не тебѣ же одной въ молчанки игратъ.

Собралась съ духомъ Домнушка. Стыдясь и потупя глаза, стала она говорить:

— Не была-бъ я самовольная, жила бы покорливо, почитала бы мужа, какъ крестъ на главѣ, и все по хозяйству справляла-бъ, какъ слѣдуетъ... А попался-бъ на горе-несчастье непутный какой и заѣлъ бы вѣкъ мой, зла ему не помыслила-бъ, слòва супротивнаго ему не молвила бы... А не стало бы силы терпѣть, сама-бъ на себя руки я наложила.

Смолкла, и всѣ замолчали. Ни слова не молвила Дарья Никитична, не сказала, каково показалось ей задушевное слово маленькой Домнушки.

— Марьюшка, тебѣ говорить,—обратилась она къ головщицѣ.

Ровно осенняя ночь нахмурила Марьюшка брови и мрачно на бесѣду взглянула. Съ недовольнымъ видомъ брюзгливую рѣчь повела:

— Не намъ бы безсчастнымъ, не намъ безталаннымъ про брачное дѣло, про мірское житье разговоры водить. Мы, скитскія бѣлицы, все едино что отпѣтые, только въ землю не закопанные мертвецы... Нѣтъ у меня ни роду ни племени, не видала я родной матушки, про отца и не слыхивала... Безсчастная, безродная, подневольная!.. А была-бъ я дочь отецкая, да жила-бъ я въ міру у хорошихъ родителей, не выдали-бъ они меня замужъ, развѣ сама бы охотой пошла. А вздумали-бъ выдавать меня за постылаго, нелюбимаго—камень на шею да въ воду бы кинулась. Кто полюбился, за того охотой пошла бы, а не стали-бъ отдавать, убѣжала бы съ нимъ, самокруткой свѣнчалась, поймали бы — петлю на шею. А любимаго мужа всячески-бъ стала беречь я и холить. И была бы ему я вѣрна, не осрамила-бъ его головы, не нанесла покора ни на родъ ни на племя его... Да чтò пустое говорить!.. Дѣло нестаточное!

Всѣ промолчали. Сказала Никитична Фленушкѣ:

— Твой чередъ.

Начала Фленушка:

— Мнѣ про мужа гадать не приходится — сызмальства живу я въ обители. Съ ранняго дѣтства спозналась я съ жизнью келейною. Не знаю, что̀ и сказать тебѣ, Дарья Никитична.

— Что̀ на разумѣ лежитъ, то по правдѣ, безъ утайки и сказывай,—молвила Никитична.

— То-то и есть, что съ разумомъ собраться не могу... Вздору, пожалуй, наплету,—сказала ей Фленушка.

— Не у попа на исправѣ, не на̀ духъ пришла исповѣдываться, — замѣтила Дарья Никитична. — Не для ради дѣла, ради забавы бесѣду ведемъ. И вздору наплетешь, денегъ съ тебя за то не возьмемъ. А ты сказывай, не отлынивай, остальныхъ не задерживай, чередъ за тобой.

— Не таковская я, чтобъ отлынивать,—съ живостью, высоко поднявъ голову и гордо оглядѣвъ кругъ дѣвичій, молвила Фленушка.—Ничего не потаю, все по правдѣ выскажу, все по истинѣ. Слушайте!

И, закинувъ голову, еще разъ окинула вызывающимъ взоромъ бесѣду и такъ начала:

— Захотѣла-бъ я замужъ идти—вышла-бъ и отсюда, могла бы бѣжать изъ обители. Дѣло нехитрое, къ тому же бывалое. Мало развѣ бѣлицъ изъ скитовъ замужъ бѣгаетъ?.. Что-жъ?.. Таиться не стану — не разъ бродило въ головѣ, какъ бы съ добрымъ молодцемъ самокрутку сыграть... Да не хочу... Матушку не хочу оскорбить — вотъ что̀. А впрочемъ, и дѣло-то пустое, хлопотъ не сто̀итъ...

— Ай-ай, Фленушка! — головой покачала Никитична. — Ужъ ты наскажешь, послушай только тебя.

Скитскія дѣвицы съ усмѣшкой другъ съ дружкой переглянулись. На̀земь опустила свѣтлые взоры Авдотья Марковна, и стыдливый румянецъ облилъ нѣжное ея личико. Поднявъ голову отъ пялецъ, строгимъ, пытливымъ взглядомъ поглядѣла на Фленушку Аграфена Петровна, но не сказала ни слова.

— Мужъ женѣ долженъ быть голова, господинъ, а мнѣ такого ни въ жизнь не стерпѣть, — не глядя ни на кого, продолжала рѣчь свою Фленушка.—Захотѣлъ бы кто взять меня— иди, голубчикъ, подъ мой салтыкъ, свою волю подъ лавку брось, пляши, дурень, подъ мою дудочку. Власти надъ собой не потерплю — сама власти хочу... Воли, отваги душа моя проситъ, да негдѣ ей разгуляться!.. Ровно въ каменной темницѣ въ тѣсной кельѣ сиди!..

— Полно, Фленушка!.. Опомнись, что̀ говоришь! — молвила Дарья Никитична.

Но не слушала словъ ея Фленушка и такъ продолжала:

— И кому-бъ такая блажь вспала въ голову, чтобъ меня замужъ взять за себя?.. Не бывать мнѣ кроткой, послушной женой—была-бъ я сварливая, злая, неугодливая!.. На малый часъ не было-бъ отъ меня мужу спокою!.. Служи мнѣ, какъ извѣчный кабальный, на шагъ изъ воли моей выйти не смѣй, все по-моему дѣлай! А вздумалъ бы наперекоръ, на все бы пошла. Жизни не пожалѣла-бъ, а ужъ не дала бы единаго часа надъ собой верховодить!..

— Ну что̀ ты въ самомъ дѣлѣ плетешь на себя? Зачѣмъ небылицы на себя наваливаешь? — пыталась уговаривать ее Никитична.

Не сдержать табуна дикихъ коней, когда мчится онъ по широкой степи, не сдержать въ чистомъ полѣ буйнаго вѣтра, не сдержать и яраго потока рѣчей, что̀ ливнемъ полились съ дрожащихъ, распаленныхъ устъ Фленушки. Брызжутъ очи пламенемъ, заревомъ пышетъ лицо, часто и высоко поднимается пышная грудь подъ тонкой бѣлоснѣжной сорочкой.

— Слушай, бесѣда, что̀ я говорю! — громко воскликнула Фленушка въ отвѣтъ на уговоры Никитичны и такъ продолжала:—Сердце у меня, дѣвицы, неуклончивое, никому покориться оно не захочетъ — такая ужъ я на свѣтъ уродилась. Мужа лады со мной не возьмутъ. Такъ ужъ лучше мнѣ въ дѣвкахъ свой вѣкъ вѣковать, лучше въ кельѣ до гроба прожить, чѣмъ чужую жизнь заѣдать и самой на мученье идти... А можетъ, кто изъ васъ подумаетъ: «это-де она только хвастаетъ, попусту только похваляется», такъ слушайте, что̀ стану вамъ говорить! Захотѣла-бъ я замужъ, сегодня-жъ могла бы уходомъ уйти. Не слово сказать, глазомъ — женихъ хоть сейчасъ предо мной какъ листъ предъ травой. Молодъ, разуменъ, богатъ и удалъ, а съ лица—мало такихъ красавцевъ земля родила. И любитъ меня беззавѣтно — слово скажу, въ огонь и въ воду пойдетъ...

— Безумная!.. Окстись... Какія ты слова говоришь?.. — съ негодованьемъ вскрикнула Никитична.

— Ты на рѣчь навела, а я рѣчь завела, теперь тебѣ слушать, а рѣчь твоя впереди,—отрѣзала Фленушка.—Въ свахи, что ли, пошла, Дарья Никитична?.. Такъ посватай меня!.. Ну-ка, попробуй, сыщи такого, чтобы смогъ меня покорить, сдѣлать изъ меня жену боязливую, покорную да послушную... Ну-ка, попробуй!.. Не трудись напрасно, Никитична! Весь свѣтъ обойди, такого не сыщешь! Нѣтъ по мнѣ человѣка,

таковъ на бѣломъ свѣту и не раживался!.. Наврала на себя я, дѣвицы, что могла-бъ хоть сегодня же свадьбу уходомъ сыграть... Есть такой, да нѣтъ его здѣсь. Хоть не за морем за океаномъ, не за синими рѣками, не за высокими горами, а гдѣ-то далеко, сама не знаю я гдѣ... А была-бъ у насъ сказка теперь, а не дѣло,—продолжала Фленушка взволнованнымъ голосомъ и отчеканивая каждое слово: — былъ бы мой молодецъ въ самомъ дѣлѣ Иваномъ-царевичемъ, что̀ на сивкѣ, на буркѣ, на вѣщей кауркѣ, въ шапкѣ-невидимкѣ подъѣхалъ къ намъ подъ окно, я бы сказала ему, всю бы правду ему выпѣла: «Ты не жди, Иванъ-царевичъ, отъ меня доброй доли, поѣзжай, Иванъ-царевичъ, по бѣлому свѣту, поищи себѣ, царевичъ, жены по мысли, а я для тебя не сгодилась, не такая я уродилась. Ищи себѣ другую, ищи дѣвицу смирную, тихую, покорливую, проживешь съ нею вѣкъ припѣваючи»... А когда-бъ Иванъ-царевичъ сюда пришелъ, показала-бъ я ему на тебя, Авдотья Марковна. Ты — водой не замути. Тому ли, другому ли будешь ты женой богоданною, сама будешь счастлива, и мужъ твой счастливъ будетъ. Таково мое слово, дѣвицы, и слово мое крѣпко!

И когда кончила Фленушка, всѣ молчали. Ни слова не сказала и Дарья Никитична. Мало повременя, молвила она Прасковьѣ Патаповнѣ:

— Тебѣ, Параша, теперь говорить.

Долго не отвѣчала Параша, какъ бы сбираясь съ мыслями, наконецъ промолвила:

— А я бы день-денской отдыхала.

— Что̀-о-о? — спросила Никитична, глядя съ удивленьемъ на Прасковью Патаповну.

— Отдыхала бы, говорю,—отвѣтила Параша. — Спала бы, дремала, не то бы и такъ полежала.

И сладко зѣвнула, закрывшись платочкомъ.

— А въ домѣ хоть трава не расти?—слегка покачавъ головой, спросила Никитична.

— Зачѣмъ же?—сказала Параша.—По дому дѣла̀ работницы справляли бы... Неужто самой?..

— А съ мужемъ-то какъ бы жила? — оставивъ работу и устремивъ пытливый взоръ на Парашу, спросила Аграфена Петровна.

Покраснѣла Параша и, закрывая лицо батистовымъ рукавомъ рубашки, сказала ей:

— Стыдно сказать, сестрица...

Всѣ засмѣялись, кромѣ Аграфены Петровны и Дуни Смолокуровой. Одна съ укоромъ поглядѣла на Парашу и, молча по-

качавъ головой, опять принялась за вышиванье, другая, опустивъ голову и потупивъ глаза, молча, спокойно сидѣла.

— Чему смѣяться-то?—быстро поднявъ голову и обводя бесѣду удивленными глазами, громко сказала Параша.—Извѣстно, что̀ бы дѣлала, чай бы съ мужемъ пила, обѣдала бы съ нимъ, гуляла. Онъ бы изъ городу гостинцы привозилъ, платками да платьями дарилъ меня. Еще-то чего?..

Не сказавъ ни слова Парашѣ, обратилась Никитична къ Дунѣ Смолокуровой:

— За тобой чередъ, Дунюшка. Изволь раскрыть мысли, какъ другія дѣвицы ихъ раскрывали.

Подняла бѣлокурую головку Дуня, яснымъ взоромъ, тихо и спокойно обвела кругъ дѣвушекъ и стала говорить нѣжнымъ, пѣвучимъ своимъ голосомъ. Чистосердечная искренность въ каждомъ словѣ звучала, и вся Дуня добромъ и правдой сіяла.

— Замужъ пойду за того, кого полюблю... Батюшка-родитель воли съ меня не снимаетъ. Неволей меня не отдастъ. Кого по мысли найду, за того и пойду, и буду любить его до вѣку, до послѣдняго вздоха—одна сыра земля остудитъ любовь мою... И онъ будетъ любить меня, за иного я не пойду. А разлюбитъ, покинетъ, на другую смѣняетъ—суди его Богъ, а жена мужу не судья. И хотя-бъ разлюбилъ онъ меня, никому бы я не пожалобилась, все бы горе въ себѣ затаила, никто бы про то не узналъ... А что̀ буду дѣлать я замужемъ, ка̀къ стану съ мужемъ жить—того я не знаю. Знаю одно: гдѣ мужъ да жена въ любви да совѣтѣ, по добру да по правдѣ живутъ, въ той семьѣ самъ Господь живетъ. Онъ и научитъ меня, какъ поступать...

Еще не кончила Дуня Смолокурова, какъ переставшая вышивать и съ любовью во взорѣ глядѣвшая на говорившую дѣвушку Аграфена Петровна, заслышавъ легкій шорохъ снаружи, взглянула въ окно.

— А у насъ подъ окномъ и въ самомъ дѣлѣ Иванъ-царевичъ сидѣлъ на завалинкѣ,—сказала она, улыбаясь.

Бросились къ окнамъ. По обительскому двору, закинувъ руки за спину и думчиво склонивъ голову, тихими шагами удалялся отъ Манеѳиной кельи Петръ Степанычъ Самоквасовъ.

Мать Юдиѳа вздумала побывать у знакомыхъ игуменій Комаровскаго скита. Кликнула Варю, Дуняшу и Домнушку, съ ними пошла... Аксинья Захаровна тоже вздумала посѣтить матерей, жившихъ у Бояркиныхъ и Жжениныхъ, и взяла съ собой Парашу. Марьюшку позвала по какому-то часовенному

дѣлу уставщица Аркадія, Фленушку мать Манеоа. Остались въ горницахъ Аграфена Петровна съ Дуней Смолокуровой.

— Хорошо говорила ты, Авдотья Марковна,— нѣжно цѣлуя ее, молвила Аграфена Петровна.—Жаль, что этотъ Самоквасовъ помѣшалъ договорить тебѣ мысли свои. Хорошія мысли, Дунюшка, добрыя!.. Будешь людямъ мила, будешь Богу угодна, коль всегда такой себя соблюдешь. Богъ не оставитъ, счастья пошлетъ.

Тихой радостью вспыхнула Дуня, нѣжный румянецъ по снѣжнымъ ланитамъ потокомъ разлился. Дороги были ей похвалы Аграфены Петровны. Съ дѣтства любила ее, какъ родную сестру, въ возрастъ придя, стала ее всей душой уважать и каждое слово ея высоко цѣнила. Не сказала ни слова въ отвѣтъ, но, быстро съ мѣста поднявшись, живо, стремительно бросилась къ Грунѣ и, крѣпко руками обвивъ ея шею, молча прильнула къ устамъ ея маленькимъ, аленькимъ ротикомъ.

Нацѣловавшись съ Дуней, Аграфена Петровна рукой обвила ея станъ и тихо спросила:

— Давеча ты говорила, что Марко Данилычъ воли съ тебя не снимаетъ... Заходили развѣ у васъ рѣчи про жениховъ и замужество?

— Заходили,—спокойно отвѣтила Дуня.—Великимъ постомъ на мои именины, какъ я съ батюшкой поутру поздоровалась, подарилъ онъ мнѣ платье шелковое, серьги алмазныя, жемчугу, шубку соболью. Поговорили мы, уйти я хотѣла, а онъ говоритъ:—«Обожди, Дуня, надо мнѣ съ тобой словечко сказать, давно этого я дня дожидался». Посадилъ онъ меня съ собой рядышкомъ, сафьянную коробочку изъ стола вынулъ и подалъ мнѣ: — «Вотъ, говоритъ, тутъ кольцо обручальное, отдай его, кому знаешь; только смотри, помни отцовскій завѣтъ — чтобъ это кольцо не распаялось, то-есть чтобъ съ мужемъ тебѣ довѣку жить въ любви и совѣтѣ, какъ мы съ покойницей твоей матерью жили». И тутъ покатились у него слезы, и долго не могъ онъ сказать мнѣ ни слова. Я тоже заплакала... «Съ небесныхъ высотъ она смотритъ на насъ, слышитъ голубушка, что̀ мы теперь съ тобой говоримъ... Не во власти ея голосокъ свой умильный подать, но, живучи съ ней, не слыхивалъ я отъ нея никогда супротивнаго слова. Что̀ мои мысли, что̀ ея мысли, завсегда бывали однѣ. И теперь, что̀ стану тебѣ говорить, знай и вѣрь, что это и мать твоя тебѣ говоритъ. Такъ и понимай мои рѣчи»... И опять залился слезами, и опять заплакала я... Обнялъ меня батюшка крѣпко и надъ головой моей выплакался. «Слушай же,—началъ опять:—сегодня восьмнадцать лѣтъ тебѣ минуло—совсѣмъ невѣста стала, хоть

сейчасъ подъ вѣнецъ. Доселева про эти дѣла я съ тобой не говаривалъ—мала была, неразумна, полнаго смысла въ головушкѣ еще не было. А теперь, какъ восьмнадцать исполнилось, девятнадцатый пошелъ—пришла тебѣ пора своимъ разумомъ жить. Слушай же, Дуня: ни мать твою ни меня родители вѣнцомъ не неволили. И я неволить тебя не стану... Далъ я тебѣ кольцо обручальное, отдай его волей тому, кто полюбится. А прежде, чѣмъ отдать, со мной посовѣтуй—отецъ я тебѣ, кровь ты моя—худа не присовѣтую, а на умъ молодую волю, пожалуй, добромъ наведу. Запрета тебѣ не кладу никакого—выбирай мужа по мысли, но безъ совѣта со мной колечка никому не давай». Послѣ того у насъ рѣчи о томъ не бывало.

— Добрый онъ у тебя, добрый и разсудливый, — молвила Аграфена Петровна.—Что-жъ, Дуня, придумала-ль, кому колечко отдать?—прибавила она съ ясной улыбкой.

— Нѣтъ еще, не придумала,—съ дѣтской простотой отвѣтила Дуня.

— Никто не приглянулся?—продолжала Аграфена Петровна.

— Нѣтъ еще, покамѣстъ никто, — улыбнулась Дуня такой улыбкой, что за эту улыбку любой молодецъ въ огонь и въ воду пошелъ бы.

— Не ищи, Дуня, красоты, не ищи ни богатства ни знатности,—сказала ей Аграфена Петровна: — ума ищи, а пуще всего добрую душу имѣлъ бы да былъ бы человѣкъ правдивый. Гдѣ добро да правда, тамъ и любовь неизмѣнна, а въ любви неизмѣнной все счастье людей.

— Сама тѣхъ же мыслей держусь, — молвила Дуня. — Чтò красота! Съ лица вѣдь не воду пить. Богатства, слава Богу, и своего за глаза будетъ; да и чтò богатство? Сама не видала, а люди говорятъ, что черезъ золото слезы текутъ... Но какъ человѣка-то узнать—добрый ли онъ, любитъ ли правду? Женихи-то вѣдь, слышь, лукавы живутъ—тихимъ, кроткимъ, разсудливымъ всякій покажется, а послѣ вѣнца станетъ инымъ. Вотъ чтò мнѣ боязно...

— Богу молись,—сказала на то Аграфена Петровна.—Ты вотъ какъ дѣлай, Дуняша. Если кто тебѣ по мысли придется, и вздумаешь ты за него замужъ идти—не давай сначала тѣмъ мыслямъ въ себѣ укрѣпляться, стань на молитву и Богу усерднѣй молись, молись со слезами, сотворилъ бы Господь надъ тобой святую волю Свою. И ежели послѣ молитвы станетъ у тебя на душѣ легко и спокойно, прими это, Дуня, за волю Господню, иди тогда безо всякаго сомнѣнья за того человѣка, счастье найдешь съ нимъ. Если-жъ душа у тебя послѣ мо-

литвы не будетъ спокойна, и сердце станетъ мутиться, выкинь изъ мыслей того человѣка, старайся не видѣть его и больше Богу молись — избавилъ бы тебя отъ мыслей мятежныхъ, устроилъ бы судьбу твою, какъ святой Его волѣ угодно.

— Стану такъ дѣлать,—тихо, чуть слышно молвила Дуня, глядя съ любовью на Аграфену Петровну. — Вотъ и теперь, какъ я поговорила съ тобой, стало у меня на душѣ и свѣтло и радостно, мысли улеглись, и на сердцѣ стало спокойнѣй...

— А что?.. Мысли-то, видно, бродили?—съ кроткой улыбкой тихо спросила ее Аграфена Петровна.

— Немножко... Чуть-чуть... — опустивъ глаза, прошептала Дуня.

— Чего-жъ таиться? Мнѣ-то вѣдь можно сказать, — молвила Аграфена Петровна, пристально взглянувъ на покраснѣвшую Дуню.

— Да нѣтъ... не стоитъ про то говорить... Такъ, однѣ пустыя мысли... съ вѣтру,—молвила Дуня и, припавъ къ лицу Аграфены Петровны, поцѣлуями покрыла его.—Зачѣмъ это давеча Фленушка про меня помянула?..—тихо прошептала она.

— Молись, Дуня, молись!—говорила, лаская ее, Аграфена Петровна.

Когда Фленушка вошла въ келью Манеѳы, та показала ей на столъ, гдѣ ужъ лежала бумага и стояла чернилица. Манеѳа сказала:

— Пока гости ходятъ по обителямъ, напиши-ка нужныя письма. Садись. Къ матушкѣ Таифѣ пиши напередъ.

Покуда Фленушка писала обычное начало письма, Манеѳа стояла у окна и глядѣла вдаль. Глубокая дума лежала на угрюмомъ и грустномъ челѣ величавой игуменьи.

— Кончила,—вполголоса молвила Фленушка, подымая отъ письма голову.

— Пиши, — приказала Манеѳа и стала ходить по кельѣ, сказывая:

«Обительскій праздникъ святыхъ, славныхъ и всехвальныхъ, верховныхъ апостолъ Петра и Павла, по милости Божьей и за молитвы Пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ, провели мы благополучно. Гостей было довольно, изо всѣхъ скитовъ пріѣзжали, однѣхъ игуменей было двадцать четыре, я сама двадцать пятая. Послѣ трапезы было въ келарнѣ собраніе: совѣтовали насчетъ архіепископа да насчетъ належащихъ намъ по скорости напастей, сирѣчь выгонки изъ скитовъ, о чемъ самыя вѣрныя получены извѣстія. Объ архіепископѣ единогласно всѣ согласились до поры до времени обо-

ждать принятіемъ, поне́же человѣкъ неизвѣстенъ и въ правой вѣрѣ учинился не въ давнемъ времени, а до того былъ въ безпоповыхъ, отчего и подаетъ немалое сомнѣніе насчетъ крѣпости въ вѣрѣ. Зѣло опасно, не осталось ли въ немъ кваса фарисейска, сирѣчь безпоповаго духа. И тебѣ бы, мать Таифа, ради всеобщаго покоя порадѣть — будучи на Москвѣ, поподробну освѣдомись объ ономъ Антоніи, чего ради перешелъ изъ безпоповой секты въ нашу истинную вѣру, не ради ли архіерейскія почести или какихъ иныхъ житейскихъ корыстей. И справедливы ли слухи, якобы онъ до безпоповства пребывалъ въ великороссійской и послѣ того на Преображенскомъ кладбищѣ перекрещивался. Если сіе справедливо, то немалую вину онъ къ сомнѣнію подаетъ, мѣняя одну вѣру на другую и ругаясь святому крещенію его повтореніемъ. Опять же сказываютъ, якобы онъ двоеженецъ: сначала-де въ великороссійской пріялъ браковѣнчаніе, а потомъ, овдовѣвъ, будучи уже въ безпоповыхъ, жилъ немалое время съ другою, нарицаемою своею женою. Когда же и сіе справедливо, то никакъ невозможно пріяти его, по Апостолу бо подобаетъ епископу быти единыя жены мужу, а двоеженцы ни въ какой духовный чинъ, не токмо на превысокую степень архіерейства, поставляемы быть не должны. Насчетъ же предстоящей выгонки скитовъ, хотя и предлагала я бывшимъ на собраніи, которыя къ нашему городу приписаны, теперь же, не дожидаясь выгонки, перевезти туда кельи, однако согласныхъ на то не явилось. Но хотя согласныхъ со мною и не было, однакоже я отъ своего намѣренія не отступлю и послѣ Ильина дня расположила кельи ломать и перевозиться. Потому прошу тебя, матушка, и ради Бога умоляю, поспѣши ты своимъ прибытіемъ—безъ тебя не знаю, какъ къ чему и приступить. Святыня, которую раздала ты по Москвѣ, пускай остается у христолюбцевъ впредь до утишенія нашихъ обстоятельствъ... А такъ какъ Василій Борисычъ въ скоромъ времени возвратится въ Москву и по всей чаянности станетъ укорять насъ, что не хотѣли послушать его уговоровъ и принять того Антонія, о чемъ онъ всеусердно старался, такъ ты и въ Питерѣ и будучи въ Москвѣ предвари и всѣмъ благодѣтелямъ нашимъ возвѣсти, что не приняли мы того Антонія не ради упорства и желая съ ними раздора, но токмо осмотрительнаго ради случая; общенія же ни съ кѣмъ не разрываемъ и попрежнему желаемъ пребывать въ согласіи и въ единеніи вѣры. Потому, сама ты посуди, матушка, если мы теперь при нынѣшнихъ нашихъ обстоятельствахъ и по случаю выгонки изъ святыхъ обителей, при тѣсномъ нашемъ обстояніи, да еще

лишимся помощи нашихъ благодѣтелей, то и жить чѣмъ не знаемъ. И потому, слезно молю тебя, потолковѣе со всѣми поговори, чтобъ они гнѣва своего на насъ не держали за временное наше, а не всегдашнее, несогласіе, но, снисходя къ намъ убогимъ, при такихъ налегающихъ на насъ бѣдахъ, помогли бы своимъ вспоможеніемъ, сколько имъ Господь на сердце положитъ. А говорить бы тебѣ имъ пожалостнѣе и сколь возможно поумильнѣе, дабы въ сердцахъ своихъ восчувствовали къ намъ сиротамъ состраданіе—настоитъ-де теперь великая нужда, помочи намъ убогимъ, за міръ христіанскій Бога молящимъ. Засимъ прекратя сіе писаніе...»

— Обычно дописывай,—молвила Манефа:—шли прощеніе и благословеніе.

Кончила Фленушка, и Манефа, перекрестясь, подписала письмо, а потомъ сказала:

— Къ Полуехту Семенычу пиши.

Полуехту Семенычу было писано, чтобъ закупилъ онъ кирпичу да изразцовъ для печей, а если нѣтъ готоваго кирпича, заказалъ бы скорѣй на заводѣ, а купчую бы крѣпость на всѣ дома и на всѣ дворовыя мѣста писалъ на ея одно Манефино имя, а совершать купчія она пріѣдетъ въ городъ сама послѣ Казанской, на возвратномъ пути изъ Шарпана.

— Такъ-то будетъ вѣрнѣе да и мнѣ спокойнѣй, — молвила Манефа, подписавъ письмо.—Помру, все тебѣ достанется, если на мое имя купчія совершимъ...

Ничего не отвѣтила Фленушка.

— Опять я къ тебѣ съ прежними совѣтами, съ тѣми же просьбами, — начала Манефа, садясь возлѣ Фленушки. — Послушайся ты меня Христа ради, прими святое иночество. Успокоилась бы я на послѣднихъ дняхъ моихъ, тотчасъ бы благословила тебя на игуменство, и все бы тогда было твое... Вспомнить не могу, какъ ты послѣ меня въ бѣлицахъ останешься—обидятъ тебя, въ нуждахъ, въ недостаткахъ станешь вѣкъ доживать беззащитною... Послушайся ты меня, Фленушка, ради самого Создателя, послушайся...

— Ахъ, матушка, матушка!—всклакнула Фленушка и вдругъ смолкла, задумалась.

— Для тебя же прошу, для твоей же пользы,—продолжала Манефа. — Исполнишь мое желанье, довѣку проживешь въ довольствѣ и почетѣ, не послушаешь — горька будетъ участь твоя. Ты ужъ не махонькая, разумъ есть въ головѣ: обсуди, обдумай все хорошенько... Ну, скажи по чистой совѣсти, отчего не хочешь ты меня послушаться, отчего не хочешь принять иночества?

— Не снести мнѣ, матушка!.. Молода еще я — не могу за себя поручиться, — взволнованнымъ голосомъ отвѣтила Фленушка, и тревожныя слезы послышались въ упавшемъ ея голосѣ.

— Ну, хорошо, не снесешь... — полушопотомъ сказала ей Манеоа. — Что-жъ изъ того?.. Тайно содѣланное тайно и судится; паденіе же очищается слезами и покаяніемъ... Гласнаго соблазну только бы не было... А то, — вздохнувъ, прибавила Манеоа: — всѣ мы люди, всѣ человѣки, всѣ во грѣхахъ, яко въ блатѣ, валяемся... Единъ Богъ безъ грѣха...

— Ахъ! не знаю, что̀ и сказать тебѣ, матушка! — съ отчаяньемъ во взорѣ и съ порывистымъ движеньемъ молвила Фленушка.

— Одумайся, сберись съ мыслями! Говори, что̀ у тебя на умѣ, — сказала Манеоа.

Не отвѣтила Фленушка.

— Слушай, — вдругъ пораженная новой, не приходившей дотолѣ ей мыслью, сказала Манеоа. — Не хочешь ли въ міръ уйти?

Зарыдала Фленушка и припала головой къ плечу игуменьи.

— По мысли кого не нашла ли? — шептала ей Манеоа.

— Не разрывай ты сердца моего, матушка!.. — едва слышно промолвила Фленушка.

— Господи, Господи!.. Вотъ не ждала-то я, не чаяла! — вставъ съ мѣста, всплеснула руками Манеоа и обратила слезящій взоръ свой къ иконамъ.

Наклонивъ голову и закрывъ лицо руками, безмолвно сидѣла у стола Фленушка. Горько она рыдала.

Манеоа тоже сѣла. Она была въ сильномъ волненьи. Сильная краска выступила на смугло-желтомъ лицѣ.

— Ни укора ни попрека отъ меня не услышишь, — сдерживая порывы волненія, она говорила. — Скажи только всю истинную правду... Все, говори все, ничего не утай... Во всемъ покайся... все прощу, все покрою материнской любовью!

— Матушка!.. Повѣрь ты мнѣ!.. Какъ передъ Богомъ скажу, — рыдая и ломая руки, говорила Фленушка. — Молода еще — кровь во мнѣ ходитъ. Душно въ обители, простору хочетъ душа, воли!

— Счастье не въ волѣ, а въ долѣ, — тихо и нѣжно сказала Манеоа. — Неволя только крушитъ, а воля человѣка губитъ... Да и на что же ты ропщешь? Не въ темницѣ живешь, за затворами да запорами!.. Развѣ нѣтъ тебѣ воли во всемъ?.. Говори скорѣй, не томи меня, всю правду скажи. Слюбилась, что ли, съ кѣмъ?

Подняла Фленушка на Манефу свѣтлый, искренній взоръ и сказала:

— Видитъ Богъ, что тѣломъ чиста я, какъ сейчасъ изъ купели.

— А душой? — спросила Манефа.

— Мутится душа, сердце горитъ, разрывается... Воли мнѣ хочется!.. — въ сильномъ волненьи говорила Фленушка. — Не совладать мнѣ съ собой, матушка!..

— Полюбила, что ли, кого?.. — чуть слышно спросила се Манефа, опуская на глаза креповую наметку.

Замолкла Фленушка. Долго не было отъ нея отвѣта, градомъ текли горькія слезы по блѣдному лицу дѣвушки, и слышны были судорожныя, перерывчатыя рыданья.

— Нѣтъ, матушка, нѣтъ!.. Теперь никого не люблю... Нѣтъ, не люблю больше никого... — твердымъ голосомъ, но отъ сильнаго волненья перерывая почти на каждомъ словѣ рѣчь свою, проговорила Фленушка. — Будь спокойна, матушка!.. Знаю... ты боишься, не сбѣжала бы я... не ушла бы уходомъ... Самокруткой не повѣнчалась бы... Не бойся!.. Позору на тебя и на обитель твою не накину!.. Не бойся, матушка, не бойся!.. Не будетъ того, никогда не будетъ!.. Никогда, никогда!.. Богъ тебѣ свидѣтель!.. Не безпокой же себя... не тревожься!..

— Ахъ, Фленушка, Фленушка! — вскликнула Манефа, горячо прижавъ къ груди своей голову рыдавшей дѣвушки. И слезы, давно не струившіяся изъ очей старицы, окропили блѣдное лицо Фленушки.

— Ты плачешь, матушка?.. — сквозь слезы лепетала, прижимаясь къ Манефѣ, Фленушка. — Вотъ какая я злая, вотъ какая я нехорошая!.. Огорчила матушку, до слезъ довела... Прости меня глупую!.. Прости неразумную!.. Полно же, матушка, полно!.. Утоли сердце, успокой себя... Не стану больше глупыхъ рѣчей заводить, никогда изъ воли твоей я не выйду... Вѣчно буду въ твоемъ послушаньи. Чтò ни прикажешь, все сдѣлаю по-твоему...

— Фленушка!.. Знаю, милая, знаю, сердечный другъ, каково трудно въ молодые годы сердцемъ владать, — съ тихой грустью и глубокимъ вздохомъ сказала Манефа. — Откройся же мнѣ, разскажи свои мысли, повѣдай о думахъ своихъ. Вмѣстѣ обсудимъ, какъ лучше сдѣлать — самой тебѣ легче будетъ, увидишь... Повѣдай же мнѣ, голубка, тайныя думы свои... Дорогà вѣдь ты мнѣ, милая моя, ненаглядная!.. Никого на свѣтѣ нѣтъ къ тебѣ ближе меня. Кому-жъ тебѣ, какъ не мнѣ, довѣриться?

— Повремени, матушка, — отирая слезы, молвила Фле-

нушка. — Потерпи немножко. Скоро, скоро все разскажу. Все, все. А теперь... Вонъ матушка Юдиѳа идетъ, — прибавила она, взглянувъ въ окошко. — Какъ при ней говорить... Погоди немножко, всю душу раскрою тебѣ...

И, поцѣловавъ руку Манеѳы, тихо пошла вонъ изъ кельи. Молча глядѣла игуменья на уходившую Фленушку, и когда черезъ нѣсколько минутъ въ келью вошла Юдиѳа, — величавое лицо Манеѳы было безстрастно. Душевнаго волненія ни малѣйшихъ слѣдовъ на немъ не осталось.

Глава двѣнадцатая.

Простившись съ Патаномъ Максимычемъ, Василій Борисычъ къ Манеѳѣ пошелъ. Онъ не видался еще съ нею послѣ собора.

— Ну, что̀ поразскажете, любезный мой Василій Борисычъ?—слегка улыбнувшись, спросила его игуменья послѣ обычнаго нача̀ла и метаній.—Хорошо-ль отдохнули послѣ вчерашнихъ трудовъ?

— Послѣ вчерашняго нескоро отдохнешь, матушка!

— Про то поминаешь, что̀ до солнышка-то? — усмѣхнулась Манеѳа.

— Нѣтъ, матушка, не съ того похмелья у меня голова болитъ... Вы вечоръ меня употчевали, — съ укоромъ сказалъ ей Василій Борисычъ.

— Про обѣдъ говоришь?

— Не про обѣдъ, а про то, что̀ послѣ обѣда-то было, — сказалъ московскій посолъ. — Про собранье говорю, матушка, про собраніе... Таково вы меня угостили, что не знаю теперь, какъ въ Москву и глаза показать.

— Что-жъ дѣлать, любезный Василій Борисычъ? — вспыхнула немного Манеѳа. — Самъ былъ очевидцемъ, самъ былъ и послухомъ. Слышалъ, какъ матери приняли ваше московское посланіе. У всякаго свой умъ въ головѣ, Василій Борисычъ, у всякаго свое хотѣнье... Всѣхъ подъ свой салтыкъ не подведешь... Такъ-то!

— Захотѣли-бъ вы, матушка, все могли бы обдѣлать, — сказалъ Василій Борисычъ. — Онѣ васъ во всемъ слушаются. Это малому даже ребенку видно. Приняли же совѣтъ вашъ. Что̀ вы сказали, то и уложили.

— А ты думаешь, такъ бы и послушались, если-бъ я стала возносить вашего Антонія?.. Какъ же!..—говорила Манеѳа.— Нѣтъ, Василій Борисычъ, не знаешь ты нашихъ соборовъ да и людей-то здѣшнихъ мало, какъ вижу я, знаешь. Не то что

по такому великому дѣлу, какого двѣсти лѣтъ не бывало, по пустячнымъ дѣламъ, по хозяйству либо по раздачѣ присылокъ, безъ большого шуму у насъ никогда не бываетъ. Тутъ, сударь, у всякой пташки свои замашки, у каждой птички свой голосокъ. Умъ на умъ не приходится, да и другъ дружкѣ покориться не хочется. Глафиринныхъ аль Игнатьевыхъ взять, либо Попну Гордеевскую. У нихъ на разумѣ: «кто-де какъ хочетъ, а я какъ изволю». Съ такими совѣтницами какое дѣло подѣлаешь? Грѣхъ одинъ. И за то спасибо скажи, что наотрѣзъ не отказали тебѣ.

— Да развѣ это не отказъ? — недовольнымъ голосомъ сказалъ Василій Борисычъ.

— Не отказъ, — отвѣтила Манеѳа. — Тебѣ сказали: «повремени — подумаемъ». Какъ же ты хочешь, чтобъ въ такомъ великомъ дѣлѣ сразу согласились? Тò размысли, любезный Василій Борисычъ: жили мы почитай двѣсти годовъ съ бѣгствующими попами, еще дѣды и прадѣды наши привыкли къ бѣглому священству. Вотъ мы и вѣкъ доживаемъ, а того же сызмальства держалися. И вдругъ завелись свои архіереи, свои попы, своя іерархія!.. До кого ни доведись, всякъ призадумается. Не испытавши доподлинно, кто согласится принять?.. Дѣло душевное, великое дѣло!.. Вѣдь если чтò не такъ въ вашемъ архіерействѣ окажется — навѣки души-то погубимъ, если, хорошенько не испытавши, примемъ, по приказу москвичей, епископа. Когда затѣвали это дѣло, спросились ли они насъ?.. Извѣстили-ль кого изъ нашихъ хоть малымъ писаніемъ?.. Ну-ка, скажи.

— Какъ же, матушка, не спросились? — возразилъ Василій Борисычъ. — На московскомъ соборѣ отъ васъ было двое пословъ: старецъ Илія уланrерскій да отецъ Пафнутій, кèрженскаго Благовѣщенскаго монастыря строитель и настоятель.

— Несодѣянныя рѣчи говоришь ты, Василій Борисычъ...— молвила Манеѳа. — Отецъ-отъ Илія безъ малаго двадцать лѣтъ померъ, да и отцу Пафнутію больше десяти годовъ, какъ преставился, — молвила Манеѳа.

— Про тотъ соборъ говорю я, матушка, чтò на Рогожскомъ кладбищѣ былъ въ седьмь тысящъ триста сороковомъ году *), на другой годъ послѣ первой холеры, — сказалъ Василій Борисычъ. — Тогда ото всѣхъ обителей Кèрженскихъ и Чернораменскихъ предъявлено было согласіе искать архіерейство и утвердить владычный столъ въ коемъ-либо зарубежномъ градѣ.

*) Въ 1832.

— Что-бъ ужъ тебѣ, Василій Борисычъ, про Ноевъ ковчегъ вспомянуть, — усмѣхнулась Манеоа. — Тому дѣлу, что̀ сказываешь, двадцать лѣтъ минуло. Неужто во столько времени ваши московскіе не могли изобрать времени, чтобъ о столь великомъ дѣлѣ во всей подробности извѣстными сдѣлать насъ?.. Сами же вы, сирѣчь Рогожскаго кладбища попечители, покойницу матушку Екатерину, мою предмѣстницу, извѣщали, что дѣяніе московскаго собора триста сорокового года яко не бывшее вмѣнили. Цѣла у насъ та московская грамота — хочешь, сейчасъ передъ тобой выложу? Послѣ того, какъ вновь затѣяли дѣло, отчего-жъ не потребовали нашего согласья?.. Василій Борисычъ! Керженецъ въ нашемъ христіанствѣ что-нибудь да значитъ — не деревушка какая, не городишко захолустный! Можно бы, кажется, было почтить наши святыя мѣста хоть бы самымъ краткимъ писаніемъ. Не безвѣстные мы какіе! Керженца имя двѣсти годовъ высоко по всему христіанству держалось — какъ бы, кажись, его позабыть?

— Не посѣтуйте, матушка, что̀ скажу я вамъ, — молвилъ Василій Борисычъ. — Не забвеніе славнаго Керженца, не презрѣніе ко святымъ здѣшнимъ обителямъ было виною того, что къ вамъ въ нужное время изъ Москвы не писали. Невозможно было тогда не хранить крѣпкой тайны происходившаго. Малѣйшее неосторожное слово все зачинаніе могло бы разрушить. И теперь нѣтъ ослабы христіанству, а тогда невпримѣръ грознѣе было. Вотъ отчего, матушка, до поры до времени то дѣло втайнѣ у насъ и держали.

— Не къ тому я молвила, чтобъ жалобы тебѣ приносить, — сказала Манеоа: — московскими благодѣтелями мы очень довольны. Дай имъ Господи добраго здравія и душамъ спасенія!.. Къ тому говорю я, Василій Борисычъ, что невозможно было вчерась отъ здѣшнихъ матерей требовать, чтобъ онѣ, ничего не видя, такъ тебѣ вдругъ и согласились на принятіе архіепископа... Онъ же, какъ самъ говоришь, въ недавнемъ лишь времени къ истинной вѣрѣ отъ безпоповаго суемудрія обратился. А мы къ тому слышали еще, о чемъ вчера на собраньи я промолчала, якобы твой Антоній еще прежде безпоповства пребывалъ къ великороссійской церкви, а потомъ перекрещеванцемъ сталъ и якобы былъ двоеженецъ. По правиламъ, въ столь сомнительныхъ случаяхъ подобаетъ все испытати подробно... Какъ же насъ укорять, что мы испытать желаемъ, да не впадемъ въ сѣть ловчу?.. Самъ посуди. А общенія съ пріемлющими его не разрываемъ, держимъ только себя опасно.

— Очень непріятно это будетъ въ Москвѣ, — молвилъ Василій Борисычъ.

Мы, государь мой, не Москвѣ, а Господу Богу работаемъ, — съ важностью сказала Манеѳа. — Не человѣческой хвалы, спасенія душъ нашихъ взыскуемъ. Не остуды московскихъ тузовъ страшимся, а вѣчнаго отъ Господа осужденія... Вотъ что̀ скажи на Москвѣ, Василій Борисычъ!

— Однакожъ, матушка... — началъ-было Василій Борисычъ, но одумался, не договорилъ.

— Что̀ «однакожъ»? Договаривай, коли началъ, — спокойно сказала Манеѳа.

— Нѣтъ, я такъ... — смѣшался московскій посолъ.

— Договаривай, договаривай, — настаивала Манеѳа. — Вѣдь мы не насчетъ гулянокъ съ Патапомъ бесѣдуемъ, объ дѣлѣ великой важности толкуемъ... Скажи, что̀ хотѣлъ говорить?

— Я было-хотѣлъ сказать, что и батюшкѣ Ивану Матвѣичу, и матушкѣ Пульхеріи, и Мартыновымъ, и Гусевымъ, и всѣмъ главнымъ лицамъ нашего общества ваше рѣшеніе станетъ за великую обиду. Они старались, они ради всего христіанства хлопотали, а вы, матушка, ровно бы ни во что не поставили ихнихъ стараній, не почтили достойно ихнихъ трудовъ, заботъ и даже опасности, которой отъ свѣтскаго правительства столько они разъ себя подвергали.

— А!.. Вотъ что̀!.. — съ желчной раздражительностью воскликнула Манеѳа. — Имъ бы хотѣлось, чтобъ мы по ихъ приказу стадомъ барановъ сломя голову метнулись, куда имъ угодно?.. Нѣтъ, Василій Борисычъ, на Керженцѣ этого никогда не бывало да никогда и не будетъ... Тѣльцу златому не поклонимся!.. Мы люди лѣсные, простые, московскихъ обычаевъ не вѣдаемъ. У васъ на Москвѣ повелось, что въ духовныя дѣла міряне вступаютъ, — мы того не допустимъ. Такъ и скажи имъ, Василій Борисычъ!.. Не намъ мірскихъ богачей слушаться, по духовному дѣлу они должны насъ послушать... Они Христовой церковью какъ лавками, либо конторами своими вздумали править... Этого мы не потерпимъ. Хотя-бъ общенье пришлось разорвать, хотя-бъ ото всѣхъ благодѣтелей оставлены были, хоть бы намъ съ голоду пришлось помирать, Божьей церкви не продадимъ.

— Жестоки слова ваши, матушка, — молвилъ сильно смущенный Василій Борисычъ. — Не поскорбите на меня, а доложу я вамъ, что такое ваше мнѣніе насчетъ попечителей и старѣйшихъ членовъ нашего общества весьма несправедливо... Позвольте разъяснить все дѣло, какъ оно было доселѣ и какъ теперь идетъ.

— Будемъ слушать, — холодно промолвила Мансѳа, сложивъ руки на колѣняхъ и склонивъ голову.

Началъ Василій Борисычъ:

— Когда воспрещено было нашимъ христіанамъ при молитвенныхъ храмахъ дозволенныхъ поповъ содержать, тогда по маломъ времени всюду настало «великое оскудѣніе священства». Великая духовная нужда налегла повсемѣстно, и многіе древлеблагочестивые христіане, не имѣя освящающихъ и будучи лишены церковныхъ таинъ, въ безпоповское сусмудріе впадали, иные-жъ «сумленныхъ поповъ» принимали—бѣглыхъ солдатъ, либо другихъ шатуновъ какихъ. Великое отъ того нестроеніе было, и не столько въ Москвѣ, сколько по мѣстамъ отдаленнымъ, хоть бы ваше мѣсто къ примѣру взять. Въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ доживали свой вѣкъ послѣдніе дозволенные попы, и оттого намъ нужды такой еще не настояло, какая васъ постигла. Тогда, не о себѣ заботясь, а больше всего о васъ иногородныхъ болѣзнуя и сострадая словеснымъ овцамъ, пастыря неимущимъ, первостатейные изъ нашего общества: Рахмановы, Соколовы, Свѣшниковы и многіе иные, не чести ради или какого превозношенія, но единственно христіанскаго ради братолюбія и ради славы церкви Христовой, подъяли на себя великій и опасный трудъ возстановить позябшій отъ двухсотлѣтняго мрака корень освященія, сирѣчь архипастырство учредить и церковь Христову полнымъ чиномъ іерархіи украсить... По благословенію батюшки Ивана Матвѣича и многихъ нарочито прибывшихъ тогда въ Москву отцовъ, Силуяна иргизскаго, Симеона Лаврентьева монастыря съ Вѣтки, Рафаила Покровскаго монастыря, Сергія и Ипполита Никольскаго монастыря изъ слободъ Стародубскихъ, отцовъ Иліи и Пафнутія керженскихъ, и съ общаго совѣта присланныхъ ото всѣхъ старообрядскихъ обществъ совѣщателей, единогласно приговорили и конечно уложили: искать епископа, да проистечетъ отъ него навѣки неизсякаемый источникъ освященія. Въ Питеръ дали знать о томъ, и тамъ первостатейныя лица нашего согласія стали тому дѣлу весьма усердны: Громовы, Дрябины, Боровковъ и другіе. Когда же милостію Божьею тому дѣлу начало было положено и пріисканы люди для исканія архіерея во иныхъ державахъ, то дѣло въ великой тайнѣ оставили, опасаясь могущихъ возникнуть препонъ, каковыя впослѣдствіи и оказались. И дѣло то происходило немалое время, и лишь только черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ перваго Рогожскаго собора въ зарубежной Бѣлой-Криницѣ водворился митрополитъ всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ киръ Амвросій, отъ него же корень епископства произыде... Не то

чтобы призвать васъ и другихъ христіанъ, по отдаленнымъ мѣстамъ живущихъ, къ исканію архіерейства было невозможно, но паче таить обо всемъ надлежало, да не разрушено было бы наше предпріятіе въ самомъ началѣ. И теперь, по устроеніи священной іерархіи, первостатейныя наши лица всячески стараются и не щадятъ никакихъ иждивеній на процвѣтаніе за рубежомъ освященнаго чина, труды подъемлютъ, мірскихъ властей прещенія на себя навлекаютъ, многимъ скорбямъ и нуждамъ себя подвергаютъ, не чего ради иного, но единственно славы ради Божьей, ради утвержденія святой церкви и ради успокоенія всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ древляго благочестія, столь долгое время томимыхъ гладомъ, не имѣя божественныя трапезы тѣла и крови Христовой.

— Кончилъ? — спросила Манеѳа, когда Василій Борисычъ пріостановился.

— Что-жъ, матушка, развѣ не правду говорю? — молвилъ онъ ей въ отвѣтъ.

— Правда не рѣчиста, Василій Борисычъ, много словъ на нее не надо, а ты сколь наговорилъ? — улыбнулась Манеѳа. — Что усердствовали московскіе, за то имъ честь и великая благодарность. А что властвовать задумали, паче мѣры захотѣли выситься надъ нами, то имъ въ стыдъ, во срамъ, въ позоръ и поношенье!.. Гордыня обуяла ихъ, Божьимъ дѣломъ стали кичиться и тщеславно въ заслугу себѣ поставлять, что̀ Господь ихъ руками устроилъ... Нѣтъ, Василій Борисычъ, пріѣдешь въ Москву, скажи всѣмъ: бѣденъ, молъ, и немощенъ старый Керженецъ и дни его сочтены, но, и при тѣсномъ обстояніи своемъ, мірскимъ людямъ онъ по духовному дѣлу не подчинится. Вспомнили бы словеса Григорія Богослова: «почто творишн себя пастыремъ, будучи овцою, почто дѣлаешися главою, будучи ногою?». Скажи имъ, что мы свято хранимъ правила вселенскихъ соборовъ и святыхъ отецъ, а въ шестьдесятъ четвертомъ правилѣ шестого собора что̀ сказано?— «Не подобаетъ міряниму брати на себя учительское достоинство, но повиноватся преданному отъ Господа чину». А что̀ есть преданный отъ Господа чинъ? Первѣе — чинъ освященный: епископы, пресвитеры, дьяконы, засимъ чинъ иноческій, тоже освященный... Такъ аль нѣтъ?.. Освященный вѣдь?.. Стало-быть, не насъ учить, не нами властительски повелѣвать московскимъ мірскимъ людямъ довлѣетъ, а отъ насъ поучаться, намъ повиноваться... Самъ ты твердъ въ писаніи, лучше другихъ знаешь. Правду аль нѣтъ говорю?.. И тебѣ бы, Василій Борисычъ, не повелѣнія міранъ пребывающимъ въ иноческомъ чину передавать, не грозить бы

намъ убогимъ ихъ остудой, а ихъ бы поучать отъ божественнаго писанія, да покорятся освященнымъ и да повинуются святѣй Божьей церкви...

— Матушка! да какія-жъ отъ нашихъ московскихъ бывали къ вамъ повелѣнія?.. Какое властительство?.. Помилуйте! — оправдывался Василій Борисычъ. — Вамъ только предлагаютъ церковнаго ради мира и христіанскаго общенія принять архіепископа, а власти никакой надъ вами имѣть не желаютъ. То̀ дѣло духовныхъ чиновъ. Примете архіепископа — его дѣло будетъ...

— Сумнителенъ, — молвила Манеоа. — И прежде я не разъ говорила тебѣ, что насчетъ этого дѣла мы пока еще ни на что не рѣшились, колеблемся... По времени увидимъ, что̀ за человѣкъ вашъ хваленый Антоній. А не увидимъ, такъ услышимъ объ его дѣйствіяхъ. Чего добраго такой же еще будетъ, что̀ Софронъ. Такихъ намъ не надо.

— Какой же отвѣтъ будетъ отъ васъ? Что̀ прикажете на Москвѣ доложить? — послѣ долгаго молчанія спросилъ Василій Борисычъ.

— А то и отвѣтъ: желаютъ-де повременить. Да я сама къ Петру Спиридонычу письмецо съ тобой пошлю, подробно опишу всѣ наши обстоятельства и всѣ наши сомнѣнія. Когда думаешь отправляться?

— Да по мнѣ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, — отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Въ Шарпанъ не поѣдешь?

— Что̀ мнѣ тамъ дѣлать? Дѣло мое на Керженцѣ кончено, — сухо, недовольнымъ голосомъ отвѣтилъ московскій посланникъ.

— Богородицѣ помолился бы, чудной иконѣ Ея поклонился бы, поглядѣлъ бы на дивную нашу святыню, — молвила Манеоа. — Опять же и матушка Августа очённо звала тебя — старица почтенная, уважить бы ее надо. Собраніе же будетъ большое — еще бы потолковалъ съ матерями. А впрочемъ, какъ знаешь: свой умъ въ головѣ.

— Нечего мнѣ больше толковать съ матерями, все было протолковано, — сказалъ Василій Борисычъ.

— Все бы лучше съѣздить, а то, пожалуй, зачнутъ говорить: со зломъ-де на сердцѣ поѣхалъ отъ насъ, — сказала Манеоа. — Мой бы совѣтъ съѣздить, а тамъ мы бы и держать тебя больше не стали. А впрочемъ, какъ знаешь: мнѣ тебя не учить.

— Не знаю, что̀ сказать вамъ на это, матушка, — отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Вотъ теперь хоть насчетъ бы Москвы — какъ пріѣду туда, какъ покажусь? Поѣдомъ заѣдятъ. Жизни не радъ станешь. А вѣдь я человѣкъ подначальный.

Молчала Манефа.

— Развѣ ужъ къ Патапу Максимычу въ самомъ дѣлѣ въ приказчики идти? — молвилъ Василій Борисычъ, думая кольнуть тѣмъ Манефу.

— Твое дѣло, — сухо промолвила она, глядя въ окошко.

Опять замолчали.

— Счастливо оставаться, матушка, — сказалъ наконецъ Василій Борисычъ. — Прости, матушка, благослови.

И по чину сотворилъ уставныя метанія.

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, — проговорила прощу Манефа, и Василій Борисычъ медленно вышелъ изъ кельи.

Жалко стало Василью Борисычу, что на прощанье маленько поразладилъ онъ съ матерью Манефой. Полюбилъ онъ умную, разсудливую старицу и во время житья въ Комаровѣ искренно къ ней привязался... И вдругъ на послѣднихъ-то дняхъ завелась ссора не ссора, а немалая остуда.

Обошелъ онъ знакомую обитель по всѣмъ закоулкамъ, на окна больше посматривалъ, не увидитъ ли гдѣ ненаглядную Дуню Смолокурову, не удастся-ль хоть глазкомъ на нее взглянуть. Но никого, кромѣ Марьи головщицы, не встрѣтилъ. Говоритъ ей Василій Борисычъ:

— Домой сбираюсь, Марьюшка. Прощайте, не поминайте лихомъ. А не попѣть ли намъ на прощанье?.. Скликай дѣвицъ.

— Что̀ мало погостилъ?.. Аль соскучился? — спросила Марьюшка.

— Пора и честь знать, не вѣкъ же гостить, — отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— А я думала, что вамъ отъ насъ и повороту не будетъ, — вскинувъ на него лукавыми глазками, съ легкой усмѣшкой промолвила Марьюшка.

— Почему-жъ такъ? — спросилъ Василій Борисычъ.

— Такъ ужъ я догадалась, — молвила Марьюшка.

— Да съ чего-жъ догадалась-то?.. Съ чего? — приставалъ Василій Борисычъ.

— Да ужъ такъ! У меня свои примѣты есть, — улыбаясь, молвила Марьюшка.

— Какія примѣты?

Но, сколько ни приставалъ Василій Борисычъ, ничего больше ему не сказала.

«Охъ, искушеніе!.. Не замѣтила-ль и она чего въ Улангерѣ?» — подумалъ про себя Василій Борисычъ.

«Поскорѣй надо Фленушкѣ про это сказать», — подумала Марья головщица.

— Ступайте въ келарню, Василій Борисычъ! Давайте, въ самомъ дѣлѣ, споемъ что-нибудь... Можетъ статься, въ останный разокъ, — сказала Марьюшка. — Мигомъ скликну дѣвицъ.

Василій Борисычъ въ келарню пошелъ, Марьюшка къ Фленушкѣ въ горницу.

Пластомъ лежала на постели Фленушка. Въ лицѣ ни кровинки, губы посинѣли, глаза горятъ необычнымъ блескомъ, высокій лобъ ровно бисеромъ усѣянъ мелкими каплями холоднаго пота. Недвижный, утомленный взоръ устремленъ на икону, что̀ стояла въ угольной божницѣ.

«Все ли слышалъ, всѣ ли мои рѣчи выслушалъ ты, другъ мой сердечный, Иванъ-царевичъ ты мой?.. Наговорила я и невѣсть чего... Только-бъ остудѣ быть въ тебѣ!.. Только покинулъ бы ты меня горькую, забылъ бы про меня безталанную!.. А ужъ какъ бы я любила тебя, какъ бы жалѣла, берегла тебя!.. День бы денской и ночью и во снѣ объ одномъ о тебѣ бы я думала, во всемъ бы угождала другу милому, другу моему совѣтному... Нельзя!.. Матушка!.. Во гробъ ее сложишь!.. Я же бѣдная, а онъ богачъ — изъ его рукъ пришлось бы смотрѣть, его милостями жить... Да и что̀ ему за жена келейница?.. Стыдно-бъ ему было и въ люди меня показать!.. Живи, мой сердечный, живи, живи съ другой въ счастьѣ, въ радости... Не загублю я жизни твоей... Вотъ бы ему въ самомъ дѣлѣ Дуня Смолокурова!.. Охъ, милый ты, милый, сердечный ты мой!.. Матушка опять говорила про игуменство... Пропадай, моя жизнь!..» Такъ думала сама съ собой Фленушка, недвижно, почти бездыханно лежала на постели.

Вдругъ влетѣла въ горницу Марья головщица.

— Что̀ ты, Марьюшка? — слабымъ голосомъ спросила ее Фленушка.

— Я-было къ тебѣ... Да что̀й-то съ тобой?.. Аль неможется? — спрашивала головщица.

— И то неможется, — отвѣтила Фленушка, тихо поднимаясь съ постели. — Голова что-то болитъ.

— А я-было съ вѣсточкой, — прищуривъ глаза и слегка мотнувъ головой, молвила Марьюшка.

— Что̀ такое? — вставъ съ постели и сѣвъ у окна возлѣ пялецъ, спросила Фленушка.

— Ѣхать сбирается, — сказала Марьюшка.

— Кто?

— Василій Борисычъ.

Вскочила Фленушка съ мѣста. Мигомъ исчезла блѣдность въ лицѣ ея.

— Кто сказалъ? — быстро спросила она.

— Самъ говорилъ, — молвила Марьюшка. — Пѣвчую стаю въ келарню сбираетъ, въ останный разъ хочетъ съ нами пропѣть... Въ келарню пошелъ, а я къ тебѣ побѣжала — сказать...

— Вретъ! — топнувъ ногой, вскрикнула Фленушка и быстрыми шагами стала ходить взадъ и впередъ по горницѣ.— Не уѣхать ему!.. Не пущу!.. Жива быть не хочу, а ужъ онъ не уѣдетъ!.. На Казанскую быть ему вѣнчану... Смерти вѣрнѣй!..

— Да какъ же ты остановишь его?.. Не подначальный онъ намъ, захочетъ уѣхать — уѣдетъ, — говорила Марьюшка.

— Такъ ли, этакъ ли, а его не пущу... Придумаю!.. Ступай, Марьюшка, сбирай дѣвицъ, пойте, да пойте какъ можно подольше... Слышишь?.. До сумерекъ пойте... А я ужъ устрою... Во что бы ни стало устрою!..

Вышла изъ горницы Марьюшка, а Фленушка попрежнему взадъ да впередъ по горницѣ быстро ходила... «Надо Парашѣ здѣсь остаться». Такъ она придумала.

Глава тринадцатая.

Вчерашній именинникъ Петръ Степанычъ Самоквасовъ послѣ шумной пирушки спалъ долго и крѣпко. Проспалъ бы онъ до полденъ, да солнце мѣшало. Заглянуло въ окошко большой свѣтлицы Бояркиныхъ, облило горячими лучами лицо черстваго именинника *) и такъ стало припекать его, что, вскочивъ какъ сумасшедшій и смутнымъ взоромъ окидывая свѣтлицу, не сразу понялъ, гдѣ онъ. Во рту пересохло, голова какъ чугунная, въ глазахъ зелень какая-то. Вспомнилъ, что важно справилъ свои именины. Взглянулъ на часы — стали, плюнулъ, выбранился, сталъ одѣваться. Едва успѣлъ кончить, въ свѣтлицу вошла мать Таисѣя съ чайнымъ приборомъ на тагильскомъ подносѣ, за ней толстая дебелая Варварушка, съ боку на бокъ переваливаясь, несла кипящій самоваръ.

— Съ добрымъ утромъ поздравляю, съ черствыми именинами! — съ лукавой усмѣшкой сказала игуменья, ставя на столъ поднос съ чашками.

Петръ Степанычъ чинъ чиномъ: сотворивъ два метанія, простился, благословился.

— Никакъ вечоръ до солнышка вплоть? — попрежнему улыбаясь, спросила мать Таисѣя.

— Было дѣло, матушка, — отрѣзалъ Самоквасовъ. — При-

*) Черствыми именинами зовутъ день, слѣдующій за днемъ ангела.

знаться сказать, не помню, какъ и до свѣтлицы доволокся... Шибко зашибли!

— Ахъ, вы, грѣховодники, грѣховодники! — шутливо говорила игуменья. — Выдумаютъ же такія дѣла во святой обители чинить! Чтò ни стоятъ скиты, а такого дѣла ни у насъ ни по другимъ мѣстамъ не бывало... Матушка-то Мансоа поди-ка, чать, какъ разгнѣвалась...

— Чтò мы у нея посуды переколотили! — махнувъ рукою, усмѣхнулся Самоквасовъ.

— Посуда-то чѣмъ провинилась? Ахъ, вы, озорники, озорники! Ну, да ужъ не диви бы на васъ, молодыхъ, старики-то, старики-то туда же! Чѣмъ бы унимать молодыхъ, а они сами! — говорила мать Таисѣя.

— И зачинщиками-то они были... Мы бы развѣ посмѣли? — сказалъ Петръ Степанычъ.

— Такъ я и думала, — молвила Таисѣя. — А всѣмъ затѣямъ корень поди чай Патапъ Максимычъ. Буенъ во хмелю-то. Бѣдовый! Чуть чтò не по немъ, только держись.

— Онъ, матушка, все и затѣвалъ. И Марко Данилычъ тоже, и голова Михайла Васильичъ, — отвѣчалъ Самоквасовъ. — А мы чтò же? Молокососы передъ ними... а другое слово сказать, не отставать же намъ отъ старшихъ. Нельзя! Непочтительно будетъ. Старшихъ почитать велѣно, во всемъ слушаться... Ну, мы и слушались.

— Вѣстимо, ихъ вина, — сказала Таисѣя. — Какъ молодымъ старшихъ учить, какъ супротивъ ихъ идти? Ни въ большихъ ни въ малыхъ, ни въ путныхъ ни въ безпутныхъ дѣлахъ такъ не ведется... Выкушай-ка, сударь Петръ Степанычъ, — прибавила она, подавая Самоквасову чашку чаю. — А не то опохмелиться не желаете ли? Я бы настоечки принесла сорокатравчатой, хорошая настоечка, да рыжичковъ солененькихъ либо кисленькаго чего, брусничкн, что ли, аль моченыхъ яблочковъ. Очень пользительно послѣ перепоя-то. Одобряютъ...

— Нѣтъ ужъ, матушка, лучше не стану. А то чего добраго: похмеляться зачнешь да опять запьешь, — молвилъ, усмѣхаясь, Самоквасовъ. — Мы ужь лучше ужо на простинахъ со стариками.

— Нешто седни отъѣзжаютъ? — съ любопытствомъ спросила мать Таисѣя.

— Вечеромъ сбираются, — отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — Опять у васъ по скиту тишь да гладь пойдетъ, опять безмятежное житіе зачнется. Спасайтесь тогда себѣ, матушки, на здоровье. Отъ нашего брата, отъ буяна, помѣхи больше не будетъ, — шутливо прибавилъ онъ.

— Какое наше спасенье! — смиренно вздохнула мать Таисѣя. Во грѣхахъ родились, во грѣхахъ и скончаемся... Еще чашечку!.. Грѣхи-то, грѣхи наши, сударь Петръ Степанычъ!.. Грѣхи-то наши великіе!.. Какъ-то будетъ ихъ нести передъ страшнаго Судію, неумытнаго?.. Какъ-то будетъ за нихъ отвѣть-отъ держать!.. Охъ, Ты, Господи, Господи!.. Царь Ты нашъ небесный, Боже милостивый!.. Такъ и Марко Данилычъ седни же ѣдетъ?

— Сегодня хотѣлъ, — отвѣчалъ Самоквасовъ.

— И съ дочкой?

— Должно-быть, и съ дочкой.

— Гм!.. А мы чаяли, что Дунюшка-то маленько погоститъ у матушки Манеөы, на старомъ-то на своемъ пепелищѣ. Здѣсь вѣдь росла, здѣсь и обучалась, — говорила мать Таисѣя. — Впервые послѣ того навѣстила нашъ Комаровъ... Видѣлъ, какая раскрасавица?.. Вотъ бы тебѣ невѣста, Петръ Степанычъ, — прибавила, немного помолчавъ, мать Таисѣя. — Право!.. Гляди-ка, краля какая! Пышная, здоровая, кровь съ молокомъ. А нраву тихаго, кроткая, разумная такая да разсудливая... Опять же одна дочь у отца, а капиталы у него великіе. Къ твоему-то богатству да ея-то бы...

— Никакъ, матушка, въ свахи пошла? — засмѣялся Самоквасовъ. — Въ каки идешь? Въ жениховы, въ погуби-красу, али въ пуховыя *)?

— Къ слову пришлось, сударь ты мой Петръ Степанычъ, къ слову пришлось, потому и сказала, — умильно проговорила мать Таисѣя. — А въ заправскія свахи какъ черницѣ идти?.. Только васъ почитаючи и вашего дядюшку Тимоөея Гордеича, нашихъ великихъ благодѣтелей, я по глупому своему разуму такъ полагаю, что ищи ты, сударь мой, аль не ищи себѣ хорошей невѣсты по всему свѣту вольному, наврядъ такую найдешь, какъ Дуняша Смолокурова. Правду тебѣ сказываю. Дѣвица по всему распрекрасная, кого хочешь спроси... Право, женись-ка на ней, Петръ Степанычъ! Не вспокаешься!

— Не въ примѣту мнѣ что-то она, — небрежно молвилъ Самоквасовъ и неправду сказалъ.

Въ часовнѣ всю службу издали на нее зарился и послѣ того не разъ взглядывалъ на красавицу. Думалъ даже: «не Фленушкѣ чета, сортомъ повыше!». Но не заговори про Дуню

*) На большихъ, богатыхъ свадьбахъ бываютъ три свахи: «женихова» — которая сватаетъ; «погуби-красу», она же «расчеши-косу», иначе «невѣстина», что находится при невѣстѣ во время свадебныхъ обрядовъ и расчесываетъ косу послѣ вѣнчанья; «пуховая» или «постельная», которая отводитъ молодыхъ на брачную постель, а поутру убираетъ ее.

мать Таисѣя, такъ бы это мимо мыслей его и пролетѣло, но теперь вздумалось ему хорошенько разсмотрѣть посуленную игуменьей невѣсту, а если выпадетъ случай, такъ попытать у ней ума-разума да приглядѣться, какова повадка у красавицы.

— А какъ же насчетъ читалки-то? — спросилъ Петръ Степанычъ, желая свести Таисѣю на иной разговоръ.

— Дѣло слажено, — отвѣтила мать Таисѣя. — Готова, сударь мой, готова, седни же отправляется. Такъ матушка Манеѳа рѣшила... На отправку деньжонокъ бы надо, Петръ Степанычъ. Покучиться хоть у ней же, у матушки Манеѳы. Она завсегда при деньгахъ, а мы убогіе на Тихвинскую-то больно поиздержались.

— Сколько надо? — спросилъ Самоквасовъ, раскрывая бумажникъ.

— Да рубликовъ бы десятка полтора али два, а если милость будетъ, такъ и побольше. Надо справить дѣвицу по-хорошему. Каковъ домъ, такова и обрядня *), а она вишь въ какой домъ-отъ поступаетъ, — прищурясь и съ сладкой улыбкой глядя на туго набитый бумажникъ Петра Степаныча, говорила мать Таисѣя. Такъ блудливый балованный котъ смотритъ на лакомый, запретный кусъ, съ мягкимъ мурлыканьемъ ходя тихонько вокругъ и щуря чуть видные глазки.

— Извольте получать, — сказалъ Самоквасовъ, положивъ на столъ три красненькихъ и пододвинувъ ихъ рукой къ игуменьѣ.

Быстро съ мѣста поднявшись и деньги принявъ, отвѣсила низкій-пренизкій поклонъ мать Таисѣя.

— Благодаримъ покорно, родимый ты мой Петръ Степанычъ, — заговорила она сладенькимъ голосомъ. — Благодаримъ покорно за ваше неоставленіе. Дай вамъ Господи добраго здравія и души спасенія. Вовѣки не забудемъ вашей любви, завсегда пребудемъ вашими передъ Господомъ молитвенницами.

— Сегодня пошлете дѣвицу-то? — спросилъ Петръ Степанычъ.

— Сегодня-жъ отправимъ, — отвѣтила мать Таисѣя. — Я ужъ обо всемъ переговорила съ матушкой Манеѳой. Маленько жаръ свалитъ, мы ее и отправимъ. Завтра поутру сядетъ на пароходъ, а послѣзавтра и въ Казани будетъ. Письмо еще надо вотъ приготовить и все, что̀ нужно ей на дорогу. Больно спѣшно ужъ отправляемъ-то ее. Ужъ такъ спѣшно, такъ спѣшно, что не знаю, какъ и управимся...

— Кого отправляете? — спросилъ Самоквасовъ.

---

*) Обрядня — женское хозяйство, женскій обиходъ — платье, бѣлье и пр., также все до стряпни относящееся.

— А Устинью Московку, коли знаете у Манеѳиныхъ, — отвѣчала мать Таисѣя. — Хорошая дѣвица, искусная, завсегда въ хорошихъ домахъ живала, всякіе порядки можетъ наблюдать. Годовъ никакъ съ пять въ Москвѣ у купцовъ выжила, оченно довольны ею оставались. Худую къ такимъ благодѣтелямъ, какъ вы, не пошлемъ, знаемъ, какую дѣвицу къ какимъ людямъ послать. И держитъ вокругъ себя чистенько, и въ бесѣдѣ когда случится рѣчистая, а насчетъ рукодѣлья ее тоже взять. А ужъ насчетъ псалтыря нечего и говорить — мало бываетъ такихъ читалокъ. Останетесь довольны, завѣряю васъ, Петръ Степанычъ, что останетесь довольны... Такъ и дяденькѣ отпишите: хорошую, молъ, дѣвицу мать Таисѣя въ читалки къ намъ посылаетъ.

— Бойка никакъ она? — замѣтилъ Самоквасовъ.

— Бойка, сударь, точно что бойка, потому что молода, не упрыгалась. Оттого и бойконька, — сказала мать Таисѣя. — Это ужъ завсегда такъ, до чего ни доведись... Возьми хоть телушку молоденькую — и та не постоитъ на мѣстѣ, все бы ей прыгать да скакать, хвостъ подымя. А оттого, что молода!.. Такъ и человѣка взять, сударь ты мой Петръ Степанычъ, молодость-то вѣдь на крыльяхъ, старость только на печи!.. О-хо-хо-хо-хо!.. А вамъ бы насчетъ Устиньи, батюшка, не сумлѣваться — отведетъ свое дѣло, какъ слѣдуетъ... Потому дѣвушка строгая, ни до какого баловства еще не доходила, никакимъ мотыжничествомъ не занималась, а насчетъ какихъ глупостей — ни-ни. А молода, такъ это не бѣда — молодая-то спосливѣй да работнѣе. Старую послать не хитрое-бъ дѣло, нашлось бы такихъ и въ нашей обители, не стала-бъ я чужимъ кланяться, да вамъ-то несподручно было бы съ ней. Старому человѣку надобенъ покой, потому что стары-то кости болятъ, ноютъ, а въ старой крови и сугрѣву нѣтъ. Гдѣ старухѣ годову свѣчу выстоять? На всяку работу, каку ни возьми, Петръ Степанычъ, кто помоложе, тотъ рублемъ подороже. Такъ-то, сударь мой, такъ-то, родной!

— Да я ничего, я только такъ... Къ слову пришлось, — молвилъ Самоквасовъ. — По мнѣ ничего, что бойка — на молодую-то да на бойкую и поглядѣть веселѣе, а старуха что? Только тоску на весь домъ наведетъ.

— Ой, ты, баловникъ, баловникъ! — усмѣхнулась мать Таисѣя. — Не любишь старухъ-то, все бы тебѣ молодыхъ! Эй въ правду, пора бы тебѣ хорошую женушку взять, ты же, кажись, мотоватъ, а мотоватъ да не женатъ, себѣ же въ накладъ. Женишься, такъ на жену-то глядючи улыбнешься, а холостымъ живучи, на себя только глядя всплачешься.

— А воля-то молодецкая, матушка? Развѣ не жалко съ ней разставаться? — бойко, удало сказалъ Петръ Степанычъ.

— Холостая воля — злая доля, — молвила Таисѐя. — Самъ Господь сказалъ: «Не добро жити человѣку единому». Стало-быть, всякому человѣку и надобно святой Божій законъ исполнить...

— А тебя, матушка, взять и всѣхъ вашихъ матерей и бѣлицъ... Не исполнили же вѣдь вы закону, не пошли замужъ, — весело усмѣхаясь, подхватилъ Самоквасовъ.

— Наше дѣло, Петръ Степанычъ, особое, — важно и степенно молвила мать Таисѐя. — Мы хоша духомъ и маломощны, хоша какъ свиньи и валяемся въ тинѣ грѣховнѣй, обаче ангельскій образъ носимъ на себѣ — иночество... А ангелы-то Господни, самъ ты не хуже нашего знаешь, не женятся, не посягаютъ... Иноческій чинъ къ примѣру не приводи — про мірское съ тобой разговариваю, про житейское...

— А можетъ, и я постригъ приму, можетъ, и я кафтырь съ камилавкой надѣну? — шутливо промолвилъ Самоквасовъ.

— Охъ, ты, инокъ! — засмѣялась мать Таисѐя. — Хорошъ будешь, неча сказать!.. Люди за службу, а ты за тѣ стихеры, что̀ вечоръ съ Патапомъ Максимычемъ пѣлъ.

— Остепенюсь! Не нарадуешься тогда, на такого инока глядючи, — съ громкимъ смѣхомъ молвилъ Петръ Степанычъ.

— А ты лучше женись да остепенись, дѣло-то будетъ вѣрнѣе, — сказала на то Таисѐя. — Всякому человѣку свой предѣлъ. А на иноческое дѣло ты не сгодился. Глянь-ка въ зеркальце-то, посмотри-ка на свое обличье. Щеки-то удалью пышутъ, глаза-то горятъ — не кафтырь съ камилавкой, дѣвичья краса у тебя на умѣ.

— Да ты, матушка, въ разумѣ-то у меня глядѣла, что ли? — съ веселой усмѣшкой промолвилъ Петръ Степанычъ.

— Глядѣть, сударь, я въ твоемъ разумѣ не глядѣла, — отвѣчала мать Таисѐя: — а по глазамъ твои мысли узнала. До старости, сударикъ мой, дожила, много на своемъ вѣку людей перевидала. Поживи-ка съ мое да пожуй съ мое, такъ и самъ научишься, какъ человѣчьи мысли на лицѣ да въ глазахъ ровно по книгѣ читать... А вправду бы жениться тебѣ, Петръ Степанычъ... Что̀ зря-то болтаться?.. Чѣмъ бы въ самомъ дѣлѣ не невѣста тебѣ хоть та же Дуня Смолокурова? Сызмальства знаю ее, у насъ выросла; тихая росла да уважливая; сыздѣтства по всему хороша была, а ужъ умная то какая да покорная, добрая-то какая да милостивая!.. Право слово!.. Бывало, родитель гостинцевъ къ празднику ей пришлетъ, со всѣми-то она, бѣлая голубушка, подѣлится, никого-

то не забудетъ, себѣ почитай ничего не покинетъ, все подружкамъ раздастъ. А какъ стала она подрастать, упросила родителя привозить ей съ ярмарки ситчику, холстиночки, платочковъ недорогихъ, и всѣхъ-то, бывало, бѣдныхъ сиротъ обдѣлитъ. Да все вѣдь по тайности, чтобъ люди не знали... Много за нее молельщиковъ передъ Господомъ было... Хорошая дѣвица, хорошая... Такихъ только поискать!

Пришелъ Семенъ Петровичъ. Всталъ онъ задолго прежде названнаго хозяина и успѣлъ ужъ провѣдать Василья Борисыча. Нашелъ его въ цѣлости: спалъ такимъ крѣпкимъ сномъ, что хоть въ гробъ клади.

Мать Таисѣя, еще разъ поблагодаривши Самоквасова за три красненькія, пошла хлопотать по отправкѣ Устиньи Московки.

— Что, Сеня?.. Трещитъ въ головѣ? — спросилъ Самоквасовъ.

— Совсѣмъ разломило, — отвѣтилъ Семенъ Петровичъ. — Похмелье хуже лихоманки. Бѣда!.. Съ ногъ даже бьетъ.

— Не полѣчиться ли? — молвилъ Петръ Степанычъ, доставая изъ чемодана баклажку.

— Можно, — весело улыбнувшись и потирая руками, сказалъ Семенъ Петровичъ.

— Таисѣя потчевала меня сорокатравчатой... Дурака нашла, стану я пить ихнюю дрянь, какъ въ баклажкѣ есть еще померанцевая, — смѣялся Петръ Степанычъ, наливая стаканчики.

Опохмелились. Немного погодя еще пропустили померанцевой.

— Чаю не хочешь ли? — спросилъ Самоквасовъ.

— Чай мнѣ не по нутру, было бы винцо поутру, — отшутился Семенъ Петровичъ. — Развѣ съ постными сливками.

Постныхъ сливочекъ изъ дорожнаго погребца достали и выпили по хорошему пуншику. Оправясь тѣмъ отъ похмелья, пошли изъ свѣтлицы вонъ: Семенъ Петровичъ—караулить Василья Борисыча, Самоквасовъ—отъ-нечего-дѣлать по честнымъ обителямъ шататься да на красныхъ дѣвушекъ глазѣть.

Побывалъ у Глафириныхъ, побывалъ и у Жжениныхъ, побесѣдовалъ съ матерями, побалясничалъ съ бѣлицами. Надоѣло. Вспало на умъ провѣдать товарищей вчерашней погулки. Проходя къ домику Марьи Гавриловны мимо Манефиной «стаи», услышалъ онъ громкій смѣхъ и веселый говоръ дѣвицъ въ горницахъ Фленушки, остановился и присѣлъ подъ растворенным окномъ на завалинкѣ.

Слушаетъ — Никитична сказку про Ивана-царевича сказываетъ. Слышитъ, какъ затѣяла она, чтобъ каждая дѣвица по очереди разсказывала, какъ бы стала съ мужемъ жить. Слы-

шитъ, какія рѣчи говорятъ дѣвицы улангерскія, слышитъ и Фленушку.

Въ жаръ его бросило, крупными каплями потъ на лбу выступилъ... И наединѣ рѣзко говаривала съ нимъ Фленушка насчетъ замужества, но такихъ рѣчей не доводилось ему слыхать отъ нея. «Такъ вотъ какова ты! — думаетъ онъ самъ про себя. — Да отъ этакой жены прямо въ петлю головой!.. А хороша, шутъ ее побери — и красива, и умна, и ловка!.. Эхъ, Фленушка, Фленушка!.. Корнями, что ли, обвела ты меня, заколдовала, что ли, злодѣйка красотой своей! И радъ бы не думать про нее, да думается!.. Да не врешь ли ты, Фленушка?.. Изъ удали, изъ озорства не хвастала ли ты передъ подругами?.. Да нѣтъ. Вѣдь и мнѣ, хоть не тѣми словами, а то же въ послѣдній разъ говорила. За шутку принималъ, а выходитъ-то, не шутка была... Ахъ, Фленушка, Фленушка!»

И въ раздумьѣ не слыхалъ онъ, что̀ сказала Прасковья Патаповна.

Нѣжный, тихій говоръ, журчанью свѣтлаго ключа подобный, пѣвучіе звуки нѣжной дѣвичьей рѣчи вывели Самоквасова изъ забытья. Съ душевной усладой слушалъ онъ Дуню Смолокурову, и каждое слово ея крѣпко въ душѣ у него залегало.

«Вотъ такъ дѣвушка!» — подумалъ онъ. И воспомнились слова Таисеи.

Замѣченный Аграфеной Петровной, быстро вскочилъ Самоквасовъ съ завалины и еще быстрѣе пошелъ, но не въ домикъ Марьи Гавриловны, гдѣ ужъ раздавались веселые голоса проснувшихся гостей, а за скитскую околицу. Сойдя въ Каменный Вражекъ, ушелъ онъ въ перелѣсокъ. Тамъ въ тѣни кустовъ раскинулся на сочной благовонной травѣ и долго, глазъ не сводя, смотрѣлъ на глубокое, синее небо, что̀ въ безмятежномъ покоѣ лучезарнымъ сводомъ высилось надъ землею. Его мысли вились вкругъ Фленушки да Дуни Смолокуровой.

— Скучно тебѣ, моя милая, — говорила Аграфена Петровна Дунѣ Смолокуровой. — Всѣ дѣвицы разошлись, кто по гостямъ, кто по дѣламъ. Не пойти ли и намъ на травкѣ полежать, цвѣточковъ порвать?

Съ охотой согласилась Дуня, и обѣ знакомой тропинкой, спустившись въ Каменный Вражекъ, пошли въ перелѣсокъ. Выбрали тамъ уютное мѣсто, по сочной травѣ платки разостлали и сѣли.

— Посмотрю на тебя я, Дунюшка, какая ты стала нераз-

говорчивая, — такъ начала Аграфена Петровна. — А давно-ль, кажется, какъ жили мы здѣсь у тетушки, съ утра до ночи ты соловьемъ заливалась... Скажи по душѣ, по правдѣ скажи мнѣ по истинной, отчего такая перемѣна сталась съ тобой? Отчего, моя милая, на слова ты скупа стала?

— Втѣпоры, какъ жила я у матушки Манеѳы, была я дитя неразумное, — отвѣчала Грунѣ Авдотья Марковна. — Одно ребячье было на умѣ, да и смыслъ-отъ ребячій былъ. А теперь, — со свѣтлой улыбкой она промолвила: — теперь ужъ вышла я изъ подростковъ. Не чужими, своими глазами на свѣтъ Божій гляжу...

— Что-жъ? — спросила Аграфена Петровна, когда Дуня вдругъ оборвала рѣчь. — Неужто бѣлый свѣтъ успѣлъ надокучить тебѣ?

Помолчала Дуня и, припавъ лицомъ къ плечу Аграфены Петровны, сказала:

— А вспомни-ка, что ты мнѣ въ ту пору часто говаривала: «Въ морѣ туманы, въ мірѣ обманы» — таковы были рѣчи твои. Не могла я тогда вмѣстить твоихъ словъ, а теперь каждый день тебя поминаю. Да, истину ты говорила мнѣ: одни обманы на свѣтѣ, правды въ людяхъ нѣтъ. Все на кривдѣ: въ торговомъ ли дѣлѣ, въ домашнемъ, или въ другомъ какомъ. А на языкѣ у каждаго правда — всякъ ее хвалитъ, да не всякъ хранитъ, всякъ ее ищетъ, а никто не творитъ... Претитъ душѣ моей неправда. Тяжело видѣть, что вижу. А помочь ни силы нѣтъ ни умѣнья. Зачнешь говорить, на смѣхъ подымутъ, ну и молчишь... Оттого малословна и стала я. Никому про то я не говаривала, тебѣ одной открылась. Пробовала тятенькѣ сказать — смѣется: «ты еще молода, говоритъ, поживешь подольше, уходишься».

Призадумалась Аграфена Петровна.

— Міръ во злѣ лежитъ, и всякъ человѣкъ есть ложь, — она молвила. — Что дѣлать, Дунюшка? Не нами началось, милая, не нами и кончится. Надо терпѣть. Такова ужъ людская судьба! Дѣло говорилъ тебѣ Марко Данилычъ, что ты молоденька еще, не уходилась. Молодой-отъ умокъ, Дунюшка, что молодая брага — бродитъ. Погоди, поживешь на свѣтѣ, притерпишься.

— Что это за жизнь? И зачѣмъ родились мы на свѣтъ? — тихимъ голосомъ плакалась Дуня.

— Власть Господня на то, — строго промолвила Аграфена Петровна. — Не намъ судить о томъ, что Небесный Отецъ положилъ во власти Своей и печатью тайны отъ насъ запечаталъ! Грѣхъ великій испытывать Создателя!

— Знаю это, знаю, сердечная моя, милая, — припадая къ плечу Аграфены Петровны, говорила Дуня. — Да что дѣлать-то мнѣ? Нѐхотя согрѣшишь. Тошненько въ такой жизни!.. Измаялась я!

— Вотъ что скажу я тебѣ, Дунюшка, — улыбаясь свѣтлой улыбкой, молвила Аграфена Петровна. — Знаю, отчего такія мысли бродятъ у тебя, отчего тошно тебѣ на свѣтъ вольный глядѣть... Знаю и лѣкарство, чѣмъ исцѣлить тебя.

— Чѣмъ? — быстро откинувшись отъ плеча Аграфены Петровны, спросила Дуня.

— То колечко, что Марко Данилычъ тебѣ подарилъ, надо отдать поскорѣе, — съ улыбкой, полной любви, сказала Аграфена Петровна.

Спрятала Дуня запылавшее личико на груди ея. Ни слова сама.

— Скажи по правдѣ, не утай отъ меня, — продолжала Аграфена Петровна, нѣжно цѣлуя дѣвушку въ наклоненную головку. — Есть на примѣтѣ кто?

— Вѣдь я же сказала тебѣ... Стану развѣ скрываться? Передъ тобой раскрыта душа моя, — чистымъ, яснымъ взоромъ глядя въ очи Аграфены Петровны, молвила Дуня. — Были на минуту пустыя мысли, да ихъ теперь нѣтъ, и не стоитъ про нихъ поминать...

— Молись же Богу, чтобъ Онъ скорѣй послалъ тебѣ человѣка, — сказала Аграфена Петровна. — Съ нимъ опять, какъ въ дѣтствѣ бывало, и свѣтелъ и радошенъ вольный свѣтъ тебѣ покажется, а людская неправда не станетъ мутить твою душу. Въ томъ одномъ человѣкѣ вмѣстится весь міръ для тебя, и, если будетъ онъ жить по добру да по правдѣ, успокоится сердце твое, и больше прежняго возлюбишь ты добро и правду. Молись и ищи человѣка. Пришла пора твоя.

— Мудрены твои рѣчи, Грунюшка, не понять мнѣ ихъ. Но ты любишь меня, а ложь никогда съ языка твоего не сходила. Вѣрю тебѣ, вѣрю, моя добрая, милая Грунюшка! — говорила Дуня, осыпая поцѣлуями Аграфену Петровну.

— Молись же! — молвила ей Аграфена Петровна.

— Буду молиться, — отвѣтила Дуня. — И вотъ что... придется по мысли мнѣ человѣкъ, безъ совѣта твоего за него не пойду... Ты больше меня знаешь людей, поглядишь на него и скажешь — таковъ ли онъ, какого мнѣ надо... Скажешь?.. Скажешь, Грунюшка?.. Посовѣтуешь?..

— Ну, ладно, ладно, — съ ясной улыбкой молвила Аграфена Петровна. — Пиши, нарочно пріѣду, а на свадьбѣ, пожалуй, и въ свахи пойду.

— Не въ свахи, а вмѣсто матери, — перервала ее Дуня. — Не привелъ Господь матушкѣ меня вырастить. Не помню ея, по другому годочку осталась. А отъ тебя, Грунюшка, столь много добра я видѣла, столько много хорошихъ совѣтовъ давала ты мнѣ, что я на тебя какъ на мать родную гляжу. Нѣтъ, ужъ если Богъ велитъ, ты вмѣсто матери будь.

— Ладно, хорошо, — съ горячимъ поцѣлуемъ отвѣтила Аграфена Петровна. — А вотъ что̀, Дунюшка, какъ до свадьбы-то насъ съ тобой до костей перемочитъ?.. А? — сказала она, взглянувъ на̀ небо. — За разговорами намъ не въ примѣту, что тучка набѣжала... Чу, гремитъ!.. Побѣжимъ-ка скорѣй, чтобъ гроза не застала...

И спѣшнымъ шагомъ пошли изъ лѣсочка.

Выпала же Петру Степанычу на черствыя именины такая доля: цѣлый день съ утра до̀ вечера Иваномъ-царевичемъ быть. Невзначай подслушавъ сокровенныя рѣчи дѣвицъ бѣлоликихъ, ненарокомъ узналъ и тайныя думы той, о которой сталъ призадумываться.

Фленушкины рѣчи всѣми сидѣвшими съ нею приняты были за сущую правду. На завалинѣ сидя, о̀тъ слова до слова слышалъ ихъ Самоквасовъ. Но какъ было угадать ему, что Фленушка нарочно взводитъ на себя небывальщину, замѣтя его подъ окномъ, съ хитрою мыслью въ немъ любовь остудить? Ровно осенняя ночь стало темно у него на душѣ. Но какъ иногда яркій солнечный лучъ проницаетъ межъ тучъ черно-сизыхъ, такъ и теперь передъ очами его омраченной души, дѣвственной прелести полный, величаво вставалъ свѣтозарный образъ Дуни, и разумныя, скромныя рѣчи ея слово за̀ словомъ вспадали на память ему и ровно цѣлебный бальзамъ капля за каплей въ разбитое сердце лились...

На завалинкѣ сидя, въ первый разъ услыхалъ онъ голосъ ея, и этотъ нѣжный пѣвучій голосокъ показался ему будто знакомымъ. Гдѣ-то, когда-то слыхалъ онъ его и теперь узнавалъ въ немъ что-то родное. Наяву ли гдѣ слышалъ, во снѣ ли — того онъ не помнитъ. Сходны ли звуки его съ голосомъ матери, ласкавшей его въ колыбели, иль съ пѣніемъ ангеловъ, видѣнныхъ имъ во снѣ во дни невиннаго ранняго дѣтства, не можетъ рѣшить Петръ Степанычъ.

Буря въ душѣ закипѣла, когда Фленушки рѣчи коснулись слуха его, и вдругъ будто ангелъ мирный, небесный крыломъ благодатнымъ ту бурю покрылъ... Дуни слова тихій покой на его разъяренную душу навѣяли.

Полонъ думъ, придя въ перелѣсокъ, долго лежалъ на травѣ

благовонной, долго смотрѣлъ онъ на вѣчно прекрасную, никогда ненаглядную лазурь небосклона. Мысли мѣнялись, роились. То съ болью въ сердцѣ вспоминалъ обманную Фленушку, то чистую сердцемъ, скромную нравомъ Дуняшу...

Вдругъ шорохъ въ травѣ и шелестъ кустовъ... Кто-то идетъ въ перелѣсокъ. Радостью облило сердце его, когда опознал голосà. Аграфена Петровна съ Дуней сѣли отъ него недалеко, онъ притаился въ кустахъ, лежалъ недвижимъ и безмолвенъ и отъ слова до слова выслушалъ весь разговоръ... И когда, грозы испугавшись, онѣ удалились, Петръ Степанычъ долго еще лежалъ на травѣ... Ливмя лилъ дождь, шумно клонились вершины высокоствольныхъ деревьевъ, оглушительный трескъ и раскаты громòвыхъ ударовъ не умолкали на небѣ, золотыя, зубчатыя молніи то и дѣло вспыхивали въ низко нависшихъ надъ землею тучахъ, а онъ недвижимо лежалъ на мѣстѣ, съ котораго только-что Дуня сошла, не слыша ни рева бури, ни грома, ни шума деревьевъ, не чувствуя ливня, не видя ярко-блещущихъ молній...

Быстро промчалась гроза, солнце вновь засіяло въ безоблачной тверди небесной, деревья, кусты и трава оживились, замолкшія птички громко запѣли въ листвѣ древесной, а Петръ Степанычъ все лежалъ на мокрой травѣ въ перелѣскѣ, вспоминая каждое слово плѣнительной Дуни.

Глава четырнадцатая.

Гости одинъ за другимъ разъѣзжались... Прежде всѣхъ въ дорогу пустился удѣльный голова съ Ариной Васильевной. Спѣшилъ онъ пораньше добраться домой, чтобъ на ночь залечь во ржахъ на любимую перепелиную охоту. Поспѣшно уѣхалъ и Марко Данилычъ съ дочерью. Поѣхалъ не прямо домой: ожидая съ Низовья рыбнаго каравана, рѣшилъ встрѣтить его на пристани, кстати же въ городѣ были у него и другія дѣла.

Пока на прощаньи пили чай у Манеѳы, Самоквасовъ сидѣлъ у окна рядомъ съ Маркомъ Данилычемъ и угодничалъ передъ нимъ, стараясь ему полюбиться. Въ томъ онъ успѣлъ. Еще поутру Марко Данилычъ, говоря съ Патапомъ Максимычемъ, много хвалилъ вчерашняго именинника. Теперь Самоквасовъ свелъ разговоръ съ Смолокуровымъ на дѣла свои, разсказалъ, сколько у нихъ всего капиталу, сколько по смерти затворника-прадѣда надо ему получить, помянулъ про свое намѣренье вести отъ себя торговлю по рыбной части и просилъ не оставить его добрымъ совѣтомъ. Радъ былъ Марко

Данилычъ и подробно сталъ объяснять ему рыбное дѣло. Внимательно слушалъ его Самоквасовъ, впиваясь глазами въ красавицу-дочку, что сидѣла напротивъ отца, рядомъ съ Аграфеной Петровной.

Видя, какъ почтительно, съ какимъ уваженьемъ ведетъ себя передъ Маркомъ Данилычемъ Самоквасовъ, замѣчая, что и родитель говоритъ съ нимъ ласково и съ такой любовью, что рѣдко съ кѣмъ онъ говаривалъ такъ, Дуня почаще стала взглядывать на Петра Степаныча, прислушиваясь къ рѣчамъ его. Слышитъ — онъ говоритъ про наслѣдство.

— Я одинъ, какъ перстъ, а у дяди куча дѣтей, ему деньги нужнѣе. Одна голова не бѣдна, а бѣдна такъ одна. Съ меня и четверти дѣдова имѣнья достаточно, пусть другая четверть двоюроднымъ сестрамъ пойдетъ. Дѣвушки онѣ хорошія, добрыя. Мнѣ одному всего не изжить.

«Онъ добрый», — подумала Дуня и съ удвоеннымъ вниманьемъ слушала его рѣчи.

— Что не дѣло, то не дѣло, — молвилъ въ отвѣтъ Петру Степанычу Смолокуровъ. — Деньгами зря не сорятъ... Самому пригодятся. Не вѣкъ одинокимъ вы проживете, и вамъ пора-время придетъ...

Говоря о рыбномъ промыслѣ, Марко Данилычъ, какъ и поутру, замѣтилъ, что съ астраханскими рабочими надобно ухо держать востро.

— Мошенникъ народъ, — сказалъ онъ. — Много умѣнья, много терпѣнья надобно съ ними имѣть! Съ одной стороны — народъ плутъ, только и норовитъ обмануть хозяина, съ другой стороны — урѣзный пьяница. Страхомъ да строгостью только и можно его въ рукахъ держать. И не бей ты астраханскаго вора дубьемъ, бей его лучше рублемъ — вычеты постанови, да послѣ того не спускай ему самой послѣдней копейки, всяко лыко въ строку пускай. И на того не гляди, что смиренникомъ смотритъ. Какъ только зазнался который, прижми его при расчетѣ.

— Простите вы меня, Марко Данилычъ, — вспыхнувъ немного, сказалъ Самоквасовъ. — Откуда же правдѣ въ народѣ быть, когда мы станемъ неправдой его обижать?

— Поживете, сударь мой Петръ Степанычъ, съ мое, узнаете ихнюю правду! Воръ народъ, одно слово воръ... Страху не стало, всякій самъ себѣ въ носъ подуваетъ, — сказалъ Смолокуровъ, отирая лобъ отъ крупнаго пота послѣ пятой или шестой чашки чаю.

«И добрый и за правду стоитъ!» — блеснуло въ головѣ Дуни, и склонилась она къ плечу Аграфены Петровны и

что-то тихонько сказала ей; ясной улыбкой улыбнулась Аграфена Петровна и пристально поглядѣла на Петра Степаныча.

Рѣчь зашла о прадѣдѣ Самоквасова. По спросу Марка Данилыча, разсказалъ Петръ Степанычъ, что̀ зналъ про него, какъ былъ онъ атаманомъ разбойниковъ, а потомъ строгимъ постникомъ, и какъ двадцать годовъ не выходилъ на свѣтъ Божій изъ затвора.

— Мутитъ мнѣ душу это наслѣдство, — примолвилъ онъ, кончая разсказъ. — Какъ подумаешь, что взято оно съ разбою, полито кровью, боязно станетъ его получать...

— Да вѣдь это было давно, — молвилъ Марко Данилычъ. — Восемьдесятъ лѣтъ, коли не больше — восемь давностей, значитъ, прошло.

— У Бога давностей нѣтъ, — сказалъ Петръ Степанычъ. — Люди забыли — Господь помнитъ... Если-бъ мнѣ вѣдать, кого дѣдушка грабилъ, отыскалъ бы я внуковъ-правнуковъ тѣхъ, что̀ имъ граблены были — и долю мою отдалъ бы имъ до копейки.

Ласкающимъ взоромъ взглянула на Самоквасова Дуня, вспыхнувъ отъ родительскихъ словъ.

— Напрасно, — сказалъ Смолокуровъ. — На деньгахъ мѣтокъ нѣтъ... Хоть и знаемы были-бъ наслѣдники, отдавать имъ не слѣдъ.

— Про то говорю я, Марко Данилычъ, какъ по Божьей правдѣ надо бы сдѣлать, а, вѣстимо, теперь некому ихъ мнѣ отдавать... Поневолѣ владѣй, — сказалъ Петръ Степанычъ.

Довольное время и послѣ того вели они разговоры о разныхъ дѣлахъ. И Петръ Степанычъ Смолокурову очень понравился.

Привѣтнымъ, ласковымъ поклономъ простилась Дуня съ Петромъ Степанычемъ. Марко Данилычъ звалъ его въ гости и сказалъ, что, будучи въ Казани, непремѣнно у нихъ побываетъ.

Нѣжно простилась Дуня съ дѣвицами, но крѣпче всѣхъ обнимала, всѣхъ горячѣй цѣловала Аграфену Петровну. На людяхъ прощались, нельзя было по̀ сердцу, по душѣ въ послѣдній разокъ перемолвиться имъ, но двѣ слезинки на рѣсницахъ Дуни краснѣй рѣчей говорили, о чемъ она думала на прощаньи.

Межъ тѣмъ Василій Борисычъ въ келарнѣ съ дѣвицами распѣвалъ. Увидавъ, что съ обительскаго двора съѣзжаетъ кибитка Марка Данилыча, наполовинѣ нерервалъ онъ «Всемірную славу» и кинулся стремглавъ на крыльцо, но едва успѣлъ поклониться и мелькомъ взглянуть на уѣзжавшую Дуню.

Смолокуровъ отдалъ ему степенный поклонъ и громко крикнулъ прощальное слово. Она не взглянула. Какъ вкопаный сталъ на мѣстѣ Василій Борисычъ. Давно изъ виду скрылась кибитка, а онъ все глядѣлъ вслѣдъ улетѣвшей красоткѣ...

Вечеркомъ по холодку Патапъ Максимычъ съ Аксиньей Захаровной и кумъ Иванъ Григорьичъ съ Групей по домамъ поѣхали. Передъ тѣмъ Манеѳа, внявъ неотступнымъ просьбамъ Фленушки, упросила брата оставить Парашу погостить у нея еще хоть съ недѣльку, покамѣстъ онъ съ Аксиньей Захаровной будетъ гостить у головы, спрыскивать его позументы. Патапъ Максимычъ долго не соглашался, но потомъ позволилъ дочери остаться въ Комаровѣ, съ тѣмъ однако, чтобъ Манеѳа ее ни подъ какимъ видомъ въ Шарпанъ съ собой не брала.

— Спасенница, что ли, она разъѣзжать-то по вашимъ праздникамъ! — говорилъ онъ сестрѣ. — Слава Богу, дѣвка не стрижена, не стать ей по вашимъ бабьимъ соборамъ шататься... Здѣсь дѣло другое, у тетки въ гостинахъ, а въ Шарпанѣ не зачѣмъ быть.

Согласилась Манеѳа. Параша осталась.

Передъ самымъ отъѣздомъ Патапъ Максимычъ вышелъ изъ Манеѳиной кельи поискать Василья Борисыча. Нашелъ его въ свѣтелкѣ. Мраченъ и грустенъ сидѣлъ московскій посолъ; стоя передъ нимъ, помалчивалъ Семенъ Петровичъ.

— Напѣлся ли съ дѣвками-то?.. Безъ мала цѣлый день голосилъ... Какъ это у тебя горло-то не перехватитъ? — сказалъ Чапуринъ, войдя въ свѣтелку и подсаживаясь къ столику.

— Сегодня не оченно много пѣли, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Надо-жъ на прощанье попѣть... Хоша матушка Манеѳа меня и обидѣла, а все-таки я, поминаючи, каково ласково она приняла меня и всячески у себя въ обители упокоила, готовъ послужить ей, чѣмъ только могу.

— Аль побранились? — съ усмѣшкой спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Браниться не бранились, а вчерашнее оченно мнѣ оскорбительно, — отвѣтилъ московскій посолъ. — Сами посудите, Патапъ Максимычъ, вѣдь я на матушку Манеѳу, какъ на каменную стѣну, надѣялся. Сколько времени она дѣломъ тянула и все время въ надеждѣ держала меня. Я и въ Москву въ такомъ родѣ писалъ. А какъ пришло время, матушка и въ сторону. Въ дураки меня посадила!

— А ты про однѣ дрожди не поминай трожды. Про то го-

ворено и вечоръ и сегодня. Сказано: плюнь, и вся недолга, — говорилъ Патапъ Максимычъ. — Я къ тебѣ проститься зашелъ: жаръ посвалилъ, ѣхать пора... Смотри-жъ у меня, ворочай скорѣй, пора на Горахъ дѣла зачинать... Да еще одно дѣльцо есть у меня на умѣ... Ну, да это еще какъ Господь дастъ... Когда въ путь?

Зорко глянулъ Семенъ Петровичъ на Василья Борисыча, ожидая, что-то отвѣтитъ онъ. Василій Борисычъ сказалъ:

— Медлить не стану, какъ исправлюсь, такъ и поѣду.

— А ты бы завтра, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Завтра исправлюсь, завтра и поѣду. Нечего мѣшкать. Какъ знаютъ матери, такъ пущай себѣ и дѣлаютъ. Мое дѣло теперь сторона, — отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Говорить нельзя съ тобой, — съ нетерпѣньемъ воскликнулъ Чапуринъ. — Черезъ каждое слово либо посконный архіерей, либо чернохвостая скитница!.. Не поминай ты мнѣ этихъ дѣловъ!.. Терпѣть не могу!

— Охъ, искушеніе!.. — чуть слышно проговорилъ Василій Борисычъ. И громко примолвилъ: — Когда раздѣлаюсь, тогда и поминать не стану, а теперь нельзя умолчать, потому что еще при томъ дѣлѣ стою.

— Конечно, такъ, да слушать-то больно противно, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Дёнъ черезъ пять въ городъ я буду. Ежели къ тому времени подъѣдешь, побывай у меня. Къ Сергѣю Андреичу Колышкину зайди, къ пароходчику, домъ у него на горкѣ у Ильи Пророка — запиши для памяти. Онъ тебѣ скажетъ, гдѣ меня отыскать.

— Оченно хорошо, Патапъ Максимычъ, — сказалъ московскій посолъ и записалъ въ памятную книжку, гдѣ Колышкинъ живетъ.

— Ну, нынъ прощаться давай, ѣхать пора, — вставая со стула, сказалъ Чапуринъ. — Охъ, ѣхать бы тебѣ со мной, Васенька, у меня же въ кибиткѣ и мѣсто есть. Прасковью покидаю, а кибитка у меня на троихъ. Мы бы съ тобой у Михайлы Васильича погостили, съ позументами хорошенько-бъ поздравили его, въ Городецъ бы съѣздили, тамъ бы я останну горяпщину сплавилъ, а ты бы присмотрѣлся къ тому дѣлу, на краснораменски мельницы свозилъ бы тебя, а оттудова въ городъ. Пожили-бъ тамъ денекъ-другой, а тамъ и въ Москву съ Богомъ. Сбирайся-ка, поѣдемъ вмѣстѣ.

— Не успѣть мнѣ такъ скоро собраться, Патапъ Максимычъ. Тоже надо съ матерями проститься, — молвилъ Василій Борисычъ.

— Плюнь!.. Стоятъ онѣ того, чтобы съ ними прощаться!.. Право бы, вмѣстѣ поѣхали! То-то бы весело было!

— Нельзя не проститься, — молвилъ Василій Борисычъ. — Не водится такъ, сами посудите.

— Ну, быть по-твоему, дѣлай, какъ знаешь, — сказалъ Чапуринъ. — А въ городу у Колышкина понавѣдайся... Для того больше и зашелъ я къ тебѣ... Ну, прощай!.. А не то пойдемъ вмѣстѣ къ Манееѣ.

— Не знаю, какъ... — замялся-было Василій Борисычъ.

— Чего не знаешь?.. Идти-то какъ?.. А ты переставляй ноги-то одну за другой — дойдешь безпремѣнно — хмельной не дойдешь, а трезвый ничего... — засмѣялся Патапъ Максимычъ. — Ну, пойдемъ же. Чего еще тутъ?

Не больно хотѣлось Василью Борисычу послѣ утренней размолвки идти къ Манееѣ, но волей-неволей пошелъ за Патапомъ Максимычемъ.

Безъ хлѣба безъ соли не проводины — безъ чаю, безъ закуски Манееа гостей со двора не пустила. Сидя у ней въ кельѣ, про разныя дѣла толковали, а больше всего про оленевское. Мать Юдиѳа съ Аксиньей Захаровной горевали, Манееа молчала, Патапъ Максимычъ подсмѣивался.

— Вотъ запрыгаютъ-то!.. — трунилъ онъ, обращаясь къ Василью Борисычу. — Ровно мыши въ подпольѣ забѣгаютъ, когда ежа къ нимъ пустишь! Поѣдемъ, Василій Борисычъ, смотрѣть на эту камедь. У Макарья за деньги, братецъ мой, такой не покажутъ, а мы съ тобой даромъ насмотримся.

— Полно тебѣ грѣховодничать-то! — плаксиво вступилась Аксинья Захаровна. — Людямъ бѣда, разоренье, ему одни смѣхи? Бога ты не боишься, Максимычъ.

— Ты ужъ пойдешь!.. Нельзя и шутку сшутить!.. — едва нахмурясь, молвилъ съ малой досадой Чапуринъ. — Въ ихнемъ горѣ-бѣдѣ, Богъ дастъ, пособимъ, а что смѣшно, надъ тѣмъ не грѣхъ посмѣяться.

— Попомни хоть то, надъ чѣмъ зубы-то скалишь? — продолжала мужа началить Аксинья Захаровна. — Домы Божьи, святыя обители хотятъ разорять, а ему шутки да смѣхи... Образумься!.. Побойся Бога-то!.. До того обмірщился, что ничѣмъ не лучше татарина сталъ... Нечего рыло-то воротить, правду говорю. О душѣ-то хоть маленько подумалъ бы. Да.

— Авось какъ-нибудь да спасемся, — продолжалъ свои шутки Патапъ Максимычъ. — Всѣ скиты, что ихъ ни есть, найму за себя Бога молить, лѣтъ на десять впередъ грѣхи отмолятъ... Такъ, что ли, спасенница? — обратился онъ къ сестрѣ.

— Праздныя слова говоришь, а всякое праздное слово на послѣднемъ судѣ съ человѣка взыщется, — сухо молвила Манееа.

— Безъ тебя знаютъ, нечего учить-то меня! — подхватилъ Патапъ Максимычъ. — А ты вотъ что̀ скажи: когда вы пустячныхъ какихъ-нибудь грѣховъ цѣлымъ соборомъ замолить не сумѣете, за что же вамъ деньги-то давать? Значитъ, все едино, что̀ псу ихъ подъ хвостъ, что̀ вамъ на каноны...

— Да ты ума рехнулся! — быстро съ мѣста вскочивъ и подступая къ мужу, закричала во весь голосъ Аксинья Захаровна. — Смотри у меня!

— Заершилась? — шутливо молвилъ Патапъ Максимычъ, отстраняясь отъ жены. — Слова нельзя сказать, то̀тчасъ заартачится!.. Ну, коли ты заступаешься за спа̀сенницъ, говори безъ бабьихъ увертокъ — доходны ихъ молитвы до Бога, аль не доходны? Сто̀итъ имъ деньги давать, аль нѣтъ?

Плюнула Аксинья Захаровна чуть не прямо въ лицо Патапу Максимычу, отвернулась и смолкла.

Покамѣстъ Чапуринъ съ женой перебранивался, Василій Борисычъ молча глядѣлъ на Парашу... «Голубушка Дуня какъ сонъ улетѣла,—думалъ онъ самъ про себя —Не удалось и подступиться къ ней... И Груня уѣхала — разорятъ Оленево, прости-прощай блинки горяченькіе!.. И Устинью въ Казань по водѣ унесло... Одна Прасковья... Аль ужъ остаться денька на четыре?.. Аль ужъ проститься съ ней хорошенько?.. Она же сегодня пригожая!.. Что-жъ? Что̀ разъ, что̀ десять, одинъ отвѣтъ».

Проводивъ Патапа Максимыча и кума Ивана Григорьевича, Фленушка съ Парашей ушли въ свою горницу. Василій Борисычъ съ глазу на̀ глазъ съ Манефой остался. Сталъ онъ подъѣзжать къ ней съ рѣчами угодливыми, стараясь смягчить утреннюю размолвку.

Такъ онъ началъ:

— Какое горестное извѣстіе получили вы, матушка!.. Про Оленево-то!.. Признаться вамъ по всей откровенности, до сегодня не очень-то вѣрилось мнѣ, чтобъ могло послѣдовать такое распоряженіе! Лѣтъ полтораста стоятъ скиты Кѐрженскіе, и вдругъ ни съ того ни съ сего вздумали ихъ разорять! Не можетъ этого быть, думалъ я. А теперь, когда получили вы такое извѣстіе, приходится вѣрить.

— Да, Василій Борисычъ, — вздохнула Манефа. — Дожили мы до паденія Кѐрженца.

— И нынѣ, какъ подумаю я о такихъ вашихъ обстоятельствахъ, — продолжалъ московскій посланникъ: — согласенъ я съ вами, матушка, что не время теперь вамъ думать объ архіепископѣ. Пронесется гроза — другое дѣло, а теперь точно

нельзя. За австрійской іерархіей наблюдают строго и, если узнàют, что вы соглашаетесь, пожалуй, еще хуже чего бы не вышло.

— То-то и есть, Василій Борисычъ. А я-то чтò же тебѣ говорила? — молвила Манеѳа.

— Надивиться не могу вашей мудрости, матушка, — подхватилъ московскій посолъ. — Какая у васъ во всемъ прозорливость, какое во всѣхъ дѣлахъ благоразуміе! Поистинѣ паче всѣхъ человѣкъ одарилъ васъ Господь дарами Своей премудрости...

— Полно лишнее-то говорить, Василій Борисычъ, не люблю, какъ льстивыя рѣчи мнѣ говорятъ, — молвила Манеѳа. — А тому я рада, что ты увѣрился, въ какой мы теперь невозможности владыку принять. Пріѣдешь въ Москву, тамъ возвѣсти: не таковы, молъ, теперь на Кѐрженцѣ обстоятельства, а только-де гонительное время минетъ, тогда по скитамъ и рѣшатся принять. А межъ тѣмъ испытаютъ, молъ, черезъ вѣрныхъ людей объ Антоніи. Боятся, молъ, не вышелъ бы изъ него другой Софронъ святокупецъ. Тѣмъ-де сумнителенъ тотъ Антоній, что вѣры частенько мѣнялъ; опасаются, дескать, не осталось ли въ немъ безпоповаго духа, да къ тому-жъ, молъ, ходятъ слухи, что онъ двоеженъ... Разрѣшатся наши сомнѣнья, примемъ его, не разрѣшатся — на Спасову волю останемся... Пусть Онъ сый человѣколюбецъ самъ управитъ наши души... Такъ и скажи на Москвѣ, Василій Борисычъ. А на меня не посѣтуй, что давеча крутенько сказала... Прости, Христа ради!

И низко поклонилась Василью Борисычу. А онъ тотчасъ ей два метанія по чину сотворилъ, обычно приговаривая:

— Матушка, прости, матушка, благослови!

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ! — сотворила прòщу игуменья. И опять оба сѣли за столъ и продолжали бесѣду.

— Когда въ Москву-то думаешь ѣхать? — спросила Манеѳа.

— Поскорѣй бы надо, матушка, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Чтò попусту-то здѣсь проживать? Да и то я подумываю, — не навлечь бы мнѣ на васъ какого подозрѣнья отъ петербургскихъ чиновниковъ... Имъ вѣдь, матушка, все извѣстно, про все они свѣдомы; знаютъ и то, что я въ Бѣлу-Криницу къ первому митрополиту ѣздилъ... Какъ бы изъ-за меня не заподозрѣли васъ.

— За себя нимало не опасаюсь я, — молвила спокойно Манеѳа. — Мало-ль кто ко мнѣ наѣзжаетъ въ обитель — всему начальству извѣстно, что у меня всегда большой съѣздъ живетъ. Имѣю отводъ, по торговому, молъ, дѣлу пріѣзжаютъ. Не-

даромъ же плачу́ гильдію. И бумаги такія есть у меня, довѣренности отъ купцовъ разныхъ городовъ... Коснулись бы тебя — отвѣтъ у насъ готовъ: пріѣзжалъ, дескать, изъ Москвы отъ Мартыновыхъ по торговлѣ краснымъ товаромъ. И документы показала бы.

— А насчетъ другихъ скитовъ, матушка? — сказалъ Василій Борисычъ. — Я вѣдь гостилъ и въ Оленевѣ, и въ Улангерѣ два раза былъ. А по тѣмъ скитамъ въ купечествѣ матери не пишутся. Тамъ-то какой отвѣтъ про меня дадутъ?..

— Изо всѣхъ игуменьій точно что только у меня одной гильдейское свидѣтельство и другія бумаги торговыя есть, — отвѣтила Манеѳа. — И ты, другъ мой, не разсказывай, какихъ ради причинъ выправляю я гильдію. Самъ понимаешь, что такое дѣло надо втайнѣ хранить.

Помолчалъ Василій Борисычъ и молвилъ:

— А еще уговаривали меня на Казанскую въ Ша́рпанъ ѣхать.

— Пожалуй, что лучше не ѣздить, — подумавъ, сказала Манеѳа. — Хоть въ томъ письмѣ, что̀ сегодня пришло, про Ша́рпанъ не помянуто, однако-жъ допрежъ того изъ Петербурга мнѣ было писано, что тому генералу и Ша́рпанъ велѣно осмотрѣть и Казанскую икону отобрать, если докажется. что къ ней церковники на поклоненіе сходятся. И сама бы я не поѣхала, да нельзя. Матушка Августа была у насъ на праздникѣ, нельзя къ ней не съѣздить.

— Нельзя вамъ не ѣхать, — согласился Василій Борисычъ. — Стало-быть, такъ мы и сдѣлаемъ: вы въ Ша́рпанъ, а я въ Москву.

— У меня-то погости, у меня опасаться тебѣ нечего, — сказала Манеѳа. — Лучше, какъ бы ты остался. пока это дѣло кончится. Насчетъ петербургскаго-то говорю. Что̀ тамъ будетъ, ка̀къ насъ рѣшатъ, теперь никому неизвѣстно, а если бы ты остался у насъ, послѣ бы, какъ очевидецъ, все разсказалъ на Москвѣ. Въ письмахъ всего не опишешь.

— Пора ужъ мнѣ, матушка, — возразилъ Василій Борисычъ: — и безъ того четыре почти мѣсяца у васъ проживаю.

— Какъ знаешь, держать тебя невластна̀, — сказала Манеѳа. — А лучше-бъ тебѣ это время у насъ прожить. По крайности меня-то дождись, пока ворочусь изъ Ша́рпана. Тамъ всѣ будутъ, и оленевскія и другихъ скитовъ, разскажутъ, что̀ у нихъ дѣлается. Съ этими вѣстями и поѣхалъ бы въ Москву.

Василій Борисычъ согласился остаться въ Комаровѣ до возвращенія Манеѳы изъ Ша́рпана.

Тихій, прохладный вечеръ настал. Потускла высота небесная, и блѣднымъ свѣтомъ заискрились въ ней звѣздочки. На небѣ ни облачка, на землѣ ни людскихъ голосовъ ни птичьяго щебета, только легкій, чуть слышный вѣтерокъ лѣниво шевелитъ листьями черемухъ, рябинъ и березъ, густо разросшихся въ углу Манеѳиной обители, за часовней, на кладбищѣ и возлѣ него. Послѣ промчавшейся грозы стало прохладно, но въ то же время и душно. Запахъ скошеннаго сѣна и ночныхъ цвѣтовъ благовонными волнами разливался въ воздухѣ и наполнялъ его сладостной истомой. Торжественно безмолвствуетъ недосягаемая лазурь небесной тверди, и сладострастной нѣгой дышитъ тихая ночь на землѣ.

Изъ кельи Манеѳы Василій Борисычъ вышелъ на крылечко подышать чистымъ воздухомъ. Благоуханною свѣжестью пахнуло ему въ лицо, жадно впивалъ онъ прохладу. Это не удушливый воздухъ Манеѳиной кельи, пропитанный благочестивымъ запахомъ роснаго ладана, деревяннаго масла и восковыхъ свѣчъ. Въ свѣтелкѣ, гдѣ жилъ московскій посолъ, воздухъ почти былъ такой же.

Ни о чемъ не думая, ни о чемъ не помышляя, самъ послѣ не помнилъ, какъ сошелъ Василій Борисычъ съ игуменьина крыльца. Тихонько, чуть слышно, останавливаясь на каждомъ шагу, прошелъ онъ къ часовнѣ и сѣлъ на широкихъ ступеняхъ паперти. Все уже спало въ обители, лишь въ работницкой избѣ на конномъ дворѣ свѣтился огонекъ, да въ келейныхъ стаяхъ тамъ и сямъ мерцали лампадки. То обительскіе трудники, убравъ коней и задавъ имъ корму, сидѣли за ужиномъ, то благочестивыя матери, стоя передъ иконами, справляли келейное правило.

Слышится Василью Борисычу за часовней тихій говоръ, но не можетъ ни смысла рѣчей понять ни узнать говорившихъ по голосу. Что голоса женскіе, это разслышалъ, и невольно его на нихъ потянуло. Тихонько обошелъ онъ часовню, приблизился къ чащѣ рябинъ и черемухъ. Узналъ голоса: Фленушка съ Парашей. Но ни слова разслышать не можетъ, не можетъ понять, о чемъ говорятъ.

— Охъ, искушеніе! — молвилъ онъ самъ про себя.

Взволновалась кровь, защемило у Василья Борисыча сердце, въ головѣ ровно угаръ сталъ. И вспомнился ему Улангеръ, вспомнилась ночь въ перелѣскѣ. Ночь тогда была такая же, какъ и теперь — тихая, прохладная, благовонная ночь. И пожалѣлъ Василій Борисычъ о той ночи и съ любовью вспоминалъ нѣмыя, холодныя ласки Прасковьи Патаповны.

И неслышными стопами подошелъ онъ къ дѣвушкамъ... Не

запримѣтили онѣ сначала его, но, когда онъ передъ ними какъ изъ земли выросъ, обѣ тихонько вскрикнули.

— Можно развѣ такъ дѣвицъ пужать! — молвила Фленушка. — Въ самую пóлночь да возлѣ кладбища!

— Невдогадъ мнѣ было, Флена Васильевна. Простите великодушно, — молвилъ Василій Борисычъ. — Услыхалъ ваши голоса, захотѣлось маленько ночнымъ дѣломъ побесѣдовать.

— Такъ вамъ и повѣрили! — возразила Фленушка, отодвигаясь отъ Параши и давая возлѣ нея мѣсто Василью Борисычу. — Не бесѣду съ нами захотѣлось вамъ бесѣдовать, захотѣлось подслушать, о чемъ межъ собой дѣвицы говорятъ по тайности. Знаемъ мы васъ!

— И на умъ не вспадало мнѣ, Флена Васильевна, — увѣрялъ Василій Борисычъ, но Фленушка вѣрить ему не хотѣла.

Подсѣлъ на лужкѣ возлѣ Параши Василій Борисычъ. Фленушка за темнотой не видала, — а и увидѣла, такъ въ сторонку бы отвернулась, — какъ Василій Борисычъ взялъ Парашу зà руку и страстно пожалъ ее. Параша тѣмъ же ему отвѣтила.

Фленушка одна говоритъ. Тарантитъ ровно сойка *), бьетъ языкомъ, ровно шерстобитъ струной. Василій Борисычъ съ Парашей помалчиваютъ. А ночь темнѣй и темнѣй надвигается, а въ воздухѣ свѣжѣй и свѣжѣй.

— Холодно что-то! — оборвавъ разсказъ, молвила Фленушка. — Семъ-ка пойду да надѣну платокъ шерстяной. И тебѣ, Параша, захвачу. Вы подождите, я тóтчасъ.

И убѣжала. А Василій Борисычъ одинъ подъ ночнымъ покровомъ съ Парашей остался.

Не казалось имъ холодно, хоть съ каждой минутой ночь сильнѣе свѣжѣла.

Воротилась Фленушка съ Парашинымъ платкомъ не тóтчасъ, какъ обѣщала, а черезъ добрые полчаса.

Глава пятнадцатая.

Наканунѣ Казанской мать Манеѳа съ уставщицей Аркадіей и съ двумя соборными старицами въ Шàрпанъ поѣхала. Старшею въ обители остались мать Виринея, игуменскую келью Манеѳа на Фленушку покинула, но для виду, не остались бы молодыя дѣвицы безъ призора старшихъ, соборную старицу Никанору благословила у себя домовничать.

---

*) Сойка — лѣсная птица, *Corvus glandarius*.

За̀ день до отъѣзда Манеѳы, Петръ Степанычъ Самоквасовъ ѣздилъ въ ближайшій городокъ за какимъ-то дѣломъ. Какъ ни пытала любопытная мать Таисѣя, что̀ за дѣла у него тамъ объявились, не могла отъ гостя толку добиться. Передъ тѣмъ, какъ ѣхать ему, онъ, запершись въ свѣтелкѣ, долго о чемъ-то толковалъ съ Семеномъ Петровичемъ. Очень хотѣлось матушкѣ Таисѣѣ подслушать ихъ разговоръ, притаилась сбоку свѣтлицы, но, сколько ни прикладывалась ухомъ къ стѣнѣ, ничего не могла разслушать. Только и слышенъ былъ раздававшійся по временамъ громкій, закатистый хохотъ Петра Степаныча. Когда онъ садился въ телѣжку, Таисѣя не вытерпѣла, снова полюбопытствовала, заботливо спрашивая, за какими дѣлами такъ спѣшно онъ снарядился, но не дождалась отвѣта. Спросила, когда ожидать гостя обратно. «Завтра къ вечеру буду», — онъ отвѣчалъ.

Только-что съѣхалъ со двора Самоквасовъ, Семенъ Петровичъ въ Манеѳину обитель пошелъ и тамъ весь день не разлучался съ Васильемъ Борисычемъ, шагу не отступалъ отъ него.

Подъ вечеръ наканунѣ Манеѳина отъѣзда, въ ея кельѣ сидѣли за чаемъ, поджидая Василья Борисыча. Фленушка сказала Манеѳѣ:

— Ладно-ль будетъ, матушка, Василій-отъ Борисычъ безъ васъ одинъ съ нами останется?

— А что̀? — спросила Манеѳа.

— Знаете, что̀ за народъ вокругъ насъ живетъ, — молвила Фленушка. — Чего ни наплетутъ... Мнѣ-то наплевать, ко мнѣ не пристанетъ, а вотъ насчетъ Параши. Патапъ-отъ Максимычъ не сталъ бы гнѣваться.

— И впрямь, Фленушка, — сказала Манеѳа. — Хоть ничего худого отъ того случиться не можетъ, а насчетъ братца, подлинно, что это ему не гораздо покажется... Жалуетъ онъ Василья Борисыча, однакожъ на̀ это надѣяться нечего... Какъ же бы намъ это уладить?.. День-отъ пускай бы онъ и съ вами сидѣлъ, ночевать-то куда бы?.. Развѣ въ Таифину келью, али въ домикъ Марьи Гавриловны.

— Пожалуй, хоть къ Марьѣ Гавриловнѣ, тамъ же передъ гостинами Патапа Максимыча все припасено для мужского ночлега, — молвила Фленушка.

— И хорошее дѣло, — согласилась Манеѳа. — Такъ и скажу ему. Человѣкъ онъ разумный, не поскорбитъ, самъ пойметъ, что на̀ эти дни ему въ свѣтелкѣ у насъ проживать не годится.

— А еще бы лучше на̀ это время ему куда-нибудь въ другую обитель перейти,—замѣтила Фленушка.—Тогда смутницы что̀ ни благовѣсти—вѣры не будетъ имъ. И насчетъ Патапа Максимыча было бы невпримѣръ спокойнѣе.

— Такъ-то оно такъ,—сказала Манеѳа. —Да какъ же это сдѣлать? Не къ Разсохинымъ же его... Больно ужъ тамъ пьяно̀—матушка-то Досиѳея съ Петрова дня опять закурила... Разговѣлась, сердечная!.. Невозможно къ ней Василья Борисыча!.. Оскорбится.

— Зачѣмъ къ Разсохинымъ? Опричь Разсохиныхъ мѣсто найдется, — молвила Фленушка.

— Гдѣ найдется? — возразила Манеѳа. — Вѣдь его надо въ хорошую обитель пристроить, не тамъ, гдѣ гульба да пьянство, а на ужинѣ опричь хлѣба куска и на столъ ничего не кладутъ...

— Къ Бояркинымъ,—подхватила Фленушка.—Матушка же Таисѐя въ Ша̀рпанъ не поѣдетъ. Чего лучше?.. И она бы съ радостью, и ему бы не въ обиду...

— Мѣста нѣтъ у Таисѐюшки. У нихъ всего-на̀-все одна свѣтелка, и въ той гости теперь, — сказала Манеѳа.

— Эти дни можно тамъ и Василью Борисычу жить, — отвѣтила Фленушка. — Самоквасовъ куда-то уѣхалъ, одинъ Семенъ Петровичъ остался, а онъ Василью Борисычу дружокъ. Въ тягость одинъ другому не будутъ.

— Куда Петръ-отъ Степанычъ отправился?—спросила Манеѳа. — И не сказался вѣдь, не простился... Экій какой!.. А мнѣ до него еще дѣльцо есть, да и письмо бы надобно съ нимъ отослать.

— На четыре дня, слышь, уѣхалъ,—молвила Фленушка.— Въ городъ никакъ. Вдругъ, говорятъ, собрался, извѣстье какое-то получилъ, на̀спѣхъ срядился.

— Такъ инъ въ самомъ дѣлѣ молвлю я Василью Борисычу, — сказала Манеѳа. — Да что̀ это онъ нейдетъ чай-отъ пить... Евдокеюшка, сбѣгай, голубка, къ Бояркинымъ. Позови Таисѐю: матушка, молъ, Манеѳа чай пить зоветъ. Скорѣй приходила бы.

— Такъ-то дѣло и впрямь будетъ складнѣе,—говорила Манеѳа по уходѣ новой ключницы. — А то и впрямь наплетутъ, чего и во снѣ не приснится. Спасибо, Фленушка, что меня надоумила.

Во все время разговора Манеѳы съ Фленушкой, Параша молчала, но съ необычной ей живостью поглядывала то на ту, то на другую. Марьюшка сидѣла, опустя глаза и скромно перебирая руками передникъ. Потомъ сѣла у раствореннаго

окна, высунулась въ него до пояса и лукаво сама съ собой усмѣхалась, слушая обманныя рѣчи Фленушки.

Василій Борисычъ пришелъ. Семена Петровича привелъ. Послѣ немалыхъ и долгихъ извиненій объявила ему Манеѳа, что съ Фленушкой она придумала, и Василій Борисычъ нимало не оскорбился, сказалъ даже, не лучше ли ему совсѣмъ на эти дни изъ Комарова уѣхать, но Манеѳа уговорила его остаться до ея возвращенья. Маленько она опасалась, чтобъ Василій Борисычъ, заѣхавши въ городъ, не свидѣлся тамъ съ Патапомъ Максимычемъ да по его уговорамъ не угналъ бы тотчасъ въ Москву. Тогда ищи его, какъ же ему тогда разсказать, что было на Шарпанскомъ праздникѣ.

Таисѣя не замедлила приходомъ. Съ радостью приняла она слова Манеѳы и ужъ кланялась-кланялась Василью Борисычу, поскорѣй бы осчастливилъ ея обитель своимъ посѣщеньемъ. Принять подъ свой кровъ столь знаменитаго гостя считала она великою честью. По усиленнымъ просьбамъ, Василій Борисычъ согласился тотчасъ же къ ней перебраться.

— Прискорбно, не повѣришь, какъ прискорбно мнѣ, дорогой ты мой Василій Борисычъ,—говорила ему Манеѳа.—Ровно я гоню тебя вонъ изъ обители, ровно у меня и мѣста ради друга не стало. Не поскорби, родной, самъ видишь, каково наше положеніе. Языки-то людскіе ой-ой какъ злы!.. Иная со скуки да отъ-нечего-дѣлать того наплететъ, что послѣ только ахнешь. Ни съ того ни съ сего насудачатъ... При соли хлебнется, къ слову молвится, а тутъ и пошла писать.

— Не безпокойтесь, матушка,—уговаривалъ Манеѳу Василій Борисычъ. — Дѣло къ порядку ведется, къ лучшему... Могу-ль подумать я, что изъ вашей обители меня выгоняютъ?.. Помилуйте!.. Ни съ чѣмъ даже несообразно, и мнѣ оченно удивительно, что вы объ этомъ безпокоитесь. Я съ своей стороны очень радъ маленько погостить у матушки Таисѣи.

— Оченно благодарна вами, Василій Борисычъ, — вставъ съ мѣста и низко поклонясь московскому посланнику, сказала мать Таисѣя.

— Смотри же, матушка Таисѣя,— пошутила Манеѳа: — ты у меня голодомъ не помори Василья-то Борисыча. Не объѣстъ тебя, не бойся—онъ у насъ, ровно курочка, помаленьку вкушаетъ... Послаще корми его... До блинковъ охочъ нашъ гость дорогой, почаще блинками его угощай. Малинкой корми, до малинки тоже охочъ... Въ чемъ недостача, ко мнѣ присылай—я накажу Виринеѣ.

— Полноте, матушка. Хоша обитель наша не изъ богатыхъ, одначе для такого гостя у самихъ найдется чѣмъ потчевать,—

молвила мать Таисѣя.—А какіе блинки-то любите вы?—обратилась она къ Василью Борисычу.—Гречневые аль пшеничные, красные, то-есть?

— Э, матушка, чѣмъ ни накормите, всѣмъ буду сытъ; я вѣдь не изъ прихотливыхъ. Это напрасно матушка Манеѳа такъ говоритъ,—молвилъ Василій Борисычъ. И при воспоминаньи о блинахъ вспала ему на память полногрудая Груня оленевская, что̀ умѣла услаждать его своими пухленькими, горяченькими блинками.

— Да нѣтъ, отчего же?—сладко улыбаясь, говорила мать Таисѣя.—Нѣтъ, ужъ вы скажите мнѣ, гость дорогой.

— Да не безпокойтесь, матушка,—возразилъ Василій Борисычъ.—Охъ, искушеніе!.. Я ужъ, сказать по правдѣ, и не радъ... Много вамъ безпокойства отъ меня будетъ.

— Какое-жъ безпокойство, Василій Борисычъ?—продолжала Таисѣя.—Никакого отъ васъ безпокойства не можетъ намъ быть. Такой гость—обители по̀честь... Мы всей душой рады.

И много еще привѣтныхъ словъ наговорила ему мать Таисѣя, сидя за чаемъ.

Поѣхала въ Ша̀рпанъ Манеѳа. Всѣ провожали ее, чинъчиномъ прощались. Прощалась и Фленушка; бывшіе при томъ прощаньи, расходясь по кельямъ, не могли надивиться, съ чего это Фленушка такъ расплакалась—ровно не на три дня, а на тотъ свѣтъ провожала игуменью.

Постояла на крылечкѣ игуменьиной стаи Фленушка, грустно поглядѣла вслѣдъ за кибитками, потихоньку съѣзжавшими со двора обительскаго, и, склоня голову, пошла въ свою горницу. Тамъ постояла она у окна, грустно и безсознательно обрывая листья холеныхъ ею цвѣточковъ. Потомъ вдругъ выпрямилась во весь ростъ, подойдя къ двери, отворила ее и громкимъ голосомъ крикнула:

— Марьюшка!

Мигомъ явилась головщица.

— Ну что̀?—быстро спросила у ней Фленушка.

— Да ничего,—брюзгливо отвѣтила Марьюшка.

— Саратовецъ гдѣ?

— А песъ его знаетъ,—огрызнулась головщица.—Припита что-ль я къ нему?.. Гдѣ-нибудь съ Васькой шатается. Къ нему приставленъ...

— Оба провожали матушку. Куда же теперь пошли? Поговорить надо,—молвила Фленушка.

— Ты все про то!—сквозь зубы процѣдила Марьюшка.

— Нешто покинуть?—съ живостью вскликнула Фленушка.

— По-моему лучше бы кинуть. Ну ихъ совсѣмъ!..—молвила головщица.

— Сколько времени ждала я этого дня да вдругъ ни съ того ни съ сего и покину... Эка что̀ вздумала!—сказала Фленушка.

Пробурчала что-то головщица и сѣла къ окну.

— Такъ ты на попятный?—вскочивъ со стула, вскликнула Фленушка.—Про шелковы сарафаны забыла?.. Про свое обѣщанье не помнишь?..

— Ничего не забыла я ни на капелечку, а только боязно мнѣ, — молвила Марьюшка. — Ты осо̀бь статья, тебѣ все съ рукъ сойдетъ, матушка не выдастъ, хоша бы и Патапу Максимычу... А мнѣ-то гдѣ заступу искать, подъ чью властную руку укрыться?..

— И тебя не выдастъ матушка,—молвила Фленушка.—Поначалитъ, безъ того нельзя, да тѣмъ и кончитъ дѣло... А сарафанъ хоть сейчасъ получай. Вотъ онъ сготовленъ.

И вынесла изъ боковуши шелковый Парашинъ сарафанъ, всего разъ надѣванный, и, подавая его Марьюшкѣ, съ усмѣшкой промолвила:

— Невѣстины дары принимай.

Глазъ не сводила съ подарка головщица, но не брала его.

— Принимай, не ломайся, — сказала Фленушка, суя сарафанъ Марьюшкѣ на̀ руки.

— Охъ, ужъ, право, не знаю, что̀ и дѣлать мнѣ, — колебалась головщица. — И сарафанъ-отъ вишь свѣтлый какой, голубой... Гдѣ надѣну его, куда въ такомъ покажусь?.. Нешто у насъ въ мірскіе цвѣта рядятся?..

— Придетъ твое время — и въ цвѣтномъ будешь ходить,—молвила Фленушка. — Что̀ саратовецъ-отъ?.. Какія у васъ съ нимъ рѣчи?

— Ну его ко псамъ окаяннаго...—огрызнулась Марьюшка.—Тошнехонько съ проклятымъ! Ни то ни се, ни туда ни сюда... И не поймешь отъ него ничего... Толкуетъ, до того года, слышь, надо оставить... Когда-де у Самоквасова въ приказчикахъ буду жить — тогда-де, а теперича старыхъ хозяевъ опасается... Да вретъ все, непутный, отводитъ... А ты убивайся!.. Всѣ они безсовѣстные!.. Надъ дѣвицей надсмѣяться имъ ни по чемъ... Все едино, что квасу стаканъ выпить.

— Не горюй! — хлопнувъ по голому плечу головщицы, молвила Фленушка. — Только-бъ поступить ему къ Петрушкѣ непутному, быть тебѣ на то лѣто за Сенькой замужемъ... Порукой я... Это пойми... Чего я захочу — тому быть... Знаешь сама.

— А у самой съ Самоквасовымъ третье лѣто ни тпру ни ну,—молвила съ усмѣшкой Марьюшка.

— Не ворошн!.. Не твоего ума дѣло!—заревомъ вспыхнувъ, всклнкнула Фленушка.—Наше дѣло иное... Тебѣ не понять!..

— Мудрено что-то больно, Флена Васильевна,—промолвила головщица.

— А коль мудрено, такъ и рѣчей не заводи, — сказала Фленушка и, вдругъ ровно туча нахмурясь, закинула за спину руки и стала тяжелыми шагами взадъ и впередъ расхаживать по горницѣ. Глаза у нея такъ и горѣли.

— Что-жъ теперь дѣлать? — послѣ долгаго молчанья спросила головщица.

Ровно отъ сна пробудилась Фленушка. Стала на мѣстѣ, провела рукой по лицу и, подсѣвъ къ столу, молвила:

— Невѣсту сбирать, наряды и все добро ея въ чемоданы класть... Самоё позову, безъ нея нельзя... Петрушка вечоръ за дѣлами поѣхалъ: въ Свиблово попа повѣстить, въ Язвицы лошадей нанять, въ городъ на первы дни молодымъ квартиру сготовить. Завтра поутру воротится. Пообѣдавши съ женихомъ да съ твоимъ непутнымъ саратовцемъ, въ Ронжино навстрѣчу ямщикамъ онъ поѣдетъ. Приданое туда отвезутъ, этой же ночью надо его передать... Мало погодя съ Парашей на Каменный Вражекъ пойдемъ. Тутъ ее у насъ отобьютъ невѣдомые люди... Смекаешь?.. Мы съ тобой тѣми-жъ стопами домой... Въ набатъ ударимъ, содомъ подниммемъ — ухватили, молъ, Парашу люди незнаемые. Рожи-де въ сажѣ, шапки нахлобучены—не смогли признать, кто такіе... Смекаешь?

— Смекаю,—кивнувъ головой, сказала головщица.

— Ловко-ль придумано? — послѣ недолгаго молчанія спросила Фленушка.

— Ловко-то ловко, Флена Васильевна, да не было-бъ намъ за то колотушекъ?—молвила Марьюшка.—Да что̀ колотушки? Бѣда еще невелика. Хуже бы не было...

— Ничего не будетъ, не провѣдаютъ... Увидишь!.. Что̀ я задумала, тому такъ и быть... — съ страстнымъ порывомъ молвила Фленушка.

— Надо бы старицу какую, при ней чтобъ отбили. Больше вѣры будетъ тогда. А то заподозрятъ, пожалуй, — говорила Марьюшка.

— Дѣло!..—съ живостью всклпкнула Фленушка.—Спасибо, Маруха, за добрый совѣтъ. Такъ и сварганимъ... Только ужъ нашимъ ребятамъ тогда въ самомъ дѣлѣ сажей придется рожи-то мазать.

— Пущай ихъ намажутся, — молвила въ сердцахъ головщица.

— Можно будетъ двухъ либо трехъ старицъ прибрать: матушку Виринею, Ларису, изъ дѣвокъ кое-кого... Побольше бы только насъ было. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше, — говорила Фленушка.

— Правда,— сказала Марьюшка:—больше народу, меньше отвѣту.

Уладивъ дѣло съ головщицей, позвала Фленушка Парашу.

— Ну, невѣста наша распрекрасная! Давай приданое складывать, — молвила она, выдвигая середь горницы чемоданы.

Во все лицо улыбнулась Параша, вздохнула раза два и сказала:

— Боязно ему.

— Кому?—спросила Фленушка.

— Да Василью-то Борисычу,—отвѣтила Параша.—Сейчасъ говорила съ нимъ черезъ огорожу Бояркиной обители. Оченно опасается.

— Дуракъ!.. —молвила Фленушка.

И стала укладывать пожитки Парашины.

— Деньги есть при тебѣ?—спросила она Парашу.

— Есть.

— Много-ль?

— Не больно чтобъ много, двадцати рублевъ не найдется,— отвѣтила Параша.

— Давай сюда,—молвила Фленушка.—Завтра надо въ работницкой перепоить всѣхъ до отвалу... Въ погоню не годились бы...

Параша подала деньги.

Все прибрали, уложили, чемоданы замкнули, затянули. Подавая ключи Парашѣ, Фленушка воскликнула:

— Изъ ума вонъ!.. Невѣсту-то величать позабыли!.. Безъ того не складно будетъ, не по чину, не по обряду. Подтягивай, Маруха!

Не шелкòва ниточка ко стѣнкѣ льнетъ—
Свѣтъ Борисычъ Патаповну ко сердцу жметъ.
„Ой, скажи ты мнѣ, скажи, Парасковьюшка,
Не утай, мой свѣтъ Патаповна:
Кто тебѣ больше всѣхъ òтъ роду милъ?“
— А и милъ-то мнѣ милешенекъ рòдной батюшка.
Помилѣй того будетъ рòдна матушка.
„А и это, Прасковьюшка, не правда твоя,
Не правда твоя, не истинная.
Ой, скажи ты мнѣ, скажи, Парасковьюшка,
Не утай, мой свѣтъ Патаповна:
Кто тебѣ всѣхъ на свѣтѣ милѣй?“
— Я скажу молоденька всю правду свою,
Всю правду свою, всю-то истинную:
Нѣтъ на свѣтѣ милѣй мнѣ свѣта Васильюшки,
Нѣтъ на вольномъ свѣту пригляднѣй Борисыча.

— Ай, батюшки! Совсѣмъ позабыла!.. — всклпкнула Фленушка, внезапно перервавъ пѣсню.—Спишь все,—обратилась она къ задремавшей подъ унылую свадебную пѣсню Парашѣ. — Смотри, дѣва, не проспи царства небеснаго!.. А еще невѣста!.. Срамъ даже смотрѣть-то на тебя!

— Тебѣ что̀? — вяло спросила Параша.

— Дѣло надо дѣлать... Несколь времени осталось!—съ досадой прикрикнула на нее Фленушка.—Кольцо съ лентой изъ косы отдала ему?

— Не давывала,—отвѣтила Параша.

— Какъ же такъ? Нельзя безъ того... Надо обрядъ соблюсти. Споконъ вѣку на самокруткахъ такъ водится,—говорила Фленушка. — По-настоящему надо, чтобъ онъ силой у тебя ихъ отнялъ... Да куда ему, вахлаку? Пентюхъ, какъ есть пентюхъ. Противно даже смотрѣть на непутнаго.

— Отдамъ, коли надо, — лѣниво промолвила Параша. — Седни же отдамъ... Гулять-то во Вражекъ пойдемъ?

— Послѣ вѣнца нагуляешься,—рѣзко отвѣтила Фленушка.—Не до гульбы теперь, безъ того хлопотъ по горло... Наверхъ ступай въ свѣтелку, Ваську пришлю туда... Да недолго валандайтесь—могутъ примѣтить, и то Никанора суетиться зачала... Молви, Маруха, саратовцу—напоилъ бы опять ее хорошенько.

— Такъ я наверхъ пойду, — процѣдила сквозь зубы Параша и пошла изъ горницы.

Только-что вышла она, Фленушка глянула въ окошко: Василій Борисычъ съ саратовцемъ черезъ обительскій дворъ идутъ.

— Бѣги къ нимъ, Марьюшка, то̀ропко, — сказала она головщицѣ. — Сенькѣ насчетъ Никаноры молви — поилъ бы, а Ваську ко мнѣ.

Пошла головщица изъ горницы, вскорѣ Василій Борисычъ пришелъ.

— Что̀ непутный?.. Шатаешься, разгуливаешь?.. А того нисколько не понимаешь, что тутъ изъ-за тебя безпокойство?— такими словами встрѣтила московскаго посланника Фленушка.

— Охъ, искушеніе!.. — глубоко вздохнулъ Василій Борисычъ, отирая платкомъ распотѣвшее лицо, и сѣлъ на диванъ.

— Ну, что̀ скажешь? — ставъ передъ нимъ и закинувъ за̀ спину руки, спросила Фленушка.

— Не знаю, что̀ и сказать вамъ, Флена Васильевна,—жалобно отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Въ такое вы меня привели положеніе, что даже и подумать страшно...

— Что-жъ ты на попятный, что ли? — скрестивъ руки на

груди и глядя въ упоръ на Василья Борисыча, воскликнула Фленушка. — Назадъ ворочать?.. Нѣтъ, братъ, шалишь!.. Отъ меня не вывернешься!..

— Охъ, искушеніе!.. — едва слышно промолвилъ совсѣмъ растерявшійся Василій Борисычъ.

— Отлынивать? — громче прежняго крикнула на него Фленушка.

— Да нѣтъ, — робко отвѣчалъ Василій Борисычъ.— Нѣтъ. Куда ужъ тутъ отлынивать... Попалъ въ мережу, такъ чего ужъ тутъ разговаривать!.. Не выпрыгнешь... А все-таки боязно, Флена Васильевна.

— Рѣчи о томъ чтобы не было. Слышишь? — повелительно крикнула Фленушка.— Не то знаешь Самоквасова? Справится... Реберъ, пожалуй, не досчитаешься!..

Вздохнулъ Василій Борисычъ.

— Наверхъ ступай, невѣста ждетъ. Возьми у нея кольцо да ленту изъ косы. Силой-то посмѣешь ли взять?

— Какъ же это возможно, Флена Васильевна? Вдругъ силой!.. — робко проговорилъ Василій Борисычъ.

— Ну, ступай, ступай, — крикнула Фленушка и протолкала вонъ изъ горницы оторопѣвшаго московскаго посланника. Онъ не отвѣчалъ, вздыхалъ только да говорилъ свое:

— Искушеніе!

Петръ Степанычъ совсѣмъ разошелся съ Фленушкой. Еще на другой день послѣ черствыхъ именинъ, когда привелось ему и днемъ и вечеромъ подслушивать рѣчи дѣвичьи, улучилъ онъ времечко тайкомъ поговорить съ нею. Самоквасовъ былъ прямой человѣкъ, да и Фленушка не того десятка, чтобъ издалекà да обходцемъ можно было къ ней подъѣзжать съ намеками. Свидѣлись они середь бѣлà дня въ рощицѣ, чтò подлѣ кладбища росла. Встрѣтились ненарокомъ.

Сталъ Самоквасовъ передъ Фленушкой, самъ подбоченился и съ усмѣшкой промолвилъ ей:

— А вечорашній день какихъ дивъ я наслушался.

— А ты лишняго-то не мели, нечего намъ съ тобой канителиться *). Не сказывай обинякомъ, рѣжь правду прямикомъ,— смѣло глядя въ глаза Самоквасову, съ задоромъ промолвила Фленушка.

— Вечоръ, какъ Дарья Никитична сказки вамъ сказывала, я у тебя подъ окномъ сидѣлъ, — молвилъ Петръ Степанычъ.

---

*) Канителить — длить, волочить, медлить дѣломъ. Иногда ссориться, браниться.

— Знаю, — спокойно промолвила Фленушка.

— А когда свои рѣчи вела, знала ли ты, что я недалёко? — спросилъ Самоквасовъ.

— Нѣтъ, не знала.

— Значитъ, не то чтобы въ пòсмѣхъ, отъ настоящаго сердца, отъ души своей говорила?

— Отъ всего моего сердца, ото всей души тѣ слова говорила я, — отвѣтила Фленушка.

— Значитъ что̀ же?

— Самъ разбирай.

Призадумался Петръ Степанычъ. Оба примолкли.

— Не чаялъ этого, не думалъ, — сказалъ онъ наконецъ.

— Никогда не таила отъ тебя мыслей своихъ, — тихо, съ едва замѣтной грустью молвила Фленушка. — Всегда говорила, что въ мужья ты мнѣ не сгодился!.. Развѣ не сказывала я тебѣ, что буду женой злой, неугодливой? Нешто не говорила, что такова ужъ я на свѣтъ уродилась, что никогда не бывать мнѣ кроткой, покорной женой? Нешто не говорила, что у насъ съ тобой будетъ одинъ конецъ — либо сама петлю на шею, либо тебѣ отравы дамъ?..

— Бахвàлилась *), — сказалъ Самоквасовъ.

— Не изъ таковскихъ я, не бахвалка, — перервала его Фленушка. — Прямое дѣло говорила. Вольно было не слушать рѣчей моихъ.

— Зачѣмъ же столь времени ты проводила меня? — съ жаромъ спросилъ ее Петръ Степанычъ.

— Чѣмъ же я проводила тебя? — вскинувъ пылающими глазами на Самоквасова, спросила Фленушка.

— Какъ чѣмъ? Обнимала, цѣловала, въ перелѣскѣ подъ кустикомъ до утренней зари, бывало, вмѣстѣ съ тобой мы просиживали, тайныя, любовныя рѣчи говаривали... — съ укоромъ говорилъ ей Петръ Степанычъ.

— Со скуки, — пожавъ плечами, холòдно молвила Фленушка.

— Такъ кàкъ же?.. Разставаться?.. — подумавъ немного, сказалъ Самоквасовъ.

— Самое лучшее дѣло, — молвила Фленушка. — Каждому свой путь-дорога, другъ другу въ тягость не будемъ... Побаловались — шабашъ... Ищи себѣ невѣсту хорошую... А я!.. Ну, прощай!..

— Не чаялъ я этого! — въ раздумьѣ сказалъ Самоквасовъ.

— Мало-ль чего мы не чаемъ, мало-ль чего мы не ждемъ?.. —

*) Бахвалиться — хвастаться, самохвальничать.

грустно молвила Фленушка. — Надъ людьми судьба, Петръ Степанычъ... Супротивъ судьбы ничего не подѣлаешь.

— Прощай, Флена Васильевна, — тихо проговорилъ Самоквасовъ и хотѣлъ идти.

— Прощай. — едва слышно промолвила Фленушка, вся покраснѣвъ и низко склонивъ голову.

И не сдѣлалъ онъ пяти шаговъ, какъ, закинувъ назадъ голову, громкимъ, смѣющимся голосомъ Фленушка ему крикнула:

— Стой. Петя, погоди!.. Обѣщанья не забудь!..

— Какого обѣщанья? — спросилъ Самоквасовъ.

— Забылъ? — съ усмѣшкой молвила Фленушка. — Коротка-жъ, парень, у тебя память-то.

— Да ты про что? — въ недоумѣньи спрашивалъ ее Петръ Степанычъ.

— А насчетъ Василья-то Борисыча, — сказала Фленушка.

— Окрутить-то?.. Не бойсь, окрутимъ. Сказано — сдѣлано. Отъ своихъ словъ я не отретчикъ.

— Ладно.

И разошлись. Бойко прошелъ Самоквасовъ въ обитель Бояркиныхъ, весело прошла по̀ двору Фленушка, но, придя въ горницу, заперлась на крюкъ и, кинувшись ничкомъ въ постель, горько зарыдала.

И то было еще до отъѣзда Манефы на праздникъ въ Шарпанскій скитъ.

Глава шестнадцатая.

Середи болотъ, середи лѣсовъ, въ сторону отъ проселка, что̀ ведетъ изъ Комарова въ Осиповку, на песчаной горкѣ, что̀ желтѣетъ надъ маловодной, но омутистой рѣчкой, стоитъ село Свиблово. Селомъ только пишется, на самомъ-то дѣлѣ «погостъ» *).

Возлѣ ветхаго бревенчатаго мостика, перекинутаго черезъ рѣчку, ветшаетъ бѣдная деревянная церковь. Высокая, обширная паперть, вдоль сѣверной стѣны крытые переходы, церковные подклѣты, маленькія, высоко прорубленныя окна, полусгнившая деревянная чешуя на покачнувшейся главѣ, склонившаяся на бокъ колокольня съ выросшею на ней рябинкой, обильно поросшая ягелемъ крыша — все говоритъ, что не первое столѣтіе стоитъ свибловская церковь, но никому въ голову еще не приходило хоть маленько поправить ее. Кругомъ бѣдное могилами, но обильное сѣномъ кладбище. Въ

*) Населенная мѣстность, гдѣ церковь съ кладбищемъ, но домовъ, кромѣ принадлежащихъ духовенству, нѣтъ.

сторонѣ, вдоль вѣнца горки три домика; между ними «сады», гдѣ, кромѣ объѣденной червями черемухи да пары рябинъ, иныхъ деревьевъ не росло. Гряды съ лукомъ, съ рѣдькой, морковью и другими овощами тянулись по «садамъ», и на каждой грядкѣ красовались яркіе цвѣты маку и высоко поднимавшіе золотыя свои шапки подсолнечники... Ближній къ церкви домикъ былъ просторнѣй и пригляднѣй двухъ остальныхъ: по лицу пять оконъ съ подъемными рамами и зелеными ставнями, крылечко выведено на улицу, крыша на четыре ската, къ угламъ ея для стока воды прилажены крылатые змѣи изъ старой проржавѣвшей жести. Въ окнахъ миткалевыя занавѣски и горшки съ бальзаминомъ, капуциномъ и стручковымъ перцомъ. Въ томъ домикѣ съ толпой чадъ и домочадцевъ жилъ-поживалъ свибловскій батюшка, отецъ Родіонъ Харисаменовъ. Въ другихъ домикахъ волочили горемычную жизнь свою дьячокъ Игнатій да понамарь Ипатій, оба страстные голубятники, постоянно враждовавшіе изъ-за какого-нибудь турмана либо изъ-за чернокрылаго чистяка. Кромѣ того, въ церковной караулкѣ сторожемъ жилъ одинокій старый солдатъ. Поповы ребята «Груздкомъ» его прозвали, такъ это прозванье за нимъ и осталось.

Родитель отца Родіона звался Свиньинымъ и съ законной гордостью говаривалъ, что онъ стариннаго дворянскаго роду, что предки его литовскіе выходцы, у царей и великихъ князей на разныхъ службахъ бывали. Ссылался на печатную Родословную книгу, показывалъ родовыя бумаги, и въ рѣчахъ его правда была. Но владыка разсудилъ иначе. Когда Родіона Свиньина сдали въ семинарію, онъ рекъ: «не подобаетъ служителю алтаря именованіе столь гнуснаго животнаго носить», и родословнаго Свиньина перекрестилъ въ Харисаменова, прозванье очень хорошее по-гречески, но котораго русскій простой человѣкъ съ морозу, пожалуй, не выговоритъ, а если и выговоритъ, то непремѣнно скажетъ: «харя самая», что̀ не разъ и случалось съ отцомъ Родіономъ. Когда отецъ Родіонъ прибылъ на паству, паства его не взлюбила, не по мыслямъ пришелся онъ ей. Народъ прозвалъ его «Сушилой» и вотъ почему. По кладбищу много травы росло, и отецъ Родіонъ рѣшилъ: «это сѣно мое, Игнатью съ Ипатьемъ вступаться въ сію часть не подобаетъ». И по четыре стога хорошаго лугового сѣна съ кладбища каждое лѣто накашивалъ. Иной разъ сѣно-то, бывало, раскидаютъ, а набѣжитъ тучка, отецъ Родіонъ тотчасъ въ церковь его. Тамъ и сушитъ... Отъ того и прозвали его «Сушилой».

Про Свиблово говорятъ: стоитъ на горкѣ, хлѣба ни корки,

звону много, поѣсть нечего. Въ приходѣ безъ малаго тысяча душъ, но, опричь погощанъ *), и на Свѣтлу заутреню больше двадцати человѣкъ въ церковь никогда не сходилось. Почти сплошь да наголо все раскольники. Не въ обиду-бъ то было ни попу ни причетникамъ, если-бъ влекущій племя отъ литовскаго выходца умѣлъ съ ними дѣлишки поглаже вести.

Почти всѣ раскольники были «записные». Дѣды ихъ, прадѣды церкви чуждались, въ старые годы платили двойные оклады. Съ такихъ попу взятки гладки, доходовъ не жди, отрѣзанъ ломоть. Развѣ ину пору можно такого доносцемъ пугнуть, устроилъ-де въ домѣ публичну моленну, совращаетъ-де въ расколъ православныхъ, но это не всегда удается. Зато «незаписные» попу сущій кладъ. Только-бъ ихъ не тревожили, только-бъ у нихъ на дому требъ не справляли, вдвое, втрое больше дадутъ, чѣмъ самый усердный церковникъ за исправленіе требъ. Бариномъ могъ бы Сушила вѣкъ свой прожить, да гордость его обуяла, думалъ о себѣ, что умнѣй самого архіерея, и отъ каждаго требовалъ, чтобъ десницу его лобызали. Оттого и не взлюбили его прихожане. По-ихнему руку у попа цѣловать — все едино, что старой вѣры отречься. А доносить отецъ Родіонъ доносилъ на нихъ рѣдко: зналъ, что его же карману невыгодно будетъ. Если и доносилъ, всегда по велѣнію свыше. Консисторскимъ да благочинному тоже пить-ѣсть надо, не ангелы во плоти, не манной небесной питаются. Бывало, долго нѣтъ отъ Сушилы доносовъ, внушаютъ ему отечески: «надо тебѣ, отецъ Родіонъ, доносить почаще, вѣдь начальству извѣстно, что раскольниковъ въ твоемъ приходѣ достаточно; не станешь доносить, въ потворствѣ и небреженіи ко святѣй церкви заподозрятъ: не успѣешь оглянуться, какъ разъ подъ судъ угодишь». И посылалъ отецъ Родіонъ «репорты» — нечего дѣлать, своя рубашка къ тѣлу ближе. А это умножало остуду прихожанъ. Оттого Сушила и жилъ небогато. А семья что ни годъ прибавлялась — многочадіемъ Господь благословилъ. Сначала ничего, Божье благословенье подъ силу приходилось Сушилѣ, росли себѣ да росли ребятишки, что грибы послѣ дождичка; но когда пришло время сыновей учить въ семинаріи, а дочерямъ жениховъ искать, сталъ онъ супротивъ прежняго невпримѣръ притязательнѣй. На «записныхъ» даже сталъ доносить. Раза два удалось: попа похвалили, скуфью обѣщали, но цѣну назначили невмѣстную...

И въ скуфьѣ пощеголять охота, и сыновей на квартирѣ

---

*) Жители погоста.

получше устроить, и дочерей замужъ повыдать, а концовъ съ концами не можетъ свести. Нужда человѣка до чего не доводитъ?

Богаче Чапурина во всемъ приходѣ никого не было, а онъ хоть записной, но жилъ съ церковнымъ попомъ въ ладахъ и никогда не оставлялъ его. То крупчатки мѣшокъ съ Краснораменской мельницы пришлетъ, то рыбки, либо другого чего, иной разъ и денегъ дастъ. Объ одномъ только каждый разъ просилъ Сушилу Патапъ Максимычъ:—«Не ходи ты, батюшка, ко мнѣ на домъ, не смущай ты мою старуху. Что̀ дѣлать? Баба такъ баба и есть: волосъ дологъ, умъ коротокъ, больно не жалуетъ вашего брата... Да никому еще, пожалуйста, не сказывай, что отъ меня получаешь, жизни буду не радъ, какъ жена взбѣленится: «опоганилъ, дескать, домъ нашъ честной невѣрнымъ попомъ своимъ»... Что̀ дѣлать, отче?.. Баба!.. Ты ужъ не поскорби». Такъ, бывало, говоритъ Патапъ Максимычъ, и попъ Сушила ничего, только ухмыляется да бородку пощипываетъ, либо ястребиный свой носикъ съ красными прожилками пальчикомъ потираетъ.

Не Аксиньи Захаровны Чапуринъ боялся, а того, чтобъ не разнеслась по народу молва, что онъ церковному попу помогаетъ. Завопятъ старовѣры, по торговлѣ довѣрія могутъ лишить... Бывали примѣры!

Аксинья Захаровна, Богъ ее знаетъ какими судьбами, каждый разъ узнавала, что Патапъ Максимычъ попу гостинецъ послалъ.

— Бога ты не боишься, — зачнетъ, бывало, ворчать.—Совсѣмъ измірщился!.. Какъ у тебя рука не отсохла!.. Никакими молитвами этого грѣха не замолишь... Какъ попу-еретику подавать!.. По писанію все едино, что отступить отъ правыя вѣры.

— И попъ человѣкъ, — отвѣтитъ, бывало, Патапъ Максимычъ: — и онъ пить да ѣсть тоже хочетъ. У него же бѣднаго семьища поди-ка какая! Всякаго напой, накорми, всякаго обуй да одѣнь, а гдѣ ему, сердечному, взять? Что̀ за грѣхъ ближнему на бѣдность подать? По-моему, нѣтъ тутъ грѣха никакого.

— Какой онъ тебѣ ближній? — вскрикнетъ, бывало, Аксинья Захаровна. — Попъ смущенныя церкви все одно, что̀ идольскій жрецъ!.. Хоть у матушки Манефы спроси.

— Нечего мнѣ у Манефы разспрашивать, а ты, коли хочешь, спроси ее, отчего, молъ, это въ житіяхъ-то написано, что святые отцы даже сарацинамъ въ ихъ бѣдахъ помогали?.. Что̀, молъ, тѣ сарацины, Бога незнающіе, святѣй, что ли, свиловскаго-то попа были?

Плюнетъ Аксинья Захаровна, тотчасъ изъ горницы вонъ и хлопнетъ дверью что есть мочи. А Патапъ Максимычъ только улыбнется.

Когда захотѣлось Сушилѣ скуфьи, а пуще того гребтѣлось, какъ бы домашнія нужды покрыть, повстрѣчалъ онъ на пути Патапа Максимыча.

— Миръ-дорога! — привѣтливо крикнулъ ему Чапуринъ.

— Здравствуйте, сударь, Патапъ Максимычъ, — отвѣтилъ Сушила, снимая побурѣвшую отъ времени и запыленную въ дорогѣ широкополую шляпу.

— Съ ярмарки что-ль? — Чапуринъ спросилъ.

— Какая намъ ярмарка? Не такіе карманы, чтобъ по ярмаркамъ намъ разъѣзжать, — отвѣтилъ Сушила.

— Зачѣмъ же въ городъ-отъ ѣздилъ?

— Ребятъ въ семинарію свезъ. Да въ консисторію требовали, — сказалъ попъ Сушила.

— Что за требованье?.. Аль бѣдушка какая стряслась?..— съ участьемъ спросилъ у него Патапъ Максимычъ.

— Голову за вашего брата намылили,— промолвилъ Сушила.

— Какъ такъ за нашего брата?— съ удивленьемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да такъ же,—отвѣтилъ Сушила.—Говорятъ, ужъ больно много вамъ потачки даю. Раскольникамъ-де потворствуешь... Времена пошли теперь строгія: чуть что, вашего брата тотчасъ подъ караулъ.

— А ты не больно пугай, не то, пожалуй, и струшу,— шутливо молвилъ Патапъ Максимычъ.— Говори-ка лучше дѣломъ.

— Дѣломъ и говорю, — высокомѣрно отвѣтилъ Сушила.— Слыхалъ, чай, что не вашему брату лѣсному мужику чета, московскихъ первостатейныхъ по дальнимъ городамъ разослали: Гучкова, Стрѣлкова, Егора Кузьмина.

— Не нашего согласу, — нахмурясь, промолвилъ Патапъ Максимычъ. — Они безпоповы.

— Все едино, одного помету слѣпые щенята, — язвительно сказалъ попъ Сушила.

Взорвало Патапа Максимыча. «Какъ смѣть попу щенкомъ меня обзывать!..» Но сдержался. Чего добраго, еще кляузу подыметь, судъ наведетъ. Слова не вымолвилъ въ отвѣтъ, велѣлъ работнику ѣхать скорѣе.

Сушила крикнулъ:

— А вѣдь у тебя въ задней-то моленна.

— Такъ что же?

— А въ моленной скитницы службу справляютъ.

— Ну справляютъ. Такъ что же?

— Бѣглы попы наѣзжаютъ.

— Не тебя ли позвать?—усмѣхнулся Патапъ Максимычъ.— Не безпокойся, братъ, не позову.

— Къ тому говорю, что ты теперича, значитъ, въ моихъ рукахъ,—крикнулъ попъ.—Сейчасъ могу въ консисторію донесть. Потянутъ къ суду, напрыгаешься.

— Да ты съ чего это взялъ? Къ чему рѣчь-то свою клонишь?—въ порывѣ гнѣва, едва сдерживаясь, чтобъ браннаго слова не вымолвить, вскричалъ Патапъ Максимычъ.

— А къ тому моя рѣчь,—вполголоса молвилъ Сушила, подойдя къ Патапу Максимычу, чтобъ работникъ его не слыхалъ.—Къ тому моя рѣчь, что ежели хочешь въ покоѣ остаться, пятью стами цѣлковыхъ снабди... Тебѣ это плевое дѣло, а мнѣ большая подмога. Не то завтра-жъ «репортъ» на тебя отправлю.

Попроси Сушила у Патапа Максимыча честью, разскажи ему про свои нужды, онъ бы, пожалуй, и далъ, но тутъ взбѣленился, выругался и зычнымъ голосомъ крикнулъ работнику:

— Уѣзжай отъ грѣха поскорѣй!.. Ну, живо!..

А попъ остался середь дороги и, глядя на пыль, поднявшуюся изъ-подъ колесъ чапуринской телѣжки, злобно промолвилъ:

— Помни ты это, Патапка Чапуринъ, а я не забуду!..

И не забылъ. Написалъ «репортъ», что въ деревнѣ Осиповкѣ у торгующаго по свидѣтельству перваго рода крестьянина Патапа Чапурина имѣется «публичная» моленна, а по слухамъ якобы-де въ оной находятся престолъ и полотняная церковь, а раскольничье-де служеніе совершаютъ жительницы разныхъ скитовъ и наѣзжающій по временамъ изъ Городца бѣглый попъ. Консисторія начала дѣло, и хоть оно ничѣмъ не окончилось, однакожъ немало принесло Патапу Максимычу досадъ, хлопотъ и расходовъ. А пуще всего Аксинья Захаровна. Не сказалъ ей мужъ ни про доносъ ни про слѣдствіе, отъ стороннихъ людей все провѣдала и съ злорадной усмѣшкой стала приставать къ Патапу Максимычу: «Ну что?.. Не моя-ль правда вышла?.. Вотъ тѣ и ближній!.. Вотъ тебѣ и пріятель!.. Попомнилъ невѣрный попъ твои милости?.. А?..»

И съ той поры, какъ ни случится, бывало, Патапу Максимычу встрѣтиться съ попомъ Сушилой, тотчасъ отъ него отворотится и даже зачнетъ отплевываться, а Сушила каждый разъ вслѣдъ ему крикнетъ, бывало: «праздникъ такой-то на дворѣ, гостей жди: съ понятыми пріѣду, накрою на службѣ въ моленной»... И про эти угрозы отъ людей стороной узна-

вала Аксинья Захаровна и каждый разъ, какъ въ моленную люди сойдутся, строго-настрого наказывала старику Пантелею ставить на задахъ усадьбы караульныхъ, чтобъ невѣрный попъ, въ самомъ дѣлѣ, службу врасплохъ не накрылъ.

Прошелъ годъ, опять настала ярмарка, опять на дорогѣ встрѣтился съ попомъ Патапъ Максимычъ. Попъ изъ города. Чапуринъ въ городъ.

— На ярманку, что ли? — крикнулъ Сушила.

— На ярманку, — сухо отвѣтилъ Чапуринъ.

— Купи моей матушкѣ попадьѣ гарнитуровый сарафанъ да парчевый холодникъ. Не купишь, такъ прижму, что всполкаешься, — сказалъ Сушила.

— Не жирно ли будетъ? Да и твоей ли чумазой попадьѣ въ шелкахъ ходить? — усмѣхнулся Патапъ Максимычъ и поѣхалъ своей дорогой.

— Помни это слово, а я его не забуду!.. — кричалъ ему вслѣдъ Сушила. — Бархаты, соболи станешь дарить, да ужъ я не приму. Станешь руки ломать, станешь ногти кусать, да будетъ ужъ поздно!..

Какіе ни писалъ Сушила «репорты», ничего не подѣлалъ съ Чапуринымъ. И отъ того злоба стала разбирать его пуще. Слышать не могъ онъ имени Патапа Максимыча. И замышлялъ донять его не мытьемъ, такъ катаньемъ!

Солнце съ полдёнъ своротило, когда запылилась дорожка, ведущая въ Свиблову. Тихо въ погостѣ: Сушила послѣ обѣда отдыхалъ, дьячокъ Игнатій да понамарь Ипатій гоняли голубей, поповы, дьячковы и понамаревы дѣти по грибы ушли, одинъ Груздокъ сидѣлъ возлѣ мостика, ловя въ мутномъ омутѣ гольцовъ на удочку. Заслышавъ шумъ подъѣзжавшей телѣжки, поднялъ онъ голову и, увидѣвъ молодого человѣка, одѣтаго по-нѣмецкому, диву дался.

«Кто бы такой?— думалъ самъ про себя рыболовъ. — Приказный изъ городу, такъ ѣхалъ бы съ ямщикомъ, да у него и борода была бы не бритая, господъ по здѣшнимъ мѣстамъ не водится, — развѣ поповичъ невѣсту смотрѣть къ батюшкѣ ѣдетъ?.. Такъ гдѣ ему взять такихъ лошадей?»

— Эй, ты, любезный! — крикнулъ Самоквасовъ, осаживая лошадей.

Пристально поглядѣлъ на него Груздокъ и сердито пробормоталъ что-то подъ носъ. Былъ онъ суровъ и сумраченъ нравомъ. Одичавъ на безлюдьѣ, не любилъ вдаваться съ посторонними въ разговоры.

— Подь-ка поближе сюда! — крикнулъ ему Самоквасовъ.

— Самъ облегчись, видишь, за дѣломъ сижу, — грубо отвѣтилъ Груздокъ.

— Лошадей оставить нельзя, и къ тебѣ подъѣхать нельзя. Ишь какой косогоръ! — сказалъ Самоквасовъ.

— Такъ мимо да прочь, — огрызнулся Груздокъ.

— Водку пьешь? — вскричалъ Самоквасовъ.

— Эва! — съ улыбкой отозвался Груздокъ, и лицо его просіяло.

— А ероѳеичъ?

— Толкуй еще!

— А ромъ? — продолжалъ подзадоривать мрачнаго сторожа Самоквасовъ.

— А ты подноси, чего спрашивать-то?.. — молвилъ Груздокъ и, бросивъ на песокъ лёсы и уды, скорымъ шагомъ подошелъ къ телѣжкѣ.

Самоквасовъ вынулъ изъ-подъ подушки оплетенную баклажку, отвинтилъ серебряный стаканчикъ, покрывавшій пробку, и, наливъ его водкой, поднесъ ухмылявшемуся караульщику.

— Знатно! — крякнулъ Груздокъ. — Давно такой не пивалъ!.. Съ запахомъ!..

— Померанцевая, — подтвердилъ Самоквасовъ, подавая Груздку ватрушку на закуску. — Ты здѣшній, что ли?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе... Черниговскаго графа Дибича Забалканскаго пѣхотнаго полка отставной рядовой, — вытянувшись по-военному, отвѣчалъ караульщикъ.

— Что-жъ здѣсь подѣлываешь? — спросилъ Самоквасовъ.

— По бѣдности, значитъ, моей, при здѣшней церкви въ караульщикахъ, — отвѣчалъ Груздокъ.

— Что̀ у васъ батюшка-то каковъ?

— Не могимъ знать, ваше благородіе, — отрѣзалъ караульщикъ.

— Да ты благородіемъ-то меня не чествуй... Я изъ купечества... Такъ какъ же батюшка-то?.. Каковъ?.. — спрашивалъ Самоквасовъ, наливая другой стаканчикъ померанцевой.

— Со всячинкой, ваше степенство, — улыбаясь отвѣтилъ Груздокъ. — Извѣстно дѣло, что̀ попъ, что̀ котъ, не поворча и куска не съѣстъ.

— А деньги любитъ?

— Эхъ, милый человѣкъ! Какъ же попу деньги не любить, коли онѣ его самого любятъ. Родись, крестись, женись, помирай — за все деньги попу подавай, — со смѣхомъ сказалъ Груздокъ, хлопнувши на̀ лобъ другой стаканчикъ померанцевой,

— А по скольку за свадьбу беретъ? — спросилъ Самоквасовъ.

— Ихнее дѣло, не наше, — закусывая поданной ватрушкой, отвѣтилъ Груздокъ.

— А ну-ка, служивый, испробуй ромку теперь, — сказалъ Самоквасовъ, доставая другую баклажку. — Такъ по скольку-жъ батька-то у васъ за вѣнчанье беретъ?

— Съ кого какъ, — отвѣчалъ караульщикъ. — Съ богатаго побольше, съ бѣднаго поменьше... Опять же, какъ вѣнчать, противъ солнца — цѣна, посолонь — другая, вдвое дороже.

— Хорошъ ли? — спросилъ Самоквасовъ у Груздка, когда тотъ выпилъ стаканчикъ рому.

— Важнецкій! — съ довольствомъ отвѣтилъ караульщикъ. — Съ самой венгерской кампаніи такого пивать не доводилось. Благодаримъ покорно, господинъ купецъ, имени-отчества вашего не знаю.

— Это у тебя что за бутылка лежитъ? — спросилъ Самоквасовъ.

— Да вотъ рыбешки на похлебку къ празднику-то хочу наловить, такъ въ бутылкѣ червяки положены, — сказалъ Груздокъ.

— Опоражнивай!.. На завтрашній праздникъ ромку отолью, — сказалъ Самоквасовъ.

Съ радости бѣгомъ за бутылкой пустился Груздокъ, думая, должно-быть, купчикъ въ здѣшнемъ приходѣ жениться затѣялъ.

— А уходомъ батька вѣнчаетъ? — спросилъ Самоквасовъ, переливая въ бутылку ромъ.

— Ни-ни! — замоталъ головою Груздокъ. — И не подумаетъ. Опасается тоже. Вѣдь ихняго брата за это больно щуняютъ. На какихъ родителей навернется. За самокрутки-то иной разъ попамъ и косы рѣжутъ. Бываетъ...

— А покалякать съ нимъ на этотъ счетъ можно? — спросилъ Самоквасовъ.

— Отчего же не покалякать?.. Это завсегда можно, — отвѣчалъ Груздокъ.

— Слушай, — сказалъ Самоквасовъ. — Вотъ тебѣ на праздникъ зеленуха *). А удастся мнѣ дѣло сварганить, красна за мной... Говори, съ какой стороны ловчѣе подъѣхать къ попу?

Глазамъ не вѣрилъ Груздокъ, получивъ трешницу **). Заразъ столько денегъ въ рукахъ у него давно не бывало. Да десять цѣлковыхъ еще впереди обѣщаютъ!.. Ужъ онъ кланялся-кланялся, благодарилъ-благодарилъ, даже прослезился. И потомъ сказалъ:

---

*) Зеленуха — трехрублевая бумажка.

**) Тоже.

— Ужъ, право, не знаю, что̀ присовѣтовать. Опасливъ у насъ батюшка-то! Вотъ развѣ что̀: дочь у него засидѣлась, двадцать пятый на Олену пошелъ. Лѣтъ пять женихи наѣзжаютъ, дѣло-то все у нихъ не клеится. Въ приданомъ не могутъ сойтись. Опричь тамъ салопа, платьевъ, самовара, двѣсти цѣлковыхъ деньгами просятъ, а попъ больше сотни не можетъ дать.

— Сто рублей, значитъ, надо ему? — сказалъ Самоквасовъ.

— Сразу не надо давать. Съ четвертухи *) зачинайте, — сказалъ караульщикъ. — А какъ сладитесь, деньги ему напередъ, безъ того не станетъ и вѣнчать. Для вѣрности за̀ руки бы надо кому отдать, чтобъ не надулъ, да некому здѣсь. Ты вотъ какъ: бумажки-то пополамъ, одну половинку ему напередъ, другу когда повѣнчаетъ. Такъ-то будетъ вѣрнѣй.

Отецъ Родіонъ былъ однакожъ не такъ сговорчивъ, какъ ожидалъ Самоквасовъ. Не соблазнила его и сотня цѣлковыхъ. Сталъ на своемъ: «не могу», да и только. Самоквасовъ сказалъ наконецъ чтобъ Сушила самъ назначилъ, сколько надо ему. Тотъ же отвѣтъ. Боялся Сушила, не съ подвохомъ ли парень подъѣхалъ. Случается, бываетъ.

— Съ кѣмъ же, позвольте полюбопытствовать, имѣете вы намѣреніе въ бракъ вступить? — спросилъ онъ наконецъ.

— Да не самъ я, батюшка, — отвѣчалъ Самоквасовъ. — Я тутъ только такъ, сбоку припека, въ дружкахъ, что ли, при этомъ дѣлѣ.

— Кто-жъ таковъ женихъ-отъ? — любопытствовалъ Сушила.

— Московскій одинъ, заѣзжій... — отозвался Самоквасовъ.

— А какого, осмѣлюсь спросить, званія? — продолжалъ свои разспросы отецъ Харисаменовъ.

— А шутъ его знаетъ, — сказалъ Самоквасовъ: — не то изъ купцовъ, не то мѣщанинъ... Такъ, плюгавенькій, взглянуть нѐ на что... Василій Борисовъ.

— Такъ-съ... — поглаживая бородку, молвилъ Сушила. — Ну, а ужъ если позволите спросить, невѣста-то чьихъ будетъ?

— А тутъ неподалеку отъ васъ Чапуринъ есть Патапъ Максимычъ. Дочка его.

— Чапуринъ!.. — съ мѣста вскочилъ попъ Сушила. — Да что-жъ вы мнѣ давно не сказали?.. Что-жъ мы съ вами попусту столько времени толкуемъ?.. Позвольте покороче познакомиться! — прибавилъ онъ, пожимая руку Самоквасова. — Да вѣдь это такой подлецъ, я вамъ доложу, такой подлецъ, что

*) Двадцатипятирублевый кредитный билетъ.

другого свѣтъ не производилъ... Чайку не прикажете ли?.. Эй. матушка!.. Афимья Савишна!.. Чайку поскорѣй сберите для гостя дорогого... Когда же вѣнчать-то?..

— Да черезъ недѣльку, батюшка, либо дёнъ этакъ черезъ десять, я васъ наканунѣ повѣстилъ бы, — отвѣчалъ Самоквасовъ.

А самъ надивиться не можетъ, что̀ за притча съ несговорчивымъ попомъ случилась.

— Ужъ какъ же вы утѣшили меня своимъ посѣщеніемъ! Ужъ какъ утѣшили-то! — продолжалъ изливаться въ восторгѣ Сушила. — Вотъ ужъ для праздника-то гость дорого̀й!.. Обвѣнчаемъ, родной мой, обвѣнчаемъ, только привозите!.. Патапка-то, Патапка-то!.. Вотъ потѣха-то будетъ!.. Дочь за мѣщаниномъ, да еще плюгавый, говорите.

— Плюгавый, батюшка, даже очень плюгавый, — подтвердилъ Самоквасовъ. — Такой, я вамъ скажу, плюгавый, что я, признаться сказать, и не радъ, что ввязался въ это дѣло...

— А нѣтъ, не говорите!.. Не говорите этого!.. — сказалъ отецъ Родіонъ. — Въ добромъ дѣлѣ не должно раскаиваться... Нѣтъ, ужъ вы ихъ привозите... Ужъ сдѣлайте такое ваше одолженіе!.. Параскевой, кажись, невѣсту-то звать. Старшая-то Анастасія была, да померла у пса смердящаго!..

— Такъ точно, батюшка... А какъ же у насъ насчетъ уговора будетъ?.. Сто рублевъ? — спросилъ Самоквасовъ.

— Пятьдесятъ бы надо накинуть... Какъ хотите, а надо накинуть, — отвѣчалъ Сушила. — Если-бъ не Патапкѣ насолить, чести повѣрьте, ни за какіе бы милліоны... Я такъ полагаю, что и двѣсти цѣлковыхъ не грѣшно за такое браковѣнчаніе получить... Сами посудите, отвѣтственность... А онъ хоть и мужикъ, да силенъ, прахъ его побери!.. Съ губернаторомъ даже знается, со всякими властями!.. Это вы поймите!.. Поймите, на что иду!.. Не грѣхъ и триста цѣлковенькихъ дать...

Самоквасовъ поспѣшилъ согласиться. «Не то, чего добраго, — подумалъ онъ: — разговорится попъ да въ тысячу въѣдетъ»...

Чаю напились, три сотенныхъ пополамъ, и послѣ многихъ обниманій и цѣлованій разстались.

Это было наканунѣ Петрова дня.

Петръ Степанычъ былъ на всѣ лады молодецъ. За что ни во̀зьмется, дѣло у него горитъ, кипитъ, само дѣлается. Съ пыломъ, съ отвагой схватился онъ за блажную затѣю Фленушки повѣнчать московскаго посланника съ сонной, вялой Парашей. Не то чтобъ думалъ онъ на разставаньи угодить покидавшей его Фленушкѣ, аль устроить судьбу Параши, окру-

тивъ ее съ Васильемъ Борисычемъ, а такъ — разгуляться захотѣлось, удалью потѣшиться. Не опасался онъ гнѣва Патапа Максимыча, не боялся, что оскорбитъ Манеѳу и въ ужасъ приведетъ всю обитель Бояркиныхъ. Тò забавляло его, какую тревогу поднимутъ въ Москвѣ на Рогожскомъ, по всѣмъ скитамъ, по всему старообрядству, когда узнàютъ, что великій, учительный начетчикъ, ревностный поборникъ «древляго благочестія», строгимъ житіемъ и постничествомъ прославленный, обвѣнчался въ никоніанской церкви, да и невѣсту-то изъ скита выкралъ. Воображалъ Самоквасовъ, какъ всполохнется мать Пульхерія, какъ засуетится рогожскій святитель попъ Иванъ Матвѣичъ, какъ извѣстіе о свадьбѣ Василья Борисыча ошеломитъ столповъ старообрядства, адамантовъ благочестія... Нарочно рѣшился пàскоро ѣхать въ Москву любоваться потѣхой. А середь молодежи чтò смѣху-то будетъ, шумнаго, беззавѣтнаго веселья!.. Для того одного стòитъ десятокъ посланниковъ обвѣнчать!.. Главное дѣло, хохоту чтò будетъ, хохоту!..

За два дня до Казанской Самоквасовъ поскакалъ во весь опоръ въ Язвицы къ ямщикамъ. День былъ воскресный, въ праздничныхъ красныхъ рубахахъ ямщики играли въ городки середь улицы. Подошелъ Петръ Степанычъ, поглядѣлъ на нихъ и, замѣтивъ молодого парня, чтò казался всѣхъ удалѣй, заговорилъ съ нимъ:

— Лошадокъ бы надо.

Ямщики побросали палки и мигомъ столпились вкругъ Самоквасова.

— Сколько требуется?

— Куда везти?

— Въ тарантасѣ, что-ль? — въ нѣсколько голосовъ закричали они.

— Со всѣми, братцы, не сговоришь, а мѣшкать мнѣ не доводится, — молвилъ имъ Самоквасовъ. — Дѣло со всѣми, а толковать буду съ однимъ. Какъ тебя звать? — спросилъ онъ, обращаясь къ тому, чтò показался ему всѣхъ удалѣй.

— Зовутъ зовуткой, величаютъ сѣрой уткой, — съ хохотомъ въ нѣсколько голосовъ закричали ямщики, не думая отходить отъ Самоквасова.

— Кабакъ есть? — спросилъ Петръ Степанычъ.

— Какъ не быть кабаку? Станція безъ кабака развѣ бываетъ? Эхъ, ты, недогадливый!.. — смѣялись ямщики.

Вынулъ Самоквасовъ цѣлковый и молвилъ, отдавая его ямщикамъ:

— Угощайтесь покуда. Послѣ дѣло до всѣхъ дойдетъ, а до того съ нимъ потолкую.

— Благодаримъ покорно,—во всю мочь закричали ямщики.— Смекаемъ, что требуется! Намъ не впервой... Уважимъ, почтенный, какъ слѣдуетъ все обработаемъ!

И пошли вдоль по улицѣ.

— Какъ же звать-то тебя? — спросилъ Самоквасовъ, отойдя съ удалымъ ямщикомъ въ сторонку.

— Ѳедоръ Аѳанасьевъ буду, — молвилъ тотъ, молодецки тряхнувъ свѣтло-русыми кудрями.

— Лошадокъ въ середу треба мнѣ, Ѳедоръ Аѳанасьичъ, — молвилъ ему Петръ Степанычъ. — Тройку въ тарантасѣ, двѣ, не то три тройки въ телѣгахъ.

— Можно, — сказалъ удалой ямщикъ.

— Да парней бы молодыхъ, что поздоровѣй да поудалѣй, человѣкъ съ десятокъ, — продолжалъ Петръ Степанычъ.

— И это можно, — молвилъ ямщикъ. — Крадено, значитъ, везти? — прибавилъ онъ, плутовски улыбаясь.

— Есть немножко около того, — тоже усмѣхаясь, молвилъ Петръ Степанычъ.

— Коли крадено — живое, съ великой радостью, а не живой товаръ — такъ милости просимъ отъ насъ подальше, — сказалъ Ѳедоръ Аѳанасьевъ.

— Живой, живой, — подхватилъ Самоквасовъ. — Мы не воры, не разбойники, красныхъ дѣвушекъ полюбовники.

— Дѣвку, значитъ, надо выкрасть? — лукаво подмигнувъ, молвилъ Ѳедоръ.

— Есть тотъ грѣхъ, — усмѣхнувшись, сказалъ Петръ Степанычъ.

— Никакого тутъ нѣтъ грѣха, — сказалъ ямщикъ. — Все едино, что изъ тюрьмы кого высвободить, аль отбить отъ разбойниковъ. Самъ я послѣ Макарья тоже хочу дѣвку красть.

— Такъ какъ же? — спросилъ Петръ Степанычъ.

— Будь покоенъ, почтенный, все это въ нашихъ рукахъ, завсегда это можемъ, — отвѣчалъ Ѳедоръ. — Восьэтто *) мы однимъ днемъ двѣ самокрутки спроворили... Четыре тройки, говоришь?.. Можно... Парней десятокъ?.. И это можно... Велику-ль погоню-то ждешь?.. Кольевъ не припасти ли, аль однимъ кулакомъ расправимся?

— Зачѣмъ колья, — сказалъ Самоквасовъ. — Коль и будетъ погоня, такъ невеликая... Да и то развѣ бабы однѣ, — прибавилъ онъ, усмѣхаясь.

— Стало-быть, изъ скитовъ крадёшь?.. Старочку?.. Молодецъ, паря! — хлопнувъ по плечу Самоквасова, весело молвилъ

*) Восьэтто или восейка — недавно, на-дняхъ, намедни.

ямщикъ. — Я бы ихъ всѣхъ перекралъ — чтò имъ по кельямъ-то безъ мужьевъ сидѣть?.. Поди, каждой замужъ-отъ охота.

— Вѣстимо, — сказалъ Самоквасовъ. — Такъ какъ же у насъ насчетъ ря̀ды-то будетъ?

— По три цѣлковыхъ на брата даешь? — спросилъ Ѳедоръ.

— Дамъ, — отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

— Ладно. Угощенье какое?

— На ведро водки деньгами дамъ — угощайтесь сами, какъ знаете, — молвилъ Самоквасовъ.

— Ведра будетъ маловато, два поставь. Заслужимъ, — сказалъ ямщикъ.

— Ну два такъ два. Идетъ, — согласился Петръ Степанычъ.

— А на закуску? — опять спросилъ Ѳедоръ.

— Тоже деньгами выдамъ, — сказалъ Петръ Степанычъ. — Трехъ цѣлковыхъ будетъ?

— Положь пятишницу, — почесывая затылокъ, молвилъ ямщикъ.

— Идетъ... А за кòней чтò?

— Ѣзда-то куда? — спросилъ Ѳедоръ.

— Отсель къ Рожнину выѣхать... — началъ-было Самоквасовъ.

— Изъ Комарова, стало-быть, крадешь, — усмѣхнулся ямщикъ.

— Оттоль въ Свиблово.

— Къ попу Сушилѣ. Знатный попъ, самый на эвти дѣла подходящій. Наши ребята съ самокрутками все къ нему. Денегъ только не жалѣй, а то хоть съ родной сестрой окрутитъ.

— Изъ Свиблова въ городъ — продолжалъ Петръ Степанычъ.

— Десять да десять — двадцать, да еще двадцать одна — сорокъ одна верста всей-то ѣзды. Подставы будутъ нужны̀. Сорокъ верстъ по такой жарѣ не ускачешь, — сказалъ Ѳедоръ.

— Подставы такъ подставы, — молвилъ Петръ Степанычъ. — Сколько-жъ за все?

— Десять человѣкъ по три цѣлковыхъ — тридцать, — сталъ считать Ѳедоръ: — два ведра — десять, на закуску пятишницу — значитъ, всего сорокъ пять, за кòней пятьдесятъ. Клади сотенну кругомъ, тѣмъ и дѣлу шабашъ.

— Пять-то цѣлковыхъ зачѣмъ присчиталъ? — молвилъ Петръ Степанычъ.

— На̀смѣхъ дѣлается, почтенный, нельзя, — отвѣтилъ ему Ѳедоръ. — Пла̀тами не станешь поѣзжанъ одѣлять? Невѣстиныхъ даровъ тоже не будетъ?.. Положь за дары-то пятишницу.

— Ну, ладно. Получай задатокъ, — молвилъ Петръ Степанычъ Ѳедору и подалъ ему четвертную.

— Ты къ тѣмъ не ходи, — сказалъ Ѳедоръ. — Я ужъ самъ тебѣ все обдѣлаю. Будь споконенъ... Когда выѣзжать-то?

— Коль не пришлю повѣстки въ отмѣну, — въ середу послѣ полдёнъ часа черезъ три быть вамъ у Ронжина, — отвѣчалъ Самоквасовъ.

— Слушаемъ, — молвилъ ямщикъ. — Все въ исправности будетъ. Намъ не впервой.

Самоквасовъ дальше поѣхалъ, а въ язвицкомъ кабакѣ далёко за полночь ямщики пили и пѣли, гуляли, кричали на всѣ голоса.

Въ городѣ Петръ Степанычъ не такъ легко и скоро управился, какъ въ Язвицахъ. Здѣсь надо было ему пріискать квартиру, гдѣ-бъ молодые послѣ вѣнца прожили нѣсколько дней до того, какъ ѣхать имъ въ Осиповку за родительскимъ прощеньемъ. Въ томъ захолустномъ городкѣ гостинницъ сроду не бывало, а постоялый дворъ всего-на-все одинъ только былъ: наѣздъ бывалъ туда только въ базарные дни. На томъ дворѣ Петръ Степанычъ присталъ; видитъ, молодыхъ тутъ нельзя пріютить — больно ужъ бойко и во всемъ несуразно — все одно что кабакъ... По домамъ пошелъ квартиры искать — нѣтъ ни единой.

Проходилъ Самоквасовъ по городку вплоть до вечера и ужъ думалъ на другой день квартиры искать въ деревняхъ подгородныхъ, но ему и тутъ удалой ямщикъ пригодился. Только вышелъ онъ поутру на улицу, Ѳедоръ Аѳанасьичъ тутъ какъ тутъ — усталыхъ взмыленныхъ коней проваживаетъ... Окликалъ его Петръ Степанычъ.

— А, почтенный!... Ты ужъ и здѣсь, — весело отозвался ямщикъ. — А меня, чтобъ его пополамъ да въ черепья, песъ его знаетъ, баринъ какой-то сюда потревожилъ... Казенна подорожная, да еще «изъ курьерскихъ»... Вишь коней-то загналъ какъ, собака, — не отдышатся, сердечные... А мы только-что разгулялись-было, зачали про ваше здоровье пить, а его шайтанъ тутъ и принеси... Очередь-то моя — что станешь дѣлать?.. Поѣхалъ.

— Слушай-ка, парень, вечоръ сказывалъ ты, что эти самокрутки дѣло вамъ за обычай, — молвилъ ему Самоквасовъ.

— Безъ нашего брата тутъ нельзя... — отвѣчалъ Ѳедоръ. — Потому ускакать надо. Мнѣ вотъ у тебя на двадцатой свадьбѣ доведется быть... Завсегда удавалось. разъ только не успѣли угнать. И колотили же насъ тогда... ой-ой! Три недѣли валялся, насилу отдохъ. До сихъ поръ знатко осталось, — промолвилъ онъ, показывая на широкій рубецъ на правой скулѣ. — Отбили, ароды!..

— А не случалось тебѣ послѣ вѣнца молодыхъ сюда въ городъ возить? — спросилъ Самоквасовъ.

— Какъ не случаться — случалось!... Сколько разъ... — отвѣчалъ Ѳедоръ.

— Видишь ли что̀, Ѳедоръ Аѳанасьичъ, — сказалъ Самоквасовъ: — человѣкъ я заѣзжій, знакомцевъ у меня здѣсь нѣту... Вечо̀ръ бился-бился, искалъ-искалъ квартиры, гдѣ бы пожить молодымъ. Весь городъ исходилъ — собачьей конуры, и той не нашелъ.

— У Феклиста Митрича нешто не былъ? — спросилъ у него ямщикъ.

— У какого Феклиста Митрича?

— Погребокъ у него, виномъ виноградньмъ торгуетъ, — сказалъ ямщикъ: — лавочка тоже есть, бѣла харчевня. Къ нему съ дѣвьемъ когда хошь, и въ полно̀чь и за̀ полночь.

— Ну нѣтъ, Ѳедоръ Аѳанасьичъ, это, другъ любезный, не годится... Не шатущіе пріѣдутъ, не въ кабакѣ имъ жить, — сказалъ Петръ Степанычъ.

— Зачѣмъ въ кабакѣ? — возразилъ ямщикъ. — Только не жалѣй цѣлкачей, такъ Феклистъ Митричъ самъ-отъ въ подклѣтъ переберется, а верхни горницы тебѣ предоставитъ. А горницы у него важныя!.. Во всѣхъ не бывалъ, хвастать не стану, а говорятъ, почище да приборнѣй городническихъ будутъ.

— Гдѣ-жъ его отыскать? — спросилъ Самоквасовъ.

— А ты обожди здѣсь маленько, я только конямъ овсеца задамъ. Покамѣстъ жуютъ, мы съ тобой дѣло-то и обладимъ. Мнѣ не впервой къ нему молодыхъ-то привозить, — сказалъ Ѳедоръ Аѳанасьичъ.

— Постой, погоди, — молвилъ ему вслѣдъ Петръ Степанычъ: — какой онъ вѣры, Феклистъ-отъ Митричъ? Какого, значитъ, согласу?

— А тебѣ что̀? — обернувшись спросилъ ямщикъ.

— Да вѣдь если онъ по нашей, по скитской, значитъ, такъ, пожалуй, не пуститъ, — молвилъ Петръ Степанычъ.

— Феклистъ-отъ Митричъ не пуститъ?.. Эва!.. — засмѣялся ямщикъ. — Онъ, братъ, у насъ всякой вѣры... Когда котора выгоднѣе, такую на ту пору и держитъ. Въ однѣ святы денежки вѣруетъ. Повѣсь на стѣнку сотенну бумажку — больше чѣмъ Николѣ намолится ей.

Убравъ лошадей, ямщикъ повелъ Петра Степаныча къ Феклисту Митричу. Тотъ сразу согласился уступить все верхнее жилье дома. Понравилось оно Петру Степанычу — какъ есть купецкій домъ середней руки. Ни горокъ съ серебромъ и

цѣннымъ фарфоромъ, ни трипповыхъ дивановъ, какъ у Патапа Максимыча, не было, а все-таки не зазорно было Прасковьѣ Патаповнѣ вступить въ такой домъ послѣ вѣнчанья. За-то ужъ и содралъ же Феклистъ Митричъ щетинку съ Самоквасова. Чтò ни разъѣзжалъ по городамъ, нигдѣ такихъ цѣнъ за постой онъ не плачивалъ. Однакожъ не торговался, хоть и почесалъ въ затылкѣ, подумавши, что свадебка-то ему, пожалуй, за тысячу въѣдеть. Да чтò тысяча, коль охота молодцу покуражиться. «Главное дѣло, матушка Пульхерія да батюшка Иванъ Матвѣичъ!.. Рожи-то какія корчить зачнутъ!..»

— Такъ вы ужъ, пожалуйста, Феклистъ Митричъ, постарайтесь, чтобы все какъ слѣдуетъ было, — молвилъ Самоквасовъ ему на прощаньи.

— Не извольте, почтеннѣйшій господинъ, напрасно безпокоиться. Слава Богу, эти дѣла намъ не впервые, — дробной скороговоркой зачастилъ Феклистъ Митричъ. — Лѣтошный годъ Сущовъ, купецъ изъ Нижняго Воскресенья, — рыжій такой, не изволите ли знать, да толстый, — тоже скитску дѣвицу изъ Оленева кралъ, тоже у насъ проживанье имѣли, всѣмъ остались довольны. Свѣчки будутъ стеариновыя, по всѣмъ горницамъ зажжемъ; двуспальну постель кисейными пологами украсимъ, можно будетъ и коврики постлать. Чайна посуда и для обѣда отмѣнная; не понравится кушанье изъ нашей харчевни, можемъ изъ трактира повара взять; вина первый сортъ — отъ Соболева. И все по самымъ сходнымъ цѣнамъ будетъ предоставлено вашему почтенію.

Сладились. Отдалъ Феклисту Петръ Степанычъ задатокъ, простился съ удалымъ ямщикомъ и рысцой покатилъ къ попу въ Свиблово.

Сушила встрѣтилъ Петра Степаныча не попрежнему. Когда Самоквасовъ подъѣзжалъ къ погосту, попъ, влекущій племя свое отъ литовскихъ бояръ, въ бѣлой холстинной рубахѣ, босикомъ, но въ широкополой шляпѣ, косилъ по своему кладбищу сѣно. Ловко размахивалъ онъ косою, гораздо ловчѣй, чѣмъ работавшій въ другомъ углу кладбища Груздокъ. Услыхавъ грохотъ тележки на мостикѣ, Сушила пересталъ косить, приставилъ правую руку зонтикомъ надъ глазами и пристально сталъ вглядываться въ проѣзжаго. Узнавъ съ нетерпѣньемъ ожидаемаго гостя, швырнулъ онъ косу и крикнулъ сторожу:

— Докашивай, Груздокъ, докашивай, да въ оба гляди: отъ Игнатья аль Ипатья ребятенки опять бы не стали корзинами наше сѣно таскать. Чуть чтò, перваго за вихоръ да ко мнѣ на расправу.

И бѣгомъ побѣжалъ къ дому отецъ Харисаменовъ, сверкая голыми пятками. Ставъ въ калиткѣ, окликнулъ онъ лихо подкатившаго Петра Степаныча.

— Милости просимъ, гость дорогой, милости просимъ! Въ горницу пожалуйте, а я сейчасъ оболокусь.

Поставивъ лошадокъ у поповскихъ воротъ, Самоквасовъ вошелъ въ домъ. Горница была пуста, но за перегородкой слышалась возня одѣвавшагося отца Родіона, припѣвавшаго вполголоса: «Ангельскія силы на гробѣ Твоемъ и стрегущія омертвѣша».

Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ изъ-за перегородки Сушила въ желто-зеленой нанковой рясѣ и даже съ распущенными изъ пучка и расчесанными власами. Хоть архіерею на показъ.

Поклонился Самоквасовъ отцу Родіону, а тотъ, подавая ему руку запросто, съ усмѣшкой промолвилъ:

— Благословенія не пріемлете?

— Нѣтъ, батюшка, и мы тоже старинки держимся, — улыбаясь, отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

— Ну, какъ знаете... А нехорошо, нехорошо, — вдругъ принявъ на себя строгій видъ, заговорилъ отецъ Харисаменовъ. — Безъ церкви спастися невозможно. Потому сказано: «аще все достояніе свое нищимъ расточишь, аще весь животъ свой въ постѣ и молитвѣ пребудешь, церкви же чуждатися будешь — никако душу свою пользуешь».

— Мы, батюшка, такъ ужъ сызмальства, — сказалъ Самоквасовъ. — Какъ родители жили, такъ и насъ благословили.

— Ну, ваше дѣло, ваше дѣло, — мягкимъ голосомъ проговорилъ Сушила. — Я вѣдь такъ только... къ слову... Такъ подобаетъ мнѣ, потому пастырскій долгъ, обязанность благовременнѣ и безвременнѣ поучать и увѣщевать всяка человѣка святѣй Божьей церкви чуждающагося. Садиться милости просимъ, гость дорогой... А я еще третьяго-дня васъ поджидалъ... Афимья Савишна!.. Матушка!.. Аль не слышите?.. Чайку скорѣй сберите да на закусочку кой-что сготовьте... Ну какъ наши дѣла, почтеннѣйшій Петръ Степанычъ?.. Когда вѣнчать-то?.. Пора бы ужъ, пора — мои половинки по вашимъ соскучились, — со смѣхомъ прибавилъ отецъ Родіонъ.

— Да послѣзавтра бы, въ среду, если можно, батюшка, — отвѣтилъ Самоквасовъ.

— Можно, все можно. Отчего-жъ нельзя? — ласково и нѣжно заговорилъ Сушила, поглаживая бородку. — Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше: и для насъ способнѣе и для васъ пріятнѣе. Отзвонилъ да съ колокольни долой, какъ у насъ говорится. Хе-хе-хе!..

— Такъ къ которому же часу привезти ихъ, батюшка? — спросилъ Петръ Самоквасовъ.

— Попозже-то лучше бы. Не столь видно, — сказалъ Сушила. — Хотя при нашемъ храмѣ сторонняго народа, опричь церковнаго клира, никого не живетъ, однакожъ все-таки лучше, какъ попозднѣе-то пріѣдете. Въ сумерки этакъ, въ сумерки постарайтесь... Потому, ежели днемъ вѣнчать, такъ, увидѣвши вашъ поѣздъ, изъ деревень налѣзутъ свадьбу глядѣть. А въ такомъ дѣлѣ, какъ наше, чѣмъ меньше очевидцевъ, тѣмъ безопаснѣе и спокойнѣе... Погоню за собой чаете?

— Нѣтъ, батюшка, врядъ ли будетъ погоня, — отвѣчалъ Петръ Степанычъ.

— А ежели Патапка провѣдаетъ? — возразилъ Сушила. — Двадцать деревень можетъ поднять, цѣлу армію выставитъ. Съ нимъ связаться бѣда — медвѣдь, какъ есть медвѣдь.

— Въ городъ, батюшка, уѣхалъ, дѣла тамъ какія-то у него, съ недѣлю, слышь, въ отлучкѣ пробудетъ, — сказалъ Самоквасовъ. — И матери дома нѣтъ — въ Вихорево, коли знаете, къ Заплатинымъ гостить поѣхала.

— Съ дочерью, съ нашей то-есть невѣстой? — любопытствовалъ отецъ Родіонъ.

— Невѣста-то у тетки въ Комаровѣ, — молвилъ Петръ Степанычъ.

— У Манеѳы, — полушопотомъ подхватилъ Сушила. — Ехидная старица, злочинная!.. На одну бы осину съ братцемъ-то... А развѣ вы полагаете, почтеннѣйшій Петръ Степанычъ, что ежели паче чаянія злочинная Манеѳа узнаетъ, такъ не нарядитъ она погони?.. Какую еще нарядить-то!.. Денегъ жалѣть не станетъ, всѣ окольны деревни собьетъ... Поопасьтесь на всякій случай.

— Будьте покойны, батюшка, — сказалъ Самоквасовъ. — Ни Манеѳы послѣзавтра въ Комаровѣ не будетъ, ни другихъ начальныхъ старицъ — всѣ въ Шарпанъ уѣдутъ.

— Да, вѣдь послѣзавтра восьмое число: явленіе Казанскія чудотворныя иконы. Праздникъ у нихъ въ Шарпанѣ-то, кормы народу, — злобно говорилъ отецъ Родіонъ. — Охъ, куда сколь много вреда святѣй церкви тѣми кормами онѣ чинятъ... И какъ это имъ дозволяется!.. Сколько этими кормами отъ церкви людей отлучили... Зловредныя, изо всѣхъ скитницъ самыя зловредныя эти шарпанскія!.. И какъ это вы отлично хорошо устроили, — перемѣнилъ свою рѣчь Сушила.

— Что такое? — спросилъ Петръ Степанычъ.

— А какъ же? Отецъ въ отлучкѣ, мать въ отлучкѣ, тетка въ отлучкѣ, сама невѣста не въ своемъ дому, и призора нѣтъ

за ней никакого, — говорилъ отецъ Родіонъ. — Отмѣнно хорошо дѣльцо оборудовали, ей-Богу, отмѣнно... А на всякій случай, ради отбоя погони, люди-то будутъ ли у васъ?

— Какъ же, батюшка, безъ того нельзя, — отвѣчалъ Самоквасовъ. — Десять молодцовъ здоровенныхъ — не больно къ нимъ подступятся...

— Ну вотъ и прекрасно, — молвилъ Сушила. — Преотмѣнно, я вамъ доложу. Безъ отбойныхъ людей въ такихъ дѣлахъ никакъ невозможно. Потому что тутъ погонщики бываютъ аки звѣри. Пьяны къ тому-жъ завсегда. Такую иной разъ свалку подымутъ, что того и гляди смертоубійства не было бы... А вы не безпокойтесь, только поспѣвайте скорѣе, дорогой бы только васъ не угнали, а здѣсь ужъ все въ порядкѣ будетъ. Дверь въ церковь у насъ дубовая, толстая, опричь нутряного ключа, желѣзной полосой замыкается, окна высоко̀, къ тому-жъ съ затворами, съ желѣзными рѣшетками да съ болтами... Столь крѣпко запремся, что никакими силами насъ не возьмутъ... Хе-хе-хе-хе!.. Нарочно для такихъ случа̀евъ и сдѣлано, опять же для опасности отъ воровскихъ людей... Жителей-то у насъ, какъ видите, опричь меня да причетниковъ нѣтъ никого, а кругомъ народъ воръ, какъ разъ могутъ церковь подломать... На̀ это взять ихъ мошенниковъ!..

— Батюшка, ужъ вы, пожалуйста, жениха-то съ невѣстой по̀солонь обведите, — вкрадчивымъ голосомъ сказалъ попу Петръ Степанычъ.

— По̀солонь, по̀солонь!.. — пощипывая бородку, думчиво говорилъ отецъ Родіонъ. — Не ладно будетъ, государь мой, не по чину.

— Ужъ сдѣлайте такое ваше одолженіе... Не откажите... Да ужъ и теплоту-то въ стеклянномъ стаканѣ подайте... Ужъ сдѣлайте милость.

— Значитъ по-вашему: стаканъ жениху въ церкви о полъ бить да ногой черепки топтать... — сказалъ Сушила. — Безчинно и нелѣпо, государь мой!.. Вы этакъ, пожалуй, захотите, чтобъ послѣ вѣнца невѣстѣ въ церкви и косу расплетали и гребень въ медовой сытѣ мочили, да тѣмъ гребнемъ волоса̀ ей расчесывали.

— Вотъ вѣдь, батюшка, вы все знаете, какъ у насъ по-старинному дѣлается, — улыбнулся Самоквасовъ.

— Еще бы не знать! Сколько годовъ съ вашимъ братомъ вожусь, со здѣшними, значитъ, раскольщиками. Всѣ ваши обычаи до тонкости знаю, — молвилъ отецъ Родіонъ.

— Такъ ужъ вы такъ и сдѣлайте, батюшка, коли все знаете... Очень бы насъ тѣмъ одолжили. А мы будемъ вамъ за то особенно благодарны.

— Да не все-ль для васъ едино: такъ ли, этакъ ли ихъ повѣнчаютъ. Тутъ главная причина, въ обыскную книгу было бы вписано, — сказалъ Сушила.

— Нѣтъ, ужъ вы сдѣлайте такое ваше одолженіе, — продолжалъ Петръ Степанычъ. — Я вамъ за̀ это сейчасъ же четвертную, не надрываючи, — уговаривалъ его Петръ Степанычъ.

— Охъ, ужъ, право, какіе вы! — съ глубокимъ вздохомъ молвилъ отецъ Родіонъ. — И не радъ, что связался! Только ужъ какъ хотите, а одной четвертной будетъ маловато... А будетъ съ невѣстой какая молодица, голову-то бы ей въ церкви расчесать да повойникъ вздѣть?

— Нѣтъ, батюшка, во всемъ поѣздѣ женскаго полу опричь невѣсты не будеть у насъ, — сказалъ Самоквасовъ.

— Такъ какъ же это будетъ? — вскликнулъ Сушила. — Не мужчинѣ-жъ волоса̀-то ей расчесывать. Впрочемъ, объ этомъ не пекитесь. Тутъ неподалеку для такихъ дѣловъ есть у насъ мастерица. Ее пригласимъ; это ужъ мое дѣло, насчетъ этого вамъ безпокоиться нечего.

— Очевно будемъ вамъ благодарны, батюшка, — сказалъ Петръ Степанычъ. — Такъ какая же будетъ у насъ ряда̀? — сказалъ онъ потомъ.

— Сами сочтите, — отвѣтилъ отецъ Радіонъ. — За пóсолонь четвертная, за стаканъ другая, за расплетанье косы третья молодицѣ четвертая. Сотенная, значитъ.

— Какъ же это, батюшка, за косу-то вдвойнѣ вы кладете? — спросилъ Самоквасовъ. — За расплетаніе косы четвертная да молодицѣ другая?

— Одна, значитъ, мнѣ за дозволеніе совершить во храмѣ безчинный обрядъ, церковными правилами не заповѣданный, а другая молодицѣ за труды, — спокойно и даже внушительно сказалъ попъ Сушило.

Какъ ни бился Петръ Степанычъ, копейки не могъ выторговать. Уперся̀ попъ Сушила на сотнѣ рублей, и ничѣмъ его нельзя было сдвинуть. Заплатилъ Самоквасовъ, напился у попа чаю, закусилъ маленько и тихой рысцой покатилъ къ Каменному Вражку.

Глава семнадцатая.

Спрыснувъ золотые галуны удѣльнаго головы и знаменитаго перепелятника, и веселый и вполнѣ довольный собой и другими, Патапъ Максимычъ заѣхалъ въ деревню Вихореву, оставилъ тамъ у Груни Аксинью Захаровну, а самъ денька

на два отправился въ губернскій городъ. Пріѣхалъ туда подъ вечеръ, присталъ у «крестника», у Сергѣя Андреича.

Колышкинъ повелъ его въ тѣнистый садъ и тамъ въ тесовой бесѣдкѣ, поставленной на самомъ вѣнцѣ кручи *), усѣлся съ «крестнымъ» за самоваръ. Послѣ обычныхъ разспросовъ про домашнихъ, послѣ отданныхъ отъ Аксиньи Захаровны поклоновъ спросилъ Патапъ Максимычъ Колышкина:

— А что̀ мой Алексѣюшка? У тебя, что ли, онъ?

Сергѣй Андреичъ только посвисталъ вмѣсто отвѣта.

— Чего свищешь? По-человѣчьи говори, не по-птичьи, — съ досадой молвилъ Паталъ Максимычъ.

— Рукой не достанешь его... Куда намъ такого въ наймахъ держать!.. — сказалъ Сергѣй Андреичъ.

— Какъ такъ? — удивился Чапуринъ.

— Маленько повыше меня, на Ильинкѣ — рыкаловскій домъ знаешь?

— Какъ не знать? — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— А вонъ на пристани, третій пароходъ отъ краю, бѣла труба съ краснымъ перехватомъ. Видишь?

— Ну?

— И домъ рыкаловскій, и пароходъ съ бѣлой трубой теперь Алексѣя Трифоныча Лохматова. И онъ теперь ужъ не Лохматый, а Лохматовъ прозывается. По первой гильдіи... Вотъ какъ... — сказалъ Колышкинъ.

Не нашелъ Чапуринъ словъ на отвѣтъ. Озадачили его слова Сергѣя Андреича.

— Да это на плохой конецъ сотня тысячъ! — молвилъ онъ послѣ короткаго молчанья.

— Девяносто, — сказалъ Сергѣй Андреичъ, закуривая сигару. — Маленько не угадалъ.

— Откуда-жъ такія у него деньги? Съ неба свалились, съ горы ли скатились? — воскликнулъ въ изумленьи Патапъ Максимычъ.

— И съ неба не свалились и съ горы не скатились — жена принесла, — молвилъ Колышкинъ.

— Какъ жена?.. Какая жена?.. — воскликнулъ, вскочивъ со скамьи, Патапъ Максимычъ.

— Какія жены бываютъ... Вечоръ повѣнчались... — куря равнодушно сигару, отвѣтилъ Колышкинъ.

— На комъ, на комъ? — горя нетерпѣньемъ, спрашивалъ Патапъ Максимычъ.

— Ну-ка, вотъ угадай!.. Изъ вашихъ мѣстовъ, изъ-за

---

*) Круча — утесъ, обрывъ, гора стѣной.

Волги невѣсту бралъ, да еще изъ скитовъ... Разумѣешь?... — молвилъ Колышкинъ.

— Знаю теперь, догадался! — воскликнулъ Патапъ Максимычъ. — Дурэ баба, дура!.. На Петровъ день у сестры мы гостили, тамъ узнали, что она тайкомъ изъ скита съ нимъ поѣхала... Неужели пошла за него?

— Пошла, — отвѣтилъ Сергѣй Андреичъ.

— Дурица! — вполголоса промолвилъ Чапуринъ.

— Вѣрное твое слово, — подтвердилъ Колышкинъ. — Надивиться не могу, какъ это рѣшилась она... Баба не въ-молодяхъ, а ему немного за двадцать перевалило; лѣтъ черезъ десять — она старуха, а онъ въ полной порѣ... Видала отъ перваго мужа цвѣточки, отъ другого ягодокъ не увидать ли... И увидитъ, безпремѣнно увидитъ... Еще женихомъ какое онъ дѣльцо обработалъ — чуть не половину ея капитала за собой закрѣпилъ... И домъ и пароходъ — все на его имя. Завладѣетъ и деньгами, что въ ларцѣ у жены покамѣстъ остались... Всѣмъ по скорости завладѣетъ... Тогда и свищи себѣ въ кулакъ Марья Гавриловна, гляди изъ мужниныхъ рукъ... Воли-то нѣтъ надъ ней, поучить-то некому, дурь-то выбить изъ пустой головы.

— Какъ же это онъ таково скоро? — молвилъ Патапъ Максимычъ, не глядя на Колышкина.

— Такія дѣла всегда наспѣхъ дѣлаются, — сказалъ Сергѣй Андреичъ. — Баба молодая, кровь-то, видно, еще горяча, а онъ изъ себя молодецъ... Полюбился... А тутъ бѣсъ... И пришлось скорѣй грѣхъ вѣнцомъ покрывать... Не она первая, не она послѣдняя... А ловокъ воскормленникъ твой... мѣтилъ недолго, попалъ хорошо.

— Да, ловокъ, — вздохнулъ Патапъ Максимычъ, и яркая краска облила думное лицо его.

— Билетъ на свадьбу присылалъ, да я не поѣхалъ, — молвилъ Сергѣй Андреичъ. — Ну его къ Богу. Не люблю такихъ.

Не отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. Про Настю ему вспомнилось.

— Шельмецъ! — порывисто съ мѣста вскочивъ, воскликнулъ онъ и сталъ ходить по бесѣдкѣ взадъ и впередъ.

— Раскусилъ-таки! — усмѣхнулся Колышкинъ. — Да, молодецъ!.. Изъ молодыхъ, да ранній!.. Я, признаться, радехонекъ, что ты во-время съ нимъ распутался... Ненадежный парень — рано ли, поздно ли, въ шапку тебѣ наклалъ бы... И спитъ и видитъ скору наживу... Ради ея отца съ матерью не помилуетъ... Неладный человѣкъ!

— Не въ примѣту мнѣ было того, — обмахиваясь платкомъ,

промолвилъ Патапъ Максимычъ. Потъ градомъ струился по раскраснѣвшемуся лицу его.

— А я такъ примѣтилъ, даромъ что меньше твоего знаю пройдоху... — сказалъ на то Колышкинъ. — Намедни пожаловалъ... былъ у меня. Парой въ коляскѣ, въ модной одёжѣ, завитъ, раздушенъ, закорузлыя руки въ перчаткахъ. Такъ и померъ я со смѣху... Важный, ровно вельможа! Руки въ боки, глаза въ потолòки — умора. И послушалъ бы ты, крестный, какъ теперь онъ разговариваетъ, какъ про родителей разсуждаетъ... Мерзавецъ, одно слово мерзавецъ!

— Что-жъ про родителей-то? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Спрашиваю его: будутъ ли на свадьбу, повѣстилъ ли ихъ. «Некогда, говоритъ, мнѣ за ними разсылать, оченно, дескать, много и безъ нихъ хлопотъ».

— Дѣла, дѣла! — глубокò вздохнулъ Патапъ Максимычъ, садясь на стулъ передъ Колышкинымъ.

— Да, крестный, дѣла, что сажа бѣла, — молвилъ Сергѣй Андреичъ.

— Повидаться мнѣ съ ней надо, съ Марьей-то Гавриловной, — подумавъ, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Дѣльце есть до нея... Затѣмъ больше и въ Комаровъ къ сестрѣ ѣздилъ, чаялъ ее тамъ увидать.

— Что̀ за дѣльце такое? — спросилъ Колышкинъ.

— Торговое, — сухо отвѣтилъ Чапуринъ.

— Что-жъ?... Сходи, поздравь съ законнымъ бракомъ. Законный какъ есть — въ Духовской вѣнчались, въ единовѣрческой, — сказалъ Сергѣй Андреичъ.

— Да вѣдь они оба нашего согласу, — удивился Патапъ Максимычъ.

— Духовско-то вѣнчанье, слышь, крѣпче вашего, — улыбнулся Колышкинъ. — Насчетъ наслѣдства спокойнѣе, а то неравно помретъ, такъ послѣ нея все брату достанется. Такъ и сказалъ... Боится, видишь, чтобы Залетовы не вступились въ имѣніе, не заявили бы послѣ ея смерти, что не было вѣнчанья, какъ слѣдуетъ.

— Не сдѣлаетъ этого Залетовъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Знаю я Антипу Гаврилыча: до денегъ жаденъ, а на такое дѣло не пойдетъ.

— Самъ я знаю Залетова, самъ то же думаю, а вотъ Алексѣй Трифонычъ Лохматовъ не такихъ, видно, мыслей держится, — отвѣтилъ Колышкинъ.

— Не чаялъ отъ него такихъ дѣловъ, не чаялъ, — качая головой, говорилъ Патапъ Максимычъ.

Послѣ того пріятели спокойно толковали про торговыя дѣла, про пароходство, клади и поставки. И длилась у нихъ бесѣда до ужина.

— Гдѣ спать-то велишь? — спросилъ Патапъ Максимычъ, выходя съ хозяиномъ послѣ ужина изъ бесѣдки.

— Все приготовлено. Успокою дорогого гостя!.. Въ кои вѣки пожаловалъ!.. — говорилъ Сергѣй Андреичъ.

— Ты бы мнѣ здѣсь въ бесѣдкѣ велѣлъ постлать... На вольномъ-то воздухѣ легче, не душно, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Чтой-то ты, крестный? — возразилъ Сергѣй Андреичъ. — Возможно-ль тебѣ у меня не въ дому ночевать!.. На всѣхъ хватитъ мѣста. Хочешь, спальню свою уступлю? Намъ съ женой другое мѣсто найдется.

— Нѣтъ, ужъ ты вели мнѣ постеленку въ бесѣдкѣ постлать... На волѣ-то крѣпче поспится, — настаивалъ Патапъ Максимычъ.

— На зарѣ-то холодно будетъ — озябнешь, — молвилъ Сергѣй Андреичъ.

— Наше дѣло мужицкое — авось не замерзнемъ, — усмѣхнулся Патапъ Максимычъ и настоялъ, чтобъ ночлегъ былъ сготовленъ ему въ бесѣдкѣ.

Полночь небо крыла, слабо звѣзды мерцали въ синей высотѣ небосклона. Тихо было въ воздухѣ, еще не остывшемъ отъ зноя долгаго жаркаго дня, но свѣжей отрадной прохладой съ рѣчного простора тянуло... Всюду царилъ беззшумный, беззвучный покой. Но не было покоя на сердцѣ Чапурина. Не спалось ему и въ бесѣдкѣ... Душно... Совсѣмъ раздѣтый, до самаго солнышка простоялъ онъ на кручѣ, неустанно смотря въ темную, зарѣчную даль родныхъ заволжскихъ лѣсовъ

«Такъ вотъ онъ каковъ объявился!.. Корыстникъ!.. Падокъ на деньги, жаденъ къ богатству!.. А я-то какъ о немъ разсуждалъ, — такъ самъ съ собою раздумывалъ Патапъ Максимычъ. — Стало-быть, и покойницу-то изъ-за корысти губилъ онъ!.. Не познала тайныхъ замысловъ его голубонька; мòрокомъ обвелъ злодѣй, отуманилъ ее... Не красы ея дѣвичьей, денегъ моихъ добивался!.. Теперь это солнца яснѣй... А я-ль не любилъ его, я ли о немъ не старался!.. Отъ родного отца откинулся, какъ же бы тестя-то сталъ потчевать?.. Э!.. Пропадай онъ совсѣмъ... И пропадетъ, какъ капустный червякъ пропадетъ!.. Неправедна корысть въ прокъ не пойдетъ... А выскользнулъ изъ рукъ... Самъ сталъ богатъ: теперь ни угрозой, ни лаской, ни дарами, ни долгами рта ему не

завяжешь... Обезславитъ ее въ гробу, накроетъ позоромъ мою голову!.. Охъ, Господи, Господи!.. Отъ него все станется... Чуетъ мое сердце!»

Долго раздумывалъ Чапуринъ, какъ бы властной рукой наложить молчанье на уста разбогатѣвшаго Алексѣя, но, какъ ни раскидывалъ умомъ, ничего придумать не могъ. Стало его заботить и дѣло съ Марьей Гавриловной. За годъ передъ тѣмъ взялъ онъ у нея двадцать тысячъ рублей по векселю, срокъ платежа наступалъ, а денегъ въ сборѣ нѣтъ. Взявши зимой не по силамъ подрядъ, извелъ онъ залежныя деньги, а за поставки уплату надо получать у Макарья... О долгѣ прежде ему не гребтѣлось, не думалъ Чапуринъ о срокѣ, зналъ, что Марья Гавриловна не то что полтора мѣсяца, цѣлый годъ подождетъ. Бывши на Настиныхъ похоронахъ, сама закинула такое слово Патапу Максимычу. Оттого и денегъ онъ не принасъ, оттого и хотѣлось потолковать съ Марьей Гавриловной насчетъ отсрочки... А срокъ послѣзавтра.

«Она вся теперь въ его власти,—ходя по вѣнцу горы, думалъ Чапуринъ. — Вдругъ онъ не захочетъ?.. Вдругъ ко взысканью представитъ?.. Развѣ мало видѣлъ отъ меня милостей?.. Не камень же въ самомъ дѣлѣ!..»

Утромъ Патапъ Максимычъ, не повидавшись съ Сергѣемъ Андреичемъ, въ рыкаловскій домъ пошелъ. Затуманилось въ глазахъ, тоской заныло гордое сердце кичливаго тысячника, когда вспало ему на умъ, что будто на поклонъ онъ идетъ къ своему токарю... Полугода не прошло съ того, какъ, подавъ щедрую милостыню, вырвалъ онъ изъ нищеты его семью, а самого приблизилъ къ себѣ ровно сродника. Позоромъ честной семьи за добро заплатилъ, но и послѣ того не оскудѣла рука Патапа Максимыча. И вотъ теперь, когда, по словамъ Колышкина, Алексѣй во всю ширь развернулся и во всей наготѣ выказалъ жадную корыстную душу свою, высокомѣрному Чапурину доводится идти къ нему ровно на поклонъ, просить, можетъ-быть, кланяться... Сроду не случалось ему такого униженья, никогда не бывала такъ оскорблена его спесь, его надменность самимъ собой... Но все-таки надѣялся онъ на Марью Гавриловну. Она добрая, отсрочитъ, сама же обѣщала отсрочку, сама говорила, чтобъ онъ не хлопоталъ, не сбиралъ денегъ на расплату въ срокъ.

Не надивится Патапъ Максимычъ, глядя на богато разубранныя комнаты Алексѣя Трифоныча. Бронза, зеркала, бархаты, цвѣты, — ничѣмъ не хуже колышкинскихъ. И все такъ ново, такъ свѣжо̀, такъ ярко, все такъ и бьетъ въ глаза... И это домъ поромовскаго токаря, погорѣльца, что̀

прошлой зимой нанимался къ нему въ работники!.. Ночи темнѣй сумрачные взоры Чапурина.

Самого Алексѣя не было дома, на пароходъ уѣхалъ, въ тотъ день надо было ему отваливать. Марья Гавриловна, только-что повѣстили ее про Патапа Максимыча, тотчасъ вышла къ нему изъ внутреннихъ горницъ.

Въ пышномъ нарядномъ платьѣ, но блѣдная, задумчивая, съ поникшей головой, неслышными стопами медленно вышла она по мягкимъ пушистымъ коврамъ и стала передъ Патапомъ Максимычемъ. Подняла голову, вспыхнула заревомъ, опустила глаза.

— Съ законнымъ бракомъ, сударыня Марья Гавриловна, — тихо и сдержанно, но сильно взволнованнымъ голосомъ проговорилъ Патапъ Максимычъ.

— Покорно васъ благодарю, — чуть слышно отвѣчала она. — Садиться милости просимъ.

Сѣли. Рѣчи нейдутъ на уста ни тому ни другой. Помолчавъ, Чапуринъ сказалъ:

— А я вечоръ только пріѣхалъ. Знать бы напередъ, на свадьбу поспѣшилъ бы.

— Покорно васъ благодарю, — сдерживая, сколько доставало силы, волненье, тихо отвѣтила Марья Гавриловна.

— Скоренько поспѣшили, — послѣ новаго молчанья промолвилъ Патапъ Максимычъ.

— Власть Божья, Патапъ Максимычъ, судьба! — сказала Марья Гавриловна.

— Вѣстимо, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Что на роду человѣку написано, отъ того никому не уйти. Сказано: суженаряжена ни пѣшу обойти ни конному объѣхать!..

— Аксинья Захаровна какъ въ своемъ здоровьѣ, Параша? — догадалась наконецъ спросить Марья Гавриловна.

— Живутъ помаленьку, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Хозяйку въ Вихоревѣ у Груни покинулъ, Прасковья гоститъ въ Комаровѣ.

— Матушка Манеѳа здорова-ль? — совсѣмъ склонивъ голову и едва переводя духъ, чуть слышно спросила Марья Гавриловна.

— Пенши̇тъ помаленьку. Стараго лѣса кочерга!.. Хвораетъ, болѣетъ, а сотню лѣтъ навѣрнякъ проскрипитъ, — слегка улыбнувшись, промолвилъ Чапуринъ.

Еще что-то хотѣла сказать Марья Гавриловна, но не вылетѣло изъ устъ ея крылатаго слова.

— На Петровъ день у Манеѳы гостили мы, — началъ опять Патапъ Максимычъ. — Не обезсудьте, Марья Гавриловна, въ вашемъ домикѣ приставали: я да кумъ Иванъ Григорьевичъ, да удѣльный голова, да Марко Данилычъ Смолокуровъ, — не изволите ли знать?

— Слыхала про Марка Данилыча, — молвила Марья Гавриловна. — Сказываютъ, человѣкъ хорошій.

Опять настало молчанье. Съ духомъ сбирался Патапъ Максимычъ.

— А я съ просьбицей къ вамъ, Марья Гавриловна, — началъ онъ наконецъ и замялся на первыхъ словахъ.

— Съ какой, Патапъ Максимычъ? — съ яснымъ взоромъ и доброй улыбкой спросила Марья Гавриловна.

— Да вотъ насчетъ того векселя... Послѣзавтра срокъ. Какъ были вы у насъ на Настиныхъ похоронахъ, сами тогда сказали, что согласны отсрочить... Мнѣ бы всего мѣсяца на полтора. Надѣясь на ваше слово, денегъ я не сготовилъ. Безо всякихъ затрудненій можно бы было и больше той суммы перехватить, да видите — теперь вдругъ подошло... Тогда при моей скорби-печали, сами знаете, до того ли мнѣ было, чтобъ векселя переписывать... А теперь ужъ сдѣлайте такую вашу милость, не откажите, пожалуйста. Всѣ векселя, что̀ даны мнѣ за горянщину, писаны до спуска флаговъ у Макарья, значитъ по двадцать пятое августа. Ужъ сдѣлайте такую милость, Марья Гавриловна, перепишите векселекъ-отъ на два мѣсяца, по десятое, значитъ, сентября.

— Съ великимъ моимъ удовольствіемъ, — отвѣтила Марья Гавриловна. — Не извольте безпокоиться, Патапъ Максимычъ... Такъ точно, сама я тогда говорила вамъ, чтобъ вы не хлопотали объ уплатѣ на срокъ... Вотъ Алексѣй Трифонычъ сейчасъ пріѣдетъ; доложу ему, что надо завтра непремѣнно тотъ вексель переписать.

— А сами-то вы? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Сами вы мужъ, сами семьи голова, Патапъ Максимычъ, — улыбнувшись, промолвила Марья Гавриловна. — По себѣ посудите — стать ли замужней женщинѣ въ такія дѣла помимо мужа входить?.. У меня все ему сдано... Посидите маленько, не поскучайте со мной, онъ скоро воротится. Пароходъ сегодня къ Верху отправляетъ — хлопоты.

Коло̀мъ повернуло сердце у Патапа Максимыча. Приходится поклониться Алексѣю. «Не во снѣ-ль это? — думаетъ высокомѣрный, спесивый тысячникъ, и багровый румянецъ обливаетъ лицо его, кулаки сами собой стиснулись, а черные глаза такъ и засверкали искрами. — И угораздило-жъ ее за такого

талагая *) замужъ идти!.. Ему кланяться!.. Алешкѣ Лохматому!.. Да пропадай онъ совсѣмъ!.. Въ разоръ разорюсь, а не поклонюсь ему!.. Охъ, дура, дура!.. Погоди, матушка, погоди — облупитъ онъ тебя, какъ липочку, да, кажись, немного ужъ осталось и обдирать-то тебя!..»

Вдругъ по всему дому звонъ раздался. Давно-ль не умѣлъ Алексѣй сладить со звонкомъ на крыльцѣ у Колышкина, а теперь самъ придѣлалъ звонки къ подъѣзду «благопріобрѣтеннаго» дома и каждый разъ звонилъ такъ усердно, какъ развѣ только деревенски ребятишки звонятъ о Пасхѣ на сельскихъ колокольняхъ.

— Пріѣхалъ, — молвила Марья Гавриловна, и какъ-то неловко стало ей передъ Патапомъ Максимычемъ. Слегка засуетилась она.

Бойко, щѐпетко **) вошелъ Алексѣй. Щеголемъ былъ разодѣтъ, словно на картинкѣ писанъ. Поставивъ шляпу на столъ и небрежно бросивъ перчатки, съ неуклюжей развязностью подошелъ онъ къ Патапу Максимычу. Какъ ни сумраченъ, какъ ни взволнованъ былъ Чапуринъ, а еле-еле не захохоталъ, взглянувъ на своего токаря, чтò вырядился бариномъ.

— Наше вамъ наиглубочайшее! — закатывая пòдъ лобъ глаза, нескладно повертываясь и протягивая руку Патапу Максимычу, съ ужимкой сказалъ Алексѣй. — Очненно ради, почтеннѣйшій господинъ Чапуринъ, что удостоили насъ своей визитой!

Нѐхотя подалъ Патапъ Максимычъ ему руку, еще разъ съ головы до ногъ оглядѣлъ Алексѣя, слегка покачалъ головой, но сдержался — слова не молвилъ. Одно вертѣлось на умѣ: «Нарядъ-отъ вздѣлъ боярскій, да салтыкъ-отъ остался крестьянскій; надѣнь свиньѣ золотой ошейникъ, все-таки будетъ свинья».

— Садиться милости просимъ, почтеннѣйшій господинъ Чапуринъ, — говорилъ Алексѣй, указывая на диванъ Патапу Максимычу. — А ты, Марья Гавриловна, угощенья поставь: чаю, кофею, «чиколату». Чтобы все живой рукой было! Закуску вели сготовить, разныхъ водокъ поставь, ликеровъ, рому, коньяку, иностранныхъ винъ, которы получше. Почтеннаго гостя надо въ аккуратъ угостить, потому что сами его хлѣбъ соль ѣдали.

— Спасибо на памяти про нашу хлѣбъ-соль, — сухо промолвилъ Патапъ Максимычъ. — Не безпокойте себя пона-

---

*) Талагàй — болванъ, неучъ, невѣжа.

**) Щѐпетко — щегольски, по-модному, но неловко. Щепетунъ — щеголь, щепетъ — щегольство. Слова эти употребляются въ простомъ народѣ Нижегородской и другихъ поволжскихъ губерній.

прасну, Марья Гавриловна. Ни чаю, ни кофею, ни закусывать мнѣ теперь не охота... И за то благодаренъ, что хлѣбъ-соль моя не забыта.

— Помилуйте, почтеннѣйшій господинъ Чапуринъ, какъ же возможно вашу хлѣбъ-соль намъ позабыть?—молвилъ Алексѣй.— Хоша въ тѣ времена и въ крестьянствѣ я числился, никакого авантажу за собой не имѣлъ, однакожъ забыть того не могу... Справляй, справляй, а ты, Марья Гавриловна... Не можно того, чтобъ не угостить господина Чапурина. Сами у него угощались, и я и ты.

— Пожалуйте, Патапъ Максимычъ, не побрезгуйте нашимъ угощеніемъ. Мы ото всей души, — сказала Марья Гавриловна и вышла.

И Патапу Максимычу и Алексѣю было какъ-то неловко, тягостно. Еще тягостнѣй показалось имъ, когда они остались съ глазу нà глазъ. Молчали, поглядывая другъ нà друга.

— Пароходъ сейчасъ отправилъ, — заговорилъ наконецъ Алексѣй. — Хлопотъ по горло. Извѣстно дѣло — коммерція!.. Насилу отдѣлался.

— Къ Верху побёгъ?.. — чтобы что-нибудь сказать, спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ есть въ аккуратъ, угадали: въ Рыбну, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Съ кладью?

— Неужто погонимъ пустой?.. Не расчетъ-съ!.. На однѣхъ дровахъ обожжешься!.. — съ усмѣшкой промолвилъ Лохматовъ. — Двѣ баржи при «Соболѣ» побѣжали: съ хлѣбомъ одна, другая со спиртомъ. Фрахты нонѣ сходные.

— Чего? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Фрахты, говорю, нонѣ сходные. Двѣнадцать копеекъ съ пуда... Оно, правда, на срокъ, съ неустойкой.

— Фрахты! Вотъ оно чтò! Цѣны значитъ, а я, признаться, сразу-то не понялъ, — слегка усмѣхнувшись, проговорилъ Патапъ Максимычъ.

Не укрылась мимолетная усмѣшка отъ Алексѣева взора. Ровно ужалила она его. И вскипѣло у него яростью сердце на того человѣка, на котораго прежде взглянуть не смѣлъ, отъ кого погибели ждалъ...

— Пожалуйте, Патапъ Максимычъ, — входя въ гостиную, привѣтливо молвила Марья Гавриловна. — Захотѣлось мнѣ въ своихъ горницахъ васъ угостить. Милости просимъ!..

Нахмурился Лохматовъ, кинулъ на жену недружелюбный взоръ, однако всталъ и пошелъ вслѣдъ за ней и за Патапомъ Максимычемъ.

— Ты бы, Марья Гавриловна, амбреемъ велѣла покурить — сказалъ онъ, поднявъ носъ и нюхая изо всей силы воздухъ.— Не то кожей, не то дегтемъ воняетъ... Отъ чего бы это?

Вздрогнулъ и побагровѣлъ весь Патапъ Максимычъ. Отправляясь къ молодымъ, надѣлъ онъ новые сапоги. На нихъ-то теперь съ язвительной усмѣшкой поглядывалъ Алексѣй, отъ нихъ пахло. Не будь послѣзавтра срокъ векселю, сумѣлъ бы отвѣтить Чапуринъ, но теперь дѣлать нечего, — скрѣпя сердце молчалъ.

Усердно потчевала гостя Марья Гавриловна. Но и лянсинъ*), какого не бывало на пирахъ у самого Патапа Максимыча, и заморскія водки, и тонкія дорогія вина, и роскошныя закуски не шли въ горло до глубины души оскорбленнаго тысячника... И кто-жъ оскорбляетъ, кто принижаетъ его?.. Алешка Лохматый, что недавно не смѣлъ глазъ на него поднять. А тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало, распиваетъ себѣ «чиколатъ», уплетаетъ сухари да разны печенья.

— Самый интересный этотъ напитокъ «чиколатъ», — бросилъ онъ небрежно слово Чапурину. — Какъ есть деликатесъ! Попробуйте, почтеннѣйшій!.. Отмѣннѣйшій скусъ, я вамъ доложу... Самый наилучшій — а ла ваниль... У васъ его, кажись, не варятъ?.. Попробуйте...

— Чѣмъ Богъ послалъ, тѣмъ и питаемся, — сдержанно, но злобно промолвилъ Чапуринъ.

— Да вы попробуйте. Грѣшнаго въ эвтомъ «чиколатѣ» нѣтъ ничего. Могу поручиться, — надменно говорилъ Алексѣй. — Марья Гавриловна, подлей-ка еще. Да сама-то что не пьешь?.. Не опоганишься... Чать здѣсь не скиты. Скусный напитокъ, какъ есть а ла модъ. Въ перву статью.

— Не хочется, Алексѣй Трифонычъ, — краснѣя, отвѣтила Марья Гавриловна.

— А ты, глупая бабенка, губъ-то не вороти, проотвѣдай!..— рѣзко сказалъ Алексѣй и затѣмъ громко крикнулъ:—чилаекъ!

Вошелъ слуга. Одѣтъ былъ онъ точь въ точь, какъ люди Колышкина.

— Шенпанскаго! — сказалъ Алексѣй и развалился на диванѣ. — Надо вамъ, почтеннѣйшій господинъ Чапуринъ, поздравить насъ молодыхъ... Стаканы подай, а Марьѣ Гавриловнѣ махонькій бакальчикъ, — во все горло кричалъ онъ вслѣдъ уходившему человѣку.

Въ каждомъ словѣ и въ каждомъ движеньи Алексѣя и видѣлось и слышалось непомѣрное чванство своимъ скоропѣ-

---

*) Высшій сортъ чая.

лымъ богатствомъ. Заносчивость и тщательно скрываемый прежде задорный и свирѣпый нравъ поромовскаго токаря теперь весь вышелъ наружу. Глазамъ и ушамъ не вѣрилъ Чапуринъ, оскорбленная гордость клокотала въ его сердцѣ... Такъ бы вотъ и раскроилъ его!.. Но нельзя — вексель!.. И сдержалъ себя Патапъ Максимычъ, слова противнаго не молвилъ онъ Алексѣю.

На прощаньи обратился не къ нему, а къ Марьѣ Гавриловнѣ.

— Такъ какъ же, сударыня Марья Гавриловна, насчетъ того векселька мы съ вами покончимъ?.. Срокъ послѣзавтра, а вотъ, передъ Богомъ, денегъ теперь у меня въ сборѣ нѣтъ... Все это время крѣпко на ваше слово надѣялся, что на два мѣсяца отсрочку дадите.

— Я, Патапъ Максимычъ, отъ своего слова не отретчица,— быстрый взоръ кидая на мужа, молвила Марья Гавриловна.— И рада-бъ радехонька, да вотъ теперь ужъ какъ онъ рѣшитъ... Теперь ужъ я изъ его воли выйти никакъ не могу. Сами знаете, Патапъ Максимычъ, что̀ такое мужъ означаетъ — супротивъ воли Алексѣя Трифоныча сдѣлать теперь ничего не могу.

— Да вѣдь сами же вы, Марья Гавриловна, тогда, у покойницы Насти на похоронахъ о томъ разговоръ завели... Я не просилъ. Знай я вашу перемѣну, не сталъ бы просить да кланяться...

— Такъ точно, Патапъ Максимычъ. Это какъ есть настоящая правда, что я тогда сама разговоръ завела, — низко склоняя голову, молвила Марья Гавриловна. — Такъ вѣдь тогда была я сама себѣ голова, а теперь воли моей не стало, теперь сама подъ мужниной волей...

— А можетъ статься, Марья-то Гавриловна такое обѣщанье вамъ только для того дала, чтобъ не очепно васъ разстроивать, потому что въ печали тогда находились, схоронивши Настасью Патаповну, — насмѣшливо улыбаясь, съ наглостью сказалъ Алексѣй.

Вспыхнулъ Чапуринъ. Зло его взяло... «Смѣетъ, разбойникъ, имя ея поминать!..» Пламеннымъ взоромъ окинулъ онъ Алексѣя, сжалъ кулаки и чуть слышнымъ, задыхающимся голосомъ промолвилъ:

— Не мнѣ-бъ слушать таки рѣчи, не тебѣ-бъ ихъ говорить!..

Дерзко, надменно взглянулъ Алексѣй, но смутился, не стерпѣлъ, потупилъ глаза передъ гнѣвнымъ взоромъ Чапурина.

— Да вы не безпокойтесь, Патапъ Максимычъ, — робко вступилась Марья Гавриловна. — Богъ дастъ, все какъ слѣ-

дуетъ уладится. Алексѣй Трифонычъ все къ вашему удовольствію сдѣлаетъ.

— Аль забыла, что къ ярманкѣ надо всѣ долги намъ собрать?—грубо и рѣзко сказалъ Алексѣй, обращаясь къ женѣ. — Про что вечоръ послѣ ужины съ тобой толковали?.. Эка память-то у тебя!.. Удивляться даже надобно!.. Теперь отсрочки не то что на два мѣсяца, на два дня нельзя давать... Самимъ на обороты деньги нужны...

Ни саврасокъ не помянулъ, ни христосованья, ни того, что̀ было межъ ними на послѣднемъ прощаньи въ Осиповкѣ.

Но Патапъ Максимычъ ничего не забылъ... Едва держась на ногахъ, молча поклонился онъ хозяйкѣ и, не взглянувъ на хозяина, пошелъ вонъ изъ дому.

Воротясь къ Колышкину, Чапуринъ прошелъ прямо въ бесѣдку. Не хотѣлось ему на людей глядѣть. Но рядомъ съ бесѣдкой возился въ цвѣтникахъ Сергѣй Андреичъ

— Что̀, крестный, не веселъ, голову повѣсилъ?—крикнулъ онъ, не покидая мотыги.

Не отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. Разъярился ужъ очень, слова не могъ сказать...

Разговорилъ-таки его Сергѣй Андреичъ. Мало-по-малу разсказалъ Патапъ Максимычъ и про вексель и про подарки, сдѣланные имъ Алексѣю, про все разсказалъ, кромѣ тайнаго позора Насти покойницы.

— Вѣшать мало такихъ!..—вспыхнувъ отъ гнѣва, воскликнулъ Колышкинъ. — А она-то, она-то!.. Эхъ, Марья Гавриловна, Марья Гавриловна!.. Бить-то тебя, голубушка, некому!.. Понятно, зачѣмъ деньги ему въ наличности нужны — году не пройдетъ, обдеретъ онъ ее до послѣдней рубашки, а тамъ и пуститъ богачку по̀ міру... Помяни мое слово... А каковъ хитрецъ-отъ!.. И мнѣ вѣдь спервоначалу складнымъ человѣкомъ казался... Поди ты съ нимъ!.. Правду говорятъ: не спѣши волчонка хвалить, дай зубамъ у сѣраго вырасти... Плюнь на него, крестный. Забудь, что есть на свѣтѣ такой человѣкъ.

— До смертнаго часу не забыть мнѣ его!.. Посрамитель онъ мой!..

Колышкинъ думалъ, что Патапъ Максимычъ насчетъ векселя говоритъ. Потому и сказалъ:

— Какой же онъ тебѣ посрамитель? Времени хоть немного, а Богъ дастъ управимся... А ему посрамленіе будетъ... И на пристани и на биржѣ всѣмъ, всѣмъ разскажу, каковъ онъ есть человѣкъ, можно-ль къ нему хоть на самую малость довѣрія имѣть. Все разскажу: и про саврасокъ, и про то, какъ долги его отцу со счетовъ скинуты, и сколько любилъ ты его, сколько

жаловалъ при бѣдности... На грошъ ему не будетъ вѣры... Всучу щетинку, кредита лишу!

— Не дѣлай такъ, Сергѣй Андреичъ... Зачѣмъ?.. Не вороши!.. — все про Настю думая и пуще всякаго зла опасаясь безстыдныхъ рѣчей Алексѣя, молвилъ Чапуринъ. — Ну его!.. Разъ деньги на подрядъ мнѣ понадобились... Денегъ надо было немало... Пошелъ я въ гостиный... поклонился купечеству — разомъ шапку накидали... Авось и теперь не забыли... Пойду!..

И пошелъ-было.

— Стой, крестный, не спѣши. Поспѣшишь — людей насмѣшишь, — молвилъ Сергѣй Андреичъ, удерживая его за̀ руку. — Подожди до утра — сегодня ли, завтра ли деньги собрать, все едино: платежъ-отъ послѣзавтра еще... Отдохни, спокойся, а я, пообѣдавши, кой-куда съѣзжу... Много-ль при тебѣ денегъ теперь?

— Трехъ тысячъ не будетъ... Если сейчасъ же въ Городецъ да въ Красну Рамень послать, столько-жъ еще-бъ набралось, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— У меня... кой-что въ кассѣ найдется... Вотъ что̀, крестный: до завтра изъ дому ни шагу!.. Слышишь?.. И до себя никого не допускай — дома, молъ, нѣтъ. А теперь обѣдать давай — здѣсь, на вольномъ воздухѣ, пожуемъ самъ-другъ...

— Хлопотать надо мнѣ, Сергѣй Андреичъ, — промолвилъ Чапуринъ.

— Я буду хлопотать, а ты сиди дома, точи веретёна, — перебилъ Колышкинъ. — И хозяйкѣ моей не кажись — вишь какой ты разстроенный!.. Не надо такимъ въ люди казаться... То дѣло, Богъ дастъ, обойдется и ввѣкъ не помянется, а увидять тебя этакимъ, толки зачнутся да пересуды, наплетутъ и невѣсть чего — и, что̀ ни придумаютъ, ввѣкъ того не забудуть... Сиди же дома, крестный... Слышишь?..

— Ладно, — упалымъ голосомъ, жалобно промолвилъ Патапъ Максимычъ и молча стала смотрѣть на рѣку.

Послѣ обѣда Сергѣй Андреичъ куда-то надолго уѣхалъ.

Поздно вечеромъ онъ воротился. Патапъ Максимычъ сидѣлъ на приступкахъ бесѣдки, подпершись локтями и закрывъ лицо ладонями.

— Ну что̀, крестный? — весело спросилъ его Сергѣй Андреичъ.

— Ничего, думалъ все... — уныло проговорилъ Патапъ Максимычъ.

— Про что-жъ такъ невесело раздумывалъ? Неужто все про Алешку непутнаго? — спросилъ Колышкинъ

— О словѣ писанія размышлялъ я, Сергѣй Андреичъ, — садясь на скамейку, отвѣтилъ: — «Овымъ подобаетъ расти, овымъ же малитися...» Такъ оно и выходитъ... Каковъ я былъ до сего человѣкъ!.. Возносился паче мѣры, на всякаго смотрѣлъ свысока... И смирилъ меня Господь за треклятую гордость... Не отъ сильнаго-могучаго, не отъ знатнаго, отъ властнаго — отъ своего страдника-работника, отъ наймиста *) принялъ я поношеніе, потерпѣлъ униженіе!.. Слётышъ, матерно молоко на губахъ не обсохло, а клони передъ нимъ сѣдую голову... Ему расти, мнѣ же малитися!.. Что-жъ?.. Господня воля!.. Благо ми, яко смирилъ мя еси, Господи!.. Да это что? Трынъ-трава!.. Зналъ бы ты сердце мое, Сергѣй Андреичъ, вѣдалъ бы думы мои сокровенныя!.. — порывисто вскликнулъ Чапуринъ и чуть не выдалъ завѣтной тайны своей...

— Да что это, крестный, съ тобою? Приди въ себя, образумься!.. — молвилъ изумленный Сергѣй Андреичъ.

А изумился оттого, что замѣтилъ слезу на сѣдой бородѣ Патапа Максимыча. Въ другой только разъ видѣлъ онъ слезы крестнаго. Впервые видѣлъ ихъ на Настиныхъ похоронахъ.

— Спокойся, крестный!.. Перестань!.. — уговаривалъ его Колышкинъ. — На что это похоже?..

— Ты что?.. — вскочивъ со скамьи и быстро поднявъ голову, вскрикнулъ Патапъ Максимычъ. — Думаешь, вотъ, дескать, какой кряжъ свалился?.. Отъ векселя, думаешь?.. Не помышляй того, Сергѣй Андреичъ... Эхъ, другъ мой сердечный, — примолвилъ онъ грустно, опуская голову и опять садясь на скамейку: — какъ Волги шапкой не вычерпаешь, такъ и слезъ моихъ уговорами не высушишь!.. Одинъ бы ужъ, что ли, конецъ — смерть бы, что ли, Господь послалъ!..

Долго съ сердечной любовью разговаривалъ его Колышкинъ, увѣряя, что деньги завтра будутъ готовы, но это не успокоило Патапа Максимыча... Настина тайна въ рукахъ страдника — вотъ что до самаго дна мутило душу его, вотъ что горемъ его сокрушало... Не пригрозишь теперь богачу, какъ грозилъ дотоль нищему.

— Нѣтъ, ужъ ты, ради Бога, освободи меня, Сергѣй Андреичъ, — сказалъ наконецъ Патапъ Максимычъ. — Изнемогъ я... Дай одному съ печалью остаться, подь отсель, оставь меня одного... Дай надуматься... А какой я допрежъ сего столпъ былъ неколебимый... Помнишь?.. Никого не боялся, ничего не страшился!.. Шатнуло горе, свихнуло!.. Глядя на меня, по-

*) Наемный работникъ, также наемный охотникъ въ солдаты.

учайся, Сергѣй Андреичъ, познай, какъ человѣку подобаетъ молиться... Божій законъ!.. Господне опредѣленье!..

— Эхъ, крестный, крестный!.. Да стóитъ ли Алешка Лохматовъ такого горя-унынія? — съ сердечнымъ участіемъ молвилъ Сергѣй Андреичъ. — Зачѣмъ безнадежишь себя?.. Богъ не безъ милости. Дѣло не пропащее... Уладимъ, Богъ дастъ... А тебѣ бы въ самомъ дѣлѣ хорошо одному побыть... Прощай... Утро вечера мудренѣе... Помнишь, какъ ребятишкамъ бабы сказки сказываютъ? И я скажу тебѣ, чтò въ сказкахъ говорится: «чтò тебѣ отъ меня будетъ сдѣлано, то будетъ не служба, а службишка, спи-почивай до утрà — утро вечера мудренѣе».

И неспѣшнымъ шагомъ пошелъ изъ саду вонъ.

Не беретъ сонъ Патапа Максимыча. Сидитъ на скамьѣ, у самаго края кручи, чтò отвѣсной стѣной стоитъ надъ нижнимъ городомъ и рѣкою... Другая ночь безо сна... Не доводилось прежде испытывать такой безсонницы Патапу Максимычу... Далекò было зà полночь, заря занялась надъ горами, погасли огни пароходовъ, говоръ и гомонъ зачался на рѣкахъ и на набережныхъ, когда, удрученный горемъ, сломленный въ своей гордости, ушелъ Чапуринъ въ бесѣдку... Заперъ онъ дверь изнутри, опустилъ въ окнахъ занавѣси, вынулъ изъ чемодана образъ Спаса Нерукотвореннаго, поставилъ его на столикѣ и затеплилъ восковую свѣчу... Солнце давно ужъ играло золотистыми лучами по синеватой переливчатой ряби, чтò подернула широкое лоно Волги, и по желтымъ струямъ Оки, давно раздавались голосà на судахъ, на пристани и на улицахъ люднаго города, а Патапъ Максимычъ все стоялъ на келейной молитвѣ, все еще клалъ земные поклоны передъ ликомъ Спаса милостиваго.

Молитва успокоила взволнованную душу, поклоны утомили тѣло, онъ прилегъ... И пришелъ благодатный сонъ и держалъ его почти до полудня.

Только проснулся Патапъ Максимычъ, съ радостнымъ видомъ Колышкинъ въ бесѣдку вошелъ.

— Здравствуй, крестный, здоровъ ли, родной? — весело спросилъ онъ Чапурина.

— Заспался грѣхомъ, не обезсудь, — промолвилъ Патапъ Максимычъ, зѣвая. — Всю ночь напролетъ на волосъ не уснулъ. Къ раннимъ обѣднямъ звонили, какъ я задремалъ... Полдни никакъ?.. Экъ я!.. Сроду того не бывало.

— А вотъ говорится пословица: «долго спать — съ долгомъ встать». Къ тебѣ она не подходитъ, — улыбаясь, молвилъ Колышкинъ.

— Какъ не подходитъ? Ко мнѣ-то больше всего и подходитъ, — возразилъ Чапуринъ.

— Анъ нѣтъ, — сказалъ на то Сергѣй Андреичъ. — Сряжайся скорѣй, ступай къ разбойнику... Вотъ деньги. Ни въ Красну Рамень ни въ Городецъ посылать не надо, и твои три тысячи пускай при тебѣ остаются... Получай двадцать тысячъ.

И положилъ передъ нимъ пачки бумажекъ.

— Спѣши къ Алешкѣ-то, покамѣстъ на биржу не отъѣхалъ, — торопилъ Сергѣй Андреичъ Чапурина. — Брякнетъ, пожалуй, тамъ, завтра, молъ, вексель на Чапурина подаю ко взысканью. Тогда хоть и расплатишься, а говоръ да слава пойдутъ... Скорѣе, крестный, скорѣй!..

— Деньги-то откуда? — хмурясь, спросилъ у Колышкина Патапъ Максимычъ.

— Мои, — тотъ отвѣчалъ. — Тебѣ какое дѣло — откуда?..

— Твои? Самъ вечоръ говорилъ, что ты не при деньгахъ, — молвилъ Чапуринъ.

— Торговое дѣло! Сегодня при грошѣ, завтра въ барышѣ, — улыбаясь, отвѣтилъ Сергѣй Андреичъ.

— Да я, право, не знаю... — колебался Чапуринъ.

— Ты что̀ это вздумалъ?.. — горячо заговорилъ Сергѣй Андреичъ. — Сочти-ка, много-ль разъ ты изъ петли меня вынималъ, сколько отъ тебя я видѣлъ добра? Безъ тебя давно бы нищимъ я былъ. Алешка что-ль я, чтобъ не помнить добра?.. Неси скорѣй — долгъ платежомъ красёнъ.

И, какъ ни упирался Патапъ Максимычъ, заставилъ его взять деньги и спѣшить къ Марьѣ Гавриловнѣ.

Алексѣй Трифонычъ на пристань сбирался, когда пришелъ Патапъ Максимычъ. Вышла къ нему Марья Гавриловна, блѣдная, смущенная, съ покраснѣвшими глазами — не то плакала, не то ночь не спала.

— Съ добрымъ утромъ, сударыня Марья Гавриловна, — сдержанно молвилъ Чапуринъ.

— Благодарю покорно, Патапъ Максимычъ, — какимъ-то упалымъ, грустнымъ голосомъ проговорила она. — Садиться милости просимъ.

— Сидѣть некогда мнѣ, сударыня... Не гостины гостить, по дѣлу пришелъ. Принесите-ка мой векселекъ, а я денежки вамъ сполна отсчитаю.

— Что̀ это вы такъ много безпокоитесь, Патапъ Максимычъ? Напрасно это... — перебирая въ рукахъ носовой платокъ, молвила Марья Гавриловна и съ чего-то вся покраснѣла.

— Какъ же, матушка, не безпокоиться? Завтра вѣдь деся-

тое число — срокъ. Не заплачу̀ сегодня, завтра толки пойдутъ. А вы сами знаете, каково это торговому человѣку, — говорилъ Патапъ Максимычъ. — Нѣтъ, ужъ сдѣлайте такое ваше одолженіе, не задерживайте — на пристань идти пора.

— Обождите маленечко, Патапъ Максимычъ, — подавляя тяжелый вздохъ, молвила Марья Гавриловна. — Вексель у мужа — сейчасъ принесу.

И, потупя глаза, медленной походкой вышла изъ комнаты. Оставшись одинъ, въ думы Чапуринъ вдался. «Вексель у мужа!.. И все у него — всѣ капиталы, — думалъ онъ. — Эхъ, Марья Гавриловна!.. Недѣли не прошло со свадьбы, а глаза-то ужъ наплаканы!.. Слава Тѣ, Господи, что не досталась ему Настя голубушка!.. Въ какую-было пропасть задумалъ я кинуть ее!.. Но Господь знаетъ, что̀ дѣлаетъ... Раннюю кончину сердечной послалъ, избавилъ отъ тяжкой доли, отъ мужа-лиходѣя... Нѣсть ни конца ни предѣла премудрости Твоей, Господи!.. Жалко голубушку, жаль мою ластовку, а раздумаешь, воздашь хвалу Создателю... Людскую нашу дурость кроетъ Его святая премудрость... Не зачалъ бы только злодѣй плести на покойницу... Голову сверну!.. Хлещи меня палачъ на площади!.. На каторгу пойду, а только заикнись онъ у меня, только ротъ разинь — простись съ вольнымъ свѣтомъ!.. А насчетъ долговъ — заклятье даю... не подъ силу подрядовъ не брывать, ни у кого большихъ денегъ не займовать!.. Ни у кого: ни у Сергѣя Андреича, ни у кума Ивана Григорьича, зятя Богъ дастъ — у того не возьму... Проучили!.. А что-то зятекъ мой надуманный?.. Не ѣдетъ... Съ келейницами хороводится!.. О, чтобъ ихъ!.. А покончивъ дѣло, все-таки надо къ губернатору побывать — насчетъ скитовъ поразвѣдать».

Влетѣлъ Алексѣй Трифонычъ, разряженный въ пухъ и прахъ. За нимъ робкой поступью выступала скорбная Марья Гавриловна. Вексель былъ въ рукахъ Алексѣя.

— Наше вамъ наиглубочайшее, почтеннѣйшій господинъ Чапуринъ! Честь имѣю вамъ кланяться, — сказалъ онъ свысока̀ Патапу Максимычу.

Научился Лохматый моднымъ словамъ отъ маклера Олисова да въ купеческомъ клубѣ, гдѣ въ трынку сталъ шибко поигрывать. Много новыхъ рѣчей заучилъ; за Волгой такихъ и не слыхивалъ.

— Денежки привезли? Милости просимъ садиться — денежкамъ завсегда мы ради, — кобенясь и потирая руки, проговорилъ Алексѣй Трифонычъ.

Не взглянувъ на него, Патапъ Максимычъ положилъ деньги на столъ и сказалъ безмолвной Марьѣ Гавриловнѣ:

— Сочтите!..

Считать сталъ Алексѣй. Каждую бумажку на свѣтъ разглядывалъ.

— Можетъ, отъ отца Михаила которыя получали, — язвительно улыбнувшись, промолвилъ онъ. — Ихнее дѣло кончается, — прибавилъ онъ какъ бы мимоходомъ: — всѣхъ вашихъ пріятелей въ каторгу.

Вскочилъ съ креселъ Патапъ Максимычъ... Но сдержался, одумался, слова не вымолвилъ... И послѣ того не разъ дивился, какъ достало ему силы сдержать себя.

— Вѣрно-съ,—кончивъ перечетъ, сказалъ Алексѣй. И, надорвавъ вексель, подалъ Патапу Максимычу.

Молча поклонился Чапуринъ Марьѣ Гавриловнѣ и, не взглянувъ на Лохматаго, пошелъ вонъ.

Алексѣй за нимъ.

— По чести надо разсчитаться, почтеннѣйшій Патапъ Максимычъ, — сказалъ онъ ему. — Процентовъ на вексель мы не причли-съ... Двѣнадцать годовыхъ, сами знаете, меньше не водится, а что̀ отъ васъ я лишковъ получилъ, лошаденокъ въ тотъ же счетъ ставлю — по моему счету ровно столько же сто̀итъ. Значитъ, мы съ вами въ полномъ расчетѣ.

И протянулъ-было руку Патапу Максимычу.

Но тотъ задыхающимся голосомъ, шопотомъ сказалъ ему:

— Богъ съ тобой!.. Только помни уговоръ... Скажешь неподобное слово про покойницу — живу не быть тебѣ!..

И быстрыми шагами пошелъ вонъ изъ дому.

— Будьте покойны, почтеннѣйшій господинъ Чапуринъ... Насчетъ женщинъ, тѣмъ паче дѣвицъ, худыя рѣчи говорить неблагородно. Это мы сами чувствуемъ-съ, — говорилъ Алексѣй Трифоновичъ вслѣдъ уходившему Патапу Максимычу.

Пошелъ назадъ, и бывалый, внутренній голосъ опять прозвучалъ: «отъ сего человѣка погибель твоя!..»

«Грозенъ сонъ, да милостивъ Богъ»,—подумалъ Алексѣй и, завидя проходившую Таню, шаловливо охватилъ гибкій, стройный станъ ея.

— Да отстаньте же! — съ лукавой усмѣшкой молвила Таня, ловко увертываясь отъ Алексѣя. — Марьѣ Гавриловнѣ скажу!..

Глава восемнадцатая.

На Казанскую въ Манефиной обители матери и бѣлицы часы отстояли и пошли въ келарню за трапезу. Петръ Степанычъ тоже въ келарню зашелъ и, подавъ Виринеѣ сколько-то денегъ, попросилъ ее, чтобъ всѣхъ обительскихъ медомъ

сычёнымъ или рейнскимъ виномъ «учредили» и чтобъ приняли то за здравіе раба Божья Прокофья.

— Это мнѣ двоюродный братецъ, — сказалъ Самоквасовъ. — Сегодня онъ именинникъ.

— Такъ точно, сударь Петръ Степанычъ, — добродушно сказала на то Виринея. — Сегодня совершаемъ память праведнаго Прокопія, Христа ради юродиваго, устюжскаго чудотворца... Такъ впрямь братца-то вашего двоюроднаго Прокофьемъ зовутъ? А, кажись, у Тимоѳея Гордеича, у твоего дяденьки, сына Прокофья не было?..

— Онъ мнѣ по матушкѣ-покойницѣ двоюроднымъ доводится, — сказалъ Петръ Степанычъ и ни капельки не покраснѣлъ, даромъ что никакого брата Прокофья сроду у него не бывало.

— Благодаримъ покорно, сударь Петръ Степанычъ. Благодарите, матери: Петръ Степанычъ на сегодняшнюю нашу трапезу особое учрежденіе поставляетъ. Помяните за здравіе братца его двоюроднаго Прокопія, — проговорила Виринея, обращаясь къ сидѣвшимъ за столами.

— Благодаримъ васъ покорно, Петръ Степанычъ, — вставъ со скамей и низко кланяясь Самоквасову, въ одинъ голосъ проговорили старицы и бѣлицы.

— А теперь, матушка, — тихонько сказалъ Самоквасовъ Виринеѣ: — такъ какъ вы остались въ обители старшею, благословите ужъ и трудничковъ-то на работномъ дворѣ угостить.

— Богъ благословитъ, — съ довольствомъ улыбаясь, отвѣтила мать Виринея. — Экій ты добрый какой, — прибавила она, гладя рукой по плечу Петра Степаныча.

Угостились трудники Манеоины, угостились и трудники Бояркины, чествуя небывалаго именинника. Пили чашу мертвую, непробудную, къ вину приходили на двухъ, уходили на всѣхъ четырехъ. До утра ровно неживые лежали и на утрѣ какъ слѣпые щенята бродили.

Успокоивъ трудниковъ, за дѣло принялся Петръ Степанычъ. Уложивъ въ телѣжку свои пожитки и Парашины чемоданы, поѣхалъ онъ изъ обители. Прощаясь съ Таисеей, сказалъ, что ѣдетъ въ губернскій городъ на недѣлю, а можетъ, и больше. Заѣхавъ за перелѣсокъ, поворотилъ онъ въ сторону и поставилъ лошадей въ кустахъ. Вскорѣ подошли къ нему Семенъ Петровичъ съ Васильемъ Борисычемъ.

На Васильѣ Борисычѣ лица не было. Безгласенъ, чуть не бездыханенъ, медленными шагами подвигался онъ къ Самоквасову, идя объ руку съ саратовскимъ пріятелемъ. Поблекшія и посинѣвшія губы его трепетно шептали: «исчезоша

яко дымъ дни мои... отъ гласа воздыханія моего прильпе кость моя плоти моей, уподобихся неясыти пустынному, быхъ яко вранъ нощный на нырищи»... Бѣжать бы, но сильна, крѣпка рука саратовца — не увернешься, да и бѣжать-то ужъ некогда.

— Ну, женихъ, садись скорѣе, — торопливо сказалъ ему Петръ Степанычъ. — Скорѣй, скорѣй!

— Охъ, искушеніе!.. — жалобно вздохнулъ Василій Борисычъ. — Хоть повременили бы маленько, съ духомъ бы, что ли, дали собраться.

— Нечего тутъ раздабаривать. Сажай его, Семенъ Петровичъ, — крикнулъ Самоквасовъ. — Да не привязать ли кушакомъ руки къ задку-то? Неравно выскочитъ...

— У меня не выскочитъ, — молвилъ саратовецъ, усаживая Василья Борисыча въ самоквасовскую телѣжку, а самъ садясь съ нимъ рядкомъ.

И кони во весь опоръ помчали легкую телѣжку вдоль по гладкой дорожкѣ.

Немного прошло времени, какъ вдали показались ямщицкія тройки. Впереди ѣхалъ въ тарантасѣ удалой Ѳедоръ. На телѣгахъ сидѣло десять молодцовъ, всѣ въ одинакихъ красныхъ рубахахъ. Подъѣхавъ къ Самоквасову, они-было загорланили.

— Тише! Услышать могутъ, — остановилъ ихъ Петръ Степанычъ. — Давай шапку да рубаху, — молвилъ онъ Ѳедору.

Вынулъ Ѳедоръ изъ-подъ сидѣнья красну кумачову рубаху, такую же точно, какія были на ямщикахъ. Скинувъ верхнее платье, Самоквасовъ надѣлъ.

— Шапки! — сказалъ онъ.

Вытащили изъ телѣгъ зимнія мерлушчатыя шапки, нахлобучили ихъ себѣ на головы. Такая же шапка и Самоквасову на долю досталась. Лица завязали платками и пошли въ перелѣсокъ... У лошадей осталось двое.

Черезъ четверть часа вдали визгъ и женскіе крики послышались. Громче всѣхъ слышался хриплый голосъ матери Никаноры:

— Матушки, украли!.. Владычица, украли!..

Затрещали кусты можжевеловые подъ ногами десятка удалыхъ молодцовъ. Бѣгомъ бѣгутъ къ лошадямъ, на рукахъ у нихъ съ ногъ до головы большими платками укрытая Прасковья Патаповна. Не кричала она, только охала.

Посадили ее въ тарантасъ, Самоквасовъ на облучокъ вскочилъ. — «Айда», — зычнымъ голосомъ крикнулъ онъ ямщикамъ. Тарантасъ полетѣлъ по дорогѣ къ Свиблову, за нимъ

телѣги съ поѣзжанами въ красныхъ рубахахъ и въ зимнихъ шапкахъ.

Кто по дорогѣ ни встрѣтится, всякъ остановится, съ любопытствомъ посмотритъ на поѣздъ и проводитъ его глазами, поколь изъ виду не скроется.

— Дѣвку выкрали! — спокойно промолвитъ прохожій и пойдетъ своимъ путемъ, не думая больше о встрѣчѣ. Дѣло обычное. Кто въ лѣсахъ за Волгой свадебъ уходомъ не видывалъ?..

Собираясь гулять за Каменный Вражекъ, чтобъ потѣшить дорогую гостью обительскую, Фленушка созвала много бѣлицъ. Были свои, отъ Жжениныхъ были, отъ Бояркиныхъ. Мать Никанора съ ними пошла да еще мать Лариса.

Ягоды сбирали, цвѣты на полянѣ рвали, и когда на травѣ засырѣло, большіе платки разостлали и расѣлись на нихъ. Фленушка такъ и разсыпалась шутками да прибаутками, кажется, никогда еще такой веселой она не бывала. Повеселѣли бѣлицы, хохотали до упаду отъ затѣйныхъ разсказовъ Флены Васильевны, улыбались даже строгія, степенныя матери. Одна Марьюшка сидѣла нахмурившись, да Параша не то дремала, не то задумалась. Увивалась за ней Никанора, ласкалась Лариса, но богатая дочка тысячника только улыбалась имъ, но не сказала ни слова.

За веселымъ хохотомъ ни матери ни бѣлицы не слыхали, что возлѣ лужайки, гдѣ сидѣли онѣ, вдругъ захрустѣли въ перелѣскѣ сухіе сучья валежника, зашуршали раздвигаемые кусты можжевельника и молодой осиновой поросли.

Выскочили изъ лѣса десять парней въ красныхъ рубахахъ и нахлобученныхъ на самые глаза шапкахъ, съ лицами, завязанными платками. Взвизгнули дѣвицы, градомъ брызнули во всѣ стороны, заголосили матери, пуще всѣхъ кричала и суетилась Флена Васильевна.

Петръ Степанычъ стрѣлой подбѣжалъ къ Парашѣ, охватилъ ее поперекъ. Удальцы схватили брошенные на лужайкѣ платки, мигомъ окутали въ нихъ невѣсту, схватили ее на руки и помчали въ перелѣсокъ. Оглянуться не успѣли матери съ бѣлицами, какъ сгибла, пропала Параша отецкая дочь...

Чуть не полпути проскакалъ свадебный поѣздъ, пока бѣлицы да матери, послѣ долгихъ криковъ, задорной перебранки, отчаянныхъ оханій и причитаній, добрались наконецъ до обители. Какъ завидѣла рябая звонариха Катерина часовню, благимъ матомъ къ ней кинулась и, взбѣжавъ на паперть, изо всей мочи принялась колотить въ «било» и «великое

древо», въ «малое древо» и въ желѣзное «клепало», и колотила въ нихъ безъ толку, какъ попало. Такъ въ скитахъ тревогу бьютъ. Весь Комаровъ переполошился, думали — горитъ у Манеѳиныхъ, сбѣжались бѣлицы и старицы изо всѣхъ обителей, иныя на всякій случай съ ведрами прибѣжали, но съ ужасомъ узнали, что иная бѣда приключилась: матери отъ Игнатьевыхъ и другихъ несогласныхъ съ Маневой обителей сначала съ злорадствомъ приняли вѣсть, но тотчасъ одумались и крѣпко прикручинились. Знали, какова сила у Патапа Максимыча, знали и то, что не на одну сестрину, а на всѣ обители теперь онъ разлютуется. А при грозныхъ обстоятельствахъ, скопившихся надъ скитами, это было хуже всего на свѣтѣ. И принялись чужія матери немилосердно ругать матерей Манеѳиныхъ, Никанору съ Ларисой особенно, что не могли ухоронить Прасковьи Патаповны. Тѣ даже не оправдывались — присѣли на ступенькахъ келарни и горько плакали, причитая:

— Пропали теперича наши головушки!.. Погинули наши побѣдныя!.. Ужъ и какъ-то намъ вину сказать?.. Ужъ и какъ-то намъ отвѣтъ держать?

Фленушка съ Марьюшкой ушли въ свои горницы, а другія бѣлицы, что ходили гулять съ Прасковьей Патаповной, на дворѣ стояли и тоже плакали. Пуще всѣхъ ревѣла, всѣхъ голосистѣй причитала Варвара, головщица Бояркиныхъ, ключница матери Таисеи. Она одна изъ Бояркиныхъ ходила гулять къ перелѣску, и когда мать Таисея узнала, что случилось, не разобравъ дѣла, кинулась на свою любимицу и такъ отхлестала ее по щекамъ, что у той все лицо раздуло.

Догадалась наконецъ мать Виринея.

— Погоню, матери! — закричала она. — Погоню скорѣй разослать по всѣмъ сторонамъ. Изловить ихъ, разбойниковъ!..

Бросились къ работной избѣ — трудники всѣ до единаго безъ заднихъ ногъ лежатъ; бросились къ Бояркинымъ, тамъ ни отъ кого изъ мужиковъ ни гласу ни послушанія: побѣжали къ Игнатьевымъ, къ Глафиринымъ, тамъ все пьянымъ-пьянехонько. Чрезъ Таисѣина конюха ухитрился Петръ Степанычъ во всемъ Комаровѣ мужчинъ споить.

Рябая звонариха поголоситъ-поголоситъ, да опять за свою работу — въ набатъ колотитъ. Заслышавъ тревогу, прибѣжали мужики, бабы изъ Гонжина, изъ Елфимова и другихъ недальнихъ деревень.

Чуть не въ ноги имъ кланяются матери, Христомъ Богомъ молятъ, денегъ сулятъ, виномъ потчуютъ, скачите только, ро-

димые, во всѣ стороны, отбейте у невѣдомыхъ воровъ Прасковью Патаповну.

— Поздненько хватились, матери, — говорятъ мужики.

Ни отъ вина ни отъ денегъ они бы не прочь, да время больно опоздано, ни на какихъ скакунахъ теперь воровъ не догнать.

— Еще солнышко-то не сѣло, говорите вы, матушка? — спрашивалъ Никанору ронжинскій парень ростомъ въ косую сажень, съ краснымъ лицомъ и со страшными кулачищами. Очень подмывало его въ погоню скакать. Хоть отбить не отобьютъ, по крайности можно будетъ подраться, потѣшиться.

— Нѣтъ еще, родной, не сѣло въ ту пору, выше дерева стояло,—хныкая, отвѣтила ему Никанора.

— Не догонишь,—досадливо молвилъ ронжинскій силачъ.— Теперь больше, поди, десяти верстъ ускакали.

— Да что̀ намъ?.. Какое дѣло?.. — ввернулъ свое слово хило̀й мужичонка елфимовскій. — Не нашу дѣвку выкрали. Охота въ чужомъ пиру похмелье примать!

— А ты молчи, коли Богъ убилъ, — огрызнулся на него ронжинскій парень. — Извѣстно, не тебѣ въ погоню гнать— тебя люба дѣвка щелчкомъ пришибетъ.

Мужики захохотали, елфимовецъ озлился, и пошла у нихъ перебранка, чуть не до драки дошло.

Безъ ма̀ла до самой полно̀чи толковало сходбище на обширномъ дворѣ Манеѳиной обители. Судили-рядили, кто бы такой могъ выкрасть Прасковью Патаповну. На того думали, на другого, о московскомъ послѣ въ голову никому не могло придти. Вспомнили однако про него. Мать Виринея первая хватилась благопріятеля.

— А чтой-то не видать Василья Борисыча? — молвила она.—У тебя, что ли, онъ, матушка Таисѐя?.. Что̀ не придетъ?.. Совѣтъ бы полезный намъ далъ.

Всхлипывая и поддерживая рукой лѣвую щеку, сказала на то побитая своей игуменьей Варварушка:

— Да они давеча тотчасъ послѣ тра̀пезы въ городъ уѣхали, всѣ трое: онъ, Петръ Степанычъ и Семенъ Петровичь. Сказывали: завтра-де къ вечеру воротимся.

— Петръ Степанычъ одинъ со двора съѣхалъ, онъ въ городъ на недѣлю отъѣхалъ... — сурово молвила ей мать Таисѐя.

— Василій Борисычъ съ Семеномъ Петровичемъ пѣшкомъ пошли, говорили, что маленько пройтись имъ охота, до Ронжинскаго поля хотѣли идти, а тамъ къ Петру Степанычу въ тележку сѣсть да всѣмъ вмѣстѣ ѣхать.

— Видѣлъ я пѣвуна-то вашего. Въ встрѣчу попали за пѣнимъ полемъ, туда къ Клопихѣ,—сказалъ одинъ изъ ронжинскихъ мужиковъ.— Съ нимъ не то одинъ, не то двое сидѣло, не упомню что-то, сколь ихъ было тутъ...

— Ну, они и есть,—молвила мать Таисѣя. — А вѣдь не сказался... Экій, право, какой.

Всю ночь не спалось матерямъ и бѣлицамъ въ Манеѳиной обители. Какъ-то будутъ отвѣтъ держать передъ матушкой, какъ-то вѣдаться съ Патапомъ Максимычемъ? Подъ утро съ Никанорой бредъ даже сдѣлался, въ горячкѣ слегла... А мать Лариса стала-было передъ иконами на келейное правило, но умъ мятется, тревожные помыслы обуреваютъ старицу... Вздумала успокоиться, вынула изъ шкапчика бутылочку, да такъ нагрузилась сердечная, что, думая да передумывая, какъ достанется ей отъ Манеѳы, а пуще того отъ Патапа Максимыча, рѣшила удавиться. Хорошо, что за перегородкой евангельская дщерь ея, рябая звонариха Катерина, была. Услышавъ необычайную возню, заглянула она за дверь и увидѣла, что мать евангельская петлю себѣ на шею накинула... Вытащила ее звонариха и повалила на постель, какъ чурбанъ какой. Мать Лариса заснула, и долго вокругъ кельи ея раздавался такой богатырскій храпъ, какимъ одинъ только Патапъ Максимычъ умѣлъ храпѣть.

Фленушка тоже всю ночь не спала. Запершись на крюкъ, всю ночь просидѣла она на постели и горько-горько проплакала, держа въ рукахъ золотое колечко. То было подаренье Петра Степаныча.

Совсѣмъ ужъ смерклось, когда свадебный поѣздъ примчался въ Свиблово. Взмыленныя отъ быстрой ѣзды лошади въѣхали прямо къ попу во дворъ. Сушила въ новой суконной рясѣ, съ вышитымъ шерстями поясомъ, радостно и весело встрѣтилъ пріѣхавшихъ. Близится часъ, когда его никуда негодныя половинки претворятся въ давно желанный капиталъ, и онъ по хозяйству во всемъ исправится, дочку замужъ выдастъ, семинаристамъ своимъ хорошія квартиры въ городу̀ найметъ. Дай только Богъ благополучно покончить все, помѣхи бы грѣхомъ не случилось.

— Вотъ и женихъ нашъ Василій Борисычъ, московскій купецъ, — сказалъ Самоквасовъ Сушилѣ, подводя къ нему до полузабвенья смущеннаго Василья Борисыча.

Отецъ Родіонъ поднялъ-было руки на благословеніе, но спросилъ жениха:

— Пріемлете?

Ровно отъ раскрытой пасти ядовитой змѣи отпрянулъ отъ попа Василій Борисычъ.

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ! не надо, не надо!.. Не пріемлемъ,—вскричалъ онъ.

— Какъ вамъ угодно, — холодно, но съ язвительной усмѣшкой молвилъ Сушила.—Садиться милости просимъ.

Сѣлъ Василій Борисычъ. Рядомъ съ нимъ Семенъ Петровичъ... У него въ послѣдніе дни въ привычку вошло крѣпко держать жениха за руку—грѣхомъ не убѣжалъ бы.

Пока Самоквасовъ изъ красной рубахи переодѣвался въ свое платье, пока невѣста, съ помощью попадьи, ея большой дочери и нанятой Сушилой молодицы, одѣвалась въ шелковое платье, отецъ Родіонъ позвалъ дьячка Игнатья да понамаря Ипатья и сталъ писать обыскъ о повѣнчаніи московскаго купца Василья Борисова съ дочерью государственнаго крестьянина, дѣвицей Параскевой Патаповой, дочерью Чапуриной.

Сильно дрожала рука у бѣднаго жениха, когда подписывался онъ подъ обыскомъ. Подписавши, тяжело вздохнулъ Василій Борисычъ и громко промолвилъ завѣтное свое:

— Охъ, искушеніе!

Вышла радостью сіявшая, въ пухъ и прахъ разряженная невѣста. Нимало не смущаясь, подписалась она въ книгѣ. Послѣ нея подписались Самоквасовъ съ Семеномъ Петровичемъ, какъ свидѣтели, затѣмъ попъ Сушила, дьячокъ Игнатій да понамарь Ипатій.

— Кажись бы, этимъ можно было и покончить, — тихонько промолвилъ Василій Борисычъ. — Записано — стало-быть, крѣпко...

— Нѣтъ, братъ, шалишь!..—прошепталъ ему Самоквасовъ.— Пилъ до усовъ, пей до ушей... Не любовницу берешь, жену вѣнчанную...

— Охъ, искушеніе! — промолвилъ Василій Борисычъ и сидѣлъ ровно къ смерти приговоренный, а Прасковья Патаповна весело ему улыбалась.

Но ему было не до веселыхъ взоровъ невѣсты. «Вздеретъ онъ меня, тестюшка-то!.. Безпремѣнно вздеретъ!..»—думалъ онъ самъ про себя.

— Что-жъ? Не пора-ль и во храмъ Божій? — сказалъ наконецъ отецъ Родіонъ.

— Пойдемте, батюшка,—отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

Впередъ пошелъ Сушила, за нимъ Семенъ Петровичъ тащилъ жениха, потомъ Самоквасовъ невѣсту велъ. Сзади шла матушка попадья Афимья Савишна съ большой дочерью да съ молодицей, державшей повойникъ въ рукѣ, сзади всѣхъ

вереница поповыхъ, дьячковыхъ, понамаревыхъ дѣтей и лихіе ямщики язвицкіе. Когда вошли въ церковь, Груздокъ закладывалъ гвозди въ болты оконъ, продѣтые сквозь косяки, а дьячокъ Игнатій съ понамаремъ Ипатьемъ свѣчи зажигали. Когда всѣ вошли, Груздокъ, разодѣтый по-праздничному, въ старомъ мундирѣ съ тремя медалями, заперъ изнутри церковную дверь и заложилъ ее желѣзной полосой.

Началось вѣнчанье. Все было исполнено по условію: ходили пòсолонь и притомъ только «святіи мученицы» пѣли, женихъ съ невѣстой пили изъ стекляннаго стакана, Василій Борисычъ звонко разбилъ его ò полъ и растопталъ, послѣ вѣнчанья молодица въ притворѣ расплела Прасковьѣ Патаповнѣ косу, расчесала ее смоченнымъ въ медовой сытѣ гребнемъ и, убравъ по-бабьему, шелковый повойникъ надѣла на молодую. Про повойникъ Самоквасовъ съ Сушилой забыли, попадья мужа надоумила и сшила его изъ какого-то остаточка шелковой матеріи, чуть ли не Патапа Максимыча подаренья. И за то отъ Самоквасова не осталась безъ должной благодарности.

Чай у попа пили. это ужъ онъ отъ себя, сверхъ уговора пожертвовалъ. Петръ Степанычъ вытащилъ изъ телѣжки двѣ либо три бутылки шампанскаго, пить за здоровье новобрачныхъ. При этомъ сначала расплетавшая косу молодица, потомъ матушка попадья, а за ними и самъ отецъ Родіонъ съ причтомъ «горько!..» покрикивали, заставляя Василья Борисыча съ молодой женой цѣловаться. Груздку дали шампанскаго, но онъ выплюнулъ и попросилъ «расейскаго». Дали ему расейскаго, дали и язвицкимъ молодцамъ по стакану, но, какъ ни просили они больше, Петръ Степанычъ имъ наотрѣзъ отказалъ, потому что еще дò городу надо было ѣхать. Попадья съ большой дочерью блюдо студени съ хрѣномъ на столъ поставили, поросенка жаренаго, сладкій пирогъ съ малиной. Все это, какъ говорили онѣ, отъ своего усердія. Петръ Степанычъ отдалъ попу оторванныя половинки, роздалъ всѣмъ щедрые подарки и, при громкихъ кликахъ подгулявшаго Груздка: «счастливаго пути...», поѣздъ на отдохнувшихъ лошадяхъ, съ лихими пѣснями ямщиковъ, помчался во весь опоръ въ городъ.

Было уже зà полночь, когда молодые подъѣхали къ освѣщенному дому Феклиста Митрича. Передъ домомъ стояла небольшая толпа разнаго люда. Увидавъ необычное освѣщеніе дома и зная, что у Феклиста Дмитрича нѣтъ ни именинъ, ни крестинъ, ни сговора, тòтчасъ смекнули, что богатая «самокрутка» гдѣ-то сыгралась. И долго стояли они у воротъ,

хоть глазкомъ бы взглянуть на молодую княгиню, какова изъ себя, и на князя молодого, кто онъ таковъ.

Какими-то судьбами Феклистъ Митричъ провѣдалъ, что̀ за человѣкъ домъ у него нанималъ. То̀ главное провѣдалъ онъ, что ему чуть не милліонъ наслѣдства досталось, и что этакій-то богачъ у нихъ въ захолустьѣ уходомъ невѣсту беретъ. «Что̀ за притча такая,—думалъ Феклистъ.—Такому человѣку да воровски жениться! Какой отецъ дочери своей за него не отдастъ? Я бы съ радостью любую тотчасъ!» Какъ человѣкъ ловкій, бывалый, догадливый, смекнулъ онъ: «изъ скитовъ, стало-быть, жену себѣ выхватилъ».

И крайне удивился, узнавъ, что казанскій богачъ при той свадьбѣ только за дружку былъ.

Все было сдѣлано Феклистомъ Митричемъ, чтобъ достойно принять гостей. Зная бѣдность городка, Самоквасовъ и не думалъ, чтобы такъ хорошо устроилъ онъ молодыхъ на первыхъ порахъ... Какой ужинъ подалъ Феклистъ Митричъ! Иностранныхъ винъ ярославской выдѣлки наставилъ сколько на столъ! Петръ Степанычъ, чтобъ за свадебнымъ столомъ было полюднѣе, и Феклиста съ женой ужинать посадилъ. За столомъ сидѣли всѣ веселы, только Василій Борисычъ подчасъ хмурился, а когда въ отвѣтъ на громкіе крики о горькомъ винѣ принуждаемъ былъ цѣловаться, чуть касался губъ Прасковьи Патаповны и каждый разъ, тяжко вздыхая, шепталъ:

— Охъ, искушеніе!

А въ раскрытыя отъ духоты окна неслись громкія пѣсни язвицкихъ поѣзжанъ, угощавшихся въ огородѣ Феклиста Митрича. Величали они новобрачнаго:

Посидимъ-ка мы,
Покутимъ-ка мы,—
У Василья попьемъ,
У Борисыча кутнемъ!
Право, есть у кого,
Право, есть у чего!
А ты, чарочка-катокъ,
Лейся прямо во ротокъ
Въ одинъ тоненькій глотокъ,
Чарочка моя, да серебряная!..

А какъ встали изъ-за стола и справили уставные поклоны передъ иконами, Самоквасовъ то̀тчасъ схватилъ припасенную на всякій случай Феклистомъ гитару, ударилъ въ струны и запѣлъ удалую. Къ нему пристали саратовецъ и Феклистъ съ хозяйкой:

Какъ по погребу бочоночекъ катается,
А Василій-отъ князь надъ женой надругается:

„Ты, Прасковьюшка, разуй, ты, Патаповна, разуй!"
— Я и рада бы разуть, да не знаю, какъ тя звать.—
Поломалася княгиня, покобенилася,
Одну ножку разула—Васильюшкой назвала,
А другую-то разула—Борисычемъ.
Ай стелется, вьется
По лугамъ мурава,
Василій жену цѣлуетъ,
Борисычъ жену милуетъ:
Душа-ль моя Парашенька,
Сердце мое Патаповна,
Роди мнѣ сыночка,
Сыночка да дочку.
Роди сына во меня,
А доченьку во себя.
Учи сына грамотѣ,
Дочку прясть да ткать,
Да шелками вышивать
Шемаханскими!..
Ой, ты, княгиня, княгинюшка,
Молодая ты наша молодушка!..
Хороша тебѣ находка—
Куньи шубы,
Собольи пухи,
Съ поволоками глаза,
Со киваньемъ голова,
Золоты кокошники,
Серебряны серьги,
Дочери отецки,
Жены молодецки!

Бросивъ гитару саратовцу, сильной рукой ухватилъ Самоквасовъ Василья Борисыча и пошелъ съ нимъ плясать, заливаясь ухарскою пѣсней:

Ой, вы, вѣтры-вѣтерочки,
Вы не дуйте на лѣсочки,
На желтые на песочки,
На крутые бережочки!..

Хочешь не хочешь — пляши, Василій Борисычъ!.. Посмотрѣть бы теперь Рогожскому собору на учительнаго совопросника, поглядѣть бы столпамъ древляго благочестія на посланника по духовнымъ дѣламъ!

На другой день поутру Петръ Степанычъ съ нареченнымъ приказчикомъ позавтракалъ у молодыхъ и, распростившись, отправился во-свояси. Въ Комаровъ не заѣхали.

Проводя пріятелей, Василій Борисычъ духомъ упалъ, напала на него тоска со всего свѣта вольнаго, не глядѣлъ бы онъ ни на что. Ласки оживившейся Параши были несносны ему.

— Полно, — тихо говорилъ онъ, отстраняя подсѣвшую-было къ нему на колѣни жену. — Тутъ главная причина хорошенько надо обдумать, на что рѣшиться теперь. Въ Осиповку-то какъ покажемъ глаза? А тебѣ только бы цѣловаться... Мало, что ли, еще?

— О чемъ думать-то? — отвѣчала недовольная холодностью мужа Параша. — Наймемъ лошадей да и поѣдемъ. Тятенькѣ надо сегодня домой пріѣхать.

— Хорошо сказала, ровно размазала, — молвилъ Василій Борисычъ. — Ѣхать не хитро, пріѣхать мудрено. Встрѣча-то какова намъ будетъ? О томъ посудила бы!

— Извѣстно какая — бранить зачнутъ, началить. Нельзя-жъ безъ того, а потомъ и простятъ, — равнодушно говорила Прасковья Патаповна.

— До смерти заколотятъ! — отчаянно вскликнулъ Василій Борисычъ. — Вотъ положеніе-то!..

— Ну ужъ и до смерти!.. Чать, не чужіе, — возразила Параша.

— Много ты знаешь! — проворчалъ Василій Борисычъ. — Кулачище-то каковъ у родителя?.. А?.. Пробовала?..

— Нѣтъ, не пробовала.

— Ну, такъ попробуешь.

И въ душевномъ смятеньи сталъ ходить онъ по горницамъ, то на одномъ креслѣ посидитъ, то на другомъ, то къ окну подойдетъ и глядитъ на безлюдную улицу, то передъ печкой остановится и зачнетъ мѣдные душники разглядывать... А самъ то и дѣло всѣмъ тѣломъ вздрагиваетъ...

— Седни, что ли, поѣдемъ? — послѣ долгаго молчанья спросила Прасковья Патаповна.

— Успѣешь, матушка. Не на радость ѣдемъ, успѣешь отцовскими-то побоями налакомиться, — молвилъ съ досадой Василій Борисычъ и велѣлъ женѣ идти въ свою комнату, тѣмъ отзываясь, что надо ему съ Феклистомъ Митричемъ поговорить.

«Ахъ, Ты, Господи, Господи! — думалъ московскій посолъ, стоя у окна и глядя на безлюдную улицу пустыннаго городка. — Вотъ до чего довели!.. Имъ хорошо!.. Заварили кашу да и въ сторону... Хоть бы эту шальную Фленушку взять, либо Самоквасова съ Семеномъ Петровичемъ... Имъ бы только потѣшиться... А тутъ вотъ и вывертывайся, какъ знаешь... Съ хозяиномъ посовѣтуюсь, человѣкъ онъ, кажется, неглупый, опять же умъ хорошо, а два лучше того...»

И вдругъ видитъ: изъ-за угла выходятъ на улицу двѣ женщины, обѣ въ черныхъ сарафанахъ, обѣ крыты большими

черными платками въ роспускъ... «Батюшки свѣты! Мать Манеѳа съ Аркадіей».

Такъ и отбросило Василья Борисыча отъ окошка.

— Какъ же вы, сударь, Василій Борисычъ, насчетъ обѣда распорядиться желаете? — весело спросилъ его вошедшій въ ту минуту Феклистъ Митричъ. Радостнымъ довольствомъ сіялъ онъ послѣ щедрой расплаты Самоквасова.

— Мать Манеѳу комаровскую знаете? — быстро спросилъ его Василій Борисычъ.

— Какъ не знать матушку Манеѳу? Первая по всѣмъ скитамъ старица! Тетенька теперича вамъ никакъ будетъ, — отвѣтилъ Феклистъ Дмитричъ.

— Она? — показывая въ окно, растерянныиъ голосомъ спросилъ Василій Борисычъ.

— Она самая, а съ ней Аркадія, ихняя уставщица. Давеча съ утра въ городъ онѣ пріѣхали — изъ Шарпана, должно-быть, съ праздника, — говорилъ Феклистъ Митричъ.

— Не сюда ли? — тревожнымъ голосомъ промолвилъ Василій Борисычъ.

— Пойдетъ она къ намъ! — усмѣхнулся виноторговецъ. — На ея глаза хуже нашего брата на всемъ свѣтѣ нѣтъ никого... Виномъ-де торгуетъ; всякія-де у него сходбища!.. Да что-жъ вы такъ безпокоитесь?

— Нѣтъ, я такъ... ничего, — бодрясь, сколько могъ, отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Чудно́ только мнѣ, зачѣмъ это онѣ въ городъ-отъ заѣхали — тамъ вѣдь гдѣ-то прямой путь изъ Шарпана есть.

— Съ ранняго утра по судамъ хлопочутъ, — отвѣчалъ Феклистъ Митричъ. — Дома́ тетенька-то ваша покупаетъ — чуть не цѣлу улицу, туда на вскрай города, къ солянымъ анбарамъ, коли знаете. Купчія совершаетъ.

— А! Точно, слыхалъ и я отъ матушки Манеѳы, что хочетъ здѣсь дома покупать, — промолвилъ Василій Борисычъ.

— Да-съ. Вотъ хоша тетенька ваша и осуждаетъ насъ за нашу торговлю, а ихняя-то коммерція, видно, посходнѣй нашей будетъ, — съ усмѣшкой сказалъ Феклистъ Митричъ. — По чести вамъ доложить, четвертый годъ сбираюсь крышу на домѣ перекрыть, да не могу съ деньгами сколотиться, а онѣ цѣлыми улицами дома покупаютъ. Ой, куда много денегъ по скитамъ-то лежитъ, а у вашей у тетеньки больше всѣхъ!

— Не знаете ли, покончила она съ этими дѣлами?.. Сегодня поѣдетъ, аль еще здѣсь останется? — перебивая словоохотливаго хозяина, спросилъ нетерпѣливо Василій Борисычъ.

— Гдѣ сегодня уѣхать! Какъ возможно! — отвѣтилъ Феклистъ

Митричъ: — хоша у нея по судамъ все подмазано, а секретарь Алексѣй Сергѣичъ по ея желанью сдѣлаетъ все, чего она ни захочетъ, только въ одинъ день совершить купчую всетаки нельзя же... Завтра, не то и послѣзавтра здѣсь пробудутъ. Повидаться, что ли, желательно?.. Такъ она у Полуехта Семеныча пристаетъ — вонъ наискосокъ-отъ домикъ стоитъ...

— Нѣтъ, я не про то, Феклистъ Митричъ, — перервалъ его Василій Борисычъ. — А вотъ что̀: какъ бы это тарантасикъ да лошадокъ сготовить, въ Осиповку. На разсвѣтѣ бы выѣхать намъ, къ полуднямъ на мѣсто поспѣть бы...

— Можно, — сказалъ Феклистъ Митричъ. — Значитъ, тятенькѣ съ маменькой въ ножки.

— Такъ ужъ вы, пожалуйста, устройте.

— Будьте спокойны. Все будетъ какъ слѣдуетъ... А насчетъ обѣда какое же будетъ ваше разсужденіе?

Цѣлый день не то что изъ дому, къ окну близко не подходилъ Василій Борисычъ и женѣ не велѣлъ подходить... Очень боялся, чтобъ грѣхомъ не увидала ихъ Манеѳа... Оттого и въ Осиповку ѣхать заторопился... «Одинъ конецъ! — подумалъ онъ: — рано ли, поздно ли, надо же будетъ отвѣтъ держать... Была не была! Поѣдемъ!» И на другой день, на разсвѣтѣ, поѣхали.

Вечеромъ, въ то самое время, какъ Василій Борисычъ съ Парашей хоронились у Феклиста Митрича отъ Манеѳы, въ Осиповку пріѣхала Аксинья Захаровна съ Груней да съ кумомъ Иваномъ Григорьичемъ. Они ее провожали. Аксинья Захаровна утомилась отъ поѣздокъ и просила Груню съѣздить на другой день въ Комаровъ за Парашей. Вздумала Груня ѣхать за богоданной сестрицей въ маленькой телѣжкѣ Ивана Григорьича; оттого съ вечера Аксинья Захаровна и послала на телѣгѣ въ Манеѳину обитель старика Пантелея привезти оттоль пожитки Парашины.

Ужинать хотѣли садится, какъ самъ Патапъ Максимычъ подъѣхалъ. Очень удивился онъ, что засталъ жену дома, да еще съ дорогими гостями, а то-было онъ, исправивъ въ Осиповкѣ кой-какія дѣла, думалъ поутру ѣхать въ Комаровъ, а оттуда съ дочерью въ Вихорево за Аксиньей Захаровной.

— А я у молодыхъ гостилъ, — началъ Патапъ Максимычъ, садясь за столъ.

— У какихъ это, батюшка, молодыхъ? — съ любопытствомъ спросила Аксинья Захаровна.

— У Марьи Гавриловны, — усмѣхнувшись, промолвилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ? — въ одинъ голосъ вскричали всѣ, и Аксинья Захаровна и кумъ Иванъ Григорьичъ. Груня, пораженная изумленіемъ, выпрямилась и пытливо смотрѣла въ очи Патапу Максимычу.

— Замужъ нà этой недѣлѣ вышла, — опять усмѣхнулся Патапъ Максимычъ. — Свадьба-то только, кажись, не больно вышла веселая, на третій день послѣ вѣнчанья видѣлся я съ Марьей Гавриловной — глаза-то ужъ наплаканы...

— Ай, срамъ-отъ, срамъ-отъ какой!.. Изъ святой обители, да вдругъ замужъ!.. За кого-жъ это понесло ее сердечную?.. — жалобно говорила Аксинья Захаровна.

— За нашего... Всѣ его знаете, только врядъ ли догадаетесь, — продолжалъ усмѣхаться Патапъ Максимычъ.

— Да за кого, за кого? — приставали къ нему.

— За Алешку Лохматаго... ой, бишь, за купца первой гильдіи Алексѣя Трифоныча Лохматова... — сказалъ Патапъ Максимычъ.

Ушамъ никто не вѣрилъ. Не скоро словъ найти могли на отвѣтъ Патапу Максимычу.

— Какъ же это? — совсѣмъ растерявшись, спрашивала Аксинья Захаровна. — Какъ же это сталось у нихъ?

— Какъ водится, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Какъ гостили мы у Манеѳы, такъ слышали, что она чуть не тайкомъ изъ Комарова съ нимъ уѣхала; думалъ я тогда, что Алешка, какъ надо быть приказчику, за хозяйкой пріѣзжалъ... А вышло на иную стать — просто выкралъ онъ Марью Гавриловну у нашей чернохвостицы, самокрутку, значитъ, сработалъ... То-то возрадуется наша богомолица!.. Такихъ молитвъ начитаетъ имъ, что ни въ какомъ «часовникѣ», ни въ какомъ «псалтырѣ» не найдешь... Вотъ взбѣленится-то!.. Ха-ха-ха!

И по горницамъ Патапа Максимыча раздался веселый звонкій хохотъ хозяина.

— Ахъ, она безстыдная!.. Ахъ, она безумная!.. Глякось, какое дѣло сдѣлала!.. Убила вѣдь она матушку Манеѳу!.. Безъ ножа зарѣзала! При ея-то хиломъ здоровьицѣ, да вдругъ такое горе!.. — горько восклицала Аксинья Захаровна, и слезы показались въ глазахъ ея.

— Да, точно что горе, немалое горе! — насмѣшливо говорилъ Патапъ Максимычъ. — Думала вдовьими деньжонками попользоваться. Умретъ, молъ, у меня въ обители, всѣ капиталы ея достанутся!.. Не выгорѣло!.. Ха-ха-ха!..

— Полно-ка, батька, смѣяться-то! — попрекнула мужа Аксинья Захаровна. — До смѣху ли тутъ!.. Эка напасть-то какая, эка напасть!.. Ахъ, Марья Гавриловна, Марья Гавриловна!..

Можно-ль было чаять того?.. Накажетъ ее Господь, не пошлетъ счастья...

— Что̀ правда, то правда, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Счастья Богъ ей не пошлетъ... И теперь муженекъ-отъ чуть не половину имѣнья на себя переписалъ, остальнымъ распоряжается, не спросясь ея... Горька̀ была доля Марьи Гавриловны за первымъ мужемъ, отъ новаго, пожалуй, хуже достанется. Тотъ по крайности богатство ей далъ, а этотъ, году не пройдетъ, оберетъ ее до ниточки... И ништо!.. Вздоровъ не дѣлай!.. Сама виновата!.. Сама себя раба бьетъ, коль не чисто жнетъ. А изъ него вышелъ самый негодящій человѣкъ.

И подробно разсказалъ про свои похожденья у бывшаго токаря, а теперь первогильдейца Лохматова.

— Поди вотъ, влѣзь человѣку въ душу-то! — сказалъ онъ, кончивъ разсказъ. — Думалъ я, другого такого парня и на свѣтѣ-то нѣтъ: кроткій, тихій, богобоязный!.. Анъ вонъ каковъ оказался!.. Истинно говорятъ: надо съ человѣкомъ куль соли съѣсть, тогда развѣ узна̀ешь, каковъ онъ есть!.. Я-ль его не любилъ, я-ль не награждалъ его!.. И заплатилъ же онъ мнѣ!.. Заплатилъ!..

— Заплатилъ!.. — едва проговорила Аксинья Захаровна, вспомнивъ про Настину долю, и залилась неудержимыми, горькими слезами.

Подивились тѣмъ слезамъ и Груня и кумъ Иванъ Григорьичъ — не вѣдали они настоящей причины Настиной смерти. Знали про то отецъ съ матерью только.

Рано поутру, только-что солнышко встало, во весь опоръ прискакалъ старикъ Пантелей. Кибитка была пуста.

Войдя въ подклѣтъ, увидалъ Патапа Максимыча, разбиралъ онъ по сортамъ горянщину.

— Здравствуй, Пантелеюшка! Скоренько же, родной, воротился... А вотъ и я до домовъ пріѣхалъ, да въ добрый часъ и за работу.

Мялся Пантелей на мѣстѣ, не знаетъ, что̀ говорить, не знаетъ, и дѣлать что̀.

— Да что̀ съ тобой, Пантелеюшка? — спрашивалъ его Патапъ Максимычъ. — На тебѣ лица совсѣмъ нѣтъ... Али неможется?..

— Я-то здоровъ, батюшка Патапъ Максимычъ, — на каждомъ словѣ запинаясь и всѣмъ тѣломъ вздрагивая, началъ Пантелей. — Только у насъ-то не больно здорово, батюшка.

— Что̀ такое? — бросивъ посуду и обращаясь къ Пантелею, вскликнулъ Патапъ Максимычъ. Пламенемъ загорѣлись подъ нахмуренными бровями глаза его.

— Охъ, ужъ не знаю, какъ и доложить твоей милости...— слово за словомъ тянулъ оробѣвшій старикъ Пантелей.

— Не мямлить!.. — повелительно, зычнымъ голосомъ крикнулъ Патапъ Максимычъ, схвативъ за рукавъ Пантелея.

— Я тутъ, кормилецъ, ни въ чемъ не причиненъ... Только-что узналъ сейчасъ, — чуть слышно проговорилъ Пантелей.

— Не мямлить же! — пуще прежняго крикнулъ Патапъ Максимычъ и такъ дернулъ за рукавъ Пантелея, что тотъ едва на ногахъ устоялъ.

— Прасковья-то Патаповна... — началъ-было старикъ, но слова не сошли съ языка его.

— Говори... — благимъ матомъ закричалъ Патапъ Максимычъ. — Померла, что ли?.. — почти прошепталъ онъ, закрывая лицо руками.

— Украли, батюшка!.. Третьяго-дня изъ обители выкрали!..— проговорилъ Пантелей.

— Кто такой?.. Что за человѣкъ?.. Откудова?.. — самъ себя не помня, кричалъ Патапъ Максимычъ и, схвативъ лежавшій на лавкѣ вѣсовой коромыселъ, взмахнулъ имъ... — Всѣхъ перебью!.. Всѣхъ до единаго!.. Сказывай, кто такіе?..

— Невѣдомо какіе люди, батюшка, — говорилъ Пантелей.— Десятъ... человѣкъ... въ красныхъ рубахахъ... рожи-то, слышь, у всѣхъ позавѣшаны.

— Лошадей!.. Въ погоню!.. Я имъ задамъ!.. — внѣ себя отъ бѣшенства кричалъ Патапъ Максимычъ и съ коромысломъ въ рукѣ взбѣжалъ въ верхнія горницы.

По всему дому суматоха поднялась страшная. Аксинья Захаровна, какъ только услыхала страшную вѣсть, такъ и покатилась безъ чувствъ на̀ землю. Уложили ее и долго оттирали Груня съ работницей Матренушкой.

— Лошадей!.. Погоню!.. — перебѣгая изъ горницы въ горницу и взмахивая желѣзнымъ коромысломъ, неистово кричалъ Патапъ Максимычъ. — Лошадей сѣдлать!.. Всѣхъ работниковъ на̀ конь!.. Во всѣ деревни послать!.. Сбить весь народъ!..

Напрасно уговаривалъ его кумъ Иванъ Григорьичъ, напрасно увѣрялъ его, что теперь уже поздно, что никакія погони теперь не догонятъ, что лучше успокоиться и потомъ хорошенько обдумать, какъ и гдѣ искать слѣдовъ выкраденной Параши...

Долго воевалъ Патапъ Максимычъ, наконецъ, утомленный, убитый горемъ, пластомъ упалъ на кровать и зарыдалъ страшными рыданьями.

Больше часа прошло до тѣхъ поръ, какъ маленько онъ успокоился. Всталъ съ кровати и, шатаясь, какъ послѣ болѣзни,

добрелъ до окна, растворилъ его и жадно сталъ глотать свѣжій воздухъ. Кумъ Иванъ Григорьичъ рядомъ съ нимъ сѣлъ и молчалъ.

Тяжело вздыхалъ ослабѣвшій Патапъ Максимычъ, глядя распаленными глазами въ конецъ деревни... Вдругъ оживился, вскочилъ и до половины высунулся изъ окошка...

— Она! — вскрикнулъ онъ не своимъ голосомъ.

Иванъ Григорьичъ къ другому окну бросился — видитъ, шажкомъ въѣзжаетъ въ деревню тарантасъ, и въ немъ Параша сидитъ. Рядомъ съ ней кто-то, но такъ онъ съежился въ глубинѣ тарантаса, что лица совсѣмъ не было видно.

— Тащить ко мнѣ... Я имъ задамъ!.. — задыхающимся голосомъ на весь домъ закричалъ Патапъ Максимычъ. Глаза кровью налились; засучивъ рукава рубахи, схватилъ онъ коромыселъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, пошелъ навстрѣчу пріѣхавшимъ.

Проходя къ дверямъ, еще разъ взглянулъ въ окно... Глазамъ не вѣрится — Василій Борисычъ!..

— Э!.. шутъ гороховый! — вскрикнулъ Чапуринъ добрымъ, мягкимъ голосомъ. — Упредилъ, лѣшій ты этакій!..

И ясная улыбка разлилась по лицу его.

Бросилъ коромыселъ, но подошелъ къ шкапу и досталъ оттуда шелковую плетку, которой, бывало, училъ дочерей, какъ маленькія росли онѣ.

Робкими шагами вступили въ горницу новобрачные и, не говоря ни слова, повалились къ ногамъ Патапа Максимыча.

— Прости насъ, тятенька, Христа ради!.. Какъ Богъ, такъ и ты, — заголосила наконецъ Параша, обнимая у отца ноги.

Василій Борисычъ только всхлипывалъ. Онъ уже не помнилъ себя и только шепталъ стихъ на умягченіе злыхъ сердецъ: «Помяни, Господи, царя Давыда и всю кротость его!».

— Прочь! — оттолкнувъ ногой Парашу, громко закричалъ Патапъ Максимычъ. — Прочь!.. Убирайтесь!.. Съ глазъ моихъ долой!.. Знать васъ не хочу!.. Духу чтобъ вашего не было!..

Грозны и громки были крики его, но злобой не звучали. Обрядъ справлялъ Патапъ Максимычъ.

— Тятенька!.. Прости Христа ради! — со слезами молила Параша.

— Я тѣ дамъ Христа ради!.. — кричалъ Патапъ Максимычъ. — Уходомъ вздумали!.. Самокруткой!.. Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!.. — и усердно началъ плеткой хлестать то дочь, то зятя любезнаго.

Аксинья Захаровна прибрела, Груня за ней. Какъ увидѣла

Аксинья Захаровна Парашу съ Васильемъ Борисычемъ, такъ и всплеснула руками.

— Головоньку съ плечъ снесли! Безъ ножа вы, злодѣи, меня зарѣзали!.. Погубители вы мои!.. Срамъ такой на домъ честной навели!.. На то-ль я растила тебя, поскудная, на то-ль я кормила-поила тебя!.. Взрастила я, бѣдная, змѣю подколодную, вспоила-вскормила свою погубительницу!

— Мамынька! Прости меня, окаянную, благослови свое дѣтище!.. — голосила Прасковья Патаповна у ногъ матери, но и та ее отталкивала, а Патапъ Максимычъ попрежнему плеткой работалъ.

— Я те прощу!.. Я те благословлю! — кричалъ онъ... Наконецъ усталъ кричать, усталъ и плеткой хлестать.

— Простить, что ли, ужъ ихъ, старуха? — съ ясной улыбкой обратился онъ къ Аксиньѣ Захаровнѣ.

— Какъ знаешь, кормилецъ, — жалобно промолвила Аксинья Захаровна. — Ты въ дому голова — какъ ты, такъ и я...

— Ну, такъ и быть... Прощать такъ прощать, миловать такъ миловать!.. Вставайте!.. Богъ васъ проститъ, — стегнувъ въ послѣдній разъ зятя съ дочерью, сказалъ Патапъ Максимычъ и бросилъ въ сторону плетку.

Груня подбѣжала къ божницѣ, взяла двѣ иконы, одну подала Патапу Максимычу, другую Аксиньѣ Захаровнѣ.

Чинъ-чиномъ благословили новобрачныхъ родители, потомъ расцѣловались съ ними. Перецѣловались молодые и съ Груней и съ кумомъ Иваномъ Григорьичемъ. Скоро набралось людей полна горница. Радостно всѣ поздравляли молодыхъ съ законнымъ бракомъ, хозяевъ поздравляли съ зятемъ любезнымъ.

— Подводу!.. — во все горло крикнулъ Патапъ Максимычъ. — На̀ спѣхъ гони, Пантелей, за Никитичной!.. Свадебный столъ!.. По дорогѣ припасовъ на кормы мужикамъ закупи.

И пошло пированье въ дому у Патапа Максимыча, и пошли у него столы почетные. Соѣзжалося на свадьбу гостей множество. Пировали тѣ гости недѣлю цѣлую, мало показалось Патапу Максимычу, другой прихватилъ половину. И сколь ни бывало пировъ и столовъ по заволжскимъ лѣсамъ, про такіе, что̀ были на свадьбѣ Василья Борисыча, слыхомъ никто не слыхалъ, никто даже во снахъ не видалъ. Во всю ширь разгулялся старый тысячникъ и на старости лѣтъ согрѣшилъ — плясать пошелъ на радостяхъ.

Оглавленіе

III ТОМА.

